

Археология Подмосквья

Выпуск 2

Материалы научного семинара

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья

Материалы научного семинара

Выпуск 2

Москва
2005

УДК 902/903
ББК 63.4
А 87

Утверждено к печати
на заседании Ученого совета Института археологии
Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль,
И. Н. Кузина, Т. В. Скоробогатова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д. и. н. А. В. Чернецов,
д. и. н. Л. А. Беляев

А 87 **Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.**
Вып. 2.— М.: Институт археологии РАН, 2005.— 348 с., ил.

ISBN 5-94375-040-1

Второй выпуск сборника «Археология Подмосковья» продолжает публикацию материалов ежегодного научного семинара, проводимого Институтом археологии РАН. В этот выпуск вошли статьи, посвященные результатам раскопок последних лет на территории Троице-Сергиевой лавры, в Коломне, Дмитрове, в Красногорском, Раменском, Одинцовском районах, на городищах Успенском, Ростиславле Рязанском и других местах Московской области. В публикуемых работах рассматриваются некоторые вопросы экономики региона, особенности материальной культуры его жителей в различные исторические эпохи. Ряд статей посвящен проблемам заселения территории Подмосковья, связанным с этнической историей населения древней Руси. Предлагаются новые подходы и методы решения поставленных задач. Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 5-94375-040-1

© Институт археологии РАН, 2005
© Коллектив авторов, 2005

Содержание

От редакции	4
<i>Трусов А. В.</i> Стоянка эпохи мезолита Мякинино	5
<i>Сидоров В. В.</i> Корыстовское городище	10
<i>Сыроватко А. С.</i> Сетчатая керамика селищ Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст	26
<i>Розанова Л. С., Терехова Н. Н.</i> Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино-1)	31
<i>Осипов Д. О.</i> Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны	45
<i>Черкасов В. В.</i> Керамика Коломны второй половины XIII — первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху)	54
<i>Самошин С. И., Мазуров А. Б., Сыроватко А. С.</i> Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне	75
<i>Энговатова А. В., Зеленцова О. В.</i> Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры	78
<i>Аверьянов К. А.</i> О времени основания Троице-Сергиева монастыря	88
<i>Вишневский В. И., Цепкин Е. А.</i> Рыбная ловля и рыбный стол в Троице-Сергиевом монастыре (по материалам археологических работ 2000 года).	97
<i>Щербаков В. В.</i> Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой лавре	107
<i>Алексеев А. В.</i> Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода. Материалы к археологической карте	111
<i>Янишевский Б. Е.</i> Сурожский и Горетов станы Московского уезда в XII–XVI веках	119
<i>Лазукин А. В.</i> Новые находки на Успенском городище	130
<i>Смирнов А. Н.</i> Вязёмы и Вязёмский ям	137
<i>Коваль В. Ю., Хижняков О. И.</i> Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке)	153
<i>Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В.</i> Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово I в Истринском районе Московской области.	184
<i>Столярова Е. К., Энговатова А. В.</i> Об одном редком типе стеклянных находок из культурного слоя Дмитрова	211
<i>Шполянская Д. В.</i> Древнерусские курганы на р. Рогожке в Южном Подмосковье (опыт архивного исследования)	221
<i>Полюях А. А.</i> Гончарный горн у с. Бахтеево в Раменском районе Московской области	246
<i>Волков Ив. В.</i> Средневековые монеты из Ростиславля Рязанского	255
<i>Двуреченский О. В.</i> Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII века	264
<i>Юшко А. А.</i> Проблемные вопросы археологии Московской земли	296
<i>Гольева А. А.</i> Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях	300
<i>Марченко Н. А., Низовцев В. А.</i> Ландшафтно-археологические геоинформационные системы	309
<i>Глазунова О. Н.</i> Цикл местнотимых пятничных праздников в округе Шерны	334
Сведения об авторах	345
Принятые сокращения	346

От редакции

Второй выпуск сборника «Археология Подмосковья» продолжает публикацию докладов ежегодного научного семинара, проводимого Институтом археологии РАН. Первый выпуск, включивший в себя работы последних лет «Московского семинара» и его преемника — семинара «Археология Подмосковья», увидел свет в 2004 году. Новый том содержит материалы второго и третьего заседаний семинара, проводившихся в апреле и декабре 2004 года. В него вошли статьи, посвященные результатам раскопок последних лет, проводившихся Подмосковной экспедицией Института археологии РАН, Государственным историческим музеем, Археологическим центром города Коломны, Музеем истории Москвы и рядом подмосковных музеев на территории Троице-Сергиевой лавры, в Коломне, Дмитрове, в Красногорском, Истринском, Одинцовском, Раменском, Каширском и других районах Московской области.

В публикуемых работах рассматриваются особенности материальной культуры этих микрорегионов в различные исторические эпохи. Вводятся в научный оборот результаты исследований вновь открытых и ранее известных памятников археологии. Некоторым памятникам посвящены серии статей, рассматривающих целый комплекс смежных вопросов исторической топографии и археологического вещеведения (исследования в Троице-Сергиевой лавре, на Мякининском селище в окрестностях Москвы, в округе Звенигорода). Ряд статей посвящен проблемам заселения территории Подмосковья, связанным с этнической историей Древней Руси. Большой интерес представляют работы, направленные на систематизацию недостаточно изученных категорий археологического материала (кожаная обувь, керамика, боеприпас огнестрельного оружия). Предлагаются новые подходы к исследованию археологического материала на базе использования естественно-научных методов и применения геоинформационных систем (ГИС-технологий).

Полученные в результате исследований данные позволяют существенно расширить круг знаний об истории и культуре центра Европейской части России.

*Энговатова А. В.
Коваль В. Ю.
Кузина И. Н.
Скоробогатова Т. В.*

Стоянка эпохи мезолита Мякинино

Во время раскопок древнерусского селища Мякинино I Подмосковной экспедицией ИА РАН (начальник А. В. Энговатова) в верхней части подстилающих древнерусский культурный слой флювиогляциальных отложениях на площади раскопа III были обнаружены следы небольшой кратковременной мезолитической стоянки.

Памятник располагается на краю берегового уступа правого берега р. Москвы на высоте 15 м над уровнем воды в реке, приблизительно в 500 м западнее магазина «Твой Дом», относящегося к торговому комплексу «Крокус-Сити».

Особенность данного участка берега, подтолкнувшая древнего человека в выборе места для устройства мастерской, заключалась в том, что именно отсюда (вниз по течению реки) начинается достаточно резкое понижение берегового уступа и открывается наибольший обзор окружающей местности (рис. 1). В качестве другого немаловажного фактора можно указать на наличие здесь расположенных близко к поверхности выходов песчано-гравийных (флювиогляциальных) отложений — источника каменного сырья, подвергавшегося расщеплению на мякинискую стоянку.

Одной из первых находок был найденный в юго-западной части раскопа III в кв. 107, в заполнении крупной поздней ямы, конический нуклеус от микропластин (рис. 3, 2). Кроме того, в кв. 122 при зачистке материка встречен кремневый отщеп. Еще один отщеп с ретушью происходит из подъемных сборов.

Указанные находки послужили основанием для продолжения археологических исследований на памятнике.

В районе обнаружения первых находок, в юго-западной части раскопа III, дополнительно исследованию был подвергнут участок, наименее поврежденный различными перекопами, площадью около 48 кв. м (рис. 2).

Культурный слой, содержащий находки мезолитического времени, какой-либо специфической окраски не имеет. Находки, относящиеся к эпохе мезолита, залегали в самой верхней части толщи флювиогляциальных коричневатых су-

песей, послуживших поверхностью обитания людей каменного века. Глубина залегания находок — до 5–10 см от поверхности супесей. Какая-то часть верхнего слоя этих супесей, содержащего находки эпохи камня, могла быть уничтожена в результате жизнедеятельности средневекового поселения.

Находки представлены только изделиями из кремня. Костей, охры, углей и других материалов не встречено.

Находки кремневых изделий на изученной площади распределены неравномерно. Из 59 кремневых изделий, найденных на памятнике, 46 происходят из двух скоплений.

Одно скопление размерами 28×22 см (скопление № 1) располагалось в северо-восточной части кв. 117 (рис. 2). Мощность линзы скопления — 3–5 см. Здесь было найдено 26 кремневых изделий (не считая 11 мелких осколков и чешуек): нуклеус от отщепов, два осколка, микропластинка и 22 отщепов. Большая часть находок этого скопления (20 отщепов и 2 осколка) происходят от одного, вероятно, моренного валуна — кремня светло-серого цвета, более низкого качества, глухого и трещиноватого.

Второе достаточно компактное скопление (скопление № 2) располагалось в западной части кв. 86. Скопление имело вытянутую форму, его размеры приблизительно 40×10 см (рис. 2). Мощность линзы скопления 4–6 см. Вмещающий находки грунт не отличался от окружающей породы какой-либо особенностью окраски. Вытянутая форма скопления и ориентация его вниз по склону могли быть вызваны некоторой концентрацией находок, образовавшейся, возможно, в неглубокой промоине. Всего из этого скопления происходит 19 кремневых изделий, не считая 23 чешуек. Изделия представлены 17 отщепами, одним грубым микропластинчатым сколом и одним осколком. По особенностям кремневого сырья одиннадцать из этих предметов (9 отщепов, осколок и грубая микропластинка) происходят от одного желвака коричневатосерого кремня хорошего качества.

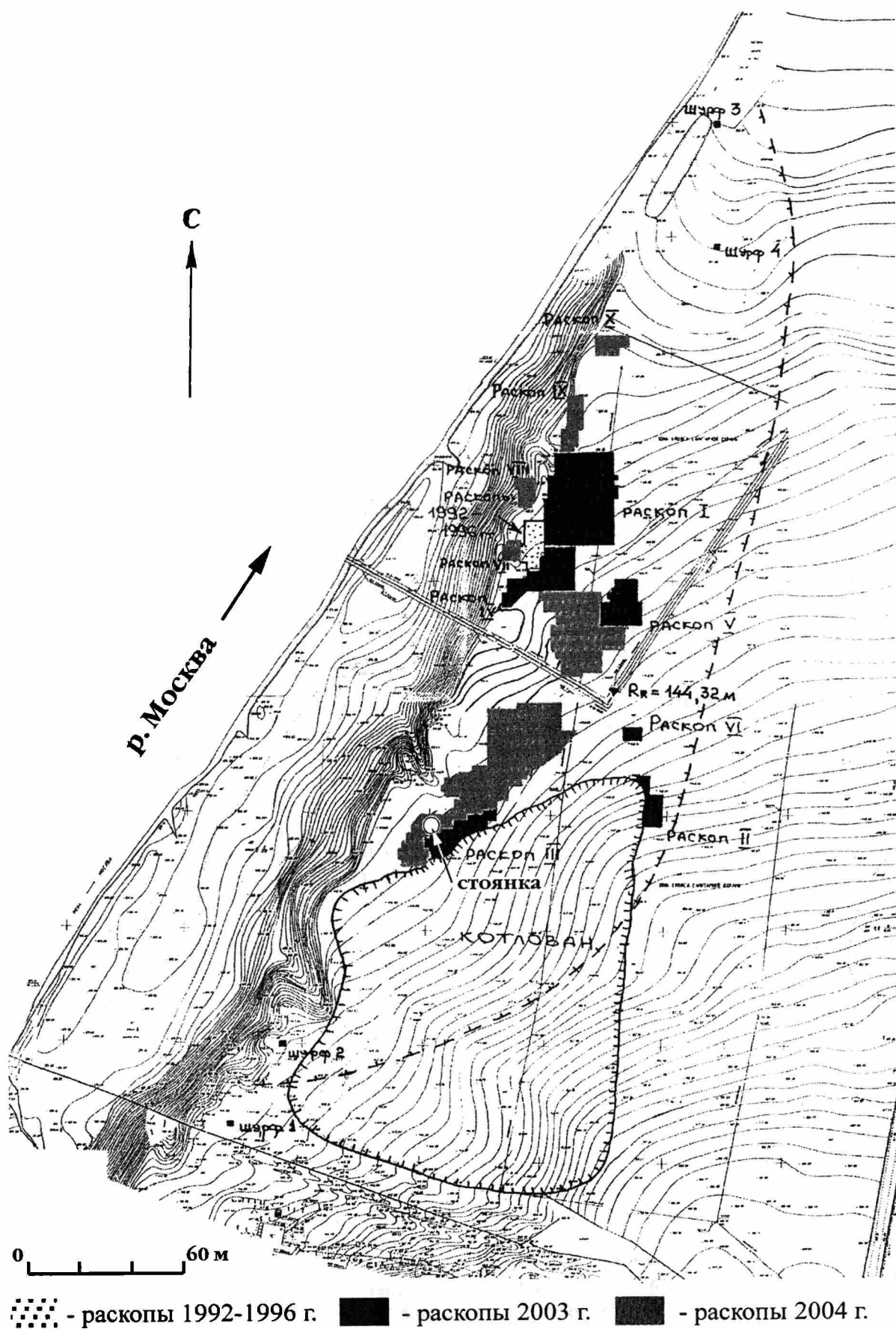

Рис. 1. Мезолитическая стоянка Мякинино. Ситуационный план

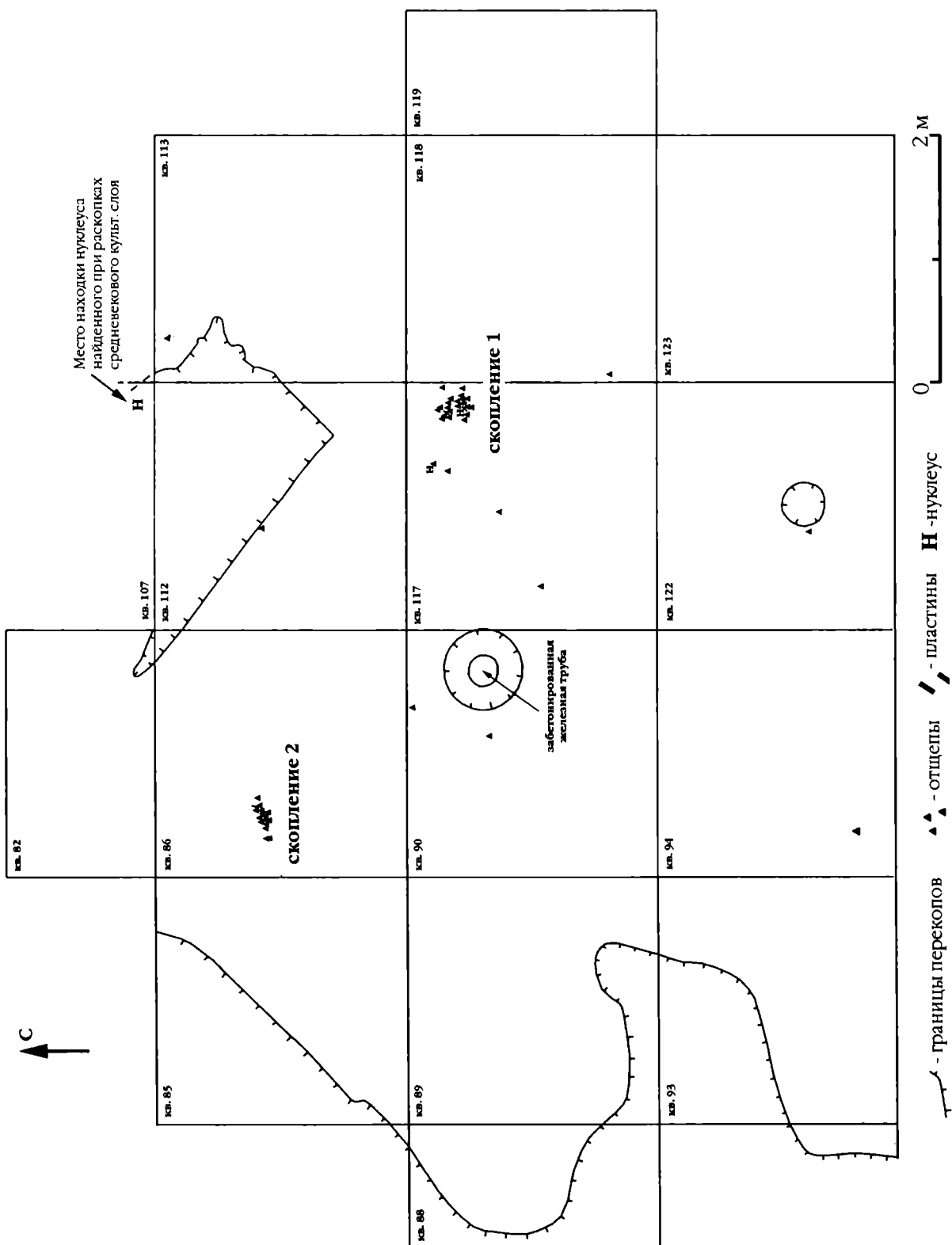

Рис. 2. Расположение кремневых изделий изделей стоянки Мякинино (селище Мякинино I, раскоп III)

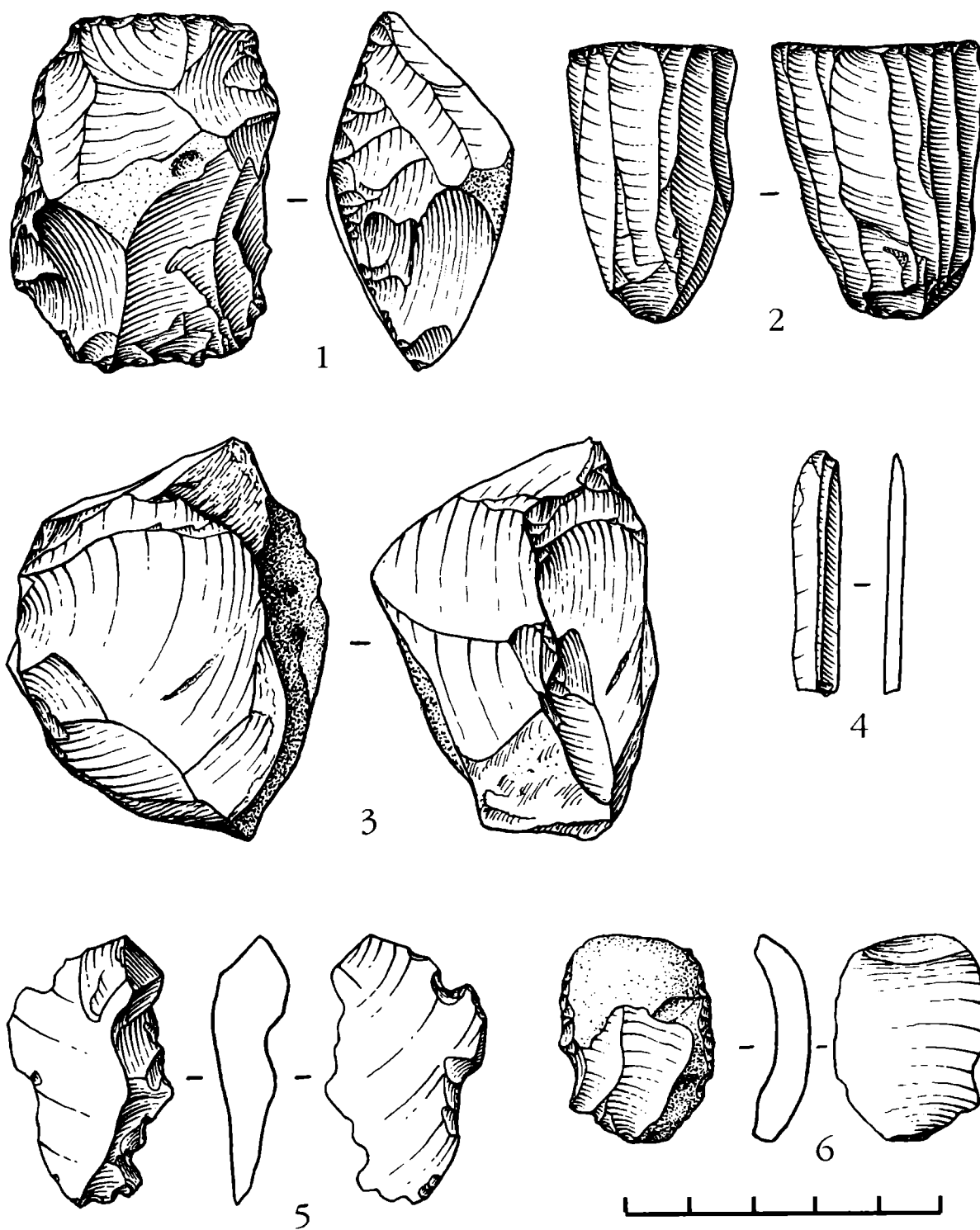

Рис. 3. Мезолитическая стоянка Мякинино

1, 2 — нуклеусы; 3 — заготовка нуклеуса; 4 — микропластинка; 5, 6 — отщепы с ретушью

Всего на памятнике найдено 59 кремневых изделий, из них: 2 нуклеуса, 1 заготовка нуклеуса, 1 скол с площадки нуклеуса, 2 микропластинки, 2 отщепа с ретушью, 1 резцовый отщепок (?), 50 отщепов и осколков.

Кремень, как уже отмечалось, достаточно пестрый, различного качества и расцветки (использовался как желвачный, так и моренный валунный и обломочный).

Нуклеусы представлены двумя различными вариантами. Один нуклеус, найденный при разборке средневекового культурного слоя, — одноплощадочный конический, от небольших пластинок и микропластин (рис. 3, 2).

Второй нуклеус, найденный в непосредственной близости от скопления 1, — одноплощадочный, от радиального скалывания мелких отщепов (рис. 3, 1).

Есть также кремневый желвак с попыткой оформления крупными сколами двугранного ребра, представляющий собой, по всей видимости, заготовку нуклеуса (рис. 3, 3).

Изделий с вторичной обработкой или следов использования можно отметить только два. Это отщеп с ретушью и выемками по краям (рис. 3, 5) и отщеп с ретушированными краями и сколом со стороны брюшка на ныряющем окончании (рис. 3, 6).

Говорить о культурной принадлежности и типе памятника из-за малочисленности собранного материала не представляется возможным.

Однако, наличие микропластинки, полученной отжимным способом, и конического нуклеуса для получения подобных пластинок указывают, скорее, на технологические особенности расщепления кремня, более характерные для бутовской или аналогичной в плане технологии обработки камня культуры, нежели для иеневской и подобной ей, где в большей мере использовались достаточно крупные и грубые пластины и отщепы.

Характер собранного материала и особенности распределения находок позволяют говорить о вероятном кратковременном характере данного памятника, не исключая его возможной спе-

циализации на добыче и первичной обработке кремневого сырья.

Из-за маловыразительности коллекции можно говорить о низкой научной ценности подобных памятников, однако это, на наш взгляд, может обуславливаться современным состоянием науки. С увеличением же подобного рода стоянок мы вправе ожидать и перехода количества в качество.

Другой немаловажный момент, на котором бы хотелось остановиться, это некоторое пренебрежение к находкам эпохи камня коллег-археологов, занимающихся более поздними периодами, что приводит как к игнорированию подобного рода находок, так и к порче, и даже разрушению, культурного слоя, залегающего глубже исследуемого памятника (с подобными фактами приходилось сталкиваться лично).

Одним из губительных для первобытных памятников методических приемов, используемых при исследовании средневековых слоев, является контрольная прокопка материка на штык (на глубину 20–25 см) (Авдусин, 1980. С. 211) без достаточного археологического изучения подстилающих отложений.

Залегающие непосредственно под более поздними слоями неокрашенные (слабогумусированные) и слабо насыщенные находками культурные отложения эпохи палеолита и мезолита, имея зачастую небольшую мощность, могут быть приняты за материк и будут в таком случае полностью уничтожены.

В качестве положительного примера хочется привести работы, проводимые Подмосковной археологической экспедицией, возглавляемой А. В. Энговатовой. Так, раскопки Настасьинского городища и прилегающих средневековых памятников привели к открытию и последующему изучению мезолитических стоянок Настасьино 2 и 4 (Трусов, Энговатова, Панченко, 2004. С. 90–97). Исследования городища Ростиславль, которые ведутся В. Ю. Ковалем, позволили выявить под культурным слоем городища отложения как верхнего и финального палеолита, так и позднего мезолита (Трусов, 2004. С. 42–52).

Литература

Авдусин Д. А., 1980. Полевая археология СССР. М.

Трусов А. В., 2004. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. М.

Трусов А. В., Энговатова А. В., Панченко К. И., 2004. Настасьино 2 и 4 — стоянки иеневской культуры на реке Северке // Археология Подмосковья. М.

Корыстовское городище

Каширская группа городищ на правобережье Оки традиционно включается в дьяковскую культуру, начиная с работ В. А. Городцова. Но уже раскопки 1997 г. на Старшем Каширском городище показали ее своеобразие, а исследования Мутёнковского городища заставили выделить их в особую группу, в культурном отношении близкую к памятникам Верхней Оки. Оба исследованных городища возникли на рубеже железного и бронзового века и просуществовали не далее начала II в. до н. э. Совершенно не исследованным оставалось близлежащее Корыстовское городище, но грабительские раскопки, развернувшиеся в Подмоскovie, вынудили взяться и за этот памятник.

Городище расположено на левом берегу речки Мутёнки (правого притока Оки) в 7 км к западу от г. Каширы, на территории села Корыстово. Оно занимает мыс со скальным основанием (известняк обнажен на дороге, огибающей городище по рву). Сейчас оно вдаётся в Корыстовский пруд, построенный в 1970-е годы. Выше по течению р. Мутёнки имеется множество родников. Пруд ограничивает мыс с востока, а с запада его склон очерчен оврагом. Из долины Оки городище не видно, и эта укромность расположения — характерная черта всех городищ Каширской группы.

Площадка овальная, 50×70 м. Хорошо замечен вал по южному краю. Стрелка мыса слегка подмыта прудом, но до площадки размыв не доходит. Высота северного края площадки над прудом — около 6 м, южного — 13 м. Ров городища использовался как дорога, видимо, еще со средневековья. Сейчас сохранился только его юго-восточный участок. Вал расплывшийся, в средневековье его не обновляли.

40 лет назад здесь располагались огороды. В центре городища — яма площадью 70 кв. м: здесь добывали «чернозем» или вели любительские раскопки еще в 1980-е годы. В последние годы на памятнике усиленно роются грабители с металлодетекторами: в 2001–2003 гг. появились сотни ям. Осенью 2004 г. грабительские раскоп-

ки уже производились с применением бульдозера. В подъемном материале на срезе площадью около 600 кв. м и в отвалах грабительских ям обнаружена белоглиняная керамика XVI–XVII вв. Именно железо из этого слоя привлекало грабителей (часть его они тут же и бросали). Единично встречается в отвалах лощеная мощинская и грубая лепная керамика. Задача раскопок 2004 г. — получить представление о характере памятника. По материалам раскопок оно оказалось существенно иным, чем по материалам из грабительских ям.

Раскоп размерами 2×10 м был заложен по восточному борту грабительской ямы. От края рва южный конец раскопа удален на 21 м, от восточного края площадки — на 12 м. На протяжении 4 м зачищен и западный борт грабительской ямы. Падение дневной поверхности на участке раскопа составляет 110 см.

Стратиграфия следующая (сверху вниз):

1. Дерн супесчаный, темно-гумусированный.
2. Темно-гумусированная супесь с кусками пещины, камнями, известью — нарушенный огородом слой усадьбы конца XVI–XVII в. Слой рыхлый, очень быстро сохнет. В его основании — неповрежденные остатки постройки с деревянной, компактно залегающей пещиной, небольшой линзой извести. Только этот слой содержал позднюю гончарную керамику XVII в. Примесь поздних фаунистических остатков в слое минимальна.
3. Черная супесь с кусками известняка (максимальная их концентрация на 10–15 см ниже кровли слоя), которые образуют скопления. В слое много керамики XII–XIII вв. и лепной. Из этого слоя опущены столбовые ямы.
4. Черная супесь с многочисленными костями, нередко залегающими плотными скоплениями. Камней тоже много, но сплошных завалов они не образуют. Это основной слой железного века. Граница с вышележащим слоем нечеткая.
5. Светлопалевый суглинок, местами переходящий в светлосерый с редкими угольками. Керамика в слое окатана, кости удовлетворительной сохранности, но хуже, чем в черном слое.

Этот слой имел делювиальное происхождение. В заполнении врезанных в суглинок жилищ лежит тонкий угольно-золистый слой, местами под ним материк слабо прокален.

6. Материк — светло-желтый суглинок.

Горизонт 1 — подчистка поддверья, представляющего собой пахотный слой с многочисленными кусками печины, белоглиняной керамикой. Профили показывают, что слой нарушен на глубину 25 см. Уже на этом уровне проявилась большая разница между насыщенными печиной верхним по склону концом раскопа (кв. 1, 2) и остальной его площадью. Находок немного, кости практически нет. В основном это белоглиняная керамика XVII в. С ней же изредка встречается черная лощеная посуда. Лепная — только мелкими фрагментами. Уже при подчистке дерна встречен наконечник стрелы с ромбическим пером с уступом XII в.

Развал печи в кв. 1 — плотная куча прокаленной глины с кусками кирпича, мелкими фрагментами рельефных муравленых изразцов и их румп. В раскоп вошел угол постройки — одно бревно лежало в меридиональном направлении ниже слоя печины и частично в нем, перпендикулярно ему сохранилось второе бревно, лежавшее точно на границе горизонтальной площадки с остатками печи. Севернее его, уже на 15 см ниже, лежало пятно гашеной извести, не относившееся к этому дому.

Датирующими можно считать мелкие осколки оконного стекла. Довольно много железа: язычок подпружной пружины, ведерная дужка. Кроме того — наличие изразцов и оконного стекла — свидетельство достаточно высокого социального ранга владельцев дома. Внимание к нему со стороны грабителей показывает, что тут было не крестьянское хозяйство. Да и расположение на городище типично именно для усадеб феодалов. С постройкой, возможно, были связаны находки бронзовой пружины с желобком на кольце для язычка и тонкая треугольная накладка, вырезанная из листа бронзы, датировка которых не вполне ясна.

Постройка стояла на выровненной площадке, отделенной уступом от склона под ней. Здесь слой сильно мешан — обильна керамика XII в. (датирующий предмет — витой стеклянный браслет с золотистой нитью). Значительно больше лепной керамики, но тут же встречены куски оконного стекла, керамика XVII в. (белая и чернолощеная). Таким образом, в раскоп вошел северо-восточный угол постройки с остатками изразцовой печи. Севернее, ниже по склону, шел слой двора усадьбы, со строительным мусором (известь) непосредственно у стены. На огород-

ный слой XVII в. попал ранний, переотложенный при строительстве дома XVII в. материал.

С горизонта 5 начинается сплошной каменный развал по всему раскопу. Местами камни залегают плотно, но без какого-либо порядка. С этого же горизонта начинается преобладание грубой раннегончарной керамики, поздняя встречается единично. Много также лепной, в том числе с прекрасным двусторонним лощением. Материал железного века не образует здесь сколько-нибудь четких скоплений, но находки выразительные — половинка мощинского лощеного пряслица, грузик дякова типа — высокий, орнаментированный. По-видимому, насечки по его верхнему срезу — поздний элемент (он совершенно не характерен для Мутёнковского и Каширского городищ). Между камнями каменной россыпи преобладает керамика лепная грубая, встречается лощеная, и тут же ранняя гончарная. Она почти вся грубая, с обильной примесью дресвы. Россыпью по склону идут куски двух ошлакованных сосудов с линейно-волнистым орнаментом. Их залегание — удобный маркер поверхности, соответствующей верху этого горизонта. В нижней его части продолжают совместно встречаться русские и мощинские черепки и иные материалы (например, найденные на одной глубине на расстоянии 15 см друг от друга маленькое лощеное мощинское пряслице и массивное шиферное).

В горизонте 6 (россыпи камней) и непосредственно под камнями найдена основная часть лепной керамики. Обнаружен развал сильно деформированного (ошлакованного) сетчатого сосуда, имевшего форму высокого и довольно узкого горшка — при диаметре по венчику 17 см и максимальном — 21 см, высота его была 21 см. Венчик у сосуда резко отогнутый, с ребром на стыке шейки и плечика, по которому шел плотный ряд пальцевых отпечатков (без ногтя), приостренный край венчика тоже со следами пальцевых вдавлений. Дно с четкой закраиной. Фактура поверхности нитчатая, нитки имеют одинаковый наклон. Нить навита не очень плотно, некоторые отпечатки искривленные. Кроме этого сосуда еще только один фрагмент имел нитчатую фактуру. Остальная сетчатая керамика в этом раскопе (6 мелких фрагментов) — рябчатая.

Уже в горизонте 6 начинаются скопления костей (крупные кости не раздроблены, скопления лежат компактными кучами), основная часть которых происходила из горизонта 7. Выделялись два скопления костей лошади и свиньи, четкая очерченность которых предполагает их залегание в ямах, хотя контуры ям на черном фоне не читаются (но они наверняка неглубокие — круп-

ные кости лежат не более чем в два слоя, между ними — мелкие, но представлены только свиньи и не менее двух лошадей). Есть только кости конечностей, таза, лопатки и черепа, позвонки (ребра полностью отсутствуют). Еще одно скопление костей диаметром 1 м включало кости конечностей, черепа (зубами вверх), таза одной лошади и немного костей свиньи, среди которых не было черепков (хотя кругом их достаточно много, в том числе лощенных).

В этот же горизонт включена глиняная прослойка в кв. 1 мощностью 2–5 см. Непосредственно на ней — керамика XII в. В самой прослойке находок нет. Она перекрывает слой с лепной керамикой и золой.

Горизонт 8 представлял собой основание темно-гумусированного слоя с проступившими пятнами светло-серого суглинка. В нем мало камней, находки встречаются отдельными пятнами. На его фоне четко читаются столбовые ямы, в которых отсутствует керамика XVII в. (это позволяет их относить к домонгольскому времени). Среди находок — костяной кочедык, заготовка такого же, кости со следами надрубов, подвеска из клыка лисы или мелкой собаки со сверлиной в середине (такая же подвеска была и на Мутёнковском городище), кремневый скребок, сделанный из случайного скола (что характерно для финала эпохи бронзы), спина скребка сильно залощена по ребрам. Есть следы утилизации еще на двух сколах кремня, один из которых из нижнего слоя.

Вдоль восточной стенки раскопа прослежено резкое углубление подошвы делювиального слоя, а по дну углубления лежал тонкий (1,5 см) слой золы и угля, который представлял собой пол недолго существовавшего и сгоревшего жилища, врезанного в материк на 25 см. Находки — только керамика, в очень небольшом количестве: гладкостенная, штрихованная. Компактно залегали фрагменты сетчатого (нитчатого) сосуда с орнаментом крупными наколами плоской палочкой. В раскоп вошел сильно прокаленный очаг, представлявший собой глиняную линзу. На очаге лежал развал штрихованного горшка с гребенчатым орнаментом.

В северной половине раскопа прослеживалась часть еще одного жилища, которое не было столь глубоко врезано в склон (уступ в материке — не более 15 см). У подножия уступа — темная гумусная прямая полоса шириной 15 см, соответствующая бревну обшивки стенки котлована. Юго-восточный угол этого жилища отделен от края первого не более чем 30 см, пол его на 12 см выше, чем у первого. Видны розовые пятна прокаленного материкового суглинка — следы

пожара. Западная часть постройки уничтожена ямой, но в любом случае пол здесь был выше, чем в юго-восточном углу. Скорее всего, костяные изделия (3 заготовки стрел, обрубков отесанного рога, кочедык и его заготовка, амулеты из челюсти и зуба лисы), отнесенные к низу горизонта 8, связаны с полом этой постройки, который был задет мощинским слоем. В этой постройке были найдены два скопления костяных заготовок стрел. Три лежали вдоль стенки у ее подножия в гумусном пятне, тут же — обломок рогового грузика. Второе скопление было в плоскодонной овальной ямке — пять горизонтально лежавших заготовок, среди которых три были из массивной трубчатой кости. На двух видны только следы продольных надрубов, самая короткая была частично стругана — на участке одного из ребер. Все три получены из раскалывания одинаковых костей. Остальные четыре представляли собой тонкие трубчатые кости ноги одного животного, расколотые вдоль. Никакой дополнительной обработки на них нет, если не считать двух поперечных сколов. Эпифизы сохранились. На заготовках лежала основная часть рогового грузика. Заметим, что на Мутёнковском городище такие заготовки обычно были воткнуты вертикально (хотя есть случай скопления и горизонтально лежащих заготовок). Заготовки были обработаны отеской и строганием. Еще три заготовки, а также два отесанных и обрубленных стержня рога найдены в слое делювия выше уровня пола. Здесь же были найдены заготовка и обломок кочедыка с клиновидно заточенным острием.

Судя по полному отсутствию натопанного пола (вместо которого — только углисто-золистая прослойка), обе постройки существовали совсем не долго. Значительная толща делювия поверх дна могла появиться в результате оплывания свежих, еще не задернованных отвалов, появившихся при строительстве врезанных в склон домов, а также из расплывшегося вала. Активность делювиальных процессов как раз и объясняется незавершенностью строительства.

Слой делювия на западном борту грабительской ямы тоже виден, но здесь его мощность всего 10–12 см, под ним нет углистой прослойки и его трудно отличить от погребенной почвы. В этом слое найден пластинчатый отщеп, явно относящийся к раннему комплексу, аналогичному финально-палеолитическим мастерским на селище Колтово 7.

На памятнике выделяется четыре керамических комплекса — нижнего слоя, мощинский, древнерусский (XII–XIII вв.), позднесредневековый (XVI–XVII вв.).

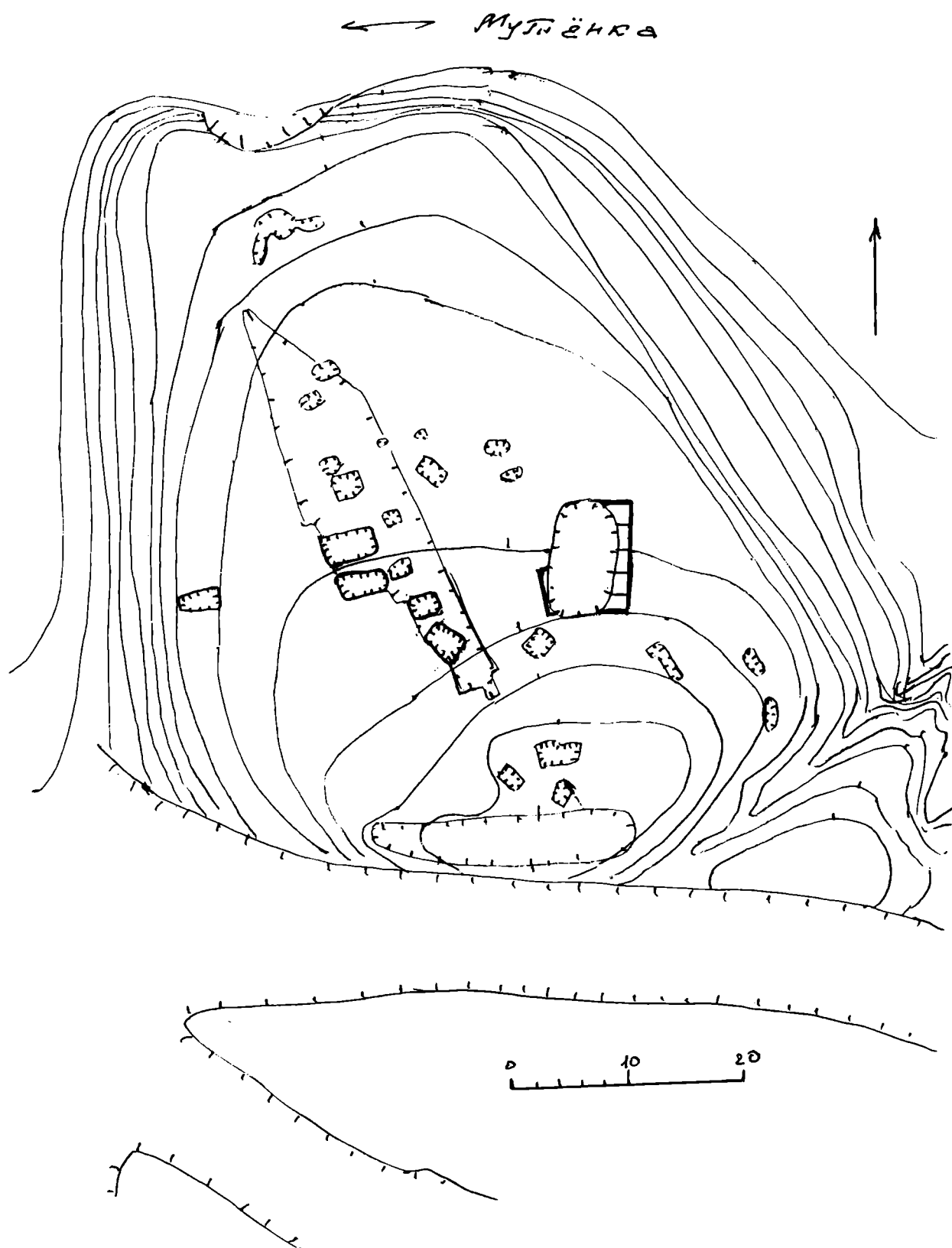

Рис. 1. Корыстовское городище. План

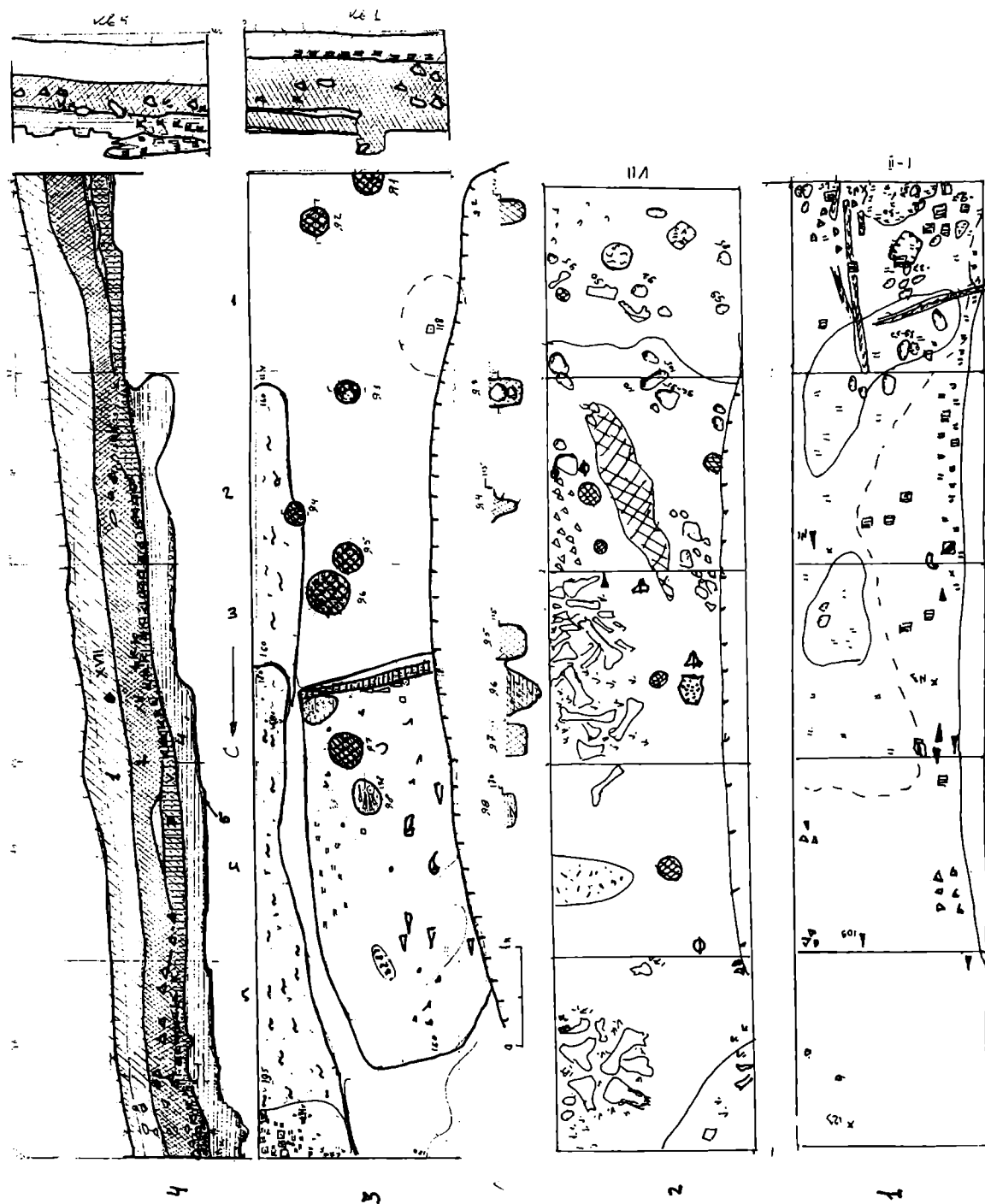

Рис. 2. Раскоп 2004 г.

1 — слой XVII в.; 2 — слой мощинской культуры; 3 — нижний слой; 4 — восточная, южная и северная стенки раскопа

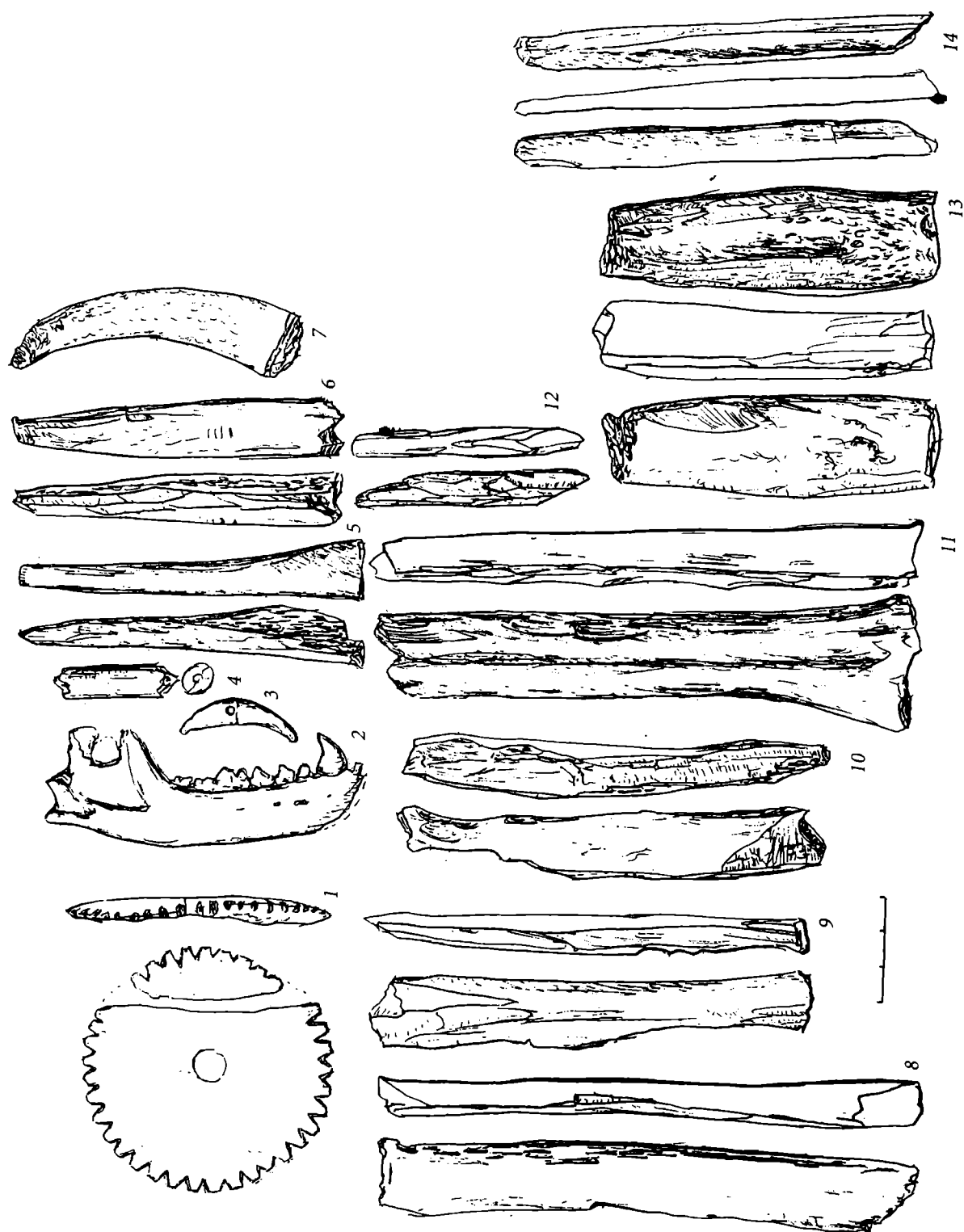

Рис. 3. Костяные и роговые изделия из нижнего слоя

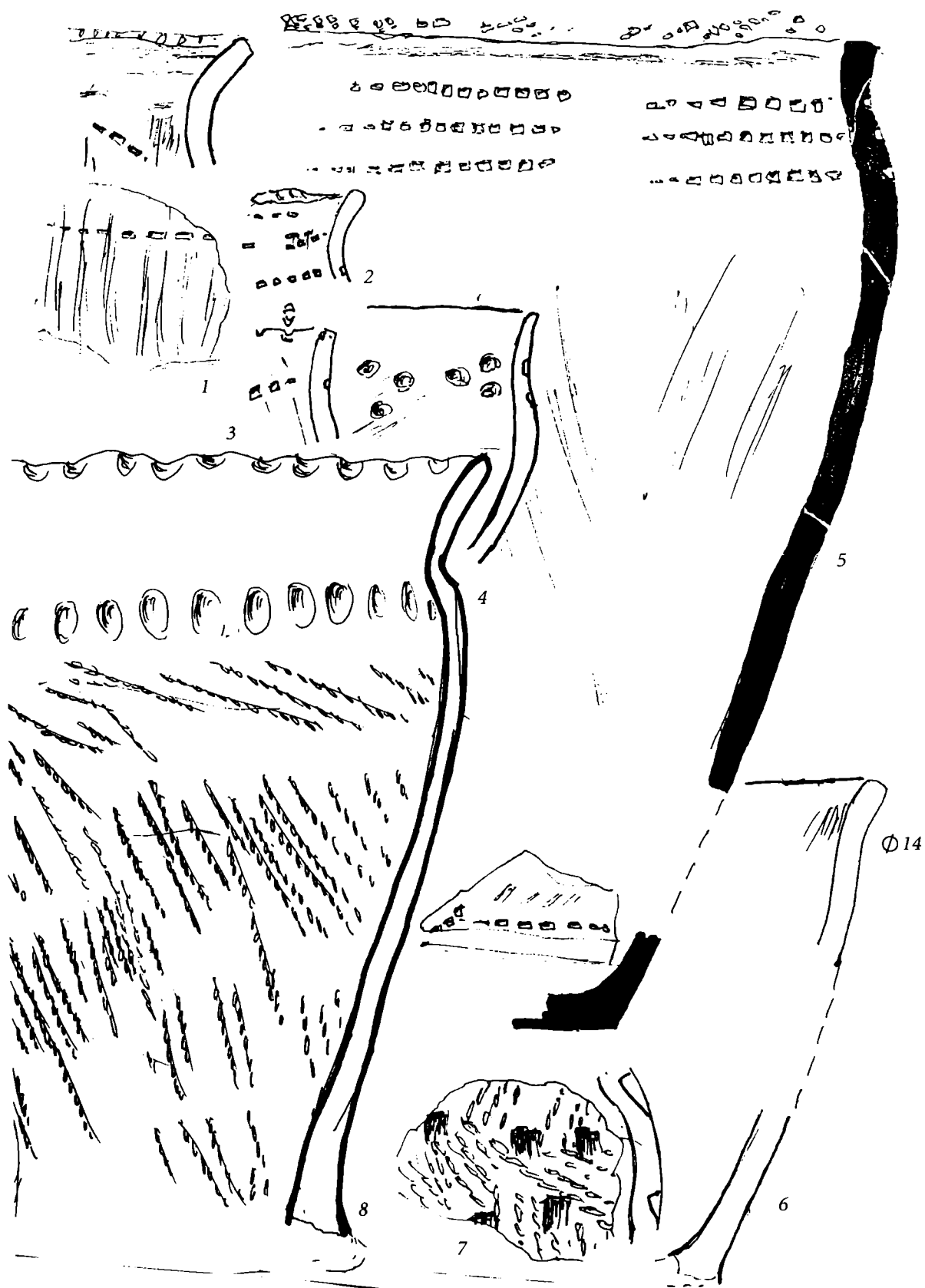

Рис. 4. Керамика из нижнего слоя. Развал ошлакованного сетчатого сосуда

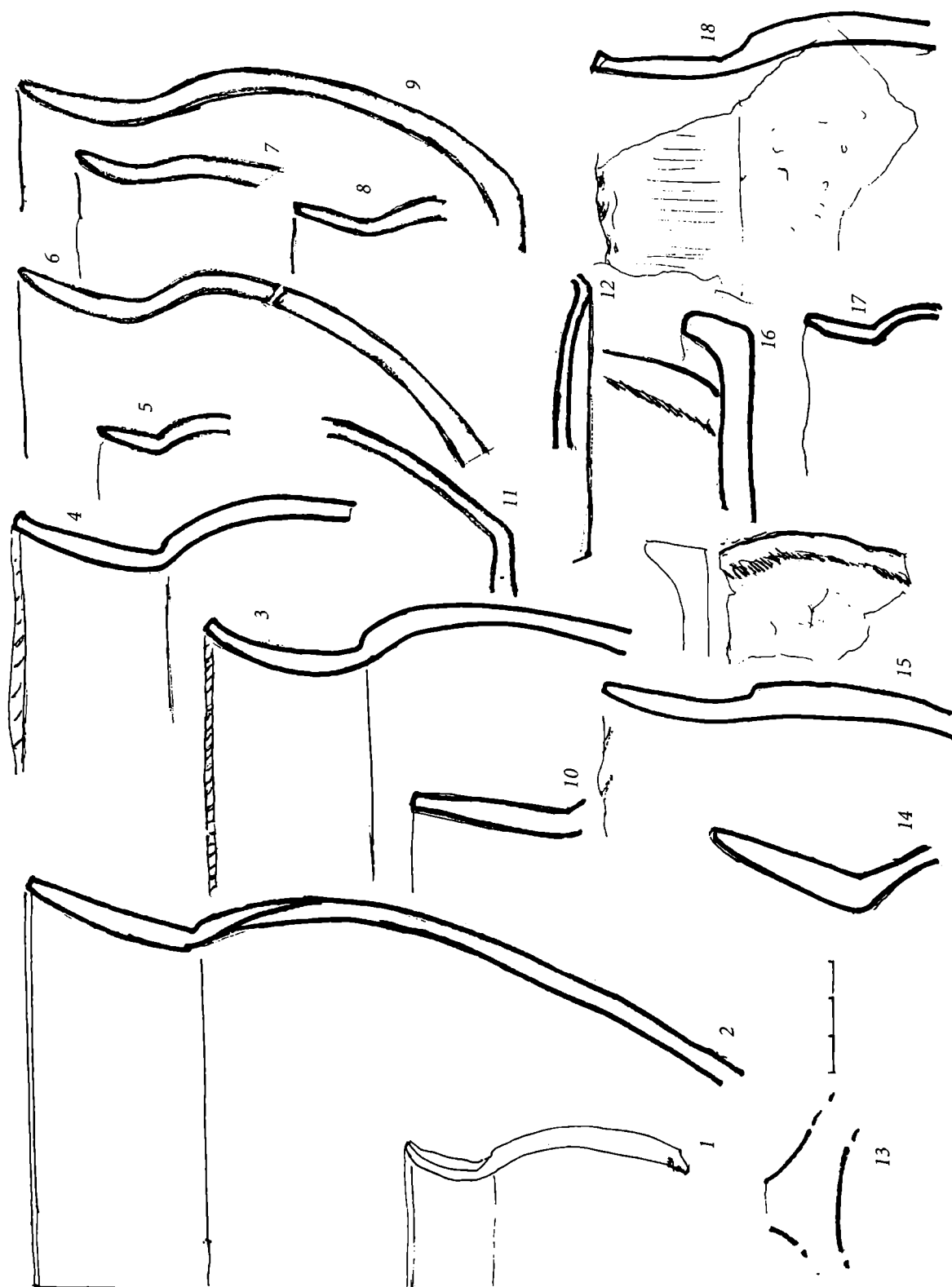

Рис. 5. Лощеная керамика

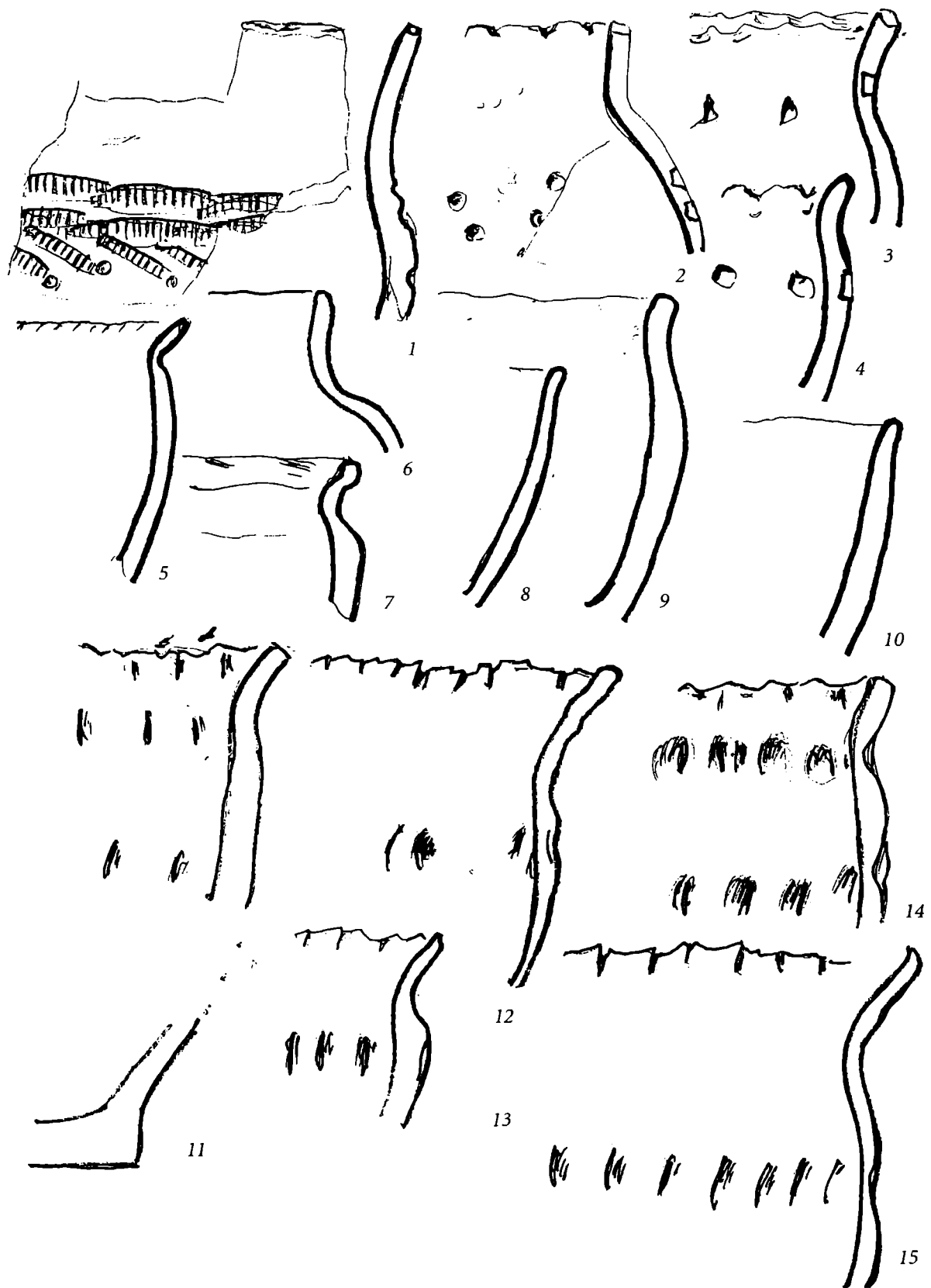

Рис. 6. Грубая керамика мощинского слоя

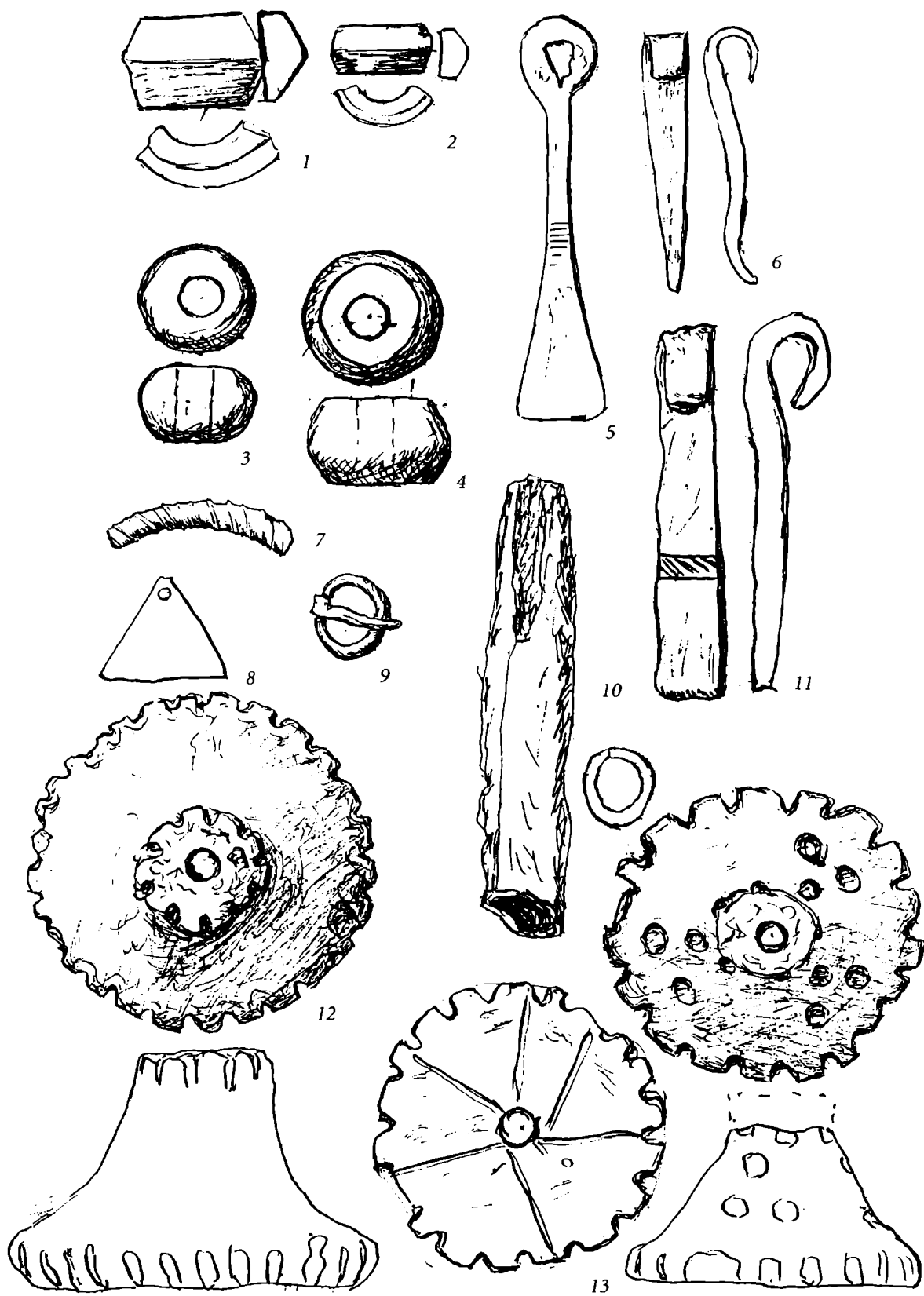

Рис. 7. Находки из горизонтов III-IV

1-4 — пряслица; 5 — кресало; 6 — язычок пряжки; 7 — стеклянный браслет; 8 — накладка; 9 — пряжка; 10 — втулка; 11 — подковка; 12, 13 — грузики
(1, 2, 12, 13 — керамика; 3, 4 — шифер; 5, 6, 10, 11 — железо; 8, 9 — бронза)

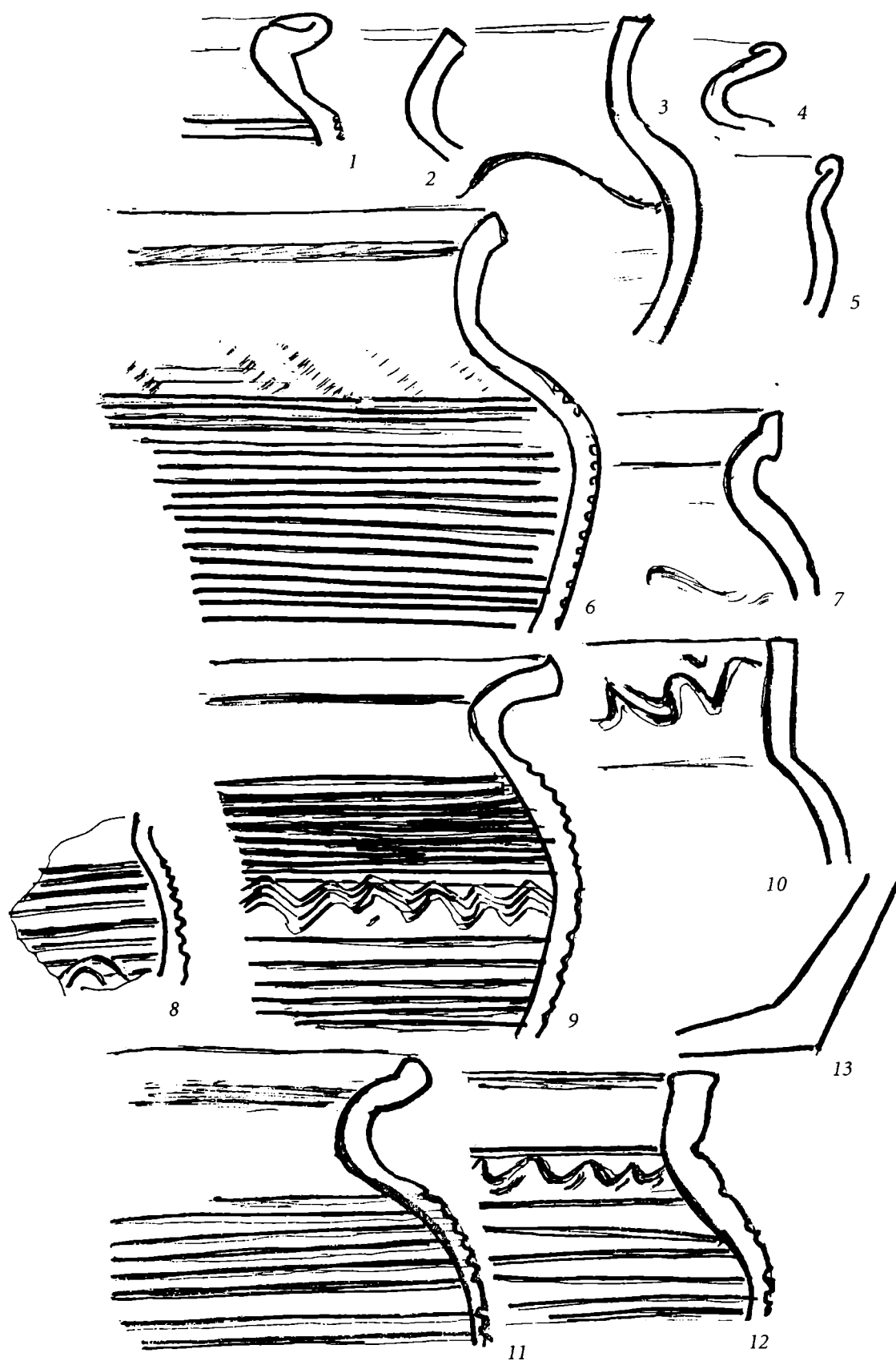

Рис. 8. Керамика XII–XIII вв.

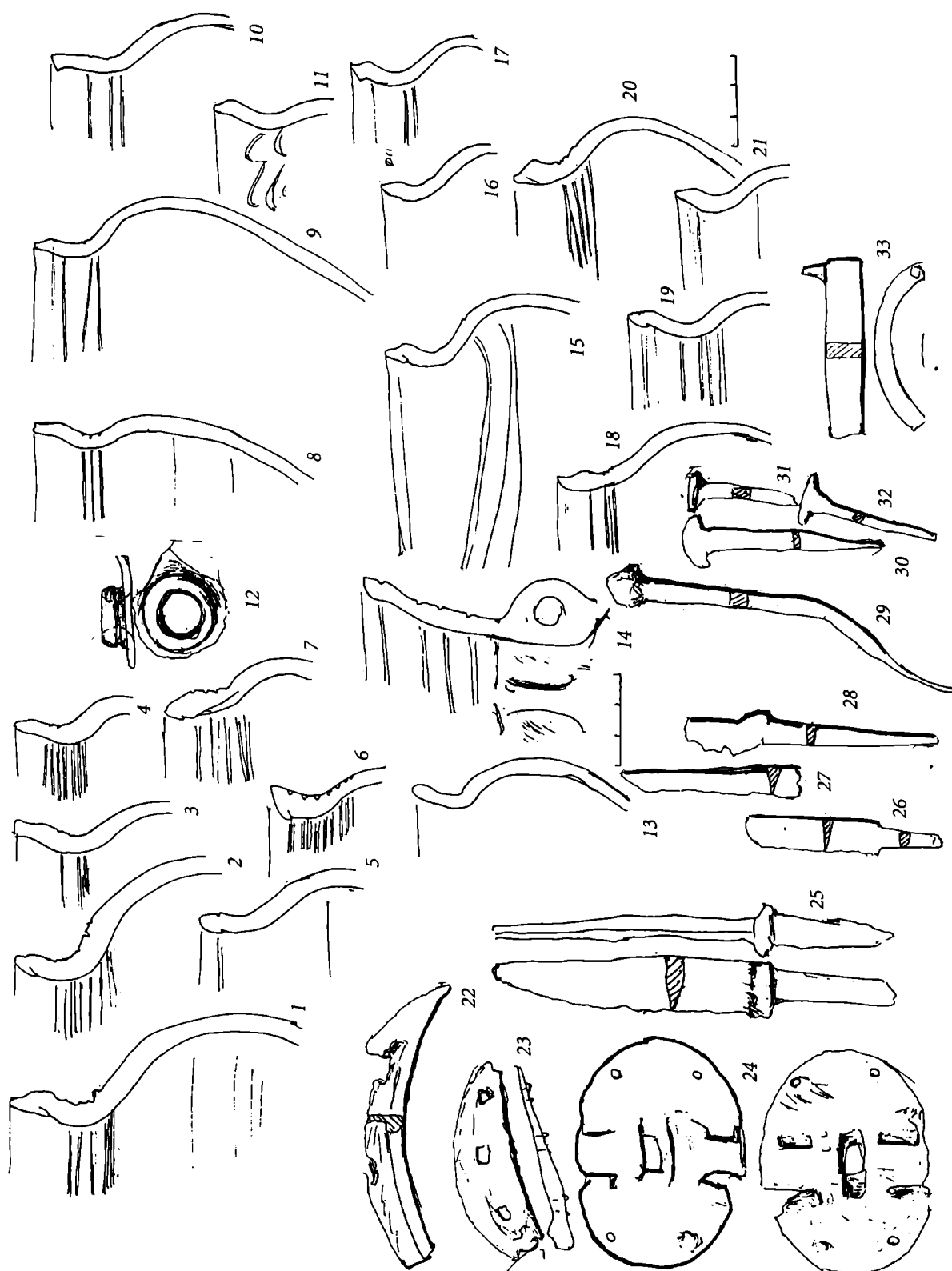

Рис. 9. Керамика и железные изделия верхнего слоя

Комплекс из нижнего слоя (слоя делювия и слоя пожарища под ним) частично согласуется с комплексом нижнего слоя Старшего Каширского городища. Только для этого слоя характерна штрихованная посуда с гребенчатым орнаментом. Особенно выразителен сосуд, лежавший на очаге. Это хорошо профилированный горшок диаметром 32 см с короткой прямой шейкой и орнаментом, выполненным крупным гребенчатым штампом в виде групп горизонтально поставленных оттисков. На прямом срезе венчика — отпечатки этого же штампа. Расчесы по поверхности сосуда делались этим же штампом. В отличие от каширских сосудов, этот имел орнаментацию дна внутри по стыку стенок и доньшка (диаметр 13 см). Такой детали не отмечено ни у одного из сосудов каширской группы. Это архаичный признак, который позволяет связывать сосуд с эпохой бронзы.

Кроме него, штрихованная керамика представлена 4 венчиками, из которых два резко отогнутых, у двух плавная профилировка, 2 фрагмента плечиков (тоже с резким отгибом), 6 фрагментов днищ, 16 фрагментов стенок. Орнаментация зубчатым крупнозубым штампом фиксируется у большинства сосудов. Только один небольшой сосуд (диаметр 11 см) с плавной профилировкой орнаментирован сгруппированными по три неглубокими ямками с неровным дном.

К гладкостенной керамике относились венчик небольшой чаши (диаметр 14 см) баночной формы, а также дно тонкостенного сосуда (диаметр 8 см) без закраины и 15 фрагментов стенок сосуда, отличавшихся высокой плотностью теста при хорошей заглаженности, с примесью тонкозернистого песка (сосуд слабопрофилированный, открытый, диаметром 14 см, дно, по-видимому, без закраины). Не много грубой гладкостенной керамики с примесью дресвы — всего 14 фрагментов стенок. Эта керамика связана с делювием и горизонтом 8. Гладкостенная керамика тоже обычна в нижних слоях каширских городищ.

Сетчатая (нитчатая) керамика в нижнем слое представлена 8 фрагментами, 3 относятся к одному сосуду (найден рядом с очагом, на котором лежал штрихованный сосуд), орнаментированному рядами оттисков плоской палочки, установленной углом. В опесчаненном тесте встречаются крупные зерна дресвы. Сетчатая фактура выполнена штампом, обмотанным довольно толстой нитью, оттиски под разными углами. Такая керамика характерна для бронзового века, в частности, она есть в жилище эпохи бронзы на селище Колтово 7 (раскопки 2001 г.), один сосуд — на городище Настасьино, обычны подоб-

ные находки на озерных стоянках Мещеры, Ростовской котловины, и других.

Основная часть лепной керамики первых веков нашей эры залегает в нижней половине черного слоя, которая перемешана не сильно (подряд идут фрагменты одного сосуда, но развал встречен только один). В скоплениях костей, связанных с этим слоем, керамики практически нет. Сохранность керамики хорошая (по сравнению со слоем делювия). Компактное скопление крупными фрагментами встречено при зачистке западной стенки грабительской ямы: здесь совместно залежали обломки однотипных тонкостенных горшков диаметром 19, 22 и 24 см, с высокими прямыми шейками, отделенными уступом от тулова. У одного из них поверхность подложена полосами. Два имеют мелкую насечку по краю венчика. В этом же скоплении был почти полный профиль лощеного горшка диаметром 18 см, его высокий венчик резко отогнут, но без уступа.

Всего к комплексу первых веков нашей эры отнесено 540 фрагментов гладкостенных и 100 лощеных. В этот же комплекс входит развал сетчатого сосуда. Остальные фрагменты сетчатой керамики из этого слоя мелкие (9). Два штрихованных, вероятно, попали сюда из нижнего слоя.

Примесь дресвы встречена примерно у 70 % фрагментов гладкостенной посуды. Примерно у 15 % вероятно искусственная примесь песка. Достаточно часто (не менее 10 %) встречается примесь известняка, характерная для керамики бассейна Дона (известняк толченый, как дресва). Остальная керамика изготовлена с примесью шамота. Примесь органики не отмечена, без искусственных примесей — всего 1 фрагмент. Стенки в среднем толщиной 6–7 мм, много толстостенных (до 11 мм), тонкостенные же (4–5 мм) составляют — всего около 5 %, но по венчикам этот процент заметно больше, т. к. верхняя часть стенок часто утоньшена. Стыки лент почти всегда прочные, распад по швам не характерен, единичные фрагменты имеют стык внахлест, это, главным образом, нижние ленты.

Обработка поверхности своеобразна. Большинство сосудов из теста с примесью крупной дресвы, внутреннюю поверхность имели гладкую, почти лощеную, а нередко и с полосами настоящего лощения. Это относится и к большинству сосудов с примесью песка и ко всем — с примесью шамота. Таким образом, между грубой и лощеной керамикой есть переходные формы. Небольшая часть керамики — гладкая, без лощения. По виду она напоминает каширско-мутёнковскую, но тесто более плотное.

Доньшки равно представлены как с закраинами, так и без них. В основном они лепились на

зольной подсыпке, оставлявшей слабобугристую поверхность. Побелка дна, характерная для мутёнковских сосудов и дьяковской керамики (И. Г. Розенфельдт ее принимала за следы золы), здесь не встречается. Есть некоторое различие в технике лепки — у сосудов с закраиной половина имеет заглаженное после формовки дно без следов подсыпки, у сосудов без закраин такой прием не отмечен. Донышки без закраин имеют нечеткое ребро между дном и стенками. Только у одного малого тонкостенного сосудика такой угол четкий.

Основная форма керамики из этого слоя — горшок. Из 64 венчиков гладкостенных сосудов только 7 непрофилированных (все без орнамента и насечек по краю, с примесью дресвы, открытые формы). Для 10 венчиков форма сосуда достоверно не определяется, но о ней можно судить по шейкам и плечикам (32). Столько же сосудов имели короткий отогнутый венчик. Остальные представляли собой типичные горшки с выделенным венчиком и четкими плечиками, форма венчика которых достаточно разнообразна. Наиболее характерны сосуды с резким отгибом почти прямого венчика — их более половины (22 по венчикам и 18 определены по шейкам). На втором месте по количеству идут сосуды с плавным эсовидным профилем (сосуды с грубым тестом почти все относятся к этому типу), которые чаще других имели край с насечками, ногтевыми отпечатками, продольными ямками. Эта форма наиболее характерна для поздних дьяковских сосудов. Здесь их по венчикам определяется 11 и по плечикам — 8.

Далее следуют сосуды с горлом, отделенным от плечиков уступом (типичная мощинская форма): 7 экземпляров по венчикам и 6 — по плечикам. Их гораздо больше, чем на Огубском поселении и Куриковском селище на Протве (правда, судить о памятнике в целом по такому маленькому раскопу преждевременно — может быть различное распределение типов на разных участках: так, в зачистке западной стенки грабительской ямы почти все сосуды имели такой уступ). Практически все сосуды имели полосчатое лощение внутри и часто снаружи, примесь шамота у них встречается гораздо чаще. Венчики в основном утоньшены к краю, насечки на них бывают мелкие и частые (не ногтевые), но более половины венчиков насечек не имеет, а имеют срез по краю. Именно эта группа сосудов позволяет связывать памятник с мощинской культурой. На поздних дьяковских памятниках такая форма встречается крайне редко.

Найдены фрагменты трех плоских блюд (сковород) с очень низким ботиком (в одном случае с

насечками). Тесто грубое, с крупной дресвой, что характерно для кухонной посуды. Такие сковороды серийно встречаются на городище Подмоклово (сборы А. Н. Воронкова, Серпуховской музей). Они решительно не совпадают с блюдами мерянских городищ, серийно выявленных на городище Попово на р. Унже (раскопки А. Е. Леонтьева), которые без бортика и с тонко отмученным тестом.

Орнаментация гладкостенной керамики однообразна, расположена на шейке и плечике. Самая распространенная — защипы (2 венчика и 6 стенок) и отпечатки торца пальца с ногтем (11 венчиков и 9 стенок). Они есть у большинства горшков с эсовидным венчиком. И защипы, и пальцевые отпечатки образуют 1–2 строчки разной густоты. Более сложная фигура только у одного — виден ряд защипов, образующих вертикальный валик.

Среди остальных орнаментов — ямки разнообразной формы (11) — круглые плоскодонные, треугольные, квадратные, щелевидные, с крестом на донышке отпечатка. Обычно они составляют горизонтальные строчки на плечике, встречается двойной ряд, зигзаг. Единично встречаются тонкие насечки, образующие плотный пояс (два небольших сосуда). Единственный фрагмент имеет кольцевые отпечатки тонким трубчатым штампом.

Весьма своеобразен особый зубчатый штамп, образующий рисунок, имитирующий шнуровые отпечатки с редкой навивкой (настоящие шнуровые с таким же рисунком встречаются на одном фрагменте).

Лощеная керамика — 90 фрагментов (помимо двух реконструированных сосудов). Форма венчиков довольно однообразна — прямая шейка поставлена с резким перегибом, но без уступа. В тесте песок, железистые включения и шамот. Лощение двустороннее, иногда достигающее «зеркального качества». Цвет черный и оранжевый, при перекале — пятнистый. Большинство сосудов тонкостенны, но есть фрагменты толщиной до 8 мм. Всего по венчикам здесь не менее 30 сосудов. Формы те же, что у гладкостенной, но гораздо более четкие — венчики с уступом, плавным эсовидным отгибом, резким изломом плечиков. Донышки без закраин, в одном случае дно вогнутое, что достигалось также лощением. Есть фрагмент крышки со следами вертикальной ручки-петельки.

Раннегончарная керамика залегает в верхней половине черного слоя с известняком. Слой от мощинского достоверно не отделен, но от позднесредневекового отделяется четко, хотя немало керамики верхнего слоя оказывается и в черном.

Всего в раскопе встречено около 250 фрагментов, из них 30 — от двух сильно ошлакованных сосудов (их разброс невелик — максимум 3 м).

Сосуды древнерусского комплекса сделаны из теста с обилием мелкой дресвы (просеяна). Шамот встречается единично, запесоченной глины нет. Белоглиняных фрагментов немного — около 10 %. При этом они тоже резко отличаются от поздних — тесто сильно отощено очень мелкой дресвой, присутствует густой линейный орнамент, форма венчиков характерна для начала XIII в. Белоглиняная керамика по форме не отличается от сосудов селища Колтово 7, но многих разновидностей последней здесь нет (возможно — из-за незначительности выборки). Венчики круто отогнуты, но без ребра на плечике, край завернут внутрь и хорошо заглажен. Четкие стандартные формы, однородный плотный черепок — показатели профессионализма, характерного именно для этой серии.

Значительно разнообразнее серая и красная посуда. Тесто ее гораздо грубее, дресва крупнее, чем у белоглиняной (но крупных зерен и здесь нет). По тесту многие черепки с трудом отличимы от лепных, но присутствие линейного орнамента на подавляющем большинстве фрагментов определяет их однозначно. Стенки толстые, особенно нижние ленты. Дно без закраин. На дне подсыпка той же мелкой дресвы. У одного доньшка сквозь подсыпку читается клеймо — двойной круг.

По профилировке вся посуда относится к горшкам (непрофилированных нет ни одного). У двух сосудов отгиб венчика резкий, образует с плечиком угол (третий сосуд с таким прямым отгибом венчика — среди ошлакованных). Один сосуд имеет плавный эсовидный профиль венчика (он отличается также наличием в тесте шмота и прямым краем венчика), на плечике видна одиночная крутая волна (врезка ее очень мелкая). Чаше встречаются сложно загнутые венчики с образованием валика или приострения по верхнему краю, совершенно не характерные для Колтово 7 (такой валик по верху интерпретируется как фиксатор крышки).

Орнаментация — линейно-волнистая, причем волны заметно меньше, чем на колтовской керамике. Есть мелкая крутая волна, начерченная поверх линейного орнамента, что характерно для керамики первой половины XII в. Единично, но встречается одиночная волна, выполненная острием, а не зубчатым штампом. У одного из сосудов вместо пояса из волны на верхней части плечика поставлены наискось зубчатые оттиски, выполненные тем же штампом с небольшим сдвигом. Один фрагмент имеет ри-

сунок зубчатого штампа в сочетании с линейным и два — поля регулярных прямоугольных наколов, имитирующих оттиски зубчатого штампа.

Отличия корыстовской керамики от колтовской в основном хронологические. Здесь хорошо представлена керамика первой половины XII в., которой очень мало в Колтово 7. Странно, однако, что сильно различается набор венчиков и с материалами городища Колтеск, где материалов XII в. достаточно. Так, там отсутствуют прямые венчики, более характерные для керамики северных регионов (Ростов Великий, Тверь). Впрочем, коллекция XII в. слишком невелика для выводов.

Поздняя керамика на участке раскопа и бульдозерного среза заметно различается. На срезе решительно преобладают характерные для XVI в. горшки с прямо поставленными венчиками, верхний край которых усложнен желобком, линейный орнамент (в одном случае — волнистый) располагается на стыке шейки и тулова. Керамика XVII в. (с утолщенными венчиками с линейным орнаментом) здесь более измельчена. Найдены также части двух кувшинов с маленькой петлеобразной ручкой (один красноглиняный с белым ангобом, другой кремовой глины). На фрагменте плоской ручки внутри сохранился четкий отпечаток полотна. Мореной керамики здесь не более 7 %. Очень мало и красноглиняной. Встречаются венчики с единичной орнаментальной линией, характерные для XVIII в. Керамика XVI в. в раскопе присутствует в основном под остатками постройки. Есть здесь и крышки, в том числе одна с полосчатым бурым ангобом. Хорошо представлена мореная керамика (до 16 %), в том числе кувшины с плоскими ручками.

В отвалах грабительской ямы абсолютно преобладала белоглиняная керамика. Это, в основном, небольшие горшки с прямо стоящими венчиками с тонким линейным орнаментом (волнистый есть только у одного). Всего определяется около 35 сосудов при 220 фрагментах. Стенки в основном тонкие. Подсыпка дна — зольная. Половина венчиков — с приостренным краем со слегка намеченным желобком внутри, вторая половина — наиболее часто встречающиеся среди такой посуды с прямо поставленными простыми венчиками. Красноглиняной немного — всего 35 фрагментов (от двух сосудов). Один представлен дном, второй принадлежал крупному кувшину-крынке с белым ангобом. Тесто грубое, стенки толстые (только горло с линейным орнаментом и маленькой ручкой-петелькой). Второе горло кувшина с такой же ручкой имело тесто кремового цвета.

Черной мореной керамики всего 11 фрагмен-

тов, венчиков нет, узнаваемо плечико с залощеным линейным орнаментом, характерное для кувшинов.

Оригинально короткое горлышко керамической тонкостенной чернильницы (?).

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что Корыстовское городище возникло, видимо, несколько раньше, чем Каширское и Мутёнковское, вскоре было сожжено и запустело на века. Возможно, ему синхронен нижний слой Подмоклово, напротив устья р. Протвы. Только

в начале I тыс. н. э., уже после прекращения жизни на Каширском и Мутёнковском городищах, здесь возникает новое поселение. Ему синхронно уничтоженное карьером селище Лиды 2 при выходе Мутёнки в долину Оки. Ближайшая аналогия этому комплексу — средний слой городища Подмоклово. В XII–XIII вв. часть площадки занимала усадьба с кузнечным производством. Верхний слой оставлен крупной феодальной усадьбой XVI — начала XVIII в., в которой велась кузнечная и слесарная обработка железа.

Сетчатая керамика селищ Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст

Настоящая работа не ставит своей целью публикацию всех материалов с селищ Сосновка IV и Мякинино I¹. Предметом нашего внимания стала только сетчатая керамика этих двух памятников, заслуживающая, на наш взгляд, особого внимания.

Древнерусское селище Сосновка IV было открыто В. Ю. Ковалем и исследовалось им в 1997, 2001 и 2003 гг. (Коваль, 1997; 2001; 2003а; 2004). Селище расположено на правом берегу р. Оки, в 2 км к ЮЗ от с. Сосновка Озерского района Московской области. Площадь раскопов составила 72 кв. м, количество фрагментов керамики с сетчатыми отпечатками — около 50 экз., то есть менее 1 фрагмента на 1 кв. м. Помимо сетчатой, на памятнике обнаружены и фрагменты гладкостенной керамики железного века. Вещевых находок этого времени не встречено.

Отпечатки на керамике селища почти все, за исключением одного, принадлежат к типу «рябчатых». Отпечатки довольно четкие, глубоко врезанные, со сравнительно крупными размерами отдельных элементов (рис. 1). По нашим наблюдениям, на памятниках Оки и нижней Москвы-реки такие отпечатки чаще встречаются на керамике первых веков нашей эры, в частности, на горшках профилированных форм (Сыроватко, 2000). «Нитчатый» тип отпечатка представлен на памятнике только одним фрагментом.

Мякинино I по составу коллекции отличается от Сосновки. Он расположен в верховьях Москвы-реки, недалеко от Спас-Тушинского городища (Энговатова, Коваль, 2004). В ходе раскопок селища в 2003 г. было изучено чуть более 2300 кв. м площади, при этом среди материала средневекового времени обнаружено около 180 фрагментов керамики эпохи раннего железа, из них 48 — с сетчатыми отпечатками. Как видно из приведенных данных, соотношение вскрытой площади и размеров полученной коллекции позволяет сделать вывод о репрезентативности последней.

Количество гладкостенной керамики почти в 3 раза превышает количество сетчатой, однако это соотношение не отражает, на наш взгляд, специфики керамического комплекса дьяковского периода существования поселения: во-первых, керамика сильно измельчена, а в подобных случаях статистика искажается за счет гладкостенных участков поверхности сетчатых горшков. Во-вторых, на памятнике, несомненно, представлены и находки позднедьяковского времени: дьяковские грузики типов I и 3а, нож с прямой спинкой, фрагмент фибулы мощинского времени. Поэтому часть фрагментов гладкостенной керамики нужно отнести ко времени, когда сетчатая уже вышла из употребления. Отметим еще одну особенность гладкостенной керамики: среди фрагментов профильных частей не найдено профилированных форм позднедьяковского типа, аналогичных типу 5 по И. Г. Розенфельдт (1974. С. 129), что тоже может быть всего лишь результатом плохой сохранности образцов в переотложенном культурном слое.

Состав сетчатых отпечатков на керамике довольно однороден: это почти исключительно «мелкоячеистые рябчатые» (рис. 2). Есть, правда, несколько фрагментов с отпечатками, напоминающими «крупноячеистые», но, как известно, среди сетчатых отпечатков всегда много переходных форм. «Нитчатых» отпечатков пока на памятнике не обнаружено, хотя в верховьях Москвы-реки подобная керамика известна (Розенфельдт, 1974. С. 151–152).

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, носит принципиальный характер, поскольку демонстрирует возможность существования на поселении только одного типа отпечатка на керамике. Почему этому следует придавать значение?

Исследователи железного века уже очень давно обратили внимание на многообразие сетчатых отпечатков. Однако связать конкретные варианты отпечатков с какими-то историческими

¹ Пользуясь случаем, выражаю признательность В. Ю. Ковалю за предоставленный материал и дружескую помощь в работе с коллекциями.

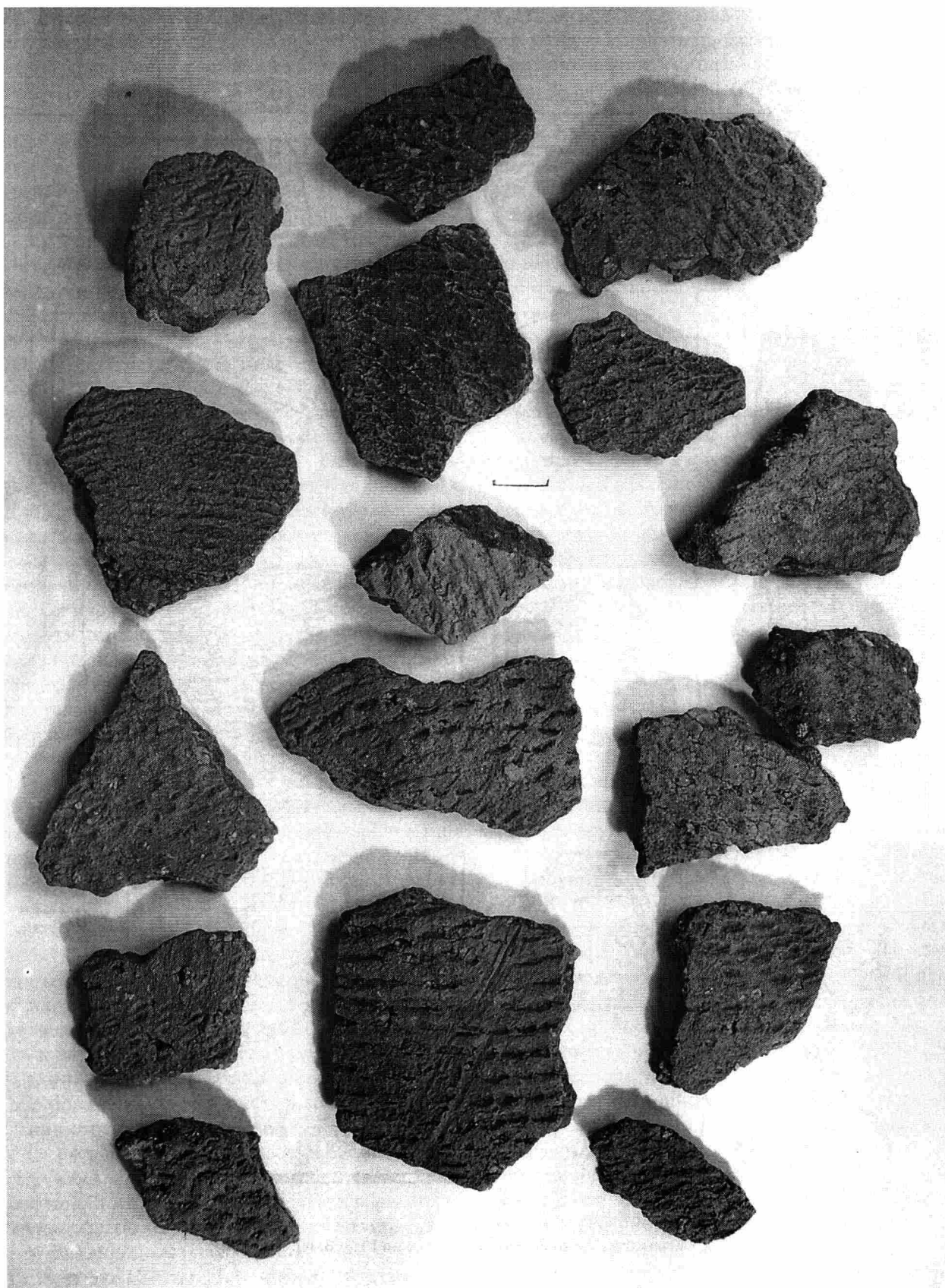

Рис. 1. Сетчатая керамика селища Сосновка IV

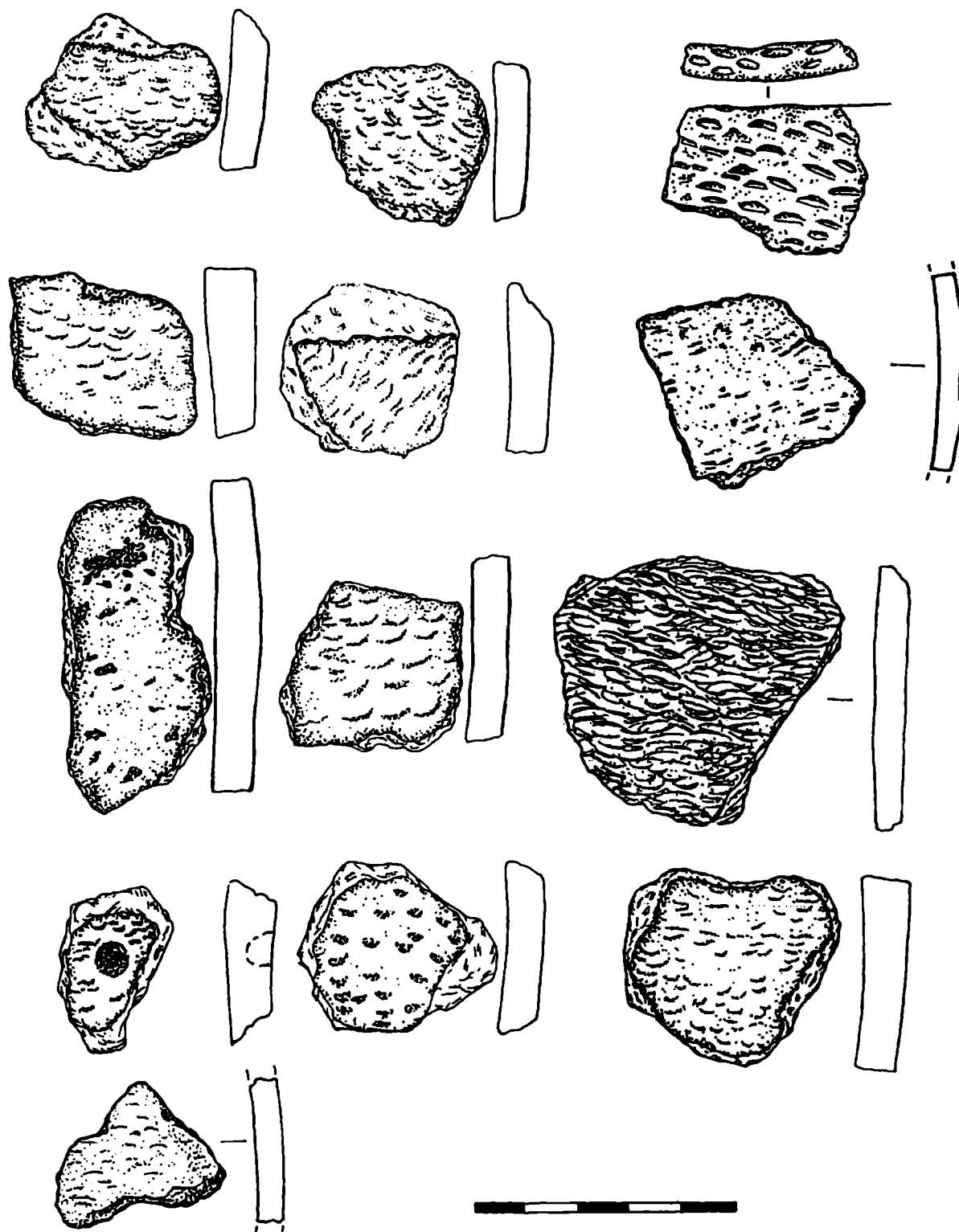

Рис. 2. Сетчатая керамика селища Мякинино 1 (по В. Ю. Ковалю)

процессами или событиями не удастся до сих пор. Конечно, нельзя сказать, что хронология сетчатой керамики вообще, и нанесенных на нее отпечатков в частности, не разработана. И. Г. Розенфельдт в своей обобщающей работе отметила, что поверхностные, для рубежа II—I тыс. до н. э. характерны мелкие отпечатки, для середины — второй половины I тыс. до н. э. — отпечатки «тонкого правильного переплетения», а для I—III вв. н. э. — «крапчатые». Но, помимо того, что сами термины остались нерасшифрованными, основным ее выводом было «частое совместное нахождение керамики с разными типами отпечатков», а также невозможность проведения статистических подсчетов групп отпечатков. Фактически это было заключение о непригодности использования сетчатых отпечатков для датирования (Розенфельдт, 1974. С. 151).

Очень ценные наблюдения были сделаны Б. А. Фоломеевым. Ему в сотрудничестве с Л. Д. Сулержицким и И. Л. Чернаем удалось установить характер изменений облика сетчатой посуды и отпечатков на ней на поселениях эпохи поздней бронзы — начала железного века Средней Оки (Сулержицкий, Фоломеев, 1993). Наблюдения эти, однако, носили общий характер и выделяли признаки целых эпох, а не отдельных периодов в рамках археологических культур. И. Л. Чернай также продатировал некоторые типы фактур Селецкого городища (Чернай, 1981. С. 83).

Упомянем также нашу попытку выявить хронологические признаки дяковской сетчатой посуды (Сыроватко, 2000). Свои выводы мы строили, опираясь на стратиграфические наблюдения при исследовании насыпей валов нескольких городищ, а также на палинологические исследования и датировки по C^{14} (Сыроватко, Спиридонова, 2002). В результате мы пришли к заключению, что за весь период существования дяковских городищ в районе устья р. Москвы происходили изменения в составе сетчатых отпечатков на сосудах: «рябчатые» отпечатки с мелкой фактурой тяготели к нижним слоям, «нитчатые» — к средним и верхним, а «рябчатые» с крупноячеистой фактурой появились на заключительной стадии бытования сетчатой посуды. Однако имевшиеся в нашем распоряжении материалы не демонстрировали обособленности типов отпечатков и форм сосудов. В итоге мы, как нам кажется, лишь выявили общую тенденцию, для детализации которой сведений оказалось недостаточно.

Раскопки Настасьинского городища дали богатый материал¹ и в целом подтвердили правиль-

ность выводов, сделанных нами ранее. Однако эти материалы опять продемонстрировали лишь общую тенденцию, не позволив (по крайней мере, пока) ее детализировать. Осталось много вопросов, без ответа на которые, на наш взгляд, трудно двигаться дальше. Например, до сих пор непонятно, насколько обособленными в действительности являлись типы отпечатков. Изготавливались ли сосуды с «нитчатыми» и «рябчатыми» отпечатками параллельно одним и тем же населением? Если нет, то как выглядела смена этих типов? Произойшла ли она внезапно, в результате каких-то событий, или это был длительный процесс смены одной технологии (обычая?) другой? Подчеркнем еще раз, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы с многослойных дяковских городищ ответов на эти вопросы не дают.

В чем причина такой ограниченности коллекций, происходящих с городищ? Во-первых, дяковское население почти не сооружало хозяйственных ям, и этот важный источник закрытых комплексов практически отсутствует. Во-вторых, многочисленны факторы педотурбации слоя. А. Н. Сорокиным было обращено внимание на излишнюю переоценку коллекций, полученных с многослойных памятников, или коллекций с памятников, трактуемых как однослойные (однокультурные). Были также перечислены факторы педотурбации слоя, приводящие к смешению материалов без участия человека (Сорокин, 2002. С. 132 и т. д.). Все сказанное относилось к эпохе мезолита, но следует признать, что те же проблемы источниковедения присутствуют и у исследователей других эпох. Применительно к дяковской культуре это касается, в частности, излишне прямолинейной трактовки материалов, получаемых из культурного слоя жилых площадок. Так, например, взаимовстречаемость сетчатой, гладкостенной и лощеной посуды давно стала основой для вывода о постепенном вытеснении первой из обихода, и плавной трансформации дяковских древностей в позднедяковские. Между тем, совместное залегание артефактов разных типов на одном уровне вовсе не означает, что за этим стоит историческая реальность — не меньше вероятность того, что это проявление одного из факторов смешивания слоя, что убедительно продемонстрировано А. Н. Сорокиным на примере мезолитических стоянок (Сорокин, 2002. С. 157 и т. д.). Именно упрощенный подход объясняет появление заключения о скорости накопления культурного слоя Троицкого городища, происшедшего по «20 см за 200 лет». То же самое обстоя-

¹ Автор выражает глубокую признательность А. В. Энговатовой за возможность ознакомиться с коллекцией еще полностью не опубликованных материалов раскопок памятника.

тельство присутствует и в нашем случае: встречаемость обломков керамики с разными типами отпечатков в культурном слое (а чаще — в «квадратах», «пластах» и «штыках») не может сама по себе свидетельствовать об их совместном бытовании в древности. Скорее всего, это результат сохранности слоя, особенностей его накопления, и, что тоже немаловажно, — состояния коллекции и методики ее отбора.

Селище Мякинино продемонстрировало однородность сетчатых отпечатков¹. Если этот факт не является случайностью, он может означать обособленное в определенный промежуток времени существование типа отпечатка (а фактически, типа сосуда). Рассмотренная коллекция происходит из распаханного слоя и средневековых ям, это открытый комплекс, что, как ни парадоксально, скорее увеличивает достоверность наблюдения. Кроме того, на памятнике вскрыта значительная площадь, и это снижает элемент случайности: рассмотренная выборка отображает реальные особенности керамики всего памятника, или его значительных по площади участков.

С коллекцией Сосновки IV ситуация иная: высокая однородность, за единственным исключением, отсутствует². Отражает это смешение историческую реальность, или является случайностью, остается неизвестным.

Разумеется, два селища с коллекцией в несколько десятков фрагментов еще не могут служить основанием для выводов о хронологиче-

ской или культурной обособленности (разобщенности) отпечатков на керамике. Но следует отметить, что известны и другие памятники с однородным набором отпечатков. Назовем исследованное Е. В. Леоновой поселение Белый Колодец 1 на р. Осетр, сетчатая керамика которого представлена почти исключительно керамикой с «крупноячеистыми рябчатыми» отпечатками, нанесенными на сильно профилированные горшки, в том числе — с внутренней стороны горла (*Сыроватко*, в печати). Сетчатая керамика с «мелкоячеистыми рябчатыми» отпечатками происходит с размытой Окой стоянки Набережная, недалеко от устья р. Москвы. Очевидно, что со временем число таких примеров будет только увеличиваться.

Дьяковские поселения с «малосерийными» коллекциями, подобные описанным выше, редко становятся предметом специального исследования. Гораздо чаще они изучаются попутно, при раскопках (зачастую, охранных) поселений других эпох. Именно так были получены материалы с Сосновки IV, Мякинино 1, Белого Колодца 1, Аносино (*Коваль*, 2003б), Щурово. Подобным образом в последние годы было открыто и полностью раскопано селище Тарасовка 2 (*Зайцев*, 2002). И хотя ни один из этих памятников не дал узко датированных комплексов находок, очевидно, что коллекции с селищ такого типа обладают значительным потенциалом, и нуждаются в дальнейшем пристальном изучении.

Литература

- Зайцев В. В., 2002. Селище Тарасовка 2 в Пушкинском районе Московской области // Археологическое изучение Подмосковья. Труды ПЭ ИА РАН. Т. 1. М.
- Коваль В. Ю., 1997. Отчет об охранных археологических раскопках городища Ростиславль и разведках в Озерском и Луховицком районах Московской области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № .
- Коваль В. Ю., 2001. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль и в Озерском районе Московской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № .
- Коваль В. Ю., 2003а. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2003 г. // Архив ИА РАН.
- Коваль В. Ю., 2003б. Охранные раскопки в селе Аносино // АО 2002 год. М.
- Коваль В. Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. № 1.
- Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Сорокин А. Н., 2002. Мезолит Жиздринского Полесья. М.
- Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А., 1993. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Сыроватко А. С., 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. № 4.
- Сыроватко А. С., Спиридонова Е. А., 2002. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Сыроватко А. С. Сетчатая керамика дьяковских поселений г. Зарайска // ТАС. Вып. 6. Тверь. (В печати.)
- Черный И. Л., 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. № 4.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках на селище «Мякинино-1» и разведках в Красногорском районе Московской области в 2003 году // ОПИ ИА РАН.

¹ Нами учтены данные на 2003 г.

² По нашему мнению, один фрагмент еще ни о чем не говорит, если учитывать близость других дьяковских поселений. Что касается Мякинино, то находка «нитчатых» фрагментов на других участках памятника, учитывая громадную вскрытую площадь — 5 тыс. кв. м. — также принципиально не изменит картину.

Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино 1)¹

В изучении истории древнерусского кузнечного ремесла проблемам сельского производства, к сожалению, не уделяется должного внимания. Между тем, обращение к кузнечной продукции с поселений позволяет решать такие важные исторические вопросы, как, например, специфика сельского кузнечества, взаимосвязь с городским ремеслом, степень вовлечения села в торговый оборот.

Б. А. Колчин, исследовавший в свое время древнерусское кузнечное ремесло, пришел к выводу, что древнерусские сельские кузнецы занимались лишь изготовлением или ремонтом деревенского железного инвентаря, необходимого для повседневной жизни. Находимые же на сельских поселениях изделия, откованные из высокоуглеродистой (качественной) стали либо с применением сложных сварных технологий, были продукцией городских посадских ремесленников, работавших на рынок (Колчин, 1953. С. 194).

Г. А. Вознесенская, изучающая технологию изготовления кузнечной продукции из южнорусских городских центров и рядовых поселений, в одной из последних публикаций высказала мысль, что на землях Южной Руси в домонгольский период в условиях неразвитости рыночных отношений «качественные» изделия, встречающиеся на сельских памятниках, являлись продукцией не городских, а вотчинных ремесленников, работавших на заказ (Вознесенская, 1999. С. 24).

Накопление археологических материалов с сельских памятников позволяет еще раз обратиться к проблеме взаимодействия городского и сельского кузнечного ремесла. В этом плане большой интерес представляет исследуемое в последние годы Подмосковной археологической экспедицией Института археологии РАН селище

Мякинино 1 (руководители раскопок А. В. Энговатова и В. Ю. Коваль), расположенное на правом берегу Москвы-реки в ближайшей округе (Красногорский район) современной Москвы².

По данным исследователей, памятник датируется серединой XII–XV в. Основные материалы происходят из культурного слоя и заполнения ям, относящихся ко второй половине XII — первой половине XIII в. Часть предметов происходит из верхнего (пахотного) слоя и ям XIV–XV вв.

Металлографическому исследованию была подвергнута коллекция железных изделий в количестве 51 экз. Из них два предмета (нож — рис. 1, ан. 11324; наконечник стрелы — рис. 2, ан. 11325) относятся к более раннему, дьяковскому, времени³. Один предмет (серб, ан. 11305) найден вне слоя и по типологическим признакам может быть отнесен к позднему (вплоть до современности) времени.

Металлографический анализ осуществлен в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Микроскопическое исследование проведено на металломикроскопе МИМ-7 при увеличениях 70, 120, 200. Измерение структурных составляющих — на микротвердометре ПМТ-3 при нагрузке 100 г. Каждый предмет, прошедший лабораторное исследование, получил номер, соответствующий номеру проведенного анализа. Аналитические данные приведены в Приложении.

Исследованные предметы подразделяются на следующие категории изделий (рис. 1–3): ножи (37 экз.), серпы (4 экз.), топоры (2 экз.), тесла (1 экз.), ножницы (1 экз.), кресала (4 экз.), наконечники стрел (1 экз.), стержни (1 экз.).

На основании проведенного металлографического анализа установлено, что при изготовлении

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 04-01-00096а.

² Выражаем благодарность начальнику Подмосковной экспедиции ИА РАН А. В. Энговатовой и автору раскопок В. Ю. Ковалю, предоставившим материалы для исследования.

³ Средневековое селище разместилось на месте более раннего неукрепленного поселения раннего железного века, которое можно связывать с дьяковской культурой и предварительно датировать в пределах конца I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э.

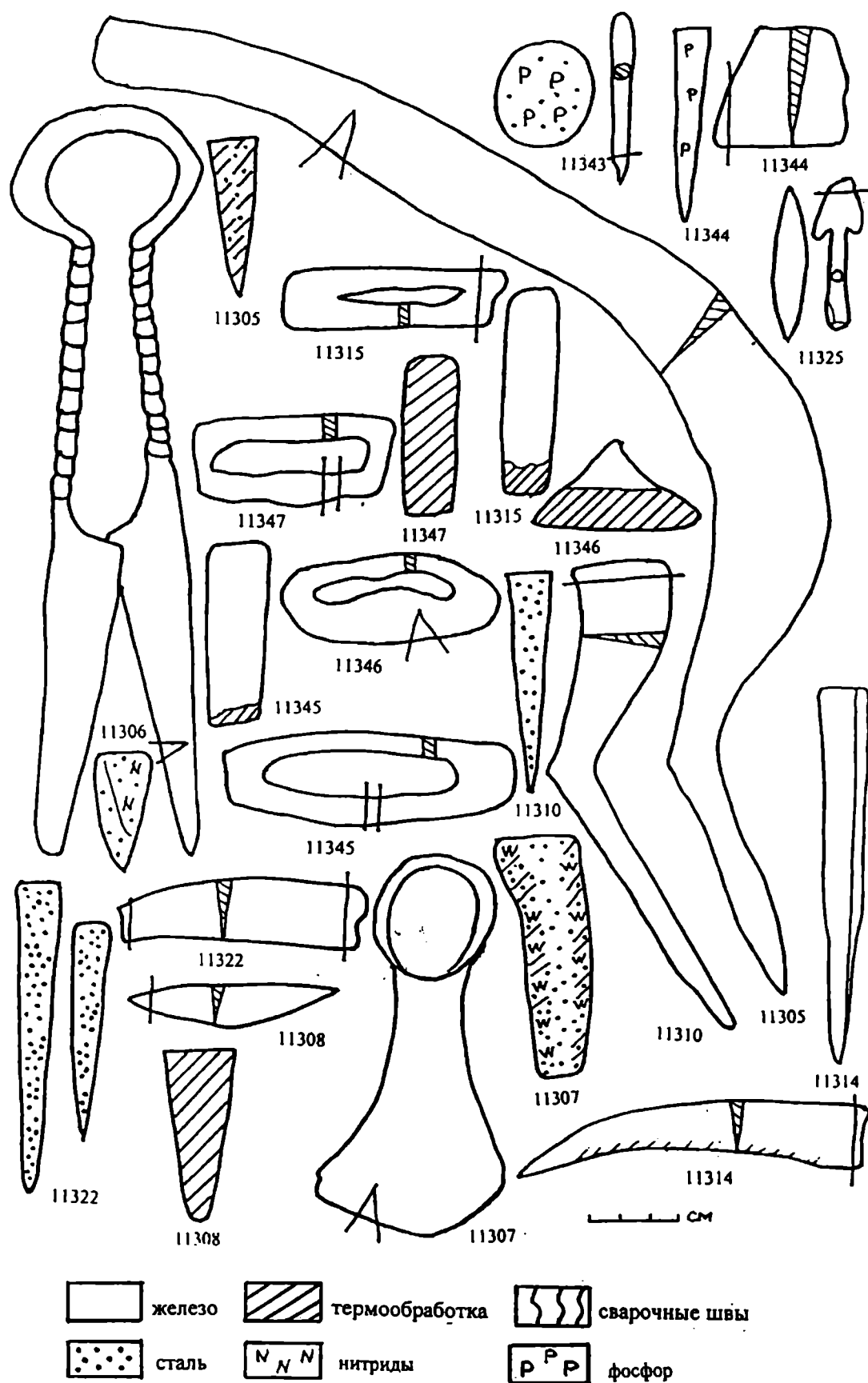

Рис. 2. Кузнечные изделия из селища Мякинино и технологические схемы их изготовления

клинков ножей применялись пять технологических схем: целиком из железа изготовлены 5 экз. (рис. 1, ан. 11301, 11303, 11317, 11323; рис. 3, ан. 11327), целиком из сырцово-валяной стали — 21 экз. (рис. 1; рис. 3; ан. 11296–11300, ан. 11309–11313, ан. 11319, ан. 11324, ан. 11326, ан. 11329, ан. 11331–11337, ан. 11339); целиком из высокоуглеродистой стали — 3 экз. (рис. 1, ан. 11302, 11318; рис. 3, ан. 11320); из пакетированной заготовки — 3 экз. (рис. 1, ан. 11304, 11316; рис. 3, ан. 11342); с использованием технологии наварки стального лезвия — всего 5 экз., из них представленной в разных вариантах: в торец — 3 экз. (рис. 1, ан. 11321; рис. 3, ан. 11330, 11338); косой боковой — 1 экз. (рис. 3, ан. 11328); в виде латинской буквы V — 1 экз. (рис. 3, ан. 11340).

При изготовлении серпов использовались две технологические схемы: целиком из сырцово-валяной стали — 3 экз. (рис. 2, ан. 11305, 11310, 11322) и из пакетированной заготовки — 1 экз. (рис. 2, ан. 11314).

Ножницы изготовлены целиком из сырцово-валяной стали (рис. 2, ан. 11306).

При изготовлении тесла использовалась технологическая схема поверхностной цементации лезвия (рис. 2, ан. 11307).

Из двух топоров один экземпляр откован целиком из фосфористого высокопрочного железа (рис. 2, ан. 11344), второй имел стальное лезвие, наваренное в торец корпуса топора (рис. 2, ан. 11308).

Из четырех кресал три откованы в обычной для этой категории технологии торцевой наварки ударного ребра на железную основу (рис. 2, ан. 11315, 11345, 11346). Один экземпляр изготовлен целиком из высокоуглеродистой стали (рис. 2, ан. 11347).

Наконечник стрелы откован целиком из железа (рис. 2, ан. 11325).

Стержень (круглый в сечении) откован из неравномерно науглероженной сырцово-валяной стали с участками фосфористой сегрегации (рис. 2, ан. 11343).

Обобщая полученные технологические данные, можно заключить, что большинство изделий (33 экз.) изготовлено из железа и сырцово-валяной стали, т. е. стали, полученной непреднамеренно в ходе металлургического процесса. В основном это малоуглеродистая сталь, содержащая углерод в пределах 0,1–0,3 %. По своим механическим свойствам она мало отличается от железа, поскольку не воспринимает термообработку, значительно улучшающую рабочие качества изделия.

Металл исследованных изделий характеризуется сильной загрязненностью шлаковыми включениями, что связано как с характером ме-

таллургического процесса, так и со степенью кузнечной обработки полуфабриката.

Специально полученная путем цементации заготовок качественная сталь отмечена крайне редко. Из такой стали отковано всего три изделия. В основном ее использовали в пакетированных заготовках или в качестве наварки на рабочую часть ножей, кресал, топоров. Сварные технологические схемы также достаточно редки в исследованной коллекции (9 экз.) и представлены только схемой наварки стального лезвия. На единственном экземпляре обнаружен такой архаичный прием как цементация рабочего края готового изделия (лезвие тесла).

Чтобы определить уровень знаний мастеров, отковавших эти изделия, мы распределили выявленные технологические схемы изготовления кузнечных изделий по двум технологическим группам. В основе этого распределения лежит принцип технологического конструирования поковки.

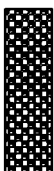

Группа I включает простые технологические схемы, связанные с изготовлением цельнометаллических изделий из железа и стали, полученной разными способами, а также с использованием пакетированного металла в процессе формовки заготовки. Эти схемы в производстве изделий уходят своими корнями в эпоху раннего железа.

Группа II включает технологические схемы, основанные на сварке железной основы изделия и стального лезвия (в данном случае это схема наварки), имеющие своей целью создание твердой рабочей части изделия и одновременно экономии дорогого стального материала. Технология наварки стального лезвия в Восточной Европе занимает ведущее положение в средневековую эпоху. Причем на Руси в домонгольский период группа I характерна для производственных традиций южнорусских земель, тогда как группа II доминирует в кузнечном ремесле Северной Руси (*Терехова и др.*, 1997. С. 291–295).

В хронологическом отношении по данным В. Ю. Коваля материалы изученной нами коллекции из Мякинино разделяются на два этапа: домонгольский (вторая половина XII — первая половина XIII в.) и золотоордынский (середина XIII–XV в.). В свою очередь материалы домонгольского этапа происходили из трех групп археологических комплексов (объектов). Объекты первой группы датировались в пределах середины — второй половины XII в., второй группы — первой половиной XIII в., а в третью группу были включены те комплексы, датировка которых не могла быть сужена в пределах домонгольского периода существования селища, т. е. середины XII — середины XIII в.

Выделенные нами технологические группы распределяются хронологически следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Хронологическое распределение технологических групп по материалам из селища Мякинино¹

Хронологические этапы	Технологические группы		Всего
	Группа I	Группа II	
Домонгольский. I группа комплексов (2-я пол. XII в.)	7 	1 	8
II группа комплексов (1-я пол. XIII в.)	14 	1 	15
III группа комплексов (сер. XII — сер. XIII в.)	12 	3 	15
Золотоордынский (2-я пол. XIII–XV в.)	6 	4 	10
Всего	39	9	48

Как явствует из таблицы 1, в домонгольское время в культуре железообработки селища Мякинино доминировали простые технологии (т. е. группа I). Из дополнительных приемов, требующих от кузнеца специальных знаний по улучшению качества изделия, используется термическая обработка — только в виде твердой закалки (в воде). Группа II составляет незначительную долю.

В золотоордынское время положение меняется: доля технологической группы II возрастает, приближаясь в количественном отношении к группе I. К сожалению, количественная представительность материалов по этому периоду для окончательных выводов пока недостаточна. Поэтому на данном этапе изучения мы можем говорить лишь о намечаемой тенденции. Однако эта тенденция

¹ Цифры рядом с гистограммами обозначают количество предметов.

подтверждается косвенными данными, в частности, материалами, происходящими из Московского Кремля.

Исследованная нами коллекция железных предметов (36 экз.)¹ из Московского Кремля, относящаяся к тому же времени, что и Мякинино (вторая половина XII–XV в.), демонстрирует позицию, близкую к материалам из селища (табл. 2).

сих центрах Древней Руси уже существовало специализированное городское кузнечное ремесло, основанное на использовании рациональной технологии наварки стальной рабочей части. Селище Мякинино, находящееся в непосредственной близости от Москвы, естественно было включено в торговые отношения с городом. Нет сомнения в том, что такие изделия, как кресала

Таблица 2. Сравнительная характеристика хронологического распределения технологических групп по материалам из селища Мякинино и Московского кремля

Хронологические этапы	Памятники	Технологические группы	
		Группа I	Группа II
Домонгольский (сер. XII — сер. XIII в.)	Москва	12 	1
	Мякинино	33 	5

Хронологическое распределение технологических групп показало, что до середины XIII в. здесь также доминирует *группа I* (простые технологии). Технологическая *группа II* представлена единичным экземпляром. Существенные изменения происходят в золотоордынский период: доля изделий *группы II* возрастает. В количественном отношении она становится сопоставима с *группой I*. При этом московские материалы позволяют определить наибольшую концентрацию изделий *группы II* в пределах XIV–XV вв.

Парадоксально, но факт: в условиях татаро-монгольского завоевания явно выявляется прогрессивное развитие в железообрабатывающем производстве. На наш взгляд, это явление можно связать с политикой московских князей, привлекавших в формирующийся город квалифицированных, специализированных мастеров. Напомним, что в этот период во многих город-

(рис. 2, ан. 11315, 11345, 11346), топор (рис. 2, ан. 11308), выполненные в технологии наварки и отличающиеся высоким качеством, являются продукцией городских ремесленников. Эта технология предполагает высокую квалификацию мастера, что подразумевает профессиональное знание свойств различных сортов металла, оптимальных температурных режимов для проведения качественной сварки, соблюдение последовательности технологических операций. Если сравнить городскую продукцию с изделиями домонгольского периода из селища Мякинино, выполненными также в наварной технологии, можно заметить существенные различия и в подборе материала, и в качестве исполнения. Кузнецы, изготовившие эти изделия, по всей видимости, не умели сваривать железо с твердой сталью, поэтому основу заготовки составлял либо пакетированный металл (рис. 1, ан. 11321;

¹ Аналитические материалы хранятся в архиве Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Благодарим Т. Д. Панову, заведующую археологическим отделом музея-заповедника «Московский Кремль», за предоставление материалов для металлографического анализа.

рис. 3, ан. 11338), либо использовалась сырцовая сталь (ан. 11328, 11330, 11340). Сварочные швы, соединяющие разные сорта металла, — грубые, широкие, забитые шлаковыми включениями.

Эти наблюдения, позволяют говорить о том, что происходящие из домонгольского слоя поселения Мякинино изделия, имеющие стальные наварные лезвия, являются продукцией сельских кузнецов. При этом следует отметить, что и продукция московских кузнецов в это время по своим техническим характеристикам практически не отличалась от сельской. Сама Москва в этот период не была еще крупным городским центром, а представляла собой лишь небольшой пограничный городок Суздальской земли, далекий

от ее главных центров — Ростова, Суздаля, Владимира (Ключевский, 1957. С. 6–7). Однако по мере роста города и формирования городского ремесла продукция его появляется на сельских поселениях, как было показано на примере Мякинино.

В заключение нельзя не обратить внимания на тот факт, что, хотя исторически Московская земля входила в состав Северо-Восточной Руси, для которой характерно доминирование сварной технологии в железообрабатывающем производстве, кузнечные традиции Москвы и ее ближайшей округи были сходны с южнорусскими. Вероятно, это можно связать с притоком южнорусского населения на территорию Московии.

Литература

Вознесенская Г. А., 1999. Технология кузнечного производства на южнорусских сельских поселениях // Археология. № 2. Київ.

Ключевский В. О., 1957. Курс русской истории. Ч. 2. Т. II. М.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32. М.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Приложение

Описание результатов металлографических анализов

Ножи

Ан. 11296 (р. 1, уч. 1, кв. 13, слой 2, № 31). Сохранилась часть изделия (отсутствует кончик ножа). Образец взят с полного поперечного сечения клинка. Микроскопическое исследование установило на всей поверхности шлифа структуру перлита с мартенситом, имеющих микротвердость 274, 322 кг/мм². Шлаковые включения присутствуют в большом количестве.

Вывод. Клинок ножа откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11297 (р. 1, уч. 3, слой 2, кв. 70, № 116). Сохранились часть клинка и черешок. Микроскопическое исследование выявило на поверхности шлифа несколько структурных составляющих: мартенсит (микротвердость 514, 572, 724 кг/мм²), троостит (микротвердость 350 кг/мм²), феррито-перлит (микротвердость 193 кг/мм²). Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок ножа откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11298 (р. IV, уч. 5, слой 2, кв. 15, № 151). Изделие сохранилось полностью. Сохранность металла плохая. Образец взят с полного попереч-

ного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура, содержание углерода 0,1–0,2 %, микротвердость 181 кг/мм². Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок ножа откован из малоуглеродистой стали.

Ан. 11299 (р. 1, уч. 2, кв. 30, слой 2, № 64). Острие клинка ножа обломано. Взято два образца с полного поперечного сечения. Шлиф А. На всей поверхности шлифа выявлены две структурные составляющие: феррит с перлитом (микротвердость 236 кг/мм² и мартенсит с трооститом (микротвердость 350, 464 кг/мм²). Металл загрязнен шлаковыми включениями. Шлиф Б: структура аналогична шлифу А.

Вывод. Нож откован из сырцовой неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11300 (р. 1, уч. 6, яма 33, кв. 136, № 222). Полностью сохранился. Образец взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура, сильно загрязненная шлаковыми включениями. Содержание углерода колеблется от 0, до 0,5 %, микротвердость 160, 221, 254 кг/мм².

Вывод. Нож откован из неравномерно науглероженной стали.

Ан. 11301 (р. 1, уч. 4, яма 1, кв. 86, № 190). Сохранился в виде обломка клинка. Образец взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита со следами перлита, сильно загрязненная шлаковыми включениями, микротвердость 206 кг/мм².

Вывод. Клинок откован целиком из железа.

Ан. 11302 (р. 1, уч. 4, кв. 76, № 171). Сохранился почти полностью за исключением кончика клинка. Взято два образца с полного поперечного сечения клинка. Шлиф А. На поверхности клинка выявлена структура мартенсита с крупными иглами, микротвердость 514, 642 кг/мм². Аналогичная структура на шлифе Б, микротвердость мартенсита 464, 724 кг/мм². Количество шлаковых включений незначительно.

Вывод. Клинок откован из высокоуглеродистой качественной стали и закален в воде.

Ан. 11303 (р. 1, уч. 1, кв. 8, слой 2, № 38). За исключением самого кончика острия сохранился полностью. Образец взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита, загрязненная шлаковыми включениями. Микротвердость феррита 151, 160 кг/мм².

Вывод. Клинок откован целиком из железа.

Ан. 11304 (р. I, уч. 11, кв. 258, № 312, яма 84). Форма изделия сохранилась, сохранность самого металла плохая. Образец взят с полного поперечного сечения клинка. На поверхности шлифа выявлено несколько структурных зон, разделенных идущими в разных направлениях сварочными швами: с ферритной структурой, микротвердость 160, 181 кг/мм², с феррито-перлитной структурой (содержание углерода колеблется в основном в пределах 0,1–0,3 %, микротвердость 193 кг/мм²) и свободного цементита. Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из вторично использованного металла.

Ан. 11309 (р. IV, уч. 2, кв. 42, № 121, яма 3). Сохранность изделия хорошая. Образец взят с полного поперечного сечения острия клинка. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита с перлитом, содержание углерода 0,1–0,2 %. В зернах феррита отмечены включения нитридов. Микротвердость 135–143 кг/мм². Металл почти не содержит шлаковых включений.

Вывод. Клинок ножа откован из малоуглеродистой мягкой стали.

Ан. 11311 (р. I, уч. 11, кв. 271, № 320, яма 96). Нож хорошей сохранности. Образец для исследования взят с $1/2$ поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита с перлитом, содержание углерода 0,1–0,2 %. Микротвердость 181, 193, 206 кг/мм². Металл хорошо прокован: шлаковые включения наблюдаются в виде тонких нитевидных линий.

Вывод. Клинок ножа откован из малоуглеродистой стали.

Ан. 11312 (р. IV, уч. 2, слой 2, кв. 30, № 95). Образец взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности клинка выявлена феррито-перлитная структура с содержанием углерода 0,1–0,4 %. Микротвердость 181, 221, 236 кг/мм². Перлит видманштеттного вида. Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из малоуглеродистой стали.

Ан. 11313 (р. I, уч. 11, кв. 270, № 270, яма 89). Сохранился в виде обломка клинка. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа обнаружена феррито-перлитная структура, содержание углерода 0,1–0,3 %. Микротвердость 181–193 кг/мм². Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из малоуглеродистой стали.

Ан. 11316. Неопределенный предмет (р. V, уч. 3, кв. 74а, № 16, яма 12). Предмет обломан, примерно в середине сохранившейся части имеется отверстие со вставленным в него штырем. Образцы для исследования взяты с полного поперечного сечения обеих сторон. На обоих шлифах (А и Б) выявлена одинаковая структура мартенсита, микротвердость 383, 420 кг/мм². Вдоль шлифов идут по два сварочных шва: широкие, несколько неровные. Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Предмет изготовлен с помощью кузнечной сварки (вгорячую) трех полос высокоуглеродистой стали и подвергнут резкой закалке (вода).

Ан. 11317 (р. 1, уч. 3, слой 2, кв. 65, № 125). Сохранность металла плохая. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена ферритная структура, микротвердость 135, 143 кг/мм². Металл чистый в отношении шлаковых включений.

Вывод. Клинок откован из железа

Ан. 11318 (р. 2, уч. 2, кв. 9, № 8, яма 5). Сохранность металла плохая. Образец взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена структура мартенсита, микротвердость 420 кг/мм². Металл чистый в отношении шлаковых включений.

Вывод. Клинок откован из высокоуглеродистой стали и закален в воде.

Ан. 11319 (р. 1, уч. 3, слой 2, кв. 65, № 18). Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлены структуры: феррит, феррит с перлитом, мартенсит, микротвердость соответственно 181, 297, 350 кг/мм². Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали и подвергнут закалке в воде.

Ан. 11320 (р. I, уч. 11, ув. 250, № 258, яма 64). Сохранность предмета хорошая. Образец взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена структура мартенсита, микротвердость 322, 383, 464, 514 кг/мм². Металл хорошо освобожден от шлаковых включений.

Вывод. Клинок откован из стали и закален в воде.

Ан. 11321 (р. I, уч. 12, слой 2, кв. 282, № 328). Образец для исследования взят с ? поперечного сечения клинка. На поверхности клинообразного шлифа выявлены четыре зоны: на острие шлифа зона с мартенситной структурой, микротвердость 350, 420 кг/мм², она отделена сварочными швами в центре и с одного края до самой спинки зонами также с мартенситной структуры, микротвердость 274, 322 кг/мм², с другого края на спинке шлифа — структура феррита микротвердостью 274 кг/мм².

Вывод. Технологическая схема изготовления клинка ножа — торцовая наварка стального лезвия на основу, сваренную из кусочков железа и стали. В заключение клинок закалили в воде. Железо имеет высокую твердость.

Ан. 11323 (р. I, уч. 11, кв. 273, яма 76, № 290). Сохранился лишь клинок, черешок отсутствует. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена ферритная структура, сильно загрязненная шлаковыми включениями. Микротвердость феррита 151, 170, 181 кг/мм².

Вывод. Клинок откован целиком из железа.

Ан. 11324 (р. 1, уч. 4, кв. 75, № 164, яма 4). Имеет горбатую спинку. Образец взят с $\frac{1}{2}$ поперечного сечения клинка. На поверхности шлифа выявлена структура феррита с перлитом, содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,5 %, микротвердость 181. 193 кг/мм². По границам зерен феррита фиксируется цементит. Металл чистый в отношении шлаковых включений

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали.

Ан. 11326 (кв. 253, № 282, яма 84). Сохранился лишь клинок, черешок утрачен. Образец для исследования взят с $\frac{1}{2}$ поперечного сечения. На поверхности шлифа выявлены следующие структурные составляющие: феррит, троостит, мартенсит, микротвердость соответственно 193, 297, 350–383 кг/мм². Шлаковые включения присутствуют в большом количестве.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11327 (р. I, уч. 12, слой 2, кв. 280, № 329). Изделие почти полностью сохранилось (отсутствует лишь самый кончик клинка). На одной из сторон, почти у обушка, вдоль клинка проходит врезная линия, параллельная лезвию. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена ферритная структура, загрязненная шлаковыми включениями. На острие клинообразного шлифа по границам зерен феррита фиксируется цементит. В зернах феррита наблюдаются включения нитридов железа в виде мелких точек (фаза А). На поверхности шлифа хорошо видны завары пустот, наблюдаемые в виде тонких темных линий. Микротвердость феррита 122, 143, 151 кг/мм², цементита 236 кг/мм². Металл загрязнен средними и мелкими шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из железа.

Ан. 11328 (р. I, уч. 12, слой 2, кв. 236, № 331). Сохранилась часть клинка и черешок. Вдоль обушка, с одной стороны клинка по всей его длине проходит врезная линия. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. Образец развалился на две части. На шлифе А выявлена в основном ферритная структура, микротвердость 206 кг/мм², лишь вдоль одного края в нижней части шлифа фиксируется структура мартенсита, микротвердость которого составляет 350 кг/мм². Шлаковые включения присутствуют в большом количестве. Всю поверхность клинообразного шлифа Б занимает структура мартенсита, микротвердость 420 кг/мм². Шлаковые включения малочисленны.

Вывод. Можно полагать, что при изготовлении ножа была применена технология наварки стального лезвия на железную основу, вероятно, косая боковая наварка. При сварке были допущена ошибка, скорее всего, связанная с температурными нагревами свариваемых поковок. В результате некачественной сварки плотного соединения не произошло, и со временем клинок раскололся по сварочному шву. Заключительная операция при отковке — закалка в воде.

Ан. 11329 (р. III, уч. 5, слой 2, кв. 101, № 149). Сохранился не полностью клинок. Образец взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа обнаружены следующие структурные составляющие: феррит, феррит с перлитом, мартенсит, троостит, микротвердость соответственно 170, 193, 824, 297 кг/мм. Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11330 (р. IV, уч. 3, кв. 68, № 139, яма 5). Предмет полностью сохранился, за исключением небольшого фрагмента острия. Образец взят с полного поперечного сечения клинка. На поверхности клинообразного шлифа выявлены две структурные зоны, разделенные сварочным швом: на острие — структура мартенсита, микротвердость 464, 572 кг/мм², на остальной части — феррит, мартенсит. Микротвердость феррита 170 кг/мм², мартенсита 297, 464 кг/мм². Наблюдается диффузия углерода в железную основу. Металл чистый в отношении шлаковых включений.

Вывод. Клинок изготовлен по технологии торцовой наварки стального лезвия на железную основу с последующей закалкой в воде.

Ан. 11331 (р. I, уч. 11, кв. 268, № 277, яма 78). Сохранился фрагмент лезвия и черешок с обоймицей. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. На поверхности шлифа выявлены следующие структурные составляющие: феррит, троостит, мартенсит, микротвердость соответственно: 181, 297, 350–464 кг/мм². Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11332 (р. I, уч. 9, яма, 246). Сохранность плохая. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура с участками чистого феррита. Содержа-

ние углерода колеблется от 0,1 % до 0,6–0,7 %. Микротвердость феррита 193 кг/мм², феррито-перлитной структуры 221–254 кг/мм². Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали.

Ан. 11333 (р. V, уч. 1, кв. 4, № 5, яма 2). Сохранилась часть клинка и черешок; переход от клинка к черешку происходит плавно, без уступа. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения клинка. На поверхности шлифа выявлены две структурные составляющие: феррит и мартенсит. Иглы мартенсита крупные. Микротвердость феррита 193 кг/мм², мартенсита 254, 297 кг/мм². Шлаковые включения имеют вид тонких длинных линий.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде. Ковка велась при высоких температурах. Об этом свидетельствует крупноигльчатый мартенсит.

Ан. 11334 (р. IV, яма 26, № 157). Сохранилась только лезвийная часть, черешок отсутствует. Образец взят для исследования с $\frac{1}{2}$ поперечного сечения. На поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура, сильно загрязненная шлаковыми включениями. Содержание углерода составляет 0,1–0,3 %, доходя на отдельных участках до 0,4–0,5 %.

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали.

Ан. 11335 (р. I, уч. 11, кв. 258, № 310, яма 84). Полностью и хорошо сохранился. Образец для исследования взят с $\frac{1}{2}$ поперечного сечения клинка. На поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура, есть участки с ферритной структурой. Содержание углерода колеблется в пределах 0,1–0,4 %, правда есть островки углерода, достигающие 0,8 %. Микротвердость феррита 170 кг/мм², в светловинах достигая 274 кг/мм², в феррито-перлитных участках она колеблется в пределах 221–274 кг/мм². Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок откован из сырцово-неравномерно науглероженной стали.

Ан. 11336 (р. I, уч. 11, кв. 271, № 314, яма 96). Сохранность изделия хорошая, обломан лишь кончик лезвия. Образец для исследования взят с $\frac{1}{2}$ поперечного сечения клинка. На поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура (микротвердость 193 кг/мм²), содержание углерода составляет 0,1–0,3 %, есть участки чистого феррита, микротвердость 181 кг/мм², в структу-

ре встречаются светловины, на этих участках микротвердость достигает 254 кг/мм². Шлаковых включений много.

Вывод. Клинок откован из малоуглеродистой стали.

Ан. 11337 (р. I, уч. 11, яма 96, выброс, № 322). Сохранился клинок, черешок отсутствует. Образец для исследования взят с $1/2$ поперечного сечения. На поверхности шлифа структура выглядит следующим образом: по всему периметру — структура феррита, микротвердость которого высокая и в разных точках колеблется от 221 до 274 кг/мм². В центральной части клинообразного шлифа по всей его длине (от спинки до острия) — структурные составляющие: перлит и мартенсит, микротвердость соответственно 383, 420 кг/мм². Как будто по центру проходит сварочный шов, выглядит он в виде длинного тонкого шлака темного цвета. Шлаковых же включений вообще мало и они мелкие округлой формы.

Вывод. Вероятно, заготовка при проковке была согнута вдвое для получения необходимой толщины. Заключительная операция — закалка в воде.

Ан. 11338 (р. 1, уч. 3, слой 2, кв. 67, № 117). Сохранность изделия хорошая. Образец для исследования взят с $1/2$ поперечного сечения клинка. На поверхности клинообразного шлифа выявлены структурные зоны, разделенные сварочными швами: на острие шлифа зона с мартенситной структурой, микротвердость 322, 420 кг/мм². Эта зона отделена сварочным швом, идущим параллельно спинке шлифа, от зоны с феррито-сорбитной структурой, микротвердость 193, 254, 322 кг/мм². В свою очередь эта зона разделена на две неравные части сварочным швом, проходящим в перпендикулярном по отношению к спинке шлифа направлении. Оба сварочных шва широкие и загрязнены шлаковыми включениями. Сам же металл также имеет повышенное содержание шлаковых включений.

Вывод. Технологическая схема изготовления ножа — торцовая наварка стального лезвия на пакетированную стальную же основу с последующей закалкой в воде.

Ан. 11339 (р. IV, уч. 2, слой 2, кв. 32, № 90). Сохранился клинок, черешок обломан. Образец для исследования взят с $1/2$ поперечного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена феррито-мартенситная структура, микротвердость феррита 181 кг/мм², мартенсита 383 кг/мм².

Вывод. Клинок откован из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11340 (р. 2, уч. 1, слой 1, кв. 21, № 2 (?)). Сохранился клинок, черешок обломан. Образец для исследования взят с $1/2$ поперечного сечения. На поверхности клинообразного шлифа выявлены две зоны, разделенные четко фиксируемым сварочным швом: на острие зона с мартенситной структурой, микротвердость 383, 420 кг/мм², основную часть составляет зона с ферритной и мартенсито-трооститной структурой, микротвердость соответственно 170 кг/мм², 420 кг/мм², 236 кг/мм². Шлаковые включения присутствуют в незначительном количестве.

Вывод. Технологическая схема изготовления клинка представляет V-образную наварку стального лезвия на стальную основу с последующей закалкой в воде.

Ан. 11342 (р. I, уч. 11, кв. 258, № 307, яма 83). Представляет обломок клинка. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения. На поверхности клинообразного шлифа выявлено несколько зон, разделенных сварочными швами, идущими вдоль шлифа. Центральная зона, выходящая на острие шлифа, содержит структуру мартенсита, микротвердость 642, 724, 824 кг/мм². По обе стороны от нее выявлены зоны с ферритной, трооститной и мартенситной структурами, микротвердость соответственно 206 кг/мм², 383 кг/мм², 464–572 кг/мм². Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Клинок изготовлен из пакетированной заготовки при четком подборе полос металла: наиболее качественная сталь, которая выходит на лезвие, помещена в центральную часть клинка, боковые полосы — из неравномерно науглероженной стали. Заключительная операция — закалка в воде.

Серпы

Ан. 11305 (№ 345). Случайная находка вне слоя. Сохранился почти полностью, отсутствует лишь самый конец лезвия. По типу он вполне может быть отнесен как к древнерусскому, так и более позднему времени, поскольку древнерусские серпы имели вполне современную конструкцию: кривое широкое лезвие, иногда с зубренным острием. Лезвие через колено переходит в черешок. Образец для металлографического исследования взят с $1/2$ поперечного сечения лезвия. На поверхности шлифа выявлены две структурные зоны: феррит и мартенсит, микротвердость феррита высокое — 274 кг/мм², мартенсита 350, 420 кг/мм². Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Серп изготовлен из неравномерно науглероженной стали и закален в воде.

Ан. 11310 (р. 1, уч. 5, слой 1, кв. 105, № 199). Сохранилась часть клинка и черенок, оттянутый вверх под углом примерно 45° . Образец взят с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена мелкодисперсная феррито-перлитная структура, содержание углерода колеблется от 0,3 до 0,7 %, микротвердость 170, 181, 221 кг/мм². Металл чистый в отношении шлаковых включений.

Вывод. На изготовление серпа пошла среднеуглеродистая сталь.

Ан. 11314 (р. IV, уч. 1, кв. 3, № 63, яма 2). Сохранился фрагмент клинка в виде острия с четко видимыми насечками. Образец взят для исследования с полного поперечного сечения клинка. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита, сильно загрязненная шлаковыми включениями. Микротвердость 181, 193 кг/мм². Вдоль шлифа по всей его длине проходит сварочный шов.

Вывод. Можно полагать, что серп был откован из согнутой вдвое железной полосы. Никаких дополнительных операций по улучшению рабочей части не выявлено.

Ан. 11322 (р. 1, уч. 6, кв. 122, № 215, яма 32). Сохранился фрагмент клинка. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена феррито-перлитная структура, содержание углерода в основном 0,2–0,5 %, достигая на отдельных участках 0,8 %. Микротвердость феррита 193 кг/мм², феррита с перлитом 236–274 кг/мм². Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Серп откован из неравномерно науглероженной стали.

Топоры

Ан. 11308 (р. IV, уч. 2, слой 1, кв. 48, № 88). Сохранилась лишь лезвийная часть. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения лезвия. На всей поверхности шлифа выявлена структура сорбита с мартенситной ориентировкой, микротвердость 350, 383 кг/мм². Шлаковые включения мелкие и крайне редкие.

Вывод. На изготовление лезвия топора пошла высокоуглеродистая сталь. Можно полагать, что была применена технология наварки лезвийной части на железный корпус. Об этом свидетельствует скол, который визуально виден на спинке металлографически исследованной лезвийной части. Видимо, кузнечная сварка была выполнена недостаточно качественно, в результате в процессе эксплуатации и произошел разлом по сварочно-

му шву. Заключительная операция — закалка с отпуском. Этот вид термообработки оптимально отвечает ударному действию орудия.

Ан. 11344 (р. IV, уч. 2, кв. 37, яма 3, № 99). Сохранилась лезвийная часть. Образец для исследования взят с продольного сечения. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита, микротвердость 274, 322 кг/мм². Шлаковых включений много.

Вывод. Лезвие топора отковано из твердого (фосфористого) железа.

Тесла

Ан. 11307 (р. 1, уч. 5, слой 1, кв. 109, № 196). Изделие хорошей сохранности. Образец для исследования взят с продольного сечения лезвия. На поверхности шлифа выявлено две структурные зоны: по краям шлифа зона, содержащая троостит, мартенсит, видманштетт, микротвердость соответственно 297, 824, 274 кг/мм²; в центре шлифа зона с феррито-перлитной структурой, микротвердость 274, 297 кг/мм². Металл загрязнен шлаковыми включениями.

Вывод. Лезвие тесла было отковано из сырцово-вой стали. Дополнительно подверглось поверхностной цементации, а затем термической обработке — закалке в воде.

Ножницы шарнирные

Ан. 11306 (р. 3, уч. 1, кв. 15, яма 5, № 12). Целые, хорошей сохранности. Образец для исследования взят с $1/2$ поперечного сечения лезвия. На всей поверхности шлифа выявлена структура феррита с перлитом, а на отдельных участках цементит. Содержание углерода 0,1–0,3 %. В зернах феррита — включения нитридов железа. Микротвердость структуры 160, 181 кг/мм². Металл загрязнен неметаллическими включениями.

Вывод. Ножницы откованы из малоуглеродистой сырцовой стали.

Кресала

Ан. 11315. Кресало овальной формы (р. IV, уч. 2, кв. 38, яма 3, № 115). Не сохранился один край с торцевой стороны. Образец взят с полного поперечного сечения. На поверхности шлифа выявлены две структурные зоны, разделенные сварочным швом: большую часть шлифа занимает зона с ферритной структурой, микротвердость которой составляет 170, 181 кг/мм², сильно загрязненной шлаковыми включениями. В торце же одного края — зона с мартенситной структурой, имею-

щей микротвердость 572 кг/мм². Металл хорошо освобожден от шлаковых включений.

Вывод. Технология изготовления кресала — наварка ударного ребра из высокоуглеродистой стали на железную основу с последующей закалкой в холодной воде.

Ан. 11345. Кресало овальной формы (р. 3, уч. 3, кв. 48, яма 18, № 33). Сохранилось полностью. Образец для металлографического исследования взят с полного поперечного сечения одной из сторон. На поверхности шлифа выявлены две структурные зоны, разделенные сварочным швом: на большей части шлифа — структура феррита, сильно загрязненного шлаковыми включениями, микротвердость которого равна 151 кг/мм², в торце с одного края в виде узкой полосы наблюдается структура мартенсита, микротвердость которого составляет 946 кг/мм².

Вывод. Технологическая схема — наварка ударного ребра высокоуглеродистой стали на железную основу и закалка в воде.

Ан. 11346. Кресало калачевидное (р. IV, уч. II, кв. 43, яма 3, № 120), очень плохой сохранности. Образец для исследования взят с $\frac{1}{2}$ поперечного сечения ударного ребра. На всей поверхности шлифа выявлены две структурные зоны, разделенные сварочным швом: зона — с мартенситной структурой, микротвердость 350, 420 кг/мм² и зона с ферритной структурой, микротвердость 221, 236 кг/мм². Ферритная зона сильно загрязнена шлаковыми включениями, мартенситная — чистая в отношении шлаковых включений.

Вывод. Технологическая схема изготовления кресала — наварка ударного ребра из высокоуглеродистой стали на железную основу с последующей закалкой готового изделия в воде.

Ан. 11347. Кресало овальной формы (р. IV, уч. 1, кв. 16, яма 2, № 56). Образец для исследования взят с полного поперечного сечения. На поверхности шлифа выявлены следующие структурные составляющие: мартенсит, троостит, феррит с перлитом, микротвердость мартенсита 514, 724, 946 кг/мм², троостита 464 кг/мм², феррита с перлитом 221 кг/мм².

Вывод. На изготовление изделия пошла цементованная сталь. Конечная операция — закалка в воде.

Стержень

Ан. 11343. Стержень круглого сечения с заостренным концом (р. I, уч. 11, кв. 258, яма 83, № 305). Обломок. Образец для исследования взят с поперечного сечения заостренного конца. На поверхности шлифа выявлены ферритная и феррито-перлитная структуры (содержание углерода 0,1–0,2 %). Микротвердость ферритных участков — 206, 236, 254 кг/мм², феррито-перлитных — 170 кг/мм². Металл содержит много мелких шлаковых включений.

Вывод. Стержень откован из малоуглеродистой стали. Твердость железа повышенная.

Наконечники стрел

Ан. 11325. Наконечник втульчатой стрелы (р. 1, уч. 12, слой 2, кв. 279, № 342) имеет линзовидное перо с двумя шипами. Часть пера утрачена. Образец для исследования взят с полного поперечного сечения пера. На поверхности шлифа выявлена структура феррита со следами перлита, сильно загрязненная шлаковыми включениями. Микротвердость 206, 221, 236 кг/мм².

Вывод. Перо стрелы отковано из железа. Твердость железа повышенная.

Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны

При раскопках на территории коломенского кремля, проводившихся в 2001–2003 гг. коломенской археологической службой¹, (Мазуров, 2004; Сыроватко, 2002; 2003), была собрана представительная коллекция изделий из кожи. Скопления «археологической кожи», основную часть которой составляли детали обуви и обрезки от раскроя (общее количество находок насчитывает 2036 единиц), были зафиксированы на двух участках, где сохранился слой повышенной влажности. Для других древнерусских городов такая цифра относительно невелика, однако в Коломне, в силу сухости основной части культурного слоя, такое скопление зафиксировано впервые. Кроме того, ценность собранного здесь материала повышается благодаря хорошей стратиграфии исследованных участков и наличия серии дендродат.

Первый участок, раскопанный в 2001–2002 гг. (площадь 188 кв. м) расположен по ул. Лазарева, 19, вблизи Крестовоздвиженского храма (рис. 1, 1). Общее количество собранных здесь находок составляет 1043 единицы (табл. 1). Раскоп попал на территорию усадьбы, примыкающей с внутренней стороны к земляному валу XIV–XV вв. (Сыроватко, 2002). Часть усадебной территории, где найдены изделия из кожи, оказалась перекрыта насыпью второго и третьего этапов поновления насыпи вала. Серия дендродат, полученных с внутривальных конструкций второго и третьего строительных этапов, датируют их 20–30 гг. XIV в. (2 этап) и 80–90 гг. XIV в. (3 этап) (Черных, Карпущин, 2002).

Второй участок, расположенный на ул. Болотникова, находится на расстоянии 400 м к западу от первого (рис. 1, 2). Его площадь составляет 262 кв. м. Собранный здесь коллекция кожаных предметов насчитывает 993 единицы (табл. 2).

Рис. 1. Участок коломенского кремля, где проводились археологические исследования
1 — раскоп по ул. Лазарева, 19. Раскопки 2001–2002 гг.;
2 — раскоп на ул. Болотникова

Они были сконцентрированы в верхнем слое засыпки оврага, датируемом автором отчета концом XIV в. (Сыроватко, 2004).

Характеристика обрезков от раскроя

Массовые скопления обрезков от раскроя указывают, как правило, на деятельность в этом месте мастерских. Об этом же свидетельствуют найденные обломки двух сапожных шильев². Однако характер скоплений на описанных выше участках различен. На ул. Лазарева обрезки кожи в количестве 771 экз. были неравномерно распределены по всей территории раскопанного уча-

¹ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность сотрудникам археологической службы г. Коломны и лично А. Б. Мазурову и А. С. Сыроватко, за тщательно отобранный, бережно сохраненный и любезно предоставленный материал.

² Ромбическое сечение шильев наиболее удобно для прокалывания плотной структуры коллагенов (волокнистых формаций обеспечивающих механическую прочность кожной ткани).

Таблица 1. Ул. Лазарева, 19. Раскопки 2001–2002 гг. (глубина -190 — -240 см).

Квадрат (глубина)	Головка	Голенище	Задники	Подова	Подпяточн. подкладки	Обрезки	Неопр. обрывки	Дата
Кв. А		1	3	3		53	4	3-я четв. XIV в.
Кв. Б	2	1		3			1	нач. XIV в.
Кв. В	1					7		
Кв. Г			2					
Кв. 1 (-210)								
Кв. 3 (-210)	1		1	5		22		нач. XV в.
Кв. 6 (-210)			3	3		5		сер. XIII в.
Кв. 7 (-210)				2				2-я треть XIV в.
Кв. 10 (-210)	1	2	4	5				1-я пол. XVI в.
Кв. 12 (-200)				5			1	
Кв. 14 (-190)			3	7				ок. 1390
Кв. 14 (-210)			3	3			5	1330–1390
Кв. 15 (-210)	2			3		31		
Кв. 16 (-210)	2		1	3				1330–1390
Кв. 17 (-210)				1		22		ок. 1330
Кв. 18 (-200)			1	2			9	
Кв. 20 (-210)			2		2	2		1330–1390
Кв. ? 2 этап						71	6	до 1330
Кв. ? 3 этап			3	9	1	87	2	до 1390
Кв. 21 (-210)	2			3		21		
Кв. 21, 3 этап	2			2		11	2	до 1390
Кв. 23 (-210)						35		1330–1390
Кв. 23 (-230)			3			2		1330–1390
Кв. 29 (-220)	1		5	4		35		1330–1390
Кв. 30 (-170)			1			9		
Кв. 30 (-190)			2	3		13		
Кв. 30 (-210)				3		50		1330–1390
Кв. 34 (-210)	1			1		44	5	1330
Кв. 34 (-230)			2	3				1330
Кв. 36 (-170)			3	5	1	47		
Кв. 36 (-210)			3			53		1350 г.
Кв. 36 (-240)				3				
ЮЗ уч-к	1		3			17	4	
Кв.?	1		3			82	8	
Яма 11	2		3	2				XIX в.
Яма 12			3	5				2-я треть XIV в.
Яма 13	1			3				
Яма 14	1	1						сер. XIII в.
Яма 19	3		5	9	6	52		XIII–XIV вв.
Яма 28				8				XVII в.
Всего (1043)	24	5	59	127	10	771	47	

Таблица 2. Ул. Болотникова. Глубина -240 — -280 см.

№ кв.	Головки	Голенища	Задники	Подошвы	Подпяточные подкладки	Обрезки	Неопределимые обрывки	Дата
3	1							нач. XV в.
4	2		3	4			2	нач. XV в.
13				1	1			XIV–XV вв.
18				3				XIV–XV вв.
25				1				XIV–XV вв.
26				2				XIV–XV вв.
29			1					XIV–XV вв.
33				10	1	3		XIV–XV вв.
34	5	1	3	6		3		XIV–XV вв.
36			3	6		21	2	XIV–XV вв.
37	1	1		4		94	5	XIV–XV вв.
41			1	1				XIV–XV вв.
42	3		6	11		60	9	XIV–XV вв.
43			3	5		57	6	XIV–XV вв.
44	1		3	6		79	2	XIV–XV вв.
45	1		1	2		47	5	XIV–XV вв.
49			1		3	50		XIV–XV вв.
50			4	4		34	3	XIV–XV вв.
51			6	15		170		XIV–XV вв.
52						31	1 войлок	XIV–XV вв.
57				10		15		XIV–XV вв.
58	7		5	12		106		XIV–XV вв.
60				1		15	4	XIV–XV вв.
Всего (993)	21	2	40	101	5	785	39	

стка усадьбы. Их концентрация составляла 30–50 единиц на квадрат (в пласте). На ул. Болотникова скопление обрезков в виде компактно спрессованной массы (785 экз.) было обнаружено в заполнении оврага: дубленую кожу трудно сжечь, она плохо гниет, поэтому для утилизации отходов традиционно использовали пустыри, овраги и другие участки, непригодные для жилой застройки.

Скопление обрезков, обнаруженное на ул. Лазарева, позволяет локализовать мастерскую непосредственно на территории данной усадьбы. Поскольку в площадь раскопа попала не вся территория усадьбы, можно предположить, что основную часть отходов производства складирова-

ли где-то на краю двора или вывозили за его пределы. Обрезки, найденные в заполнении древнего оврага, были вывезены с территории одной из усадеб расположенных где-то поблизости. Судя по крою обрезков и датировке слоя, в котором они были зафиксированы, нельзя исключить, что отходы производства происходили из мастерской расположенной на первом из исследованных участков.

По количеству обрезков можно судить о «профессиональном» или «домашнем» статусе мастерской. Хотя на обоих участках большая часть материала осталась за пределами раскапываемой площади, можно предполагать, что мастерские (мастерская?) принадлежали профессио-

налам. Об этом свидетельствует стандартизованная форма обрезков, обусловленная устойчивыми приемами раскроя деталей (в чем ощущается «рука мастера») и другие признаки, описываемые ниже.

Основная часть обрезков принадлежит к отходам обувного производства. По их форме можно определить принадлежность обрезков к тем или иным деталям, реконструировать конкретные операции, выполнявшиеся сапожным мастером. Так, обрезки с выпукло-вогнутой линией являются остатками от раскроя подошв (рис. 2, 3). Длинные нитевидные обрезки (рис. 2, 2) образовывались при окончательной подгонке деталей после их сшивания. Обрезки треугольной формы (рис. 2, 9) остаются от раскроя верха голенищ; с утолщенными закраинами и остатками волоса (рис. 2, 4) — с края шкуры животного, из чего следует, что для шитья использовались целые шкуры, а не вторично использованные детали. Небольшие размеры большей части обрезков указывают на стремление к экономии сырья, что также характерно для профессионала.

При раскопках на территории коломенского кремля найдены отходы, оставшиеся от раскроя и сборки обуви. Никаких следов выделки кож,

таких как зола, дубовое корье или скопления шерсти здесь не зафиксировано. Это важно отметить, поскольку в специальной литературе до сих пор нет единого мнения относительно времени разделения кожевенного и сапожного ремесел.

В фундаментальном труде Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», надолго утвердившего в отечественной историографии целый ряд положений по организации ремесленного производства, в частности, говорилось, что окончательное разделение кожевенного и сапожного производств наступает не ранее XV в. (Рыбаков, 1948. С. 400). В дальнейшем при публикации раскопок кожевенно-сапожных мастерских в основном указывалась та же дата (Арциховский, 1949. С. 128; Рабинович, 1964. С. 102 и др.). Тем не менее, отдельные исследователи допускали существование сапожных мастерских, занимавшихся пошивом обуви из готового сырья уже в XII–XIII вв. (Исюмова, 1959. С. 195).

В данном случае, несмотря на фрагментарность коллекции, можно уверенно говорить об отсутствии кожевенного производства на территории коломенского кремля. Об этом свидетельствуют следующие признаки:

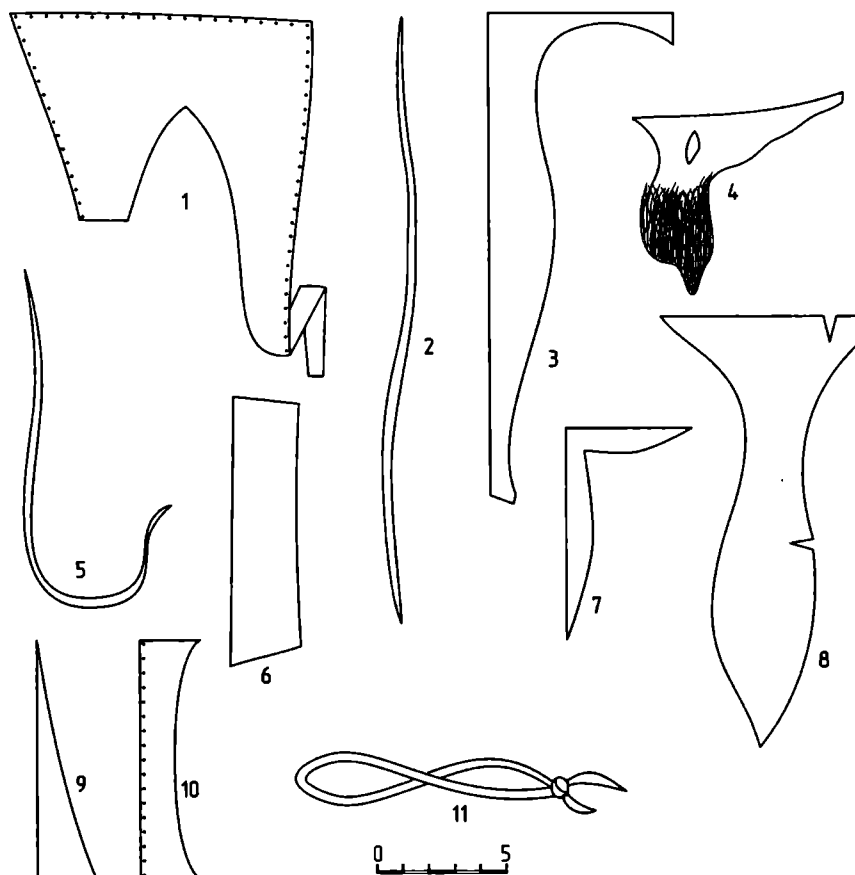

Рис. 2. Обрезки от раскроя

— выделка шкур — водоемкий процесс, требующий их постоянной промывки и вымачивания. Поэтому кожевенные слободы тяготели к проточной воде — берегам рек или больших ручьев. По письменным источникам XVII в. известно, что в Коломне кожевники заселяли правый берег Москвы-реки (Мазуров, 2002. С. 259). Очевидно, и в более ранний период их дворы могли располагаться на берегу;

— обработка кожи — антисанитарное производство. Такие операции, как отмока, шакшевание, золение способствовали распространению болезнетворных организмов и приводили к массовым заражениям опаснейшими заболеваниями (Поварнин, 1912. С. 255). Возможно, это также заставляло кожевников, в отличие от сапожников, селиться на окраине города, подальше от усадеб «лучших людей».

Характеристика обувных деталей

Наряду с обрезками от раскроя в коллекции имеется 394 обувные детали различной формы и сохранности и 86 обрывков неопределенной формы. Для удобства изложения в этой работе дается единое описание материала, хотя его систематизация проводилась по каждому раскопу в отдельности (табл. 1, 2).

Форма деталей

I. Детали верха.

Голенище представлено семью обрывками (табл. 1, 2), из которых шесть фрагментов принадлежат к двусоставным голенищам и одно к цельнокроеным. Как правило, голенища встречаются гораздо реже других деталей, поскольку форма этих деталей и слабый износ, делали их наиболее пригодными для вторичного использования. Высоту голенищ определить затруднительно, так как все детали представлены фрагментарно. Форма голенищ стандартна. Здесь, как и в коллекциях из других городов, представлены голенища трапецевидной формы, с небольшим расширением кверху. Верхний край голенищ кососрезан от колена к икре, обшивка верха отсутствует. Детали изготовлены из кожи молодых особей крупного рогатого скота, толщиной не более 2 мм.

Головка. В коллекции имеется 45 головок различной сохранности. В слое конца XIII–XIV в. зафиксированы головки с округлым или заостренным носком, прямой или вогнутой линией верхнего обреза и короткими кососрезанными боковинами (рис. 3, 1, 6). Три экземпляра выкроены с небольшим заостренным выступом на подъеме

(рис. 3, 2). Поперечный и продольный размеры деталей примерно равны. Лишь у нескольких головок продольный размер меньше поперечного, что характерно для сапог мягкой конструкции.

Несомненный интерес представляют детали с конусообразным вырезом по середине носка, плавно переходящим в наружный контур боковой стороны переда (рис. 3, 3). Вырез служил для вшивания заостренного носка подошвы, что позволяло несколько разгрузить шов. В Коломне такие детали зафиксированы в слое первой трети XIV в., тогда как в других городах они встречаются не ранее середины XV в. (Осинов, 2003. С. 63).

Поднаряды (подкладка). Кроме головок, в коллекции присутствуют поднаряды двух видов. К первому относятся найденные в слое начала XIV в. два неполных поднаряда, закрывающих лишь область пальцев. В слое второй половины XIV в. сохранились два цельнокроенных поднаряда, повторяющих крой головки. Все поднаряды выкроены из кожи, толщиной 1,5 мм.

Задники насчитывают 99 экземпляров, среди которых можно выделить два конструктивных типа. На ул. Лазарева, в слое усадебной застройки первой трети XIV в., обнаружено два задника, принадлежащих к мягкой конструкции, не имевшей жесткого вкладыша. Они имеют прямой обрез верха и скошенные боковины (рис. 3, 4). Форма нижнего обреза задников различна. У одной детали он прямой, у другой — вогнутый (рис. 3, 5).

Остальные задники принадлежат к жесткой конструкции, сшитой в виде кармана с берестяными или кожаными вставками (собственно задником). Форма задники (наружной накладкой задника) имеет классическую форму: заостренный верх, кососрезанные боковины и слегка выпуклый нижний обрез (рис. 3, 8). Хотелось бы отметить две очень высокие (12 см) детали, зафиксированные в слое XV в. В коллекциях других городов задники такой формы встречаются крайне редко.

II. Детали низа.

Подошвы, как правило, встречаются в слое чаще других деталей (рис. 4), поскольку сильный износ делает их абсолютно непригодными для вторичного использования. В нашей коллекции насчитывается 228 экз. подошв. Все они сильно стертые, отдельные экземпляры протерты до дыр.

Все подошвы выкроены симметрично, без учета правой и левой ноги. Одни подошвы имеют овальную форму, без ярко выделенной перемычки. Профиль других очерчен гораздо резче. В слое XIV в. наиболее распространены подошвы с заостренной формой носка и вытянутой пяткой (рис. 3, 12).

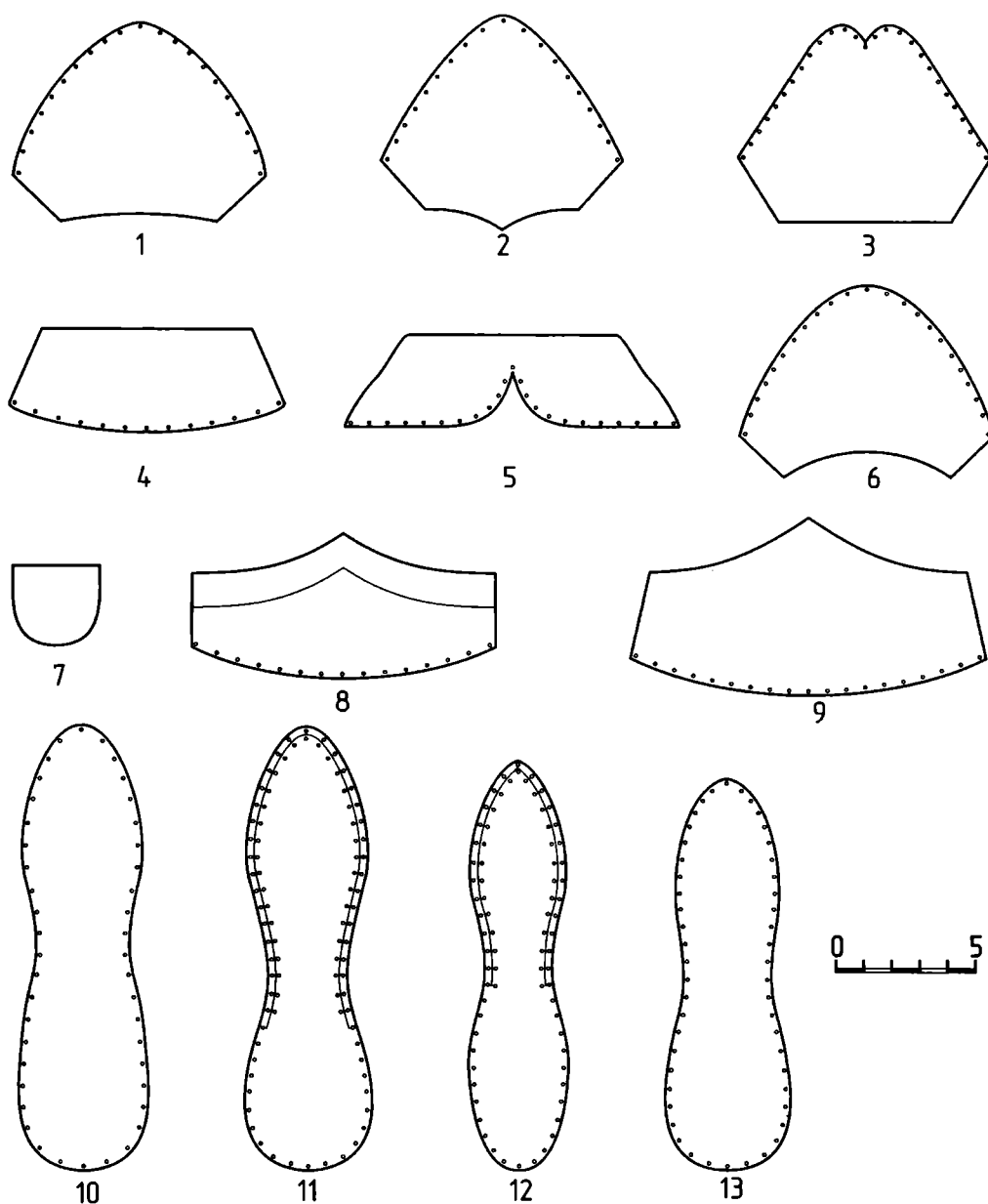

Рис. 3. Детали кроя обуви

В коллекции имеется 17 целых сапожных подошв различного размера. Поскольку конструктивного деления средневековой обуви на мужскую и женскую не существовало, провести половозрастную градацию можно лишь по размерам:

1) к мужской обуви относятся семь подошв длиной 250–295 мм;

2) женскими можно считать шесть подошв — 190–240 мм;

3) детской обуви принадлежат четыре подошвы — 130–180 мм.

С верхом подошвы скреплялись двумя способами: при помощи сквозного (рис. 3, 10, 13) и потайного (рис. 3, 11, 12) швов.

Каблук. Зафиксировано 15 каблучных подкладок (рис. 3, 7), форма которых позволяет отнести их к типу так называемого внутреннего каблука. Такой каблук, не превышавший по высоте 2–3 см, был распространен у сапог в XIV–XVI вв. Небольшое количество найденных здесь каблучных фликов свидетельствует об их вторичном использовании.

В коллекции имеются детали со следами заплат и дотачек, а также проношенные задники и стертые до дыр подошвы. Такой материал указывает на практику ремонта старой обуви. Совмещение пошива и ремонта было широко распространено в сапожных мастерских (Рабинович,

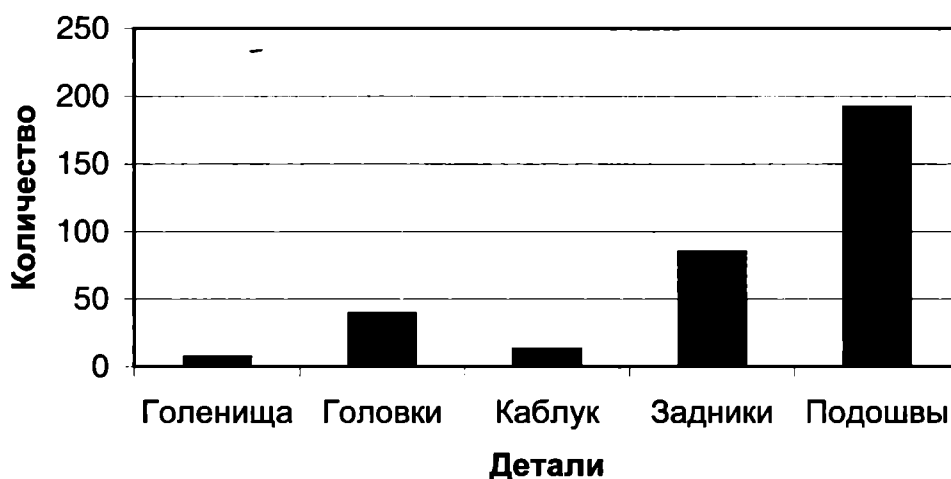

Рис. 4. Частота встречаемости различных обувных деталей

1964. С. 104). Профессиональный сапожник мог выполнять два вида ремонта: простой — наложение заплат на изношенную часть обуви, и сложный — полную замену старой детали на новую. По-видимому, в нашем случае, имели место оба вида ремонтных работ.

Материал

Визуальный осмотр показал, что основными видами сырья, использовавшегося коломенскими сапожниками, были шкуры мелкого (овчина, козлина) и крупного (выросток, полукожник, яловки) рогатого скота. Свиных шкур не зафиксировано вовсе. Из шкур мелкого рогатого скота кроились детали верха: головки, поднаряды, голенища. Шкуры крупного рогатого скота шли как на изготовление деталей верха, так и для подошв. Подошвы из слоя конца XIII — начала XIV в. сделаны из 2–3 скрепленных между собой кожаных пластин, выкроенных из тонкой кожи. Это объясняется слабым развитием технологий выделки кож: относительно тонкие шкуры мелкого рогатого скота лучше поддавались дублению. В конце XIII в. под влиянием мастеров Востока русские кожевники освоили технологию киселевания, позволившую им существенно расширить ассортимент кожевенного товара (Поварнин, 1912. С. 142–148). Освоение новой технологии привело к изготовлению подошв, отличавшихся большей толщиной и жесткостью. Тонкие и мягкие кожи использовались для верха обуви, фурнитуры и кожгалантереи. Судя по небольшому числу расслоений, дубление найденной в Коломне кожи было достаточно качественным.

Технология изготовления

Хорошая датировка слоя позволяет фиксировать время появления и распространения некоторых технологических приемов, определяемых по форме края или способу оформления шовных отверстий. По форме деталей и технологии сборки обуви прослеживается процесс совершенствования кожевенно-сапожного ремесла в Коломне с начала XIV до начала XV в. В этот период меняется конструктивная схема сборки моделей: толстые однослойные подошвы начинают соединять с верхом при помощи потайного шва. При таком способе крепления, нить проходила в толще кожевенного листа, не выходя наружу, в результате чего достигалась повышенная износостойчивость и влагонепроницаемость соединения.

В описываемой коллекции подошвы со следами потайного шва имеют короткие стежки и малую ширину строчки шва (5–6 мм), расположенного вплотную к краю. Хорошо заметны следы шерфования — утончения слоя кожи, примыкающей к внутренней стороне шва, сделанные для удобства прокола. Для этой же цели по центру шва сделан продольный надрез (рис. 3, 11, 12). Такое оформление строчки характерно для ранней стадии применения шва «в подтай». У моделей XV–XVI вв. линия потайного шва отстоит от края на 5–7 мм, а расстояние между строчками значительно шире.

Несмотря на появление толстых однослойных подошв и распространение потайного шва, для скрепления подошв с верхом по-прежнему продолжал использоваться сквозной шов. Среди подошв найденных на ул. Болотникова в слое

конца XIV в. 65 экз. сохранили носочную часть¹. Из них 31 подошва сохранила следы сквозного шва с подрезкой под нить, а на 34 подошвах сохранилась двойная строчка, характерная для шва «в подтай».

Со второй половины XIV в. плантарная часть подошв укреплялась железными гвоздиками, забитыми по периметру пятки, которые способствовали большей износоустойчивости подошв в местах, наиболее подверженных стиранию. Гвоздики имели выпуклые округлые шляпки диаметром 3 мм. Отметим, что в слое второй половины XIV — начала XV в. не найдено ни одной обувной подковки, время появления которых отдельные исследователи относят к XIV в. (Исюмова, 1959. С. 192–222).

Из деталей верха представляют интерес четыре головки с вырезом по центру носочной части, зафиксированные в слое первой трети XIV в. Вырез служил для вшивания заостренного носка подошвы. Такая форма кроя придавала головке больший объем и позволяла вынести носочную часть подошвы несколько выше зоны постоянного контакта с землей. Судя по неглубокому вырезу, детали такого кроя маркируют начальную стадию освоения этого приема. В Москве головки такого кроя появляются не ранее второй половины XV в. (Осипов, 2003. С. 63).

Для сшивания обуви использовалась льняная нить, остатки которой сохранились на нескольких деталях. Ровные линии швов и одинаковые расстояния между отверстиями стежка свидетельствуют, что вся найденная здесь обувь сшита профессиональными сапожниками.

Реконструкция целых форм. Несмотря на то, что в коллекции отсутствуют целые модели, мы можем реконструировать наиболее распространенные формы обуви. Прежде всего, следует обратить внимание, что все найденные детали принадлежат сапогам. В слое конца XIII — первой половины XIV в. доминировали сапоги мягкой конструкции, имевшие наборную или однослойную подошву, головку с округлой формой носка и мягкий задник. С середины XIV в. их постепенно вытесняют сапоги жесткой конструкции, с толстой однослойной подошвой, поднарядом, карманом задника и «внутренним» каблуком. Голенище таких сапог косо срезано от колена к икре. Характерные обрывки войлока

указывают на наличие у сапог вкладных войлочных стелек.

Незначительные различия моделировки обуви сводились к контуру пяточной части и формам носка: заостренной или округлой. Следы какого-либо декора отсутствуют.

Выводы

1. В результате раскопок на территории коломенского Кремля удалось зафиксировать следы сапожных мастерских (мастерской?), занимавшихся изготовлением обуви из готового сырья. Судя по датировке слоя, мастерская на месте современной ул. Лазарева существовала с конца XIII до конца XIV в. Отходы с ул. Болотникова, указывают на деятельность мастерской во второй половине — конце XIV в.

2. Факт утилизации отходов сапожного производства за пределами усадеб указывает на стремление горожан сохранять чистоту дворов.

3. Отсутствие в коллекции фрагментов моделей низких форм (поршни, туфли) свидетельствует о широком распространении сапог. Возможно, выявленные нами мастерские (мастерская?) были ориентированы на изготовление высокой обуви.

4. Благодаря наличию закрытого комплекса (ул. Лазарева), перекрытого насыпью земляного вала, существует возможность уточнить время появления отдельных форм обувных деталей, наибольший интерес из которых представляют головки с вырезом в носочной части. В Коломне они появляются на столетие раньше чем в Москве, Твери и в других городах. Это кажется странным на фоне близости основных технологических приемов раскроя и форм продукции.

5. Сравнивая обувь исследуемого периода с более ранними моделями XII–XIII вв., следует обратить внимание на однообразие фасонов и отсутствие декора. На наш взгляд, это связано с освоением новых технологий выделки кож, раскроя и сборки обуви. На этом этапе еще не было условий для появления конструктивного разнообразия моделей и развития новых приемов их декорирования. Все это произойдет позднее, когда новая технология будет окончательно освоена и представится возможность для дальнейшего усложнения формы и ее украшения.

¹ Носочная часть могла крепиться к верху при помощи сквозного и потайного шва, тогда как пяточная часть всегда крепилась лишь сквозным швом.

Литература

- Арциховский А. В., 1949. Раскопки в Новгороде на Славне // МИА. № 11. М.
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Мастерская сапожника на ул. Пречистенка в Москве // РА. № 2.
- Осипов Д. О., Векслер А. Г., 2004. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Москве // Археология Подмосковья. М.
- Зыбин Ю. П., Шестакова И. С., Богданов И. А., 1952. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи // Архив ИА РАН. Р-1. № 555.
- Зыбин Ю. П., 1982. Конструирование изделий из кожи. М.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Курбатов А. В., 1991. Методические аспекты историко-археологического анализа среди кожевного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
- Курбатов А. В., 1994. Коллекция кожаной обуви из раскопок 1985 г в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // ТАС. Вып. 1. Тверь.
- Курбатов А. В., 1996. Уровень технологии кожаного ремесла в древнерусский период // Ладога и Северная Европа. СПб.
- Курбатов А. В., 1997. Кожевное производство в городах северо-запада России в XV–XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук.
- Курбатов А. В. Кожевное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). (В печати.)
- Лихтер Ю. А., 2003. От работающего признака — к работающей подсистеме // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 31. М.
- Мазуров А. Б., 2000. Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
- Мазуров А. Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М.
- Мазуров А. Б., 2004. Отчет об археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне в 2001 г. Т. 1. Коломна // ОПИ ИА РАН.
- Осипов Д. О., 2003. Кожаная обувь XII–XVIII вв. из раскопок в Москве. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Поварнин Г. Г., 1912. Очерки мелкого кожевного производства в России. СПб.
- Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. М.
- Рыбаков Б. А., 1948 Ремесло древней Руси. М.
- Сыроватко А. С., 2003. Отчет об охранных археологических исследованиях в городе Коломне Московской области в 2002 г. Том 1. Коломна // ОПИ ИА РАН.
- Сыроватко А. С., 2004. Отчет об охранных археологических исследованиях в городе Коломне и на территории Коломенского района Московской области в 2003 г. Коломна // ОПИ ИА РАН.

**Керамика Коломны
второй половины XIII — первой половины XIV в.
(к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья
в золотоордынскую эпоху)**

Одной из важнейших проблем в археологии средневекового русского государства является выяснение причин и характера изменений, происходивших в культуре, хозяйстве, торговле, общественных отношениях в середине — второй половине XIII в. Проведенная в 2003 г. конференция «Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиции» и выпущенный по ее итогам сборник под названием «Русь в XIII веке: древности темного времени» наглядно продемонстрировали смещение акцентов в оценке археологами и историками перемен, которые наблюдались в развитии Руси того времени. В частности, констатировалось, что «разрушительный монгольский удар, хронологически совпавший с периодом внутренних исторических сдвигов, обострил и ускорил их течение, но не был единственной причиной фиксируемых нами трансформаций» (Макаров, 2003. С. 10). Отметим, что в упомянутом сборнике на примере исторического развития Коломны в XIII–XIV вв. как раз и были прослежены такие изменения (Мазуров, 2003).

Очевидно, что окончательное решение данного вопроса может лежать только на пути скрупулезного анализа как уже накопленных, так и новых артефактов. Одной из самых важных категорий находок, которая, при должном методическом уровне, позволяет увидеть изменения, происходящие за определенный промежуток времени на одной и той же территории, является керамическая посуда. Однако для того, чтобы фрагменты бытовой керамики стали полноценным источником, необходимо, во-первых, выбрать методику, использование которой позволит правильно фиксировать признаки технологии, морфологии, декорирования и конструирования сосуда, а, во-вторых, увидеть, что стоит за изменениями в гончарстве того или иного поселения.

На данный момент в отечественной керамологии эпохи средневековой Руси существует несколько подходов, позволяющих производить тщательное исследование керамического материала: 1) модернизация и развитие метода визу-

альной обработки и классификации на основе статистического учета (исследования В. Ю. Ковалю); 2) изучение морфологических признаков методами формализации и математической статистики; 3) создание универсальной программы описания сосудов на основе типологии (школа Ю. Л. Шаповой); 4) привлечение естественнонаучных методов и метода эксперимента (работы И. В. Болдина). Таким образом, если для первоначальной обработки керамики существует определенный набор методик, то для реализации такого сложнейшего этапа, как интерпретация полученных данных, разработанных подходов, по сути, нет. Между тем, это насущная проблема в изучении гончарства, поскольку без ее решения дальнейшее развитие керамологии представляется затруднительным. Речь идет о том, что еще в 1973 г. в статье «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» сформулировал В. Ф. Генинг: «Для того чтобы керамика могла стать достаточно надежным и полноценным источником для исторических исследований, необходимо *изучить проблему* закономерности взаимосвязи различных признаков керамики с определенными явлениями социально-экономического развития»; если такие закономерности будут установлены, «то мы сможем быть уверенными, что метод изучения керамики по достоверности и объективности выводов стоит на одном уровне с методами естественных наук» (Генинг, 1973. С. 134–135).

Частный случай этой общей проблемы — вопрос о степени воздействия внутренних закономерностей развития керамического производства и привнесенных навыков создания посуды в существовавшую ранее гончарную традицию на изменения различных признаков керамики. Отсутствие теоретико-методических разработок в этой сфере приводит исследователей к тому, что приоритет отдается тем факторам, которые легко можно выявить традиционными археологическими способами. Например, совпадение таких фактов как наличие угольных прослоек в хорошо датированном культурном слое, данных

письменных источников о набегах или присоединении земель к какому-либо княжеству и изменения в технологии изготовления керамики позволяет археологу высказать предположение, что подобные изменения в гончарстве произошли как раз под влиянием извне. Однако, помимо того, что в цепочке рассуждения выпадают такие звенья, как масштабы разрушения какого-либо города в ходе набега, степень достоверности связи между гибелью постройки (вследствие ли нашествия или как результат очередного пожара в мирное время, произошедшего десятилетием ранее или позже этого нашествия) и прослойкой угля, перекрывавшей комплекс, размеры оттока прежнего населения и освоения данной территории переселенцами из других районов, очень редко рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией собственно гончарного ремесла, стадиями его технологического совершенствования. И это вполне понятно, поскольку письменные источники эпохи средневековой Руси (особенно это касается малых городов) практически не содержат сведений по этому вопросу, а существующие методы работы с вещественными источниками (в том числе, с керамикой) не позволяют зафиксировать внутренние закономерности развития ремесла. Так, например, предложенная А. А. Бобринским в монографии «Гончарство Восточной Европы» методика выявления навыков работы гончара по керамическим фрагментам все же была направлена на исследование характера воздействия привнесенной традиции на прежнюю (Бобринский, 1978). Поэтому на современном этапе изучения керамического материала, как нам представляется, следует с особой осторожностью подходить к предлагаемым гипотезам смены керамических традиций под влиянием внешних факторов.

Эти вводные замечания были сделаны в силу заявленной в названии статьи темы, которая, бесспорно, является дискуссионной. Данное исследование основано на анализе керамических комплексов Коломны второй половины XIII — первой половины XIV в. (Коломна впервые упомянута в 1177 г., во второй половине XII—XIII в. Коломна является важнейшей порубежной крепостью Рязанской земли, а в XIV—XV вв. — вторым по значению городом Московского княжества.) Статистическая обработка керамического материала производилась на основе учета всех важнейших признаков технологии, морфологии, конструирования и декора по каждому фрагменту комплекса по методике, предложенной В. Ю. Ковалем (1995, 1996, 1997, 2000, 2004).

С момента начала систематических археологических раскопок в Коломне (1989 г.) и по

2002 г. в городском культурном слое было выявлено девять условно-закрытых комплексов второй половины XIII — первой половины XIV в. (раскопки 1991–2001 гг. А. Б. Мазурова, 1992 г. В. Н. Огнева и 2002 г. А. С. Сыроватко). В нашем распоряжении было несколько комплексов, имеющих одинаковую датировку, что позволяло видеть характерное в керамическом наборе определенного периода. Эти комплексы по возможностям узкого (в рамках 50 лет) датирования керамики были разделены нами на два класса и две хронологические группы. Первый класс, включавший 5 условно-закрытых комплексов, характеризуется достаточной представительностью (не менее 100 фрагментов керамики) и возможностью датирования посуды, прежде всего, по вещевым находкам и дендрохронологии, с учетом данных стратиграфии. Второй класс, а это 4 комплекса, отличался от первого тем, что содержание в ямах вещей не позволяло дать точную датировку, и поэтому для определения хронологии авторами раскопок более активно использовалась стратиграфия и собственные эмпирические представления об изменениях в гончарной продукции, большинство из которых подтвердилось (с помощью сравнительного статистического анализа) в процессе нашего исследования. Датировка комплексов дается по отчетам с внесением уточнений и корректив там, где это необходимо.

Комплексы первой хронологической группы (вторая половина XIII в.) могут быть выделены на основе встречающихся в них вещей (стеклянные браслеты, пряслица из розового шифера), время широкого распространения которых относится к первой половине XIII в., попавших в ямы из более ранних слоев или продолжавших использоваться в быту и во второй половине XIII столетия (Макаров, 2003. С. 9), а комплексы второй хронологической группы (конец XIII — первая половина XIV в.) — на основе присутствия редких фрагментов восточной поливной керамики, появившейся на Руси во второй четверти — середине XIV столетия (Коваль, 2000. С. 77). Описание и датировка комплексов приведены в таблице 1.

Технология изготовления керамики

А) Вторая половина XIII — начало XIV в.

Переходя к характеристике технологических признаков коломенской керамики золотоордынской эпохи, отметим, что под ними подразумевается использование исходного сырья, технология изготовления формовочной массы, технология формования сосуда, технология закрепления

Таблица 1. Условно-закрытые комплексы Коломны второй половины XIII — первой половины XIV в.

Комплекс	Вещевые находки	Датировка
	Первый класс условно-закрытых комплексов	
	Вторая хронологическая группа (кон. XIII — 1-я пол. XIV в.)	
1. Яма 2 — хозяйственная (372 фр.). Раскоп в порту 1992 г.	1) два фрагмента стеклянных непрозрачных перстней: один бирюзового цвета, а другой зеленовато-желтого (Западная Европа, XIV в.) (датировка и атрибуция всех изделий из стекла произведена Ю. Л. Шаповой); 2) глиняное колечко от счет, покрытое зеленой поливой	1-я пол. XIV в.
2. Яма 15 — подпечная (195 фр.). Раскоп I по ул. Лазарева, 20 1993 г.	1) фрагмент крупного стеклянного круглого гладкого непрозрачного браслета (Киев, 1168–1240 гг.); 2) половинка бусины стеклянной салатного цвета (Западная Европа, XIV в.); 3) три фрагмента восточной поливной керамики, которые относились к полуфайансам из белого кашина с бесцветной глазурью и подглазурной росписью кашинном и зеленой, синей и бирюзовыми красками (середина XIV в.) (Мазуров, Коваль 2004. С. 290–291); 4) предмет монетовидной формы бронзового сплава — остаток привески-иконки	1-я пол.—сер. XIV в.
3. Яма 41 — хозяйственная (121 фр.). Раскоп по ул. Лазарева, 19 2001 г.	1) фрагмент стеклянного бирюзового перстня (Западная Европа, конец XIII–XIV в.). Яма перекрыта срубом, который на основе дендронализа был отнесен к 1307 г.	кон. XIII —нач. XIV в.
4. II этап вала (103 фр.). Раскоп по ул. Лазарева, 19 2001 г.	1) шаровидная бусина прозрачного желтоватого стекла (Киев, 1160–1240 гг.); 2) фрагменты сосуда прозрачного светло-зеленого стекла с мелкими пузырьками внутри (все находки встречены в слое щепы, подстилающей насыпь второго этапа и в углистом слое под ней). По нескольким бревнам от внутривальных конструкций полученных дендродат: 1310 г., 1319 г., 1330 г. (Черных, 2004. С. 98–99)	1-я треть XIV в.
5. Яма 11 — подполье (375 фр.). Раскоп по ул. Лазарева, 19 2002 г.	1) розовошiferное пряслице. 2) фрагментированный бронзовый перстень. 3) многочисленные обломки перстней непрозрачного бирюзового стекла (Западная Европа, конец XIII–XIV в.). 4) фрагмент кувшина из рыжлого белого кашина с двухсторонней голубой глазурью без дополнительного декора. 5) кусочек необработанного янтаря. 6) деревянная долговая бирка. 7) деревянная крышка от бочки.	кон. XIII —1-я пол. XIV в.
	Второй класс условно-закрытых комплексов	
	Первая хронологическая группа (2-я пол. XIII в.)	
6. Яма 1 — погреб (253 фр.). Шурф по ул. Кремлевской, 16 1997 г.	1) фрагмент стеклянного мелкокрученого браслета с желтым и розовым перевитием. 2) розовошiferное пряслице. 3) миниатюрный нож. 4) в верхней порции (окончательная засыпка котлована) заполнения ямы найден фрагмент красноглиняного сосуда с гравировкой тонкими линиями по ангобу («сграффито») и покрытием внешней поверхности зеленой глазурью по ангобу (Причерноморье или Средиземноморье, середина — вторая половина XIV) (Мазуров, Коваль, 2004. С. 296).	2-я пол. XIII в.
7. Яма 15 — подполье (157 фр.). Раскоп по ул. Пушкина, 1999 г.	Вещевой набор отсутствовал. Комплекс был датирован по стратиграфии и по результатам сопоставления с комплексами первого класса	сер.—2-я пол. XIII в.
8. Яма 40 — погреб (206 фр.). Раскоп по ул. Лазарева, 19 2001 г.	Вещевой набор отсутствовал. Комплекс был датирован по стратиграфии, дендрохронологии (яма перекрыта срубом, который на основе дендронализа был отнесен к 1307 г.) и по результатам сопоставления с комплексами первого класса.	2-я пол. XIII в.
	Вторая хронологическая группа (кон. XIII — 1-я пол. XIV в.)	
9. Яма 3 — хозяйственная (334 фр.). Раскоп в порту 1992 г.	1) фрагмент крученого браслета прозрачного зеленого стекла с тройным желтым перевитием (до 1240 г.). 2) стеклянная зонная прозрачная синяя бусина (Византия, домонгольский период). 3) половинка двусторонней формы для литья пуговиц; аналогичные формочки встречаются в слоях XIV–XV вв. Московского кремля (Ланова, 1988. С. 214–215).	1-я треть XIV в.

начина к подставке гончарного круга и снятия сосуда с нее, технология обжига, технология обработки поверхности.

Из нежелезненных глин в тот период производилась треть всей керамики, из железных — $\frac{2}{3}$ ¹, но, начиная со второй половины XIII в., в коломенском гончарстве получает распространение восстановительный режим обжига, который приводил к тому, что поверхность сосуда приобретала серый цвет (фиксируется почти на 40 % образцов). Происходит увеличение доли керамики из формовочных масс с крупнозернистыми примесями (по сравнению с составом формовочной массы в домонгольский период): крупным песком (до 30 % образцов), дресвой ($\frac{1}{7}$); отощитель в виде мелкого песка отмечен у половины керамики. Также увеличивается (до $\frac{1}{10}$) количество посуды, формовавшейся из глин без искусственных примесей. В качестве подсыпки шире начинает использоваться зола ($\frac{1}{3}$), что не было характерно для керамики второй половины XII — первой половины XIII в.; песчаная подсыпка отмечена у $\frac{2}{3}$ всех днищ. Конструирование полого тела и последующее формообразование соответствует 3–5 этапам в развитии функций гончарного круга. В конце XIII в. осваиваются новые приемы обработки поверхности: полосчатое лощение красноглиняной посуды² (около 2 % всей керамики) и техника оvara.

Б) Конец XIII — первая половина XIV в.

Нежелезненная глина использовалась в этот период при изготовлении $\frac{1}{3}$ посуды; керамика, подвергшаяся обжигу в восстановительной среде, составляла около 40 %. Три четверти всей керамики содержала отощитель в виде мелкого песка, реже добавлялся крупный песок ($\frac{1}{10}$) или дресва (до 2 %). Посуда, сформованная из глин без примесей, составляла $\frac{1}{10}$ часть. Использование песчаной подсыпки под днища доминировало ($\frac{4}{5}$ всех днищ), доля зольной подсыпки снизилась до $\frac{1}{5}$. Большинство сосудов (до 60 %) обжигалось в окислительной среде ($\frac{1}{3}$ проходила полный обжиг). Посуда с обработанной полосчатым лощением поверхностью составляла 1 %. Встречена также керамика со следами техники оvara и глазурирования.

Морфология керамики

А) Вторая половина XIII — начало XIV в.

При изучении морфологических признаков посуды наше внимание было обращено на общую форму сосуда, рассматриваемую как совокупность конструктивных его частей, и морфологию одной из таких частей — венчика, поскольку изменения в его профилировке хронологически обусловлены и более выражены, в отличие от других составляющих формы сосуда. Венчиком будем называть верхнюю часть сосуда, которая включает в себя шейку и устье, край которого (как и само устье) может быть деформирован различными способами. В исследовании хронологических изменений в оформлении венчика мы исходили из той позиции, что в основе формирования венчика лежит технологический навык, реализация которого гончаром состоит из двух этапов. Первый предполагает конструирование собственно венчика (вертикального, изогнутого, отогнутого, наклоненного), второй — это способ деформации края венчика (заворот, срез, заглаживание без деформации).

В указанный период применялись известные в гончарстве домонгольской эпохи конструктивные схемы создания венчиков, но изменилось их соотношение: во-первых, существенно снижается доля венчиков с вертикальной и наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу устьем (типы 18³ и 28) — с $\frac{2}{3}$ (в домонгольский период) до $\frac{1}{4}$, во-вторых, увеличивается в два раза число изогнутых венчиков с приплюснутым «черновым» краем, который заворачивался внутрь (тип 23.1 — $\frac{1}{3}$ всех венчиков) и, в-третьих, перестают формироваться так называемые цилиндрические венчики (вертикальные, состоящие из шейки и небольшого устья, «черновой» край которого заворачивался внутрь сосуда — тип 8.2). Начинают использоваться неизвестные ранее приемы оформления края. Так, у венчиков вертикальной постановки «черновой» край заворачивается внутрь, но таким образом, что валик, получающийся при такой операции, находился снаружи и мог иметь как округлую, так и овальную и несколько вытянутую форму (тип 3.1 — $\frac{1}{10}$ всех венчиков). Другим новым приемом оформления вертикальных венчиков был заворот «черново-

¹ Приводимые значения технологических, морфологических и орнаментальных признаков были выражены двумя способами: с помощью процентов и долей. Первые использовались в том случае, когда значения одного признака в разных комплексах одной и той же хронологической группы не сильно различались между собой, вторые — когда полученный интервал мог быть заменен дробным числом (например, интервал 69–76 % соответствует значению до $\frac{3}{4}$).

² В данной работе не приведены сведения о краснолощеной керамике второй половины XIII — первой половины XIV в., а также о гончарных клеймах и поливной посуде этого времени, обнаруженной в Коломне, поскольку данные категории находок требуют специального исследования и публикации.

³ Нумерация типов венчиков дается в соответствии с типологией В. Ю. Коваля (1996, 1997, 2004б).

го» края наружу, который или прижимался к стенке сосуда (тип 4. 1 — 3 %) или нависал над ней (тип 4.2 — до 7 %). В отдельных комплексах венчики типа 4 могли достигать $\frac{1}{5}$ (рис. 1, 2).

Б) Конец XIII — первая половина XIV вв.

В это время применяется новый способ формирования верхней части сосудов. Устья некоторых из них теперь стали отгибаться наружу (без изгиба), «черновой» край заворачивался внутрь, а валик его уплощался (тип 13.1 — около 6 % всех венчиков). Другим новшеством стало появление изогнутых и отогнутых наружу венчиков, край которых оставался без деформации (типы 21.2 — $\frac{1}{10}$, 26.1 — 3 %). В это время не получают распространения венчики типа 3. 1 (до $\frac{1}{10}$), а также венчики с краем, завернутым наружу — типов 4.1 (около 3 %), 4.2 (до 2 %), 24.2 (не более 5 %), 19.1 и 29.1 (по 1 %). По-прежнему доминируют венчики типа 23.1 ($\frac{1}{3}$). Уменьшается доля венчиков типа 18 и 28 ($\frac{1}{5}$) (рис. 3–8).

Конструкции сосудов второй половины XIII — первой половины XIV в.

При изучении признаков конструирования рассматривались функциональные типы сосудов (горшков, миса, кувшин и т. д.) и их морфология (как совокупность конструктивных элементов). Основное внимание было сосредоточено на исследовании конструкции сосудов, с учетом тех их частей, которые составляют основу любого сосуда: край, тулово, дно (Лихтер, Щапова, 1991. С. 16–17). В этот период продолжали бытовать конструкции (и соответствующие им функциональные формы), существовавшие в домонгольское время, за исключением горшка-миски. К первому конструктивному классу (Основа) принадлежали только миски, ко второму (Основа + Венчик) — горшки, миски и крышки от горшков, к сложной конструкции 13 (Основа + Ручка) — сковороды или кастрюльки. С новыми сложными конструктивными классами 15 (Основа + Горло + Ручка) или 16 (Основа + Венчик + Горло + Ручка) соотносится и новая форма сосуда — кувшин, которая появляется в конце XIII в. в краснолощеной посуде.

Орнаментация керамики

А) Вторая половина XIII — начало XIV в.

При характеристике изменений в орнаменте коломенской посуды учитывались следующие

признаки: элементы орнамента, техника его нанесения, способы и место размещения.

По сравнению с керамикой домонгольского периода, сократилась доля линейного декора (составляя $\frac{3}{4}$ орнаментированных обломков керамики), а доля волнистого (включая линейно-волнистый) — увеличилась почти до $\frac{1}{4}$. Возросла до $\frac{1}{5}$ доля линейного декора типа 2 (разрезанные линии, нанесенные палочкой)¹. Орнамент типов 3 и 4 (зональная гравировка гребенкой) составлял до 70 %, а типа 5 (так называемое «рифление», т. е. близко нанесенные друг к другу линии) — до $\frac{1}{10}$. Среди волнистого орнамента доминировал (свыше 90 % образцов) тип 13 — нанесенные с помощью гребенки «крутые» волны. Зубчатый штамп с треугольными (тип 26) и прямоугольными (тип 27) вдавлениями применялся очень редко (не более 1 % всех орнаментированных обломков).

Б) Конец XIII — первая половина XIV в.

До $\frac{2}{3}$ уменьшилась доля линейного декора (в том числе типы 3 и 4 — $\frac{3}{4}$; тип 2 — $\frac{1}{5}$ образцов с линейным орнаментом), тогда как волнистый орнамент использовался уже в четверти случаев (в том числе типа 6 — «пологая» волна, типы 7 и 10 — «крутые» волны, прочерченные инструментом с одним рабочим концом). Появляется «крутая» волна с острыми гребнями (тип 8). По-прежнему, лишь на единичных обломках фиксируются отпечатки штампов (типы 26, 27 — 1 % всех орнаментированных образцов).

Таким образом, проведенная нами статистика позволяет охарактеризовать керамику второй половины XIII в. и выявить признаки формировавшейся в первой половине XIV в. новой, отличной от домонгольской, традиции гончарного производства Коломны (табл. 2).

Посуда, изготавливавшаяся коломенскими гончарами во второй половине XIII в., отличается от керамики домонгольского времени по целому ряду признаков:

1) При составлении рецепта формовочных масс шире начинают использоваться крупнозернистые отощители (до 40 % всей керамики, в том числе крупный песок встречен в $\frac{1}{3}$ случаев) при формировании как красноглиняной, так и белоглиняной посуды. При этом сосуды из формовочных масс с дресвой начинают встречаться вдвое чаще по сравнению с домонгольским периодом.

2) Значительное количество керамики (до 42 %) начинает обжигаться в восстановительном

¹ Нумерация типов орнамента дается в соответствии с типологией В. Ю. Ковалев (2000).

Таблица 2. Хронологическая шкала керамических комплексов г. Коломны из раскопок 1991–2002 гг.

Хроноиндикаторы по типу формовочной массы (% от всей керамики комплекса)				Хроноиндикаторы по типу (цвету) глины (% от всей керамики комплекса)				Хроноиндикаторы по типам венчиков (% от всего количества венчиков)										Хроноиндикаторы по типам дниц (% от общего количества дниц)				Хроноиндикаторы по орнаментации (% от всех орнам. фрагм. комплекса)		Дата по вещевым находкам, дендро-хронологии и стратиграфии		
Комплексы		типы	тип	типы	всего керам. полн. окисл.	из нежел. глины окисл.	Рек. из нежел. глины окисл.	Рек. из ожогоз-глины окисл.	типы	6.1, 18.1, 23.1	типы	18.1, 23.1	тип	3.1	типы	4, 14, 19, 24, 29	типы	3.3, 3.4.	типы	2, 3	типы	4, 5	типы		6, 7	линей-ный
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20							
Комплексы первого класса. Вторая хронологическая группа (кон. XIII — 1-я пол. XIV в.)																										
ПОРТ-92: Яма 2	2	83	15	9	27	25	—	-	27	20	9	37	—	-	100	—	77	23	1-я пол. XIV в.							
УЛ-1-93: Яма 15	—	88	12	16	29	28	—	18	9	45	—	—	—	—	75,5	24,5	88	10,5	сер. XIV в.							
УЛ-19-01: Яма 41	32	43	25	22	42	24	-	-	-	23	11	44	—	-	100	—	63	37	кон. XIII-нач. XIV в							
УЛ-19-01: II эт. вала	8	74	18	23	35	8	-	—	27	46	—	—	—	—	50	50	80	20	кон. 1320-нач. 1330-х							
УЛ-19-02: Яма 11	31	55	14	31	50	18	—	—	14	27	23	9	—	2	76	22	29	71	кон. XIII-1-я пол. XIV в.							
Комплексы второго класса. Первая хронологическая группа (2-я пол. XIII в.)																										
УЛ-19-01: Яма 40	17	38	45	36	41	38	—	—	23	11	6	22	—	—	64	36	63	35	2-я пол. XIII в.							
УКр-16-97: Яма 1	6	56	38	18	28	28	14,5	21	7	29,5	21	7	—	22	67	11	81	19	2-я пол. XIII в.							
УПш-99: Яма 15	2	50	48	20	21	25	12,5	—	12,5	50	12,5	—	—	—	57	43	85	15	сер.— 3-я четв. XIII в.							
Комплексы второго класса. Вторая хронологическая группа (кон. XIII — 1-я пол. XIV в.)																										
ПОРТ-92: Яма 3	1	90	9	10	24	45	—	—	17	17	3	40	—	—	100	—	50	50	1-я треть XIV в.							

В рамки обведены наиболее важные показатели хроноиндикаторов.

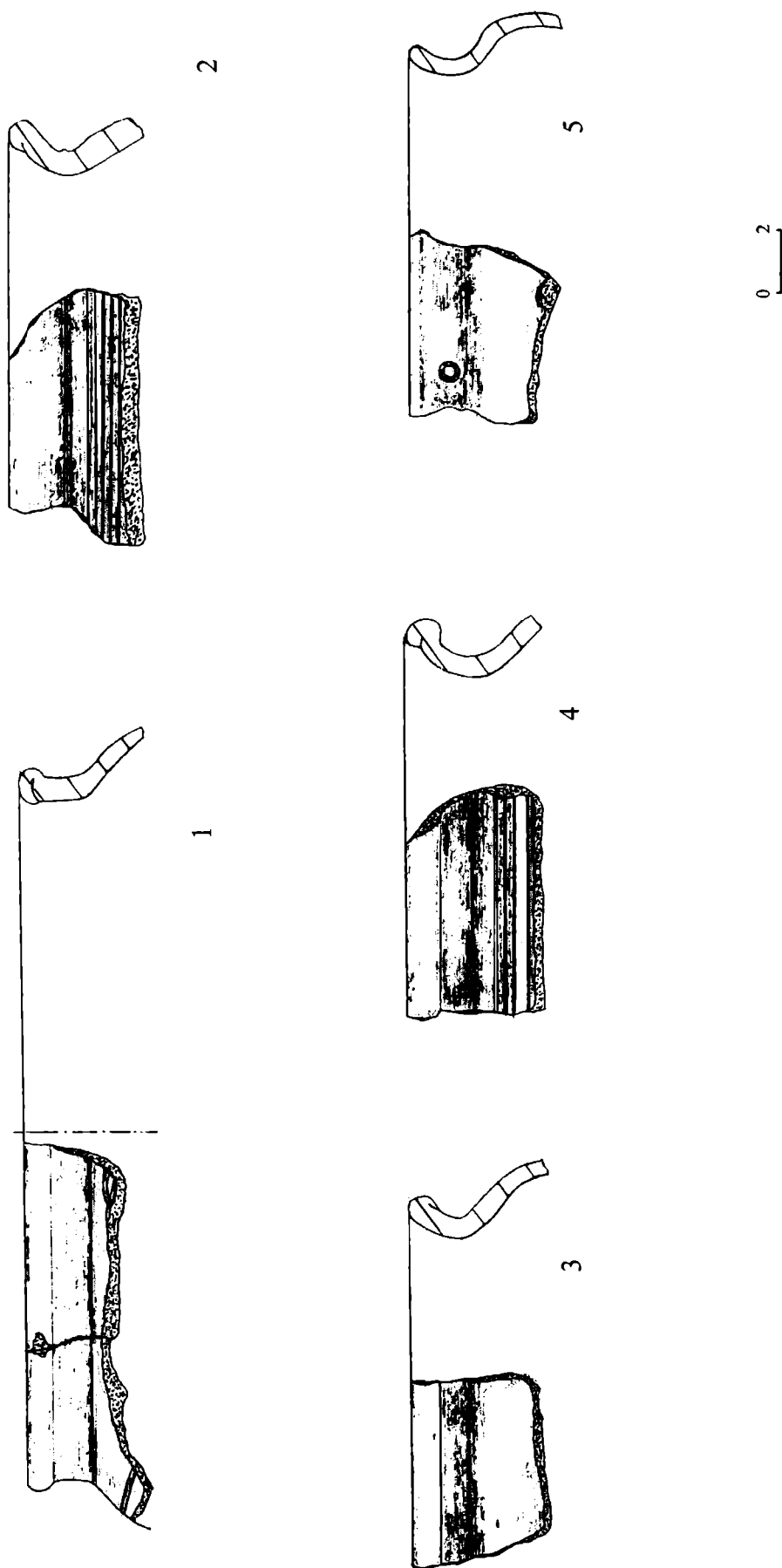

Рис. 1. Комплексы второго класса. Первая хронологическая группа (вторая половина XIII в.). (Ул. Кремлевская, 16, 1997 г., яма 1)

1. КГ; ОП; тип 2.7; тип 3.1; тип 7; d — 23; 2. КГ; ОН; тип 2.7; тип 23.1; тип 5; 3. КГ; ВН; тип 2.7; тип 4.1; 4. КГ; ВН; тип 2.7; тип 25.1; тип 2; 5. КГ; ОВ; тип 2.2; тип 23.1.

(Здесь и далее указаны последовательно: цвет глины, режим обжига, тип формовочной массы, тип венчика, тип орнамента, диаметр, примечания.)

Сокращения в рис. 1–8: КГ — красноглинная керамика; КЛ — краснотеленная керамика; БГ — белоглиняная керамика; ОП (ОН) — окислительный полный (окислительный неполный) обжиг; ВП (ВН) — восстановительный полный (неполный) обжиг; ОВ — окислительно-восстановительный обжиг.

Нумерации для типов формовочных масс, венчиков, орнаментов даны по В. Ю. Ковалю

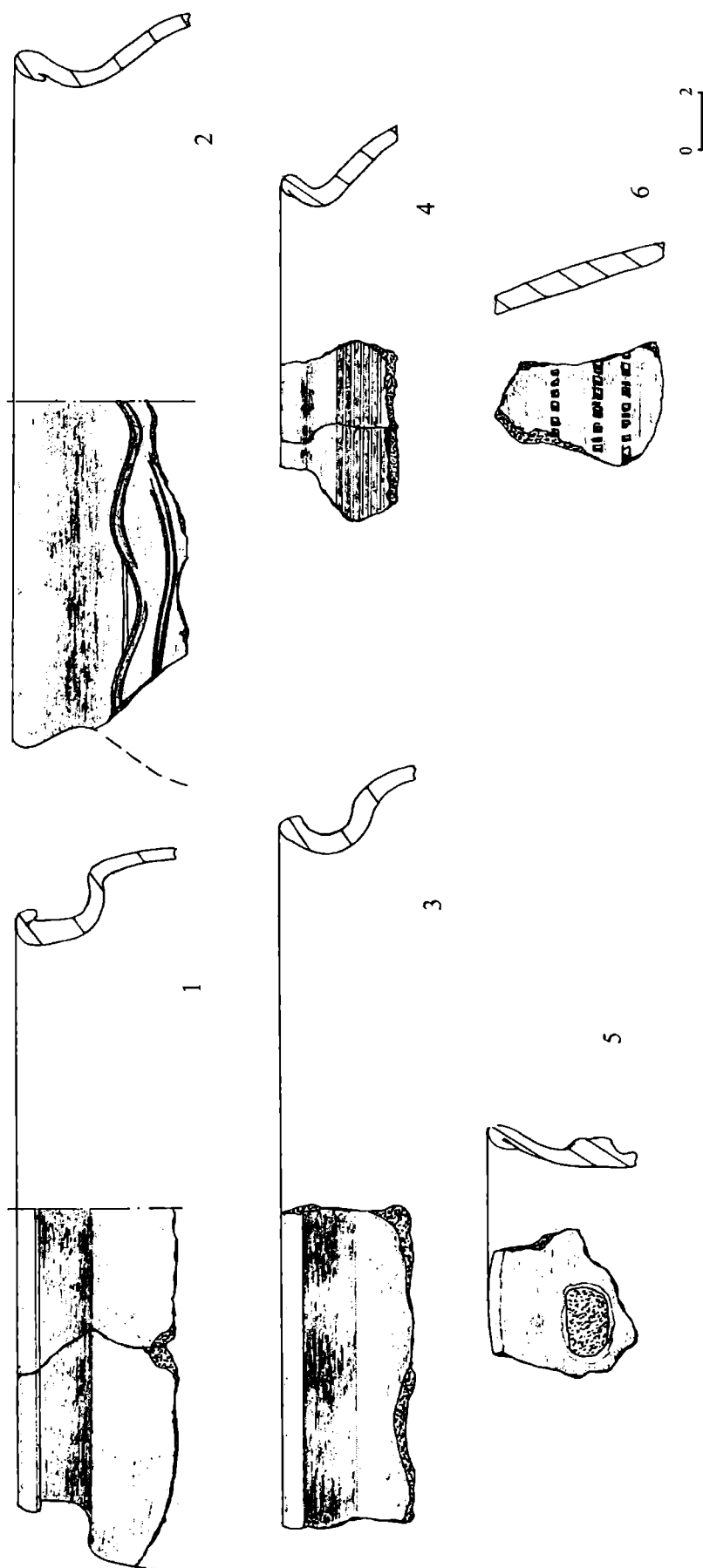

Рис. 2. Комплексы второго класса. Первая хронологическая группа (вторая половина XIII в.) (Ул. Лазарева, 19, 2001 г., яма 40)

1. КГ; ВН; тип 2.7; тип 4.2; d — 20,8; 2. БГ; ОП; тип 1.2; тип 23.2; тип 12; d — 24; 3. КГ; ОБ; тип 2.2; тип 3.1; 4. КГ; ВН; тип 2.7; тип 13.2; тип 5;

5. КГ; ОП; тип 2.7; 6. КГ; ОБ; тип 2.1; тип 27

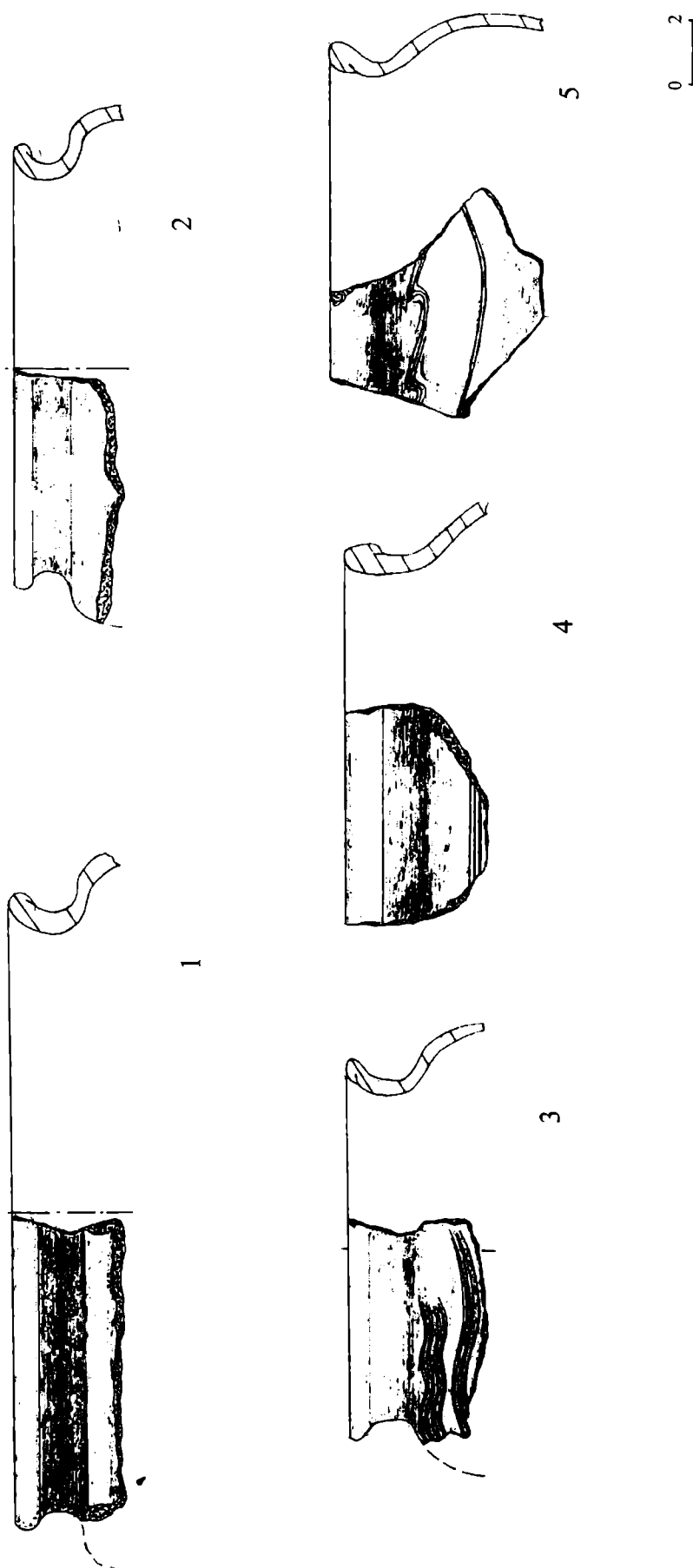

Рис. 3. Комплексы первого класса. Вторая хронологическая группа (конец XIII — первая половина XIV в.). (Порт, 1992 г., яма 2)
 1. КГ; ВН; тип 2.1; тип 24.2; d — 20; 2. БГ; ВН; тип 2.1; тип 24.2; d — 14; 3. БГ; ОП; тип 2.1; тип 3.1; тип 12; d — 12; 4. БГ; ВН; тип 2.1; тип 4.1; тип 2;
 5. КГ; ОН; тип 2.1; тип 23.1; тип 6/13

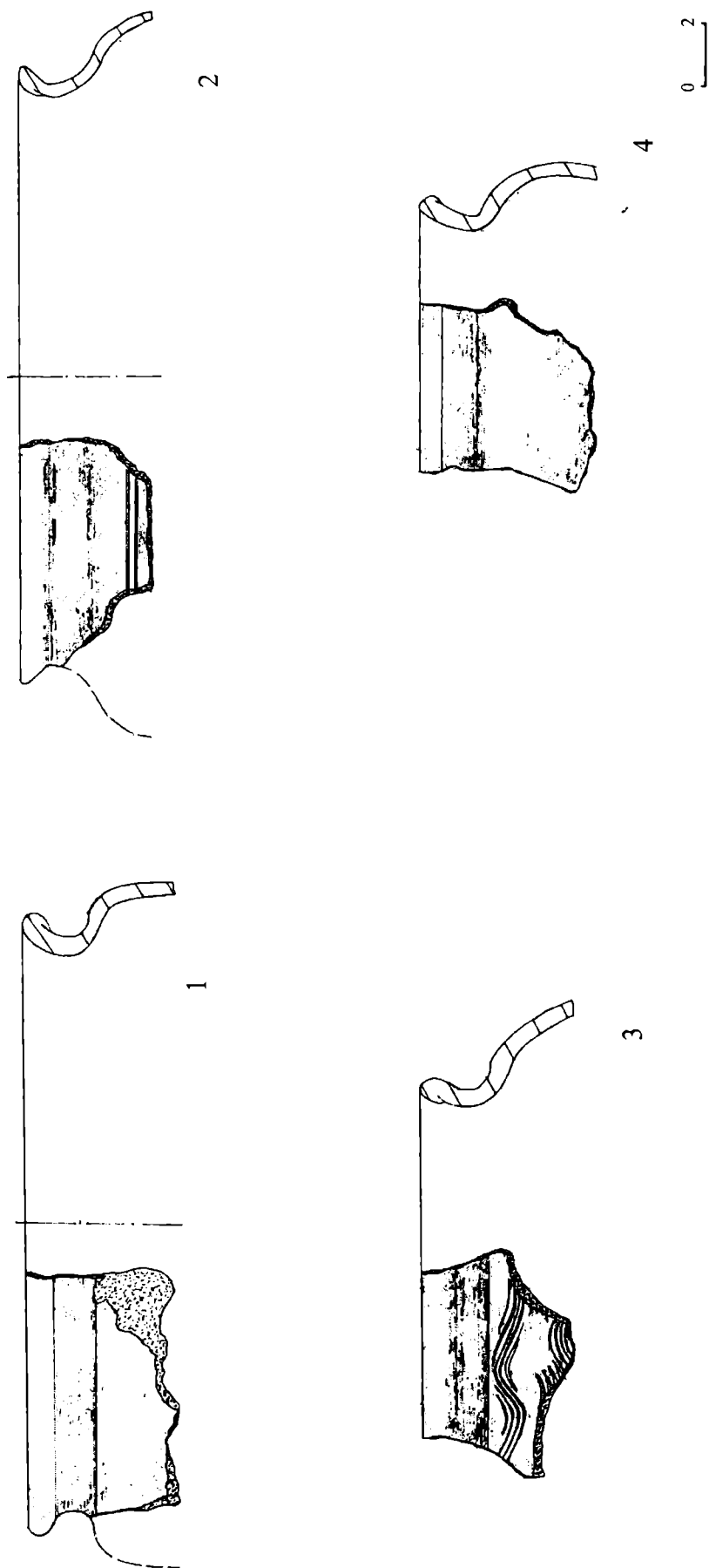

Рис. 4. Комплексы второго класса. Вторая хронологическая группа (конец XIII — первая половина XIV в.). (Порт, 1992 г., яма 3)
1. БГ; ОН; тип 2.1; тип 4.1; d — 20; 2. КГ; ОН; тип 2; тип 28.1; тип 2.1; тип 23.1; тип 13; 4. КГ; ОН; тип 2.1; тип 14.2

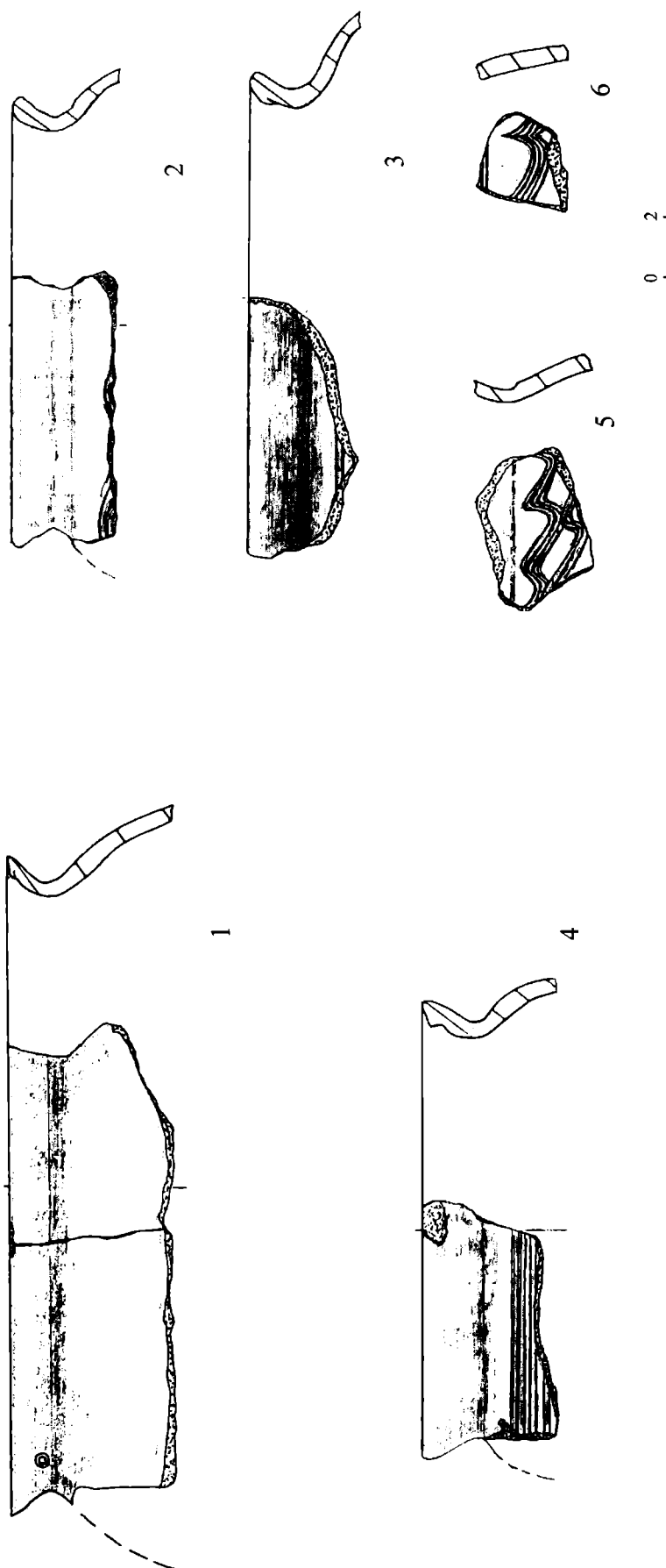

Рис. 5. Комплексы первого класса. Вторая хронологическая группа (конец XIII — первая половина XIV в.). (Ул. Лазарева, 20, 1993 г., яма 15)

1. БГ; ОП; тип 2.1; тип 13.1; d — 22; 2. БГ; ОП; тип 1.2; тип 26.1; тип 13; d — 13; 3. КГ; ОП; тип 2.7; тип 23.1; тип 2; 4. БГ; ОП; тип 2.1; тип 23.1; тип 2; d — 15;

5. КГ; ОП; тип 2.7; тип 13; 6. КЛ (КГ; ОП; тип 1.2; тип 13)

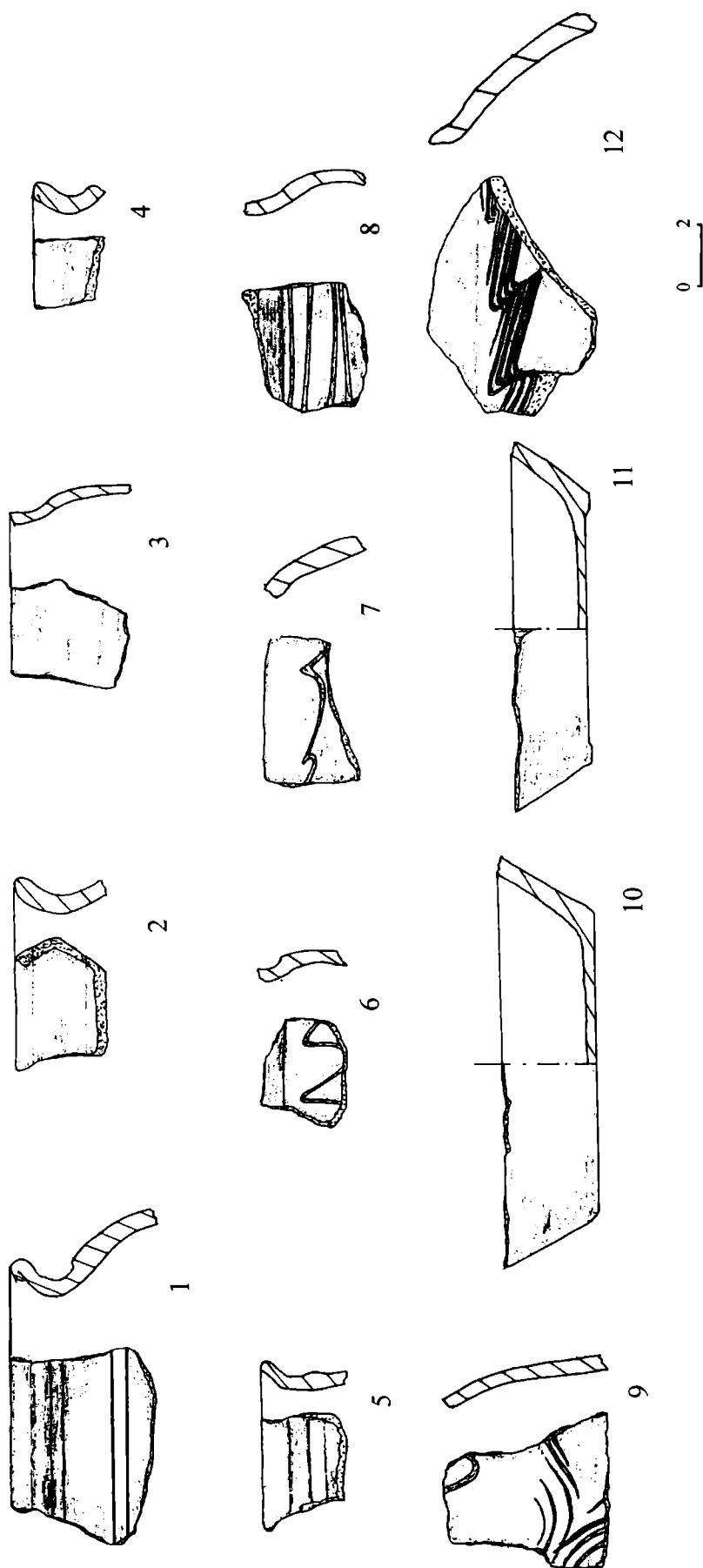

Рис. 6. Комплексы первого класса. Вторая хронологическая группа (конец XIII — первая половина XIV в.). (Ул. Лазарева, 19, 2001 г., II этап насыпи вала)

1. КГ; ОН; тип 2.1 тип 23.1; тип 2; 2. КГ; ОП; тип 2.1; тип 21.2; 3. КГ; ОН; тип 2.1; тип 2.3; 4. КГ; ОН; тип 2.1; тип 23.1; 5. КЛ (КГ; ОП; тип 1.2);

6. КГ; ОП; тип 2.1; тип 7; 7. БГ; ОП; тип 1.2; тип 8; 8. КГ; ОП; тип 2.1; тип 2; 9. БГ; ОП; тип 1.2; тип 13; 10. КГ; ОН; тип 2.1; d — 10;

11. КГ; ОН; тип 2.1; d — 9; 12. БГ; ОП; тип 1.2; тип 13

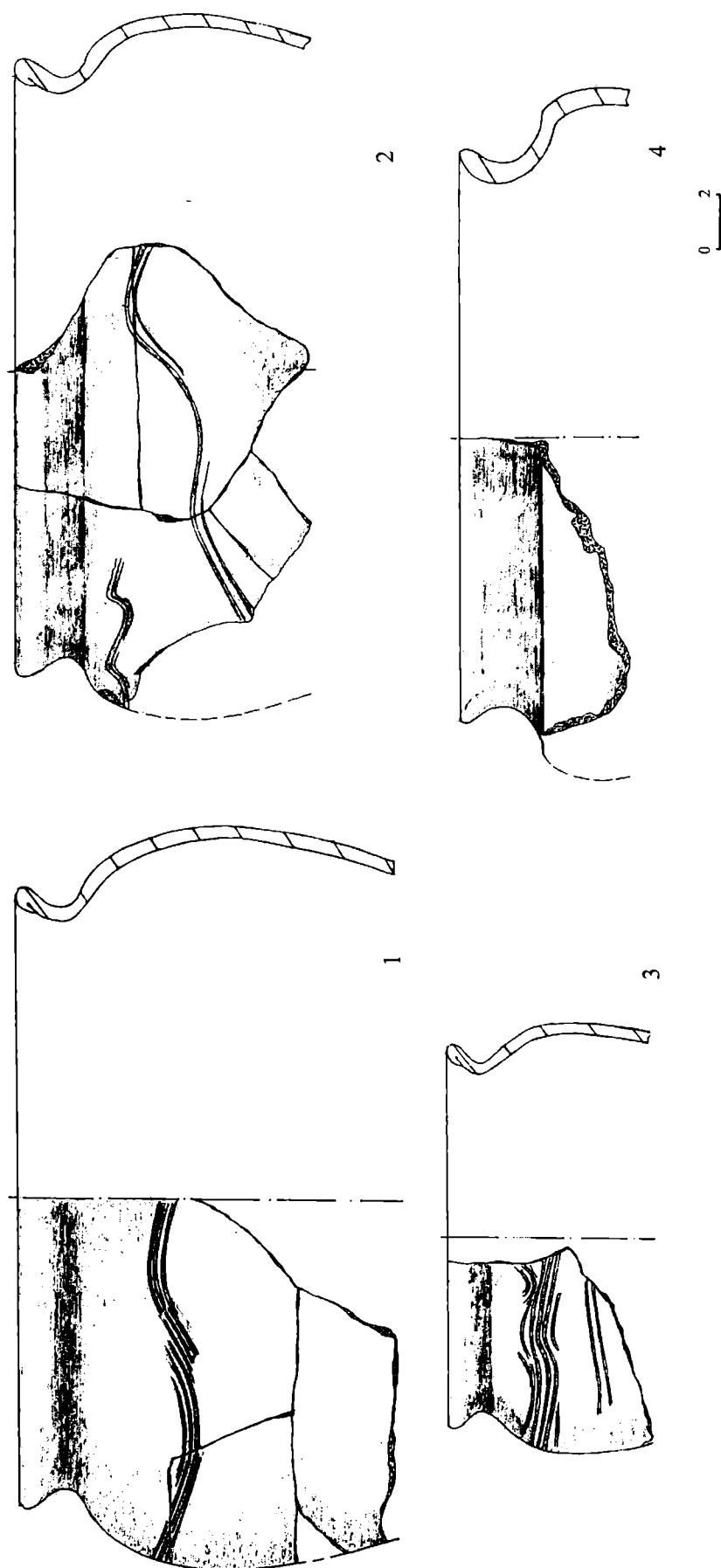

Рис. 7. Комплексы первого класса. Вторая хронологическая группа (конец XIII — первая половина XIV в.). (Ул. Лазарева, 19, 2002 г., яма 11)

1. БГ; ОП; тип 1.2; тип 23.1; тип 13; d — 23; овар; 2. БГ; ОБ; тип 1.2; тип 23.1; тип 7; d — 22; 3. БГ; ОП; тип 1.2; тип 13.1; тип 13; d — 14; 4. КГ; ВН; тип 2.2; тип 21.2; d — 21

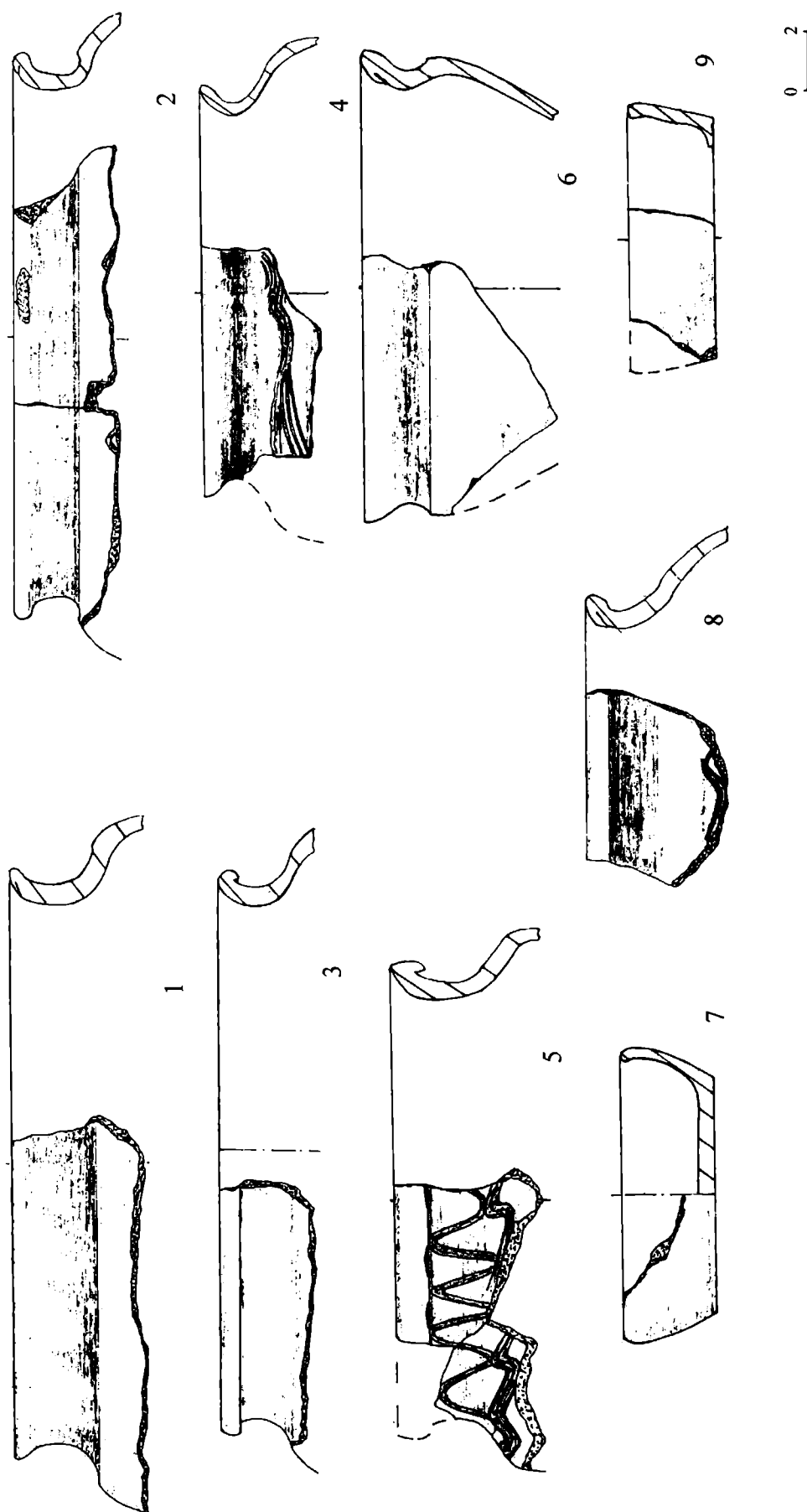

Рис. 8. Комплексы первого класса. Вторая хронологическая группа (конец XIII — первая половина XIV в.). (Ул. Лазарева, 19, 2002 г., яма 11)

1. КГ; ВН; тип 2.2; тип 3.1; d — 20; 2. КГ; ВН; тип 2.1; тип 3.1; d — 19; 3. КГ; ВН; тип 2.2; тип 24.2; d — 10; 4. БГ; ВН; тип 2.1; тип 21.2; тип 13; d — 14; 5. БГ; ВН; тип 2.1; тип 4.3; тип 7/13; d — 16,4; 6. БГ; ОН; тип 1.2; тип 23.1; d — 16; 7. КГ; ОВ; тип 2.2; d — 10; 8. БГ; ОП; тип 2.1; тип 3.1; тип 13; 9. КГ; ОВ; тип 2.2; d — 9; d — 8,2

режиме, который фиксировался по серой поверхности и темному излому черепка. По составу формовочной массы такая посуда наиболее близка красноглиняной керамике.

3) При сохранении использования песчаной подсыпки под днища сосудов, как самой распространенной, доля днищ на зольных подсыпках увеличивается до $\frac{1}{3}$ (что в два раза больше, чем в предыдущий период). Такая подсыпка почти одинаково использовалась при изготовлении посуды из глин разной степени ожелезненности.

4) При формировании верхней части сосуда наиболее распространенным приемом становится создание плавноизогнутых венчиков с завернутым внутрь «черновым» краем, который образовывал валик, имеющий несколько приплюснутую подовальную форму (тип 23.1, который составлял $\frac{1}{3}$ всех венчиков). Венчики цилиндрического профиля в этот период уже не встречаются, а «эсовидные» венчики с валикообразным краем и площадкой по внутреннему радиусу также выходят из употребления (типы 18.2, 23.2, 28.2 — всего $\frac{1}{10}$ всех венчиков). В то же время, появляются, но не получают широкого распространения вертикальные венчики со своеобразно завернутым внутрь «черновым» краем, оформленным снаружи валиком (тип 3.1 — от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ всех венчиков) и с заворотом «чернового» края наружу (типы 4.1. и 4.2. — также от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$).

5) При декорировании поверхности сосудов в три раза чаще начинает использоваться волнистый орнамент, который в сочетании с линейно-волнистыми типами орнамента присутствует теперь почти на $\frac{1}{3}$ всех декорированных образцов. В качестве инструмента нанесения декора преимущественно используется палочка (стиль).

6) Почти до десятой части от всей керамики возрастает доля изделий, изготовленных из неожелезненных глин, не включавших искусственных отошителей и прошедших полный обжиг в окислительном режиме (среди белоглиняной керамики доля изделий из тонких формовочных масс достигает $\frac{1}{5}$).

Существенные изменения, происшедшие в изготовлении коломенской посуды во второй половине XIII в., ставят вопрос о том, что можно считать эволюционными изменениями внутри существовавшей ранее гончарной традиции, а что менялось под воздействием привнесенных навыков. Для этого необходимо рассмотреть процессы, происходившие в гончарстве Руси

(прежде всего Рязанской земли) после нашествия монголов.

Обращает на себя внимание тот факт, что процессы, схожие с проходившими в коломенском гончарстве, наблюдаются и в изготовлении керамики золотоордынской эпохи в еще одном городе северо-запада Рязанской земли — Ростиславле, с той лишь разницей, что венчики горшков типа 3.1 и волнистый орнамент получают здесь более широкое распространение, чем в Коломне¹, а венчики с заворотом «чернового» края наружу были чрезвычайно редки (Коваль, 1996. С. 109, 110. Табл. 1, 2; 2000. С. 78. Табл. 3). Здесь в отличие от домонгольского периода посуда преимущественно формируется из ожелезненных глин, при этом мелкий песок в качестве отошителя используется при изготовлении $\frac{4}{5}$ керамики. Зольная подсыпка используется очень часто — ее имели от 36 до 59 % днищ.

И. Ю. Стрикалов в своем исследовании керамики Старой Рязани XIII в. отмечает, что в начале XIII в. при формовке верхней части сосуда происходит уменьшение профилированности венчика и деградация устья. Этот процесс выразился в двух противоположных направлениях: уменьшении степени отгиба устья при сохранении или некотором увеличении его размеров и уменьшении размеров устья или даже его исчезновении при сохранении резкого перелома от шейки к устью. При этом, развитие первого направления приводит к распространению в Старой Рязани с начала XIII в. посуды со слабопрофилированными венчиками с загнутым внутрь «черновым» краем в виде массивного, но уплощенного валика. Такие сосуды формируются из глин разной степени ожелезненности, в основном без искусственных отошителей; при декорировании доминирует зональный линейный орнамент, но доля волнистого тоже значительна. Венчики такого профиля могут быть соотнесены с коломенскими венчиками типа 23.1, встречающимися наиболее часто во второй половине XIII в. Венчики, формовавшиеся в рамках второго направления, появляются в Старой Рязани еще в начале XIII в. у посуды, которая в большей степени производилась из белоглиняных глин тонких формовочных масс и украшалась зональным линейным орнаментом, наносившимся гребенкой. В Коломне такое оформление верхней части сосуда (тип 3.1), как уже отмечалось, встречается на посуде только второй половины XIII в. и не получает широкого распространения. В Старой Рязани известны более ранние формы вен-

¹ В первой половине XIV в. доля таких венчиков достигает 19 %, а в комплексах второй половины — 27 %. Волнистый орнамент применяется в 35 % случаев в первой половине XIV столетия.

чиков с массивным уплощенным валиком (тип 9 по И. Ю. Стрикалову), не характерные для коломенской керамики. Посуда с такими венчиками изготавливалась там почти исключительно из нежелезненных глин без примесей и была второй по численности группой керамики уже в первой половине XIII в. В последующем технология формовки этих венчиков еще более упростилась — край стал просто заворачиваться наружу, где образовывался валик (тип 10 по И. Ю. Стрикалову или тип 4.1 по В. Ю. Ковалю). Такое оформление венчиков горшков, по-прежнему изготавливавшихся преимущественно из беложгущихся глин без примесей, украшенных линейным зональным (в основном) и волнистым орнаментом, датируется в Старой Рязани не ранее середины XIII в., а широкое распространение получает во второй половине XIII в. (Стрикалов, 2003. С. 372–380. рис. 1). Схожие изменения в формировании венчиков были прослежены и в посуде Зарайска XIII в. (Стрикалов, 1998. С. 30–32, 34. рис. 1). Коломенская посуда этого времени с аналогичными венчиками (класс 4) формируется редко. На южных поселениях Рязанской земли (селище Каменное) венчики, сходные с коломенскими типов 3.1 и 4.1, более характерны для второй половины XIII–XIV в., хотя встречаются и в более раннее время (Тропин, 2004. С. 136).

В этот же период керамика расположенного недалеко от Коломны Настасьинского поселения развивалась в рамках гончарной традиции Московщины, отличной от коломенской. Посуда здесь формировалась из глин с примесью мелкой дресвы, причем широко распространяются изогнутые венчики с заворотом «чернового» края наружу (класс 24 — до 25 %) (Коваль, 2004. С. 39).

На памятниках Верхнего Поочья уже в начале XIV в. керамика производилась только из нежелезненных глин с примесью мелкого и мелкодисперсного песка. Вертикальные венчики с заворотом края внутрь и образованием валика на внешней стороне (тип 3.1), а также слабопрофилированные венчики с уплощенным валиком (тип 23.1) появляются здесь во второй половине XIII в. Венчики же, с завернутым наружу краем (класс 4) получают распространение лишь с XIV в. (Болдин, 2003. С. 91. рис. 1).

Венчики типов 3.1 и 4.1 уже в домонгольское время формировались на посуде поселений Верхнего Подонья (Березовка 5). Во второй половине XIII в. в орнаментации керамики здесь произошли существенные перемены. Использование волнистого декора увеличилось до 29 %, а доля линейного орнамента уменьшается до 69 % (Гоняный, 2003. С. 158–160). На памятниках в бассейне

р. Воронеж (Шиловское поселение, поселение Дрониha, городище Никольевка) венчики типа 4 встречаются довольно часто (от 19 до 34 %) (Цыбин, 1987. С. 42–44. Рис 3; Пряхин и др., 1987. С. 21. рис. 10).

Важным представляется тот факт, что посуда с венчиками, край которых заворачивался наружу, имел наибольший ареал распространения в Южной Руси. На территории Среднего Поднепровья (селище Озаричи и другие), Чернигово-Северской земли (Новгород-Северский) подобные венчики, которые могли иметь как вертикальный, так и изогнутый профиль, и более массивный валик, бытовали во второй половине XIII–XIV в. (Беляева, 1982. С. 75–77. рис. 22, 23, 29; Винogradская, 1990. С. 96–97). А близкие коломенским венчики типа 3.1 встречаются в керамике Киева второй половины XIII–XIV в. (Гончар, 1993. С. 181. рис. 9).

В Смоленске посуда с венчиками, «черновой» край которых заворачивался наружу, появляется во второй половине XIII в. (Сергина, 1994 в. С. 67. рис. 1), при этом она изготавливалась из грубых формовочных масс на основе ожелезненных глин и проходила неполный обжиг в окислительном (68 %) и восстановительном (до 28 %) режимах (Сергина, 1994 в. С. 68–69. рис. 1, 2). Здесь в XIII–XIV вв. продолжалась эволюция характерных для предыдущего периода изогнутых и отогнутых наружу венчиков с круглым валиком по внутреннему радиусу и венчиков с валиком на внешней стороне. Волнистый орнамент не получил широкого распространения (13 %), а линейный составлял 35 %, при этом широко использовались ногтевые вдавления (26 %) (Сергина, 1994 в. С. 7, 11).

В гончарстве Северо-Востока Руси происходили такие процессы. Московские гончары во второй половине XIII в. продолжали производить керамическую посуду из ожелезненных глин, которую отощали дресвой. В процессе обжига керамика зачастую приобретала различные оттенки серого цвета. Венчики горшков бывали слабоизогнутыми и прямыми, «черновой» край их заворачивался внутрь, а валик имел треугольную или овальную в сечении форму (иногда уплощенную) (Беляев, 1991. С. 15–17. рис. 22, 25; Чернов, 1991. С. 24. Табл. 31–34). Л. А. Беляевым высказано предположение, что последний тип венчиков восходит к домонгольским, которые во второй половине XIII стали более оплывшими, упростившимися (Беляев, 1991. С. 17). Подобные венчики наиболее близки коломенским типов 23.1, 18.1 и 28.1. В московской керамике венчики типов 3.1 почти не известны, а венчики с завер-

нутым наружу краем довольно редки (Чернов, 1991. С. 24. рис. 32, 839, 638). В орнаментации посуды Москвы во второй половине XIII в. использование волнистого орнамента резко сокращается, но в XIV в. он вновь появляется на заметной части керамики (Коваль, 2000. С. 79, 80. Табл. 6). Линейный орнамент оставался самым распространенным видом декора, он наносился по влажной поверхности горшка инструментом с тупым рабочим концом почти по всему тулову (Бойцов, 1991. С. 35. рис. 1А).

В рамках московской гончарной традиции на северо-востоке Московской земли во второй половине XIII — первой половине XIV в. (селища Лешково 2 и 4) развивается еще один вариант «серой» и «красноглиняной грубой» керамики с отогнутыми наружу косо срезанными венчиками и «косой» волной по шейке (Чернов, 1991. С. 28–29. рис. 64, 65, 67).

Е. К. Кадиева, изучавшая гончарную посуду Владимира, пришла к выводу, что после монгольского нашествия местные керамические традиции были прерваны, а гончарство испытало влияние иных традиций. Выразилось это в ухудшении качества керамической продукции, появлении архаичных венчиков упрощенной профилировки (при этом венчики, аналогичные коломенским типов 3.1 и 4.1, для владимирской посуды не характерны) и резком увеличении доли волнистого орнамента (с 2 до 27 %) (Кадиева, 2000).

Керамическое производство Верхневолжских земель во второй половине XIII в. характеризуется следующими признаками: посуда изготавливалась из глин разной степени ожелезненности с неизменным присутствием в тесте дресвы и песка (беложгущаяся керамика имела более плотное тесто, содержавшее только песок) (Хохлов, Нестерова, 2001. С. 281). Среди венчиков встречаются близкие коломенским типа 23.1; наряду с линейным и волнистым орнаментом в декоре сосудов использовался и зубчатый штамп (Олейников и др., 2001. С. 257–259. рис. 9, 10, 11; Хохлов, Нестерова, 2001. С. 277–281. рис. 7, 9). Схожие процессы наблюдались и в гончарстве Торжка. При формировании изогнутых венчиков посуды второй половины XIII в. валик, образуемый путем заворота края внутрь, приобретал округлую или овальную форму, а в орнаментации вновь появляются оттиски многорядного зубчатого штампа (Малыгин, 1991. С. 202–203. рис. 10). При этом венчики типов 3.1 и 4.1 в керамическом ремесле этих двух городов не известны.

В Новгороде XIV в. являлся, по определению Г. П. Смирновой, периодом расцвета гончарного

дела, когда улучшилось качество обжига (процесс, обратный тому, что происходил в гончарстве Рязанской земли и Москвы), уменьшилось количество дресвы, появляется большое разнообразие венчиков, распространяется штампованный трапециевидный и тычковый орнамент (Смирнова, 1956. С. 244, 247. рис. 7).

Исходя из тех изменений, которые происходили в гончарстве Коломны во второй половине XIII в., и анализа развития керамической посуды в разных регионах Руси, попытаемся дать социокультурную интерпретацию выявленных изменений, при этом выделим три разнонаправленных процесса, их характеризующих.

Первый процесс может быть связан с изменением выработанных ранее технологических навыков в изготовлении коломенской кухонной посуды: при составлении формовочных масс увеличивается доля крупнозернистых примесей, включая дресву. Изменяется режим обжига: теперь более 40 % всей продукции проходит неполный обжиг в восстановительной среде. Этот процесс может быть связан с разорением Коломны монголами в начале 1238 г., который, очевидно, отрицательно сказался на развитии ремесел, в том числе и гончарства.

Второй процесс фиксирует эволюционную линию развития коломенской посуды. Ярче всего она проявилась в изменении соотношения способов конструирования верхних частей сосудов. Большей части венчиков теперь придается изогнутый профиль (тип 23.1), формирование которого требует меньше операций и времени, а его край, будучи завернутым внутрь, образует простой овальный в сечении валик. Такое же явление наблюдается в гончарстве Москвы, Старой Рязани.

Третий процесс свидетельствует о появлении технологических приемов в изготовлении керамики, не типичных для местной посуды домонгольского времени. Так, в четыре раза по сравнению с предыдущим периодом увеличивается присутствие белоглиняной посуды полного обжига окислительного режима без искусственных отощителей; в два раза возрастает использование золы в качестве подсыпки; в три раза чаще на поверхность сосуда наносится волнистый декор; появляются новые способы формирования венчика (типы 3.1 и 4.1 — до 10 % каждый), которые, впрочем, не получают широкого распространения. Все эти признаки керамического производства характерны для юго-восточных и южных районов Руси. В этой связи нельзя исключать приток нового населения в Коломну из этих территорий, вызванный монгольским разорением в середине

XIII в., косвенным подтверждением чему может служить тот факт, что во второй половине XIII — начале XIV в. происходит значительный, археологически зафиксированный, рост городской застройки. В это время осваивается пойма правого берега Москвы-реки, к югу от Коломенского кремля: на этой территории прослежены следы дворовых геометрически правильных участков, которые характерны для усадеб ремесленников (Мазуров, 2001. С. 277–278).

В первой половине XIV в. складываются и развиваются новые приемы в технологии изготовления коломенской глиняной посуды, относящиеся к оформлению верхней части сосуда и декорирования. При исследовании красноглиняной керамики были выделены две ее группы, критерием разделения на которые являлся режим обжига, поскольку именно в это время красноглиняная посуда проходит обжиг как в восстановительном (преимущественно), так и в окислительном режимах. Рассмотрим теперь более подробно характеристики разных групп коломенской керамики золотоордынской эпохи.

Красноглиняная керамика восстановительного режима обжига

К XIV в. такой режим обжига, при котором сосуды, изготовленные из ожелезненных глин, приобретали серый цвет поверхности и (или) излома, проходили в среднем уже $2/3$ красноглиняной керамики (или около 40 % от всей посуды), причем в комплексе, отложившемся по данным дендрохронологии в первой трети XIV столетия, доля подобной посуды достигает 87 %. Основным отоштителем формовочной массы такой керамики служил мелкий песок ($4/5$ образцов); крупный песок ($1/8$) и дресва (до 7 %) используются гораздо реже. Для удобства снятия сосуда с гончарного круга чаще, чем при формовании керамики из других глин или прошедших иной режим обжига, использовалась зольная подсыпка (половина днищ формовалась именно на такой подсыпке, в остальных случаях применялась песчаная подсыпка, при этом закраины фиксировались лишь у $1/6$ части днищ). При оформлении верхней части горшков гончары использовали в основном шесть способов изготовления венчиков:

1) Венчики изогнутого профиля, с заворотом «чернового» края внутрь; образовавшемуся валику придавалась овальная и округлая форма, реже подтреугольная (тип 23.1 — более $1/3$).

2) Венчик также делался изогнутым, но при этом край его никак не деформировался (тип 21.2 — $1/5$).

3) Отличается завернутым наружу «черновым» краем с валиком, который в большинстве случаев прижимался к внешней стороне венчика, при этом сам венчик мог быть вертикальным (класс 4 — $1/10$ всех венчиков), изогнутым (тип 24.2 — $1/10$) или отогнутым наружу (тип 29.1 — до 2 %).

4) Восьмую часть составляли венчики, которые отгибались наружу, с валиком овальной (реже подтреугольной) формы (тип 13.1).

5) Венчики с наклоненной внутрь шейкой, отогнутым наружу устьем и уплощенным валиком (тип 28.1 — $1/10$).

6) Вертикальные венчики, у которых валик находился снаружи, несмотря на то, что «черновой» край заворачивался внутрь (тип 3.1 — $1/10$).

Декорирование сосудов осуществлялось при помощи двух элементов — линий и волн, причем последние присутствовали на $1/3$ образцов. При нанесении линейного орнамента чаще использовалась гребенка ($4/5$ обломков с линейным орнаментом), а при нанесении волнистого — инструмент с одним рабочим концом ($2/3$ таких образцов), причем в большинстве случаев волна имела высокую амплитуду («крутая» волна типов 7 и 10). Отпечатки прямоугольного и треугольного штампа были встречены у единичных фрагментов. Декорированию подвергались в основном верхние части тулова горшков, с расположением волнистого орнамента как по шейке, так и по тулову.

Красноглиняная керамика окислительного режима обжига

К первой половине XIV в. такая посуда составляла третью часть от всей красноглиняной посуды или $1/5$ от всей керамики вообще. При этом полный окислительный обжиг проходила лишь $1/10$ красноглиняной керамики. В качестве отоштителя использовался мелкий песок ($4/5$ образцов), значительно реже использовался крупный песок ($1/5$) и дресва (до 5 %). Песок применялся и как подсыпка под днища (отмечена у $4/5$ днищ), в остальных случаях применялась зольная подсыпка (у $1/5$ всех днищ наблюдалась закраина). При формовании верхней части сосуда наиболее частым приемом было придание венчику изогнутого профиля с уплощенным валиком (тип 23.1 — $1/4$ всех венчиков). На втором месте по встречаемости стояли венчики с вертикальной шейкой и отогнутым наружу устьем с уплощенным валиком (типы 18.1 и 18.3 — $1/5$), или с наклоненной внутрь шейкой (типы 28.1 и 28.3 — $1/8$). Венчики разнообразной профилировки, с «черновым» краем, завернутым наружу,

составляли $\frac{1}{7}$ часть всех венчиков (тип 4.1 — около 5 %, 4.2 — до 2 %, 24.2 — около 6 %, 29.1 — до 1 %). У $\frac{1}{6}$ керамики вертикальные венчики имели валик снаружи, при «черновом» крае, завернутом внутрь (тип 3.1). Волнистый орнамент (в том числе — в сочетании с линейным) присутствовал на четверти всех орнаментированных обломков. Наибольшее распространение получает волна с высокой амплитудой (типов 7 и 10). В 75 % случаев волнистый декор, также как и линейный, наносился многозубой гребенкой. Основной зоной расположения декора является верхняя часть ($\frac{2}{3}$ высоты) сосуда, при этом волнистый орнамент мог располагаться как на тулове, так и на шейке.

Белоглиняная керамика

В первой половине XIV в. уже более трети всей коломенской посуды формовалось из нежелезненных глин, при этом 40 % такой керамики имели признаки полного обжига в окислительном режиме. При составлении формовочной массы основным отощителем был мелкий песок (отмечен у $\frac{2}{3}$ образцов), другие компоненты использовались редко (крупный песок — у $\frac{1}{10}$ образцов). Пятая часть всей белоглиняной посуды формовалась из глин, в которые не добавлялись какие-либо примеси. В качестве подсыпки под днища сосудов применялся главным образом песок (до 90 % днищ), а в остальных случаях зола (у $\frac{1}{3}$ днищ фиксировалась закраина). Наибольшее количество сосудов снабжались венчиками изогнутого профиля, край которых либо заворачивался внутрь, уплощаясь (тип 23.1 — $\frac{1}{3}$ всех венчиков) или образуя круглый валик (тип 23.2 — $\frac{1}{10}$), либо не подвергался деформации вовсе (тип 21.2 — $\frac{1}{7}$). Значительно меньше было венчиков, которые профилировались путем отклонения наружу, с уплощенным внутренним валиком (тип 13.1 — около 8 %), и вертикальных с валиком, находящимся снаружи, при завороте «чернового» края внутрь (тип 3.1 — до 7 %). Примерно в таких же количествах изготавливались венчики с отогнутым наружу устьем и наклоненной внутрь шейкой (тип 28.1). Для белоглиняной посуды не были характерны венчики, у которых «черновой» край заворачивался наружу (типы 24.2 и 29.1 — до 5 %). Широкое распространение получил волнистый орнамент: в среднем его доля (в сочетании с линейным) составляла $\frac{1}{3}$, при этом в $\frac{3}{4}$ случаев в качестве инструмента гравировки использовалась многозубая гребенка с острыми концами. Чаше всего наносился волнистый орнамент с высокой амплитудой, а так называемая «косая» волна (ха-

рактерная для Москвы и поселений на северо-востоке Московского княжества) практически не использовалась (она встречена не более чем на 2 % образцов). При нанесении линейного декора также преимущественно применялась гребенка (у $\frac{2}{3}$ образцов).

Рассмотрим теперь те изменения, которые происходили в XIV в. в гончарстве соседних территорий, где в это время также изготавливалась белоглиняная посуда. В Ростиславле Рязанском доля такой керамики в XIV в. составляла в среднем всего 6 % (Коваль, 1996. С. 109–110. Табл. 1, 2). В керамическом производстве Верхнего Подонья XIV в. (селище Вединец 1) использовались исключительно беложгущиеся глины, причем с XIV в. отощитель в виде песка использовался уже очень редко. Основными типами венчиков являются отогнутые наружу с округлым, срезанным или приостренным краем, а также с округлым или уплощенным внутренним валиком (т. е. типа 23.1); венчики, с загнутым наружу «черновым» краем здесь не получили большого распространения. Основным типом декора здесь являлся волнистый орнамент (77–98 %) (Гоняный, 2003. С. 154–160. Табл. 188).

В производстве керамики на поселениях Верхнего Поочья в XIV в. используются нежелезненные глины, в которые добавляли мелкий и очень мелкий песок, являвшийся и основой для подсыпок под днища сосудов. В это время появляются разнообразные приемы в оформлении верхней части горшков, при этом именно в XIV в. появляются венчики типов 23.1 и 4.1. Линейный и волнистый орнамент размещались на туловах горшков зонально (Болдин, 2002. С. 15, 18, 21–22. рис. 1, Б4, Г2, 3).

Таким образом, в первой половине XIV в. в Коломне начинает складываться новая традиция гончарного производства, под которой понимается «набор взаимосвязанных признаков технологии, морфологии и декора керамических изделий, формировавшийся в среде потомственных производителей посуды и связанных с ними потребителей керамической продукции, который имеет тенденцию к стабильности всех основных характеристик» (Коваль, 2001. С. 102). В целом она может быть охарактеризована следующим образом. Во-первых, керамическая посуда этого времени очень часто проходила низкотемпературный (или непродолжительный) режим обжига, изготавливалась из формовочных масс с отощителем в виде мелкого песка и лепилась в виде горшков средних и низких пропорций, при формировании которых использовались в основном песчаные подсыпки, но широко применялись и

зольные. Верхняя часть у такой керамики оформлялась в виде изогнутого или отогнутого наружу венчика с внутренним валиком овальной или подтреугольной формы, который плавно переходил как в крутые, так и в покатые плечики. Для декорирования (чаще по верхней части сосуда) использовался как линейный (более широко), так и волнистый («крутая» волна) орнамент, который в первом случае все более наносился инструментом с одним рабочим концом, а во втором — как «стилем», так и многозубой гребенкой. Во-вторых, перечисленные признаки сложилась на основе местного домонгольского производства (рецепт формовочных масс и эволюция венчиков) и привнесенных навыков изготовления керамики, в которых прослеживается южная традиция (соотношение в использовании различных подсыпок и типов декора, формова-

ние венчиков с заворотом «чернового» края наружу). В-третьих, такие признаки, как ребро на месте перехода венчика в плечико, крутизна последних, «косая» волна по шейке (в меньшей степени) могут говорить о знакомстве коломенских ремесленников с гончарной продукцией Москвы. Это становится очевидным в связи с тем, что в начале XIV в. Коломна входит в состав Московского княжества и в течение этого столетия становится вторым по значению городом княжества, превращаясь в великокняжеский домен. Тем не менее, в керамических комплексах г. Коломны первой половины XIV в. не было найдено ни одного образца московской керамики, что еще раз подтверждает вывод о собственной линии развития коломенского гончарства, наиболее близкой южной (Рязанская земля, Верхнее Подонье) и, в частности, поокской керамической традиции.

Литература

- Беляев Л. А., 1991. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // МК. М.
- Беляева С. А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. Киев.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве // МК. М.
- Болдин И. В., 2002. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы хронологии и периодизации). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М.
- Болдин И. В., 2003. Сопоставление датировки позднесредневековой керамики Верхнего Подонья и Верхнего Поочья (по морфологическим признакам) // Материалы научной конференции «Исторический ландшафт. Природа. Археология. История». Т. 2. Тула.
- Виноградская Л. И., 1990. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XV в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
- Генинг В. Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.
- Гончар В. М., 1993. Археологічні дослідження колишнього митрополичого саду Києво-Печерської Лаври у 1987–1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. Київ.
- Гоняный М. И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII — третьей четверти XIV в. района Куликова поля. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.
- Кадиева Е. К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Коваль В. Ю., 1995. Проблемы археологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси // Деснинские древности. Брянск
- Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 2. Труды Музея истории г. Москвы. Вып. 9. М.
- Коваль В. Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В. Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. III. Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В. Ю., 2004а. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.
- Коваль В. Ю., 2004б. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.
- Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л., 1991. Замечания и пояснения к машинной версии программы «Сосуды» // Артефакт. Программный продукт по археологии. М.
- Мазуров А. Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.
- Мазуров А. Б., 2003. Эволюция Коломны в XIII–XIV вв.: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Мазуров А. Б., Коваль В. Ю., 2004. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.
- Макаров Н. А., 2003. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Малыгин П. Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.
- Олейников О. М., Дайнин В. В., Романова Е. А., 2001. Средневековые напольные укрепления Тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.
- Панова Т. Д., 1988. Ювелирные изделия из раскопок в Московском кремле // СА. № 2.
- Пряхин А. Д., Винников А. З., Цыбин М. В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

- Сергина Т. В., 1994а. Керамика Смоленска второй половины XIII–XVII веков. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М.
- Сергина Т. В., 1994б. Кераимка Смоленска XIII–XVII (вопросы технологии и хронологии) // АИППЗ. 1993. Псков.
- Сергина Т. В., 1994в. Опыт планиграфического исследования позднесредневековой городской керамики (по материалам раскопа УС-IX Смоленска) // АИППЗ. 1993. Псков.
- Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики Древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55.
- Стрикалов И. Ю., 1998. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Сборник статей. Зарайск.
- Стрикалов И. Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Становление и ее окружения // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Тропин Н. А., 2004. Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж.
- Хохлов А. Н., Нестерова М. Е., 2001. К характеристике Тьмацкой линии укреплений Тверского кремля (по материалам раскопок 1998 г.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.
- Цыбин М. В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII — середины XV вв. // МК. М.
- Черных Н. Б., Карпучин А. А., 2004. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендронализа) // КСИА. Вып. 216. М.

Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне

Денежное обращение — важная составляющая экономики русского средневековья, но из-за скудости письменных источников и редкости кладов этого времени многие вопросы денежного обращения, особенно XIV–XV вв., до конца не решены. Между тем, нумизматические материалы из археологических раскопок в древних русских городах дают возможность изучать особенности местного денежного обращения.

К важнейшим нумизматическим памятникам и источникам, наряду с монетами, денежными слитками, кладами, материалами и инструментами монетной чеканки, относятся гирьки и весы, предназначенные для проверки веса монет и денежных слитков. Такие находки относятся к числу редких. Например, в Москве А. М. Колызиным учтено всего пять гирек (Колызин, 2000). А. В. Григорьев и В. В. Зайцев, публикуя костяные «монетные весы», найденные при раскопках в Тульской области, смогли назвать чуть более десятка подобных вещей, найденных в пределах Русских княжеств и земель XIV–XV вв. (Григорьев, Зайцев, 2000). За последние пятнадцать лет Археологической службой г. Коломны во время раскопок на территории кремля и посада обнаружены три металлических весовые гирьки и экземпляр монетных весов из кости, по которым

можно судить об особенностях местного денежного обращения второй половины XIV — начала XV в. Случайные нумизматические находки, как правило, датируются в узких пределах даже вне связи с археологическими комплексами. В отличие от них, предметы из раскопок происходят из датированных слоев и получают датировки извне. Это в полной мере относится и к коломенским вещам.

Весы, состоявшие из двух костяных деталей, были обнаружены разрозненными (№ 672 и 684 по полевой описи) в коломенском кремле в раскопе 2003 г. по ул. Лазарева, 19 (Сыроватко, 2003. С. 79) на глубине 155 см. Первая деталь залегала в кв. 39 (северо-восточный сектор раскопа), вторая — в 10 м от первой в кв. 3, что объясняется перемещением материала в условиях активного и продолжительного освоения территории. Первый фрагмент (кв. 39) был найден в заполнении ямы с керамическим материалом второй половины XIV — первой половины XV в. Второй фрагмент залегал в мешаном слое с керамикой XV–XVI вв.

Весы состоят из двух костяных обработанных и украшенных циркульным орнаментом деталей, соединенных в центральной части шарниром (рис. 1). Узкая пластина, выполняющая роль

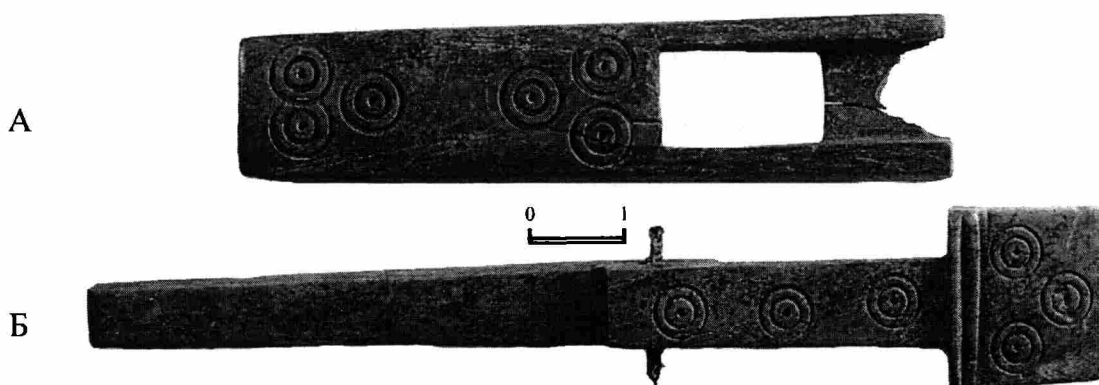

Рис. 1. Монетные весы из раскопа по ул. Болотникова

А — основание (№ 672); Б — коромысло (№ 684)

коромысла весов, с одной стороны имеет завершение в виде лопаточки без окантовки, другая сторона обработана под строго фиксированный противовес (рис. 1, Б). Находки весов такого типа известны на золотоордынских городищах и русских поселениях. Отмечено, что своеобразное устройство коромысла весов с лопаточкой без окантовки было сделано специально «исключительно для контроля полновесности монет и выбраковки легковесных, фальшивых и обрезанных экземпляров» (Григорьев, Зайцев, 2000). Можно добавить, что весы такого типа предназначены для индивидуального пользования, «для себя». Поэтому они всегда настроены на минимум, а может быть и чуть выше узаконенной монетной стопы (нижняя граница ремедиума). Проверка коломенских весов показала, что они начинают «работать» с веса 0,84 г, то есть этот вес и выше считался нормальным в Коломне для монеты-денги рубежа XIV–XV вв.

Гирька № 1 (рис. 2, А) найдена в 1991 г. во время раскопок А. Б. Мазурова на Соборной площади в центре коломенского кремля (траншея 1, № 34 полевой описи) (Мазуров, 1991. С. 22), в заполнении ямы 4, которая по вещевым находкам и стратиграфии была датирована концом XIV — самым началом XV в. Проведенный позднее анализ керамического комплекса из ямы 4¹ показал, что эта датировка полностью обоснованна. Соответственно, бытование гирьки № 1 относится ко времени не ранее конца XIV в., а выпадение ее в слой можно отнести к началу XV в.

Гирька № 1 представляет собой свинцовое усеченно-биконическое изделие диаметром в широкой части (середине) 2,8 см и по плоскостям — 2,4 см. Вес ее — 93,35 г. На одной из плоскостей имеется клеймо в виде нанесенных на гладкую поверхность пуансоном (полый трубкой) четырех одинаковых кругов. В результате на поверхности получилось изображение, похожее на крест с расширяющимися концами и четырьмя точками между перекладинами креста. Сохранность гирьки хорошая. Первоначальный средневековый законный вес в нынешнем состоянии гирьки сохранен. Гирька не уникальна: в Москве найден аналогичный предмет с таким же клеймом. Клеймо, напоминающее наше, «в виде розетки с четырьмя лепестками», имеется на слитке — полтине Московского клада (Шорин, 1977. С. 183, № 11). Похожее изображение в виде креста с четырьмя точками имеется на некоторых монетах конца XIV в. Суздальско-Нижегородского княжества (Федоров-Давыдов, 1989. № 559). Возможно, такое клеймо на

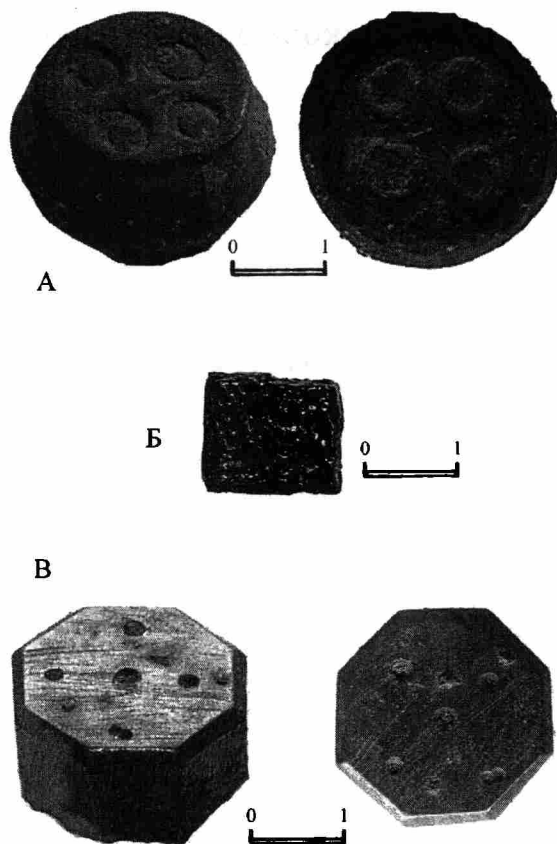

Рис. 2. Гирьки из раскопок в Коломне

- А — гирька из раскопа на Соборной площади;
Б — гирька из Михайловского раскопа;
В — гирька из раскопа по ул. Лазарева, 19

гирьках — государственный знак, подтверждающий законность веса предмета. Мы согласны с мнением А. М. Колызина, утверждающего, что вес коломенской и московской гирек соответствует узаконенному весу московского слитка-полтины или соответствующего ей количества московских серебряных денег конца XIV в. (Колызин, 2001).

Гирька № 2 (рис. 2, Б) обнаружена в 1999 г. в западной части коломенского посада, на Михайловском раскопе (№ 963 полевой описи), в яме 233, которая являлась подпольем наземного жилища и датировалась концом XIV — первой четвертью XV в. (Мазуров, 1999. С. 172, 175). Соответственно, этим же временем датируется и гирька № 2. Гирька трапецевидной формы, отлита из медного сплава. На гранях видны следы литья. Вес предмета — 7,87 г, что близко весу шести серебряных золотоордынских дирхемов

¹ Благодарим за предоставленные материалы к. и. н., н. с. Археологической службы г. Коломны В. В. Черкасова.

хана Тохтамыша (1379–1395). Например, большинство дирхемов этого хана (135 экз.) из Екатеринославского клада весит от 1,32 до 1,41 г (Мухамадиев, 1983. С. 147). Предположительно эту гирьку можно интерпретировать как эталон для проверки веса счетной золотоордынской денежной единицы «алтын», состоявшей из шести дирхемов.

Гирька № 3 (рис. 2, В) найдена в 2002 г. в коломенском кремле, у тыльной стороны вала крепости XIV–XV вв., в траншее 1 по ул. Лазарева, 19 (№ 64 полевой описи) (Сыроватко, 2002. С. 36). Предмет лежал на третьем (верхнем) ярусе дубовой отмостки¹, выше второго и первого ярусов этого сооружения (изготовленных из сосны), дендродата которых, соответственно, 1340 и 1290–1300 гг. Кроме того, он был перекрыт слоем щепы, оставшейся от строительства III этапа вала, постройка которого по дендродатам определяется концом 1380 — началом 1390-х годов. Соответственно, гирька, учитывая временной промежуток между вторым и третьим ярусами отмостки, датируется не ранее 1370-х годов и не позднее 1390-х.

Гирька № 3 восьмигранной формы, сделана из свинца. Вес ее — 38,40 г. На верхней и нижней плоскостях имеются по пять точек кратности. Гирьки такой формы с пятью точками кратности — обычная находка на золотоордынских го-

родищах в культурном слое XIV в. Их обычно относят к алтынной системе счета (Мухамадиев, 1983. С. 102). Пятиалтынная гирька из Коломны по весу близка к массе 30 дирхемов конца правления хана Тохтамыша.

В результате анализа находок из Коломны можно сделать следующие выводы.

1. Монетные гирьки и весы обнаружены в культурном слое, датируемом не ранее 70-х годов XIV в., что говорит об изменении в то время видов и средств платежа в торговле на местном рынке от товаро-денег и серебряных слитков полностью к серебру в виде слитков и монеты.

2. Найденные гирьки (кратные счетным единицам в алтын, пять алтын, полтине-слитку или соответствующему этим единицам количеству монет), а также весы для проверки веса законной монеты, указывают на значительные суммы и большое количество мелкого серебра, обращавшегося в это время в городе.

3. Весовые гирьки в алтын и в пять алтын, возможно, имеющие отношение к денежному делу Золотой Орды, показывают, что торговое население города в последней четверти XIV в. было знакомо с серебряной ордынской монетой. В Коломне наряду с русской монетой велись операции и с золотоордынским дирхемом. Сами дирхемы, как и русские серебряные монеты этого времени, также найдены в культурном слое Коломны.

Литература

- Григорьев А. В., Зайцев В. В., 2000. О находках фрагментов костяных «монетных весов» XIV в. в Тульской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Колызин А. М., 2000. Средневековые гирьки из раскопок в Москве и Подмоскowie // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Колызин А. М., 2001. Торговля древней Москвы (XII — середина XV в.). М.
- Мазуров А. Б., 1991. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля г. Коломны в 1991 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15977.
- Мазуров А. Б., 1998. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне 1998 года. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 22028.
- Мухамадиев А. Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.
- Сыроватко А. С., 2002. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломне Московской области в 2002 году // ОПИ ИА РАН.
- Сыроватко А. С., 2003. Отчет об охранных археологических раскопках в городе Коломне в 2003 году // ОПИ ИА РАН.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.
- Шорин П. А., 1977. Московский клад новгородских денежных слитков // Тр. ГИМ. Вып. 49. (НС. Ч. 5. Вып. 1). М.

¹ Эта многоярусная отмостка была сделана для стабилизации поверхности над проседавшим заполнением более древней ямы.

Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры

В 2003 г. в связи с проведением работ по благоустройству территории Троице-Сергиевой лавры Подмосковной и Московской областной средневековой экспедициями ИА РАН были впервые проведены широкомасштабные охранные раскопки. Работы велись на трех участках, которые руководство монастыря предполагало осваивать в первую очередь и исследование которых позволило бы прогнозировать характер культурных отложений на всей реконструируемой площади.

Один из раскопов (40 кв. м) был заложен в центральной части Троице-Сергиевой лавры — между Успенским собором и Трапезной (рис. 1). В результате археологических раскопок здесь был исследован ранее не известный участок кладбища XVI–XVII вв. (Энговатова, 2004).

Археологические изыскания проводились на территории действующего монастыря — главном центре Русской Православной Церкви, наиболее посещаемом паломниками и туристами. Это накладывало определенную специфику на методику работ. Без деятельного участия и проявленного интереса к проводившимся работам со стороны настоятеля Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрита Георгия (Данилова), постоянного внимания и помощи игумена-эконома о. Алексея и игумена о. Герасима, неоценимой поддержки иеромонаха о. Иосии, успех проводившихся археологических исследований оказался бы невозможным. По согласованию с церковным руководством для минимизации нарушения погребений вскрытие до уровня костяков производилось лишь в пяти из 22 могильных ям (погребения 1–5). Кости из погребений не изымались, и антропологическая целостность костяков не нарушалась. Все археологические исследования и палеоантропологический анализ погребенных проводились на месте.

Статья вводит в научный оборот результаты исследования монастырского кладбища.

Стратиграфия (рис. 2). Под бетонной плиткой современной мостовой залегала прослойка чистого речного песка и гравия. Его подстилал плотный темно-коричневый суглинок, перемешанный с битым кирпичом и щебнем, мощностью от 10 до 20 см. Индивидуальные находки встреченные в нем (три свинцовые пули калибра 7,62 мм — две короткие, возможно от карабина 1938 г. и длинная от винтовки Мосина, свинцовая пломба с надписью «Г, СЕРГИЕВО АНТИР, МУЗЕ») относят, видимо, образование слоя к 1930–1940 годам¹. В нижнем горизонте этого слоя найдены и более ранние находки — свинцовое ядро и черешковый наконечник стрелы. Кроме того, собрана разновременная коллекция керамики, включающая фрагменты посуды с прямопоставленными венчиками с заворотом черного края внутрь, которые датируются XV–XVI вв. (Коваль, 1999. С. 126; 2004. С. 23), фрагменты чернолощенной и поливной керамики, обломки поливных полихромных печных изразцов конца XVII — первой четверти XVIII вв. В северной части раскопа зафиксирована прослойка строительного мусора мощностью до 20 см из извести, песка и битого кирпича. Ниже начинался основательно перекопанный слой средневекового кладбища, представлявший собой коричневый суглинок с вкраплениями кирпичной, белокаменной крошки, мелких древесных угольков и отдельных фрагментов человеческих костей. В восточном и юго-западном профилях раскопа четко прослежены заполнения могильных ям, состоящие из бурого суглинка с точечными вкраплениями темной гумусированной супеси. Могильные ямы располагались относительно неглубоко — в 30–40 см от современной поверхности. Судя по всему, верхняя часть кладбищенского слоя была удалена еще в XVIII–XIX вв. при нивелировках этой территории.

После зачистки слоя коричневого суглинка были зафиксированы 22 могильные ямы, ориентированные длинной осью по линии запад —

¹ Антирелигиозный музей на территории лавры был основан в 1929 г.

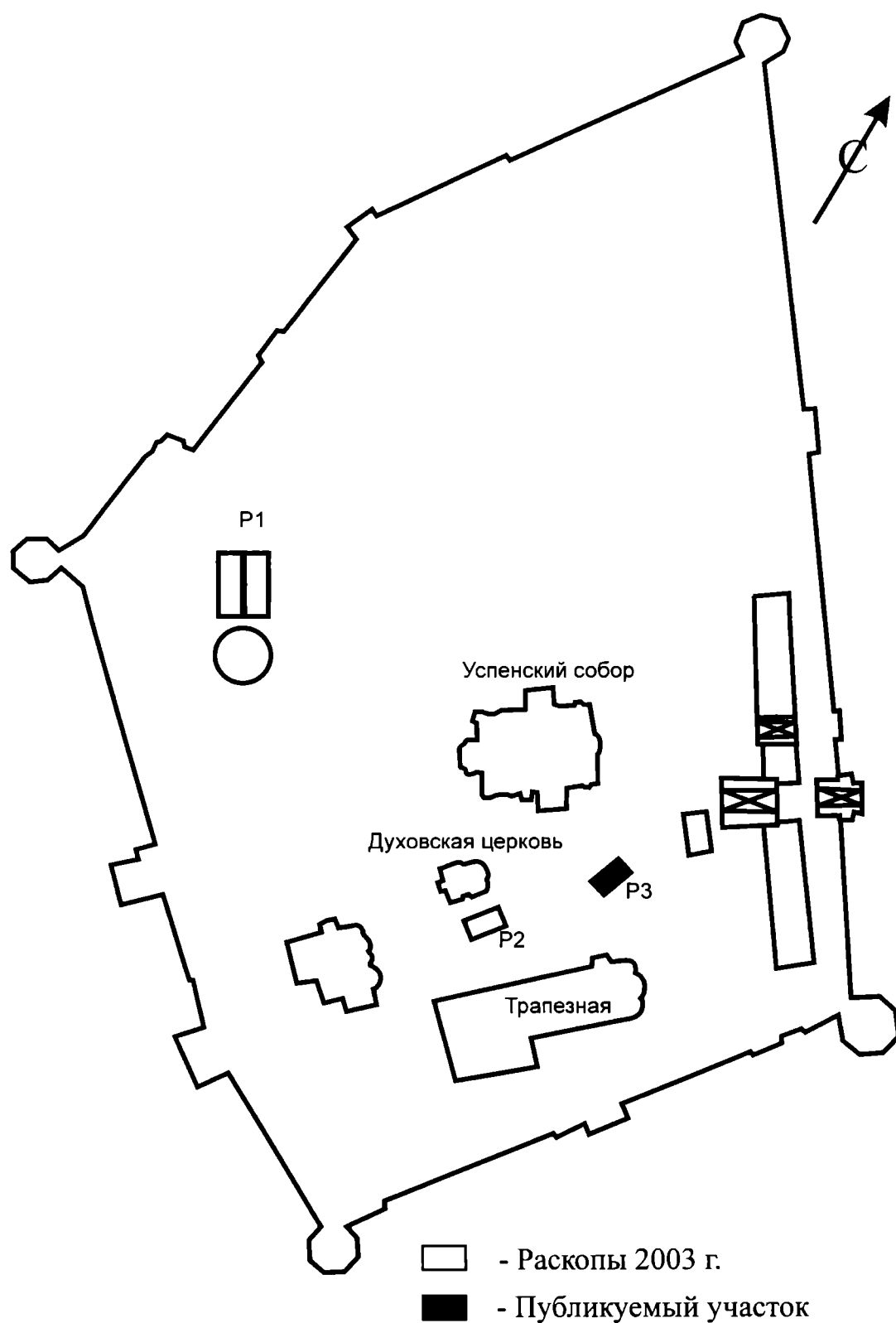
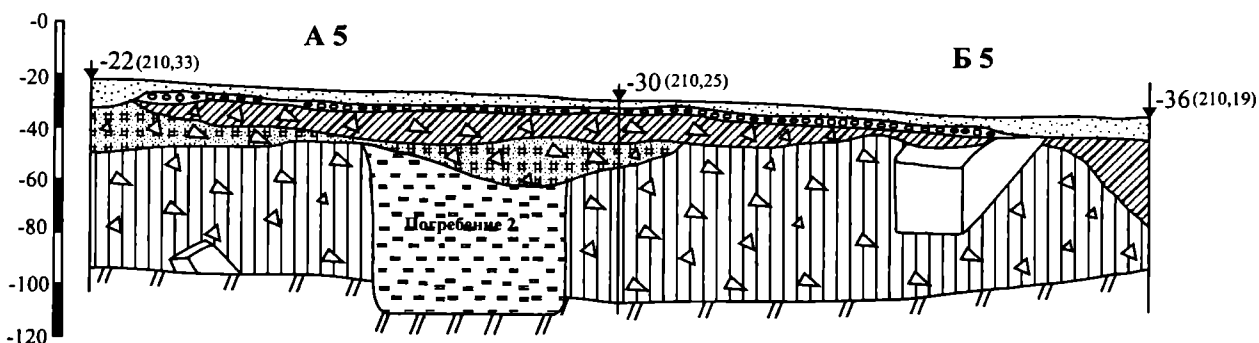

Рис. 1. Участок работ Подмосковной экспедиции ИА РАН
на территории Троице-Сергиевой лавры

Профиль северо-восточной стенки.

Профиль юго-западной стенки.

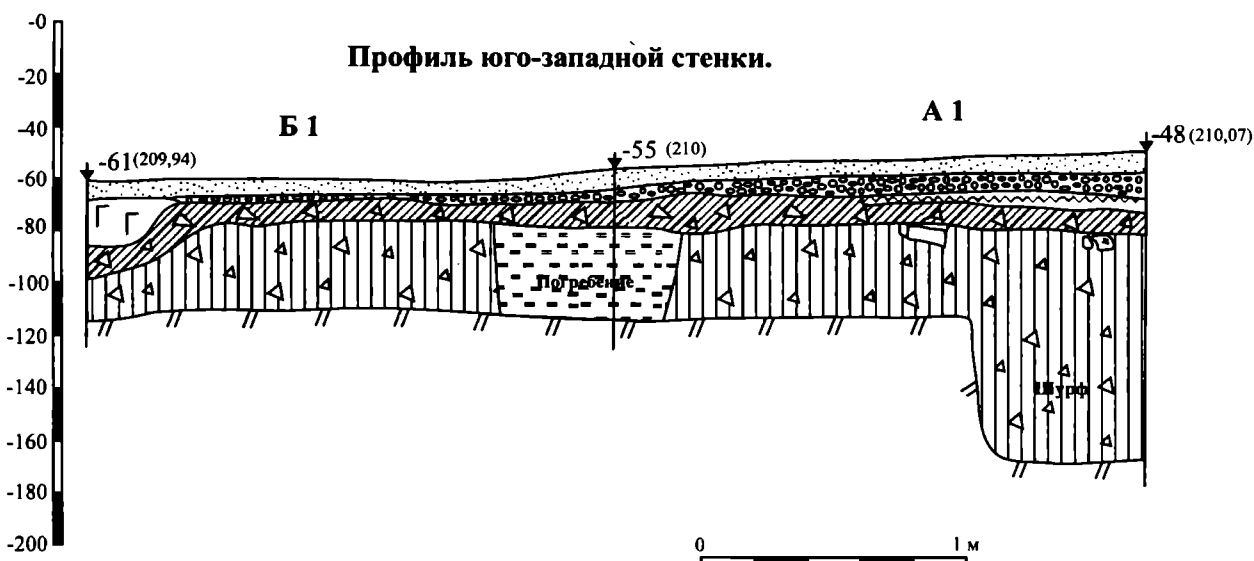

Рис. 2. Стратиграфия раскопа

восток (рис. 3). Их заполнение мало отличалось от окружающего слоя и выделялось только присутствием древесного тлена и включениями серой гумусированной супеси. Погребения располагались в четыре ряда, вплотную примыкая друг к другу. Три могильных ямы нарушали контуры нижележащих ям, что свидетельствует о многоярусности и долговременном функционировании кладбища.

Помимо могильных пятен при разборке слоя в разных местах раскопа были найдены разрозненные человеческие кости — это нижняя челюсть и часть черепной коробки в северной части, череп, лежащий основанием вверх, и нижняя челюсть в его южной части, отдельные фрагменты костей рук и ног (всего от девяти индивидов).

Очевидно, эти находки являются результатом перекопов, нарушивших более ранние могилы.

В юго-восточной части раскопа расчищены фрагменты белокаменной могильной плиты, ориентированной длинной осью по линии запад — восток. Верхняя часть плиты обнаружена севернее. По краю плита орнаментирована канвой из углубленных треугольников — так называемый волчий зуб (рис. 4). Благодаря многочисленным аналогиям плита может быть датирована второй третью XVI в. (Беляев, 1996). После удаления фрагментов было зафиксировано темное гумусированное пятно, по очертаниям в точности соответствующее снятой надгробной плите. В процессе его разборки выяснилось, что это сохранившийся от перекопов материковый грунт.

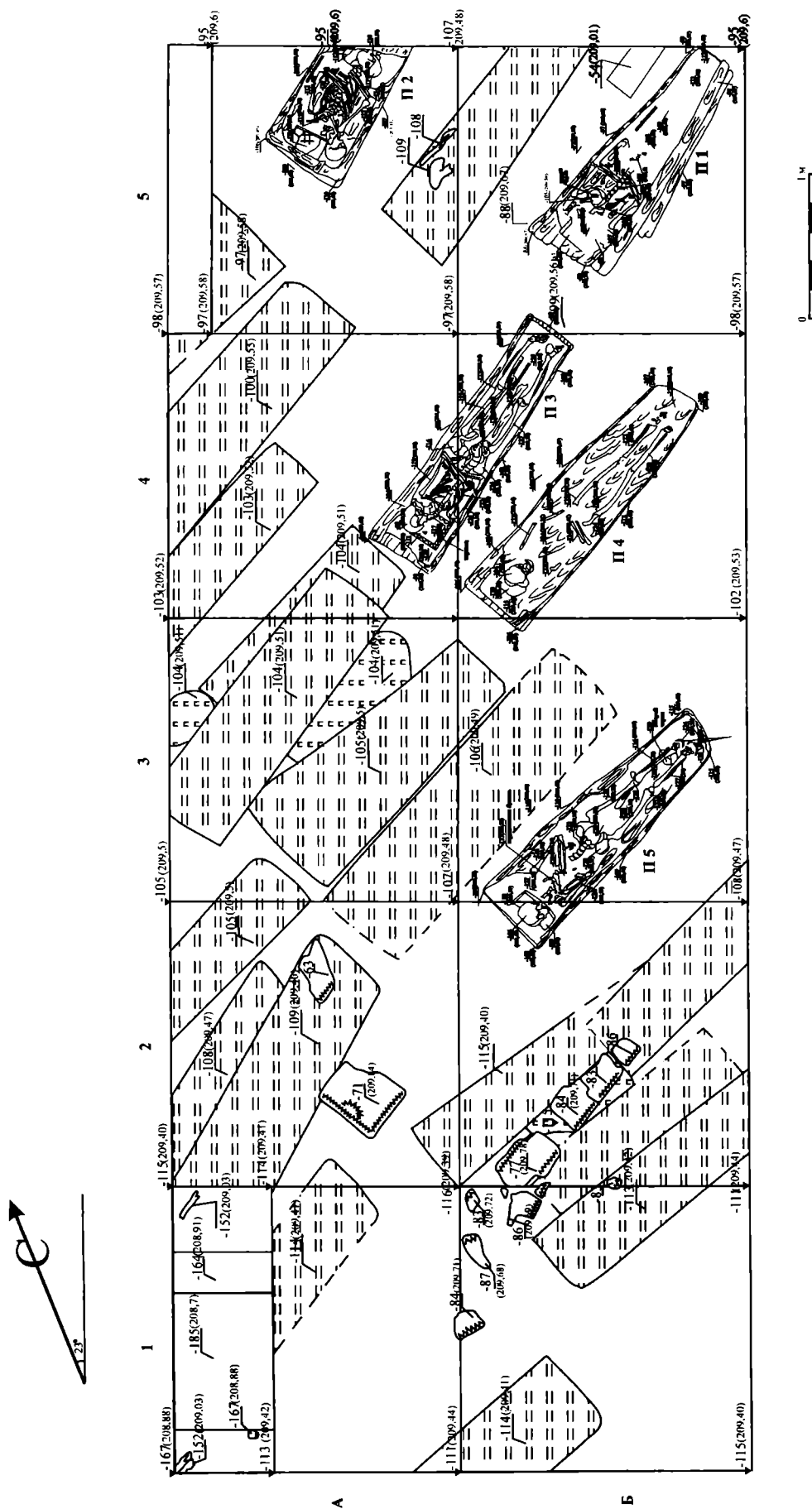

Рис. 3. Участок кладбища между Успенским собором и Трапезной

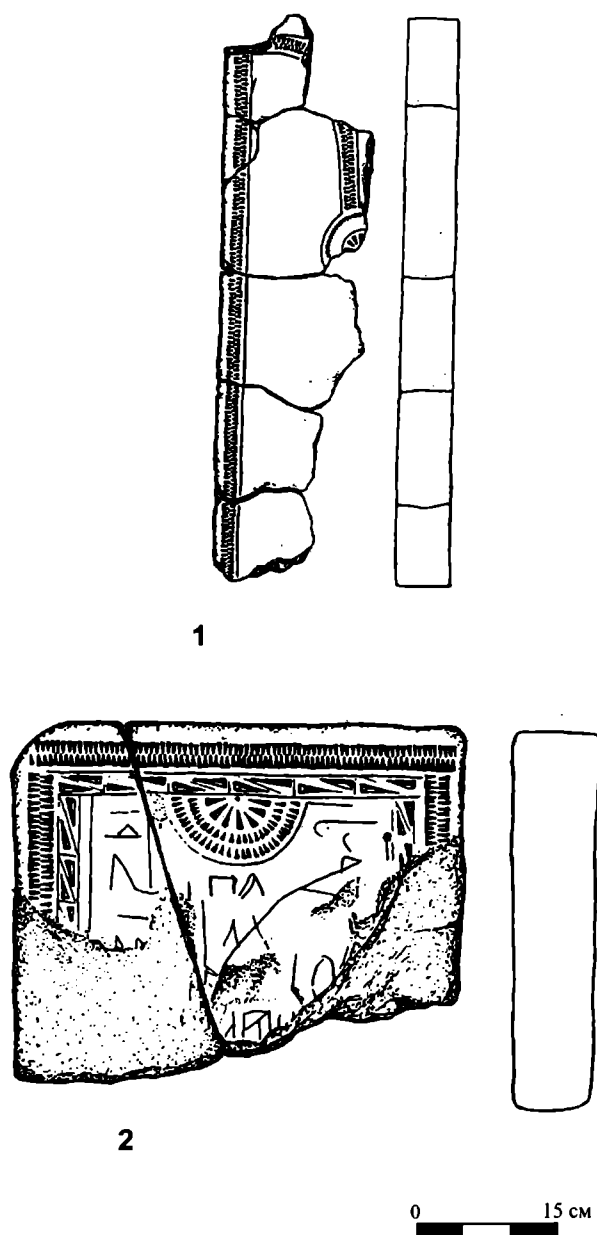

Рис. 4. Фрагмент белокаменного надгробия XVI в.

Описание погребений

Погребение 1 было обнаружено в северо-восточном углу раскопа. Были расчищены остатки гробовины, ориентированной по линии запад — восток, которая представляла собой деревянную колоду длиной 173 см, сужающуюся с запада на восток. Ширина по западному краю 62, по восточному — 34 см.

После удаления верхней истлевшей крышки гробовины, толщина которой достигала 2 — 2,5 см, был расчищен костяк хорошей сохранности, лежавший вытянуто на спине головой на запад с

отклонением к югу. Череп повернут лицевой частью на юго-восток, к правому плечу. Кости рук согнуты в локтях под прямым углом, кистями лежат на нижней части груди. Ноги вытянуты. По данным антропологического исследования, проведенного Д. В. Богатенковым, погребение № 1 — мужское.

Под черепом поперек гробовины находился кирпич, на котором лежал череп. Размеры кирпича 26x14,5x7,5 см. Южный край кирпича несколько опущен вниз.

При расчистке костяка на груди слева найдена сферическая медная пуговица с петлей (рис. 5, 5). Еще одна аналогичная находилась у лучевой кости правой руки (рис. 5, 6) и две округлые пуговицы — в средней части таза (рис. 5, 2, 7). У окончания локтевой кости правой руки найдена медная петелька (рис. 5, 3).

Ниже костяка — в области левой ключицей и лопатки, под днищем деревянного колоды зафиксирован свод черепа другого погребения.

Погребение 2 зафиксировано слева от погребения 1, в северо-западной части раскопа. Восточная половина захоронения не вскрывалась, т. к. «уходила» в северо-восточный борт раскопа. Подпрямоугольную в плане могильная яма шириной 65 см, была ориентирована по линии запад — восток. Ее заполнение мало отличалось от окружающего слоя пласта и было выделено лишь по присутствию древесного тлена и серой супеси.

На дне деревянной гробовины-колоды шириной 64 см по западному краю был обнаружен костяк хорошей сохранности, лежащий в вытянутом на спине положении головой на запад с небольшим отклонением к югу. Череп, завалившись к правому плечу, лежал на правой височной кости и лицевой частью был обращен к востоку. Кости правой руки согнуты под прямым углом, кисть лежала на животе. Кости левой руки согнуты под острым углом, кисть — в нижней части груди. Погребение также мужское.

Рядом с черепом к северо-западу от него на дне колоды находился красный кирпич размерами 27x14,5x7,5 см со следами известкового раствора на его поверхности.

На груди между седьмым и восьмым позвонками был найден медный, четырехконечный с прямоугольными лопастями с вписанным восьмиконечным крестом на лицевой стороне, нагельный крестик (рис. 5, 1). Вдоль креста расположены копье и губка, а в подножии — Голгофа. На концах лопастей надписи «IC» и «XC», на оборотной стороне — многоярусная плохо читаемая надпись в квадратных ячейках.

Судя по иконографии это широко распространенный крест типа II подтипа 3, по класси-

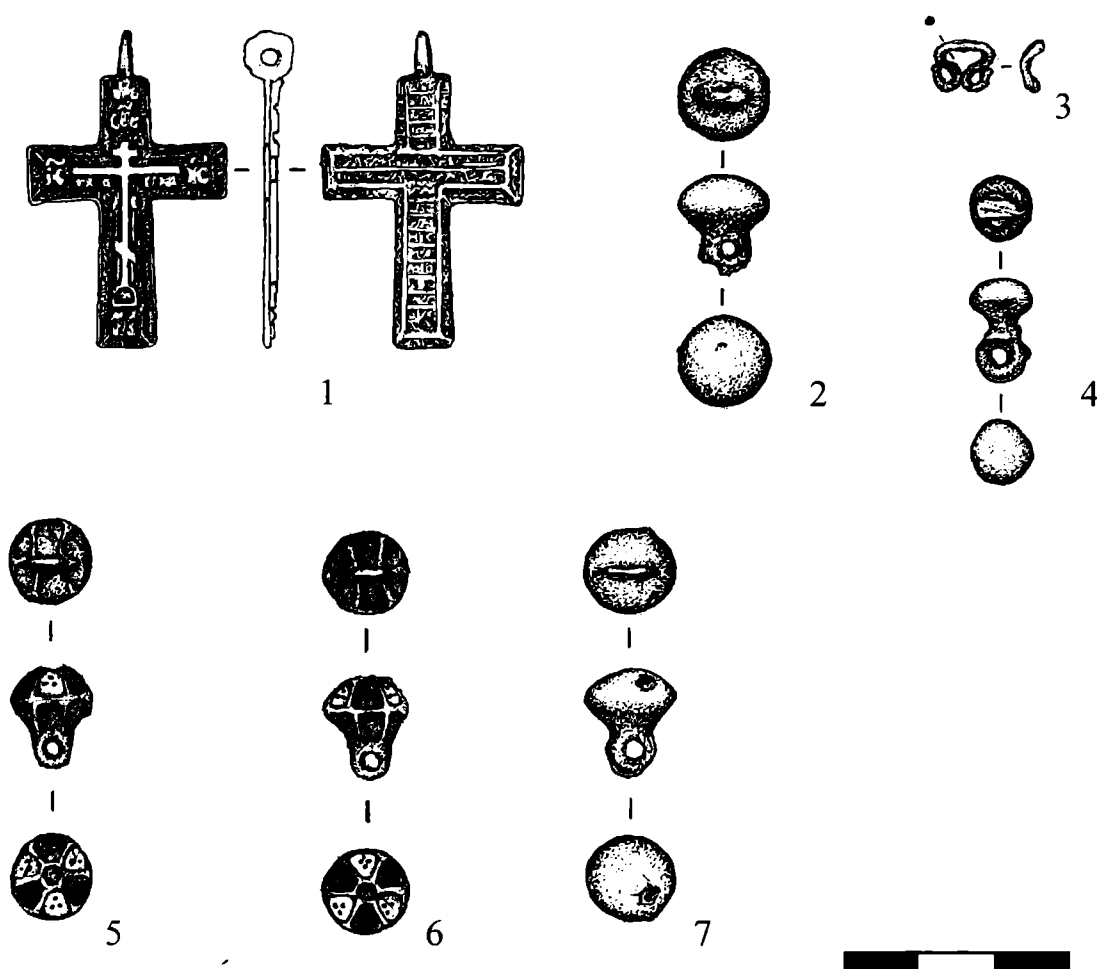

Рис. 5. Индивидуальные находки из погребений

фикации А. Н. Муравьевой, который датируется XVII–XVIII вв. (Муравьева, 2000. С. 31). Аналогия ему найдена в слое XVII в. в Старой Рязани (Даркевич, 1994. С. 186, рис. 4, 2), а также в разрушенном некрополе XVI–XVII вв. на территории Данилова монастыря в Москве (Беляев, 1995. С. 100, рис. 21).

Погребение 3 располагалось к западу от погребения 1. Могильная яма слабо выделялась от фона более темным оттенком бурого суглинка. В плане она представляла собой прямоугольник 200х40 см, длиной осью ориентированный по линии запад — восток.

После снятия верхнего слоя заполнения ямы была расчищена истлевшая крышка деревянного гроба, южная половина которой провалилась и находилась в 10 см ниже северной. Длина гроба 190 см; ширина по западному краю 50 см, по восточному — 38 см; высота 33 см в изголовье и 30 см в ногах. В северо-восточном и юго-западном углах гроба находилось по одному кованому гвоздю длиной 12 см.

Костяк хорошей сохранности лежал, вытянуто на спине головой на запад с отклонением к югу. Кости рук, были согнуты под острым углом, скрещиваясь на нижней части груди, левая на правой. Ноги вытянуты. В области груди найдена медная сферическая пуговица (рис. 5, 4). Череп, склоненный к левому плечу, лежал на красноглиняном рельефном лицевом печном изразце с изображением скачущего единорога (рис. 6). Изразец имеет узкую рамку и коробчатую румпу. Размер лицевой пластины составляет 23 х 23 см, высота румпы — 8,5 см. Рамка (шириной 3 см) на лицевой пластине заполнена растительным орнаментом. В центре изразца изображен единорог с туловищем коня, стоящий на задних ногах. Поле вокруг единорога заполнено растительными побегами. В коллекции Сергиево-Посадского историко-культурного музея имеются фрагменты подобных изразцов. Изразцы с такими лицевыми пластинами изготавливались до 60-х гг. XVI в. в мастерской, существовавшей рядом с Троице-Сергиевой лаврой (Розенфельдт, 1968. С. 65).

Рис. 6. Печной изразец с изображением единорога из погребения 3

Погребение 4, зафиксированное справа от погребения 3 в виде узкой полосы деревянного тлена, маркирующего западную границу ямы, было совершенно в деревянной гробовине, сужающейся к ногам, размерами 194х52/34 см. Длинной осью ориентирована по линии запад — восток. В засыпке зафиксированы фрагменты красноглиняной гладкой керамики.

Костяк положен вытянуто на спине головой на запад с отклонением к югу. Кисти рук согнуты в локтях: правая кисть лежала в верхней части таза, левая — в области нижних костей таза. Под черепом найдена половинка кирпича, длина сохранившейся части которого 20, ширина 14, высота 7,2 см. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 5 зафиксировано центральной части раскопа. Расчищена деревянная гробовина-колода длиной 191 см, шириной в западной части 55 см, в восточной 34 см. Аналогичным образом происходило уменьшение и высотных параметров — от 21 см у западной стенки до 16 см у восточной. Длинной осью гробовина ориентирована по линии запад — восток.

На дне обнаружен костяк хорошей сохранности, лежащий вытянуто на спине головой на за-

пад с небольшим отклонением к югу. Руки согнуты, при этом левая кисть расположена на груди, а правая — у правой ключицы. Ноги вытянуты и сведены пятками вместе. Череп, развернутый лицевой частью на юго-восток, лежал на правом виске. Под черепом находился большемерный кирпич малиново-красного цвета (33х15х8,1 см) расколовшийся пополам. В верхней части груди была найдена сердоликовая бузина. На ногах зафиксированы остатки кожаной обуви.

Под ногами в погребении 5, на уровне пола гроба, прослежен свод черепа нижележащего погребения.

* * *

В результате археологических исследований прежних лет (С. В. Трофимов, Т. В. Николаева, В. И. Вишневский и др.) на территории Троице-Сергиевой лавры были изучены участки монастырского некрополя вокруг Троицкого собора, Духовской церкви и Успенского собора. По письменным источникам и археологическим исследованиям установлено, что значительная часть монастыря была занята кладбищем. На территории Лавры хоронили представителей

царских и княжеских семей, известных боярских родов, патриархов, митрополитов и других высоких священнослужителей. Большинство изученных погребений сопровождались белокаменными надгробиями. Известно несколько надгробных плит и в погребениях рядовых монахов XVI в. — квасника Савостьяна, книгохранителя Феодорита и некоторых других (устное сообщение В. И. Вишневого).

Исследованный в 2003 г. участок кладбища несколько отличался от всех ранее изученных как по составу погребенных, так и по особенностям погребального обряда.

Все вскрытые погребения, а также отдельные кости и фрагменты из заполнения раскопа (всего 14 индивидов) были идентифицированы как мужские (Богатенков, 2004). Из них один подросток (7–14 лет), четверо молодых мужчин (20–40 лет), остальные имели по меркам средневековья солидный возраст на момент смерти — в среднем 45–50 лет.

Антропологический анализ выявил определенное сходство между погребенными. По мнению Д. В. Богатенкова, все они происходили из одной местности. Сходство зафиксировано не только в антропологическом типе, но в пропорциях и особенностях развития костной системы. Судя по всему, эти люди в течение длительного периода своей жизни выполняли не слишком тяжелую работу. Небольшие регулярные нагрузки не требовали избыточных усилий и не были травмоопасными (например, работали по хозяйству, носили воду, рубили дрова и т. п.). Судя по зубам, в детстве все они испытывали периодические периоды голода или легких болезней, с регулярностью 2–3 раза в 1,5–4,5 года. Затем, уже в подростковом и зрелом возрасте, их питание приходило в норму, становилось регулярным, возможно, даже обильным, но не сбалансированным. Все это позволяет сделать вывод, что на данном участке кладбища совершались погребения лиц, относящихся к общине Лавры, скорее всего, здесь похоронены монастырские братья.

Все они погребены по типичному христианскому обряду — головой на запад, лицом в восточном направлении. Вещи в погребении отсутствуют, за исключением пуговиц и нательного крестика. Погребения совершены в деревянных гробовинах-колодах. Существовали ли над захоронениями надгробные плиты, сказать невозможно, т. к. верхний слой некрополя был уничтожен. Однако, судя по тому, что погребения перекрывали друг друга, можно предположить, что надгробные плиты отсутствовали. Единственная плита, найденная в юго-восточной части раскопа, оказалась перемещенной на это место

еще в древности, о чем свидетельствует ее местонахождение (рис. 2).

Исследованный участок кладбища выделяется высокой плотностью захоронений — только в верхнем ярусе 22 погребения на 40 кв. м. Такая насыщенность и многоярусность может свидетельствовать не только о длительности его существования или отсутствии возможности расширения из-за плотной монастырской застройки, но, вероятно, и об особом назначении данного участка как монашеского кладбища.

Важной особенностью всех исследованных погребений является обычай положения умершего на каменную «подушку». Четверо из пяти умерших лежали головами на кирпичах, а один — на рельефном красноглиняном печном изразце.

Об этом обряде написано достаточно (Макаров, 1981; Беляев, 2005), поэтому нет необходимости подробно останавливаться на нем. Он известен в монастырских захоронениях в Москве, Новгороде, Пскове, Старой Рязани, Гродно, Смоленске и Суздале. В христианской погребальной практике этот обычай фиксируется, начиная с XII–XIV вв. и существует, судя по исследованным памятникам до XVII — середины XVIII в. По мнению Н. А. Макарова, кирпич, положенный в изголовье погребенного, указывал на аскетизм и праведность монаха (Макаров, 1981. С. 113).

Иную смысловую нагрузку видит в обычае положения камня под голову усопшего монаха Л. А. Беляев, который полагает, что этот обычай является визуализацией ветхозаветного рассказа о видении праотцу Иакову, спавшему на камне, лестницы с Ангелами Божьими. В том же ряду стоит «Лестница» Иоанна Синаита — лестница как путь спасения монастырской души в борьбе со своими пороками и восхождение к добродетели. Таким образом, камень символизирует идею спасения души усопшего путем следования заветам «лестницы» и переноса усопшего посредством камня к порогу царствия небесного (Беляев, 2005. С. 172, 174).

Обычай положения камня под голову описан в житиях святых Афонских старцев. Так в «Афонском патерике или Жизнеописании святых на Святой Афонской Горе просиявших» рассказывается, что, узнав о приближении смерти, преподобный Семеон, основатель и настоятель Хиландара, сказал: «Чадое мое! Будь добр, возложи на меня погребальную рясу и наряди меня точно тем святым образом, как мне лежать во гробе; распрости на земле рогожу и положи меня на ней; *под мою голову положи камень* (курсив наш. — А. Э. О. З.), пусть я здесь лежу до тех пор, пока Господь посетит

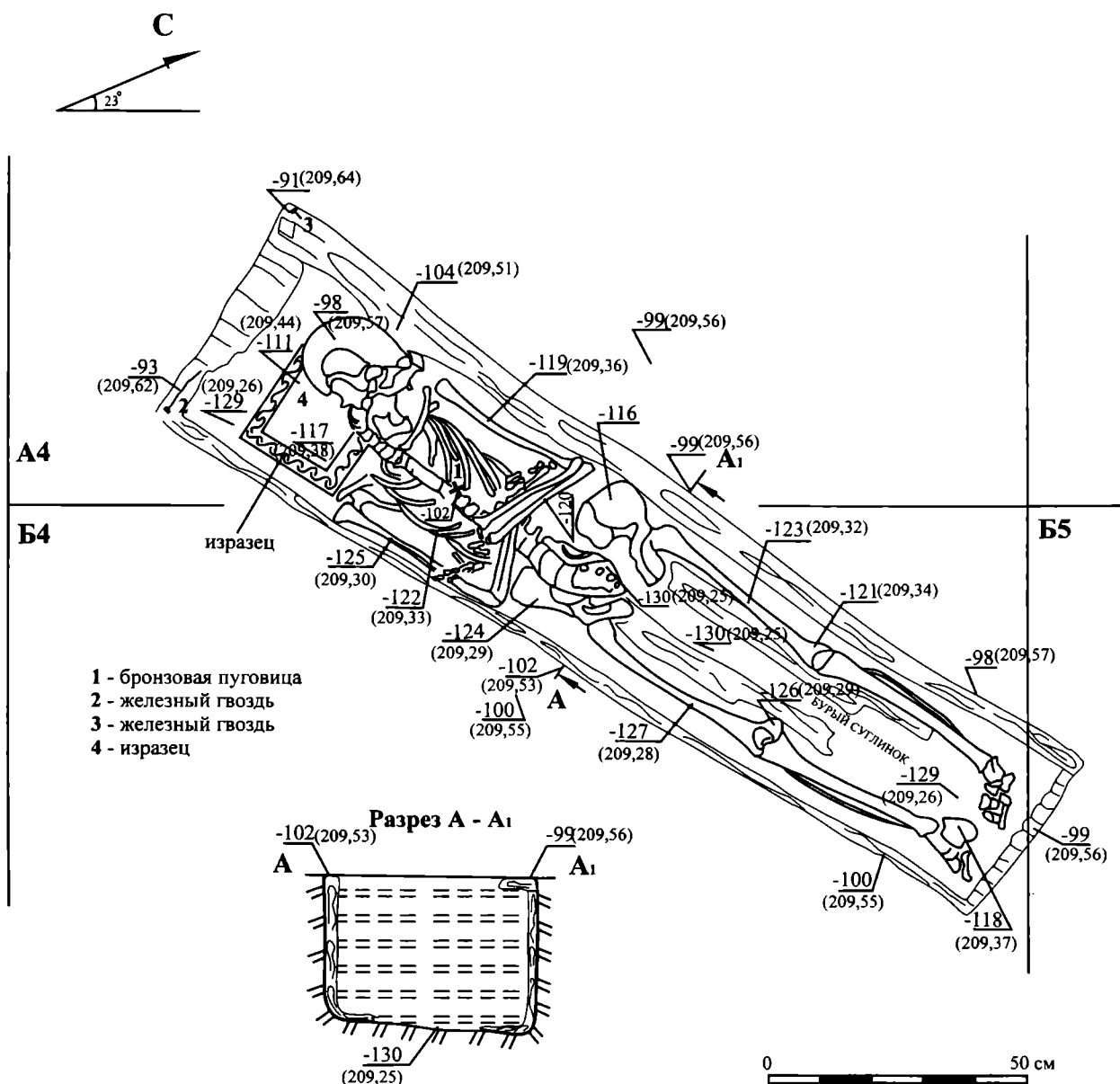

Рис. 7. Погребение 3

взять меня отсюда». Общеизвестно, какую роль сыграл Афон в сложении института русского монашества, и насколько глубокие связи имела Троице-Сергиева лавра с этой обителью (Кусков, 1998. С. 240–244). Поэтому, на наш взгляд, логичнее связывать появление обычая класть под голову умершего монаха камень с влиянием устоев и традиций Святогорского монастыря, где этот канон был известен с XI в.

По всей видимости, эта традиция сложилась первоначально, как моделирование ветхозаветной и византийской «Лестницы». Со временем она приобрела более упрощенный, но в то же время и более понятный монашествующей братии смысл: каменная «подушка» как орудие сми-

рения плоти, что не противоречит первоначальной идее духовного восхождения. Не случайно в православии сохраняется соответствующее наставление монашествующим: «Аще обрящещи возглавницу мягку, отринь ю и камень под голову положи, ибо... иние и вовсе не спят».

В погребении 3 под головой усопшего в качестве такой «подушки» лежал красный рельефный печной изразец с изображением скачущего единорога. Аналогов использования печного изразца в качестве каменной «подушки» нам не известно. Любопытной деталью является то, что верхний край изразца был сбит в виде полукруглой выемки, которая располагалась под шеей погребенного. Эта деталь наводит на мысль о воз-

можном использовании этой «подушки» монахом при жизни.

Образ единорога, заимствованный с Запада, полисемантичен в средневековом искусстве. Единорог упоминается в Библии (Исаия 8, 22, 23, 24; Иова 9–12, 39; Псалтирь 6, 11, 21, 22, 28, 41). В христианской мифологии он символизирует чистоту, непорочность, девственность и является эмблемой Девы Марии. В то же время, если единорог изображен в одиночестве, он символизирует монастырскую жизнь и является эмблемой святых Юстина Антиохийского и Юстина Падуанского. Таким образом, изображение единорога на изразце могло нести определенную смысловую нагрузку.

В светском искусстве «инрог» символизировал воинскую доблесть и имел высокий геральдический статус. С 1561 г. он присутствует на груди двуглавого орла в личной печати Ивана Грозного (Арендт, 1928. С. 24–25). Этот образ размещался на парадном оружии высшей аристократии, в том числе царя Михаила Федоровича (Морозов, 1984.

С. 248). Сказанное позволяет говорить о преднамеренном помещении изразца с единорогом в погребение. Это свидетельствует об особом статусе погребенного. Менее вероятно предположение о его связи с мастерской по изготовлению изразцов, действовавшей у стен Лавры.

О начальной дате функционирования могильника судить сложно. Судя по тому, что здесь сформировалось несколько ярусов захоронений, можно утверждать, что он существовал достаточно длительное время. Вместе с тем, находки нательного крестика, пуговиц и печного изразца с единорогом позволяют датировать исследованные погребения достаточно узко: серединой — второй половиной XVII в. Прекращение функционирования кладбища можно связать со строительством в 1668–1692 гг. монументального здания Трапезной с церковью Сергия в южной части монастыря. Позднее, когда в XVIII–XIX вв. верхняя часть кладбищенского слоя была сnivelирована, память о нем окончательно стерлась.

Литература

- Арендт В. В., 1928. Палаш боярина Измайлова // Тр. секции археологии. Т. IV. Институт археологии и естествознания. М.
- Беляев Л. А., 1995. Древности Данилова монастыря (Церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила Столпника) // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.
- Беляев Л. А., 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. № 4.
- Вишневский В. И., 2005. Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.
- Богатенков Д. В., 2004. Экспертиза антропологических материалов из раскопок на территории Троице-Сергиевой лавры // Энговатова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 2003 г. // ОПИ ИА РАН.
- Даркевич В. П., 1994. Усадьба XVII в. в Старой Рязани // РА. № 1.
- Коваль В. Ю., 1999. Статистическая обработка средневековой керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Коваль В. Ю., 2004. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.
- Кусков В., 1998. Роль Афона в развитии культуры Древней Руси XI–XVII вв. // Культура славян и Руси. М.
- Макаров Н. А., 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. № 2.
- Морозов В. В., 1983. Геральдика на иконе «Благословенное Воинство» // СА. № 2.
- Муравьева А. Н., 2000. Кресты XVII–XIX вв. из археологических коллекций ВСМЗ // Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Материалы исследований. Владимир.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39.
- Энговатова А. В., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 2003 г. // ОПИ ИА РАН.

О времени основания Троице-Сергиева монастыря

Литература, посвященная Троице-Сергиевой лавре, достаточно обширна и насчитывает несколько сот книг и отдельных статей. Но, несмотря на то, что судьбами самой знаменитой из русских обителей занимался не один десяток исследователей, многие вопросы ее истории, особенно в начальный период существования, остаются неразработанными. В первую очередь это касается определения даты основания монастыря.

Главным источником наших сведений по этому вопросу является «Житие» основателя обители — Сергия Радонежского. После знакомства с ним исследователь оказывается в парадоксальной ситуации — на первый взгляд из «Жития» мы узнаем практически полную биографию преподобного, но при этом не можем ответить на самые, казалось бы, простые вопросы — когда в его жизни случилось то или иное событие. Связано это с особенностями житийной литературы, главной из которых является практически полное отсутствие в подобных памятниках точных дат событий с указанием года, а имеется лишь смена эпизодов. В результате можно говорить только о том, что в жизни святых имели место определенные события, происходившие раньше или позже того или иного. Не является исключением из этого правила и «Житие» Сергия. Достаточно сказать, что в нем имеется всего лишь одна точная дата — его кончины.

Другой особенностью данного памятника является то, что на протяжении столетий жизнеописание самого почитаемого на Руси святого неоднократно перерабатывалось, исправлялось, в него вносились порой малодостоверные сведения, в результате чего появлялись явные ошибки и неточности. По словам В. А. Кучкина, «этот памятник русской агиографии — один из самых сложных, если не самый сложный среди всех агиографических сочинений русского средневековья. Представленное огромным количеством списков, что само по себе требует колоссального времени на их перекрестное сличение и установление последовательности различных переделок жизнеописания Сергия, Житие основателя под-

московного Троицкого монастыря изобилует такими подробностями из жизни Сергия, которые исключают одна другую» (Кучкин, 2002. С. 117–118). Укажем на те противоречия, которые касаются интересующего нас сюжета. Так, в одних списках указывается, что Сергий постригся в монахи в 20 лет, другие списки возраст молодого монаха определяют по-иному — 23 года. Одни списки утверждают, что церковь Троицы, ставшую ядром будущей обители, Сергий строил вместе с братом Стефаном, другие — что Сергий строил церковь один.

Все это привело к тому, что в итоге историками было предложено несколько дат основания Троице-Сергиева монастыря, которые лежат в достаточно широком интервале — между 1334 и 1345 гг. Что же касается противоречий между отдельными списками, исследователями еще в XIX в. было выяснено, что у «Жития» Сергия — два автора. Работу над ним начал младший современник преподобного Епифаний Премудрый. Об этом становится известным из ряда списков памятника, где тот прямо называется создателем «Жития», а также из предисловия, где автор, приступая к своему труду, жалуется, что по прошествии 26 лет после смерти святого (то есть к 1418 г.) так и не было создано его биографии. Спустя еще четверть века свою руку к тексту «Жития» приложил другой агиограф — сербский писатель, выходец со знаменитого Афона Пахомий Логофет, появившийся на Руси во второй половине 1430-х годов и проживший около 20 лет в Троицкой обители.

Поскольку у «Жития» оказалось два автора, исследователям стало понятно откуда взялись противоречия между его списками при характеристике отдельных эпизодов биографии Сергия. Тем самым в руках у них появился четкий критерий для определения подлинности или сомнительности фактов жизни основателя Троице-Сергиева монастыря. Так как Епифаний Премудрый, в отличие от Пахомия Логофета, знал преподобного лично, то в спорных случаях, видимо, следует доверять Епифанию. Отсюда

вытекало направление дальнейшего изучения памятника — поиски списка, отразившего первоначальный текст Епифания. Однако они оказались безрезультатными. В 1871 г. В. О. Ключевский с горечью был вынужден констатировать: «...доселе не известен список, который можно было бы признать подлинным текстом написанного Епифанием Жития Сергия, без дополнений, внесенных в него позднейшей рукой». Вместе с тем, историк попытался определить — какую часть «Жития» написал Епифаний Премудрый, а какую Пахомий Логофет. В частности, В. О. Ключевский обратил внимание на то, что в предисловии к «Житию» (оно могло принадлежать только Епифанию) излагается программа дальнейшего изложения, в которой автор наметил написать текст начиная с рождения святого вплоть до его кончины. Из послесловия к памятнику, которое было составлено Пахомием, выяснилось, что Епифаний «по ряду сказаше о рождении его и о възрасту и о чудотворении (при жизни), о житии же и о преставлении». Из этого В. О. Ключевский сделал вывод, что Епифаний описал земную жизнь преподобного, а Пахомий добавил в него рассказ об обретении мощей (это произошло уже после смерти Епифания) и о последующих чудесах. Однако это наблюдение никак не объясняло отмеченные выше противоречия в характеристике отдельных эпизодов жизни Сергия, и поэтому В. О. Ключевский должен был предложить более сложное объяснение. Анализируя некоторые из списков «Жития», он обратил внимание, что первая часть памятника стилистически отличается от второй. Этот факт он объяснил тем, что в силу ряда причин Пахомий Логофет переделал редакцию своего предшественника (Ключевский, 1988. С. 98–110, 114–118).

Данный вывод историка получил свое развитие в дальнейшей исследовательской литературе. Так, В. М. Яблонский, рассмотрев одну из групп списков «Жития» и назвав ее редакцией Е, отмечал, что «в первой ее части... мы имеем, по-видимому, текст наиболее близкий к тексту Епифания» (Яблонский, 1908. С. 69). Вместе с тем, оставалось неясным — какая часть памятника может быть точно охарактеризована как принадлежащая перу первого биографа преподобного — Епифания Премудрого.

Эту трудоемкую и скрупулезную работу сумел проделать Б. М. Клосс. Выявив более 400 рукописей, содержащих «Житие» Сергия, он сравнил списки, определил редакции и дал картину их сменяемости. Благодаря этому среди множества списков исследователю удалось выявить текст, принадлежащий перу Епифания. Об этом

ученый писал следующим образом: «В рукописях XVI в. была обнаружена редакция Жития Сергия, не похожая на известные Пахомиевские переработки. В названии ее значится имя Епифания, а в предисловии явно проступают черты младшего современника Сергия Радонежского, общавшегося с келейником преподобного, его старшим братом Стефаном и со старцами, помнившими молодые годы Сергия. По словам автора, он начал собирать материалы для биографии Сергия через год или два после кончины святого старца и закончил свой труд только через 26 лет после смерти Сергия, то есть в 1418–1419 гг. Стилистические признаки сближают Предисловие и последующий текст, кончая главой „О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине“ с другими произведениями Епифания Премудрого... Остальная половина памятника представляет компиляцию из известных редакций Пахомия Логофета». Далее Б. М. Клосс приходит к заключению, что «фрагмент Пространной редакции Жития Сергия XVI в., начинающийся с Предисловия и кончающийся главой „О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине“, является первой частью епифаньевского Жития Сергия (вторая же половина, подвергшаяся тенденциозной переделке, вряд ли сохранилась до нашего времени)» (Клосс, 1998. С. 20–21).

Благодаря открытию Б. М. Клосса историки получили возможность восстанавливать первую половину жизни Сергия не по случайно набранным фактам из разных переделок его «Жития», а на основании наиболее надежных сведений, содержащихся в древнейших редакциях.

Итак, обратимся к рассказу Епифания Премудрого. Он сообщает, что будущий святой родился в семье ростовского боярина Кирилла и его жены Марии и при крещении получил имя Варфоломея. Его детские годы прошли в окрестностях Ростова. Но позднее произошли события, заставившие семью покинуть родные пределы. Его отец, будучи когда-то богатым человеком, «напослед на старость обнища и оскуде». Причиной разорения семьи, как пишет Епифаний, стали частые «хоженья» с князем в Орду, где необходимо было раздавать щедрые подарки хану и ордынским вельможам, нередкие татарские послы, которых надо было принимать и кормить вместе с их многочисленной свитой, тяжкие «дани и выходы», выплачиваемые в Орду. Ситуацию усугубляли неоднократные «рати татарские», накатывавшиеся на Ростовскую землю, и, наконец, частые «глады хлебные». Начало оскудения семьи ростовского боярина Епифаний относит ко времени «егда бысть великаа рать татарская, глаголемаа Федор-

чюкова Туралыкова, егда по ней за год единъ наста насилowanie, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москве». Затем, по велению великого князя, в Ростов приехали московский воевода «именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина». Их пребывание в городе сопровождалось многочисленными издевательствами и притеснениями со стороны москвичей — многих ростовчан ограбили, изранили и изувечили. Описывая те события, Епифаний упоминает и о том, что «епарха градскаго, старейшаго боярина ростовскаго, именем Аверкия, стремглавъ обесиша (повесили. — К. А.), и възложиша на руце свои, и оставиша поругана». «И бысть страх великъ на всех слышащих и видящих сия, не токмо в граде Ростове, но и въ всех пределах его». В этих условиях Кирилл, не дожидаясь худшего, счел за благо покинуть Ростовское княжество и перебраться в более безопасный Радонеж.

Дальнейший рассказ «Жития» описывает следующие события. Сразу после переезда сыновья Кирилла — Стефан и Петр женились. Что касается среднего, Варфоломея, он «не въсхоте жениться, но и зело желаше въ иночское житие». Об этом он просил своего отца, но тот вместе с матерью отказывал ему, говоря, что свое желание он сможет исполнить только после их смерти: «Егда нас гробу предаси и землю погребеша, тогда и свое хотение исполниши». Вскоре родители постриглись в монахи. «И мало поживша лет в чернчестве, преставистася от жития сего, отъидоста к Богу». После смерти отца и матери будущего святого уже ничего не удерживало в мирской жизни и он «начя упражнятися от житейских печалей мира сего».

Толчком для этого послужили внешние обстоятельства: старшего брата Стефана постигло несчастье — его жена умерла, оставив ему двух малолетних сыновей, Климента и Ивана. Стефан не вынес удара судьбы и через некоторое время постригся в монахи. Перемены в судьбе брата, очевидно, показали Варфоломею подходящим моментом, чтобы начать подвижническую жизнь и тем самым поддержать брата. Отдав оставшееся у него родительское имущество младшему брату Петру, он пришел к Стефану, надеясь уговорить его совместно начать иноческий подвиг.

Вероятно, особо убеждать его не пришлось, и вскоре братья отправились искать подходящее место для устройства пустыни. Выбор их пал на располагавшийся в нескольких километрах от Радонежа покрытый лесом холм Маковец, южная оконечность которого омывается речкой Кончурой. Здесь они срубили келью и небольшую церковь во имя святой Троицы, которую

осветили приехавшие «из града от митрополита Феогноста священницы». Именно эта церковь стала тем ядром, из которого впоследствии вырос Троице-Сергиев монастырь.

Стефану пустынножизнь довольно быстро показалась слишком трудной: «и видя труд пустынный, житие скръбно, житие жестко, отвсяду теснота, отвсяду недостатки, ни имущим ниоткуда ни ястья, ни питаи, ни прочих, яже на потребу. Не бе бо ни прохода, ни приноса ниоткуда же». Он покинул Радонеж и обосновался в московском Богоявленском монастыре. В это время монахом Богоявленского монастыря был будущий митрополит Алексей: «Бяше же в та времена в том монастыри Алексий митрополит живяше, еще не поставленъ в митрополиты, но чрънеческое житие честно проходя пребываше». Старший брат Сергия быстро сошелся с будущим главой русской церкви и, по словам Епифания, «с ним же Стефанъ духовным житиемъ оба купно живяста, но и въ церкви на клиросе оба, по ряду стояще, пояху» (Клосс, 1998. С. 290–308).

В отличие от брата Варфоломей решил продолжить пустынножизнь. Однако перед ним встала определенная трудность — формально не имея духовного чина, он не мог вести службу в храме. Необходимо было искать того, кто мог бы постричь его в монахи. Поиски продолжались недолго — он призвал к себе Митрофана, игумена Хотьковского монастыря. Просьба постричь его в монахи не встретила возражений: «Игумен же незамедлено вниде в церковь и постриже и въ аггельский образ». По Епифанию, данное событие произошло «месяца октовриа въ 7 день, на память святыхъ мученикъ Сергия и Вакха» (Клосс, 1998. С. 310). Именно с этого момента Варфоломей получил новое имя — Сергий.

К сожалению, агиограф указывает только день и месяц пострижения Сергия, но не сообщает — в каком году. Чтобы ответить на этот вопрос историки обратились к поиску косвенных свидетельств. На первый взгляд, задача не представляла особой трудности. В тексте «Жития» исследователи нашли указание, что в момент основания обители Сергию было 20 лет. Оставалось выяснить дату рождения преподобного. Дело, однако, осложнилось тем, что различные варианты «Жития» содержат разные указания на количество лет, прожитых Сергием. Если Епифаний Премудрый (в «Похвальном слове Сергию Радонежскому», предшествовавшем его работе над «Житием») говорит о 70 годах жизни преподобного, то Пахомий Логофет сообщает, что Сергий прожил 78 лет. Если взять за основу сведения Пахомия, то, зная точную дату смерти

троицкого игумена (25 сентября 1392 г.), нетрудно подсчитать, что Сергей Радонежский родился в 1314 г. По Епифанию, это событие произошло восемью годами позже и соответственно приходится на 1322 г. Так в литературе появились две даты основания Троицкого монастыря — 1334 или 1342 г., в зависимости от того, какую дату рождения Сергея выбирали исследователи.

Выясняя, какую из этих дат следует выбрать, нужно принять во внимание, что время появления преподобного на свет Епифаний уточнил: «в лета благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника, самодръжца гречьскаго, иже въ Цариграде царствовавшего, при архиепископе Коньстантина града Калисте, патриарсе вселенскомъ, въ земли же Русстей въ княжение великое тферьское при великом князе Димитрии Михайловиче, при архиепископе пресвященнем Петре, митрополите всеа Руси, егда (когда была.— К. А.) рать Ахмулова» (Клосс, 1998. С. 297).

Посмотрим, когда жили упомянутые Епифанием люди. Первый из указанных им лиц, император Андроник II Палеолог правил в Византии с 1282 по 1328 г. Затем на троне его сменил Андроник III, царствовавший с 1328 по 1341 г. Правда, агиограф не уточняет, о ком из них идет речь, и поэтому хронологические рамки оказываются весьма широкими. Некоторое противоречие содержится в сообщении о патриархе Каллисте, занимавшем патриаршую кафедру в 1350–1353 и 1355–1362 гг., то есть уже после смерти двух Андроников. В свое время это несоответствие вызвало довольно много споров в ученой среде, пока не было разрешено в 1992 г. М. В. Бибиковым. Он указал, что дата патриаршества Каллиста была искажена в источнике, которым пользовался Епифаний. Поскольку даты, как известно, тогда обозначались буквами, небольшая описка всего в одном месте привела к тому, что вместо правильного 6858 г. было написано «6828». Эта ошибка дала основание агиографу считать, что Каллист стал патриархом в 1320 г. и, следовательно, Сергей родился в его правление (Кучкин, 2002. С. 122). Более точными оказываются даты, связанные с жизнью русских деятелей. Князь Дмитрий Михайлович Тверской стал великим князем владимирским в 1322 г., а митрополит Петр управлял русской церковью с 1308 по 1325 г. Таким образом, согласно времени деятельности названных лиц Сергей Радонежский родился в промежуток между 1322 и 1325 гг. Окончательно же год его рождения позволяет установить упоминание «Ахмуловой рати». Речь, в данном случае, идет о нападении на русские земли татарской рати под предводительством Ахмыла. Судя по летописям, оно имело место в 1322 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89).

Пытаясь выяснить, каким образом у Пахомия Логофета возникла ошибка, Б. М. Клосс обратил внимание на рассказ Пахомия, где тот сообщает о смерти Сергия и уточняет, что тот «жив лет 78, положиша же честное его тело въ монастыри». Поскольку в древней Руси существовало буквенное обозначение цифр, Б. М. Клосс предположил, что в более раннем списке эта фраза звучала несколько иначе: «жив лет 70 и положиша честное его тело въ монастыри». При переписке союз «и» был воспринят писцом как цифра 8, и поэтому текст был понят в том смысле, что Сергей прожил 78 лет (Клосс, 1998. С. 23, 374).

Таким образом, верным следует признать дату рождения, выведенную из показаний Епифания, а, следовательно, Троицкий монастырь был основан в 1342 г. Укажем еще два свидетельства Епифания. Пытаясь определить дату основания обители, он предположил, что эти события происходили «при великом князи Симеоне Ивановиче; мню убо, еже рещи въ начало княжения его» (Клосс, 1998. С. 308). В составленном им же «Похвальном слове Сергию» имеется фраза, что святой «преставися от жития сего лет седмицъ. Чернечествова же лет 50» (Клосс, 1998. С. 278). Все это приводит нас к 7 октября 1342 г. Именно эту дату в качестве начальной точки отсчета истории Троице-Сергиевой лавры принимают В. А. Кучкин и Б. М. Клосс (Кучкин, 1992. С. 78; Клосс, 1998. С. 30).

Ситуация, однако, осложняется, если внимательнее присмотреться к тексту Епифания Премудрого. Выясняется, что он прямо не говорит, что преподобному в момент основания монастыря было ровно 20 лет. Епифаний, задав читателям вопрос: «Длѣжно же есть и се уведети почитающим: колицех лет пострижеса преподобный?», сам же отвечает на него: «Боле двадесатий убо летъ видимою врѣстою, боле же ста лет разумным остроумиємъ; аще бо и младъ сый възрастом телесным, но старъ сый смыслом духовнымъ и съвършенъ Божественою благодатию» (Клосс, 1998. С. 312).

Между тем, в «Житии» встречается другое свидетельство о возрасте Сергия в момент пострижения: «бе же святой тогда възрастом 23 лета, егда прият иноческый образ» (Клосс, 1998. С. 21, 310). Таким образом, речь должна идти о 1345 г.

Чтобы разобраться в этом противоречии, необходимо выяснить, когда семейство ростовского боярина переселилось в Радонеж. В литературе это событие датируется временем, начиная с 1328 г. Но точный ориентир для его определения дает текст «Жития», написанный Епифанием. Агиограф сообщает, что Кирилл со своей семьей переселился на новое место не один: «с ним и

инии мнози преселишася от Ростова... в Радонеж, ю же даде князь великы сынове своему мезиному князю Андрею. А наместника постави въ ней Терентия Ртища, и лготу людем многу дарова и ослабу обещася тако же велику дати» (Клосс, 1998. С. 304).

Б. М. Клосс, анализируя это сообщение «Жития», обратил внимание на одно противоречие. Радонеж, на его взгляд, никак не мог принадлежать младшему сыну Калиты Андрею. До нас дошла, причем в подлиннике, вторая духовная грамота Ивана Калиты, составленная в 1339 г. Согласно этому документу, московский князь разделил все владения между наследниками, в числе которых видим и Андрея, но при этом Радонеж пришлось на долю второй жены Калиты Ульяны «с меньшими детми» (ДДГ. С. 9). Ульяна пережила мужа приблизительно на 30 лет (Андрей умер еще раньше) и поэтому после ее смерти, на рубеже 60–70-х годов XIV в., владения княгини были поделены уже между внуками Калиты — великим князем Дмитрием (будущим Донским) и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, причем Радонеж достался князю Владимиру. Из этого исследователь сделал вывод, что агиограф ошибся, решив, что Радонеж достался младшему сыну Калиты — князю Андрею Ивановичу (Клосс, 1998. С. 30–32).

Таким образом, перед нами встает дилемма. Если предположить, что Радонеж достался серпуховским князьям начиная лишь с Владимира Андреевича, как свидетельствуют княжеские духовные и договорные грамоты, то оказывается, что «Житие», составленное Епифанием, уже с момента создания является источником крайне ненадежным, содержащим ошибки и неточности. Однако, зная тщательность проработки Епифанием всех, даже мельчайших, эпизодов жизни Сергия, можно предположить и обратное. За это говорит его точность в изложении деталей, к примеру, сообщение о том, что наместником князя Андрея в Радонеже являлся некий Терентий Ртище — подробность, которая не несет никакой идеологической нагрузки, и которую трудно было выдумать. Епифаний также указывает, что Кирилл переселился в Радонеж не один, сообщая при этом имена других ростовчан, последовавших за ним. С некоторыми из них агиограф явно встречался и беседовал (об этом говорит фраза «Онисима же глаголют...» [Клосс, 1998. С. 304]), и все они единогласно утверждали, что Радонеж во время переселения семейства Кирилла принадлежал не Ульяне, а младшему сыну Калиты.

Указанную проблему можно решить. Для этого следует обратиться еще к одному источнику — завещанию 1353 г. старшего сына Калиты

великого князя Семена Гордого. В нем, перечисляя свои владения, он упоминает среди прочих и село Деигуниньское — ныне Дегунино, микрорайон на севере Москвы (ДДГ. С. 14). Для нас интересно то, что согласно завещанию Калиты, оно выделялось Ульяне (ДДГ. С. 9). Но каким образом это село еще при жизни княгини оказалось в руках ее пасынка? Возможно, аналогичным образом из рук Ульяны другому сыну Калиты перешел и Радонеж.

Ответ на этот вопрос станет очевидным, если вспомнить, что и Деигуниньское, и Радонеж, как и другие владения, выделялись Калитой не единолично Ульяне, а вместе «с меньшими детми». В своем завещании московский князь пояснял, что речь шла о двух его дочерях от второго брака — Марии и Феодосии (ДДГ. С. 10). Личность последней хорошо известна. Впоследствии она вышла замуж за князя Федора Романовича Белозерского и была еще жива в 1389 г., когда ее имя встречается в завещании Дмитрия Донского (ДДГ. С. 35). Что же касается другой дочери Калиты — Марии, то кроме упоминания в духовной грамоте своего отца, сведений о ней более не встречается. Вероятно, Мария умерла в достаточно раннем возрасте. У нас имеется возможность хотя бы приблизительно установить дату ее кончины. В завещании Ивана Красного 1358 г. читаем фразу: «А что волости за княгинью за Оульяною, ис тых волости по ее животе дети мои дадут дчери ее Сурожику, село Лучиньское» (ДДГ. С. 16, 19). Из того, что в данном источнике речь идет только об одной дочери Ульяны, становится понятным, что ею являлась Феодосия, а Марии к этому времени уже не было в живых. По тогдашнему обычаю выморочное имущество, приходившееся на долю умершей дочери Калиты, должно было быть выделено из всего комплекса владений Ульяны и поделено между оставшимися наследниками московского князя. Тот факт, что одно из сел, ранее принадлежавших Ульяне, упоминается в завещании Семена Гордого 1353 г., также свидетельствует о ранней кончине Марии.

Вполне оправданным будет предположение, что раздел доли Марии должен был быть оформлен специальным соглашением между князьями. До нас дошел, правда, с множеством лакун, договор Семена Гордого с братьями. Хотя он решал целый комплекс взаимных отношений между сыновьями Калиты, можно предположить, что одним из поводов для его составления послужила необходимость раздела земель, приходившихся на долю скончавшейся к тому времени младшей дочери Калиты. На это, в частности, указывает та его статья, согласно которой между

Семеном, Иваном и Андреем делятся шесть сел, которые, вероятно, и представляли собой долю Марии (ДДГ. С. 11).

Но из завещания Калиты известно, что помимо сел Ульяне были выделены и волости. Поэтому можно предположить, что в несохранившейся до наших дней части договора говорилось не только о разделе сел части удела Ульяны, приходившейся на долю Марии, но и волостей. Если это так, то становится понятным, что Епифаний не ошибался, когда говорил о переселении ростовского боярина с родичами именно во владения младшего сына Калиты Андрея.

Что же непосредственно подтолкнуло Кирилла переселиться со всей семьей в Радонеж? На этот вопрос Епифаний дает четкий ответ: прибытие в Ростов Василия Кочевы и Мины, которые «възложиста велику нужу на градъ да и на вся живущаа в нем» (Клосс, 1998. С. 304). Когда это произошло?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к анализу событий, происшедших на Руси после смерти великого князя Ивана Даниловича Калиты 31 марта 1340 г. Поскольку получение великокняжеского стола требовало утверждения со стороны хана, 2 мая 1340 г. старший сын Калиты Семен вместе с братьями отправился в Орду. Но задача оказалась не из легких. Одновременно с московскими князьями в Орду приехали Василий Ярославский, Константин Тверской, Константин Суздальский и «прочии князи русстии» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 172), и Семену, очевидно, пришлось оспаривать свое право на великое княжение в борьбе с другими претендентами. Об этом говорит его затянувшееся пребывание в Орде. На Русь он возвратился только осенью и 1 октября 1340 г. был торжественно посажен во Владимире на «великомъ княжении всея Руси» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 53).

Судя по существовавшей тогда практике, получение ханского ярлыка на великое княжение потребовало от Семена огромных денежных затрат. В Орде он, несомненно, влез в долги и сразу после вокняжения на владимирском столе вынужден был приступить к их возвращению, при этом, явно не выбирая методов и средств. Согласно летописи, одним из первых пострадал Торжок: «Тоя же осени князь велики Семень Ивановичъ посла въ Торжекъ боярь дани брати, и начаша силно деяти». Поскольку Торжок находился в совместной юрисдикции Новгорода и Москвы, новоторжцы послали «с поклономъ в Новъгородъ», откуда в Москву прибыло посольство со словами: «еще, господине, на столе в Новогороде еси не селъ, а уже бояре твои силно деють» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 173).

Можно предположить, что одновременно с Торжком подобные экспедиции для выколачивания денег были посланы и в другие города, подвластные Москве, в том числе и в Ростов, куда направились Василий Кочева и Мина, о чем упоминается в «Житии» Сергия. В литературе, исходя из предположения, что переезд семьи Кирилла состоялся в 1330-е годы, данную экспедицию обычно относили ко времени Ивана Калиты. Однако, установив, что переселение ростовского боярина состоялось при Семене Гордом, и связав поездку Василия Кочевы и Мины с аналогичными событиями в Торжке, ростовские события следует датировать тем же временем, что и посылку московских бояр для сбора дани в Торжок — поздней осенью 1340 г. При этом отметим точность Епифания в изложении событий. Исследователи, читая фразу агиографа: «Егда изиде по великого князя велению и послан бысть от Москвы на Ростовъ акы некий воевода единъ от велможъ, именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина» (Клосс, 1998. С. 304), подразумевали под великим князем Ивана Калиту. Но у Епифания об имени великого князя ничего не говорится.

Экспедиция москвичей осенью 1340 г. и связанные с ней различные поборы в итоге заставили семью ростовского боярина искать новых мест для спокойной жизни. Выбор их пал на Радонеж, оказавшийся в руках младшего брата Семена Гордого Андрея. Показателем точности Епифания является место «Жития», сообщающее, что переселенцы из Ростова «пришедша въ тую же весь, глаголемую Радонежь, ю же даде князь велики сынови своему мезинному князю Андрею». Казалось бы, в качестве великого князя здесь упоминается Иван Калита, но если вспомнить, что по договору Семена Гордого с братьями последние обязывались «чтить» великого князя «въ отцево место» (ДДГ. С. 11), у нас появляется еще один довод в пользу точности и выверенности текста Епифания.

Таким образом, переселение семейства Кирилла из Ростова в Радонеж следует отнести ко времени великого княжения Семена Гордого, а само оно состоялось в 1341 г. Установленная дата во многом рассеивает недоумение историков. Они задавались вопросом — почему ростовский боярин поселился во владениях князя, столь жестоко расправившегося с его жителями. Говорили даже чуть ли не о насильственной депортации. Ныне же становится понятным, что Кирилл переселился на земли удельного князя Андрея.

Вместе с тем, становится очевидным, что в 1342 г. Сергей Радонежский не мог принять постриг. Это подтверждается хотя бы тем, что за время, прошедшее с момента переселения в Ра-

донеж до основания Троицкого монастыря старший брат Сергия Стефан успел жениться и у него появилось двое детей.

Но как совместить данное обстоятельство с показанием написанного тем же Епифанием Премудрым «Похвального слова Сергия» о том, что будущий святой «чернечествова» 50 лет, или, иными словами, должен был принять постриг в 1342 г.? Никакого противоречия, на наш взгляд, здесь не возникает, если вспомнить, что в церковной практике и тогда и сейчас формальному постригу всегда предшествует период послушничества. Как известно, послушниками в русских монастырях называют лиц, готовящихся к принятию монашества. Они еще не дали соответствующих обетов и хотя не называются монахами, но уже исполняют низшие церковные службы при богослужении и по монастырскому хозяйству и носят монашескую одежду, правда не в полном облачении.

Очевидно, что для Епифания важно было обозначить не формальный срок монашеской службы будущего святого, который отсчитывался с момента пострига, а фактический, т. е. включая и период послушничества. Последний следует начинать с момента смерти родителей Сергия. Указание на это видим в тексте «Жития»: «Сам же преподобный юноша зело желаше мнишескаго жития. Вышед въ дом по преставлении родителю своею и начя упражнятися от житейских печалей мира сего» (Клосс, 1998. С. 306). Для нас важно то, что Епифаний именует Сергия преподобным уже в этот момент — еще до формального принятия им монашества. Таким образом, годом смерти Кирилла и его жены следует признать 1342 г.

Анализ летописного материала позволяет также выяснить дату кончины жены Стефана и пострижение последнего в Хотьковском монастыре. Очевидно, эти события следует связать с эпидемией, о которой под 1344 г. упоминает Рогожский летописец: «Того же лета бысть моръ на люди въ Тфери прыщемъ». Размах морового поветрия был настолько велик, что тверской епископ Федор должен был «створи съ игумены и съ попы и со всеми людьми молитву и постъ и бысть отъ Бога пожалование, пересташеть моръ тьи» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 55).

Доверяя сообщению о том, что преподобному в момент пострижения было 23 года, выбор Сергием и Стефаном места для будущей обители и строительство ими небольшой церкви следует отнести к концу 1344 и первой половине следующего, 1345 г., а освящение последней — на Троицын день, который приходился в этом году на 12 мая (Степанов, 1917). Пострижение Сергия игуменом

Митрофаном состоялось 7 октября того же года. Следовательно уход Стефана в Богоявленский монастырь можно определить промежутком между серединой мая и началом октября 1345 г.

Любопытно, что к этой же дате, но совершенно другим путем, пришел еще в 1958 г. И. И. Бурейченко. Для этого он использовал способ обратного отсчета — от поставления Сергия в игумены, датируемое им 1353 г. Цепь событий от основания обители до того момента, как Сергей стал игуменом, была восстановлена им в следующем виде. Согласно «Житию», Сергей после ухода брата прожил около 2–3 лет в одиночестве. Только после этого к нему стали собираться монашествующие. Прошло еще столько же лет, то есть 2–3 года, прежде чем их число достигло 12. По этому поводу в «Житии» говорится, что некоторое время в монастыре требы отправляли с помощью приглашаемого со стороны священника. Наконец, в игумены был поставлен Митрофан, который когда-то постригал Сергия. Он умер, проигуменствовав не более года. «Значит приходится говорить всего лишь о 7–8 годах существования монастыря до поставления Сергия в игумены», — заключает И. И. Бурейченко и делает вывод, что обитель была основана в 1345 г. (Бурейченко, 1958. С. 10–11).

Однако вывод, сделанный почти полвека назад, в литературе так и не получил поддержки. Причиной тому послужило противоречие «Жития» Сергия другому источнику.

Выше мы говорили, что Стефан, не выдержав трудностей пустынного жития, бросил брата и перебрался в Москву в Богоявленский монастырь, где сошелся с будущим митрополитом Алексеем и даже пел с ним на одном клиросе. Но мог ли Стефан быть монахом Богоявленского монастыря одновременно с будущим митрополитом?

«Степенная книга», памятник XVI в., где содержится одна из наиболее полных редакций «Жития митрополита Алексея», рассказывая о начале его святительской карьеры, сообщает, что великий князь Семен Гордый и митрополит Феогност заранее стали готовить преемника последнему на митрополичьей кафедре. Их выбор пал на Алексея «за премногую его добродетель». И хотя Алексей первоначально отказывался от этой чести, он вынужден был все же подчиниться великому князю и митрополиту: «И аще и не хотяше святыи, но обаче изводить его из обители святого Богоявления и во святительскомъ дому повелевають пребывати ему съ собою вкупе». Став митрополичьим наместником, Алексей ведал церковным судом, «управляя... порученное ему дело лет 12 и месяца 3». По истечении этого

срока он был поставлен епископом во Владимир. (ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 350–351). Поскольку дата епископской хиротонии Алексея — 6 декабря 1352 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 179.) — известна, то путем вычитания из нее срока наместнического служения, как это сделал Н. С. Борисов, получаем, что Алексей был назначен на этот пост 6 сентября 1340 г. (Борисов, 2002. С. 45). Именно до этой даты Алексей должен был покинуть Богоявленский монастырь и перебраться на митрополичий двор. В таком случае митрополит Алексей вряд ли мог петь на одном клиросе со Стефаном, появившемся в монастырских стенах, по нашему расчету, в 1345 г.

Верна ли подобная хронология? «Степенная книга» сообщает, что митрополит Алексей прожил 85 лет (ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 362). Зная точную дату его кончины — пятница 12 февраля 1378 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 194), можно вычислить, что Алексей родился в 1293 г. Однако эта датировка противоречит другим фактам биографии митрополита. В «Степенной книге» говорится, что он постригся в Богоявленском монастыре «двадцати лет» и прожил в нем также 20 лет (ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 350). Но таким образом получается, что к делу управления русской церковью он был привлечен, как полагает Г. М. Прохоров, примерно в 1333 г., еще при Иване Калите (Прохоров, 1998. С. 26). Это входит в явное противоречие с другим показанием этого же источника о том, что данной перемене в судьбе Алексея способствовал Семен Гордый. Нарушение хронологии событий в «Степенной книге» доказывается еще одним примером. Этот памятник указывает, что Алексей был старше великого князя Семена Гордого на 17 лет (ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 350). В таком случае будущий митрополит должен был родиться не в 1293, а в 1300 г.

Возникает необходимость обратиться к первоначальной редакции «Жития митрополита Алексея», которая дошла до нас в составе Рогожского летописца. Но и здесь хронология весьма сбивчива и содержит отмеченные выше несуразности. Выясняя действительный год рождения митрополита Алексея, А. А. Турилов заметил, что предпочтение следует отдать упоминанию в его житии современных Алексею исторических событий и лиц: «родижеся въ княжение великое тферьское Михайлово Ярославича, при митрополите Максиме, до оубиения Акинфова» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 211). Эти указания, на взгляд А. А. Турилова, позволяют говорить о 1304 г., как годе рождения Алексея. Известный поход тверского боярина Акинфа на Переяславль, по его мнению, состоялся зимой 1304–1305 гг. Хотя Михаил Ярославич Тверской

вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение осенью 1305 г., то есть после убийства Акинфа, позднейший биограф Алексея мог исчислять начало нового правления от даты смерти предыдущего великого князя Андрея Александровича Городецкого, последовавшей 27 июля 1304 г.

Исследователь также обратил внимание на то, что ранние летописные источники (Рогожский летописец и Симеоновская летопись, отражающие Московский свод 1408 г.) называют Алексея в крещении Симеоном, тогда как его «Житие», написанное в 1459 г. уже знакомым нам Пахомием Логофетом, и позднейшие летописи — Елевферием. В некоторых списках XVII в. Никоновской летописи оба этих имени митрополита приводятся вместе. Не исключено, что источники отражают существование у Алексея так называемого прямого имени (соответствующего святому, память которого приходится на день рождения) и крестильного. Такая ситуация хорошо известна на примере двойных христианских княжеских имен. Близкое соседство имен *Елевферий* и *Симеон* наблюдается в святцах дважды: палестинский юродивый Симеон (память 21 июля) и мученик Елевферий (память 4 августа); Симеон, сродник Господень (память 18 сентября), и Елевферий, умученный вместе с Дионисием Ареопagitом (память 3 октября). Все это дало ему основание датировать рождение Алексея концом лета — осенью 1304 г.

Что же касается важного свидетельства в рассказе, что Алексей «старее сый князя великого Семена 17 лет», которое относит рождение святителя к 1300 г., то, по мнению А. А. Турилова, оно не может быть принято безоговорочно, т. к. здесь возможна описка (ошибка внутреннего диктанта) в записи числа под влиянием звучания имени («Семена» — «семьнадесять» вместо «тринадесять»). Если годом рождения Алексея признать 1300 г., то в качестве великого князя должен быть упомянут Андрей Александрович Городецкий, а не Михаил Ярославич Тверской (Православная энциклопедия. Т. 1. С. 637–638).

В принципе соглашаясь с доводами А. А. Турилова, следует уточнить, что на основе приведенных им доводов годом рождения Алексея следует признать не 1304, а следующий — 1305 г. Эта неточность возникает из-за сбивчивости летописной хронологии. Летописец ставит интересные нас события в следующей последовательности: смерть Андрея Городецкого (27 июля 1304 г.), отъезд Михаила Тверского в Орду, поход Акинфа на Переяславль и его гибель, возвращение Михаила из Орды (осень 1305 г.).

Из этих четырех событий лишь первое и последнее имеют более или менее точную датиров-

ку. Установить же точное время отъезда Михаила Тверского в Орду позволяет сохранившееся житие его сестры Софьи Ярославны, в котором читаем: «Наставишу же 2-му на 10 лету пострижения ея (речь идет о 1305 г., поскольку Софья постриглась 10 февраля 1293 г.— К. А.), месяца мая в 1 день, на память святого пророка Еремея, поиде брат ея князь Михаил во Орду, тогда прия великое княжение» (Клосс, 2001. С. 206). Полагаясь на эти сведения, можно сделать вывод, что митрополит Алексей родился в промежутке между 1 мая 1305 г. и концом этого года, а с учетом вышеприведенных доводов А. А. Турилова можно сузить дату, предположив, что это событие пришлось на конец лета — осень 1305 г. Для темы нашего исследования это важно, так как позволяет установить точное время, когда будущий митрополит покинул стены Богоявленского монастыря.

Судя по рассказу о нем в Рогожском летописце, Алексей «пребысть в чернечестве даже и до 40-ть лет» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 121), то есть сорок лет ему исполнилось осенью 1345 г. С учетом того, что его назначение митрополичьим наместником могло последовать не сразу после этой даты, а в течении нескольких последующих месяцев, данную перемену в его жизни следует отнести к концу 1345 — началу 1346 г. Следовательно, Стефан, появившийся в Богоявленском монастыре летом — в начале осени 1345 г., действительно несколько месяцев жил в стенах обители одновременно с будущим митрополитом и вполне мог петь вместе с ним на монастырском клиросе.

Все выше сказанное доказывает, что Троице-Сергиев монастырь был основан в конце весны 1345 г.

Литература

- Борисов Н. С., 2002. Сергей Радонежский. М.
 Бурейченко И. И., 1958. К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск.
 ДДГ. М.—Л., 1950.
 Клосс Б. М., 1998. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М.
 Клосс Б. М., 2001. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.
 Ключевский В. О. 1988. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.
 Кучкин В. А., 2002. Антиклоссицизм // Древняя Русь. 2002. № 2. Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000.
 Прохоров Г. М., 1988. Алексей (Алексий), митрополит всея Руси // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.
 ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. 1863.
 ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913.
 ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. СПб., 1913.
 ПСРЛ. Т. XXV. М.—Л., 1949.
 Степанов Н. В. 1917. Календарно-хронологический справочник. Пособие при решении летописных задач на время // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1917. Кн. 1(260).
 Яблонский В. М., 1908. Пахомий Серб и его агиографические писания: биографический и библиографически-литературный очерк. СПб.

Рыбная ловля и рыбный стол в Троице-Сергиевом монастыре (по материалам археологических работ 2000 года)

Объектом исследования данной работы является коллекция остатков рыб и предметов, связанных с рыболовством, из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2000 г.

То, что рыбные ловли были важной отраслью хозяйства монастыря, уже отмечалось исследователями (Горский, 1879. С. 122; Голубинский, 1909. С. 126). В городе до сих пор сохранились две Рыбные улицы и сеть прудов, формировавшаяся с XV–XVI вв.: Келарский, Белый, Корбухинские, Вифанские и пр. В XVII в. дьякон Павел Алеппский, сопровождавший в путешествии в Россию Антиохийского патриарха Макария, писал о наличии вокруг монастыря озер с рыбой (правда, расстояние не уточнялось) (Павел Алеппский, 1992. С. 75). А. В. Горский отмечал, что со времени Никона (первая половина XV в.) монастырю принадлежало множество рыбных ловель, снабжавших монахов, а излишки монастырь продавал. Имея право беспошлинной торговли, Троице-Сергиев монастырь посылал суда даже за море — из Архангельска в Норвегию.

Сохранились многочисленные документы XV–XVII вв. — царские жалованные грамоты — о праве льготных, беспошлинных ловов рыбы в различных водоемах России. Так, еще при приемнике Сергия Радонежского Никоне от Василия I монастырь получил право ловли рыбы в р. Клязьме (АСЭИ, 1952. С. 149), в 1467 году — грамоту от князя Василия II на право рыбной ловли и бобров на р. Воре (от устья) (АСЭИ, 1952. С. 151). В 1461 г. тверской князь Михаил Борисович дал Троицкому монастырю право посылать людей через Тверское княжество на рыбные ловли Шексны и Волги. В 1486 г. Иван III разрешил беспошлинно посылать паузков (судно) «на Белоозеро по рыбу и назад» (Кашитанов, 1962. С. 156). В конце XV в. монастырю было дано право ловли в Ростовском озере и впадающих в него реках, в озерах Переславском и Сомине (Тебекин, 1979. С. 211) и в реках: Веля и Дубна (Тебекин, 1979. С. 232), а также на нескольких участках Волги: от с. Прилуки (граница Угличского и Кашинского уездов) до ярославского рубежа, в

«Нижегородские воды», в Тетюшах, в Узях, ниже Саратова, на реках: Шексне, Сухоне, Каме, Тезе, озерах: Ильмень, Стреж, Ижво (Дмитровский уезд), в озерах Гороховецкого и Вязниковского уездов, в реках Кольского полуострова (Тебекин, 1979. С. 213–229).

Грамота Федора Иоанновича 1589 г. содержит указание на ограничение объема ловли — не более 10 тысяч осетров (в одной только Астрахани). В жалованной грамоте Михаила Федоровича 1621 г. указана роспись рыбных продуктов, требующихся монастырю в годовой обиход: «рыбы десять тысяч осетров и шеврюг, пятьсот колуг, да матерые рыбы, белужины, семдесят косяков, да тысяча пуд икры, да бочешные осетрины тридцать бочек, да межикосных теш пять бочек, хряпей десять бочек, молоко десять бочек, провесные рыбы две тысячи спинок и батагов, три тысячи теш белужих вялых, три тысячи белых рыбиц, десять тысяч вызиги, тридцать тысяч пуд соли» (вывезти было разрешено в 2–3 раза меньше) (Кириченко, 2004. С. 58).

В Троицких столовых обиходниках XV и XVI вв., опубликованных А. В. Горским в 1841 г., часто упоминаются такие блюда, как рыба (обычно с медом и пивом), каша с головизнами, «а по двенадцатым праздникам: в Рождество — рыба свежая, осетрина; в Крещение, Сретение, Благовещение, Вербницу — рыба свежая; в Великую субботу — осетрина шехонская, да сельди переславские; на Велик день — осетрина шехонская и иная добрая рыба; на Троицын день — караси на сковородах; на Преображение — калачи да осетрина шехонская; на святого апостола Филиппа — сельди переславские или же иная рыба; на память игумена Никона («Никонов корм») — по звену осетрины, да икра; на память великого князя Василия III — осетрина; на Николу — сельди переславские; на царскую память — по 2 звена свежей рыбы, да по звену осетрины» (Горский, 1890. С. 4, 6, 7, 8, 14–18, 26, 28, 29, 33).

В процессе наблюдений на территории монастыря и в его окрестностях нами была зафиксирована находка сетевого рыболовного красно-

глиняного грузила подцилиндрической формы (рис. 3, 5). Кроме того, на территории прудов селища «Поселок 67 км», в 3 км от лавры (бывшее монастырское село XVII в. Кесово), найдено несколько сетевых белокаменных грузил (рис. 3, 6).

В результате разведочных работ на территории Лавры в 2000 г., помимо прочего, в 20 из 45 шурфов были зафиксированы кости рыб. Всего был собран 121 образец, содержащий 1523 костей рыб (для сравнения: костей животных собрано 752 фрагментов (33 %), из них 68 образцов собрано в 17 шурфах с нарушенной стратиграфией, 53 образца — в трех шурфах, из относительно непотревоженного слоя вокруг средневековой трапезной (где ныне находится колокольня) (табл. 1; Вишневский, 2000).

Особенности залегания костных остатков рыб заключались в том, что в большинстве шурфов местами встречались отдельные кости или небольшие скопления, а в шурфах 13, 14, 15 кости всех видов и чешуя рыб залегали насыщенным слоем. Промывка культурного слоя через сетку с ячейками размером 2 x 2 мм показала, что местами сохранился слой, сформировавшийся вокруг древней трапезной и весьма насыщенный чешуей и костями рыб. Здесь мы имели дело с зоной кухонных отбросов, в том числе и скоплений чешуи, которые могли образоваться лишь при разделке значительного количества рыбы. Все эти скопления были найдены в слое, перекрытом кирпичной мостовой (очевидно, XVIII в.), отслеженном в трех шурфах к западу от колокольни: шурф 13 (1x7 м), шурф 14 (2x4 м), заложенный в 10 м от западной стены колокольни (примыкает с юга к шурфу 13) на месте трапезной XV–XVI вв., и шурф 15 (1x1 м) в 15 м к югу от колокольни (рис. 1).

В кв. 1–2 шурфа 13 (рис. 2) вскрыт культурный слой мощностью 2,8–4,2 м следующей стратиграфии: белокаменная плитка (толщиной 8 см); песчаная подсыпка (мощность 8–15 см); булыжная мостовая (камни 8–10 см длиной); песчаная подсыпка (8–15 см); светло-коричневый суглинок с примесью песка и кирпичного боя (6–25 см); темно-коричневый суглинок (30–40 см); коричневый суглинок (мощностью до 30 см, в кв. 3 выклинивается); вымостка (кв. 1) из кусков кирпича-большемера с сохранившимися на них слоями печины (под вымосткой — песчаная подсыпка мощностью 6–8 см); черный рыхлый суглинок (50–75 см) с линзами серо-зеленой глины (5–10 см) — слой насыщен костями рыб, главным образом, осетровых (табл. 2); слой влажной щепы (10–25 см); серо-зеленая влажная глина (50 см) с многочисленными прослойками щепы мощностью 1–2 см (выклинивается к сере-

дине кв. 3); прослойка щепы (3–4 см), достигающая толщины 15 см при подъеме прослойки в кв. 3; серо-зеленая влажная водоносная глина, прослеженная в глубину на 1 м (материк не был достигнут ввиду малой ширины траншеи и постоянно заливающей ее воды). В глине встречены отдельные куски деревянных бревен и кольев, фрагменты керамики: красноглиняной грубой, в том числе с орнаментом «косая волна», красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой, чернолощеной, фрагменты рыбьих костей (табл. 2). Найдены деревянные поделки, в том числе предметы, напоминающие ножи (рис. 3, 1–2), развал красноглиняной грубой сковороды-горшка (рис. 4) (не исключено, что в них готовили карасей, упомянутых в обиходнике).

Шурф 14 вскрыл культурный слой мощностью 3,6 м со следующей стратиграфией (рис. 2): белокаменная плитка (толщиной 8 см); песчаная подсыпка (мощность 8–15 см); булыжная мостовая (камни 6–8 см в поперечнике); песчаная подсыпка (8–15 см); темно-коричневый суглинок с кирпичным боем (20 см); коричневый суглинок с кирпичным боем и известью (10–30 см) с фрагментами керамики и изразцов XVIII в.; кирпичная вымостка с подсыпкой толщиной 6–10 см из кирпичей-большемеров разного размера (5x18x30 см), а также квадратных плинф XV в. (15x15,5x6 см), вымазанных известью (целых и кусков — поверхность вымостки стала волнообразной из-за проседания грунта, с колебаниями уровня до 40 см); черный рыхлый суглинок (в шурфе 14 — 30–50 см, в шурфе 13 — 60–80 см, в шурфе 15 — 15–30 см; на высоте 30–40 см от материка) с включениями кирпичей, крупных камней, линзами светло-коричневого суглинка, насыщенный мелкими костями рыб (табл. 3), фрагментами краснолощеной и чернолощеной керамики, красных изразцов XVII в. Единичная находка фрагмента изразца XVIII в. отмечена в кв. 2а, где при зачистке кирпичной вымостки фиксировались нарушения — поздние ямы (скорее всего, XVIII в.). Следовательно слой можно с уверенностью отнести к XVI–XVII вв., о чем свидетельствует состав керамического комплекса (грубая красноглиняная (рис. 4) и белоглиняная, краснолощеная, красноглиняная ангобированная) и находки в пласте 6: светец железный с двумя завитками (рис. 3, 3) и гребень костяной двусторонний (14 и 28 зубцов) (рис. 3, 4). Тот же слой под кирпичной вымосткой был прослежен в шурфе 15, там он составлял от 15 до 30 см мощности и располагался всего лишь на 40 см выше материка (рис. 2). В нем обнаружено 10 фрагментов костей 4 видов рыб: осетр, севрюга, щука, таймень.

Таблица 1. Характеристика видового состава костей рыб из шурфов

№ шурфа	Расположение шурфа	Пласты	Количество фрагментов костей	Количество видов рыб	Виды
13	к западу от колокольни	5, 6, 7, 8, 12, 13, 14	233	11	осетр, белуга, стерлядь, щука, севрюга, лосось, судак, сазан, лещ, окунь, белорыбица
14	к западу от колокольни	4–11, 13, 16		14	осетр, белуга, стерлядь, щука, севрюга, лосось, судак, сазан, лещ, карась, окунь, плотва
15	к югу от колокольни	4, 5	10	4	осетр, севрюга, щука, таймень
2	к северу от колокольни	7, 9, 10	27	6	неопределимы
3	к северо-востоку от колокольни	5, 6	9	2	осетр и белуга
4	к северу от колокольни	3, 8, 11, 14	13	5	осетр, севрюга, белуга, судак, белорыбица
6	к северу от колокольни	6, 7, 9	29	6	осетр, белуга, севрюга, стерлядь, сом, щука
9	к западу от ризницы	1, 6, 8	6	4	осетр, белуга, стерлядь, щука
10	к западу от ризницы	4, 6, 8, 10	3	2	щуки и осетра
11	к востоку от Каличьей башни	4, 5, 7, 10	9	2	осетр и белуга
12	к северу от Каличьей башни	4, 6, 7, 8, 9	16	5	осетр, белуга, севрюга, лосось, щука
16	у восточной стены Казначейского корпуса	6, 12	17	2	лосось и щука
17	у восточной стены Казначейского корпуса	7, 11, 15	3	1	осетровые, в т. ч. белуга
21	у западной стены Плотничьей башни	6, 9, 10, 11, 12	19	3	осетр, белуга, судак
22	у южной стены Плотничьей башни	4, 11	4	1	белуга
25	у восточной стены Больничных палат		10	1	осетровые, в т. ч. севрюга
35	у западной стены Казначейского корпуса		1	1	осетр
36	у западной стены Казначейского корпуса		3	1	осетр
43	к северу от Митрополичьих покоев	8	2	1	осетр
44	к северу от Митрополичьих покоев		1	1	осетр

Интересна статистика костного материала по шурфам и пластам.

В шурфе 13 рыбы составляют 97 % остеологического материала, животные — 3 %, в шурфе 14 — рыбы составляют 90,5 %, животные — 10,5 %.

Таблица 2. Шурф 13.

Распределение костей рыб и животных по пластам

Пласт	Кости рыб	Кости животных
6	6	—
7	53	2
8	—	—
9	23	1
10	—	—
11	—	—
12	2	—
13	—	—
14	82	2
Всего	166	5
	97 %	3 %

Таблица 3. Шурф 14.

Распределение костей рыб и животных по пластам

Пласт	Кости рыб	Кости животных
3	55	—
4	36	23
5	3	—
6	303	43
7	289	11
8	30	6
9	112	2
10	—	—
11	1	2
12	—	—
13	9	—
14	7	3
15	—	—
16	3	—
Всего	848	90
% от всего количества костей	90,5	9,5

Из общего числа костей рыб (1523 экз.) определены до вида — 991 экз. (из них четыре относятся к одному виду — осетровых), до семейства (осетровые) — 247 экз.

Таблица 4. Видовой состав костных остатков рыб из раскопок в Троице-Сергиевом монастыре в 2000 г.

Виды рыб	Количество (экз.)	% от общего количества (% от определимых)
Осетр <i>Acipenser guldensztadi</i>	487	32,0 (39,3)
Севрюга <i>Acipenser stellatus</i>	199	13,1 (16,1)
Белуга <i>Huso huso</i>	150	9,8 (12,1)
Стерлядь <i>Acipenser ruthenus</i>	31	2,0 (2,5)
Семейства осетровых <i>Acipenseridae</i> (вид неопределим)	247	16,2 (20,0)
Всего осетровых	1114	73,1 (90)
Каспийский лосось <i>Salmonidae Salmo</i>	14	0,9
Белорыбица <i>Stenodus leucichthys</i>	2	0,1
Таймень <i>Hucho hucho taimen</i>	1	0,06
Щука <i>Esox lucius</i>	54	3,5
Лещ <i>Abramis brama</i>	9	0,6
Судак <i>Lucioperca lucioperca</i>	22	1,49
Сом <i>Silurus glanis</i>	1	0,06
Окунь <i>Perca fluviatilis</i>	16	1,1
Плотва <i>Rutilus rutilus</i>	3	0,2
Сазан <i>Carpinus carpio</i>	2	0,1
Всего определимых	1238	81,3
Неопределимые	285	18,7
Всего костей рыб	1523	100

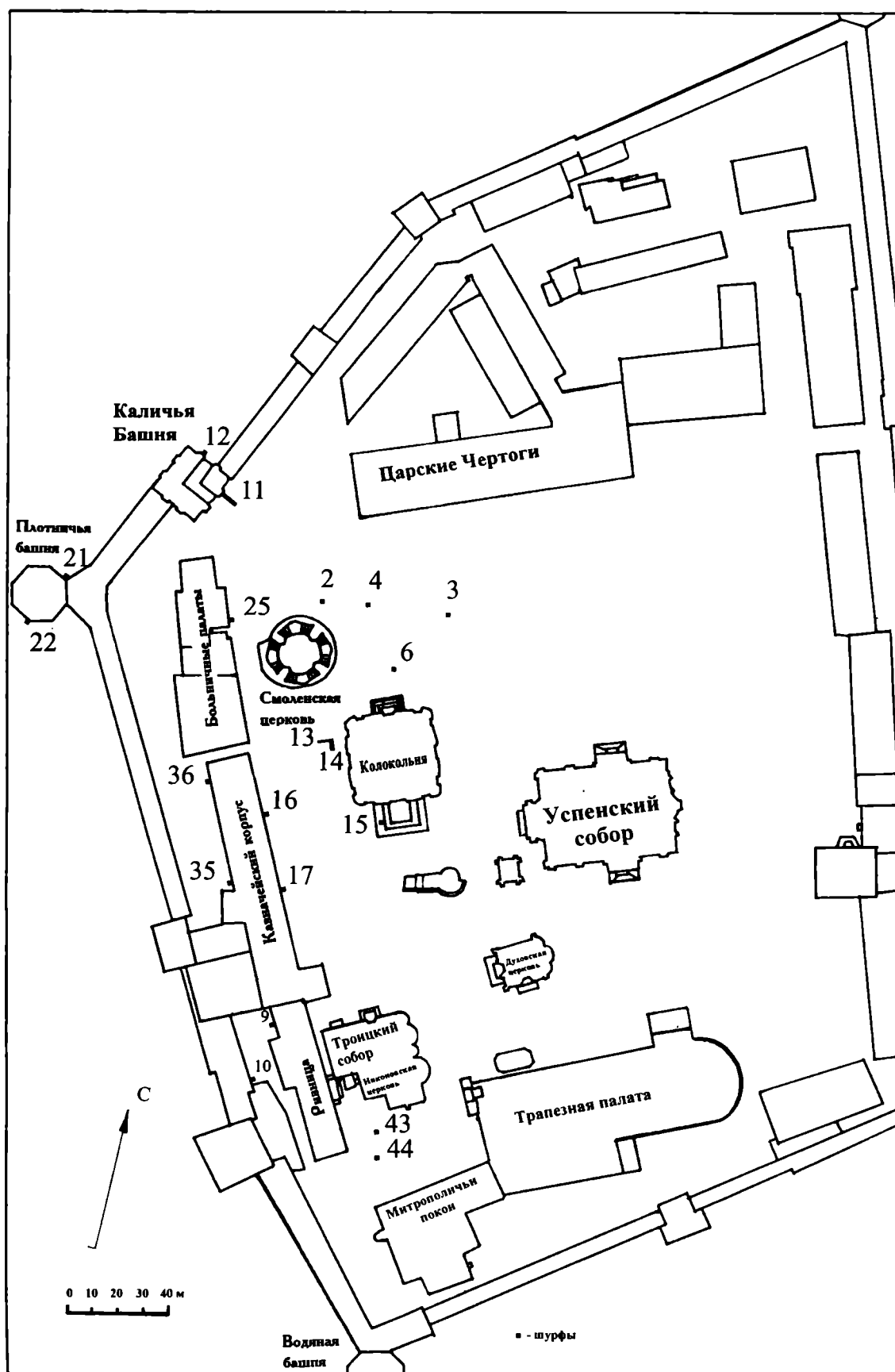
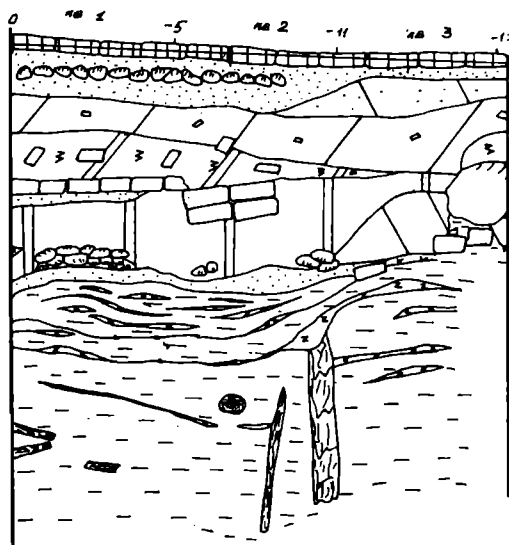
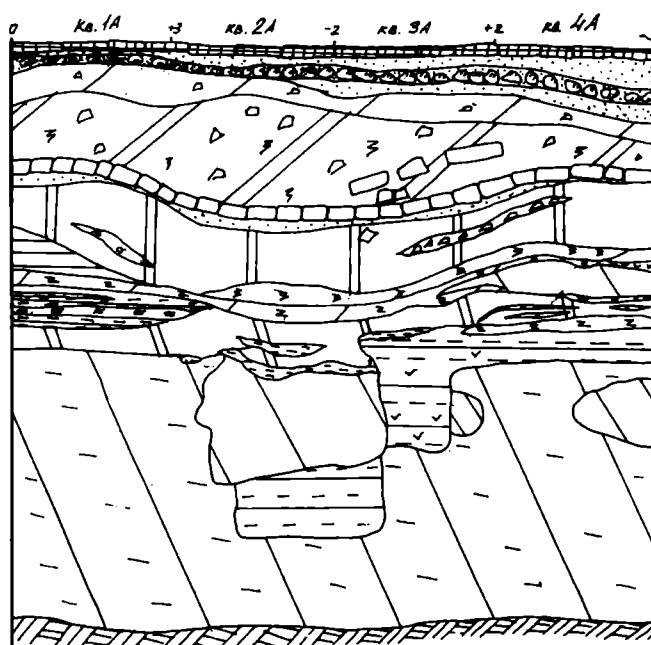

Рис. 1. Троице-Сергиева лавра. Ситуационный план шурфов 2000 г.

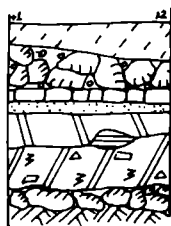
Шурф 13
Южный профиль

Шурф 14
Восточный профиль

Шурф 15
Восточный профиль

0 1 м

- тёмно-коричневый суглинок	- белый камень
- светло-коричневый суглинок	- асфальт
- коричневый суглинок	- кирпич
- серо-коричневый суглинок	- кирпичный бой
- светло-серая глина	- камень
- серо-зеленая глина	- бревно
- рыжая глина	- щепа
- светлый песок	- известь
- чёрный суглинок	- материк (серо-зеленая глина)

Все высоты от условного 0 – поверхности южного крыльца Смоленской церкви

Рис. 2. Троице-Сергиева лавра. Профили шурфов 2000 г.: 13, 14, 15

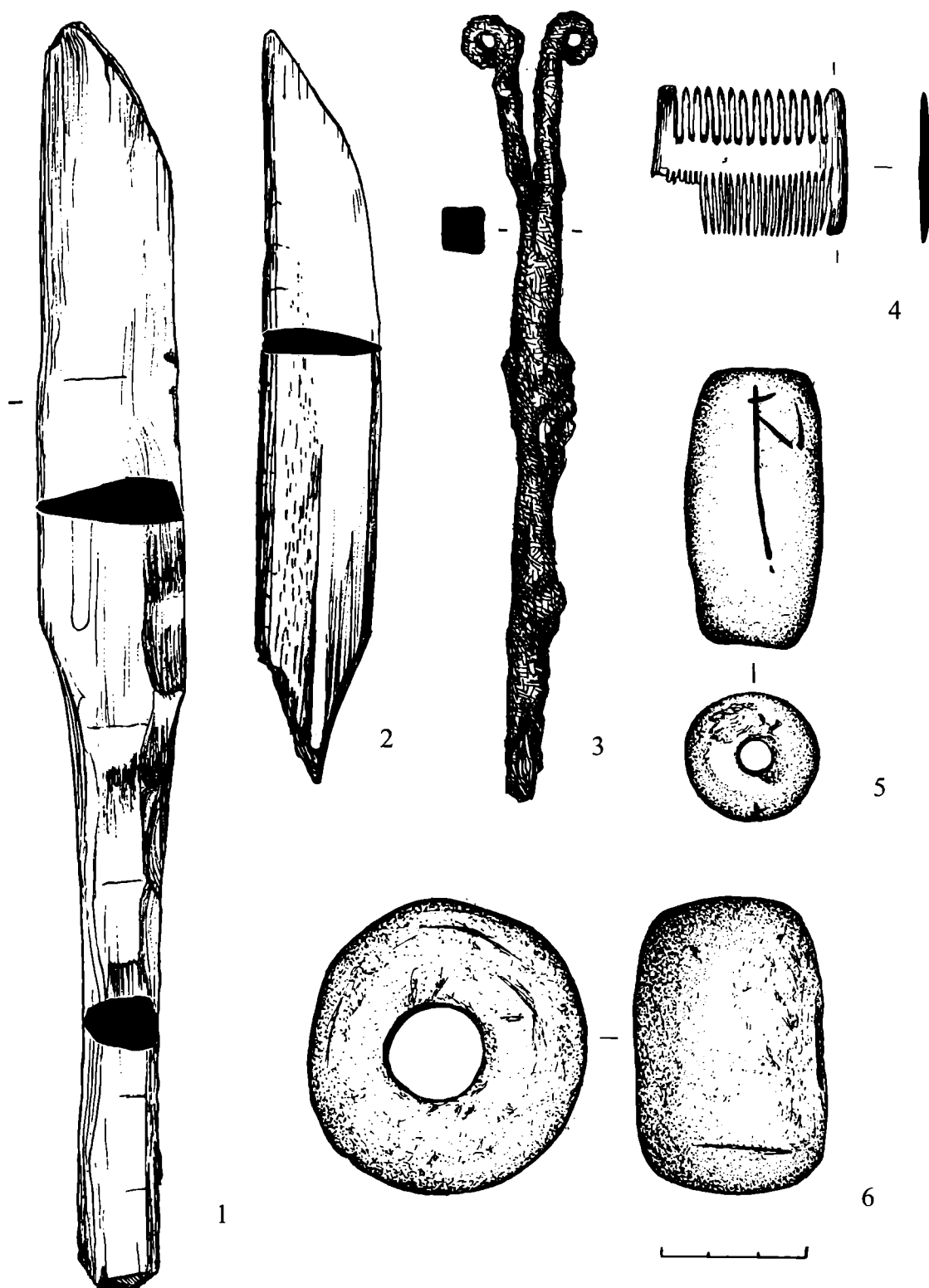

Рис. 3. Троице-Сергиева лавра. Индивидуальные находки

1–2 — ножи (шурф 13, кв. 1, пл. 14); 3 — светец (шурф 14, кв. 4а, пл. 6);
 4 — гребень (шурф 14, кв. 4а, пл. 6); 5 — рыболовное грузило (подъемный материал);
 6 — рыболовное грузило (селище «67 км» («Кесово»))
 (1–2 — дерево; 3 — железо; 4 — рог; 5 — керамика; 6 — белый камень)

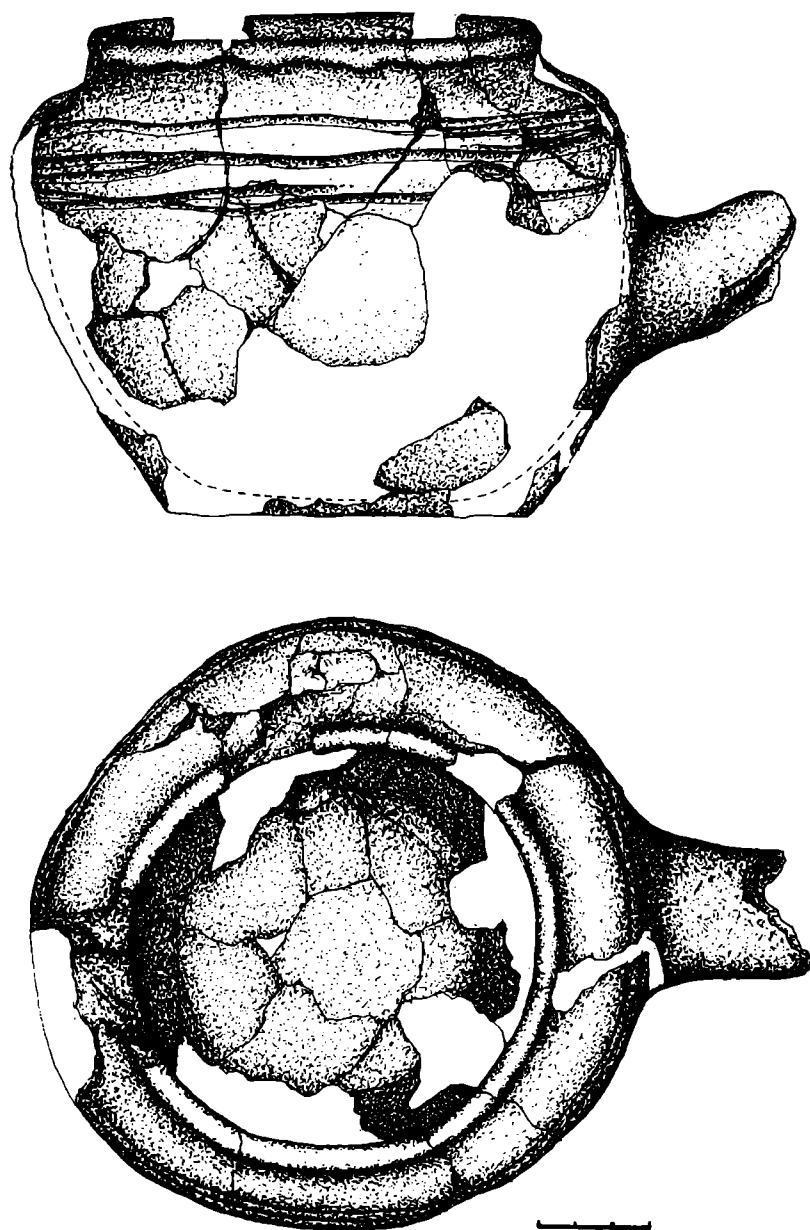

Рис. 4. Троице-Сергиева лавра. Шурф 13, кв. 1.
Красноглиняная сковорода. XVI в.

Из таблицы 4 видно, что осетровые преобладают (73,1 %) (!), хотя, быть может, доля их потребления могла быть и ниже, ввиду худшей сохранности в культурном слое костей мелких речных рыб (табл. 5).

При анализе трех промывок (каждая объемом 3–4 л) из слоя черного суглинка под кирпичной вымосткой в шурфе 14 была выявлена чешуя (преобладал окунь, судак, реже попадались лещ и плотва), а также измельченные кости окуня,

мелких щук, карася, осетровых (севрюги, стерляди, осетра, белуги) и лосося.

Таким образом, выявлено 15 видов рыб: осетр, белуга, севрюга, стерлядь, щука, сом, судак, окунь, лещ, лосось, белорыбица, плотва, сазан, таймень, карась. Причем в непотревоженном слое кухонных отходов трапезной XVI–XVII вв. встречаются 14 видов (кроме сома, да и тот найден также в зоне древней трапезной — в шурфе 6, к северу от колокольни).

Таблица 5. Восстановленные размеры рыб из раскопок в Троице-Сергиевой лавре

Виды рыб	Длина тела (см)		Количество особей
	Колебания	Средняя	
Осетр	100–160	130	13
Севрюга	100–250	155	7
Белуга	130–250	200	8
Стерлядь	50–90	70	10
Лосось	7–120	—	1
Таймень	110–120	—	1
Щука	30–250	86	11
Лещ	25–45	40	4
Судак	30–90	60	7
Сом	150	—	1
Окунь	15–25	20	3
Плотва	15–25	20	2

Таблица 6. Встречаемость отдельных видов рыб в шурфах

Виды рыб	Количество шурфов	№ шурфов
Осетр	17	13, 14, 6, 3, 2, 4, 21, 9, 43, 12, 11, 36, 45, 44, 10, 35, 15
Осетровые	14	13, 14, 6, 2, 21, 10, 17, 16, 12, 25, 11, 3, 4, 10
Белуга	11	3, 4, 9, 6, 13, 14, 12, 31, 21, 11, 22,
Щука	9	13, 14, 6, 2, 16, 12, 15, 10, 9
Севрюга	7	2, 4, 6, 12, 13, 14, 15, 25
Стерлядь	5	2, 9, 6, 13, 14
Судак	5	13, 14, 2, 21, 4
Лосось	4	13, 14, 16, 12
Белорыбица	2	13, 4
Лещ	2	13, 14
Окунь	2	13, 14
Сазан	2	13, 14
Таймень	1	15
Сом	1	6
Карась <i>Carassius carassius</i>	1	14
Плотва	1	13

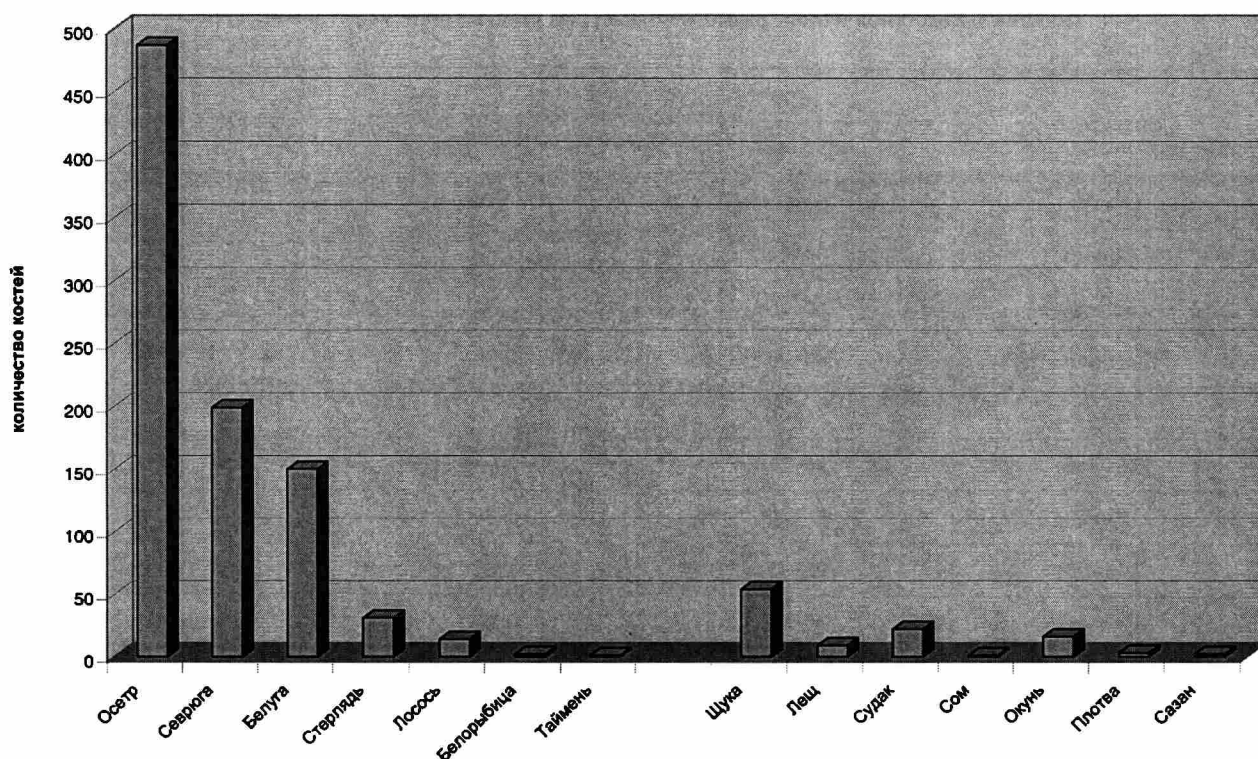

Рис. 5. Видовой состав костей рыб из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2000 г.

Троицкие обиходники упоминают всего 3 вида рыб: осетры, «караси в сковородах» (Горский, 1980. С. 28) и переславская сельдь (Горский, 1980. С. 14, 16) (последняя в раскопках не выявлена — очевидно, из-за миниатюрности костей). В грамотах упоминаются осетр, севрюга, белуга, белорыбца и калуга (Кириченко, 2004. С. 58). О калуге можно сказать лишь то, что она относится к подвиду белуги, но в XIX в. в волжской рыбной торговле название этой рыбы уже не встречалось (Горский, 1879. С. 126).

Обращает на себя внимание редкая находка

костей тайменя — рыбы, водившейся в Волге и ее притоках, но с XVI–XVII вв. исчезающей (Панова, Цепкин, 1997. С. 69–70). Следовательно, таймень был привезен издалека — с Волги. (В настоящее время он встречается только в притоках Камы — Кренке, Цепкин, 1991. С. 107.)

Наличие в комплексе рыб самых мелких (15–25 см) дает основание предполагать применение третьего вида орудий — ловушек типа верш, сплетенных из прутьев, которые применялись, очевидно, на небольших речках и прудах в окрестностях монастыря (Кренке, Цепкин, 1991. С. 107).

Литература

АСЭИ. М., 1952. Т. 1.

Вишневский В. И., 2000. Отчет об археологических охранных раскопках на территории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году // Архив СПГИХМЗ. № НА-1519/1-3.

Голубинский С. С., 1909. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М.

Горский А. В., 1879. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Ч. 2. М.

Капитанов С. М., 1962. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Часть вторая // АЕ за 1960 год. М.

Кириченко Л. А., 2004. Торговые экспедиции Троице-Сергиева монастыря по актовому материалу конца XVI — начала XVII вв. // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре

и духовной жизни России. Материалы III Международной конференции. Сергиев Посад.

Кренке Н. А., Цепкин Е. А., 1991. Рыболовство на Москва-реке с V в. до н. э. по VII в. н. э. // СА. № 1.

Панова Т. Д., Цепкин Е. А., 1997. Рыбный стол москвичей средневековья // Наука в России. № 1.

Павел Алеппский, 1992. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию (в половине XVII в., описанное архидьяконом Павлом Алеппским) // Сергей Радонежский и Троице-Сергиева Лавра. В сочинениях русских историков и философов и воспоминаниях путешественников. Сергиев Посад.

Тебекин Д. А., 1979. Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг. Часть первая. № 90 // АЕ за 1978 год. М.

Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой лавре

В 2003 г. экспедициями института археологии РАН под руководством С. З. Чернова и А. В. Энговатовой проводились археологические исследования на территории Троице-Сергиевой лавры¹. В результате раскопок была собрана коллекция красных изразцов (82 предмета). Среди них 2 целых изразца, ранее известных исследователям только в виде фрагментов.

Основная часть изразцов найдена в раскопе у **Духовской церкви** (1476). Там было собрано 79 предметов, включая целые и фрагменты. Все изразцы соответствуют четырем выделенным Р. Л. Розенфельдом группам (Р. Л. Розенфельдт, 1968а. С. 463–467).

Группа 1 (49 фрагментов). Изразцы с коробчатой румпой глубиной до 7–9 см, размер лицевой пластины 22–23 см. На лицевых пластинах широкая рамка (4–4,5 см) заполнена растительным орнаментом в виде волнистой линии с отходящими от нее побегами и листьями. Изображение оттискивалось в специальной деревянной форме. К этой группе относятся изразцы с двуглавым орлом, единорогом (двух видов) и растительным орнаментом, а также городки и перемычки (рис. 1, 1–3, 5–8; 2, 2, 4) (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 3–5, 8)):

1) изразцы с растительным орнаментом — 11 фрагментов, среди них один почти целый (рис. 1, 5; 2, 4). На одном из обломков на лицевой пластине изразца сохранилась капля зеленой поливы, что позволяет предположить одновременный обжиг «красных» и зеленых изразцов;

2) изразцы с изображением двуглавого орла — 3 фрагмента (рис. 1, 3);

3) изразцы с изображением единорога первого вида — 4 фрагмента (рис. 2, 2);

4) изразец с изображением единорога второго вида — 1 обломок (рис. 1, 1);

5) изразец с изображением грифона (рис. 1, 2);

6) изразец-перемычка — 1 экз. (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 4);

7) изразцы с остатками рельефной рамки с растительным орнаментом — 28 фрагментов.

Аналогами этим изразцам служат экземпляры, хранящиеся в архитектурных фондах Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника и собранные в результате раскопок в Троице-Сергиевой лавре.

Группа 2 (7 фрагментов). Изразцы с румпой, отступающей от края, с лицевой пластиной размерами 22х22 см и широкой рамкой растительного орнамента по краю (идентичной первой группе). К этой группе относятся изразцы с изображениями льва, грифона и единорога двух видов:

1) изразцы-пояски с растительным орнаментом — 5 предметов, из них 2 целых пояска (рис. 1, 6);

2) изразцы с изображением льва — 2 обломка (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 6).

Аналоги этим изразцам имеются в архитектурных фондах СПИХМЗ.

Группа 3 (2 фрагмента). Изразцы с румпой, отступающей от края, и с лицевой пластиной размерами 21х21 см. Изображение заключено в узкую рельефную рамочку (шириной 1–1,5 см). К этой группе относятся обломки изразцов с изображениями сокола и грифона:

1) с изображением сокола (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 10);

2) с изображением грифона (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 4).

Аналоги этих изразцов также имеются в архитектурных фондах СПИХМЗ.

Группа 4 (20 фрагментов и 2 целых изразца). Изразцы с коробчатой румпой глубиной 8–11 см, с размером лицевой пластины 22,3–22,6 см, с узкой рельефной рамкой. Р. Л. Розенфельдту были известны только отдельные фрагменты с лапами животного и элементами растительного орнамента, поэтому определить сами сюжеты ему не удалось. В результате раскопок последних лет были определены 2 вида изразцов с изображением льва

¹ Выражаю благодарность С. З. Чернову и А. В. Энговатовой за предоставленные для публикации материалы.

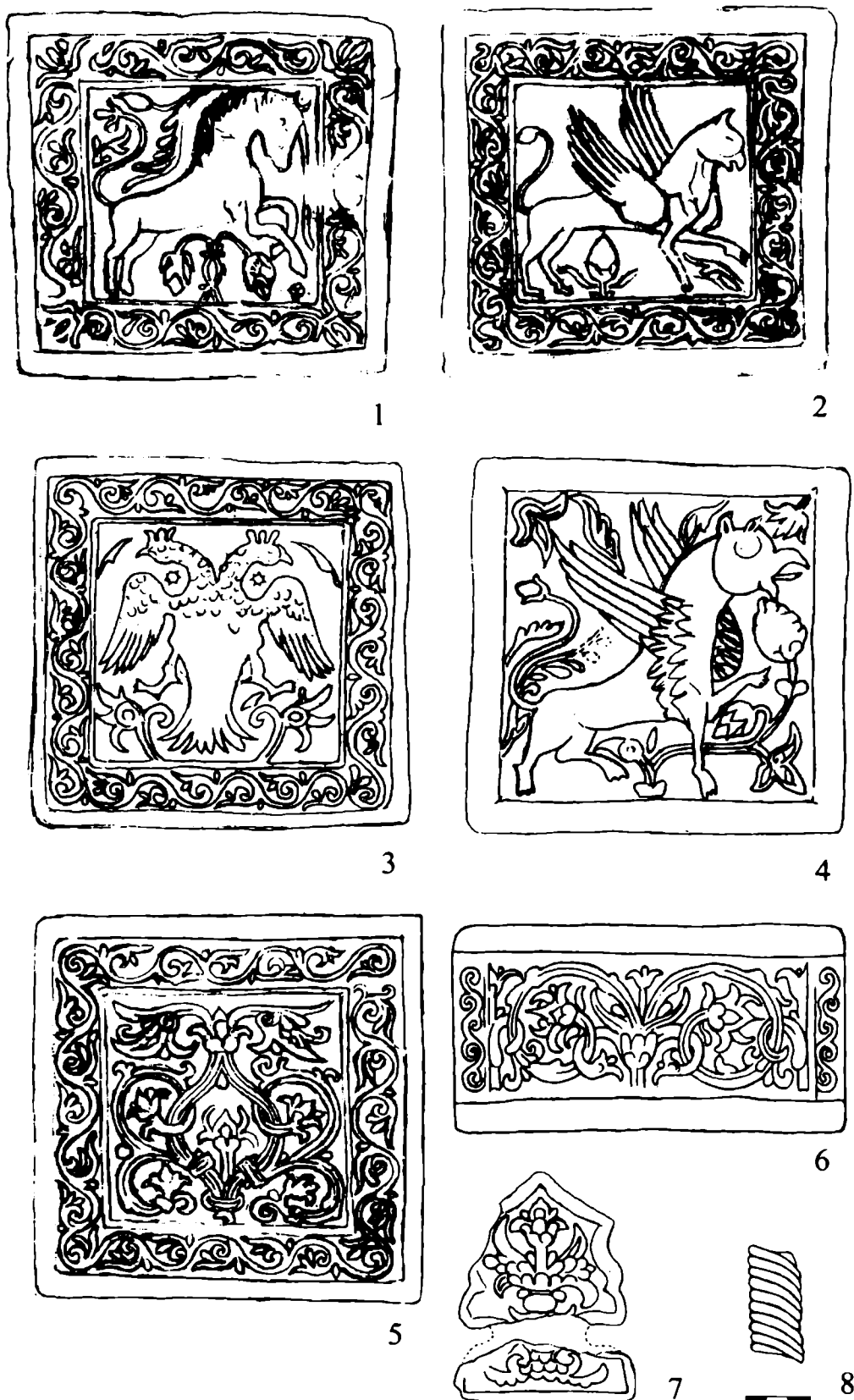

Рис. 1. Красные изразцы производства
Троице-Сергиева монастыря. 50–60-е годы XVII в.

Рис. 2. Красные изразцы середины — 60-х годов XVII в., найденные в 2003 г.

и грифона. Но только в 2003 г. найдены два целых изразца.

К группе 4 относятся:

1) изразцы с изображением льва — 11 экземпляров, из них один целый изразец (рис. 2, 1). Размеры 22,6 х 22,3 см, глубина румпы — 8,5 см. На изразце изображен лев, с раскрытой пастью и поднятым вверх хвостом, заканчивающимся кисточкой. Изображение повернуто вправо. Свободное поле изразца заполнено цветами, над туловищем льва — изогнутый «перчик» или ягода;

2) изразцы с изображением грифона — 11 находок, из них один целый изразец (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 12; 2, 3). Размеры 22,4 х 22 см. На изразце изображен грифон с туловищем льва и птичьей головой, с тонким поднятым вверх хвостом с кисточкой. От передней части тулови-

ща отходят два поднятых вверх крыла. Изображение повернуто вправо. Свободное поле изразца заполнено цветами. Фрагменты аналогичных изразцов были найдены в результате раскопок на территории Троице-Сергиевой лавры в предшествующие годы. Аналогом им может служить московский изразец, опубликованный Р. Л. Розенфельдтом (1968а. С. 464. рис. 1, 12).

В раскопе у трапезной церкви Сергия Радонежского (1686–1692) был обнаружен один изразец с изображением единорога (Маслих, 1983. Илл. 54; Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 8; 2, 2). Он был найден в головах у погребенного монаха. На изразце была сделана специальная выемка. По всей видимости, изразец заменял кирпич, который клали погребенным монахам под голову. Изразец имел размеры: 22,8 х 22 см, ширина рам-

ки 4,3 см, румпа отступающая от края (производство Троице-Сергиева монастыря середины — 60-х гг. XVII в.). На изразце изображен единорог с телом лошади, гривой и опущенным вниз хвостом. От его морды вверх отходит прямой рог. Свободное пространство вокруг единорога заполнено цветами. Характерной особенностью изразца является наличие на лицевой пластине широкой рамки (4–4,5 см), заполненной растительным орнаментом в виде волнистой линии с отходящими от нее побегами и листьями.

В раскопе у Смоленской церкви было найдено два небольших фрагмента красных изразцов:

— 2-й группы, с изображением единорога первого вида (Маслих, 1983. Илл. 54; Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 8; 2, 2);

— 3-й группы, с изображением сокола (Розенфельдт, 1968а. С. 464. рис. 1, 10).

Первые письменные сведения о производстве изразцов на территории Троице-Сергиева монастыря содержатся в описи 1641 г., откуда мы узнаем, что у монастыря на кирпичном дворе было 2 горна и 4 печи. В горнах одновременно жгли 1250 штук синего кирпича, в 3 печи «садили»

44 200 штук, «да тут же стоит печка, а в ней делают на время муравленное дело... да возле сараев монастырская изба, живут в ней в деловую пору кирпичники» («Опись...», Л. 615 об).

Первые находки красных изразцов были сделаны Т. В. Николаевой в 1954 г. в реке Вондюге в районе Соляной башни. А первым исследователем собранной коллекции стал Р. Л. Розенфельдт, предположивший, что изразцы были изготовлены внутри монастыря, на участке у Соляной башни. Р. Л. Розенфельдт выделил 4 группы изразцов, различающиеся оформлением рамки и строением румпы, и датировал их серединой — 60-ми годами XVII в. (Розенфельдт, 1968б. С. 65). Сравнивая коллекцию с московскими красными изразцами, Р. Л. Розенфельдт подчеркивал, что «уже по подбору сюжетов изразцы отличаются известным своеобразием». Он отмечал «хорошее качество изображений на изразцах, их предельную выразительность, четкость исполнения рисунка, что, по-видимому, связано с давним развитием в монастырских слободах высокого искусства резьбы по дереву» (Розенфельдт, 1968а. С. 466–467).

Литература

Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Архив СПГИХМЗ. Инв. № 289.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Розенфельдт Р. Л., 1968а. Серия изразцов мастерской Троице-Сергиева монастыря // Славяне и Русь. М.

Розенфельдт Р. Л., 1968б. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Е 1-39. М.

Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода (материалы к археологической карте)

Древняя Звенигородская земля уже с XIX в. стала полевой лабораторией для отечественной археологии. Именно под Звенигородом в 1838 г. впервые в России были произведены раскопки древнерусских курганов (раскопки А. Д. Чертковым Верхогрязских курганов). С тех пор этот район является эталонным для славянской и финно-угорской археологии. В разное время в окрестностях Звенигорода работали В. А. Городцов, А. В. Чаянов, Н. С. Елагин, В. М. Колобов, К. Я. Виноградов, Л. А. Евтюхова, Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, А. В. Успенская, Ю. А. Краснов, Р. Л. Розенфельдт, А. А. Юшко, И. О. Гавритухин, Г. Л. Новикова, А. Г. Векслер, Н. А. Кренке, С. З. Чернов, Б. Е. Янишевский и другие исследователи.

В настоящее время в Одинцовском районе Московской области работает археологическая экспедиция Звенигородского музея, крупномасштабные археологические исследования здесь также проводят Подмосковная экспедиция ИА РАН и Государственный историко-литературный музей А. С. Пушкина в с. Большие Вяземы.

Окрестности Звенигорода, как и саму территорию древнего города, следует рассматривать как уникальную в археологическом отношении территорию Подмосковья. Здесь, по берегам реки Москвы и ее притоков, сконцентрировано более 150 археологических памятников X–XIV вв.

Исследования последних лет вносят существенные коррективы в наши представления о прошлом этого региона. Особый интерес представляют древнерусские памятники, такие как поселения Поречье 2 (3-е Поречьевское селище) (Чернов, 2000. С. 28, 71–72), Саввинская Слобода 2 (Станюкович, 1999), Хотяжи 1 и 2 (Алексеев, 2004б). При обследовании этих крупных селищ, площадь которых достигает 2–3 га, была найдена лепная и раннекруговая керамика X–XI вв. По-видимому, к этому же времени относятся нижние слои селищ Успенское 2 и Иславское. Перечисленным поселениям синхронны курганы у деревень Коралово (Виноградов, 1926. С. 5, 6), Горышкино (Краснов, 1962), Никифоровское

(Алексеев, 2004а. С. 7) и Хотяжи (Алексеев, 2004б). Отдельные захоронения в этих курганных могильниках совершены по обряду кремации, полностью исчезнувшему к началу XII в.

В курганах под Звенигородом были найдены как семилопастные, так и браслетообразные височные кольца. Но, кроме потомков летописных вятичей и кривичей, здесь также присутствовали переселенцы с территории Днепровского Левобережья (из земли северян и радимичей). На это указывают находки трех дротовых «радимичских» гривен с селища Хотяжи 2 (Алексеев, 2004б. С. 190), семилучевого кольца из Поречья (Юшко, 2005. С. 94) и лопастных височных колец деснинского типа, которые происходят уже практически со всех ранних памятников Звенигородья (Хотяжи 1 и 2, Саввинская Слобода 2, Поречье 2, Успенское городище, Луцино 2). Если при решении проблем, связанных с проникновением в Подмосковье первых переселенцев с территории Днепровского Левобережья, в последние годы наметились позитивные сдвиги (Юшко, 1998; Шполянский, 1999; Алексеев, 2002), то в отношении славянского миграционного потока из северо-западного региона (имеются в виду смоленско-полоцкие и верхневолжские кривичи, сыгравшие не менее значительную роль в освоении Московского региона) остался ряд открытых вопросов.

Так, до сих пор дискуссионна тема о хронологии процесса кривичского заселения Западного Подмосковья, где многие кривичские погребения относятся к концу XI — первой половине XII в., то есть ко времени, предшествующему возведению большинства «вятичских» курганов. Плохо разработан вопрос о путях продвижения кривичских колонистов в Москворецкий бассейн, нет единого мнения насчет пресловутой границы с «вятичами», которая на протяжении XII в. была слишком эфемерна, особенно к западу от Москвы. Так, под Звенигородом известны случаи миграционных перегруппировок, когда ранние кривичские некрополи прекращают функционировать, а рядом возникают более

поздние могильники с «вятичскими» комплексами (Горки-Х, Горышкино). Здесь же есть примеры, когда в одном могильнике имеются погребения и с браслетообразными, и с семилопастными височными кольцами (биостанция МГУ, Поречье, Дунино, Одинцово).

В звенигородском течении р. Москвы встречены украшения, имеющие соответствия среди древностей средневековых латгалов (Горки-Х, Хотяжи), а также известны единичные погребения с ромбоштитковыми и овальноштитковыми височными кольцами (Лазукин, 2003. С. 29–30), являющимися этноопределяющим признаком словен новгородских. В районе Звенигорода обнаруживаются и другие новгородские элементы — валунные обкладки основания курганов (Хотяжи, Аниково); сидячее захоронение в кургане у д. Верхогрязь (Лесман, 1981. С. 57).

Совместное бытование разноплеменных укреплений указывает на то, что в освоении Верхнего Москворечья в X–XII вв. принимали участие выходцы из различных регионов Восточной Европы, в том числе тех, где славяне взаимодействовали с коренным латышским населением. Видимо, нет причин игнорировать версию о долго сохранявшихся здесь балтском (голядь) и финно-угорском (меря) компонентах, которые были в значительной степени славянизированы лишь к XI–XIII вв. Не случайно в Звенигородском уезде еще в начале XVI в. была целая группа поселений с названием Меря. Так, в документах того времени упомянуты две деревни Старая Меря в Сурожижской волости, монастырское село Меря в Андреевском стане, деревни Меря Молодая и Меря Старая в волости Тростна (Любавский, 1929. С. 10).

Большую часть из обозначенных выше проблем можно обсуждать лишь на основе кропотливой работы по учету и систематизации всех древнерусских памятников Западного Подмосковья.

Давно назрела настоятельная необходимость обобщения и введения в научный оборот материалов из Звенигорода и его окрестностей, поскольку в XI–XIII вв. этот регион был одним из важнейших геополитических узлов Верхнего Москворечья.

Первым шагом в данной работе является картографирование всех известных здесь курганных групп и селищ X–XIV вв., значительная часть которых была выявлена в последние годы и не попала на страницы археологической карты России. Публикуемая в этой статье сводная карта археологических памятников региона не только облегчит дальнейшие научные изыскания, но и поможет делу охраны и учета древно-

стей Звенигородья. К сожалению, в настоящее время охрана археологических памятников в Одинцовском районе ведется неудовлетворительно. Нарушен порядок согласования землеотводов, который учитывал списки недвижимых объектов археологического наследия Российской Федерации. Земля продается частным лицам, определяющим свое отношение к памятнику через призму частной собственности. Огромные площади становятся недоступными для археологических изысканий (Лазукин, 2004). Сложившаяся ситуация ведет к безвозвратным потерям уникальных памятников археологии и приносит колоссальный урон как исторической науке, так и памяти народа. Отсутствие концепции охраны археологических памятников уже привело к тому, что число древнерусских курганов с начала XX века сократилось здесь более чем в три раза. Такая же участь ожидает и оставшиеся памятники.

Карта составлена на основе анализа итогов мониторинга и очередной инвентаризации археологического наследия региона, проводившихся автором данной статьи в 1999–2004 гг. В ходе этих работ была уточнена и расширена информация о памятниках, как поставленных на государственный учет, так и пока не зарегистрированных. Получены важные сведения о современном состоянии объектов, числившихся аварийными и разрушающимися. Уточнено число уже разрушенных памятников и степень их изученности (время, объемы и авторство раскопок, места хранения коллекций).

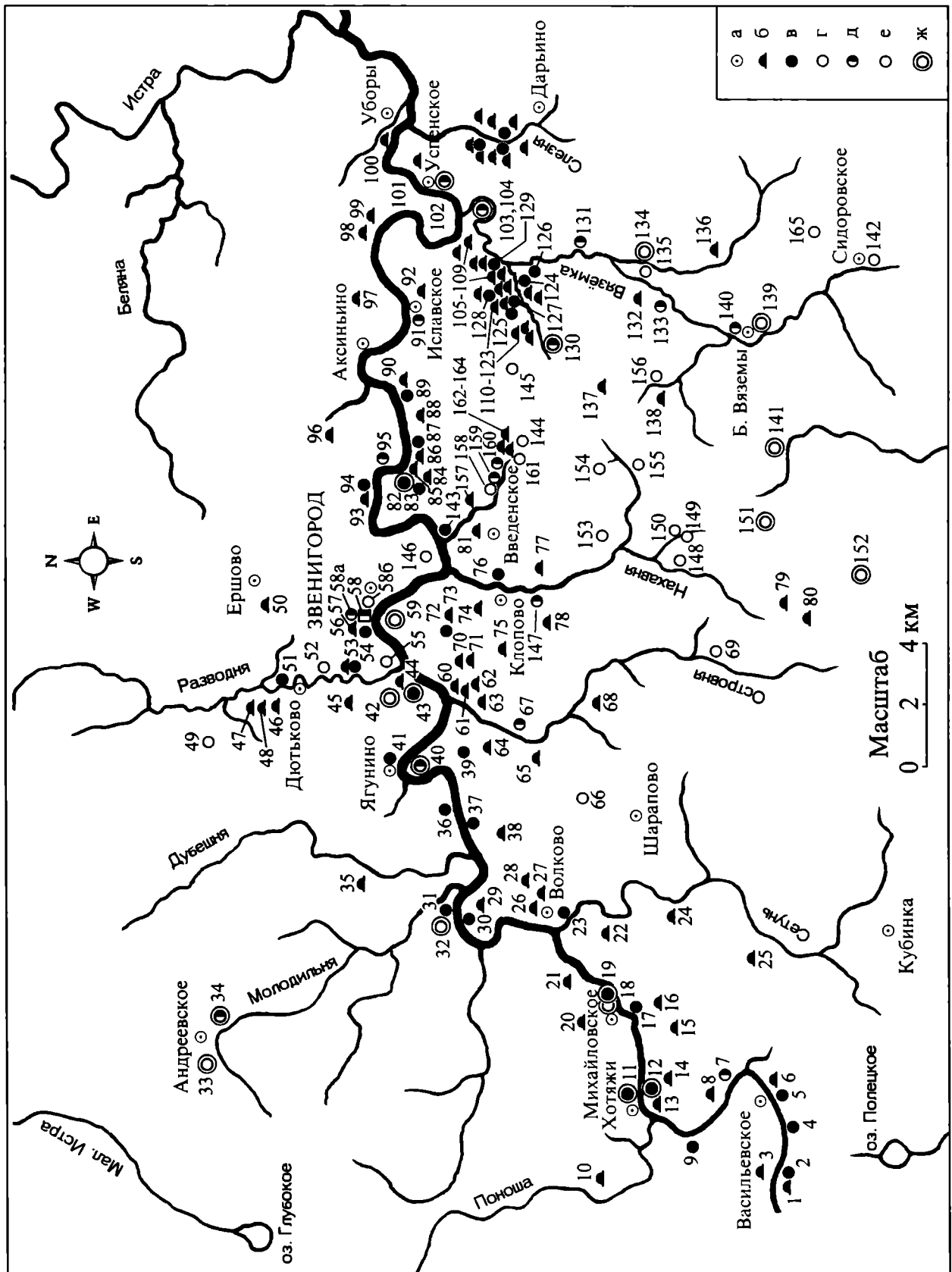
Мониторинг показал, что памятники археологии Звенигородья разрушаются по нескольким основным причинам. На первом месте среди них стоит дачное строительство по берегам Москвы-реки и ее притоков, которое, в свою очередь, является следствием интенсивного роста мегаполиса Москвы. К таким же существенным факторам разрушения памятников археологии (в первую очередь — распахиваемых селищ) относится «любительский» поиск артефактов с помощью электронных металлодетекторов. На момент наших обследований, практически все древнерусские селища под Звенигородом имели нарушения поверхности в виде небольших ямок глубиной 20–40 см — это характерные следы грабежа с применением специальной поисковой аппаратуры. Все без исключения курганные группы на территории Одинцовского района подверглись разграблению, причем некоторые из уже нарушенных ранее курганов докапываются большими по размерам колодцами. (Впрочем, этот вид грабежа в регионе в последнее время сходит на нет.) Следующее место среди факто-

ров разрушения памятников занимает распашка древнерусских селищ, значительная часть которых уже имеет полностью и неоднократно перетолженный в процессе регулярной вспашки

культурный слой. Прочие процессы (промышленное и дорожное строительство, лесоустроительные работы, размыв реками и оврагами) пока приносят меньше вреда.

Литература

- Алексеев А. В., 2002. К вопросу о путях славянской колонизации Западного Подмосковья // Проблемы истории Московского края (тезисы докладов). М.
- Алексеев А. В., 2004а. Отчет о разведках и раскопках в Одинцовском районе Московской области в 2003 г. // Архив ИА РАН.
- Алексеев А. В., 2004б. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. М.
- Виноградов К. Я., 1926. Курганные раскопки в Звенигородском уезде // Бюллетень Звенигородского общества по изучению местного края. Звенигород. № 3, 4.
- Краснов Ю. А., 1962. Курганы с трупосожжениями у д. Горышкино // СА. № 3.
- Лазукин А. В., 2003. Курганный могильник у поселка Горки-Х // Звенигородский краевед. Вып. 1. М.
- Лазукин А. В., 2004. Состояние памятников археологии на 2003 г. в Одинцовском районе Московской области // Проблемы истории Московского края (тезисы докладов). М.
- Лесман Ю. М., 1981. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // КСИА. Вып. 164.
- Любавский М. К., 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л.
- Станюкович А. К., 1999. К хронологии раннего этапа славянского заселения Москворечья // Проблемы истории Московского края (тезисы докладов). М.
- Чернов С. З., 2000. Археологические исследования и проект воссоздания утраченных элементов 1 Поречьевской курганный группы в лесопарковой зоне санатория «Поречье» г. Звенигорода Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 22095
- Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Труды ГИМ. Вып. 103.
- Юшко А. А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Юшко А. А., 2005. Звенигород московский и удел звенигородских князей. М.

Археологическая карта Звенигорода и его окрестностей

(а — современные населенные пункты; б — курганные группы и одиночные курганы; в — древнерусские поселения X–XI и XII–XIII вв.; г — поселения XIV–XVI вв.; д — многослойные поселения с древнерусским и позднесредневековым материалом; е — поселения площадью до 5 тыс. кв. м; ж — поселения площадью более 10 тыс. кв. м)

1 — курганы у д. Григорово (Григорово 1); 2 — селище у д. Григорово; 3 — курганы у с. Васильевское; 4 — селище у с. Васильевское (у старого брода); 5 — селище у пос. Марьино (сан. им. Герцена); 6 — курганы у сан. им. Герцена (Григорово 2); 7 — селище у д. Агафоново; 8 — курган у д. Агафоново; 9 — поселение на городище РЖВ у бывш. д. Алтыново; 10 — курганы у пос. Колюбакино; 11, 12 — селища 1 и 2 у д. Хотяжи; 13 — курганы у д. Хотяжи (у бывш. д. Мышкино); 14 — курган у д. Никифоровское; 15 — курганы у д. Никифоровское; 16 — курганы у д. Власово; 17 — селище у д. Власово; 18, 19 — селища 1 и 2 у с. Михайловское; 20, 21 — курганы у с. Михайловское; 22 — курганы у д. Бушарино; 23 — селище у д. Бушарино; 24 — курган у с. Шарапово; 25 — курганы у с. Никольское; 26, 27, 28 — курганы у д. Волково; 29 — курганы у д. Аниково; 30 — селище у д. Аниково; 31, 32 — селища 1 и 2 у с. Каринское; 33, 34 — селища 1 и 2 у с. Андреевское; 35 — курган у д. Анашкино; 36 — селище у д. Рыбушкино; 37 — селище у биостанции МГУ; 38 — курганы у биостанции МГУ; 39, 40 — селища у с. Луцино; 41 — селище в д. Ягунино; 42, 43 — селища у с. Саввинская Слобода; 44 — курган у с. Саввинская Слобода (у устья р. Разводни); 45 — курганы у с. Саввинская Слобода (Саввино-Сторожевский монастырь 1); 46, 47, 48 — курганы у с. Коралово (Коралловские); 49 — селище у д. Ивашково (Богородицкое); 50 — курганы у с. Ершово; 51 — селище у д. Дютьково; 52 — селище у подсобн. хоз-ва сан. Министерства обороны (Дубацино); 53 — курганы у скита прп. Саввы (Саввино-Сторожевский монастырь 2); 54 — селище у скита прп. Саввы; 55 — Саввино-Сторожевский монастырь; 56 — поселение на городище РЖВ у д/о «Связист»; 57 — курганы у сан. «Подмосковье»; 58 — Звенигородское городище Городок; 58а — Супонев посад; 58б — поселение на Нижнем посаде; 59 — поселение на Верхнем посаде; 60, 61, 62, 63 — курганы у д. Шихово; 64 — курганы у пос. Новошихово; 65 — курганы у д. Мартыяново; 66 — селище у д. Ястребки (Носов погост); 67 — селище у д. Мартыяново; 68 — курганы у д. Белозерово; 69 — селище у с. Покровское (Покровский погост); 70, 71 — курганы у п/л «Орленок»; 72 — селище в урочище Колтарово; 73 — курганы в уроч. Колтарово; 74 — курганы у д. Клопово; 75 — курган у д. Клопово (в верховьях Ракитового оврага); 76 — селище у д. Клопово; 77 — курган у д. Кобяково; 78 — курганы у д. Тимохово; 79, 80 — курганы у д. Часцы; 81 — курганы у с. Введенское; 82, 83, 87 — селища у санат. «Поречье»; 84, 85, 86 — курганы у санат. «Поречье»; 88, 90 — курганы у д. Дунино; 89 — селище у д. Дунино; 91 — селище в с. Иславское; 92 — курганы у с. Иславское; 93 — курганы в уроч. Мозжинка; 94 — селище в уроч. Мозжинка; 95 — селище в с. Козино; 96 — курганы у д. Грязь; 97 — курганы у с. Аксиныно; 98, 99 — курганы в пос. Николина Гора; 100 — курганы у с. Уборы; 101 — курганы у с. Успенское; 102 — селище в с. Успенское; 103 — поселение на городище РЖВ у с. Успенское; 104 — селище у с. Успенское; 105, 106, 107, 108, 109 — курганы у пос. Горки-Х; 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123 — курганы у д. Горышкино; 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130 — селища у д. Горышкино; 131 — селище у с. Назарьево; 132 — курганы у д. Ямщина; 133, 134, 135 — селища у д. Ямщина; 136 — курган у д. М. Вязёмы; 137 — курган у д. Хлюпино; 138 — курган у д. Захарово; 139 — селище на терр. усадьбы Вязёмы; 140 — селище у с. Б. Вязёмы (у устья р. Шараповки); 141 — селище у пос. Голицыно (р. Бутынка); 142 — селище в с. Сидоровское; 143 — селище у с. Введенское (у устья р. Халявы); 144 — селище 1 у д. Чигасово (Введенский погост); 145 — селище 2 у д. Чигасово (Сатарово); 146 — селище у мкр. Игнатьево (г. Звенигород); 147 — селище у д. Тимохово; 148, 149, 150 — селища у д. Брёхово; 151 — селище у д. Часцы (у верховьев р. Бутынки); 152 — селище у д. Петелино; 153, 154, 155 — селища у д. Раёво; 156 — селище на терр. усадьбы Захарово; 157 — курганы у д. Марьино; 158, 159, 160, 161 — селища у д. Скоротово; 162, 163, 164 — курганы у д. Чигасово; 165 — селище у г. Краснознаменска

**Погребальные памятники домонгольского времени в окрестностях Звенигорода.
Курганные могильники и одиночные курганы (всего 990 насыпей)**

№ памятника на карте	Название	Топографическая привязка	Количество насыпей	Примечания
1	Григорово 1	р. Москва	3	
3	Васильевское	р. Москва	6	застроен
6	Григорово 2	р. Москва	10	
8	Агафоново	р. Москва	1	не сохранился
10	Колюбакино	р. Поноша	3	
13	Хотяжи (Мышкино)	р. Москва	около 100	спланирован
14	Никифоровское	р. Москва	1	
15	Никифоровское	р. Москва	32	
16	Власово	р. Москва	10	
20	Михайловское 1	р. Москва	3	
21	Михайловское 2	р. Москва	3	
22	Бушарино	р. Сетунь	22	
24	Шарапово	р. Сетунь	1	
25	Никольское	р. Сетунь	6	
26	Волково 1	р. Москва	38	раскопан А. В. Арциховским
27	Волково 2 (Копки)	р. Москва	11	- // -
28	Волково 3	р. Москва	12	
29	Аниково	р. Москва	20	
35	Анашкино	р. Дубешня	1	
38	у биостанции МГУ	р. Москва	10	раскопан А. В. Арциховским
44	у устья р. Разводни	р. Москва	1	распахан
45	Савв.-Сторожевский монастырь 1	р. Разводня	25	
46	Кораллово 1	р. Разводня	20	
47	Кораллово 2	р. Разводня	12	
48	Кораллово 3	р. Разводня	8	
50	Ершово	р. Разводня	2	распахан
53	Савв.-Сторожевский м-рь 2 (у скита)	р. Разводня	13	
56	у санатория «Подмосковье»	руч. Жерновка	15	спланирован
60	Шихово	р. Островня	3	

61	Шихово	р. Островня	3	
62	Шихово	р. Островня	8	
63	Шихово	р. Островня	1	спланирован
64	Новошихово	р. Островня	10	
65	Мартьяново	р. Островня	23	
68	Белозерово	р. Островня	6	
70	у п/л. «Орленок» 1	р. Москва	6	спланирован
71	у п/л. «Орленок» 2	р. Москва	2	
73	в уроч. Колтарово	р. Москва	2	
74	Клопово	р. Нахавня	11	
75	Клопово	водораздел	1	
77	Кобяково	р. Нахавня	1	
78	Тимохово	р. Нахавня	5	
79	Часцы 1	р. Нахавня	?	
80	Часцы 2	р. Нахавня	?	
81	Введенское	р. Халява	13	
84	у сан. «Поречье» 1	р. Москва	66	
85	у сан. «Поречье» 2	р. Москва	23	
86	у сан. «Поречье» 3	р. Москва	22	
88	Дунино 2	р. Москва	10	в частном владении
90	Дунино 1	р. Москва	50	
92	Иславское	р. Москва	2	
93	в уроч. Мозжинка	р. Москва	3	
96	Грязь	р. Москва	16	
97	Аксиньино	р. Москва	9	
98	Николина Гора 1	р. Москва	20	
99	Николина Гора 2	р. Москва	9	
100	Уборы	р. Москва	3	
101	Успенское	р. Москва	24	распахан
105	Горки-Х 1	р. Вязёмка	5	
106	Горки-Х 2	р. Вязёмка	27	
107	Горки-Х 3	р. Вязёмка	4	
108	Горки-Х 4	р. Вязёмка	14	
109	Горки-Х	р. Вязёмка	1	
110	Горышкино 1	р. Вязёмка	30	

111	Горышкино 2	р. Вязёмка	3	
112	Горышкино 3	р. Вязёмка	19	
113	Горышкино 4	р. Вязёмка	27	
114	Горышкино 5	р. Вязёмка	6	
115	Горышкино 6	р. Вязёмка	3	
116	Горышкино 7	р. Вязёмка	27	
117	Горышкино 8	р. Вязёмка	23	
118	Горышкино 9	р. Вязёмка	2	раскопан Ю. А. Красновым
119	Горышкино 10	р. Вязёмка	3	
120	Горышкино 11	р. Вязёмка	7	
121	Горышкино 12	р. Вязёмка	4	
122	Горышкино 13	р. Вязёмка	3	
123	Горышкино 14	р. Вязёмка	16	
132	Ямщина	р. Бол. Вязёмка	8	
136	Малые Вязёмы	р. Мал. Вязёмка	1	распахан
137	Хлюпино	р. Захаровка	1	спланирован
138	Захарово	р. Захаровка	1	распахан
157	Марьино	р. Халява	3	
162	Чигасово 1	р. Халява	8	
163	Чигасово 2	р. Халява	2	
164	Чигасово	р. Халява	1	

Сурожский и Горетов станы Московского уезда в XII–XVI веках

Проблема, решению которой посвящена статья — преемственность между памятниками археологии домонгольского (XI–XIII вв.) и раннемосковского (XIV–XV вв.) периодов на примере территории, расположенной в верховьях р. Малая Истра и ее притоков, обследованной автором в 1993–1994 гг. Эта территория, в основном, входила в Сурожский стан Московского уезда и в своей западной части — в бассейне р. Песочной — в Горетов стан того же уезда (в границах конца XVI в.).

Источники

Археологические

Основная масса памятников археологии XI–XIII вв. (курганы и селища) была выявлена и исследована на этой территории в 1920-х гг. М. В. Городцовым, А. П. Смирновым, Е. А. Байбурт, Л. А. Евтюховой, К. Я. Виноградовым и в 1970–1980-х гг. Р. Л. Розенфельдом (*Городцов, Смирнов, 1924; Байбурт, 1924; Евтюхова, Дмитриевская, 1924; Виноградов, 1926; Розенфельдт, 1974; 1979; 1980; 1981*). Последние два исследователя произвели раскопки комплекса памятников в районе Мансурово (Шейка), состоящего из 5 курганных могильников (в общей сложности 217 насыпей) и большого селища (3 га). Кроме этих исследований, раскопки курганов на интересующей нас территории производились также К. Я. Виноградовым в устье р. Малая Истра (могильник Сычевский) и А. А. Юшко в 1978 г. в д. Максимовка (*Виноградов, 1926. С. 39, 40; Юшко, 1978. Л. 9–11; АКР, 1995. С. 184. № 9*). Эти же исследователи произвели раскопки на городище Вельяминово («Ильинский погост»), имеющем слои раннего железного века, XI–XIII вв. и средневекового времени¹. А. А. Юшко также обследовала несколько средневековых селищ по берегам Истры и Малой Истры (*Виноградов, 1925. С. 13–15, 40–43; Юшко, 1978. Л. 6; АКР. Вып. 2. С. 51–52. № 865*). Автором

настоящей статьи произведены сборы керамики на пахоте и на огородах в 30 бывших и ныне существующих деревнях, уточнено местоположение 26 курганных могильников (*Янишевский, 1995. С. 126–137; АКР, 1997*).

Письменные

Самым старым среди письменных документов, в которых содержатся сведения о памятниках данной территории, является завещание Ивана Калиты, вторая редакция которого датируется большинством исследователей 1339 г. В этом документе, а также в духовной грамоте его сына Ивана Ивановича (ок. 1358 г.) (ДДГ, 1950. С. 7–11, 15–19) упоминается, прежде всего, сам Сурожский стан (в XV в. назван волостью) и село Луцинское (совр. Лучинское (?)) (в обоих документах упомянуты рядом). Важнейшим письменным источником, в котором перечислено большинство из обследованных населенных пунктов, являются писцовые книги. Для данной территории сохранился список с писцовой книги 1584–1586 гг. (ПКМГ, 1872. С. 96–136). Имеется также недавно опубликованный документ, датированный 1646 г. (со ссылками на царствование Ивана IV) об отказе в вотчину Василию Богдановичу Голохвастову земель в верховьях р. М. Истра. В этом документе также упомянуты населенные пункты, обследованные автором в 1993–1994 гг. (АСЗ, 1998. С. 448–440. № 513).

Картографические

По результатам полевых обследований памятники были нанесены на топографическую карту масштабом 1:50000, совмещенную с картой такого же масштаба для долины Москвы-реки. Населенные пункты, упомянутые в писцовых книгах сверялись с картой Московской губернии 1860 г. масштаба 1:84000. На их основа-

¹ По мнению архимандрита Леонида (Л. А. Кавелина), это городище являлось центром Сурожского стана (*Архимандрит Леонид, 1878. С. 469*).

нии были созданы карты рельефа с нанесенными курганами и селищами. Карта С. Б. Веселовского (см. далее) была масштабирована и совмещена, насколько это было возможным, с картой масштаба 1:50000. Недавно В. С. Кусов создал свой вариант карты Генерального межевания Московской губернии конца XVIII в., а также опубликовал описания к ней (Кусов, 2004). Картой Воскресенского уезда работы В. С. Кусова и описаниями я пользовался при работе.

Территория

Рассматриваемая территория охватывает целиком Сурожский стан в границах конца XVI в. (упомянут в виде волости еще в XV в.), когда оформились его границы — как и у прочих станов Московского уезда. Границы его можно установить лишь приблизительно, так как писцовые книги содержат названий сел и «тянувшие» к ним деревни и пустоши, указывая только площади населенных пунктов и пустошей. Карты землевладений и уездов были созданы только при Генеральном межевании в конце XVIII в. Границы стана реконструированы в 1930-е годы С. Б. Веселовским и В. Н. Перцовым (рис. 1) по Писцовой книге 1584–1586 гг., но изданы недавно (Веселовский, Перцов, 1993. С. 16–17). Территория стана включает весь бассейн р. Малой Истры (Истрицы, правый приток р. Истры, левого притока р. Москва), включая все левобережье р. Молодильни от верховьев до ее впадения в Малую Истру; правобережье р. Маглуши (Мологоши¹), от верховьев до д. Глебово-Избищи, далее вниз — территория по обоим берегам; участок по берегам самой Малой Истры от верховьев до устья (за исключением небольшого участка в самом верховье у селца Юркино²); часть среднего течения р. Истры от д. Никулино (Микулино) до д. Ламаново по обоим берегам реки; нижнее течение левого притока р. Истры р. Песочной (Песочни) и часть левобережья ее левого притока — р. Дарьи (Даренки). Обследованию подвергалась также территория смежного с Сурожским Горетова стана — оставшаяся часть течения р. Песочной и ее притоки, правобережье р. Дарьи, а также обследованное ранее А. А. Юшко левобережное течение р. Истры в пределах Горетова стана от д. Горки до с. Никулино (Микулино).

Ландшафт

В ландшафтном отношении данная территория делится на две части: западную и восточную.

Западная часть территории принадлежит, в основном к Высоковскому ландшафту, представленному здесь местностями моренных равнин с абсолютными высотами 190–210 м (максимальный перепад высот от уровня рек до вершин холмов 165–220 м). В этом типе ландшафта преобладают гряды, высотой до 20 м с седловинами и межгрядовыми понижениями. Первые сложены покровными суглинками, подстилаемыми мореной. Почвы — дерново-средне- и дерново-сильноподзолистые. Ранее эти урочища были заняты широколиственно-хвойными лесами. Межгрядовые понижения сложены покровными и делювиальными суглинками, подстилаемыми песками, суглинками и мореной. Они образовались как ложбины стока талых ледниковых вод. Почвы дерново-подзолистые глееватые, в понижениях — глеевые, иногда болотные торфяные низинные. Эти урочища распаханы или заняты мелколиственными лесами (Анненская, Жучкова, Калинина и др., 1997. С. 105–106).

Восточная часть принадлежит к Истринскому ландшафту, располагающемуся в верховьях р. Истры, вниз по течению, доходящему практически до границ Сурожского стана, занимает все течение р. Молодильни и нижнее течение р. М. Истры, нижнее течение р. Песочной и ее притоков. Этот ландшафт представляет собой местности моренных водно-ледниковых равнин, располагающихся на высотах 170–200 м (максимальный перепад высот от уровня рек до вершин холмов — 150–205 м). Поверхность сложена покровными суглинками, которые подстилаются моренами. Почвы по наиболее возвышенным местам дерново-среднеподзолистые и дерново-сильноподзолисто-глееватые, а в остальной части дерново-подзолисто-глеевые. На них встречаются еловые, елово-широколиственные и мелколиственные леса (Анненская, Жучкова, Калинина и др., 1997. С. 115).

Первый этап: X — первая половина XIII в. В этот период в бассейн р. Москва, к которому относится и бассейн р. Истра, проникает славянское население. Славянское расселение в Московчье, особенно западном и южном, происходило в два этапа. Первый этап относится по видимому к концу X–XI в. Большинство памятников этого периода найдено на р. Пахре (в районе ее устья и в районе г. Подольска — *Гоняный*,

¹ Топонимы с современных карт даны без скобок, старые топонимы — в скобках.

² Само селцо было расположено в Звенигородском уезде, его церковь и погост — в Сурожском стане Московского уезда.

1999; Шполянский, 1999). Керамика этого времени найдена и на территории Москвы (Данилов монастырь — Беляев, 1994). На западе Москворецкого бассейна также найдено несколько памятников первого этапа славянского заселения: Жуковское селище и два памятника в районе г. Звенигорода (Хотяжи 1 и 2). На территории последних найдены арабские дирхемы (один 914–943 гг., второй не определен) и западноевропейская монета-денарий 1059–1071 гг., металлические украшения (в том числе височные кольца деснинского типа) и керамика, также датирующиеся X–XI вв. (Алексеев, 2004, С. 189). В бассейне р. Истры в интересующем нас районе при раскопках курганного могильника Мансурово 2 (Шейка 1) на р. Малая Истра найдены денарии XI в. (Равдина, 1988, С. 128).

Какие же пути проникновения в Москворецкий регион использовали первые славянские поселенцы? При раскопках А. В. Арциховским курганного могильника Красный стан 2 под Можайском была найдена лепная керамика, которую обычно относят ко времени до XII в. Таким образом, прослеживается западный путь: Можайск — Хотяжи — с верховьев Москвы-реки, отстоящих всего на 5 км от рек Днепровского бассейна. Тем более что на памятниках комплекса Хотяжи, кроме нескольких вещей явно скандинавского происхождения (присутствие скандинавов в бассейне Днепра общеизвестно), найдено и несколько изделий, распространенных преимущественно в бассейне Днепра (Алексеев, 2004, С. 189).

Второй — северо-западный путь. Находка при раскопках могильника Мансурово 2 (Шейка 1) денариев XI в. показывает, что могло быть сообщение с реками Волжского бассейна, где находки денариев нередки (АКР, 1993. № 116, 77, 586, 604, 661, 701, 772, 199). Денарий XI в. на северо-западе Московской области найден также в Шаховском районе на притоке р. Шоша (правый приток Волги) (Равдина, 1988, С. 53). Притоки р. Шоша (Волжский бассейн) подходят близко к р. Руза (левый приток р. Москва). В верховьях р. Рузы раскопаны курганные могильники, где найдены вещи, датированные XI в. (АКР, 1995. № 1323, 1324. С. 191, № 54). Приток р. Рузы — р. Озерна вытекает из Тростенского озера, от которого всего 5 км до д. Мансурово и курганного могильника Шейка. Этот путь был освоен еще в раннем железном веке, что маркируется городищами того времени, одно из которых расположено недалеко от д. Мансурово (АКР, 1995. № 878).

Третий путь — южный: с Оки, откуда вверх по р. Лопасне можно перейти на р. Моча (правый приток Пахры). Также по более крупной р. Наре можно подняться и непосредственно к верховьям Пахры, на берегах которой и находится большинство известных памятников X–XI вв. Впрочем, верховья р. Нары подходят непосредственно к руслу р. Москвы недалеко от комплекса памятников Хотяжи (АКР, 1994; 1995; Шполянский, 2004, С. 157). В самых верховьях р. Нары, на водоразделе с р. Москвой, у с. Крымского, располагался курганный могильник, насчитывавший 100 насыпей. Таким образом, в X–XI вв. славянское население проникало в бассейн р. Москвы как минимум тремя путями, один из которых проходил по долине р. Малая Истра.

Второй этап: XII–XIII вв. В этот период по уже разведанным путям в Москворецкий бассейн продолжало проникать славянское население. Однако с первым этапом есть несколько различий. Прежде всего, по количеству памятников. Если выявленные памятники первого этапа исчисляются единицами, то на втором этапе количество памятников насчитывает сотни. В это время в массовом порядке насыпаются курганы, которые маркируют поселения, поэтому мы можем с полной уверенностью говорить о количестве памятников. По руслу Москвы-реки курганные могильники располагаются в среднем через каждые 2 км. К западу от Москвы и на ее территории, в условиях расчлененных оврагами Кунцевского ландшафта и южного склона Теплостанской возвышенности, курганы и связанные с ними селища располагаются не только по руслу Москвы-реки, но и на ее мелких притоках (Кренке, 2004. Цв. илл. 4). Такой большой прирост населения в долине Москвы-реки произошел в первой половине XII в., во-первых, потому, что в это время большое количество людей ушло со своих мест проживания, спасаясь от давления усиливающегося древнерусского государства. Во-вторых, плотность населения в Подмоскovie была низкой, и славяне имели возможность мирным путем занять нишу, где жили и балты, и финны, и пришедшие за 100–50 лет до этого славяне первой волны. Эта территория находилась на пограничье трех княжеств и, по-видимому, ни одному из них в тот момент не подчинялась. В пользу этого говорит и то, что до XII в. на берегах Москвы-реки не было ни одного славянского городища¹. И только после того, как в начале XII в. сюда пришла вто-

¹ По мнению А. А. Юшко (1991), использование городищ дьяковской культуры в древнерусское время говорит о раннем возникновении городов в Москворецком бассейне (с XI в.). Однако ни одно из городищ, где проводились раскопки, не имеет укреплений древнерусского времени, и, кроме того, ни на одном из них не найдена керамика XI в.

рая волна переселенцев, владими́ро-суздальский князь Юрий Владимирович построил здесь первый город (Москву) в самом густонаселенном районе Москворечья.

Надо отметить, что памятникам XII–XIII вв. «повезло» — обычно они представлены парами «могильник-селище», в которой могильник является курганным, то есть хорошо видным. Поэтому курганные могильники занимают первое место по численности среди известных памятников археологии Московской области. Сведения о многих ныне разрушенных курганах сохранились в документах. Кроме того, чаще всего курганы располагаются на бровках коренного берега, то есть подвергаются разрушению в меньшей степени, чем в пойме.

Курганы по течению рек Москворецкого бассейна расположены неравномерно. В низовьях и в верховьях самой Москвы-реки мало курганных могильников или они практически отсутствуют. Это связано (кроме первых 40 км от истока реки) с значительным хозяйственным освоением (курганы распаханы). Выявленные селища на берегах Можайского водохранилища показывают, что плотность памятников там такая же, как и в среднем течении. Также пока не выявлено памятников выше селища Мышкино 2 в Можайском районе, а ведь до места, где удобнее всего совершать переход в Днепровский бассейн, остается еще не менее 30 км по течению реки (Янишевский, 2003. С. 593–594), но долины наиболее крупных притоков р. Москвы (Истры, Пахры, Северки) в XII–XIII вв. были заселены довольно равномерно. Не потому ли, что они являлись не транзитными дорогами, а конечной целью переселения?

Обратимся теперь собственно к территории позднейшего Сурожского стана. В этом стане протекают реки Истра, Малая Истра, Молодильня и Маглуша. На Истре, как было сказано, курганы располагаются равномерно вплоть до самых верховий, которые почти смыкаются с верховьями р. Сестры (Волжский бассейн). На р. Молодильне вообще нет курганов и селищ XI–XIII вв. Хотя именно по ней мог бы проходить путь в район Волока Ламского из бассейна Истры. На реке Маглуше в среднем течении есть два сохранившихся курганных могильника и одна деревня с красноречивым названием Кучи Могилицы. Однако верховья этой речки смыкаются с речками того же бассейна Истры. На р. Малая Истра, в среднем и нижнем течении, имеются курганы, в том числе и Мансуровский комплекс памятников, но верховья этой реки, выходящие

на водораздел с левыми притоками р. Москвы, свободны от курганов.

Малая Истра могла бы не привлекать к себе внимания, но в ее долине располагается один из самых больших в Подмоскovie курганных комплексов, причем в трех погребениях найдены монеты XI в. Чем же привлекла наших предков долина именно этой реки? Возможно, величина комплекса могильников у Мансурово объясняется тем, что здесь сошлись два потока переселенцев — с Волги (с севера и северо-запада) и с Оки (с юга), через р. Москву. Южное население принесло с собой найденные при раскопках могильника Мансурово 2 (Шейка 1) семилучевые височные кольца. Люди, пришедшие с Волги оставили в могилах браслетообразные S-конечные и завязанные височные кольца. Не случайно, что на водоразделе р. Молодильни (Москворецкой) и р. Малой Истры располагается селище древнерусского времени Андреевское¹ (АКР, 1994. С. 136, № 304), а практически в устье Малой Истры — с. Луцинское (Лучинское), упомянутые среди немногих сел в духовной грамоте Ивана Калиты. Оба этих села замыкают течение Малой Истры сверху и снизу. Логично было бы предположить, что по течению этой реки есть еще памятники древнерусского времени.

Селища с керамикой XII — начала XV в. Одно селище было известно ранее — селище Шейка при одноименном курганном комплексе. Остальные памятники были найдены на территории ныне существующих населенных пунктов при сборе керамики на распаханных огородах, не далее 50 м от домов. Понятно, что на всех деревенских огородах сборы произвести нельзя, но даже обследованные огороды на р. Малая Истра дали керамику XII — начала XV в. в шести из 15 обследованных пунктов (еще один пункт располагается в 5 км к северу от Малой Истры, на р. Маглуше). Я пока объединяю керамику XII — первой половины XIII в. и керамику второй половины XIII — начала XV в. потому, что визуально разделить сильно фрагментированную керамику сходных по тесту типов не всегда возможно².

Однако, курганная керамика XII — первой половины XIII в., найденная на селище, соотносимом с расположенным рядом курганным могильником, свидетельствует о том, что селище возникло в «курганное» время. Селищ, связанных с курганами достоверно известно два — Шейка (селище Мансурово) и Хволово. Рядом с остальными селищами курганов нет. Скорее все-

¹ Расположено за пределами Московского уезда и рассматриваемой территории Сурожского стана.

² Благодарю О. Н. Глазунову за помощь в определении керамики.

го, они возникли уже после исчезновения курганного обряда. И действительно, керамический материал с пяти селищ (Юркино, Ново-Дарьино, Дедешино, Воскресенское, Дубровское) относится к послекурганному времени (серая и красная грубая керамика). На селище Александрово найдено всего 2 фрагмента керамики курганного типа, причем от одного сосуда, что может говорить о том, что на территории селища располагался курган.

Есть и другие косвенные признаки, указывающие на время возникновения селищ — ландшафтная приуроченность. Из восьми селищ, где найдена керамика XII–XIV вв., два расположены на первой террасе реки — Шейка и Юркино (высота 5 м над урезом воды). При первом селище есть курганные могильники¹, при втором — нет. Другое селище расположено на второй террасе, на высоте 10–15 м над рекой Маглушей (Дедешино). Три селища расположены на высоте 15–20 м над рекой, также в краевой части второй надпойменной террасы (Хволово, Новодарьино, Воскресенское). При первом из них есть один курган, при двух других — нет. И два селища (Александрово и Дубровское) расположены на третьей террасе и водораздельной возвышенности, соответственно, на высоте 40–60 м над рекой. Приведенные данные сведены в таблице 1.

Напомню — это условия Высоковского ландшафта (см. выше). По исследованиям С. З. Чернова в Сергиев-Посадском районе, также находящемся на склоне Клинско-Дмитровской гряды, повышение высоты расположения и основание

селищ на водоразделах свидетельствует о времени их возникновения в конце рассматриваемого периода — во второй половине XIII–XIV в. (Чернов, 1991. С. 117–118).

Как видно из таблицы 1, селища, имеющие рядом курганный могильник, расположены близко к воде. Селища же, где курганы не известны, находятся от воды дальше. Кроме того, прослеживается тенденция к расположению селищ выше по рельефу, что, в принципе, не противоречит выводам С. З. Чернова.

Важно проанализировать, какие еще типы керамики существуют на селищах — продолжается ли жизнь на них в XV и XVI вв., или селища забрасываются на какое-то время. Для этого приходится пользоваться московской шкалой керамики (Чернов, 1991б. С. 20–32). Выясняется, что в тех деревнях, где была найдена керамика XII — начала XV в., керамика XV–XVI вв. (красная гладкая и белая грубая) найдена всего в трех случаях. Кроме того, она найдена в двух населенных пунктах, где более ранняя керамика не отмечена — д. Фроловская (погост Флора и Лавра — красная гладкая и белая грубая керамика) и д. Петрово (белая грубая керамика). Однако, в писцовых книгах XVI в. упомянуто значительно больше населенных пунктов — почти все ныне существующие населенные пункты по берегам Малой Истры (кроме Шейки и Ново-Дарьино). Возможно, что те деревни, где керамика второй половины XV–XVI в. не найдена, могли быть заброшены вплоть до конца XVI в., когда они описаны в писцовой книге. Деревня Ново-Дарьино

Таблица 1. Селища с курганной, серой и переходной к красной грубой керамикой XII — начала XV в.

Название селища	Наличие курганного могильника	Высота над рекой (м)			Расстояние от реки (м)
		5	10–25	30 и более	
Шейка	+	+			50
Юркино		+			100–150
Хволово	+		+		50
Ново-Дарьино			+		150–200
Дедешино			+		100–150
Воскресенское			+		100–150
Александрово				+	300
Дубровское				+	1300

¹ Размеры селища — около 25 000 кв. м, а также отсутствие других селищ рядом с тремя большими курганными группами у д. Мансурово, указывают, что все захороненные в этих курганах жили на одном селище Шейка.

Таблица 2

Название селища	Наличие керамики XII — нач. XV в.	Упоминани в письменных источниках XVI в.	Наличие керамики сер. XV–XVI в.
Шейка	+		
Александрово	+	+	
Юркино	+	+	+
Воскресенское	+	+	
Дубровское	+	+	
Ново-Дарьино	+		+
Хволово	+		
Дедешино	+	+	
Фроловское		+	+
Петрово		+	+

(или поселение на ее месте), по-видимому, существовала с XIV в. до начала XVI в. (найдена красная гладкая керамика). Но в писцовой книге д. Ново-Дарьино не отмечена. Само название с приставкой «ново-» говорит о том, что она возникла довольно поздно (найлены материалы XVII–XVIII вв. — чернolощенная керамика).

Малое количество населенных пунктов, где была собрана керамика второй половины XV–XVI в. может говорить либо о том, что сборы керамики неполны, либо некоторые деревни позже были перемещены на новое место, где ныне и располагаются, т. к. керамика XVII–XIX вв. присутствует в материалах сборов на их огородах (см. табл. 2).

Из проведенных исследований видно, что населенные пункты в долине Малой Истры зачастую существуют со времени исчезновения курганного обряда (вторая половина XIII в.) вплоть до середины XV в. Однако позже они переносились на некоторое расстояние, где и были отмечены писцовыми материалами XVI в. Часть деревень и сел сохранила свое местоположение с XIII–XIV вв. вплоть до наших дней.

В сельских населенных пунктах, расположенных в восточной части Сурожского стана и на пограничных территориях Горетова стана (на правом притоке р. Истры — р. Песочной и ее притокам — Дарье (средневековой Даренке) и Колоколенке (Колокольне) также были проведены сборы керамики. Эти селища расположены в условиях Истринского ландшафта (см. выше). Керамика XII — начала XV в. найдена в четырех пунктах: Максимовка на ручье, притоке р. Ист-

ры, бывшая д. Куртасово и д. Сокольниково на р. Колоколенке и д. Рычково на р. Песочне (табл. 3). Керамика второй половины XV–XVI в. найдена тоже только в этих пунктах. Все эти селища упомянуты в писцовой книге 1586 г.

Таблица 3

Название селища	Расстояние от реки (м)	Высота над рекой (м)
Максимовка	200	15–20
Куртасово	200	12–15
Сокольниково	200	15–20
Рычково	300	15–18

Все селища расположены на маленьких речках. Как видно из таблицы 3, все эти памятники расположены в одинаковых условиях — как по высоте, так и по расстоянию от реки. Селища при курганах и с курганной керамикой оказываются не заселенными в послекурганное время (вторая половина XIII–XIV в.). Вместо них появляются селища в условиях, отображенных в таблице 3. Селища, возникшие не ранее второй половины XIII в. (при них нет курганов) и позже (в конце XIV — начале XV в., судя по керамическому материалу), расположены довольно высоко над рекой. Условия их расположения, в том числе и расстояние от реки, весьма сходны с условиями расположения одновременных селищ на Малой Истре. Причем все перечисленные селища, доживают на своих местах до XX в.

Проведенные исследования в двух различных ландшафтах, расположенных в Сурожском стане XVI–XVII вв., привели к одинаковым выводам:

1) ландшафтная приуроченность расположения селищ XIII — начала XV в. отлична от ландшафтной приуроченности селищ XII — первой половины XIII в. в сторону повышения высоты расположения и увеличения расстояния от реки;

2) несмотря на весьма неполные данные сборов керамики, можно сделать вывод, что сущест-

вует значительная группа селищ, заселенных как в XIII–XIV, так и в XV–XVI вв. и даже до наших дней, хотя некоторая часть таких селищ могла иметь перерывы в своем существовании;

3) наблюдения, сделанные в условиях ландшафтов, расположенных на склоне Клиньско-Дмитровской гряды, совпадают с наблюдениями С. З. Чернова, сделанными в других ландшафтах, также расположенных на склонах Клиньско-Дмитровской гряды (Чернов, 1991а).

Литература

- АКР, 1993. Тверская область. Ч. 1. М.
- АКР, 1995. Вып. 2. Московская область. Истринский р-н. М.
- АКР, 1997. Вып. 4. Дополнения. Московская область. Истринский р-н. М.
- Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // Археология Подмосквья. М.
- Анненская Г. Н., Жучкова В. К., Калинина В. Р. и др., 1997. Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск.
- Архимандрит Леонид (Л. А. Кавелин), 1876. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. М.
- АСЗ. Т. 2. М., 1998.
- Байбурт Е. А., 1924. Археологическая разведка р. Маглуши, притока Малой Истры // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 177.
- Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.
- Веселовский С. Б., Перцов В. Н., 1993. Исторические карты Подмосквья // История сел и деревень Подмосквья. Вып. 4. М.
- Виноградов К. Я., 1925. Древнейшие следы культуры славян и финнов в Воскресенском у. Московской губ. // Археологические раскопки 1923 и 1924 гг. Государственного Новоиерусалимского художественно-исторического краевого музея. Воскресенск.
- Виноградов К. Я., 1926. Раскопки в бассейне р. Истры // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 111.
- Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосквье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Городцов М. В., Смирнов А. П., 1924. Археологическая разведка верховьев р. Истры и ее притоков // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 177.
- ДДГ. М., 1950.
- Евтюхова Л. А., Дмитриевская А. В., 1924. Археологическая карта р. Малой Истры и р. Молодильни с притоками по разведкам, произведенным летом 1924 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 177.
- Кренке Н. А., 2004. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.
- Кусов В. С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII веке. Москва. М.
- ПКМГ. СПб., 1872.
- Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1974. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской обл. в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5596.
- Розенфельдт Р. Л., 1979. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и II в Истринском р-не Московской обл. в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8035.
- Розенфельдт Р. Л., 1980. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и Шейка II в Истринском р-не Московской обл. и курганной группы у с. Никитское в Домодедовском р-не Московской обл. в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8319.
- Розенфельдт Р. Л., 1981. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и Шейка II в Истринском р-не Московской обл. в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10043.
- Чернов С. З., 1991а. Археологические данные о внутренней колонизации московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
- Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики XIII — сер. XV вв. // МК. М.
- Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Тр. ГИМ. Вып. 103. М.
- Шполянский С. В., 2004. Размещение курганов бассейна Пахры как источник по изучению процесса заселения региона в XII — середине XIII века // Археология Подмосквья. М.
- Юшко А. А., 1978. Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7991.
- Юшко А. А., 1991. Московская земля XI–XIV вв. М.
- Янишевский Б. Е., 1995. Материалы к археологической карте западной части Московской области (Истринский и Рузский районы) // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск.
- Янишевский Б. Е., 2001. Заселение Верхнемоскворецкого бассейна в XI–XIII вв. (на основе анализа археологических карт) // ТАС. Вып. 4. Т. 2. Тверь.
- Янишевский Б. Е., 2003. Археологические памятники верхнего Москворечья (Можайский район) по исследованиям 1996–2001 гг. // Макариевские чтения. Вып. 10. Можайск.

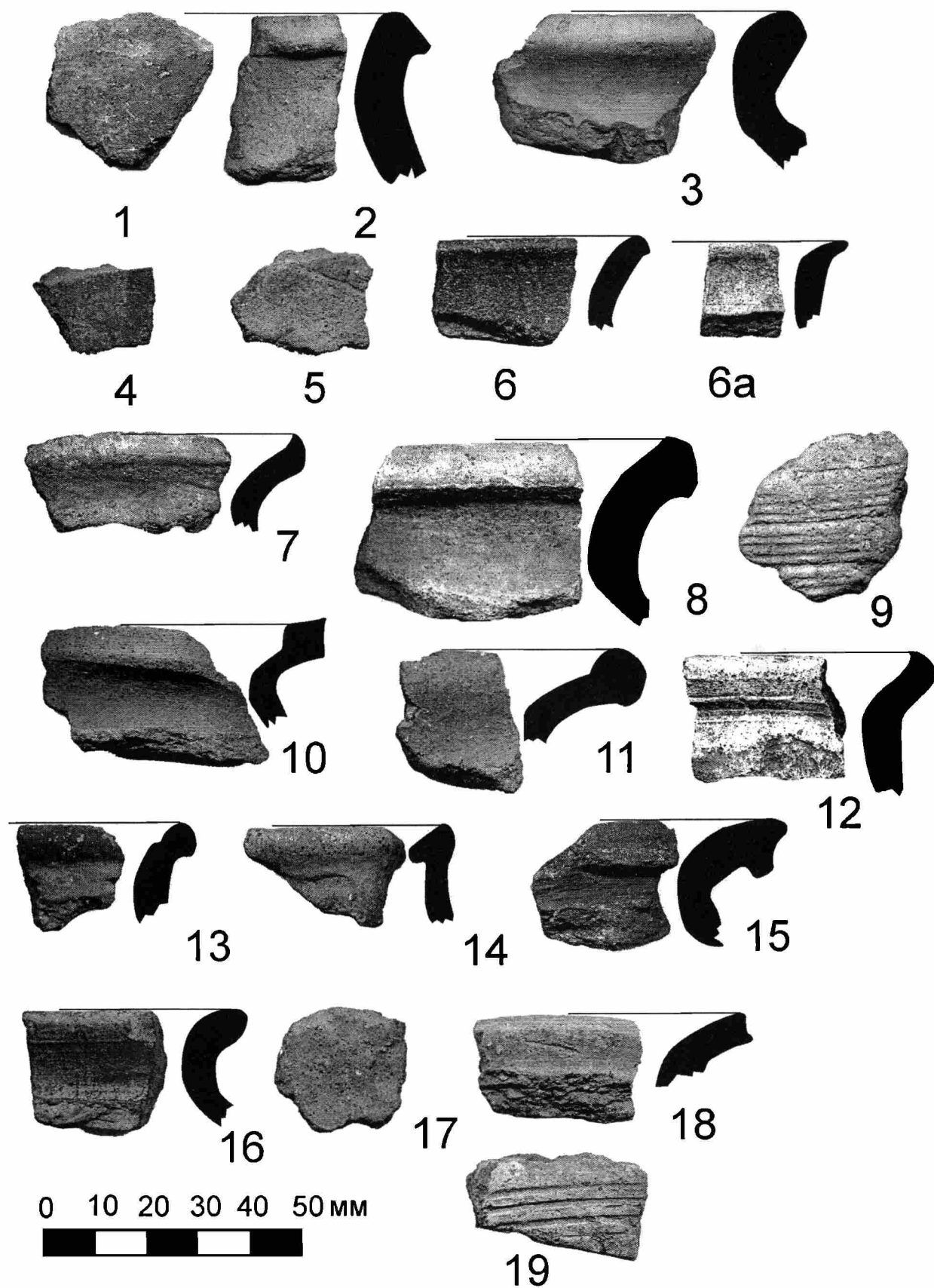

Рис. 1. Керамика XII — начала XV в. Высоковский ландшафт

1–3 — Дедешино; 4, 5 — Ново-Дарьино; 6, 6a — Воскресенское; 7–11 — Хволово;
12–14 — Юркино; 15 — Александрово; 16, 17 — Дубровское; 18, 19 — Шейка

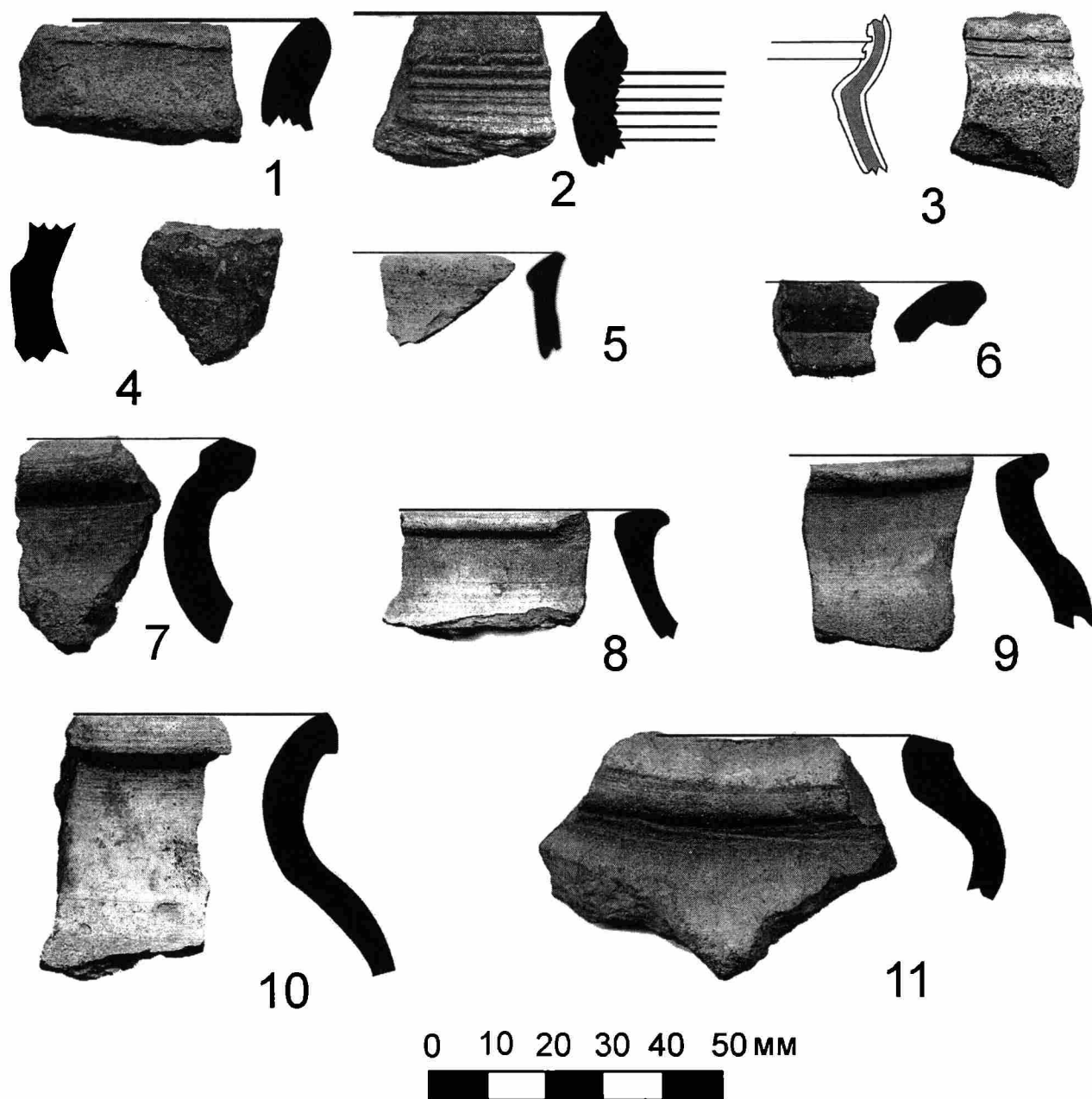

Рис. 2. Керамика XV–XVII вв. Высоковский ландшафт
1, 2 — Юркино; 3, 4 — Ново-Дарьино; 5, 6 — Петрово; 7–11 — Фроловское

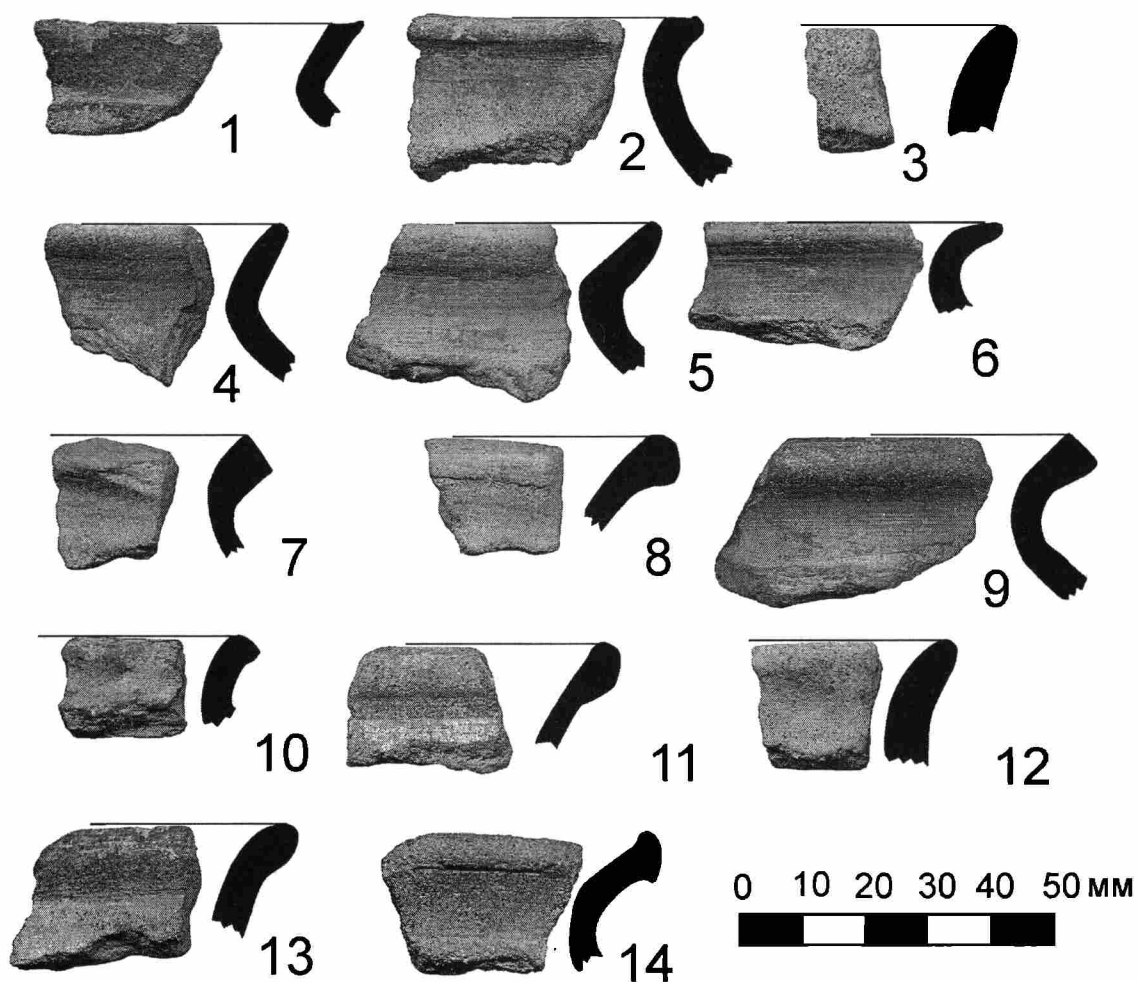

Рис. 3. Керамика XII — начала XV в. Истринский ландшафт

1–13 — Куртасово; 14 — Сокольниково

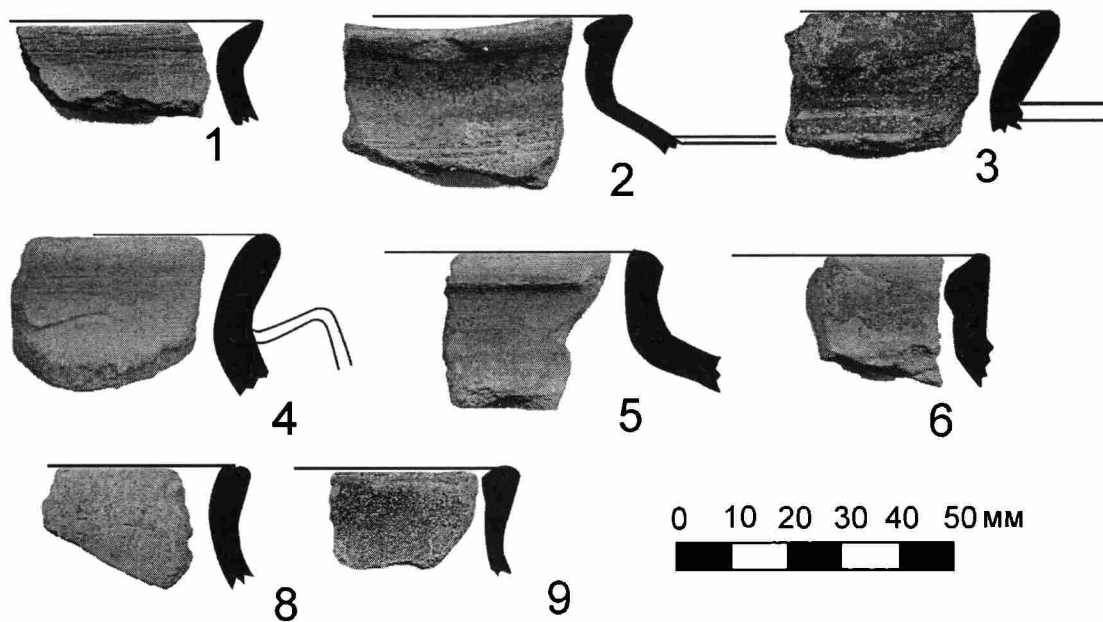

Рис. 4. Керамика второй половины XV–XVI в. Истринский ландшафт

1, 2 — Дарна; 3 — Холмы; 4 — Куртасово; 5–8 — Сокольниково

Новые находки на Успенском городище

Любителям отечественной истории и краеведов Успенское городище (рис. 1) было известно еще во второй половине XIX в. Архимандрит Леонид упоминает его под названием «ясли» при описании села Иславского и по древности ставит сразу же за Звенигородским Городком (Архимандрит Леонид, 1878. С. 132), но до конца 1920-х годов раскопки на территории памятника не производились.

Историю археологического изучения Успенского городища можно разделить на три этапа: первый — довоенный, второй — конец 1950 — начало 1960-х гг. и третий — с 1970-х годов до настоящего времени.

В 1920-х годах памятник обследовался К. Я. Виноградовым, а в 1929 г. небольшие раскопки на территории городища провел А. В. Чаянов. Следует заметить, что ученый-аграрий применил передовую методику исследования, включавшую инструментальную съемку памятника, зондаж

культурного слоя при помощи щупов-буров, разбивку раскопа на метровые квадраты и др. В шурфе, заложенном в северной части городища, была прослежена стратиграфия культурных напластований, дано описание каждого слоя и керамического материала (Чаянов, 1929. С. 2–13). Закончить свои исследования Александр Васильевич не успел, так в 1930 г. он был арестован и впоследствии расстрелян.

Следующий этап археологического изучения Успенского городища приходится на послевоенный период и связан с именами А. В. Успенской и Ю. А. Краснова. В 1954 г. сотрудница ГИМ А. В. Успенская заложила небольшой раскоп (25 кв. м) на центральной площадке городища. Верхние слои памятника оказались перекопаны могилами средневекового кладбища, но с отметки –1,2 м удалось выявить участки с ненарушенной стратиграфией (Успенская, 1957. С. 117–122). Материал, полученный в процессе раскопок, свиде-

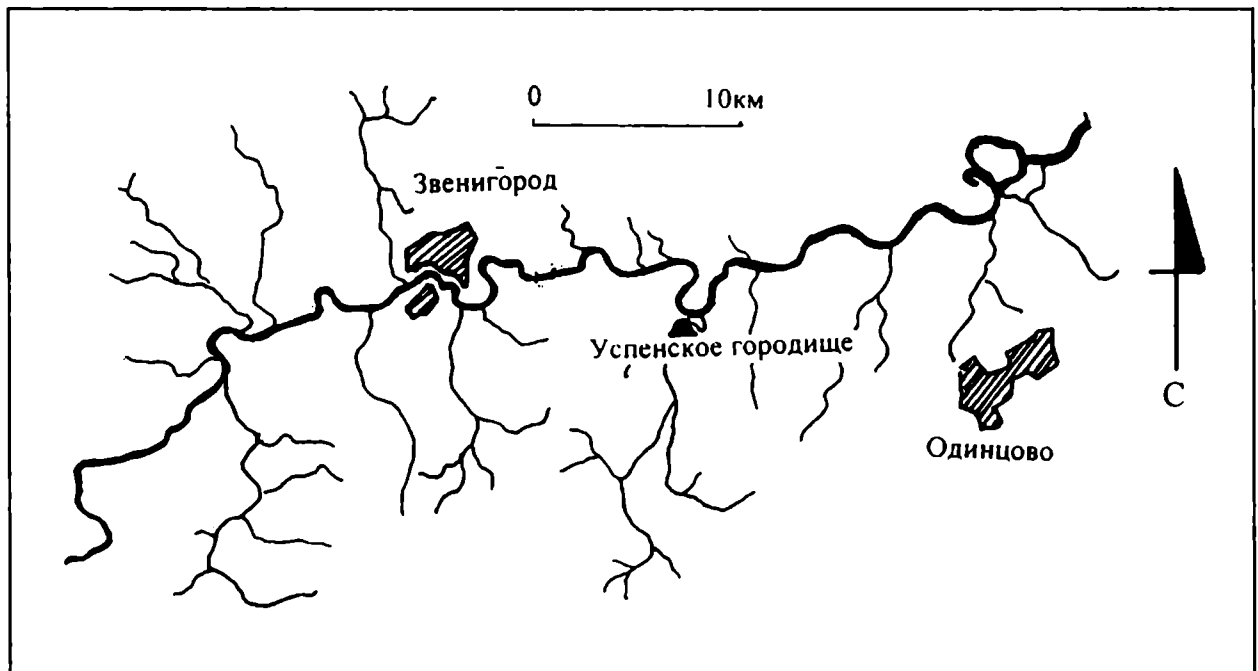

Рис. 1. Среднее течение р. Москвы на участке между Звенигородом и Одинцовым

тельство о заселенности территории городища в период с раннего железного века до позднего средневековья. Были обнаружены следы медно-литейного и железоделательного производств, а также собрана коллекция индивидуальных находок и керамики широкого хронологического диапазона. Среди находок особый интерес представляет бронзовый браслет с расширяющимися концами, изготовленный из круглой проволоки. Аналогии ему известны среди браслетов из Рязано-Оских могильников, которые датируются IV–V в. н. э. Такие же браслеты известны среди древностей Прибалтики, где они найдены в погребениях VI в. н. э. На дьяковских городищах такой браслет был встречен впервые (Успенская, 1957. С. 122). К эпохе бронзы относится каменный рабочий топор с обломанным лезвием, обнаруженный в переотложенном слое кладбища.

В 1959–1962 гг. городище исследовалось сотрудником Звенигородского музея Ю. А. Красновым. Им были заложены три раскопа общей площадью 96 кв. м и произведена зачистка края обрыва в западной части холма (рис. 2). В раскопах 1 и 2 были выявлены остатки 9 жилищ (из них 6 — в дьяковском слое), одно из которых оказалось мастерской литейщика XII в. У самой кромки обрыва карьера был исследован развал гончарного горна древнерусского времени. В процессе зачистки края обрыва были выявлены остатки оборонительных сооружений в виде валов высотой 0,8–1,5 м. Первый (внутренний) вал оказался насыпан на отложившемся культурном слое — возможно, в начальный период своего существования поселение не было укреплено.

Среди находок на Успенском городище широко представлены изделия из кости, железа, глины и камня. Это орудия труда, оружие и культовые предметы. Образцом мелкой пластики эпохи раннего железа является костяная фигурка хищной птицы, вырезанная с большим мастерством. Кроме того, в предматериковом слое были обнаружены каменные орудия мезолитического облика и кремневые отщепы (Краснов, 1964. С. 98–103).

Третий период изучения Успенского городища приходится на начало 1970-х — конец 1990-х годов. Он связан с интенсивным разрушением культурного слоя и, как следствие, активными сборами местных краеведов. Еще в середине 1930-х годов, когда прокладывалась новая шоссейная дорога Успенское — Горки X, на западной стороне холма начал разрабатываться песчаный карьер, что повлекло за собой осыпание культурного слоя с верхней площадки. В последующие годы песок из карьера использовался на различных строительных объектах округи, а культурный слой вывозился на огороды и бли-

жайшие дачные участки. В 1960-х годах часть культурного слоя с верхней площадки была сдвинута бульдозерами к юго-западному подножию холма. Осмотр этого места показал, что мощность оставшегося слоя не превышает 0,3–0,5 м, и только на склонах и у подошвы холма доходит до 1,5 м.

Вершина холма и часть памятника за пределами валов регулярно распахивались, в результате остатки оборонительных сооружений были полностью уничтожены, а культурный слой переотложен на глубину до 0,3 м. У подножия холма с западной и юго-западной сторон была устроена свалка строительного мусора, который периодически разравнивался бульдозерами. Под слоем мусора оказалась погребена часть культурного слоя с верхней площадки.

Во время весеннего половодья 1970 г. р. Вяземка промыла новое русло с северо-западной стороны холма, что вызвало разрушение склонов и осыпание культурного слоя. Со временем старица заболотилась и заросла кустарником. Значительные изменения внешнего вида памятника вызвал летний разлив р. Вяземки в 2001 г. Вода размывала юго-западный склон холма, в результате чего рядом с памятником образовался небольшой песчаный останец с остатками культурного слоя (Лазукин, 2003. С. 14).

Местными краеведами неоднократно проводились наблюдения и сборы археологического материала в период проведения земляных работ и разрушения памятника. С 1970 г. эту работу осуществлял краевед из с. Успенское С. Д. Валяев. Ему удалось собрать значительную коллекцию керамики раннего железного века и средневековья. Интересный эксперимент он провел после половодья 1970 г.: в северной части памятника, около подошвы холма, Сергей Дмитриевич осуществил промывку культурного слоя, осыпавшегося с верхней площадки. В результате проведенных работ была собрана коллекция мелких предметов и ювелирных украшений самого разного времени. Среди находок особый интерес вызывает уникальная бронзовая привеска в виде гребня с округлой спинкой (рис. 4, 1). Она выполнена в технике литья по восковой модели. По бокам имеются округлые ушки, к которым подвешено по одной трапецевидной подвеске. Общая высота украшения 34 мм, длина — 47 мм. Аналогии форме спинки гребня были выявлены Н. А. Кренке среди памятников Черняховской, Пшеворской, Вельбарской, Липецкой и Киевской культур, где они датируются первой половиной I тыс. н. э. («Славяне и их соседи...», 1993. С. 241, 259, 262, 288, 318). В то же время, среди находок на дьяковских поселениях такие гребни не известны.

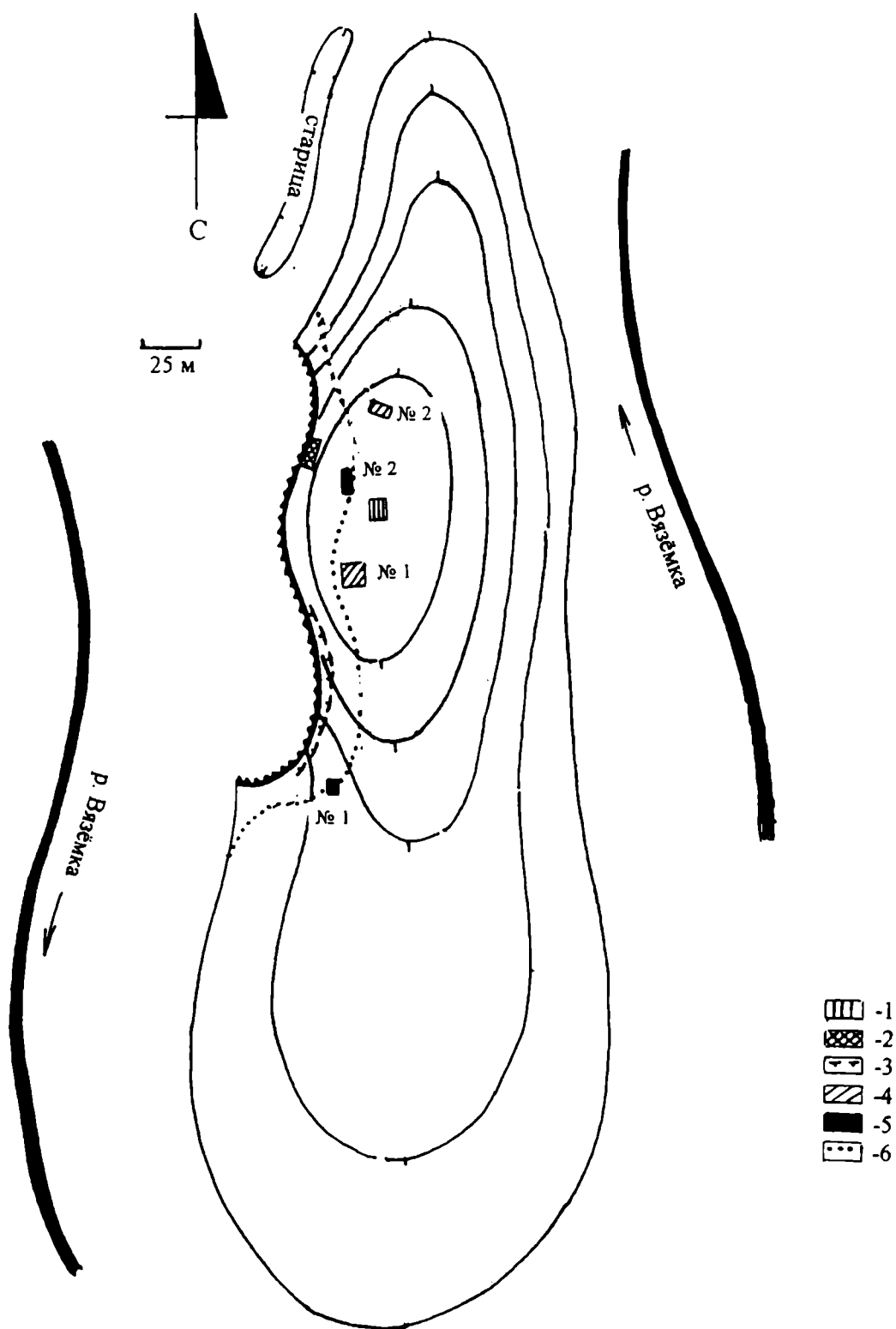

Рис. 2. План Успенского городища по Ю. А. Краснову
с исправлениями и дополнениями автора настоящей работы

1 — раскоп 1954 г. (25 кв. м); 2 — раскоп 1959 г. (10 кв. м); 3 — зачистка 1959 г.;
4 — раскоп 1961–62 гг. (86 кв. м); 5 — раскоп 1987 г. (17 кв. м); 6 — граница карьера к 1992 г.

Весной 1979 г. началась очередная разработка песчаного карьера. Песок использовался при строительстве котельной, расположенной в 0,3 км к северо-востоку от городища, рядом с Успенским шоссе. С западной стороны холма был устроен подъезд для автомашин и экскаватора, для чего строителям пришлось частично засыпать старицу 1970 г. Дорога была вымощена бетонными плитами. В результате масштабной выборки песка линия обрыва продвинулась в глубь памятника еще на 8–10 м. В юго-западной части памятника был заложен новый карьер, причем между старым и новым карьерами осталась значительная перемычка с остатками культурного слоя.

Археологическая коллекция, собранная в процессе наблюдений за этими работами, насчитывает несколько тысяч единиц. Прежде всего, это керамика самых разных типов — лепная сетчатая, гладкостенная и лощеная эпохи раннего железа, лепная славянская X–XI вв., круговая XI–XIII вв. и XIV–XVII вв. (на долю хронологически самой поздней группы приходится более 80 % от общего количества керамики). Имеются обломки гончарных сосудов со следами производственного брака. Сетчатая керамика украшена всеми известными приемами орнаментации — ямками, гребенчатым штампом, расчесами (особо отметим наличие керамики VIII–IX вв. до н. э.). Среди других изделий из глины — женская фигурка с подчеркнутыми ягодицами (рис. 4, 4). Это уже вторая находка на территории Успенского городища. Первая была сделана в 1954 г. во время раскопок А. В. Успенской (1957. С. 121). Обе фигурки происходят из слоя средневекового некрополя.

Следующей по численности категорией находок являются изделия из железа: обломки кос и серпов, ножи прямые и с горбатой спинкой, наконечник стрелы с плоским черешком, сапожная подковка, кованые гвозди, — всего более 50 изделий (рис. 3, 1–4, 6, 7). Находки большого количества железных шлаков указывают на наличие у обитателей городища собственного железоделательного производства и кузнечного ремесла.

Находки из кости представлены рукояткой ножа, проколкой и тремя заготовками каких-то орудий (рис. 3, 5, 8–10). Малочисленность этой категории находок обусловлена, прежде всего, тем, что сборы подъемного материала проводились на участках памятника с наибольшей концентрацией позднего материала, где костяные изделия встречаются значительно реже.

Из камня изготовлены оселки, жернов и обломки намогильных плит, орнаментированных в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Отсутствие намогильных плит на территории памят-

ника объясняется в отчете А. В. Чаянова, где он упоминает местную помещицу Лаврову, во второй половине XIX в. вывозившую отсюда белокаменные надгробия «со стертыми надписями» буквально возами (Чаянов, 1929. С. 9). Находки целых надгробий *in situ* не известны, что объясняется плохой сохранностью верхних слоев памятника (результат глубокой пахоты). Немногочисленные обломки плит украшены волчьим зубом и имеют незначительную толщину — 12–15 см, что характерно для надгробий XIV–XV вв. (Беляев, 1996. С. 146). О широком распространении белокаменных надгробий на кладбищах этого микрорегиона в XV–XVI вв. можно судить по хорошо сохранившемуся некрополю «остановочного яма», расположенного в 5 км выше по течению р. Малой Вяземки (Смирнов, 2003. С. 183). На этом крупном поселении (площадь свыше 7 га) выявлен культурный слой хорошей сохранности и мощностью до 0,4 м, насыщенный керамикой XV–XVII вв., а на мысовой части берега выявлено «церковное место» со следами небольшого деревянного храма и синхронным ему кладбищем. Подъемный материал и керамика XV — начала XVII в. типологически близки находкам из верхних слоев Успенского городища.

Среди украшений обитателей Успенского городища интересны стеклянные бусы желтого, зеленого (рис. 4, 8) и синего цветов (рис. 4, 11), а также керамические бусы (рис. 4, 9, 10, 14). Последние относятся к эпохе раннего железа. XII — началом XIV в. датируются два бронзовых перстня — ложновитой и щитковый (рис. 4, 12, 13) и два браслета — витой тройной и пластинчатый загнутоконечный (Седова, 1981. С. 102, 113, 125, 135). К произведениям русской средневековой христианской металлопластики относятся крупный наперсный крест с закругленными оконечностями, створка нагрудной иконки-энколпии и небольшой крест-тельник с изображениями архангела Михаила и поклонения Нерукотворному Образу Спаса.

В юго-западной части памятника культурный слой просматривался в обрыве нового карьера, здесь его мощность составляла всего 0,2 м. Подъемный материал, собранный на пашне, представлен средневековой керамикой, в том числе белоглиняной гладкой. В 1984 г. на верхней площадке карьера бульдозерами был полностью срезан культурный слой на площади свыше 150 кв. м. Это делалось для того, чтобы верхняя темная супесь не смешивалась с нижележащим песчаным пластом, который затем выбирался экскаватором. На зачищенной таким необычным способом поверхности материка отчетливо проявилось пятно темно-серой супеси с углем и печиной. Оно имело

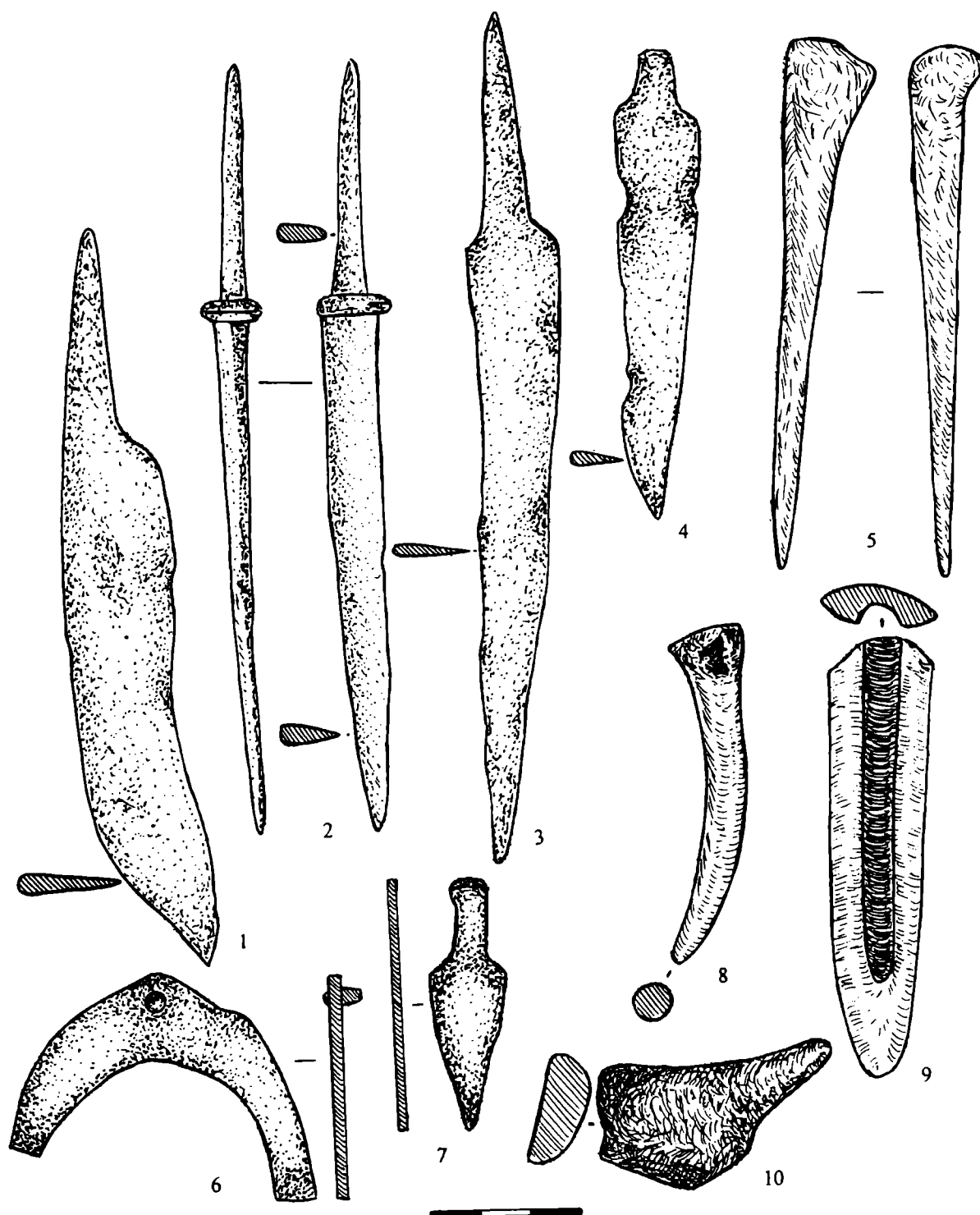

Рис. 3. Успенское городище. Находки из железа и кости

1-4 — ножи; 5 — проколка; 6 — сапожная подковка; 7 — наконечник стрелы;
8-10 — заготовки орудий. (1-4, 6, 7 — железо; 5, 8-10 — кость)

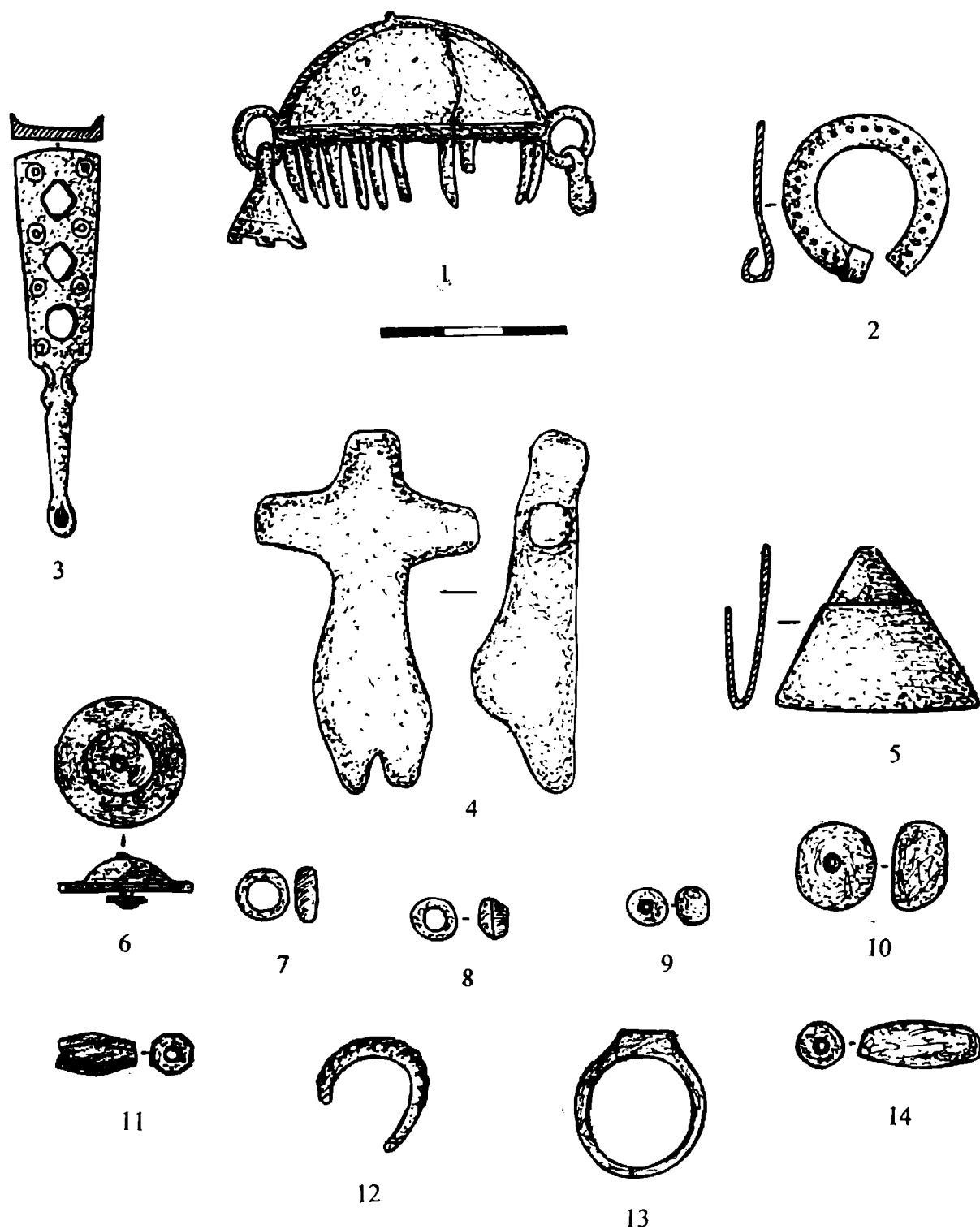

Рис. 4. Успенское городище. Находки из цветного металла, глины и стекла

1 — амулет-гребень; 2 — пряжка; 3 — копоушка;
 4 — глиняная фигурка; 5, 6 — накладки; 7-11, 14 — бусы; 12, 13 — перстни.
 (1-3, 5, 6, 12, 13 — цветной металл; 4, 9, 10, 14 — глина; 7, 8, 11 — стекло)

квадратную в плане форму размером 1,5х1,5 м, и было доисследовано заложенным здесь рекогносцировочным раскопом № 1 (4 кв. м). Удалось расчистить средневековую подпечную яму, в заполнении которой находились развал кругового горшка с волнисто-линейным орнаментом, каменный оселок, железный гвоздь, сильно ошлакованный и деформированный горшок. Рядом зафиксирована обгоревшая доска размером 150х15х4 см. Завершить исследование этого участка не удалось, так как в результате расширения карьера он оказался уничтожен.

Летом 1985 г. на верхней площадке городища, в ее северо-западной части, был заложен раскоп № 2 (14 кв. м). Он был разбит на квадраты 2х2 м, ориентированные по линии С–Ю. Глубина раскопа была доведена до отметки –0,9 — –1,0 м, в результате удалось исследовать только горизонт средневекового некрополя. В первом квадрате были обнаружены три потревоженных грунтовых захоронения, гвозди от гробов, единичные фрагменты круговой керамики. Столько же потревоженных погребений было зафиксировано во втором квадрате. Там же найден витой тройной браслет и бронзовая копоушка (рис. 4, 3). В третьем квадрате находились четыре разрушенных погребения и каменный жернов из белого известняка. Высокая концентрация погребений в этом месте позволяет интерпретировать его как центральную часть некрополя, расположенного рядом с храмом в XIV–XVII вв. На это же указывает и малочисленность находок средневековой керамики.

В 2003 г. в Звенигородский музей поступила

коллекция керамики, переданная москвичом В. Р. Никитенко. В течение 10 лет он обрабатывал небольшой земельный участок, примыкающий к старому карьере на западной стороне холма, и собрал несколько тысяч фрагментов древнерусской и средневековой керамики. Более 75 % составляют обломки керамики, изготовленной из красножгущихся глин — красноглиняной грубой и гладкой, краснолощенной и покрытой белым ангобом. Остальное, в основном, приходится на белоглиняную и чернолощеную, и небольшой процент представлен лепной керамикой раннего железного века. Ценность коллекции состоит в том, что она происходит с одного участка поселения, и характеризует, в той или иной степени, все периоды его существования.

Таким образом, на основании полученных результатов, можно попытаться частично реконструировать планировку поселения в XV–XVII вв. Центральную площадку древнего городища занимали деревянный храм и некрополь. Жилые и хозяйственные постройки располагались в южной части памятника, где А. А. Юшко поместила селище 2 (Юшко, 1991. С. 32, 33) и где отмечается наибольшая концентрация средневековой керамики. Границей между кладбищем и поселением, возможно, служили оплывшие валы, утратившие к тому времени уже свои оборонительные функции. Финальный период существования поселения приходится на начало XVII в., что подтверждается керамическим материалом и местными преданиями о разорении его в Смутное время (Лазукин, 2003. С. 13).

Литература

- Архимандрит Леонид (Кавелин), 1878. Московский Звенигород и его уезд // Тр. МАО. М.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.
- Краснов Ю. А., 1964. Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. Вып. 102. М.
- Лазукин А. В., 2003. Успенское городище под Звенигородом // Звенигородский краевед. М.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. (Археология СССР.) М., 1993.
- Смирнов А. Н., 2003. Разведки в Одинцовском районе Московской области // АО 2002 г.
- Успенская А. В., 1957. Успенское городище // КСИИМК. Вып. 68.
- Чаянов А. В., 1929. Отчет о работах, выполненных в Звенигородском р-не Московского округа и области на основании Открытого листа № 7 // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 178.
- Юшко А. А., 1991. Московская земля IX–XIV веков. М.

Вязёмы и Вязёмский ям

Историко-археологические исследования ближнего Подмосковья, традиционно тяготевшие к «москвоцентричности», ныне приобретают все более выраженное микрорегиональное звучание. Как показывает опыт последних лет, микрорегиональный подход открывает новые возможности целенаправленного и весьма эффективного использования данных археологии при изучении истории Московского княжества.

Период позднего средневековья, сравнительно хорошо обеспеченный данными письменных источников, сам по себе располагает к целостности и многомерности их восприятия. В результате изучения исторического микрорегиона возникает сложный пространственно-исторический контекст, позволяющий судить о качественном своеобразии каждого отдельно взятого памятника с позиций его включенности в местную, региональную и общероссийскую среду. Таким образом, выделение микрорегиона в качестве самостоятельного объекта исследования представляется вполне оправданным.

С 2002 г. Государственным историко-литературным музеем-заповедником А. С. Пушкина проводится историко-археологическое изучение Вязёмского микрорегиона. Его результатом стала локализация Вязёмского яма, многократно упоминавшегося в комплексах дипломатических документов, свидетельствах иностранцев и некоторых других категориях письменных источников. Результаты исследований заставляют по-новому взглянуть на историю Вязём и существенно дополняют наши представления о формировании дорожной сети ближнего Подмосковья. Это тем более актуально, что историческая география Московской земли традиционно рассматривается в контексте развития сети дорожного сообщения.

Являясь специфической категорией населенных пунктов, ямы представляют несомненный интерес для специалистов самого различного профиля. Они могут с одинаковым успехом исследоваться во многих отношениях: хозяйственно-экономическом, политико-дипломатическом, адми-

нистративном, социальном, не говоря уже об истории транспорта и путей сообщений. Однако приходится констатировать, что столь многоплановые объекты изучены совершенно недостаточно. Они практически никогда не вызвали самостоятельного научного интереса. И хотя ямщики не раз становились объектом социально-исторических исследований, а проблема зарождения и развития ямского дела также нашла свое место в научной литературе, сами ямы, как типы поселений, тем более с позиций археологии, остаются совершенной *terra incognita*.

Тем замечательнее, что новооткрытый памятник принадлежит к числу наиболее ранних ямов, письменная информация о которых практически отсутствует. Он существовал с момента организации ямской службы на ключевом (западном) направлении с конца XV в. и прекратил свое функционирование к концу XVI в. Хотя некоторая хозяйственная деятельность на территории памятника продолжалась и в последующие столетия, к настоящему моменту мы имеем практически непо потревоженный, уникальный по своей сохранности объект для исследований.

Вопрос о местоположении Вязёмского яма до самого последнего времени не ставился историками и краеведами в качестве специальной научной проблемы. На протяжении всего XX в. ям традиционно отождествлялся с селом Никольское-Вязёмы (современное село Большие Вязёмы), предтечей которого он якобы и являлся. Создателем этой традиции стал П. Шереметев — автор фундаментального труда «Вязёмы», посвященного истории подмосковной усадьбы (*Шереметев*, 1916). С тех пор упоминание о современных Вязёмах как о месте «последней ямской станции перед Москвой» прочно вошло в набор стандартных сведений, тиражируемых справочниками, путеводителями, краеведческой и научно-популярной литературой (*Новиков*, 1988; *Понадюк*, 1998; *Одинцовская земля*, 1994. С. 124–125). «Отождествляющая» традиция автоматически снимала вопрос о местоположении яма или,

по крайней мере, отодвигала его на второй план, превращая в сугубо топографическую проблему, трудноразрешимую и малоинтересную для неспециалистов¹.

Этой традиции отчасти противоречат лишь два автора. Вязёмский краевед А. И. Виноградов полагал, что ям первоначально возник на месте современной деревни Ямщина, а затем был перенесен в село Вязёмы (*Виноградов*, 1993. С. 40, 41). С. Б. Веселовский, следуя указаниям писцовых книг XVII в., помещает Вязёмский ям на реку Малую Вязёмку (в место ее пересечения с современным Можайским шоссе, где со второй половины XVIII в. находится деревня Малые Вязёмы) (*Веселовский, Перцов*, 1992).

Итак, окончательная локализация Вязёмского яма должна решить ряд ключевых микрорегиональных проблем, в частности прояснить, каким образом данный пункт соотносится с годуновским селом «на Вязёме» (впоследствии — голицынским селом Никольское-Вязёмы). До последнего момента решение этих проблем мыслилось в сугубо источниковедческом ключе. Очевидно, что устанавливаемый здесь принцип исторического соответствия попадал в строгую зависимость от прочтения и восприятия письменных источников. Имеются в виду два информационных пласта, один из которых содержит упоминания о Вязёмском яме XVI в., а другой касается исключительно годуновской вотчины конца XVI — начала XVII в. (несколько забегаю вперед, следует сказать, что пласты эти надежно «изолированы» друг от друга — они ни разу не пересекаются, хотя случаи параллельного упоминания в рамках одного источника также практически отсутствуют).

Говоря о Вязёмском яме, нельзя не коснуться того исторического контекста, в котором возникает и существует интересующий нас объект.

С конца XV в. резко возрастает интенсивность внешнеполитических контактов Великого Московского княжества, причем, в отличие от предшествующего периода, основные субъекты дипломатических отношений стали действительно зарубежными в современном смысле этого слова. Восточная и западная дипломатия Московской Руси фактически изначально развивалась в рамках двух различных традиций. Для становления соответствующей традиции, включающей порядок следования, встречи, сопровождения и размещения послов, очень большую роль играли маршруты межгосударственного сообщения. Это подтверждается тем обстоятельством, что русские

Посольские книги скрупулезно фиксируют перемещение дипломатических представительств по территории Московского государства.

Официальные контакты между Московским княжеством и западными государствами традиционно осуществлялись через Новгород. Однако уже с конца XV в. происходит перераспределение функций основной посольской трассы. По крайней мере, с первой трети XVI в. в данном качестве окончательно утверждается смоленская дорога. Таким образом, можно говорить о некоторой региональной диверсификации дипломатических маршрутов. Хотя новгородское направление по-прежнему сохраняет свою значимость, оно становится все более ориентированным на Балтийский регион. В то же время смоленское направление расширяет сферу дипломатических контактов за счет государств Центральной, Южной, Западной Европы и Средиземноморья. После присоединения Смоленска в 1514 г. прямая связь Москвы с западными соседями, прежде всего Польско-Литовским государством и Священной Римской империей, практически полностью обеспечивается дорогой, идущей от смоленского порубежья к подмосковному селу Дорогомилову.

На всем протяжении от границы до Москвы дорога проходила через ряд пунктов, условно разделяемых на две категории. Во-первых, это города Смоленск, Дорогобуж, Вязьма и Можайск. Смоленская дорога приобретала характер внутрисосиской коммуникации лишь по мере последовательного присоединения упомянутых городов. Наиболее ранние сообщения Посольских книг о дипломатических контактах на литовском рубеже относятся к периоду, когда рубеж этот проходил западнее Можайска.

Во-вторых, с определенного момента появились специализированные пункты, составлявшие основу дорожной инфраструктуры того времени, или попросту ямы. Как элемент междугороднего и межгосударственного сообщения, ямы на интересующей нас дороге возникают не позднее 1492 г. Именно этим годом датируется первое упоминание ямов в подорожной грамоте Ивана III. В данной грамоте называется самый западный ям Брагин Холм, находившийся примерно в 70 км за Можайском (*СИРИО*, 1892. С. 79). Есть все основания полагать, что Вязёмский ям к тому моменту уже существовал. Более того, поскольку, в отличие от Брагина, он был ближайшим к Москве, вероятно, его устройство предшествовало всем остальным.

¹ Например, С. С. Попадюк считал местом яма территорию позднейшей почтовой станции, расположенной западнее голицынской усадьбы за прудом (*Попадюк*, 1998. С. 162, 163).

Итак, из двух выделенных категорий населенных пунктов Посольские книги обычно упоминают города, о них говорится всякий раз в связи с описанием движения посольства. Это логично, учитывая, что послов сопровождали от города до города и часто надолго задерживали в одном из них по специальному распоряжению из Москвы. Ямы обычно не удостаивались такого внимания, лишь некоторые упоминаются по какой-то специальной необходимости. Вязёмский ям занимает здесь специфическое положение. Поскольку он являлся «останочным», то есть последним перед Москвой, именно с него, в соответствии с требованиями русской дипломатической традиции, направлялось известие о приближении посольства к столице. Подобное уведомление позволяло определить точное время встречи посла в Дорогомилове, что, в свою очередь, было обязательным и очень важным элементом дипломатического церемониала. Сам факт «обсылки», то есть извещения о прибытии посольства обычно фиксировался в посольских книгах при помощи стандартных формул: «...как пришла весть с останочного яму, что послы с яму пошли к Москве...» или «...как послы пришли на Вязёму и с Вязёмы прислал [приказчик], что ему быти с послы на Москве...» (далее указывается конкретное время прибытия) (СИРИО, 1892. С. 574, 623, 786).

Следует заметить, что Вязёма упоминается далеко не во всех сообщениях, достаточно часто соответствующие записи содержат лишь самые общие сведения о маршруте, а информация об останочном яме в них полностью отсутствует. Причина, видимо, кроется в невысоком статусе дипломатических миссий. Впрочем, возможны и другие объяснения. Иногда в качестве пункта обязательной «обсылки» фигурирует не Вязёма, а Можайск. Однако стандартная дипломатическая процедура, применявшаяся, по крайней мере, со второго десятилетия XVI в., и, вероятно, обязательная для представительных посольств, придавала особый смысл остановкам именно на Вязёмском яму.

Есть основания полагать, что помимо обычных ямских функций, Вязёма выполняла и другие, более специализированные задачи дипломатического характера, например, играла роль своеобразного контрольно-пропускного пункта. На такую мысль наводят некоторые сообщения Посольских книг. Время и место остановки путников в каждом конкретном случае определялось из Москвы. Иногда дипломатические представители двигались с особой поспешностью. При этом они могли не останавливаться для ночлега на Вязёме, что особо оговаривалось, то есть покрывали расстояние от предпоследнего яма до

столицы за один день. Но специальное уведомление с останочного яма отправлялось в любом случае (СИРИО, 1887. С. 214).

Таким образом, Вязёма получила определенное политическое значение, выделяющее ее из числа остальных ямов. Во всяком случае, в Европе знали о Вязёме как о точке, с которой начинается финальный отрезок московской дороги. Если за условный показатель значимости населенного пункта принять частоту его письменных упоминаний, Вязёмский ям окажется среди наиболее важных негородских поселений Московского уезда. Начиная с июля 1520 г., прямое либо косвенное указание на соответствующий пункт более двадцати раз встречается в посольских книгах (под прямым указанием подразумевается сам топоним «Вязёма», а под косвенным его статусное положение — «останочный ям»). Конечно, частота упоминаний не была постоянной, она зависела от интенсивности дипломатических отношений, а также от иных факторов. И вместе с тем, мы имеем почти вековую письменную историю Вязёмского яма, не изобилующую подробностями, но зато хронологически достоверную.

Важнейший вопрос истории Вязёмского микрорегиона связан с обстоятельствами возникновения яма. Сама постановка данного вопроса имеет два аспекта. С одной стороны, ям не мог возникнуть раньше, чем дорога, которую он обслуживал. Следовательно, в сферу нашего внимания попадает история сообщения между Москвой и Можайском. С другой стороны, устройство ямов это действие административного характера, а значит, его освещение затрагивает социальную и административно-правовую проблематику отечественной истории. Самой первой коммуникацией, связавшей Москву и Можайск, была водная артерия Москвы-реки. В зимний период этот путь продолжал использоваться еще очень долго. Зимой 1495 г. именно по льду Москвы-реки через Звенигород и Можайск ехала к своему жениху великому литовскому князю Александру Казимировичу дочь Ивана III княжна Елена. Характерно, что свадебный поезд выехал из Дорогомилова, уже ставшего к тому моменту западными воротами Москвы и замыкавшего все дороги данного направления (СИРИО, 1892. С. 163). Всесезонное сухопутное сообщение также первоначально осуществлялось через Звенигород. Звенигородская дорога шла из Москвы на Крылатское (либо с переправой в районе Хорошово, либо через Дорогомилово, где также была переправа), затем приблизительно по трассе современного Рублево-Успенского шоссе. В районе Уборов, то есть чуть ниже впадения реки Вязёмки, осуществляли переправу на левый берег, а затем следовали до Звенигорода

и далее на запад через Рузу на Можайск («Дорогомилово...», 2000). Эта дорога имела целый ряд недостатков, делавших ее малопригодной для посылского сообщения. Помимо того, что на пути от Можайска до столицы приходилось трижды переправляться через Москву-реку (в районе Можайска, восточнее Звенигорода и под Москвой), видимо, на некоторое время проезд становился совсем невозможным из-за весеннего половодья.

Прямое регулярное сообщение между Москвой и Можайском оказалось возможным после появления более удобной дороги, на всем своем протяжении проходящей по правобережью Москвы-реки и несколько отступающей от нее на юг. По трассе этой дороги появляются первые ямы, с нее фактически начинается история Вязёмского микрорегиона. У нас нет достаточных данных, позволяющих говорить о времени возникновения Можайской дороги. Судя по всему, это должно было произойти задолго до присоединения Смоленска, возможно, еще в первой половине XIV в., когда Можайск стал московским уделом. О достаточно ранней прокладке дороги косвенным образом свидетельствует динамика заселения правобережных притоков Москвы-реки. Достаточно развитая поселенческая структура, сформировавшаяся в их среднем течении не позднее начала XV в., предполагала наличие «широтных» коммуникаций, ориентированных на Москву и Можайск. В качестве примера могут послужить прилегающие к Вязёмам исторические местности Раменье и Часцы. Возникновение этих субрегиональных единиц может быть предположительно связано с ранней трассой Можайской дороги.

В целом следует признать, что скудные письменные источники не позволяют составить более или менее отчетливое представление о той местности, по которой первоначально проходила дорога. Так, сообщения иностранцев, относящиеся к последней трети XV в., лишь подтверждают факт ее существования, но подобное подтверждение нельзя считать однозначным. Например, описание пути, проделанного Амброджо Контарини, оставляет свободу для различных интерпретаций. Хотя прямой проезд от Москвы до Можайска выглядит наиболее правдоподобным, нельзя исключить, что путешественник двигался по льду Москвы-реки. Упоминания о ровной лесистой местности и ночлегах в лесу не противоречат этому, а сообщения о прорубях, оставляемых после ночлега, могут послужить косвенным доводом в пользу

«москворецкой» версии («Библиотека...», 1836. С. 118).

Как бы то ни было, Можайская дорога, видимо, начала функционировать задолго до появления первых ямов. Правда, на большей части своей протяженности она не совпадала с современной трассой Можайского шоссе, ранее известного как Большой Смоленский тракт. Вызывают интерес причины, по которым именно в бассейне реки Вязёмы выбирается место для устройства останочного яма¹. Одна из возможных причин состоит в том, что именно здесь могло осуществляться «поперечное» сообщение между старейшими дорогами на Боровск и Звенигород. Косвенным подтверждением является существование подобного пути в более позднее время (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Л. 2248–2255). Заслуживает внимания также версия об особом административно-политическом значении реки Вязёмы. К ее бассейну тяготели древнейшие подмосковные села Вязёмское и Домонтовское, переданные Иваном Калитой своему сыну — звенигородскому князю Ивану Ивановичу (ДДГ, 1950). Если сопоставить все упомянутые факты, а также учесть, что р. Вязёма протекала по границе Московского уезда (это, кстати, служит лишним аргументом в пользу существования поперечной дороги), сама собой возникает мысль о далеко не случайном местоположении «останочного яма». Возможно, оно фиксирует географические реалии или представления, относящиеся к предшествующему периоду и в XVI в. уже утратившие свою актуальность.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Разъезжая грамота 1504 г., описывая интересующий нас участок границы, упоминает деревни числяков — особой социальной категории, занятой материальным обеспечением великокняжеской власти (ДДГ, 1950. С. 378–381). Из сообщений Посольских книг известно, что сбор «корма» для снабжения прибывающих на ямы посольств осуществляли именно числяки. Таким образом, расположение яма в непосредственной близости от числяцких поселений дополняет наши представления о микрорегиональной структуре. Вообще, ранние ямы, будучи основанными на общественной повинности, могли функционировать лишь в хорошо освоенных районах с достаточно высокой плотностью населения. Именно на плечи местных жителей ложилось все многообразие задач по обеспечению функционирования ямов.

¹ «Вязёма» — употреблявшийся в XVII–XVIII вв. вариант названия реки, известной ныне как Вязёмка или Большая Вязёмка. Видимо, восходит к древнему гидрониму, дававшему название всей местности и селу Вязёмскому, упоминаемому в духовной грамоте Ивана Калиты.

Точное время возникновения (устроения) Вязёмского яма остается неизвестным, но, судя по всему, предполагаемая «точка отсчета» близка к дате первого упоминания ямов между Московской и литовской границей. Примерно в это же время, то есть на рубеже 80 — 90-х гг. XV в. ямы упоминаются и по другим важнейшим дорогам Московской Руси (Гурлянд, 1900). Некоторые современные издания содержат ошибочные сведения, что впервые Вязёмской ям упоминается в грамоте великого князя Василия Ивановича, датированной 1526 г. Именно эта дата приводится в справочнике «Одинцовская земля», являющемся заглавной книгой серии «Энциклопедия сел и деревень Подмоскovie»¹. В действительности, как уже говорилось, первое достоверное упоминание Вязёмского яма содержится в Посольских книгах и приходится на июль 1520 г.² А грамота 1526 г. содержит ссылку на более ранний неизвестный нам документ, определявший порядок функционирования Вязёмского яма.

Сведения других имеющихся у нас источников также не позволяют слишком занижать дату возникновения яма. Амброджо Контарини, проезжавший по направлению к литовской границе в январе 1477 г. (то есть за полтора десятилетия до первого упоминания ямов на данной дороге), прямо говорит об отсутствии специально оборудованных мест для ночлега, отдыха и перемены лошадей («Библиотека...», 1836. С. 118).

Заметные изменения происходят на Вязёмском яму во второй половине XVI в. (более точную дату назвать пока затруднительно). Они связаны с переводом вязёмских ямских охотников в Дорогомилово по распоряжению Ивана Грозного. Информацию об этом содержат позднейшие Приправочные книги 1628 г. (Шереметев, 1916. С. 200). Называется и конкретное число обслуживавших ям охотников — по книгам на Вязёме осталось 30 дворовых ямщицких мест. В результате принятых административных мер ям, видимо, не был упразднен, но изменил свой статус, став придаточным к ямской Дорогомиловской слободе.

Пока рано говорить о причинах, по которым ямская гоньба с Вязёмского яма прекратилась.

Возможны две версии случившегося. Перевод ямских охотников мог быть осуществлен в рамках общей ямской реформы 50 — 60-х гг. XVI в., предпринятой с целью повышения эффективности дорожного сообщения. В числе прочего, это привело к профессионализации ямского дела и созданию городских ямских слобод. Если Дорогомиловская слобода возникла тогда же, одновременно с некоторыми другими московскими ямскими слободами, не исключено, что ее «кадровую основу» составили опытные вязёмские охотники (Гурлянд, 1900. С. 89). Вероятно, одновременно с Дорогомиловской слободой возникает ямская слобода в Можайске. Двух крупных слобод было вполне достаточно для обслуживания московско-можайского участка дороги.

По другой версии причины случившегося видятся в каком-то преобразовании или расширении уже существующей Дорогомиловской слободы. Если верно последнее, то перемещение ямщиков допустимо отнести к более позднему времени.

После перевода ямских охотников Вязёма, вероятно, продолжала выполнять основные ямские функции, однако их объем сокращался и ям утратил прежнее значение. С этого момента остановки на Вязёме перестали быть обязательными и специально оговаривались особым царским предписанием. Надо думать, это период постепенного угасания Вязёмского яма. В любом случае, Вязёме повезло несколько больше, нежели другим ранним ямам на смоленском направлении. Некоторые из них были упразднены еще в середине XVI в.

Итак, вопрос о местонахождении яма связан с проблемой его ликвидации. Есть лишь единичные упоминания об остановках послов на Вязёме после смерти Ивана Грозного. Одно из них особенно любопытно. Осенью 1590 г. в Москву следовало посольство от короля Сигизмунда. Посланный Борисом Годуновым пристав встретил послов и передал им следующее: «Надо было вам стоять на Вязёме, а тут деревни в стороне от дороги, и дворцы худы, по боярским селам у великих людей не ставятся: но вот ко мне приказ пришел от конюшего боярина, велит нам с вами сто-

¹ Текст грамоты полностью воспроизводится в статье справочника, посвященной Большим Вязёмам: «От великого князя Василья Ивановича всеа Руси на Вязёмской ям ямщиком Ивашку Меленкину с товарищами. Велел есмь на Вязёмском яму с сох с подводами стояти с своих, великого князя сел, что за помещицки, и с митрополичих, и з боярских, и с монастырских, и всем без омены, чей хто ни буди. И вы бы с тех с всех сох велели с подводами на яму стояти по первой моей грамоте опричь митрополичих сел и деревень. А с митрополичих бы есте сел з Голеницова да с Селятина и з деревень подвод и подводников не имали по сей моей грамоте. Писана на Москве лета 7034 июня в 5 день» (Одинцовская земля, 1994. С. 125, 126).

² Относящееся к этому времени сообщение Посольских книг прямо не называет Вязёму, которая фигурирует в нем как анонимный «останочный» ям. Впрочем, непосредственное упоминание имеет предельно близкую дату. В том же, 1520 году, но месяцем позже была сделана следующая запись: «...И как послы пришли на Вязёму и с Вязёмы прислал Борис Голохвастов, что ему бытии с послы на Москве в среду, августа 22 день...» (СИРИО, 1892. С. 565, 574).

ять в своем селе на Вязёме; делает он это желая между великими государями любовь братскую видеть, а вам, великим послам, почет оказывая» (*Шереметев*, 1916. С. 6).

Как видно из процитированного высказывания, под общим наименованием «Вязёма» одновременно фигурируют два разных населенных пункта. Один из них это, судя по всему, известный нам Вязёмский ям, переставший использоваться для остановок послов. Другой — дворцовое село на реке Вязёме, достаточно благоустроенное для достойного приема высоких гостей. По-видимому, мы сталкиваемся с тем редким случаем, когда письменно зафиксирован сам момент перемещения топонима. Оба пункта пока еще сосуществуют, но первый вскоре станет безымянным и наименование «Вязёма» окончательно перейдет ко второму, известному поныне как село Большие Вязёмы. Многие исследователи Подмосковья уверены, что все без исключения письменные известия о Вязёмах относятся именно к этому месту. Однако, следуя своей точке зрения, они оказываются перед необходимостью как-то объяснить слишком резкую перемену, произошедшую в характере этих упоминаний. Действительно, до 1590 г. Вязёма фигурирует только в качестве яма, а позднее ни один источник даже не намекает на ямское прошлое села Вязёмы, известного также как «Никольское Вязёмы тож». Столь же малообъяснимым фактом остается изменение маршрута следования посольств.

Принципиально новая информация о Вязёме, начинает поступать в самом конце XVI — начале XVII в., ее основным носителем являются записки иностранцев. Но, как показывает анализ, помимо новых данных о Вязёме, в их текстах содержатся упоминания ряда пунктов, не известных по более ранним источникам этой категории (при том, что упоминания некоторых, ранее фигурировавших пунктов, просто отсутствуют). Подобные метаморфозы нельзя понимать иначе как недвусмысленное указание на изменившийся маршрут. Логично заключить, что прежняя Вязёма по каким-то причинам оказалась в стороне от данного маршрута. Иные гипотезы, объясняющие новый «образ» Вязёмы изменившейся процедурой дипломатических сношений или «приватизацией» яма Борисом Годуновым, выглядят малоубедительными (*Кротов*, б. г. С. 3; *Жукова*, 1997. С. 16).

Итак, вся совокупность письменных свидетельств указывает на изменение трассы дороги между Москвой и Можайском. Трудно сказать,

каковы были масштабы этих изменений, касались ли они всей протяженности дороги или носили более локальный характер, но ясно одно: первоначальная трасса наиболее существенно отступала от современной именно в районе Повязёмья. Здесь она стала проходить севернее, по направлению к низовьям москворецких притоков. Такое отклонение представляется вполне естественным, поскольку ниже точки слияния Вязёмки с Малой Вязёмкой нет необходимости пересекать две реки. Кроме того, особенности берегового рельефа позволяют переправиться через вязёмскую водную систему именно ниже по течению, в окрестностях нынешнего села Назарьево, где в трехстах метрах от места слияния есть удобный, довольно пологий взвоз.

Упоминания о «старой Можайской дороге» имеются в Приправочных книгах 1621–1623 гг., то есть они относятся ко времени, когда новая трасса уже стала основной (*Шереметев*, 1916. С. 22–24). Отдельные участки интересующей нас дороги отражены на картах и планах XVIII–XIX вв.¹ О старой трассе Можайской дороги известно также из сообщений местных жителей. Наконец, сведения о какой-то заброшенной дороге, проходящей севернее существующего Можайского шоссе, приводит вязёмский краевед А. И. Виноградов. По его мнению, именно к ней относятся сообщения Писцовых книг (*Виноградов*, 1993. С. 40). Историческая трасса действительно фиксируется на местности. Ей примерно соответствует современная лесная дорога, соединяющая деревню Захарово с селом Назарьево.

«Переориентация» Можайской дороги на село Вязёмы, видимо, связана с основанием годуновской резиденции. Строительство каменной плотины обеспечило легкую и надежную переправу. Вместе с тем, есть основания полагать, что дорога также весьма способствовала развитию государева села. Так или иначе, но именно тогда главная западная дорога Подмосковья приблизилась к трассе современного Можайского шоссе.

Логично было бы допустить, что старый Вязёмский ям располагался где-то неподалеку от пересечения дороги с рекой. Попробуем несколько точнее определить степень этой удаленности. Обычно ям рассматривается не в социальном, а в сугубо функциональном отношении, то есть как отправной либо промежуточный пункт, от которого происходит ямская гоньба и который служит для остановок проезжающих. Однако ям был одновременно и местом проживания ямщиков, а значит, в хозяйственно-экономиче-

¹ Топографическая карта Московской губернии 1860 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 21387.

ском плане обладал всеми свойствами обычного поселения. Важнейшим условием было наличие собственных угодий, обеспечивающих относительную экономическую самостоятельность. Поэтому в отличие от позднейших почтовых станций, находившихся непосредственно на дороге, ям мог располагаться несколько в стороне, образуя отдельный населенный пункт. Изначально подобная обособленность, возможно, как-то коррелировала с довольно высоким социальным положением лиц, ответственных за осуществление ямской гоньбы.

Не следует забывать и о специфических требованиях, предъявляемых к передвижению иностранцев в XV–XVI вв. Коль скоро Вязёмский ям возник как элемент дипломатической инфраструктуры и до момента ликвидации выполнял исключительно государственные задачи, его положение также следует рассматривать в контексте выполняемых задач. Известно, что русская дипломатическая практика того времени удерживала особый режим передвижения иностранных посольств и предполагала ограничение их контактов с внешним миром. Эти ограничения были особенно строгими по отношению к посольствам, следующим в Москву, и временами принимали форму полной изоляции. Удаленность яма от тракта помогала надежно обеспечить режим изоляции во время кратковременных остановок.

Где же все-таки искать Вязёмский ям? Приправочные книги 1628 г. указывает место вполне определенно: «Вязёмский придаточный ям к ямской Дорогомиловской слободе по обе стороны реки Малой Вязёмки пуст, а на нем место церковное, что была церковь Всемиловейшего Спаса Нерукотворного образа... да церковная пустошь Льева на реке Малой Вязёме». Вслед за этим называются смежные владения, граничащие с ямом на севере и на юге. В их числе «земля государева дворцового села Никольского Вязёмы». Писцовые книги 1667 г. подтверждают эту информацию: «церковная земля Спаса Всемиловейшего, что на Старом Вязёмском яму, на речке Малой Вязёме... владеют московские ямщики Дорогомиловской слободы». Как видно из приведенных сообщений, под ямом здесь понимаются довольно обширные угодья, включающие крупную церковную пустошь (Шереметев, 1916. С. 200).

Материалы Генерального межевания дают новые ценные сведения о местоположении яма. В августе 1768 г. был составлен межевой план пустоши Льева, занимающей часть бассейна рек Вязёмка и Малая Вязёмка выше места их слияния (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 871. Звенигородский уезд.

Ед. Л-4 (син.)). По данным Экономических примечаний, «пустошь Льева с пустошами Дорогомиловской ямской слободы ямщиков, что в Москве... на обе стороны речек Большой и Малой Вязёмы, на которой мельница мучная о двух поставах» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. 116). Упомянутая мельница показана на р. Вязёмке, в настоящее время примерно здесь находится деревня Ямщина. Таким образом, за столетие, прошедшее с 1667 г., память о Вязёмском яме окончательно стерлась. Безымянные ямщицкие владения получили «официальное» наименование «Льева» по находящейся здесь же церковной пустоши (к моменту составления примечаний эта пустошь стала владельческим сельцом и выделилась из общего территориального массива).

Топография показанной на плане пустоши представляет особый интерес. Как следует из описания, данная территория со всех сторон «зажата» владельческими землями. Однако северная граница Льевы заметно отличается от южной, западной и восточной. Она вытянута в одну линию и фактически совпадает с реконструируемой трассой Старой Можайской дороги. Кстати, на плане 1768 г. показана местная коммуникация, проходящая строго по северной границе (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 871. Звенигородский уезд. Ед. Л-4 (син.)).

Последние отголоски сведений о ямщицких владениях на Вязёме относятся ко второй половине XIX в. В «Списке населенных мест Российской империи» под 1862 г. значится Льво-Пустошь, определяемая архаичным для того времени термином «слобода» («Список населенных мест...», 1862). Такое определение вроде бы апеллирует к ямщицкому прошлому, хотя указания на владельческий характер поселения и наличие химического завода могут свидетельствовать в пользу сельца Льво. Вполне возможно, что составители просто соединили два одинаковых топонима и не заметили неточности. Ведь оба поселения уже практически исчезли, оставив о себе очень мало сведений. Тем не менее, именно запись 1862 г. поставила своего рода «финальную точку». Если принимать во внимание данные Списка, история ямской земли составляет почти четыре столетия.

Как видим, письменные и картографические источники однозначно локализуют ям на р. Малой Вязёмке. С целью определения точного места было предпринято обследование ее низовий (в границах территории, ранее принадлежавшей ямщикам Дорогомиловской слободы). Результатом обследования стало выявление обширного селища (Ямщина 3 по ближайшему населенному

пункту д. Ямщина). Селище расположено на правом берегу р. Малая Вязёмка, примерно в километре от устья. Оно занимает участок берегового плато, ограниченный с двух сторон оврагами и, судя по распространению культурного слоя, простирается от берега на расстояние до 300 м (рис. 2). Протяженность селища с севера на юг соответствует расстоянию между оврагами по кромке коренного берега и составляет 150–170 м. Площадка селища, находящаяся на высоте около 15 м над урезом воды в реке, практически полностью поросла лесом. По дну оврагов, ограничивающих площадку с севера и юга, протекают ручейки, впадающие в Малую Вязёмку. Мыс, образуемый южным оврагом при впадении в реку, более полог и, возможно, подвергался каким-то планировочным работам. Участки культурного слоя обнаружены также по другую сторону южного оврага и на самой оконечности мыса, образованного двумя его разветвлениями (культурный слой распространяется на 60–70 м к югу от края оврага): наибольшая его мощность (до 0,4 м) зафиксирована на полянах густо заросших крапивой (более десяти таких полей разбросаны по всей территории селища). В то же время, некоторые участки практически полностью лишены культурного слоя (здесь фиксируются лишь редкие вкрапления фрагментов керамики и пещины в лесной почве)¹. Памятник демонстрирует высокую степень сохранности с небольшим количеством повреждений, в совокупности занимающих менее 5 % от общей площади. Культурный слой на селище нарушен проходящим через всю его площадку газопроводом, а также траншеями и отдельными окопами созданного здесь в 1941 г. оборонительного рубежа. Кроме вышеупомянутых, имеются и другие, менее значительные нарушения: промоины, мусорные ямы, следы бессистемных земляных работ и т. д.

Параллельно с изучением селища, расположенного на правом берегу р. Малая Вязёмка, было предпринято обследование противоположного берега. В результате на пологом береговом склоне открыто селище, значительно уступающее по размерам вышеописанному памятнику, но расположенное точно напротив него (Ямщина 2). Это селище удалено от воды на 100–120 м, а его площадка также практически полностью занята лесом. Размеры памятника, определяемые по следам культурного слоя на его поверхности,

составляют около 5000 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,3 м сконцентрирован в виде обширных пятен, тяготеющих к лесным полянам.

Взаимосвязанное расположение обоих селищ подтверждается тем фактом, что их территории в прошлом сообщались между собой. На это указывают следы плавного и чрезвычайно удобного спуска, ведущего от площадки селища Ямщина 2 к реке. В размыве берега на месте предполагаемой переправы обнаружены следы полуистлевших деревянных конструкций: бревна и колья, перекрытые мощным слоем береговых отложений (до 60 см). На правом берегу, немного выше по течению, также зафиксирован пологий искусственный подъем на площадку селища Ямщина 3, проходящий по дну и склону оврага. Оба описанных участка несут следы целенаправленного преобразования берегового рельефа, что в свою очередь указывает на некогда существовавшую здесь грунтовую дорогу. Соответствующая дорога показана на Топографической карте Московской губернии 1860 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 21387). Подъем («взвоз») на правый коренной берег устроен особенно тщательно. При обследовании приспособленной под него террасы берегового склона зафиксированы следы булыжного мощения. Остатки дорожного покрытия находятся под слоем грунта (до 30 см) и плотным дерном. Кроме того, для облегчения подъема в верхней его части осуществлена прорезка берегового уступа, препятствовавшего въезду на площадку.

Перечисленные топографические особенности позволяют рассматривать селища Ямщина 2 и Ямщина 3 как составляющие единого археологического комплекса, а схожий характер керамического материала, собранного со всей обследованной площади, указывает на их синхронность. Топографическое и хронологическое единство памятников, составляющих комплекс, означает их принадлежность к одному поселению, что, в свою очередь, хорошо согласуется с данными Писцовых книг, фиксирующих Вязёмский ям по обе стороны Малой Вязёмки. Нерядовой характер поселения подтверждается и его солидными размерами. Совокупная площадь обеих селищ превышает 7 га.

Итак, через территорию предполагаемого яма в специально оборудованном для переправы месте проходит старая дорога². Судя по карте XIX в., ее

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность А. В. Алексею, принявшему деятельное участие в полевых изысканиях и оказавшему техническое содействие в обработке полученных данных.

² Судебник 1589 г. следующим образом регламентирует интересующие нас виды дорожных работ: «... А на ручьях мосты мостити поперек полторы сажени. А где на проезжей дороге заворы, и тут бы были отводы...» (то есть на крутых участках дорог следует делать удобные спуски и подъемы) (Вигилев, 1977. С. 54).

правобережная часть имеет продолжение на восток, а левобережная «вливается» в другую дорогу, ведущую из современных Больших Вязём на север. Коммуникация, проходящая через ям, является ответвлением от этого более важного и древнего пути, некогда соединявшего Боровскую, Медынскую и Старую Можайскую дорогу с московским бассейном и Звенигородом. Небольшой отрезок данного пути проходит между реками Вязёмка и Малая Вязёмка. Он сообщает Вязёмский ям с основной трассой Старой Можайской дороги, преодолевающей водную преграду ниже слияния упомянутых рек (рис. 1). В самом месте слияния образуется довольно пологий узкий мыс, предоставляющий возможность для въезда на высокий берег (сначала, правда, требуется пересечь реку, что само по себе не является серьезным препятствием при наличии моста). За многие годы функционирования дорога, ведущая на мыс, приобрела вид глубокой промоины.

Пользуясь зафиксированной на местности трассой старой дороги, можно реконструировать саму схему движения к Вязёмскому яму. Спустившись к реке и свернув с основной дороги, путники переезжали на другой берег, затем поднимались на мыс и некоторое время следовали по гребню между двумя близкотекущими река-

ми. Двигаясь в южном направлении, они все более прижимались к Малой Вязёмке и, наконец, достигали левобережной части яма. Далее их путь пролегал к реке, через реку и по ее правобережью до «взвоза». По нему поднимались на площадку основной части поселения, где, видимо, располагался приезжий двор.

Малая изученность памятника не позволяет пока уверенно говорить о его территориальной структуре. Тем более мы не можем судить о характере изменений, претерпеваемых данной структурой за время существования яма или в «постъямской» период. Осмотр селища Ямщина 3, сопровождаемый анализом микрорельефа и сбором подъемного материала, позволил выявить лишь один участок, занимающий особое положение на территории памятника. Имеется в виду часть площадки, непосредственно примыкающая к пологому мысу с северо-востока и занимающая господствующее положение над ним. Южная граница участка совпадает с краем площадки, а затем проходит по краю ложбины, служащей для въезда на плато (рис. 2). На западе, севере и востоке исследуемый участок ничем не ограничен от остальной территории памятника. Примерно в 20 м от южного края этого участка зафиксировано искусственное земляное возвы-

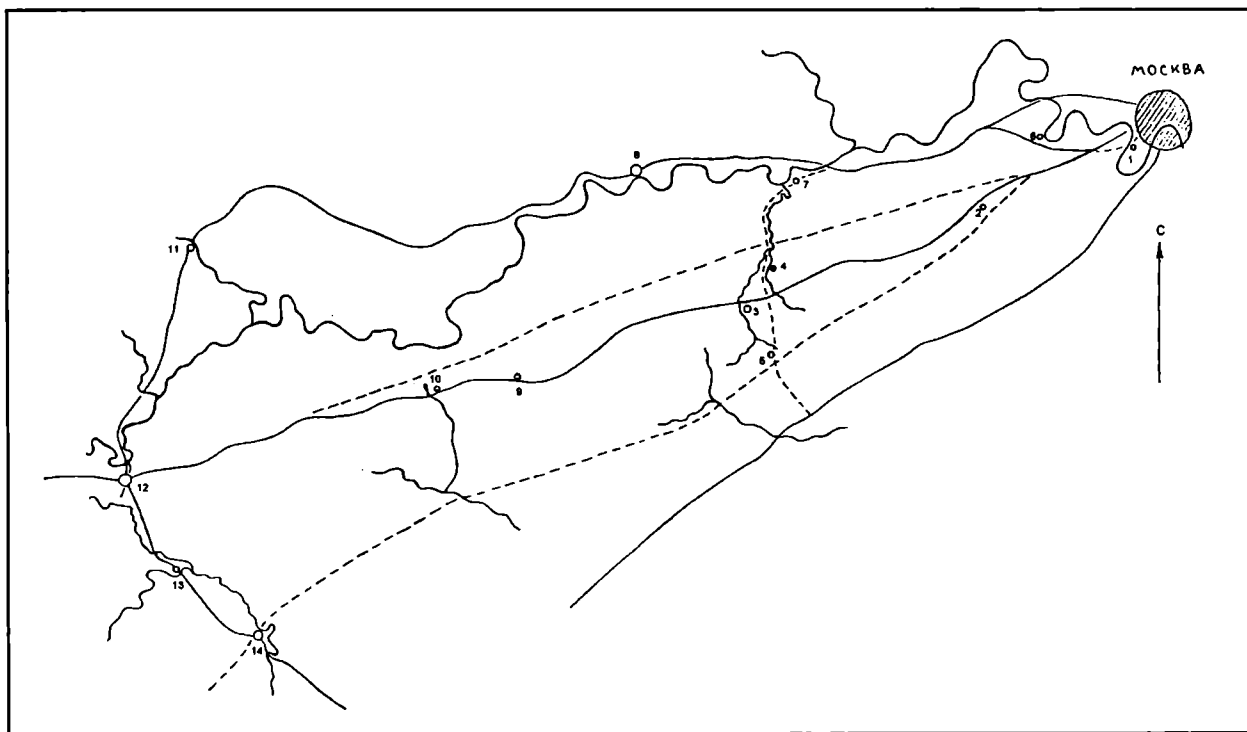

Рис. 1. Дорожная сеть западного Подмоскья в XV–XVI вв.
Основные пути сообщения — существующие в настоящий момент и реконструируемые (пунктир)

- 1 — Дорогомилово; 2 — Мамоново; 3 — Никольское-Вяземы; 4 — Вязема (Вязёмский ям);
5 — Сидоровское; 6 — Крылатское; 7 — Успенское (Вяземское); 8 — Звенигород; 9 — Кубинское;
10 — Крутицы; 11 — Руза; 12 — Можайск; 13 — Борисов городок; 14 — Верей

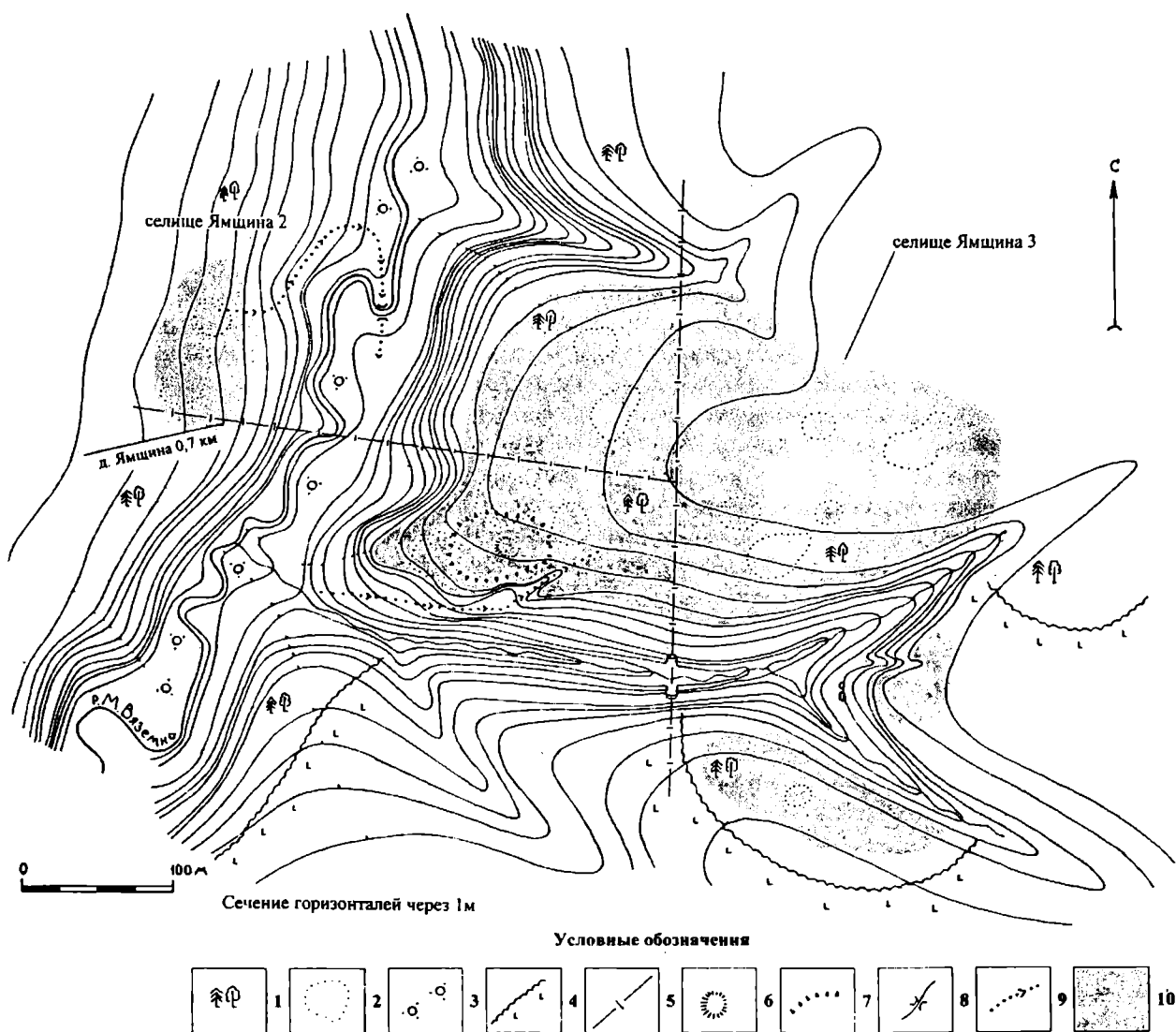

Рис. 2. Селища Ямщина 2 и Ямщина 3

1 — лес; 2 — поляны; 3 — кустарники и береговая поросль; 4 — граница вырубki;
 5 — газопровод; 6 — возвышение; 7 — предполагаемая граница кладбища; 8 — остатки моста;
 9 — трасса старой дороги; 10 — распространение культурного слоя

шение округлой формы размерами 10×12 м и до 0,8 м высотой (относительно поверхности памятника с понижающейся мысовой стороны). Как показал зондаж, возвышение представляет собой земляную насыпь, сложенную из плотного материкового суглинки желто-коричневого цвета. В основании насыпи, на глубине 40 см, выявлены следы горелого дерева.

Территория вокруг возвышения (общей площадью около 2000 кв. м) была подвергнута сплошному исследованию при помощи щупа. В результате обнаружено несколько белокаменных надгробий. Надгробия зафиксированы как в непосредственной близости от края насыпи, так и на значительном расстоянии от нее. Максимально удаленное обнаружено в 26 м к северу.

На этом месте была заложена серия разведочных шурфов, в результате чего удалось полностью раскрыть две надгробные плиты. Надгробия обнаружены на глубине 15–20 см от современной дневной поверхности *in situ*. После их расчистки и фиксации вскрытие погребений не проводилось. Оба надгробия принадлежат к типу так называемых «антропоморфных», повсеместно распространенному на территории Центральной России в период позднего средневековья (рис. 3). Плиты, изготовленные из рыхлого известняка, орнаментированы параллельными рядами мелких врезных треугольников и лучевыми розетками (также в обрамлении треугольников). Обнаруженные надгробия имеют многочисленные аналогии в Москве и Подмос-

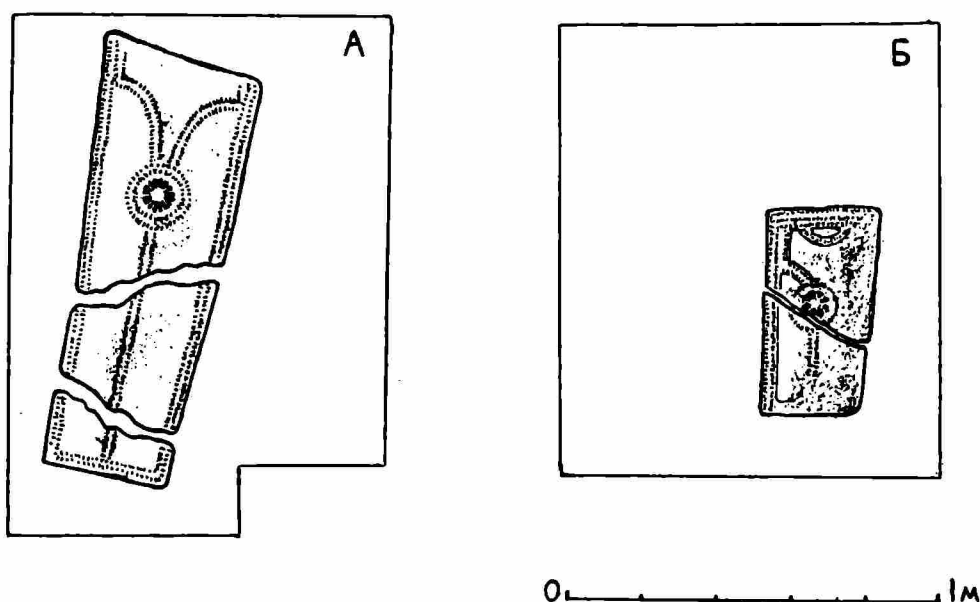

Рис. 3. Селище Ямщина 3. Надгробные плиты

ковье. По форме, пропорциям, характеру орнамента и порядку его расположения (композиции) они могут быть отнесены примерно к одному времени — начало — первая половина XVI в. В качестве образцов для сравнения привлекались надгробия с некрополя Высоко-Петровского монастыря (Беляев, 1996. С. 330–332).

Надгробие «А» имеет длину 120 см при максимальной ширине сохранившейся части 42 см (изголовье отсутствует) и толщине 8,5 см. Отсутствие изголовья, возможно, свидетельствует о вторичном использовании плиты. Надгробие «Б» представляет собой обработанный кусок камня длиной 56 см. Его максимальная ширина составляет 30 см, а толщина всего 7 см. Одна из боковых граней заметно стесана. Не вполне ясно, являются ли эти размеры изначальными или плита использовалась вторично после дополнительной обработки. Малые габариты и уменьшенные пропорции основных элементов орнамента могут рассматриваться как признаки детского надгробия. Следует также отметить крайне низкое качество камня, не позволившее завершить орнаментацию¹.

Единственная находка, сделанная в процессе шурфовок, представлена створкой бронзового креста-энколпиона. Энколпион относится к типу круглоконечных с выступающими дугами в средокрестии (рис. 4). Найденная створка явля-

ется оборотной, она несет рельефное изображение архангела Михаила с мерилем в правой руке и зеркалом в левой (на отсутствующей лицевой створке, вероятно, помещалось изображение Распятия с Предстоящими). В круглых медальонах на оконечностях ветвей — поясные фигуры анонимных святых. На внутренней стороне створки обозначены бортики ковчежца. Кресты с архангелом Сихаилом имеют широкую датировку (XIV–XVI вв.) и относятся к числу весьма распространенных образцов русской медной пластики (Полубояринова, 1978. С. 64. рис. 11, 4б).

Таким образом, описанный участок, вероят-

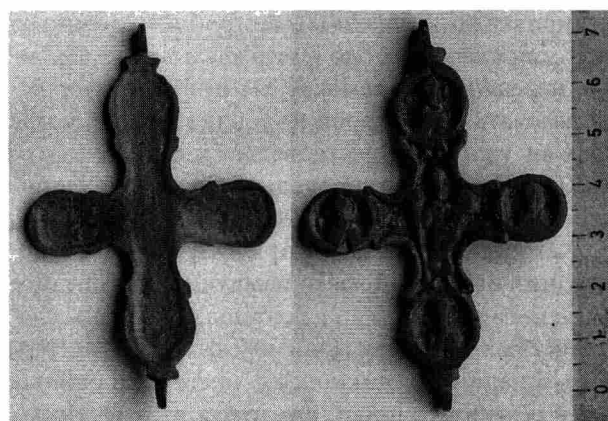

Рис. 4. Селище Ямщина 3. Створка креста-энколпиона

¹ Еще один небольшой фрагмент надгробия, имеющий размеры 16×7×7 см, обнаружен двумя годами раньше почти в 50 м к юго-западу от церковного места. Данный фрагмент найден при зачистке стенки траншеи, пересекающей склон мыса. Он имеет следы трехгранно-выямчатого орнамента в виде двенадцати довольно крупных треугольников, расположенных в два ряда и образующих «змейку».

но, представляет собой место размещения церкви с прилегающим к нему кладбищем. Очевидно, это то самое «место церковное, что была церковь Всемиловитейшего Спаса Нарукотворного Образа», которое упоминается в Приправочных книгах 1628 г. вместе с запустевшим Вязёмским ямом (*Шереметев*, 1916. С. 200). Выявленная возвышенность, видимо, соответствует месту деревянной Спасской церкви. Данная точка очень подходит для постройки храма, поскольку представляет собой край возвышенного плато, обращенный к реке и устью оврага. Именно отсюда осуществлялся въезд на территорию яма. Пролегая по склону оврага, дорога подходила к самому подножию церкви и далее миновала ее, поднимаясь на площадку поселения. При этом церковь играла роль безусловной визуальной доминанты и, несомненно, украшала ям.

Западная, северная и восточная границы кладбища проведены условно — в качестве «опорных точек» использованы надгробные плиты, наиболее удаленные от церковного места. Основаниями для локализации послужили также визуально определяемые следы поселения (неглубокие западины подпрямоугольной формы до 6 м в поперечнике). Предполагается, что их отсутствие вокруг насыпи, а также в местах обнаружения надгробий если не маркирует всю территорию кладбища, то, по крайней мере, обозначает зону, изначально выделенную для захоронений. Мы не можем с достаточной степенью определенности говорить о размерах кладбищенского участка, поскольку в разные периоды функционирования кладбища эти размеры могли существенно варьировать.

Судя по всему, церковь возникла здесь вместе с ямским поселением (на это указывает ранняя датировка обнаруженных надгробий). Можно со всей определенностью утверждать, что кладбище переживает Вязёмский ям и продолжает использоваться во второй половине XVII в., когда церкви уже не существовало: Писцовые книги 1667 г. упоминают «церковное Спасское кладбище» (*Шереметев*, 1916. С. 200).

Как уже было сказано, при визуальном обследовании остальной части памятника (за предполагаемыми границами кладбища) выявлены следы жилых построек. Они имеют вид характерных западин, возникших на месте подпольных ям в результате просадки грунта и отмеченных практически по всей площади памятника. Рассредоточенность западин свидетельствует о типичной дворовой застройке. Возможно, это и есть «дворовые места ямских охотников», упомянутые в Приправочных книгах. Более точная датировка станет возможна лишь после проведения планомерных раскопок.

Обследованию была подвергнута лишь одна подпольная яма, серьезно поврежденная в ходе прокладки траншеи 1941 г. В ее придонной части, на глубине 1,6 м, при зачистке обнажения зафиксированы истлевшие остатки деревянного пола. Непосредственно над ним залегал гумусированный слой, содержащий керамику второй половины XV — первой половины XVI в. и железные гвозди.

Судя по составу керамического материала, встреченного на площадке селища, интенсивная жизнь здесь продолжалась и в последующий период — вплоть до Смутного времени. Какая-то хозяйственная деятельность осуществлялась тут и в XVII–XVIII вв. Скорее всего, она связана с ямщиками Дорогомиловской слободы, эксплуатировавшими вязёмские угодья после угасания яма. Следы этой деятельности присутствуют в виде углежженных ям, устроенных сразу за южным оврагом. В соответствии с картой 1826 г., до конца первой трети XIX в. территория яма представляла собой обширную поляну, окруженную лесом. Карта 1852–1853 гг. также показывает на месте селища безлесное пространство, которое вскоре занимается лесными посадками (Топографическая карта Московской губернии 1860 г.; Карта глазомерной съемки 1826 г.). Залесение селища именно в этот период подтверждается возрастом древостоя на территории кладбища. Ряды деревьев вблизи церковного места прослеживаются до сих пор.

Керамический материал, происходящий с территории селищ Ямщина 2 и Ямщина 3 довольно разнообразен. Основная его часть была получена в ходе шурфовок, а также в результате исследования обнажений культурного слоя на селище Ямщина 3.

Наиболее ранняя группа керамики представлена фрагментами сосудов, изготовленных из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка (встречаются остроугольные включения кварцитов размером до 2 мм в поперечнике). Характерная особенность формовочной массы заключается в присутствии мельчайших частиц слюды. У значительной части фрагментов двух- и трехцветный излом, что говорит о невысоком качестве обжига. Имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры венчиков указывают на преобладание сосудов малого и среднего размера.

Значительное количество определяемых фрагментов принадлежит венчикам горшков, край которых оформлялся срезом (рис. 5, 1, 6). Венчики подобных форм известны в Москве в комплексах золотоордынской эпохи (МК, 1991. Табл. 39, 2124; 48, 2365; 82, 1695). На одном из образцов этого ти-

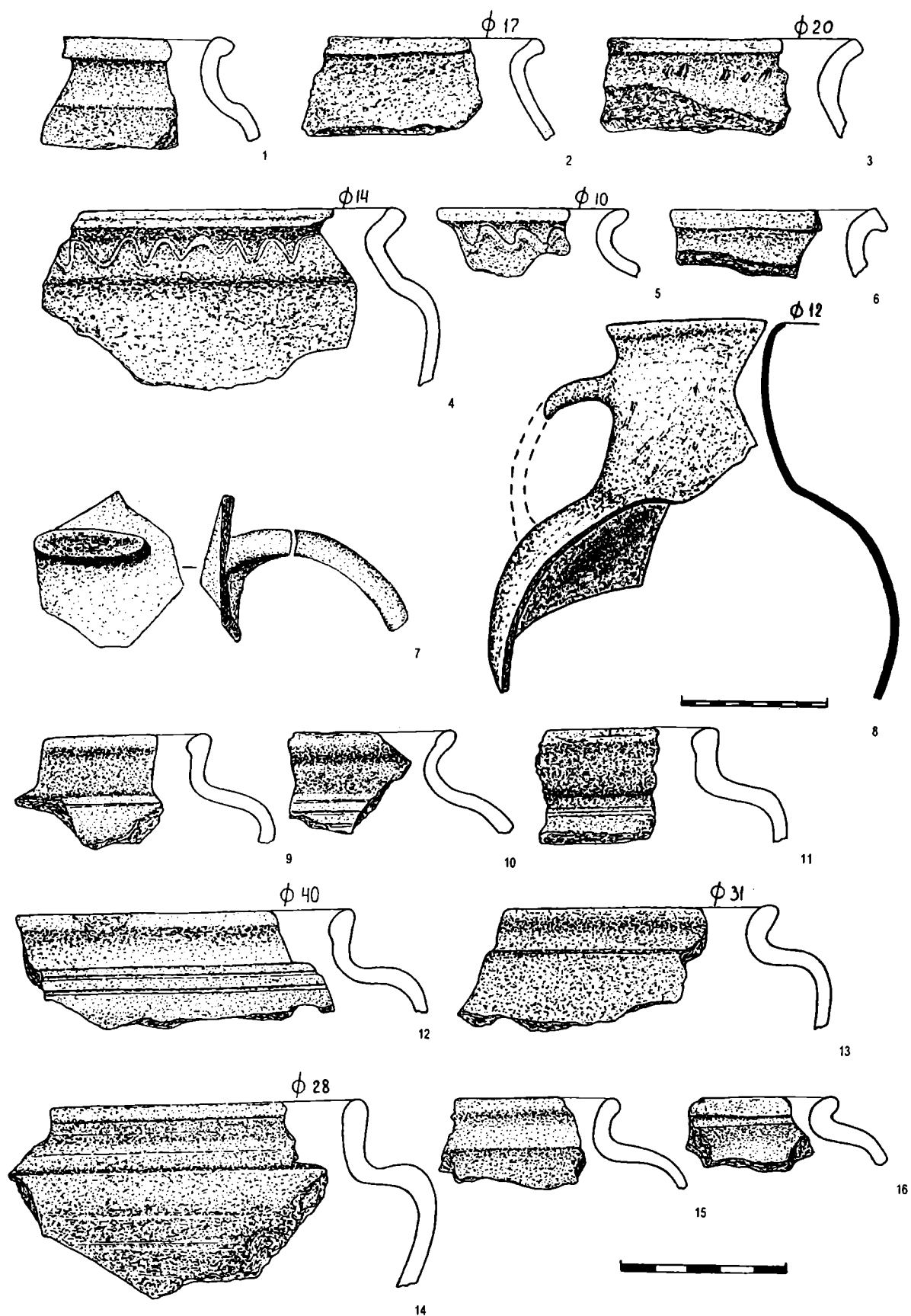

Рис. 5. Селища Ямщина 2 и Ямщина 3. Керамика

1, 2, 5, 8, 12, 13, 14 — из разрушенного сооружения; 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 15, 16 — подъемный материал

па отметим ребро по плечу (рис. 5, 1). Другому типу принадлежали слабоогнутые венчики с округлым краем (рис. 5, 3). Многочисленные аналогии им присутствуют в керамических комплексах Москвы (МК, 1991. Табл. 33, 791; 52, 1030; 59, 3750, 3778; 60, 5159, 5096). Обращают на себя внимание также более профилированные венчики, заметно отогнутые наружу, «черновой» край которых оформлен в виде небольшого валика (рис. 5, 2, 4). Близкие по форме венчики встречены при раскопках в Москве на территории Монетного двора и в Старом Ваганькове (МК, 1991. Табл. 53, 4686; 59, 3744; 76, 190; 91, 4148). Несколько менее профилированными были венчики со слегка приостренным краем (рис. 5, 5), аналогии которым также хорошо известны в Москве (МК, 1991. Табл. 48, 2215; 79, 2511). Есть несколько экземпляров с бороздкой по краю (рис. 5, 4). Данная особенность неоднократно отмечена в материалах из Москвы (МК, 1991. Табл. 33, 738; 91, 3531, 4079). Некоторые сосуды имеют орнамент в виде волны по шейке (рис. 5, 4, 5). Волна довольно частая, слегка скошенная, плавных очертаний.

Описанные керамические типы датируются по московским аналогиям в пределах широкого хронологического периода (XIV — первая половина XV в.). Пока нельзя сказать что-нибудь определенное о времени их бытования на исследуемом памятнике. Лишь дальнейшие работы позволяют пролить свет на данный вопрос.

Другая визуально определяемая группа керамики (рис. 5, 9–14) обладает типичными признаками так называемой «красной гладкой» посуды (прямо поставленный подтреугольный венчик, резкая профилировка на перегибе от венчика к плечикам и от плечиков к тулову, линейный орнамент по плечу). Сосуды данного типа изготовлены из глины с примесью мелкого песка. Однако лишь один фрагмент с хорошим, равномерным обжигом и «классической» профилировкой может быть отнесен к сосуду московского производства. По мнению В. Ю. Коваля, он имеет столичное происхождение, в то время как остальные изготовлены по московским образцам в русле местной керамической традиции¹. Выделенная группа могла существовать одновременно с московской красноглиняной «гладкой» посудой. В таком случае, ее допустимо датировать в пределах первой — третьей четвертей XVI в. Именно такая керамика происходит со дна обнаруженной подпольной ямы.

Следующая керамическая группа практически не встречается в Москве. Это керамика местного

производства, генетически связанная с московской красноглиняной посудой, но обладающая ярким своеобразием (рис. 5, 16; рис. 6, 4, 5, 11). Она изготовлена из глин разной степени ожелезненности без видимых примесей (цвет черепка — от красного до бледно-кремового). Из-за насыщенности формовочной массы мелкодисперсным песком (естественная примесь в глине), черепок имеет шероховатую фактуру поверхности. Венчики некоторых сосудов, принадлежащих к данной керамической группе, практически полностью повторяют форму, характерную для «красной гладкой» посуды (рис. 6, 5). В то же время встречаются венчики округлых очертаний, существенно отличающихся от московских образцов (рис. 5, 16).

Среди керамического материала селища Ямщина 3 встречены единичные экземпляры ангобированной и чернолощеной посуды XVI в. Заметную долю составляют фрагменты красноглиняных кувшинов. Кувшины представлены несколькими типами. Среди них есть кружкообразные сосуды, хорошо известные по московским образцам (рис. 6, 1), которые выделяются по ряду характерных признаков (неразвитое горло, расширяющееся к основанию тулово со следами разреженного вертикального лощения). Обнаруженные фрагменты ручек как правило имеют форму подпрямоугольной в сечении пластины (рис. 5, 7; 6, 6). Наряду с ними встречены ручки овального сечения, имеющие продольный надрез (рис. 6, 2).

О кувшине, происходившем со дна обнаруженной подпольной ямы (рис. 5, 8), следует сказать особо. Сохранились: венчик диаметром 12 см, горло, часть ручки и часть тулова. По своей форме сосуд аналогичен краснолощеным кувшинам с селища у Воскресенского погоста (МК, 1991. Табл. 74, 340–342). Однако наш экземпляр не покрыт лощением и сформован из керамического теста с примесью крупнозернистого песка (поверхность шероховатая). Двухцветный слоистый черепок свидетельствует о неполном обжиге. Край сосуда не имеет валика. Перечисленные признаки сближают данный экземпляр с кувшином из материалов селища Семхоз 4 (Чернов, 1996. С. 90. рис. 14, 94–216, 94–217).

Белоглиняная керамика представлена двумя классическими типами, хорошо известными по материалам Москвы и Подмосковья. Следует отметить, что в материалах с селища Ямщина 3 белоглиняная керамика всех типов количественно уступала красноглиняной керамике. Несколько

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность В. Ю. Ковалю за помощь в определении керамики.

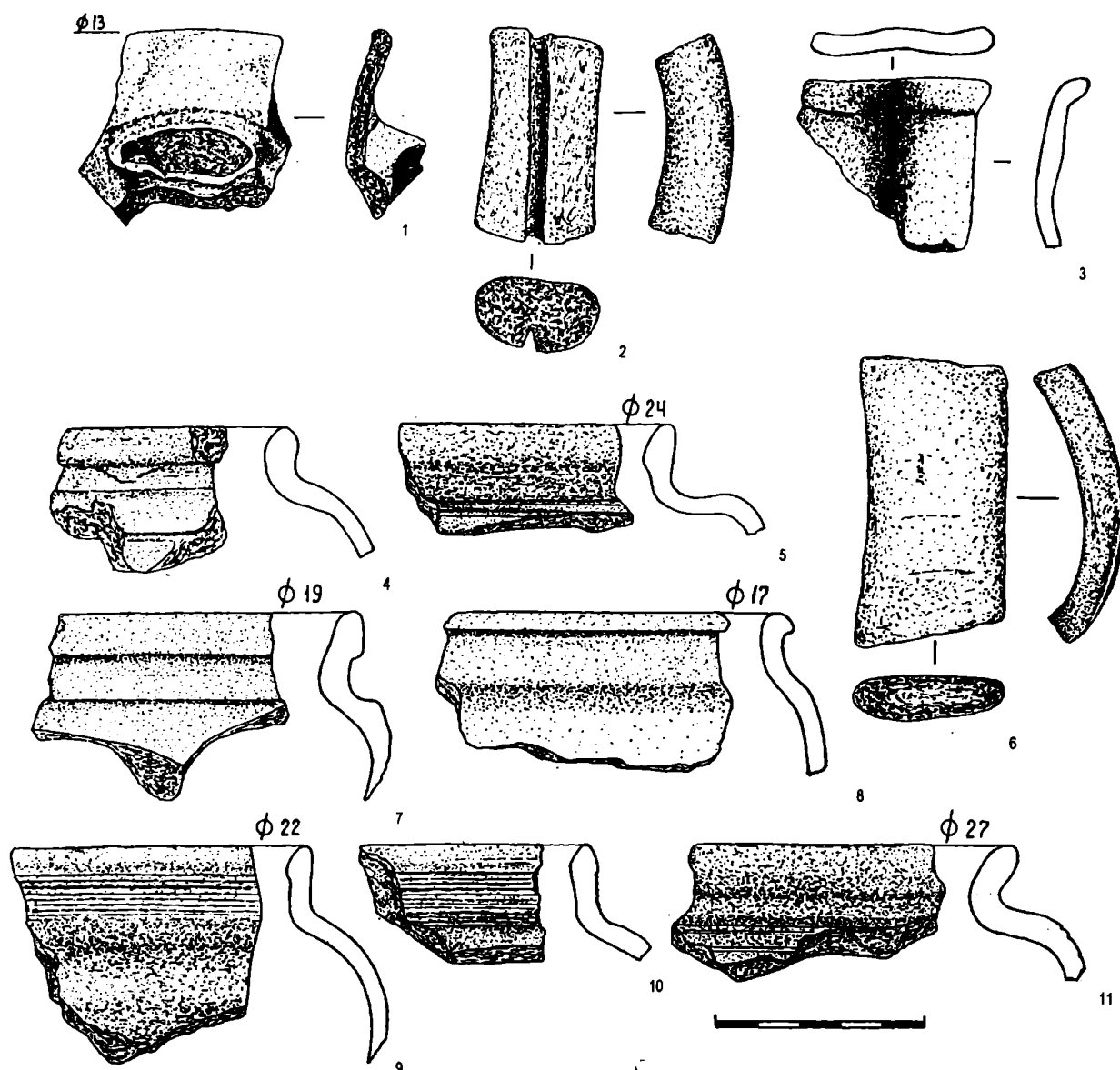

Рис. 6. Селища Ямщина 2 и Ямщина 3. Керамика (подъемный материал)

ского теста с примесью крупнозернистого песка (поверхность шероховатая). Двухцветный слоистый черепок свидетельствует о неполном обжиге. Край сосуда не имеет валика. Перечисленные признаки сближают данный экземпляр с кувшином из материалов селища Семхоз 4 (Чернов, 1996. С. 90. рис. 14, 94–216, 94–217).

Белоглиняная керамика представлена двумя классическими типами, хорошо известными по материалам Москвы и Подмосковья. Следует отметить, что в материалах с селища Ямщина 3 белоглиняная керамика всех типов количественно уступала красноглиняной керамике. Несколько больше белоглиняной керамики происходило с селища Ямщина 2.

Фрагменты сосудов, относящихся к так назы-

ваемой «белой грубой» керамике (или МБК-1 по В. Ю. Ковалю) встречаются практически повсеместно (рис. 6, 7, 8). Они имеют характерный для данного типа облик и состав формовочной массы. Есть все основания полагать, что появление подобной керамики на селище Ямщина 3 хронологически согласуется с ее широким распространением в Москве, то есть может быть отнесено к середине — второй половине XVI в. (Коваль, 2001).

Другой керамический тип составляет так называемая «белая гладкая» посуда (МБК-2 или «керамика коломенского типа» по В. Ю. Ковалю) (рис. 6, 9, 10), появляющаяся в Москве в большом количестве с начала XVII в. Эта керамика относится к периоду угасания яма, а ее заметное присутствие на памятнике, видимо, связано с использова-

нием ямских угодий в XVII в. Любопытно, что фрагменты именно такой посуды доминируют в составе подъемного материала со дна оврага.

К наиболее поздней керамике, собранной с территории селища Ямщина 3, относятся фрагменты белоглиняных кувшинов, принадлежащих к МБК-1 и украшенных отпечатками зубчатого колесика, нанесенными на невысокий валик. Как считает А. А. Полюлях, орнаментированные подобным образом сосуды появляются не ранее середины XVII в. (Полюлях, 2000. С. 112).

Как видим, материалы селищ Ямщина 2 и Ямщина 3 представляют безусловный интерес и способны внести существенный вклад в изучение позднесредневековой керамики ближнего Подмосковья. Подведем некоторые итоги. Изучение негородских памятников археологии в большинстве случаев сопряжено с неизбежными трудностями, которые испытывает всякий специалист, сопоставляющий результаты полевых исследований с данными письменных источников. Как правило, проблема состоит в совмещении двух реальностей, одна из которых представляется натурно-археологической данностью, а другая — существует в виде совершенно самостоятельного информационного пласта, образованного совокупностью историко-документальных свиде-

тельств. Проблема не снимается даже в том случае, когда конкретный памятник надежно «привязан» к топониму, имеющему солидное письменно-историческое освещение. Ведь остается известное несоответствие между историческим образом, возникающим единовременно, на основе письменных источников, и археологическим обликом памятника, формирующимся постепенно, «порционно», иногда подтверждая, иногда опровергая уже имеющиеся представления.

Проведенные исследования показывают, что Вязёмский микрорегион демонстрирует более тесную связь между археологией и письменной историей, нежели того обычно ожидают от сельских памятников. Целый информационный массив, относящийся к дипломатической истории Московской Руси XV–XVI вв., находит строгое археологическое соответствие в виде незаурядного комплекса.

Учитывая хорошую сохранность памятников, а также безусловную значимость Вязёмского яма для истории страны (как важного пункта международных коммуникаций), представляется совершенно необходимым предпринять специальные меры по охране данного объекта археологического наследия.

Литература

- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836.
- Веселовский С. Б., Перцов В. Н., 1992. Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М.
- Вишнев А. Н., 1977. История отечественной почты. Ч. 1. М.
- Виноградов А. И., 1993. Вязёмы: из глубины веков // Захарово-Вязёмы. Сборник статей участников 1-й музейно-научно-практической конференции. Большие Вязёмы.
- Гурлянд И. Я., 1900. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль.
- Дорогомилово: из истории московского полуострова. 2000. // <http://www.dorogomilovo.ru/history>
- ДДГ, 1950. М.
- Жукова Л. В., 1997. Вязёмы в XVI в. // Захарово-Вязёмы. Сборник музейных исследований. Вып. 4. Большие Вязёмы.
- Иностранцы в древней Москве. М., 1991.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Кротов М. Г., б. г. Известия о Вязёмах в книгах посольского приказа // Архив ГИЛМЗ.
- МК. М., 1991.
- Новиков В. И., 1988. Большие Вязёмы. М.
- Одинцовская земля. М., 1994.
- Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
- Полюлях А. А., 2000. К вопросу о производстве в Гжели белоглиняной керамики XVI–XVII вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Попадюк С. С., 1998. Большие Вязёмы. Материалы к проекту генеральной схемы развития Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы Голицынских чтений. Большие Вязёмы.
- СИРИО. Т. 35. СПб., 1892.
- Список населенных мест Российской империи. Московская губерния. СПб., 1862.
- Чернов С. З., 1996. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Чернов С. З., 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII — первой половине XIV века // Археология Подмосковья. М.
- Шереметев П., 1916. Вязёмы. Пгг.

Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке)

Село Аносино расположено на правом берегу р. Истра. В окрестностях села расположено несколько археологических памятников древнерусского времени, что свидетельствует о достаточно раннем освоении этой территории (рис. 1). В XIV в. эти земли входили в состав великокняжеских владений и находились на границе между владениями второго сына Ивана Калиты — Ивана (будущего великого московского князя Ивана Красного) и княгини Ульяны (Юшко, 2002. рис. 6). Однако в духовных грамотах самого Ивана Калиты и его потомков Аносино не упоминается. В XV–XVII вв. территория села и его округа входила в состав Сурожского стана Московского уезда. В писцовых книгах 1584–1586 гг. Аносино также не упомянуто, хотя там отмечены соседнее с ним село Лужки (Лушенки), сельцо Вельяминово и пустошь Ломаново («Писцовые книги...», 1872. С. 109, 111, 116). Видимо, в тот период этого населенного пункта не существовало.

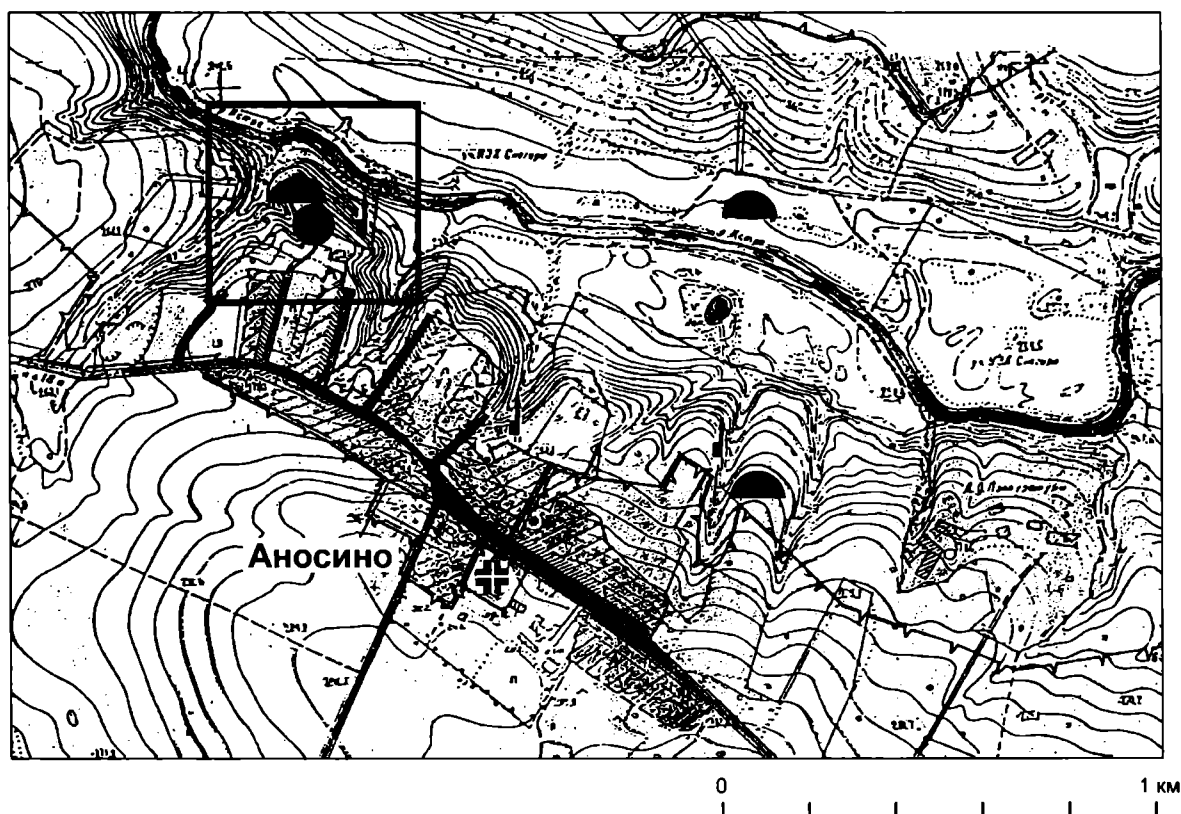
Деревня Аносино впервые появляется на плане Генерального межевания 1767 г. как тяготеющая к селу Павловскому (современная Павловская слобода). Она принадлежала княгине А. Н. Мещерской и состояла из 23 дворов со 196 жителями (рис. 2). Вероятно, эта деревня возникла в XVII в. или начале XVIII в. Селом Аносино становится в 1812 г. с постройкой Троицкого собора. В 1823 г. владелицей села Евдокией Николаевной Мещерской в память об умершем муже был основан девичий Борисоглебский Аносин ставропигиальный монастырь. Кроме Троицкого собора, в нем были построены церкви св. Дмитрия Ростовского (1824 г.) и св. Анастасии (1829 г.) («Монастыри...», 2001. С. 139) (рис. 3). По другим данным, монастырь был основан в 1835 г. (Монастыри в Российской империи, 1887, с. 44). После основания монастыря село иногда стало называться Борисоглеб-

ским. К 1859 г. в нем было 24 двора и 236 жителей («Список...», 1862. С. 118), а в начале XX в. насчитывалось уже 57 дворов («Населенные местности...», 1913. С. 253).

Непосредственно возле с. Аносино находятся три курганных могильника (АКР, 1995. С. 49–51), один из которых (могильник 3) размещался у северо-западного края села и включал 2 насыпи, из которых до настоящего времени сохранилась только одна¹. Две более крупные курганные группы размещались к северу и востоку от села (соответственно, могильники 1 и 2) (рис. 1). В трех курганах могильника 1 В. А. Городцовым в 1923 г. были найдены труположения на горизонте с бронзовыми перстнеобразными височными кольцами (АКР, 1995. С. 50). Раскопки каких-то курганов в окрестностях села производились М. С. Сергеевым в XIX в. Материалы раскопок (хранятся в ГИМ) включают вещи второй половины XII в., в т. ч. сердоликовые и горнохрустальные бусы, витые браслеты, многобусинные и квадратнощитковые височные кольца, красноглиняный горшок с клеймом на днище (Равдина, 1991. С. 12. Табл. 16, 2). До недавнего времени в ближайшей округе села не было известно ни одного поселения древнерусского времени. Зимой 2002 г. на северо-западной окраине современного села, в урочище «Большие Паны», рядом с упомянутым одиночным курганом, С. З. Черновым было выявлено селище *Аносино-1*. На северо-восточном склоне урочища, близ правого берега р. Истра, размещается крупный родник.

В 2002 г. в связи с выделением части урочища под застройку Подмосковной экспедицией ИА РАН (начальник экспедиции А. В. Энговатова) были проведены охранные археологические раскопки. Всего было заложено 8 раскопов и 4 шурфа. Общая площадь раскопок составила 860 кв. м. В 2004 г. исследования были продолжены двумя

¹ В своде памятников Московской области из-за допущенной ошибки издательства вместо данных о двух курганах, открытых Р. Л. Розенфельдом, приведены дублирующие данные о 1-м Аносинском курганном могильнике (АКР, 1995. С. 51. № 862). Эта ошибка исправлена в дополнениях к своду (АКР, 1997. С. 223), однако допущена новая — размещение могильника указано к ЮЮВ от села, хотя он находится к СЗ от него.

● селища 1 и 2 🏠 курганные могильники

Рис. 1. Месторасположение памятников

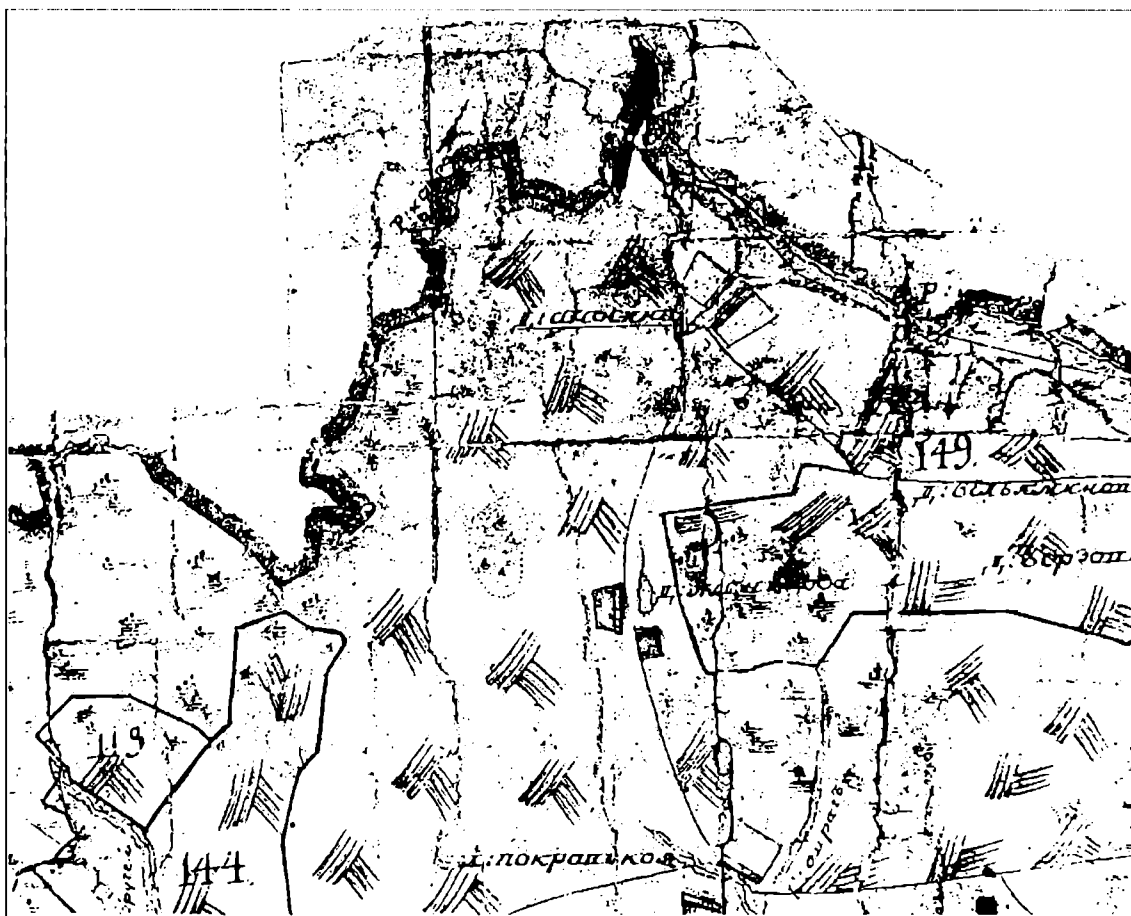

Рис. 2. Деревня Аносино на плане Звенигородского уезда 1784 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2257)

Рис. 3. План села Аносино 1850 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 252. Д. А-27 «с»)

раскопами общей площадью 504 кв. м. Проведенные раскопки показали, что на данном участке существовали два разновременных поселения: Аносино-1, расположенное в северо-западной части урочища «Большие паны» и Аносино-2 в южной части урочища (рис. 4).

Селище Аносино-1 было полностью исследовано раскопами III–IV (2002 г.) и IX–X (2004 г.). Оно расположено на западном краю мысовидного выступа третьей надпойменной террасы правого берега р. Истры (рис. 4; рис. 5). Стратиграфия памятника довольно проста: под дерном залегал гумусированный слой буровато-серой супеси мощностью 10–30 см, содержащий значительное количество гравия (мелких камней естественного происхождения, насыщавших также материк). Следов современной распашки обнаружено не было. Наличие фрагментов керамики (в концентрации от 1 до 4 обломков на 1 кв. м) позволяет рассматривать часть этого горизонта (на площади около 400 кв. м) в качестве остатков культурного слоя поселения (рис. 6). Материк представлял собой рыхлый крупнозернистый песок с мелкими камнями, цвет которого варьировал от светло-желтого до рыжевато-бурого. На поверхности материка были прослежены многочисленные пятна, часть которых маркировала древние ямы, но большинство имело естественное происхождение (по заключению почвоведов, эти пятна являлись остатками полностью сгнивших корневых систем деревьев и кустарников, а также ям-вывалов от упавших или выкорчеванных деревьев)¹. Признаками таких объектов были слабогумусированное неравномерно окрашенное заполнение, нечеткие границы и полное отсутствие в толще пятен каких-либо артефактов (вещей, керамики)².

Наиболее ранние находки, свидетельствующие о времени первоначального освоения данной местности, относившиеся к бронзовому веку, были обнаружены в культурном слое селища и в заполнениях ям средневековой эпохи, то есть в переотложенном состоянии. Это обломок лезвийной части каменного шлифованного топора фатьяновской культуры (конец III–II тыс. до н. э.) (рис. 11, 1) и обломок лепного орнаментированного сосуда баночной формы (рис. 11, 2). Сосуд был

изготовлен из слабоожеженной (кремового цвета) глины, включавшей естественную примесь очень мелкого песка и искусственную добавку крупной дресвы). Внешняя поверхность верхней части сосуда и его край были декорированы оттисками гребенчатого штампа. Эти находки свидетельствуют о посещении людьми площадки урочища уже 4–5 тыс. лет назад, однако стационарного поселения здесь, вероятно, не существовало.

Урочище посещалось людьми и в следующую эпоху раннего железного века. Среди находок имеются обломки от не менее чем четырех лепных сосудов дьяковской культуры середины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.³: «сетчатого» (с нитчатыми отпечатками) и гладкостенных, без следов орнамента (рис. 11, 4–6). Три сосуда были изготовлены из красножгущейся глины с примесью крупной дресвы в формовочной массе, один — из светложгущейся глины с примесью мелкой дресвы, причем на его внешней поверхности остались вдавления, которые могут быть следами прочерченного орнамента (рис. 11, 7). Вероятно, к дославянскому периоду относится и фрагмент литого бронзового украшения в виде «шнура» с петлей (рис. 11, 3). Подобные литые «шнуры» применялись в шумящих украшениях, распространенных у финно-угорского населения лесной зоны Восточной Европы в I тыс. н. э. («Финно-угры и балты...», 1987. Табл. XXXV–XLVII). Все эти вещи также были найдены в культурном слое в переотложенном состоянии.

Основная часть добытого при раскопках селища Аносино-1 материала относилась к средневековой (древнерусской) эпохе. Из культурного слоя происходили 2 железных черешковых ножа (рис. 12, 4, 6) и обломок лезвия ножа, пряслице из розового шифера (пирофилитового сланца) (рис. 12, 14)⁴ и несколько мелких обломков тонкостенных (0,3–0,5 см) керамических тиглей, изготовленных из формовочной массы, приготовленной по рецепту «глина + органика» (то есть без минеральных примесей, чем они существенно отличались от теста бытовой керамики — см. ниже), ошлакованных до серо-черного цвета и частичного остекловывания внешней поверхности. Находки обломков тиглей были сосредоточены на ограниченной территории в центре пло-

¹ Обследование памятника проводилось в процессе проведения археологических раскопок старшим научным сотрудником Института географии РАН к. б. н. А. А. Гольевой, которой мы пользуемся случаем принести свою глубокую благодарность за ценные консультации. В 2002 г. в почвоведческих исследованиях также принимала участие научный сотрудник Почвенного Института им. В. В. Докучаева к. б. н. М. И. Скрипникова.

² В ряде случаев отмечены включения древесного угля, который мог быть следами выжигания поваленных деревьев на участке при его освоении людьми.

³ Лепная керамика дьяковской эпохи составляла 1,5 % всего керамического сбора с площади памятника.

⁴ Еще одно пряслице было найдено в 25 м к юго-востоку от площадки селища (на раскопе VI 2002 г.) (рис. 12, 13).

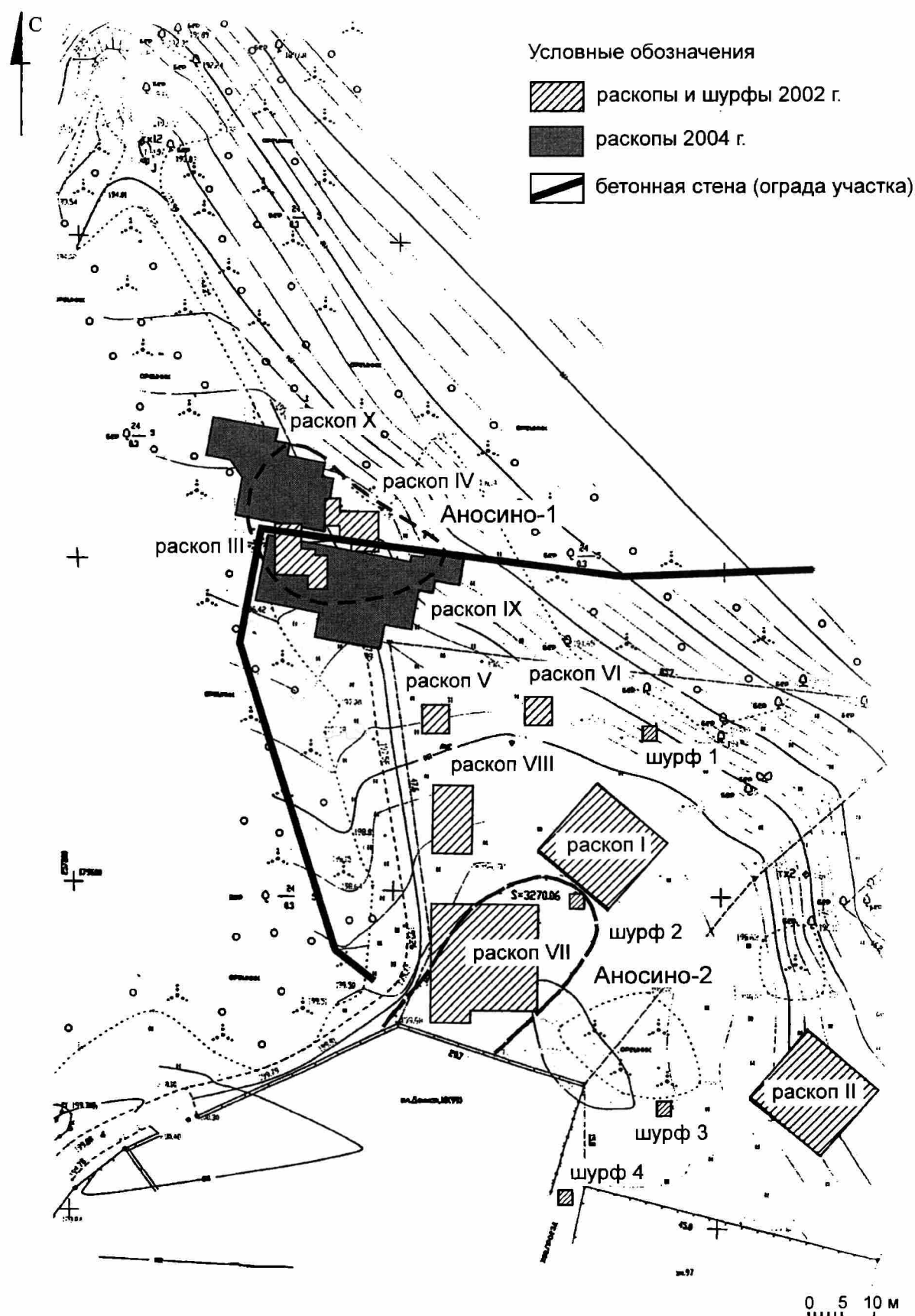

Рис. 4. План урочища Большие Паны с раскопами 2002 г. (раскопы I–VIII, шурфы 1–4) и 2004 г. (раскопы IX и X)

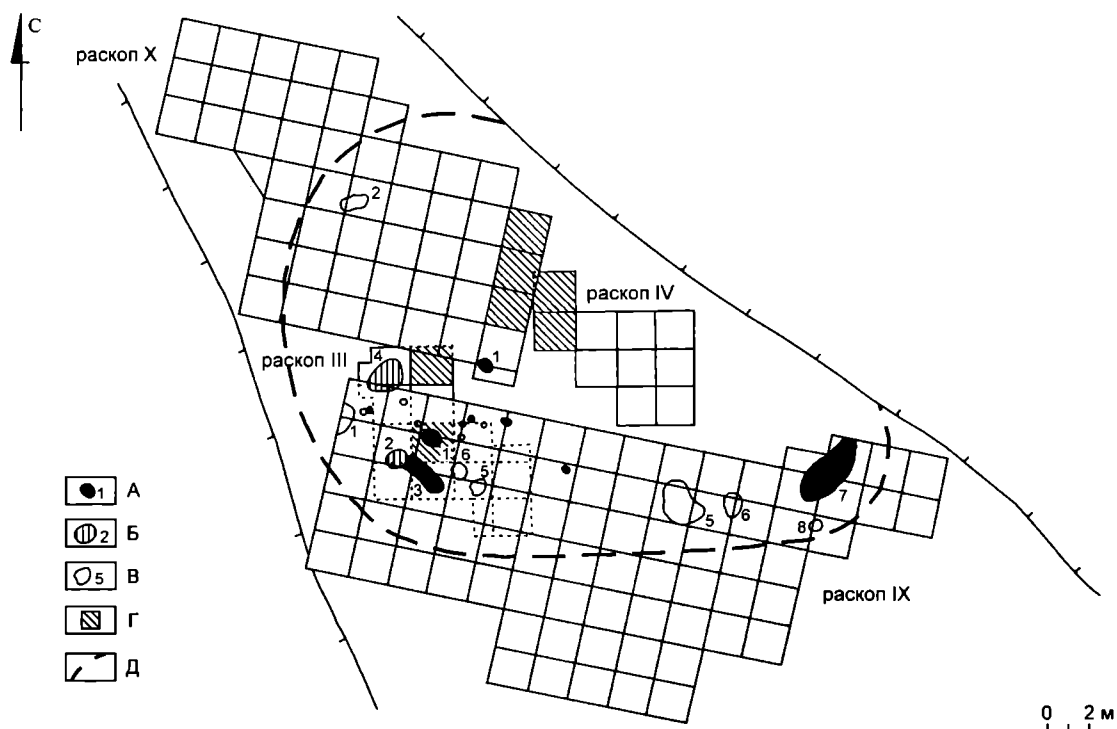

Рис. 5. Селище Аносино-1. Сводный план раскопов III, IV, IX, X

А — ямы (и их номера) с материалами домонгольской эпохи;
 Б — ямы с материалами XIV вв.; В — ямы без датировок; Г — квадраты с находками обломков тиглей;
 Д — приблизительная граница селища Аносино-1

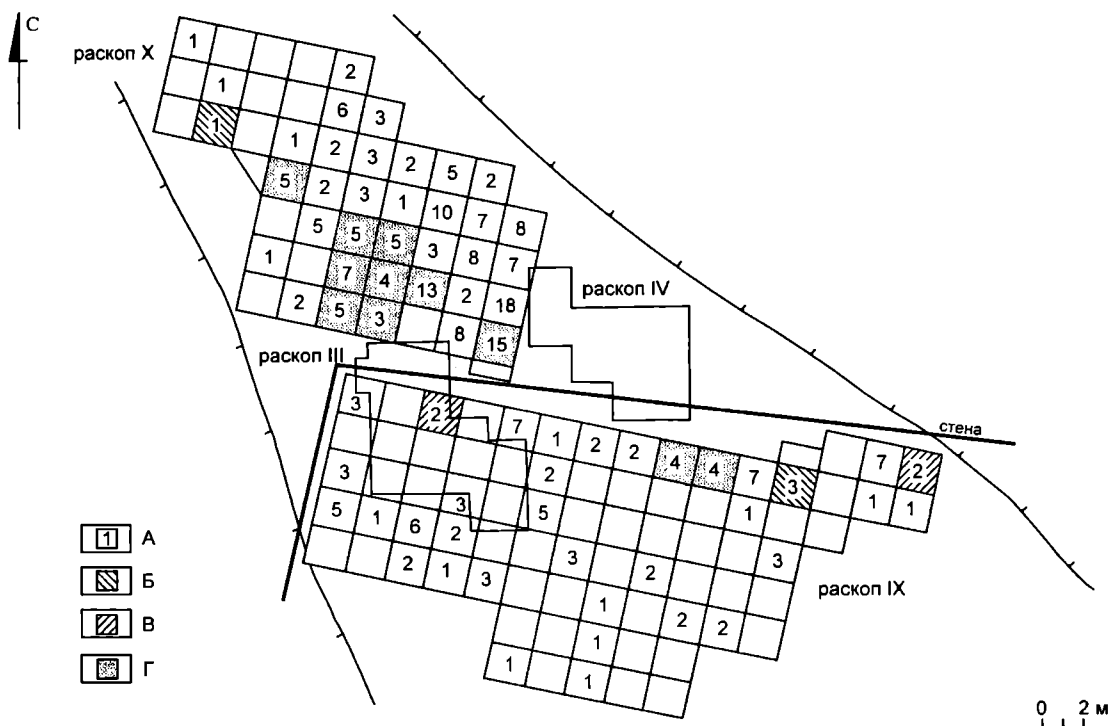

Рис. 6. Распределение керамического материала по раскопам IX и X

А — квадраты с находками круговой керамики домонгольской эпохи (цифра указывает число находок);
 Б — квадраты с находками артефактов эпохи бронзы; В — квадраты с находками лепной керамики дьяковской культуры; Г — квадраты с находками керамики позднего средневековья (XVII–XIX вв.)

щадки селища (рис. 5), вероятно, маркируя производственную зону внутри поселения.

Возможно, к числу вещей домонгольской эпохи относился и обломок глиняного рыболовного грузила подшарообразной формы, диаметром 5,5 см. Такие грузила использовались при ловле рыбы небольшими сетями (Древняя Русь, 1985. С. 228, 242. Табл. 90, 4). Грузило было изготовлено из слабоожеженной глины с органической примесью (другие примеси отсутствовали) и обожжено в восстановительном режиме. По своей форме это грузило относится к числу ранних орудий такого типа, не использовавшихся позже XV в. (Грибов, Цепкин, 2004. С. 81).

Особо надо отметить привеску-лунницу (рис. 12, 1), изготовленную литьем в односторонней форме из сплава белого цвета (вероятно, свинцово-оловянистого). Она относится к типу круторогих средних, которые бытовали на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XII–XIII вв., но наиболее характерны были для памятников, оставленных племенами вятичей на территории Московской и восточной части Смоленской областей (Седова, 1997. С. 69. Табл. 54, 19)¹.

Керамика из культурного слоя была относительно немногочисленной (за 2 года работ здесь было собрано всего 650 обломков сосудов, большинство из которых имело мелкие размеры). За исключением единичных обломков упоминавшихся выше лепных горшков дославянской эпохи, вся остальная керамика была изготовлена на гончарном круге и относилась к эпохе средневековья, при этом почти вся она характеризовалась признаками посуды домонгольского времени (см. ниже). Отдельные фрагменты керамики принадлежали позднесредневековым изделиям, в основном белоглиняным горшкам XVII в. (рис. 19, 6). На площадке селища найден только один развал горшка, который можно датировать XVIII в. (рис. 19, 7). В культурный слой он попал, несомненно, в результате случайных причин, однако его находка свидетельствует о постоянных посещениях этого места жителями исторической деревни Аносино. Почвоведческие исследования показали, что площадка урочища подвергалась распашке, следовательно, данный участок земли длительное время находился в активном хозяйственном использовании.

На площади селища был обнаружен 21 углубленный в материк объект (ямы антропогенного происхождения). 10 из них являлись столбовыми ямами, одна, вероятно, представляла со-

бой остатки подполья в жилом доме (яма 7 раскопа IX), а остальные могли иметь хозяйственное назначение. При этом лишь для 8 ям имеются основания для их датировки домонгольской эпохой (из них 4 ямы являются столбовыми и датируются этим временем условно, на основании находок единичных обломков керамики). Еще 2 ямы датировались XIV–XV вв., а остальные 11 ям не могли быть датированы даже предположительно (рис. 5). Их можно причислять к следам хозяйственной деятельности домонгольской эпохи лишь условно.

В юго-западной части площадки селища, в раскопе III (2002 г.), были выявлены 2 неглубокие ямы с материалами домонгольской эпохи (ямы 1 и 3), заполнение которых состояло из супесей черного и коричневого цвета и не содержало обломков печины (т. е. остатков отопительных устройств) (рис. 7, 8). В яме 1 найдены железный черешковый нож (рис. 12, 5) и обломки ошлакованных тиглей. В яме 3 датирующих находок встречено не было, но именно над этой ямой была найдена привеска-лунница (см. выше). Край ямы 3 был прорезан более поздней ямой 2, с которой, вероятно, был связан и развал красноглиняного горшка с профилировкой и волнистой орнаментацией, характерными для XIV в. (он был найден в верхней части заполнения ямы 3, где залегал культурный слой, отложившийся в золотоордынский период и просевший в более раннюю яму) (рис. 14, 1). Заметим, что керамика XIV в. (красноглиняная, с примесью мелкой дресвы в тесте, украшенная волнистым орнаментом) присутствовала также в яме 4 раскопа III (2002 г.). Вероятно, ямы 2 и 4 маркировали расположение какой-то поздней постройки, возникшей в XIV в. (то есть в период существования селища Аносино-2 — см. ниже) на месте селища домонгольской эпохи.

К востоку от описанных выше объектов в раскопе IX (2004 г.) была исследована яма 7, отличавшаяся значительными размерами (340x160 см) и глубиной (более 60 см), которая могла представлять собой углубленную часть наземной постройки (рис. 7, 8). Материал из ее заполнения не отличался от других ранних комплексов селища: здесь были найдены железный черешковый нож (рис. 12, 8) и фрагмент серебряного пятилопастного височного кольца без боковых колечек (рис. 12, 2), характерного для вятичских древностей первой половины XII в. (Равдина, 1968. С. 139–140. рис. 1, 5). Заметим, что в заполнение ямы этот обломок вполне мог попасть и несколь-

¹ Находка была сделана непосредственно над ямой 3 раскопа III (2002 г.) и вполне могла быть связана с этим комплексом.

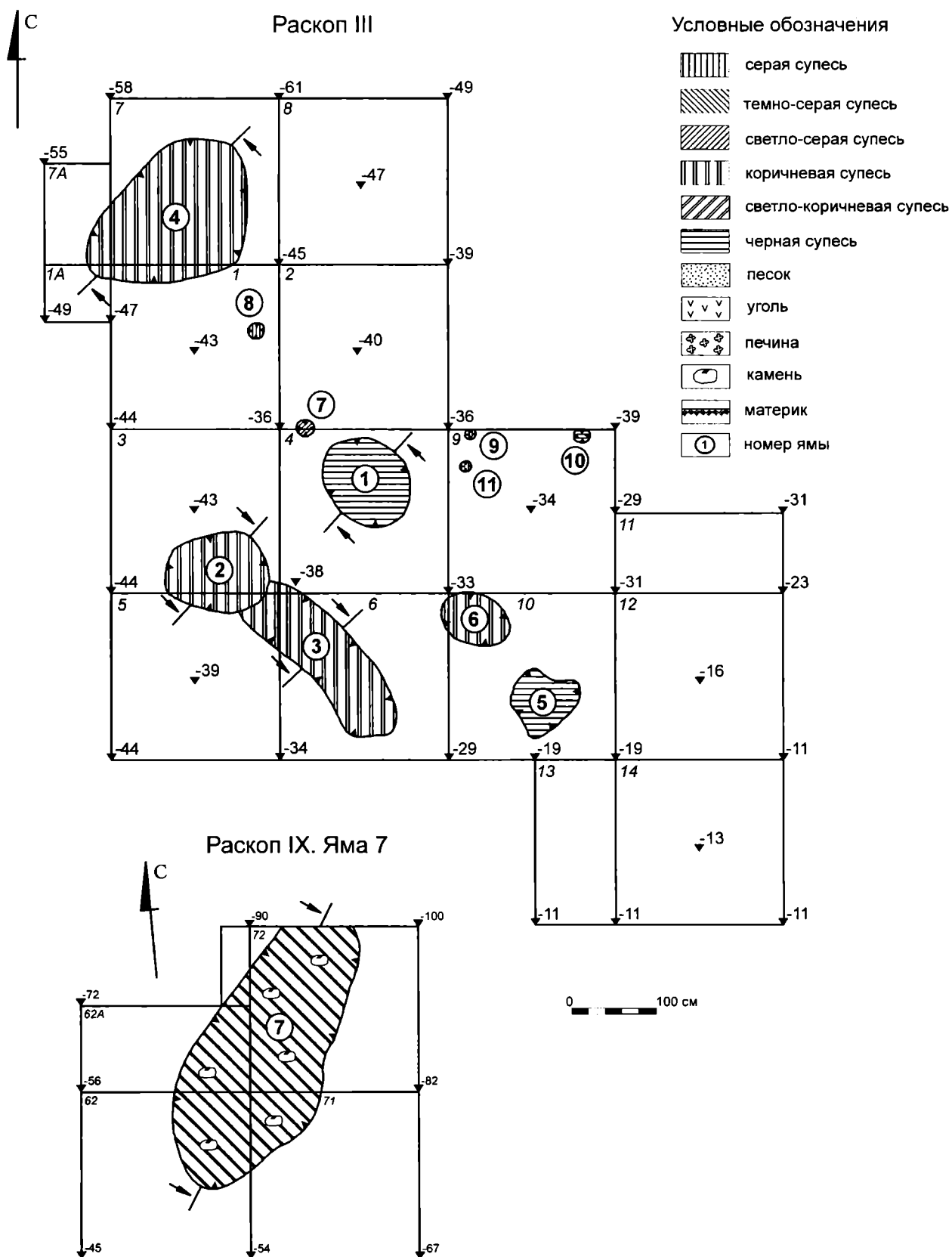

Рис. 7. Селище Аносино-1. Планы ям на раскопах III и IX

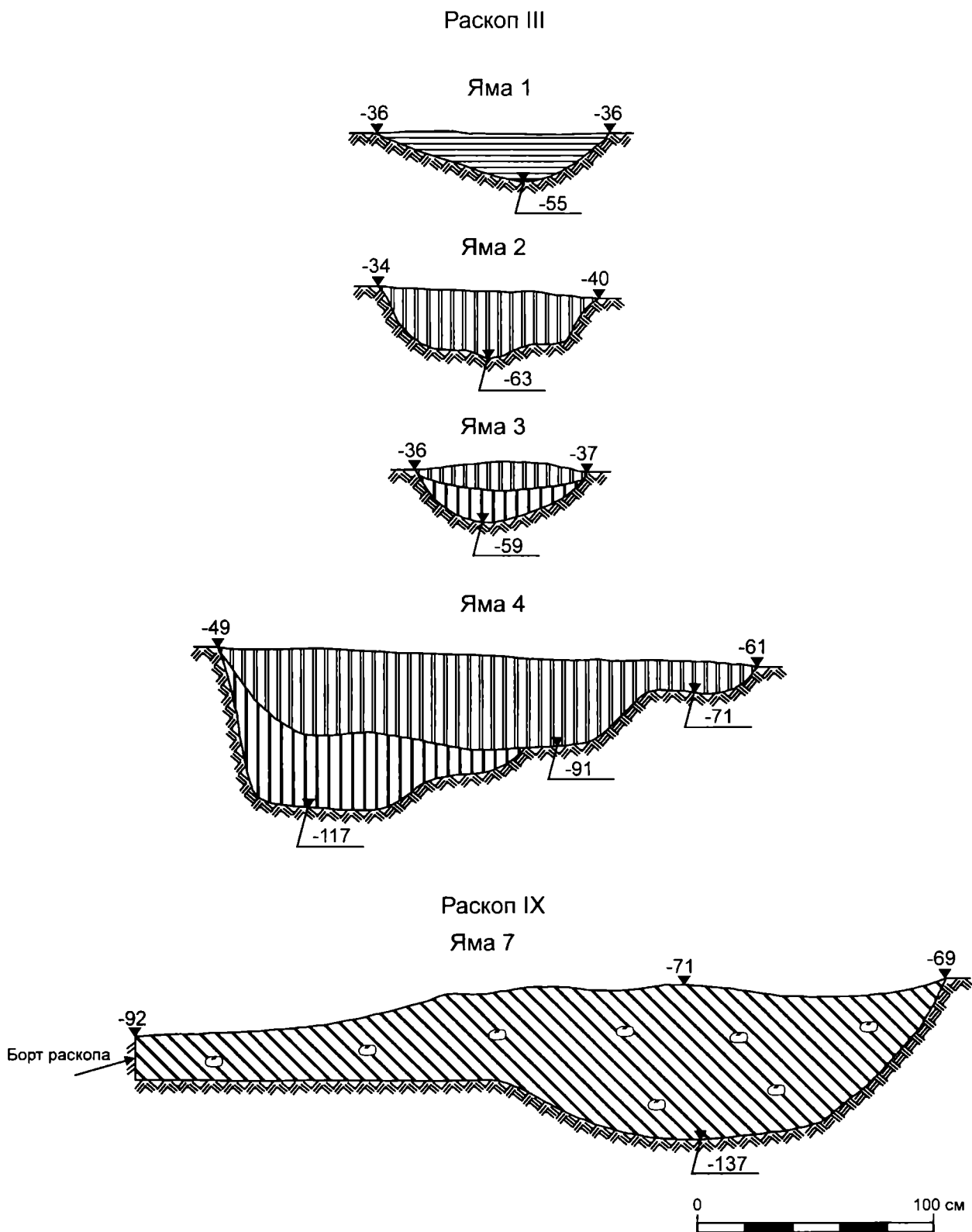

Рис. 8. Селище Аносино-1. Разрезы ям на раскопах III и IX.
Условные обозначения см. на рис. 7

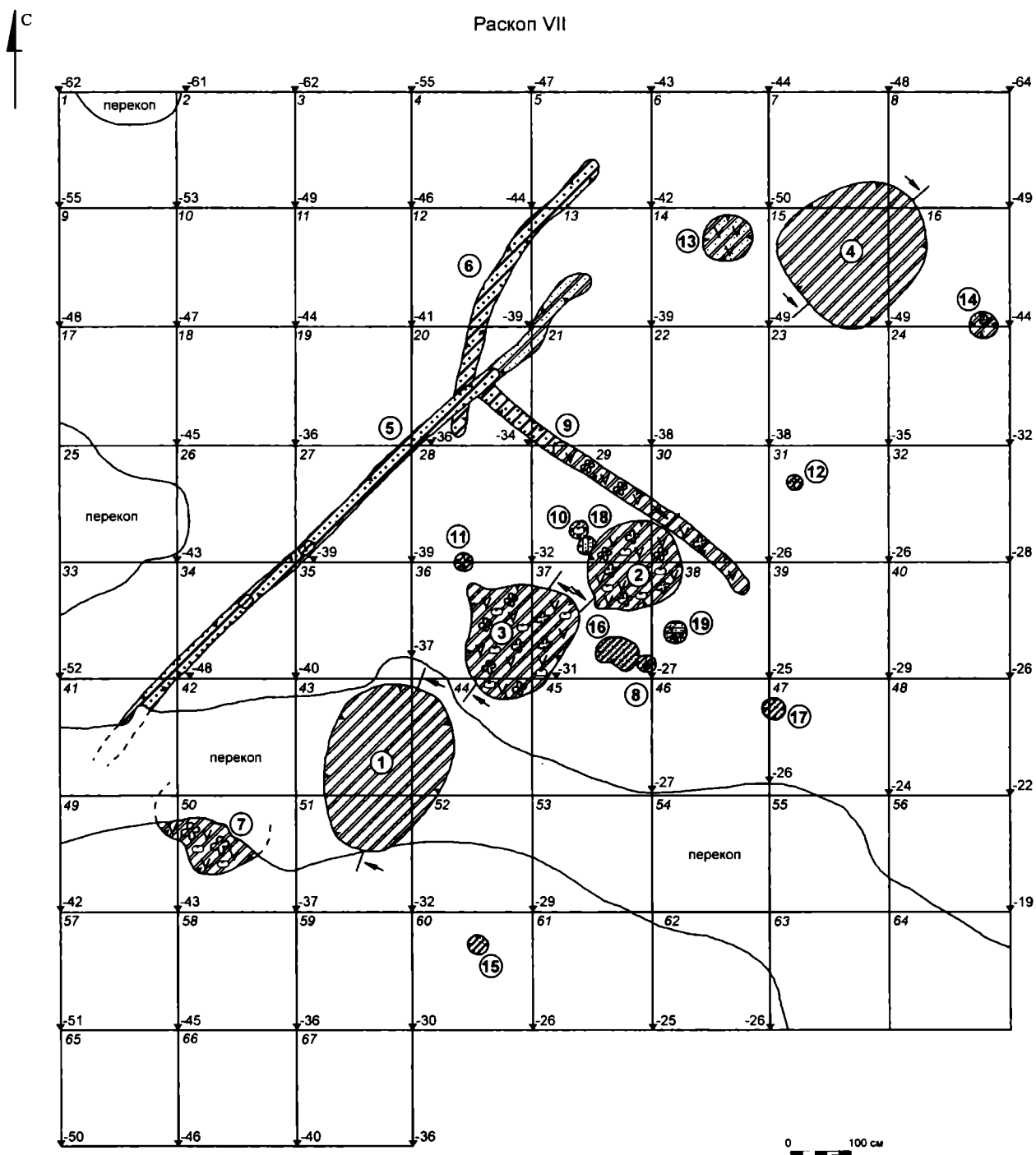
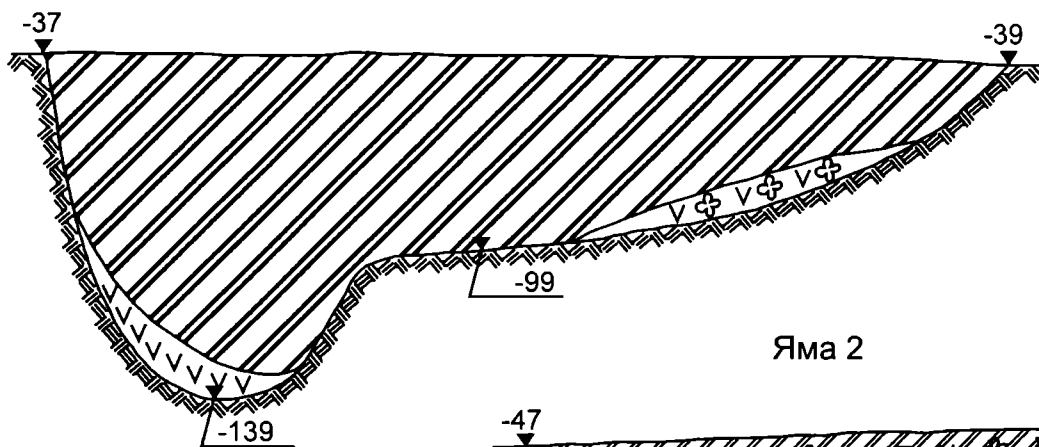

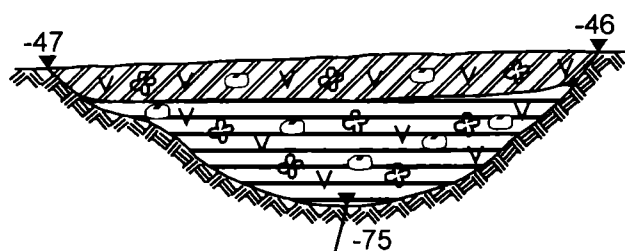
Рис. 9. Селище Аносино-2. План раскопа VII.
Условные обозначения см. на рис. 7

Раскоп VII

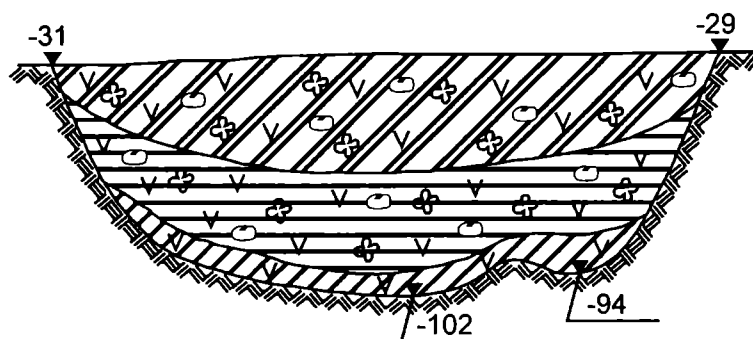
Яма 1

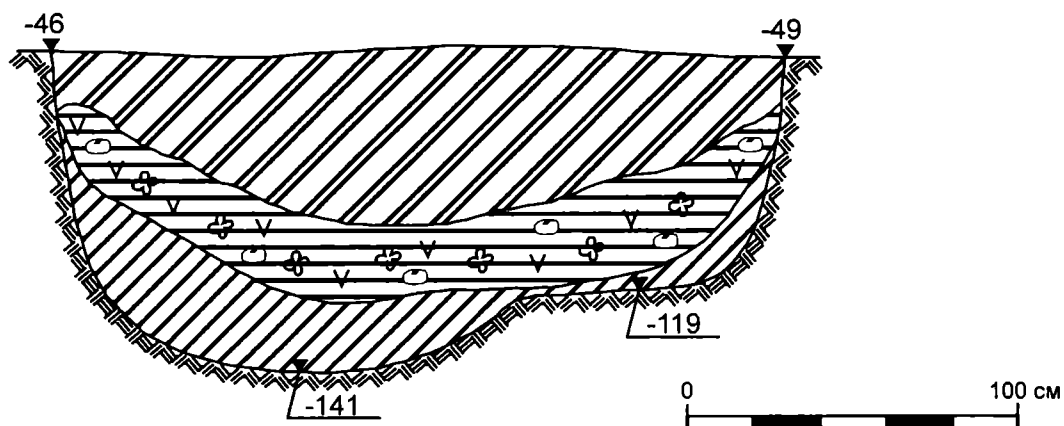
Яма 2

Яма 3

Яма 4

0 100 см

Рис. 10. Селище Аносино-2. Разрезы ям на раскопе VII.
Условные обозначения см. на рис. 7

ко позже времени его бытования (определенного по погребальным памятникам) из культурного слоя, которым яма засыпалась.

Таким образом, только 6 объектов из числа исследованных на площади селища относились к домонгольскому культурно-хронологическому горизонту, а их заполнение формировалось одновременно с начальной фазой накопления на площадке памятника культурного слоя. Эти заглубленные в материк объекты могли принадлежать 2 или 3 постройкам, одна из которых, вероятно, была жилой, а остальные хозяйственными. К сожалению, достоверно установить месторасположение жилой постройки по имеющимся данным невозможно, поскольку следы отопительного устройства, находившегося некогда в деревянном наземном доме, не сохранились. Можно лишь предполагать, что жилой дом размещался на краю склона, обращенного к р. Истре (над ямой 7), а к западу от него находились дворовые хозяйственные постройки. В северной части площадки селища размещалась зона, в которой были обнаружены обломки керамических тиглей (рис. 5) и фрагменты остеклованной печины (подобное остекловывание глины могло произойти только при очень высоких температурах — при пожаре или внутри горна), которые, возможно, маркируют еще одну зону усадьбы — производственную, где происходила плавка цветных металлов.

По немногочисленным вещевым находкам селище могло быть датировано в пределах домонгольской эпохи. Единственным предметом с узкой датой был обломок пятилопастного височного кольца первой половины XII в., но одной находки, разумеется, недостаточно для установления даты поселения. Тем большее значение приобретал керамический материал с площадки селища, объем которого составлял около 1000 образцов (обломки сосудов размерами не менее 4 кв. см). Из них большую часть (650 шт.) составляла керамика из почвенного слоя (остатков культурного слоя), а остальные образцы происходили из заполнения ям. К сожалению, лишь в одной из ям (упоминавшейся выше яме 7) был найден репрезентативный набор керамики (более 100 обломков). Поэтому при проведении статистической обработки керамики¹ использование отдельных комплексов было нецелесообразно, ибо давало заведомо искаженные результаты. Единственным выходом в данной ситуации было исследование всего массива керамики с площадки селища, т. е. суммарного объема образцов

из культурного слоя и всех ям, собранных на площади раскопов III, IV, IX, X.

Между тем, керамический комплекс селища требовал к себе особо пристального внимания, поскольку состоял из 2 групп керамики, существенно различавшихся друг от друга, составлявших 85 % всей керамики. Прежде, чем перейти к рассмотрению этих групп, надо отметить, что остальные 15 % сбора составляли лепная керамика дославянской эпохи (1,5 %), красноглиняная керамика XIV–XV вв. (рис. 13, 35, 37, 40, 41, 43, 46; 14, 1) и белоглиняная керамика XVII–XVIII вв. (рис. 19, 6, 7), попавшие в культурный слой в процессе длительного хозяйственного освоения данной территории.

Обратимся теперь к исследованию двух доминировавших групп керамики (см. табл. 1). **Первая группа** была представлена обломками горшков (других функциональных форм не встречено), изготовленных из красножгущихся глин с некалиброванными примесями песка (в основном — мелкого) и дресвы (как мелкой, так и крупной), прошедших окислительный неполный (то есть восстановительно-окислительный) обжиг, фиксируемый по полосе черного цвета на изломе черепка. Именно такие технологические особенности характерны для керамики Москвы и всей долины Москвы-реки на протяжении XII–XIV вв. Признаки морфологии и технологии изготовления венчиков и днищ, а также декор позволяют уточнить датировку собранного керамического комплекса. Надо отметить, что все собранные обломки принадлежали только одной функциональной форме керамики — горшкам и горшкам-мискам (горшкам низких пропорций), кроме того, встречен 1 обломок крышки от горшка (рис. 13, 30).

Формы венчиков этих горшков оказались характерны для XII — первой половины XIII вв. (Розенфельдт, 1968. Табл. 1). Доминировавшими были сильнопрофилированные венчики с валикообразным краем (типов 18/2, 23/2, 28/2) (рис. 13, 1–8; 14, 2), доля которых составляла почти $\frac{1}{3}$ всех венчиков (табл. 1). Венчики таких типов, являясь общерусскими в домонгольскую эпоху, характерны как для керамики подмосковных курганов (Равдина, 1991. Табл. 6; 8, 2–5 и др.), так и самой Москвы (Беляев, 1991. Табл. 21, 71, 93, 229, 510; 23, 63, 225; Чернов, 1991. Табл. 27, 2570, 2587). Пятую часть совокупности составляли венчики со срезанным краем (типов 12/1 и 22/1) (рис. 13, 9–14), характерные для раннекруговой керамики XI в. (Равдина, 1991. Табл. 2, 1; 4; Гоняный, 1999. рис. 5, 4,

¹ Обработка керамического материала проводилась по системе, основные положения которой опубликованы (Коваль, 1996, 1997, 2000, 2004).

5, 11; Шполянский, 1999. рис. 2, 1, 4.5; Кадиева, 1995. С. 187. Табл. 5, вариант 1), но встречающиеся еще у керамики первой половины XII в. Чуть меньшим числом находок характеризовались так называемые «цилиндрические» венчики (или венчики в виде «низкой конической воронки») (типов 6/1 и 8/2) (рис. 13, 15-19), изготавливавшиеся только в XI — начале XIII вв. С XI в. они известны как в керамике южнорусских поселений (Моргунов, 2003. рис. 9, 6; 26, 4), так и в Верхнем Поволжье (Арсланова, Ковалец, 1991. Табл. 7, III, IV), составляя, как правило, небольшую, но постоянно фиксируемую на памятниках долю. Такие венчики хорошо известны в керамике подмосковных курганов, датируемых XII — началом XIII в. (Равдина, 1991. С. 13. Табл. 9, 5; 11, 2, 3, 4, 6 и др.), в Москве (Беляев, 1991. Табл. 22, 2, 90, 122, 280, 322, 8991; Чернов, 1991. Табл. 27, 2573, 2577; 32, 841), Ростове (Леонтьев, Самойлович, 1991. Табл. 3, тип 5; Кадиева, 1995. Табл. 5, варианты 9В и 10 В), Суздале (Лапшин, 1992. рис. 1, 2 — тип V), причем во всех этих городах они датируются, как правило, второй половиной XI—XII вв. или XII — началом XIII вв. Разумеется, встречались и венчики иных профилировок, в частности, с секирообразным сечением края (рис. 13, 20), подтреугольной профилировки (рис. 13, 21, 22), с уплощенными валиками и прочих вариаций (рис. 13, 23-28), не составлявших заметного числа находок.

Днища горшков этой группы (рис. 13, 44, 45; 14, 2) формовались на подсыпках из дресвы (больше половины днищ) или золы. В целом для Москвы и московской долины, по имеющимся данным, для этого периода более характерны зольные подсыпки, доминировавшие над всеми остальными (Коваль, 2004а. С. 33. Табл. 2). Однако надо учитывать, что количество обломков днищ горшков этой группы, найденных на селище, было недостаточно для получения достоверных выводов (всего 21 фрагмент), так что полученный результат может оказаться статистически не вполне достоверным и в действительности соотношение днищ указанных типов могло быть даже обратным.

Орнаментированные обломки керамики составляли в этой группе половину всего обломочного материала (табл. 1). Этот показатель свидетельствует о том, что, по меньшей мере, половина площади поверхности горшков была покрыта декором. Такой высокий показатель характерен для керамики домонгольской эпохи (в последующие периоды он имеет тенденцию к постоянному снижению). При этом половина декорированных обломков несла на себе линейный орнамент (в $\frac{1}{5}$ случаев он был нанесен палочкой, в остальных — гребенкой). На втором месте по

встречаемости (40 % образцов) шел «штампованный» орнамент, наносившийся путем прокатки зубчатого колесика по поверхности свежеформованного сосуда (рис. 13, 1, 9, 13, 16, 31-33, 36, 39). Отпечатки зубьев штампа имели форму вдавлений квадратной или прямоугольной формы (лишь в 3 случаях встречены отпечатки в виде противоположно направленных треугольников). На южнорусской керамике такой орнамент известен в XI в. (Моргунов, 2003. рис. 8, 2, 5). В Верхнем Поволжье он появился не ранее второй половины XI в., хотя не получил широкого распространения (Арсланова, Ковалец, 1991. С. 99; Кадиева, 2000. рис. 2, 13, 14) и просуществовал до середины XIII в., причем происходило постепенное сокращение его доли в орнаментации керамики: во второй половине XII в. она составляла 20 %, в первой трети XIII в. — 14 % (Кобозева, 1997. С. 118). В Торжке такая орнаментация была характерна для первой половины XI и второй половины XIII в. (Малыгин, 1991. С. 203). В Ростове Великом штампованный орнамент встречается только на посуде XII в., причем даже в период максимального распространения (в первой половине XII в.) его доля не превышала 5 % всех орнаментированных образцов (Кадиева, 1995. Табл. 5, 7). В Москве и Подмосковье такая орнаментация встречается редко, точные даты для нее определены не были. Так, на селище Заозерье-2 (неподалеку от впадения в Москву-реку Пахры) в представительной коллекции керамических находок присутствуют только 3 обломка с отпечатками зубчатого колесика (Тавлинцева, 1996. С. 48, 49. рис. 4, 5, 7, 10). Единственным исследованным памятником Подмосковья, где горшки с штампованным орнаментом доминировали, было селище Дьяково-пойма, датированное автором раскопок в широких пределах XI—XII вв., но с указанием на курганные аналогии найденной керамики конца XI — первой половины XII вв. (Кренке, 1992. С. 12. рис. 6). С последней датой следует согласиться, учитывая, что на памятнике был найден всего один обломок лепного горшка (в коллекции из более чем 2000 образцов). Заметим, что среди 80 горшков, происходивших из подмосковных курганов, штампованный орнамент присутствовал только на 3 сосудах, датированных от начала до второй половины XII в., да и то лишь в сочетании с линейным (Равдина, 1991. Табл. 4, 1; 10, 6). Зато волнистый орнамент, украшавший $\frac{1}{3}$ этих горшков (Коваль, 2000. Табл. 7), в Аносино-1 составлял ничтожную долю (рис. 13, 34, 38, 42).

Хотя полной ясности с динамикой развития и распространения штампованного орнамента пока нет, можно уверенно констатировать проник-

новение традиции его применения на Северо-Восток Руси во второй половине XI в., широкое распространение на протяжении XII в. и продолжение использования на протяжении XIII в. Однако если в верхневолжском регионе такой орнамент получил особую популярность, что и обусловило его использование вплоть до конца XIII в., то в долине р. Москвы он не был столь широко распространен и с середины XII в. перестал применяться местными гончарами. К началу XIII в. эта орнаментация полностью вышла из употребления и во всем Поокском регионе (Стрикалов, 1996; Коваль, 2000, табл. 2). Специально отметим, что из 3 курганных находок горшков с штампованным орнаментом только один происходил из южного Подмоскovie (Битяговские курганы на р. Рожая), тогда как 2 других связаны с долиной Клязьмы (могильник Никольское-1) и Москвы-реки в районе Звенигорода (курганный группа Копки) (Равдина, 1991). Конечно, по такой малой выборке нельзя делать уверенных выводов, однако тяготение сосудов с штампованным декором к северной части москворецкой долины (теснее связанной с Верхневолжьем) выступает довольно рельефно. Селище Аносина-1 размещается именно в северном Москворечье, соседствующем с бассейном Верхней Волги, что могло обусловить влияние верхневолжской традиции этого региона (к сожалению, у нас нет данных по другим сельским поселениям, размещающимся между Волгой и Москвой-рекой, чтобы делать корректные сравнения). Возможно, это влияние конкретно выражалось в участии верхневолжского «кривичского» населения в славянском освоении данной территории.

Таким образом, круговая керамика первой группы, согласно датировкам венчиков горшков, а также аналогиям в декоре, может быть датирована XII в., причем для некоторой части этой керамики отмечены признаки первой половины XII в. (штампованный декор). Что касается лепной славянской посуды, то она изготавливалась в Москворечье по меньшей мере до конца XI в. (Гоняный, 1999. С. 142, 144), а возможно и в первой половине XII в. — например, в долине р. Пахры, на селище Сьяново-3, датированном второй половиной XI — первой половиной XII в., лепная керамика составляла 54 % керамического комплекса (Шполянский, 1999. С. 143). Известна она и на селищах первой половины XII в. в Среднем Поочье (Коваль, 2001 б. С. 65; 2004 в. С. 159, 160). Полное отсутствие лепной славянской керамики на селище Аносина-1 позволяет рассматривать первую половину XII в. как менее вероятную дату для данного памятника (по сравнению с серединой — второй половиной XII в.). Учтыва-

вая, что керамика первой группы по большинству своих характеристик (кроме высокой доли штампованного орнамента) близка посуде, изготавливавшейся на поселениях долины реки Москвы этого времени, в дальнейшем будем для краткости называть ее «керамикой москворецкой традиции» (или «москворецкого типа»).

Керамика второй группы, встречаемая на селище, по численности несколько уступает москворецкой, но составляет все же более $\frac{1}{3}$ всего собранного керамического материала. При этом следует особо подчеркнуть, что она присутствовала во всех заглабленных в материк объектах и на всей площади селища в культурном слое, не составляя каких-либо зон повышенной концентрации. Иначе говоря, она повсеместно встречалась вперемешку с керамикой москворецкого типа. Керамика второй группы была изготовлена из светложгущихся (главным образом — белых, нежелезненных) глин, хотя встречены также немногочисленные образцы розового цвета и обломки с кремовым цветом поверхности и окрашенным (розовым или желтым) изломом черепка. Формовочная масса этой керамики включала незначительное количество мелкого (очень редко — крупного) песка и выгоревшую органическую искусственную примесь, фиксировавшуюся по разномумерным пустотам (рис. 16, 17). Вероятно, гончарами использовались естественно-чистые глины, в которые добавлялся песок в столь небольших объемах, что эту добавку можно считать символической (данью изжившей себя традиции). Что касается органической примеси, то она присутствовала почти во всех образцах такой керамики, хотя иногда и в небольшом количестве. Судя по волокнистым отпечаткам на поверхности крупных пустот, их могли оставить мелкие древесные угольки, а сочетание крупных и мелких пустот указывает, вероятно, на использование непросеянной золы, включавшей угли. Эта добавка, таким образом, была практически обязательной в данной керамической традиции. Из функциональных форм посуды в этой группе известны также лишь горшки и горшки-миски. Поверхность их была очень гладкой (легкую шероховатость ей могли придавать только каверны от выгоревшей органики и отдельные песчинки).

Синхронность бытования керамики первой и второй групп вытекала не только из их совместного залегания в культурном слое и материковых ямах, но и из сравнения некоторых статистических характеристик керамики обеих групп (табл. 1). Так, в обеих группах доминирующими были одинаковые или близкие по конструкции (а значит и по своей хронологии) венчики горшков («цилиндрические» — типов 6/1 и 8/2, и профи-

Таблица 1

	Керамика москворецкого типа	Керамика южнорусского типа
Количество фрагментов (шт.)	471	350
в % к общему кол-ву керамики памятника	48,9	36,3
В том числе — керамика полного окислительного обжига (в % к общему кол-ву керамики в группе)	0	35,7
Венчики типов 6/1 и 8/2 (в % к общему числу венчиков в группах, равному 56 шт. и 38 шт.)	16	16
Венчики типов 18/2, 23/2, 28/2 (—«—)	29	47
Венчики типов 18/1, 23/1, 28/1 (—«—)	14	31
Венчики типов 12/1 и 22/1 (—«—)	20	0
Днища типа 4 (в % к общему числу днищ в группах, равному 21 шт. и 24 шт.)	10	92
Днища типа 6 (—«—)	33	4
Днища типа 8 (—«—)	57	4
Орнаментированные фрагменты — всего (шт.)	237	181
% к общему кол-ву керамики в группе	50,3	51,7
В том числе — с линейным орнаментом (в % к общему кол-ву орнаментированных фрагментов в группе)	53,2	95,6
из них — тип 2	42,2	23,8
« типы 4, 5	11,0	71,8
С волнистым орнаментом (включая сочетания с линейным)	5,9	3,3
С штампованным орнаментом	40,9	0,6

лированные с валикообразным краем — типов 18/2, 23/2, 28/2). В обеих группах практически одинаковой была доля орнаментированных обломков, т. е. поверхность сосудов покрывалась орнаментом в равной степени, причем именно в той степени, которая была характерна для домонгольской эпохи. Практически одинаковой была доля волнистого орнамента (включая сочетания с линейным) в декоре — она колебалась от 6 % у керамики первой группы до 3 % у керамики второй группы. Поэтому не остается места для сомнений в синхронности этих групп керамики, то есть датировки их обеих в пределах XII века. Вместе с тем, различия между указанными группами разительны. Рассмотрим эти различия более подробно.

Первые два из них уже назывались выше: использование в керамике второй группы только нежелезненных (белых и кремового цвета) глины

и своеобразный набор примесей к керамическому тесту, в котором отсутствовали крупные минеральные включения (прежде всего — дресва). Не менее важное отличие состояло в применении при обжиге этой посуды более высоких температур (белоглиняная керамика требует более высокой температуры обжига, чем красноглиняная) и большей продолжительности процесса обжига, что фиксируется по тому, что более $\frac{1}{3}$ такой керамики проходило полный окислительный обжиг¹ (при котором стенки сосудов становятся на изломе однослойными). Эти данные свидетельствуют о применении при изготовлении керамики второй группы более совершенных обжигательных устройств (специализированных крупных гончарных горнов), нежели те, которыми пользовались производители керамики москворецкой традиции.

¹ В окислительном режиме обжигалась вся керамика второй группы.

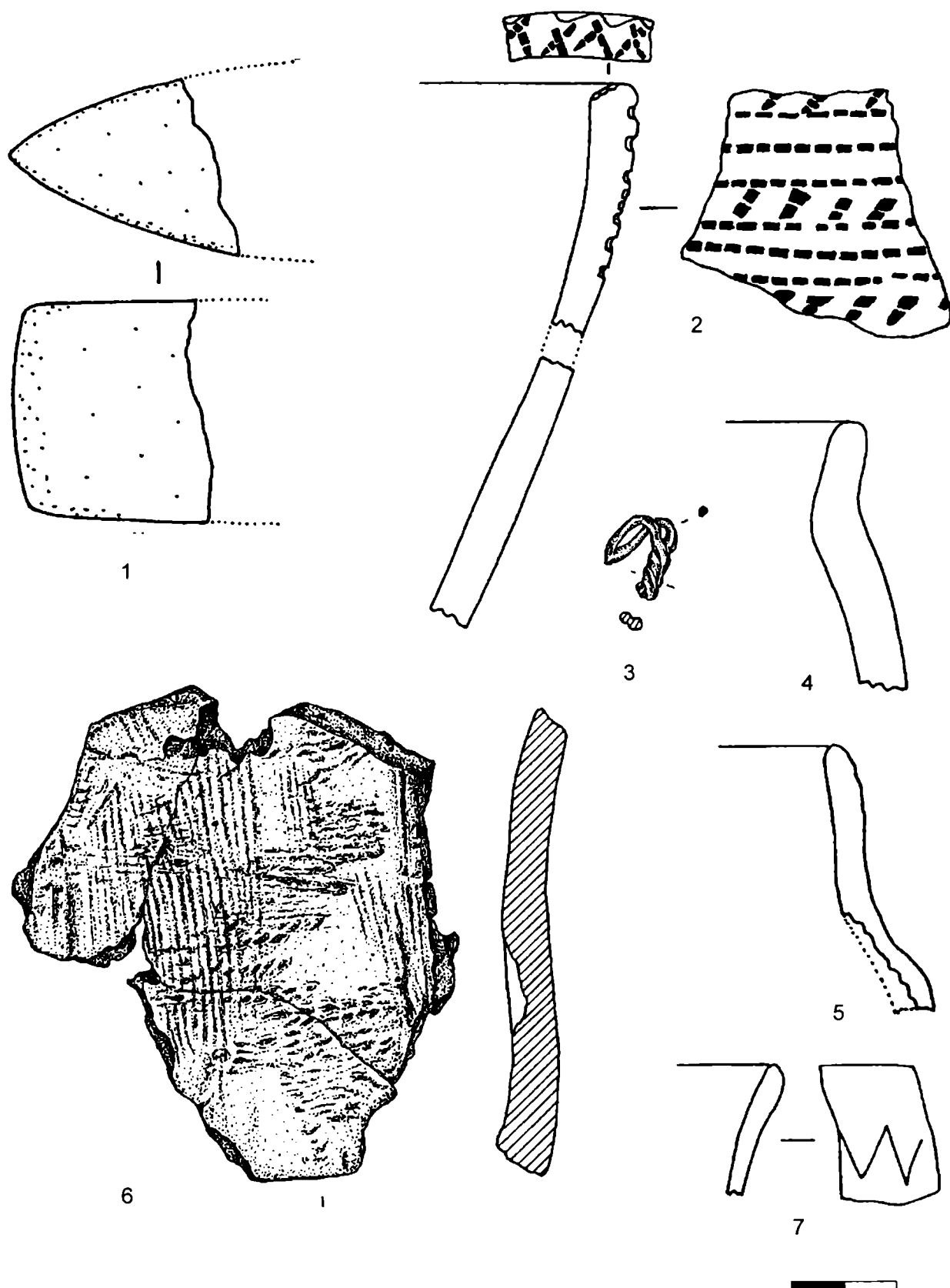

Рис. 11. Вещевые находки, керамика эпохи бронзы и раннего железного века

1 — обломок каменного топора; 2 — обломки лепного горшка; 3 — обломок бронзового украшения;
4–7 — обломки лепных горшков

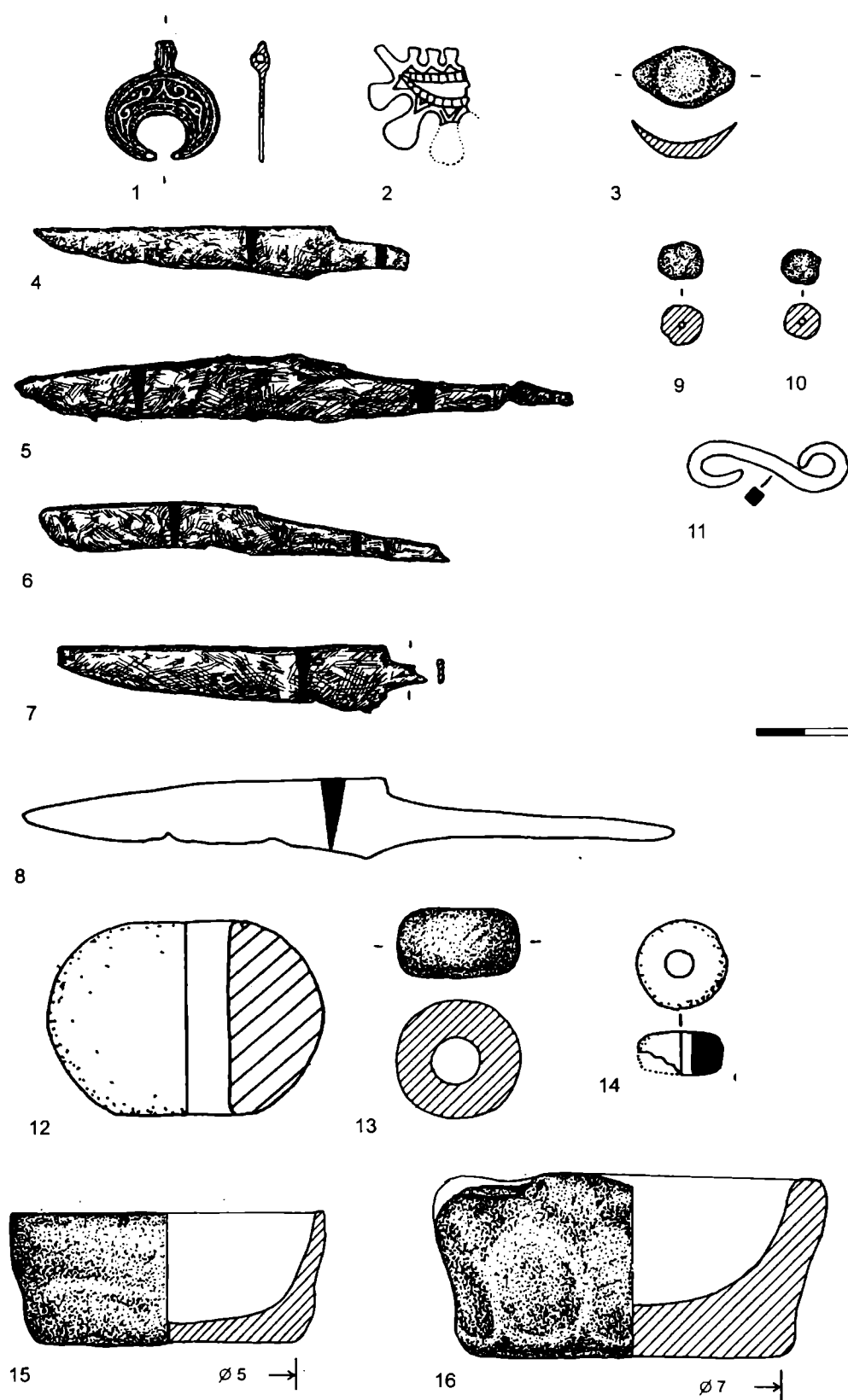
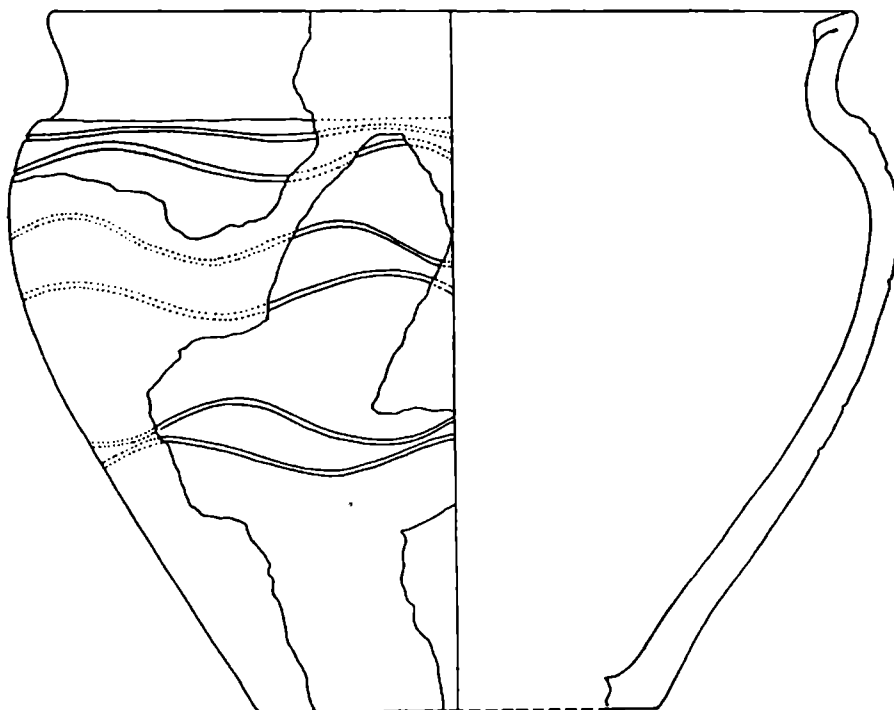
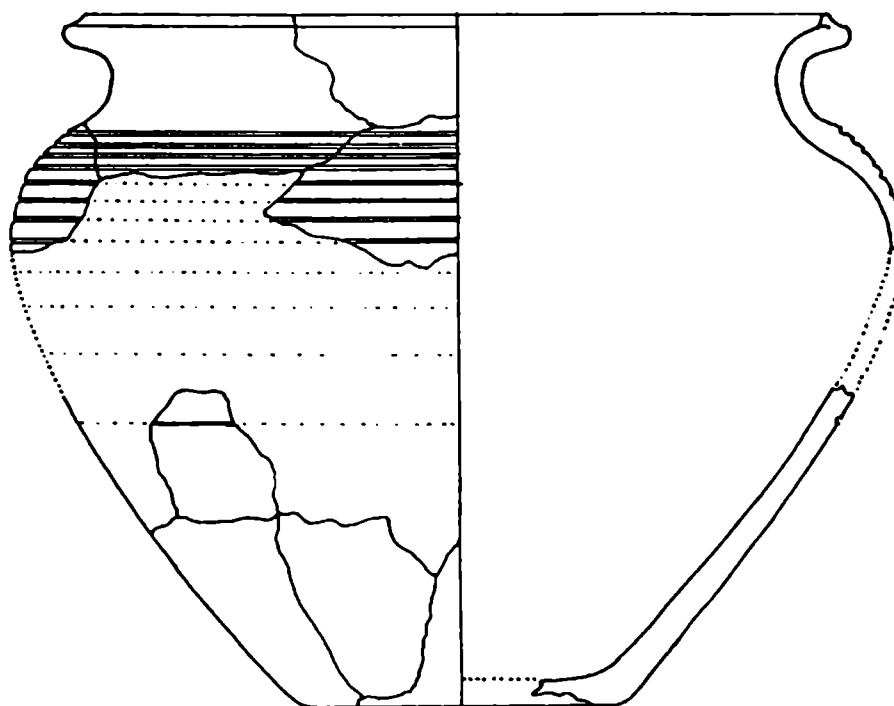

Рис. 12. Селища Аносино-1 и Аносино-2. Вещевые находки древнерусской эпохи

- 1 — подвеска-лунница белого металла; 2 — обломок бронзового 5-лопастного височного кольца;
 3 — обломок перстня белого металла; 4–8 — железные ножи; 9, 10 — сердоликовые бусы;
 11 — железное звено цепи; 12 — обломок керамического грузила; 13, 14 — шиферные пряслица;
 15, 16 — обломки керамических плошек

1

2

Рис. 14. Селище Аносино-1. Керамика москворецкого типа

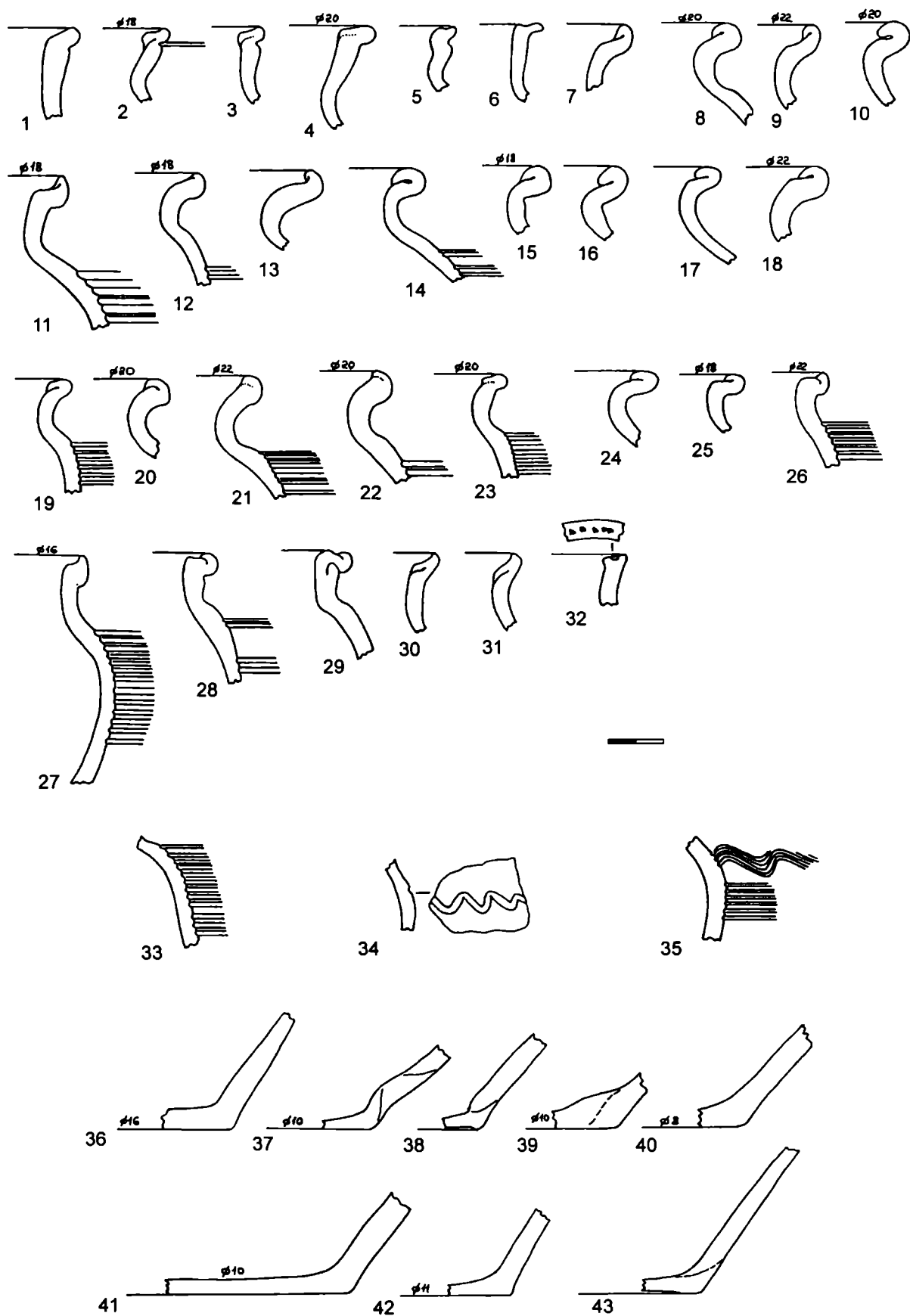

Рис. 15. Селище Аносино-1. Керамика южнорусского типа (профилировки)

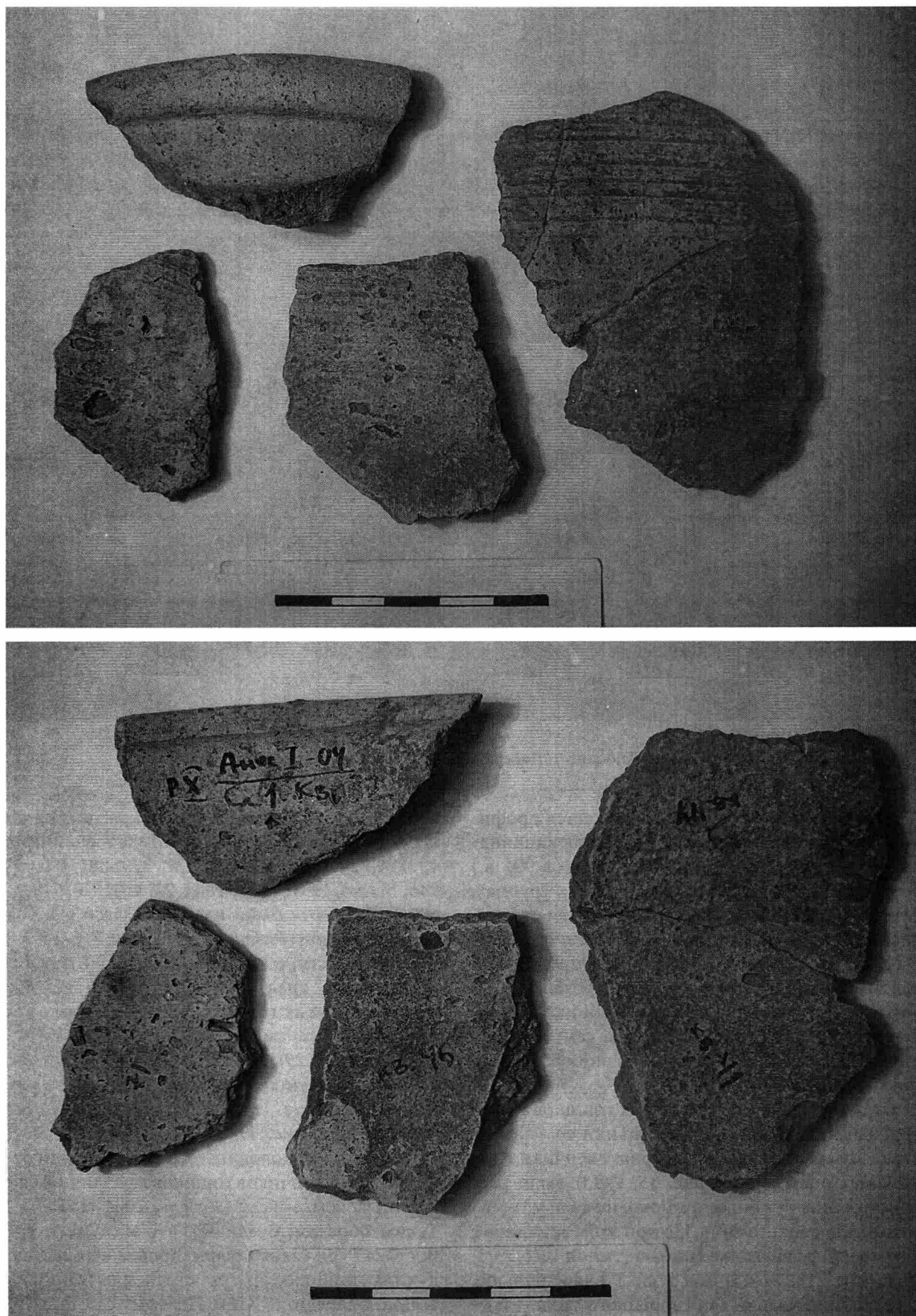

Рис. 16. Селище Аносино-1. Образцы керамики южнорусского типа (светлоглиняная). Фото

Рис. 17. Селище Аносино-1. Поверхность керамики южнорусского типа. Фото

Следующее важное различие касается профилировки венчиков горшков. Хотя доля «цилиндрических» венчиков (хроноиндикаторов XII в.) была совершенно одинаковой в обеих группах, в керамике второй группы такие венчики отличались некоторыми деталями оформления (рис. 15, 1–6). Например, часто на внешней стороне таких венчиков, под самым краем, фиксировалась глубоко врезанная линия или даже ложбинка, выполненная при формовке, из-за чего сам профиль иногда приобретал некую волнообразность (рис. 15, 2, 3, 5).

Поскольку для белоглиняных горшков на нашем памятнике архаичные венчики со «срезанным» краем не были характерны¹, венчики с валикообразным краем (рис. 15, 7–13) были распространены тут более широко, нежели у горшков москворецкого типа. Но при этом венчиков с уплощенным валиком на краю (типов 18/1, 23/1, 28/1) (рис. 15, 14–25) было здесь вдвое больше, чем среди керамики москворецкого типа. Такие

венчики стали характерны для красноглиняной керамики Москвы лишь в XIII–XIV вв. (Чернов, 1991. С. 24. Табл. 32, 734, 737, 779, 881, 941, 944, 946; Беляев, 1991. С. 17. Табл. 25, 413, 520, 519, 525, 600 и др.), хотя были известны здесь и в более ранний период (Равдина, 1991. Табл. 7, 6, 14, 2, 16, 4). В частности, на селище Аносино-1 подобное оформление края отмечено у 14 % венчиков красноглиняных горшков, изготовленных в москворецкой керамической традиции (табл. 1; рис. 13, 26, 27, 29). При этом в южнорусских землях они известны в заметном количестве уже с XII в. (Блажевич, 1992. рис. 5, 3–7; Шекун, Верейчик, 1999. рис. 49–63, 79–83), а в Рязанском Поочье второй половины XII в. составляли от 20 до 50 % всех венчиков горшков в различных синхронных комплексах (Коваль, 2004 б. Табл. 3). Таким образом, очевидно, что на Юге и Юго-Востоке Руси такая профилировка венчиков получила широкое распространение приблизительно с середины XII в. Поэтому сам факт ши-

¹ Единственный венчик такого типа был встречен за пределами селища, на раскопе I (рис. 18, 4).

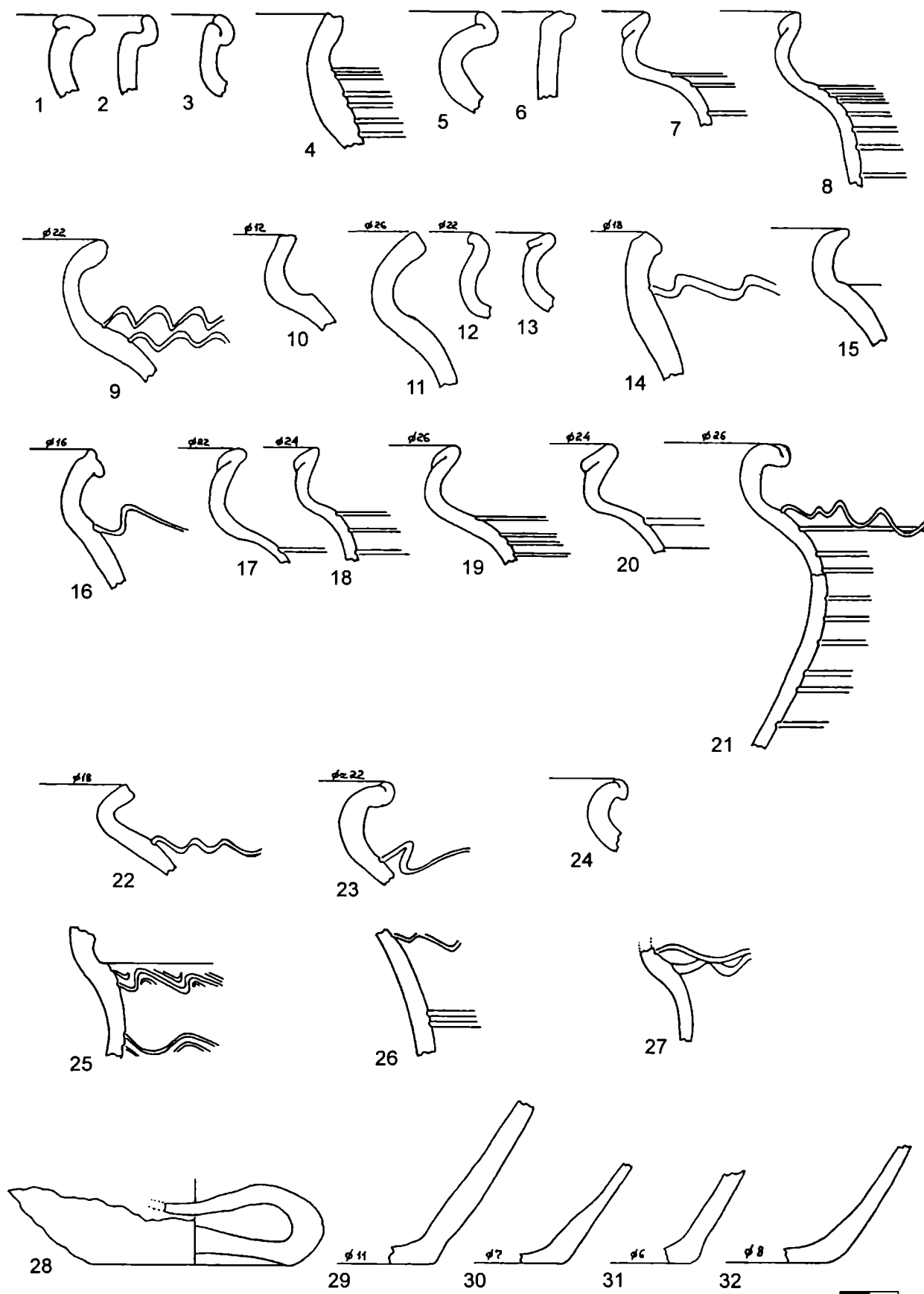

Рис. 18. Селище Аносино-2. Керамика (профилеровки)

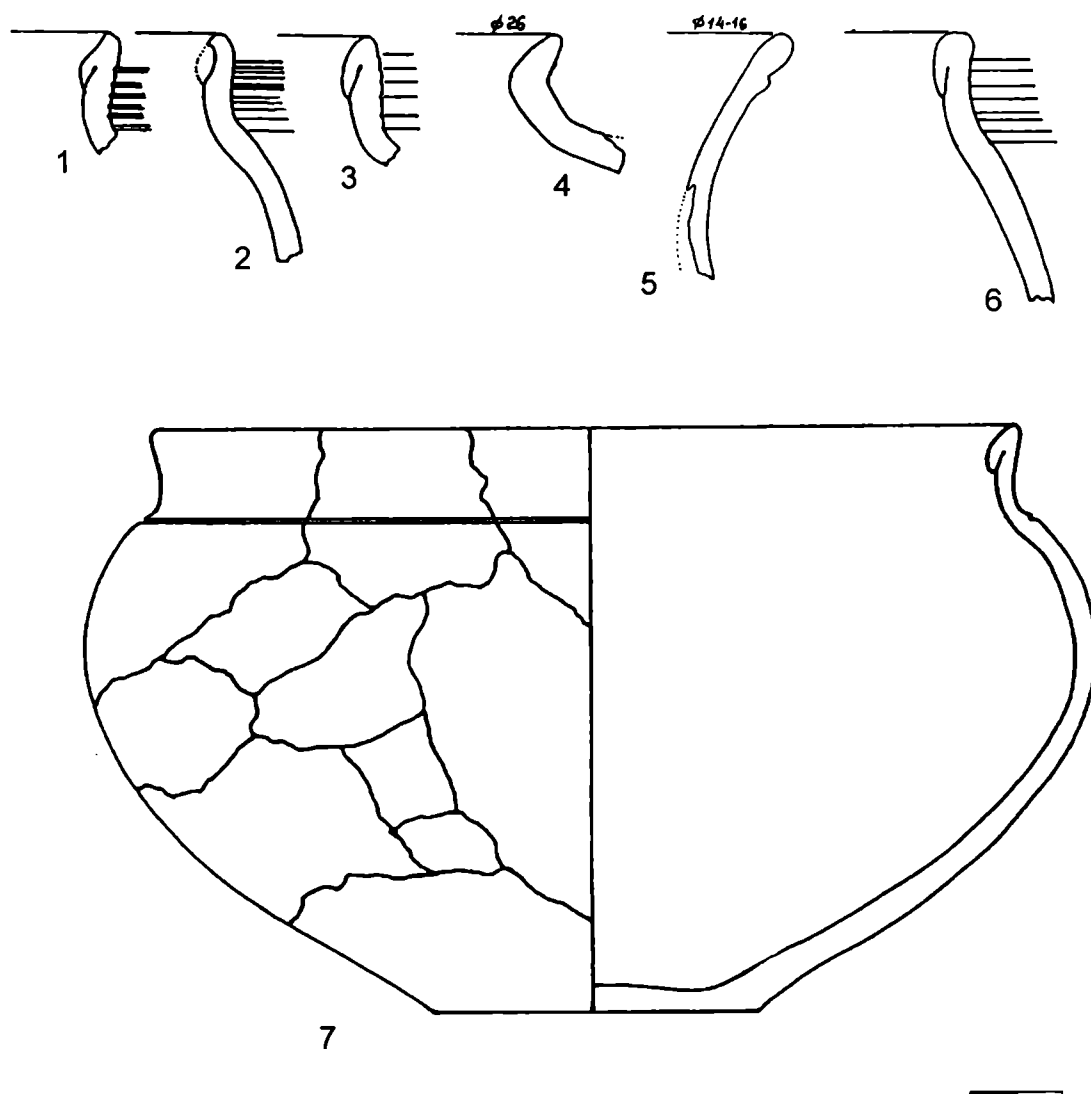

Рис. 19. Позднесредневековая керамика из урочища Большие Паны

рокого распространения подобных форм венчиков на селище Аносино-1 свидетельствует об относительно более поздней дате керамического комплекса в пределах установленного периода его формирования (XII века).

Своеобразие венчиков белоглиняных горшков проявляется также в отсутствии среди них форм с «секирообразной» профилировкой края и наличии вертикально поставленных венчиков с округлым валиком, размещенным на внешней стороне шейки (рис. 15, 26–29). Венчики этого типа (тип 8/1) появились в Поочье и некоторых южнорусских землях в конце XII в. и получили широкое распространение в XIII–XIV вв. (Стрикалов, 2003. С. 378–380. рис. 5). Наши материалы позволяют еще более удревнить появление подобных форм — до второй половины XII в.

Заметное различие между двумя выделенными группами керамики прослеживается и по подсыпкам под днища горшков: во второй группе такие подсыпки практически всегда (за двумя исключениями) делались из крупного речного песка (рис. 15, 37–43; табл. 1).

Не меньше различий отмечено и в декоре. Прежде всего, на белоглиняной керамике второй группы почти полностью отсутствовал штампованный орнамент, столь характерный для красноглиняной керамики москворецкой традиции. Абсолютно доминировавшей разновидностью декора в этой группе был линейный орнамент, но, в отличие от москворецкой керамики, он наносился не палочкой, а гребенкой (типы декора 3 и 4), дававшей зональное размещение линий на теле сосуда (рис. 15, 11, 12, 14, 19, 21–23, 26–28).

Значит, при орнаментации сосудов первой и второй групп гончары предпочитали использовать разные инструменты (хотя сами эти инструменты были до примитивности просты и известны в равной степени обеим группам гончаров). Волнистый орнамент применялся гончарами-изготовителями керамики второй группы еще реже, чем в первой группе (рис. 15, 34, 35).

Таким образом, сравнение признаков керамики первой и второй групп (табл. 2) показывает, что при хронологической синхронности, эти группы керамики существенно различаются по важнейшим признакам технологии изготовления, профилировке венчиков и декору. Такие различия не могли бы существовать у керамики, изготавливавшейся одними и теми же гончарами. Между тем, посуда из светложгущихся глин без крупнозернистых примесей (в том числе — дресвы) не производилась в Москве до XVI в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 43), но уже с XI в. доминировала в южнорусских землях (киевское Поднепровье, черниговское Подесенье). В частности в Чернигове и его окрестностях посуда полного окислительного обжига светло-серого и желто-розового цвета (т. е. светлоглиняная) с примесями мелкого песка начинает производиться с рубежа XI–XII вв. (*Шекун, Веремейчик*, 1999. С. 55). Ближайшим к Москворечью регионом, где она была широко распространена в домонгольскую эпоху, было Поочье, входившее тогда в состав Черниговской и Рязанской земель. Поэтому керамику второй группы мы будем условно называть в дальнейшем «керамикой южнорусской традиции» (или «южнорусского типа»).

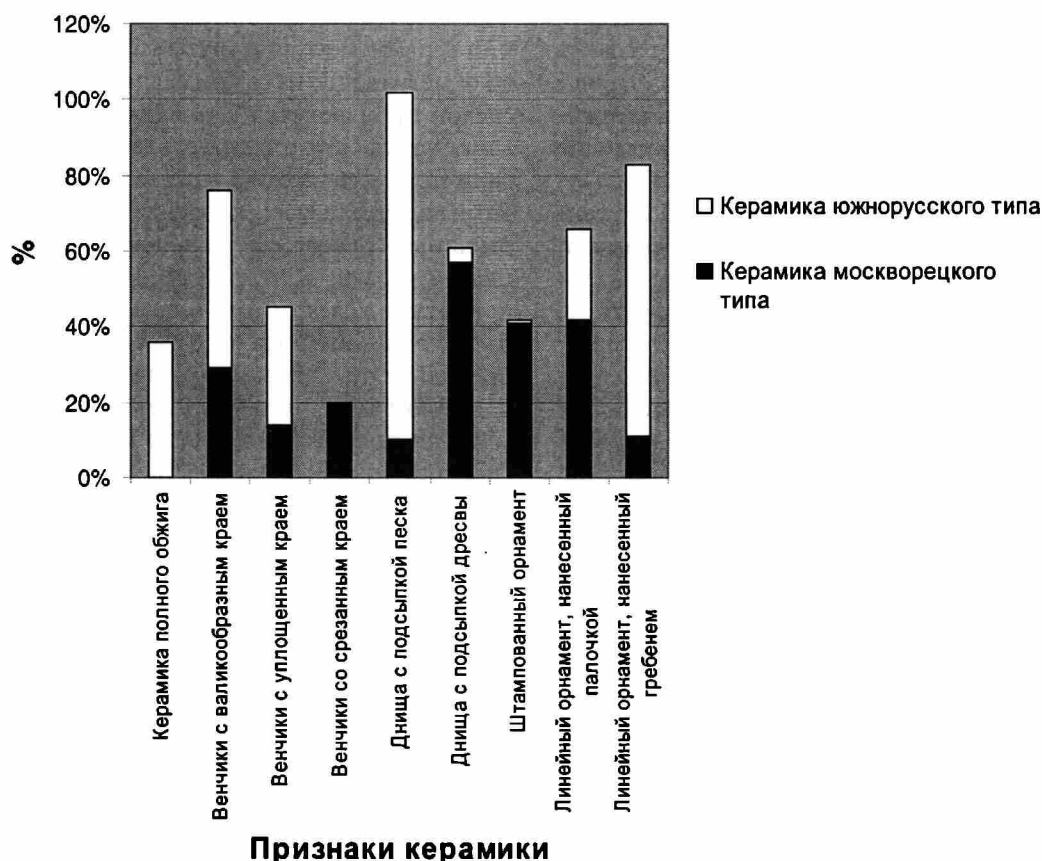
Завершая обзор керамики памятника, следует отметить присутствие на нем ограниченного числа обломков белоглиняной посуды (30 шт. или 3 % всей собранной керамики), изготовленной из формовочной массы с примесью небольшого количества мелкой дресвы. Морфологическая характеристика этой микрогруппы затруднена из-за небольшого количества профилированных частей, но можно отметить высокую степень ее сходства с керамикой южнорусского типа. Возможно, эта серия находок отражает процесс восприятия гончарами-носителями южнорусской традиции архаичной, но доминировавшей в регионе традиции подготовки формовочных масс. Подобный частичный регресс производства, отразившийся на ничтожно малой доле продукции, вполне возможен благодаря смешиванию разных традиций.

Поскольку керамика первой группы несомненно изготавливалась местными (подмосковными) гончарами, встает вопрос о происхождении керамики второй группы. Прежде всего, надо отметить, что на самом селище Аносино-1 нет следов производства керамики. Следовательно, все обнаруженные здесь сосуды были привезены (или принесены) сюда из каких-то других мест. Но если керамика москворецкой традиции могла быть изготовлена где-то неподалеку, то в отношении керамики второй группы (светлоглиняной) такой ясности нет. Теоретически она могла быть привезена сюда издалека в качестве товара, поскольку отличалась более высоким качеством и нарядным внешним видом (по сравнению с местной посудой), что могло делать такую торговлю вполне выгодной. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует вначале составить представление, где могла в XII в. производиться такая керамика, для того чтобы импортировать ее в верховья Москвы-реки.

Поскольку импорт керамики из Южной Руси (то есть за несколько сотен километров) в XII в. был вряд ли возможен, остается рассмотреть вопрос о вероятности ввоза такой посуды из рязанского Поочья (учитывая также то, что граница с рязанскими владениями проходила тогда по среднему течению Москвы-реки). На Средней Оке светлоглиняная керамика из формовочных масс без крупнозернистых примесей появилась около середины XII в., когда в этот регион направился поток переселенцев из южнорусских земель (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 44–47). Однако в районы вдоль нижнего течения р. Москвы южнорусская керамика не проникала: она известна в небольшом количестве в Коломне (при устье р. Москвы), но уже в 10 км выше по течению р. Москвы (на поселении Настасьино) она практически отсутствовала (*Коваль*, 2004а. С. 29–31). Не была известна она до недавнего времени и в Москве (*Розенфельдт*, 1968. С. 43)¹. Правда, светлоглиняная керамика была встречена на многослойном селище Заозерье-2, расположенном на левом берегу р. Москвы ниже впадения Пахры, где она составляла 9–16 % сборов (*Тавлицева*, 1996. С. 48). Кроме того, известна находка светлоглиняного горшка, украшенного волнистым орнаментом, в кургане у с. Залесьева Подольского района Московской области, в комплексе XII в. (*Розенфельдт*, 1966. С. 201; *Равдина*, 1991. Табл. 13, 2). Все эти находки свидетельствуют о присутствии относительно небольшого количества подобной керамики на до-

¹ В нашем распоряжении имеется информация Н. А. Кренке и М. А. Молошниковой о находках подобной керамики при раскопках селища домонгольской эпохи в Занегилименье (во дворе старого здания МГУ), за которую пользуемся случаем выразить свою глубокую признательность.

Таблица 2. Сравнение керамики первой и второй групп

монгольских поселениях Москворечья, расположенных ниже по течению от Москвы. Мы не можем совершенно исключать возможность ввоза такой керамики из Поочья в верховья Москвы-реки, однако то, что при этом светлоглиняная керамика практически «миновала» как Коломну, так и Москву, делает подобное допущение крайне маловероятным.

Белоглиняная керамика, изготавливавшаяся из схожих формовочных масс (с примесью песка, но без дресвы) известна в домонгольское время и в Верхневолжском регионе, однако там она появляется лишь в конце XII в., причем в Твери она составляла даже в первой трети XIII в. не более $\frac{1}{5}$ всей посуды (Кобозева, 1991. С. 110). Отметим, что такая керамика не была известна в Ростове Великом и Ярославском Поволжье (Леонтьев, Самойлович, 1991; Кадиева, 1991). Лишь в Торжке белоглиняная посуда стала доминирующим типом керамики, но — только в XIII в. (Малыгин, 1991. С. 202). В более раннее время она там малоизвестна. Профилировка верхневолжской (новоторжской?) белоглиняной керамики существенно отличается от образцов из Аносино — там доминировали венчики с массивными валиками и «шпорой» на внутренней стороне края

(Кобозева, 1991. рис. 5, 97, 98; 6, 112, 113; Малыгин, 1991. рис. 6, 7), которые в нашей коллекции начисто отсутствуют. Хронологические и морфологические отличия этих, в общем-то, схожих по технологии изготовления групп керамики не позволяют связывать находки в Аносино с верхневолжской керамикой.

Что касается бассейна верховьев Москвы-реки, то до недавнего времени не было никаких данных о находках здесь светлоглиняной посуды домонгольской эпохи, если не считать кратких упоминаний о ней в публикациях, посвященных результатам раскопок в Рузе (Голубева, 1953. С. 154) и на городище у с. Городище на берегу Тростенского озера (Сидоров, 1994. С. 122, 123). Однако в последнее десятилетие, по мере накопления археологических данных, стали появляться сведения о том, что светлоглиняная керамика была довольно широко распространена к западу и северо-западу от Москвы, причем именно в XII в. Она обнаружена на берегах р. Москвы на селищах Хотяжи (Алексеев, 2004. С. 188. рис. 9, 10, 13) и Мякинино-1 (раскопки А. В. Энговатовой и В. Ю. Ковалю 2003–2005 гг.), причем на последнем — в контекстах середины — второй половины XII в.

По-видимому, такая керамика начала изго-

тавливаться где-то поблизости от селища Аносино-1 переселенцами из Южной Руси (или Поочья) не ранее середины XII в. Именно тогда в Северо-Восточную Русь стали переселяться крупные контингенты населения из южнорусских земель. Само это явление уже давно стало общеизвестным (История СССР, 1974 С. 96), однако археологические свидетельства этого процесса начали выявляться сравнительно недавно, причем, главным образом, по керамическим материалам. Вероятно, южнорусские переселенцы проникали не только в Поочье, но продвигались и в более северные районы, а одна из их групп могла разместиться где-то в верхнем течении р. Москвы или на ее притоке Истре. Возможен и иной вариант объяснения этого переселения: как раз в середине XII в. ростово-суздальские князья совершали нападения как на рязанские земли (например, в 1146 и 1154 гг.), так и в Южную Русь (конфликты 1152 и 1154 гг. с Черниговом). В результате этих походов на территорию Ростово-Суздальского княжества (в Подмоскovie) мог быть насильственно переселен какой-то контингент жителей Рязанщины или Черниговщины. На новом месте переселенцы, в состав которых, несомненно, входили и гончары, могли наладить производство той керамики, которой они привыкли пользоваться у себя на родине. Хорошо известно, что крупных запасов беложгущихся глин в Подмоскovie нет (за исключением небольшого района в округе Гжели), однако есть не имеющие промышленного значения локальные линзы карбонатных глин, которых было достаточно для скромных по масштабам производств того времени. Поэтому для локализации этих производств (или одного крупного производящего центра) пока нет достаточных оснований. Разумеется, логично было бы предположить, что такой центр размещался в городе. Но в каком городе? К западу и северо-западу от Москвы находился Звенигород, однако пока нет никаких сведений о том, что в этом городе или его округе в XII в. светлоглиняная керамика составляла заметную часть бытовой посуды¹. На наш взгляд, искать центр производства такой керамики можно и в нижней части долины Истры или вдоль течения Малой Истры. В этом регионе находится Ильинское городище XI–XIII вв. (у с. Вельяминово), в котором в XVI в. мог размещаться центр волости Сурожик (АКР, 1995. С. 51), охватывавшей весь бассейн Малой Истры. Эта волость, ве-

роятно, наследовала более ранней территориальной единице, формирование которой могло происходить еще в домонгольскую эпоху. Аносино расположено на восточном краю этой территории, Ильинское городище — неподалеку от него, на берегу р. Истры, а западный край волости достигал Тростенского озера, на берегах которого при исследованиях городища домонгольской эпохи также встречена светлоглиняная керамика (Сидоров, 1994. С. 122). Возможно, именно Ильинское городище было тем центром, который снабжал обширную округу (от Тростенского озера на западе до Москвы на востоке) высококачественной светлоглиняной посудой. К сожалению, Ильинское городище занято позднесредневековым кладбищем, а раскопки на нем проводились только в 1925 г. и, разумеется, материал из этих раскопок не сохранился². Подчеркнем, что данная рабочая гипотеза требует скрупулезной проверки, а светлоглиняную керамику могли изготавливать и в каком-то ином месте или даже нескольких местах. На сегодняшний день дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно, потому что керамический материал из большинства подмосковных поселений не опубликован.

Важно подчеркнуть, что уже в начале XIII в. белоглиняная керамика южнорусского типа перестала производиться в Москворечье и полностью вышла из употребления. Вновь керамика из беложгущихся глин появилась здесь только в XVI в., причем традицию ее производства вновь принесли переселенцы из Южной Руси (Коваль, 2001а).

Проведенными нами исследованиями была охвачена практически вся площадка селища Аносино-1, причем вместе с периферийной зоной хозяйственного освоения, где отсутствовали находки каких-либо артефактов (четырьмя раскопами здесь вскрыта площадь в 550 кв. м). На основании полученных данных можно предположить, что это селище представляло собой остатки однодворного поселения, существовавшего непродолжительное время на протяжении середины — второй половины XII в. Косвенным подтверждением этому может служить и наличие в непосредственной близости от селища лишь 2 курганов (вероятно, связанных именно с этим поселением), а не большого могильника. Территория этого двора занимала площадь не более 400 кв. м. (рис. 4).

¹ Керамика Звенигорода не опубликована и не изучена, так что делать окончательные выводы здесь рано, тем более, что само название этого города имеет южнорусское происхождение.

² Городище обследовалось В. Косинским, Р. Л. Розенфельдом и А. А. Юшко, но никаких раскопочных работ они там не проводили.

* * *

* * *

На раскопах, расположенных к востоку и юго-востоку от селища Аносино-1 (рис. 4: раскопы I, II, V, VI), остатков культурного слоя обнаружено не было. Здесь залегал почвенный горизонт, представлявший собой серую или буровато-серую супесь мощностью от 5 до 20 см, насыщенную гравием. На раскопе I было встречено небольшое количество сильно измельченной керамики, среди которой доминировали образцы сосудов, изготовленных в москворецкой традиции, то есть сформованные из красножгущихся глин с примесью дресвы. По формам венчиков часть сосудов могла датироваться XII — первой половиной XIII вв. (рис. 18, 1, 2), однако большая часть такой керамики явно относилась к XIV–XV вв. (рис. 18, 3). При этом белоглиняная керамика южнорусского типа здесь была встречена только в виде единичных обломков (рис. 18, 4). Присутствие керамики домонгольской эпохи на раскопе I вряд ли может быть связано с селищем Аносино-1, поскольку его площадка располагалась на более низких высотных отметках на расстоянии 50–60 м от этого раскопа. Скорее всего, обломки домонгольской посуды попали в почвенный горизонт из несохранившегося культурного слоя другого селища, лежавшего значительно южнее, под современной застройкой села Аносино. Правда, почти полное отсутствие на этой территории светлоглиняной керамики южнорусского типа заставляет предполагать более позднюю датировку размещавшегося здесь гипотетического селища (вероятно, оно существовало в первой половине XIII в.). В то же время, нельзя исключать того, что выявленное однодворное поселение (Аносино-1) располагалось не изолированно, а в комплексе с другими подобными (небольшими по площади) селищами, находившимися на территории будущего позднесредневекового села — удобных для размещения дворов площадок здесь предостаточно. Наличие же рядом с урочищем «Большие Паны» крупного родника делало данную местность особенно привлекательной для славянских поселенцев.

На раскопе II не был обнаружен не только домонгольский материал, но и позднесредневековая керамика. Самые ранние образцы керамической посуды здесь относились к белоглиняным и мореным горшкам XVI–XVII вв., а также чернолощенным кувшинам XVII–XVIII вв. (рис. 19, 4, 5). Основную же массу сбора составляли образцы XVIII–XIX вв.

Селище Аносино-2 было открыто на южном краю урочища Большие Паны, на гребне водораздела между двумя оврагами, впадающими справа в р. Истра. Северо-восточная часть этого поселения была исследована в 2002 г. раскопом VII и шурфом 2 (рис. 4). Какие-либо остатки культурного слоя здесь отсутствовали начисто. Под дерном залегал почвенный горизонт, в котором были найдены несколько артефактов из железа — нож с обломанной черешковой рукоятью (рис. 12, 7) и обломок лезвия ножа, шарообразная сердоликовая бусина и небольшое количество сильно измельченной керамики¹. Интерес представляет только сердоликовая бусина (рис. 12, 9), отличавшаяся грубо обработанной поверхностью и небольшими размерами (диаметр 0,7–0,9 см). Аналогичная бусина была найдена в шурфе 1 за пределами обоих поселений (рис. 12, 10). Круглые сердоликовые бусы такого размера известны на древнерусской территории в комплексах X–XI в. (Фехнер, 1959. С. 152, 172; Колчин, 1982. С. 170), а также в Бирке, Старой Ладге, Белой Веже в контекстах VIII–XI вв. (Полубояринова, 1991. С. 22). Однако они бытовали и в золотоордынскую эпоху в Поволжье (Полубояринова, 1991. С. 20. рис. 1, 1). В нашем случае эти находки не были связаны с датированными комплексами, однако отсутствие на всей исследованной площади материалов X–XI вв. заставляет рассматривать два альтернативных варианта датировки этих бус: XII веком, временем существования селища Аносино-1, либо золотоордынским периодом (в котором возникло селище Аносино-2).

На исследованной части площадки селища Аносино-2 (вскрыта площадь 272 кв. м) был выявлен 21 заглубленный в материк объект (без современных перекопов), среди которых только 5 объектов, имевшие значительные размеры и глубину (рис. 8, 9), могут рассматриваться в качестве остатков заглубленных частей наземных построек (подпечных и подпольных ям, погребов): яма 1 шурфа 2 и ямы 1–4 раскопа VII. Присутствие в их заполнении углей, фрагментов печины и пережженных камней свидетельствует о существовании здесь не только хозяйственных, но и жилых построек с печами. Крупные ямы расположены в линию, вытянутую по направлению СВ — ЮЗ. Вещевые находки в них практически отсутствовали. Исключение составлял обломок круглощиткового перстня из белого металла без изображе-

¹ Всего с площади раскопа было собрано 115 мелких обломков керамики, концентрация находок которых составляла 1 фрагмент на 2,5 кв. м.

ния на щитке (перстень был в древности сломан, после чего остатки обруча, отходившие от щитка, тщательно зашлифованы и заострены, возможно, этот обломок использовался позднее как вставка) (рис. 12, 3). В Новгороде подобные перстни датируются серединой XII — началом XIV в. (Седова, 1981. С. 132). Рядом с остатками построек были выявлены канавки шириной 22–30 см и глубиной 10–30 см, ориентированные в направлении СЗ — ЮВ и СВ — ЮЗ, которые, вероятно, являлись следами оград, разделявших 2 усадьбы и ограничивавших их с северо-запада (рис. 8).

Следует специально подчеркнуть, что хотя единичные мелкие обломки керамики домонгольской эпохи, относившейся здесь почти исключительно к московской керамической традиции¹, были встречены на площадке селища (рис. 18, б), ни одна из ям не содержала столь раннего материала (за исключением опять же единичных переотложенных обломков). Следовательно, площадка селища Аносино-2 не была занята в более раннее время поселением домонгольской эпохи, которое могло размещаться несколько южнее.

Керамика из ям, выявленных на площадке селища Аносино-2, представлена двумя различными видами:

1) Керамика из формовочных масс с примесью мелкой или крупной дресвы, неполного окислительного обжига, т. е. близкая по признакам технологии производства к домонгольской керамике московской традиции, известной по материалам селища Аносино-1. Днища горшков были сформованы в основном на подсыпке из дресвы (хотя встречены образцы с подсыпками золы и песка). Существенное отличие от домонгольской керамики состояло в упрощенной профилировке венчиков горшков: эти венчики были как правило слабо изогнуты, а их завернутому внутрь сосуда «черновому» краю придана форма небольшого валика овальной или подтреугольной формы (типы 2/1, 13/1, 21/2, 23/1, 23/3) либо они имели следы огранки края резцом (рис. 18, 9–12, 14, 16, 21, 22, 23, 24). Подобная профилировка характерна для той группы керамики Москвы и Подмоскovie, которую в московской археологии традиционно называют серой и красноглиняной грубой (Розенфельдт, 1968. Табл. 2, 2; Чернов, 1991, табл. 33, 34, 40, 41 и др.), датируя в пределах золотоордынской эпохи (второй половиной XIII–XIV в.). В декоре этой керамики доля волнистого орнамента (рис. 18, 9, 14, 16, 21–23, 25–27) была значительно выше, нежели в домон-

гольскую эпоху (в керамике данного вида из объектов раскопа VII эта доля составляла 40 %). И хотя объем выборки был здесь невелик (34 орнаментированных образца), что существенно снижает достоверность полученного результата, сама тенденция прослеживается по нему весьма отчетливо. Попутно заметим, что согласно нашим исследованиям, высокая доля волнистого орнамента была характерна для керамики Москвы лишь в XIII–XIV вв. (Коваль, 2000. Табл. 7). Что касается линейного орнамента, то на горшки данного вида он наносился только одним инструментом — слегка заостренной палочкой — в виде спирали, покрывавшей около половины площади стенок. Обращает на себя внимание также тот факт, что на селище 2 не было найдено ни одного обломка керамики с отпечатками зубчатого штампа — самого распространенного декора красноглиняной керамики на селище Аносино-1, лишней раз указывающий на то, что «московская» красноглиняная керамика, присутствовавшая здесь, асинхронна домонгольской посуде.

Таким образом, по всем признакам керамика этого вида может быть уверенно датирована в пределах золотоордынской эпохи (с наибольшей вероятностью — XIV веком). В дальнейшем предлагаем условно называть ее «красноглиняной керамикой московского типа — вида 1 (т. е. XIV века)» или, сокращенно — *ККМ-1*.

2) Второй вид красноглиняной керамики был представлен обломками сосудов из формовочных масс с примесью мелкого песка и единичными включениями мелкой дресвы (тип 2. 1. /2. 7.), которые нельзя расценивать как случайные в силу их обязательного присутствия в массе всех встреченных образцов. В большинстве случаев сосуды проходили полный окислительный обжиг и приобретали ярко-красный цвет поверхности при однослойном изломе черепка. Особо отметим, что наряду с горшками, именно среди керамики этого вида впервые были встречены иные формы сосудов, а именно — плошки (рис. 12, 15, 16). Для надежной характеристики днищ горшков этого вида число находок явно недостаточно, однако можно отметить, что наряду с несколькими днищами, сформованными на зольных подсыпках (рис. 18, 28, 30), все остальные днища несли следы подсыпки мелкой дресвы (рис. 18, 29, 31, 32).

Венчики горшков отличались здесь упрощенной профилировкой и подтреугольным оформлением валика, остававшегося после заворота

¹ Светлоглиняным горшкам южнорусского типа принадлежали здесь всего 4 обломка, составлявшие 3 % керамики из почвенного слоя и 1,4 % всей керамики, собранной на раскопе VII и в шурфе 2.

«чернового» края внутрь сосуда (типы венчиков 13/1, 13/3, 23/3) (рис. 18, 7, 8, 13, 15, 17–20), характерным в Москве и Подмоскovie для посуды XV в., называвшейся, по применявшейся в прошлом веке шкале, красноглиняной гладкой ранней керамикой (Бойцов, 1991. рис. 1, В, Г). Поэтому в дальнейшем будем условно называть ее «красноглиняной керамикой московского типа — вида 2 (т. е. XV века)» или, сокращенно — КKM-2.

Особо следует подчеркнуть полное отсутствие на раскопе VII (т. е. на площадке селища 2) поздних разновидностей средневековой русской керамики, бытовавших в XVI–XVIII вв. — так называемой «красноглиняной гладкой», белоглиняной (МБК-1 и МБК-2), чернолощеной, мореной.

В одних объектах (из числа исследованных на раскопе) преобладала красноглиняная керамика первого вида (яма 1 шурфа 2, ямы 2, 4 раскопа VII, а также канавки — следы оград), тогда как в других — керамика второго вида (ямы 1, 3, 13 раскопа VII). Это наблюдение позволяет предполагать неодновременное существование выявленных объектов, что, в свою очередь, свидетельствует об относительно продолжительном существовании данного поселения. В некоторых объектах (яма 2) зафиксировано большое количество древесного угля и ошлакованной керамики ($\frac{1}{5}$ образцов приобрела пемзообразную структуру). Такое ошлакование могло произойти только при очень высокой температуре (более 1000 °C), которая достигалась только во время пожаров. Следовательно, постройки с материалами XIV в. могли погибнуть в результате какого-то катастрофического события, связанного с пожаром. Однако этого нельзя сказать об объектах XV века, в которых следы пожара не встречены.

Следует заметить, что если КKM-1, при всем сходстве с московской посудой, вполне могла быть произведена на месте (или где-то в ближайших окрестностях селища), то КKM-2 в основной своей массе настолько близка собственно керамике Москвы, что она, скорее всего, была привезена сюда именно из Москвы, то есть являлась московской по самому своему происхождению. Сходство прослеживается не только по профилировке горшков, но и по фактуре поверхности сосудов, качеству глины, характеру орнамента. Данное замечание важно для изучения вопроса о том, насколько далеко от Москвы могла поставляться продукция ее гончаров, продававшаяся на московском рынке.

Очевидно, что селище Аносино-2 отличалось от своего домонгольского предшественника (селища Аносино-1) не только хронологически, но и топографически (хотя на первом этапе жизни Аносино-2, в XIV в., как мы отмечали выше, на площадке Аносино-1 возникла недолго просуществовавшая постройка, имевшая, вероятно, хозяйственное назначение). Между площадками двух поселений существовало незастроенное пространство, использовавшееся только с хозяйственными целями (под пашню или огороды). Селище Аносино-1 прекратило существование не позднее конца XII в., тогда как Аносино-2 возникло не ранее конца XIII в. (а скорее всего — уже в XIV в.), то есть через 100–150 лет после исчезновения первого, и просуществовало до середины, самое позднее — конца XV в. (верхнюю дату селища определяет отсутствие более позднего материала). Наличие же в культурном слое селища Аносино-2 и на участке к северу от него (раскоп I) небольшого количества фрагментов домонгольской керамики свидетельствует о существовании где-то поблизости (скорее всего, несколько южнее) небольшого поселения этого времени. Изученная площадь селища составляла около 300 кв. м, какова была общая его площадь установить сейчас невозможно (из-за современной застройки села).

Остаются неясными причины прекращения жизни на обоих исследованных селищах. Имеющийся материал не позволяет делать обоснованные предположения об этих причинах, тем более, что площадь современного села Аносино остается необследованной, равно как и ближайшие окрестности этого пункта. Можно лишь констатировать, что выразительный материал XVI в. здесь пока не встречен, но в XVII в. поселение на месте села Аносино уже снова существовало, о чем свидетельствуют единичные находки белоглиняной и чернолощеной керамики этого периода, встреченные на нескольких раскопах (рис. 19, 1–3, 5, 6). Можно лишь предполагать, что жилая застройка того времени могла располагаться южнее урочища «Большие Паны» — там, где эту застройку фиксируют карты XVIII и XIX вв. (рис. 2, 3). Для того чтобы понять, существовали ли в действительности лакуны XIII и XVI вв. в жизни этого населенного пункта или они касались только того конкретного участка, который попал в зону раскопочных работ, необходимо проведение сплошного обследования всей территории села Аносино.

Литература

- Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // *Археология Подмосковья*. М.
- Арсланова Ф. Х., Ковалец Ю. А., 1991. Посуда кривичей Избрия // *Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий*. Тверь.
- АКР, 1995. Московская область. Ч. 2. М.
- АКР, 1997. Московская область. Ч. 4. М.
- Беляев Л. А., 1991. Керамический комплекс собора Богоявленского монастыря // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М.
- Блажевич Н. В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // *Древнерусская керамика*. М.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // *Московская керамика. Новые данные по хронологии*. М.
- Голубева Л. А., 1953. Раскопки в г. Рузе // *Тр. ГИМ*. Вып. 22. М.
- Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // *Тр. ГИМ*. Вып. 111. М.
- Грибов Н. Н., Цепкин Е. А., 2004. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в Средние века // *Ежегодник Нижегородские Исследования по краеведению и археологии*. Нижний Новгород.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Древняя Русь, 1985 — Древняя Русь: Город, замок, село // *Археология СССР*. М.
- История СССР, 1974. Под ред. П. И. Кабанова и В. В. Мавродина. Ч. 1. М.
- Кадиева Е. К., 1991. Керамические сосуды древнерусского поселения Введенское. По материалам раскопок 1987–89 гг. // *Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий*. Тверь.
- Кадиева Е. К., 1995. Круговая посуда Ростова конца X–XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // *Сообщения Ростовского музея*. Вып. VIII. Ростов.
- Кадиева Е. К., 2000. Круговая керамика из курганов Ярославского Поволжья X–XII вв. и ее использование в погребальном обряде // *Сообщения Ростовского музея*. Вып. X. Ростов.
- Кобозева Е. В., 1997. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском Кремле // *Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья* (Тр. МИГМ. Вып. 9). М.
- Коваль В. Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В. Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья* (Тр. МИГМ. Вып. 10). М.
- Коваль В. Ю., 2001а. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // *РА*. № 1.
- Коваль В. Ю., 2001б. Поселение в устье Осетра близ Коломны // *КСИА*. Вып. 212. М.
- Коваль В. Ю., 2004а. Исследование керамического материала // *Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН*. Т. 2. М.
- Коваль В. Ю., 2004б. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // *Археология Подмосковья*. М.
- Коваль В. Ю., 2004в. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI веке) // *РА*. № 1.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // *Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода*. М.
- Кренке Н. А., 1992. Селище Дьяково-пойма — древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // *Коломенское. Материалы и исследования*. М. Вып. 3.
- Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // *Древнерусская керамика*. М.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // *Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий*. Тверь.
- Малыгин П. Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990. М.
- Монастыри в Российской империи, 1887 // *Статистический временник Российской империи*. Серия III. Вып. 18. СПб.
- Монастыри Русской Православной Церкви, 2001. М.
- Моргунов Ю. Ю., 2003. Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии, 1991. М.
- Населенные местности Московской губернии, 1913. М.
- Полубояринова М. Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Писцовые книги Московского государства, 1872. Ч. 1. Отд. 1. СПб.
- Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1966. Константиновские и Залесьевские курганы // *СА*. № 4.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // *САИ*. Вып. Е 1–39.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // *Древняя Русь: быт и культура*. М.
- Сидоров В. В., 1994. Тростенский замок // *Макариевские чтения*. Вып. 2. Ч. 2. Можайск.
- Список населенных мест по сведениям 1859 г., 1862. Т. XXIV (Московская губерния). СПб.
- Стрикалов И. Ю., 1996. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // *Археологические памятники Окского бассейна*. Рязань.
- Стрикалов И. Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округи // *Русь в XIII веке: древности темного времени*. М.
- Тавлицева Е. Ю., 1996. Результаты раскопок селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // *Тр. МИГМ*. Вып. 9. М.
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // *Труды ГИМ*. Вып. 33. М.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. Археология СССР. М.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII — середины XV вв. // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М.
- Шекун О. В., Веремейчик О. М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернівці.
- Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // *Труды ГИМ*. Вып. 103. М.
- Юшко А. А., 2002. Феодалное землевладение Московской земли XIV века. М.

Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области

Поселение Котово 1 расположено в 0,8 км к югу от д. Котово Истринского района Московской области, в 0,23 км к северу от автомобильной заправки автодороги «Балтия» (58 км), на водораздельном всхолмлении (высотой 3–5 м) на опушке леса. С северо-востока к поселению примыкают остатки приусадебных насаждений существовавшей здесь в первой половине XX в. деревни (рис. 1) с заплывшими котлованами диаметром от 1–3 м до 8–12 м и глубиной от 0,5 до 2 м, которые практически полностью уничтожили возможный культурный слой поселения на данном участке. По южной окраине поселения по направлению запад—восток проходит грунтовая дорога. Остальная часть селища задернована.

Поселение открыто отрядом ГИМ (руководитель работ А. В. Алексеев) в 2003 г. Площадь поселения была определена в размере 11700 кв. м (130х90 м). По подъемному материалу селища датировано исследователем XIV–XV вв. (Алексеев, 2004).

В полевой сезон 2004 г. в связи с планируемым строительством на площадке поселения были проведены охранные работы (заложен раскоп 1). Поверхность раскопа неровная. С севера и запада он ограничена ложбиной, частично заболоченной, которая оконтуривала водораздельное всхолмление на краю надпойменной террасы. С юга участок раскопа был ограничен склоном террасы, а с восточной — остатками от усадеб деревни XX в., визуально заметными по западинам в грунте. Одна из этих западин — остатки погреба XX в. (яма 35) — изучена в восточной части раскопа. Таким образом, сохранившаяся часть поселения Котово 1 была полностью исследована раскопом.

Изучение культурного слоя, фиксация керамического материала и индивидуальных находок велись по квадратам 2х2 м пластами по 0,2 м. В ходе работ через каждые 4 м оставлялись бровки. Культурный слой памятника сложен тем-

но-серым гумусированным суглинком с вкраплениями угольков и обожженной глины. Слой по всей поверхности памятника нарушен глубокой пахотой. В отдельных случаях плуг задевал материк — ярко-бурый суглинок и оставлял в нем глубокие борозды.

На раскопе 1 исследована площадь 1416 кв. м, на которой выявлено и изучено заполнение 35 ям, представлявших остатки заглубленных в материк хозяйственных и жилых сооружений, и 80 столбовых ям — остатков наземных сооружений. Характер заполнения большинства ям позволяет констатировать, что оно образовывалось после прекращения существования поселения. Ямы не перекрывают друг друга, имеют общий характер расположения — вытянуты по линии северо-восток — юго-запад. Судя по тому, что следы пожара отсутствуют, можно предположить, что поселение не уничтожено в результате военных действий или иного несчастного случая, а просто было заброшено.

По планировке, характеру заполнения и находкам ямы делятся на несколько групп. Судя по находкам в заполнении крупных фрагментов обожженной глины, в том числе нескольких фрагментов сводов печей, ямы 15, 17–22, 26 следует интерпретировать как остатки жилых построек. Концентрация их на одном участке, на наш взгляд, свидетельствует не о различной хронологии, а об особом характере памятника — усадебной застройке дворов феодалов и зажиточных крестьян XVI–XVII вв. в Восточной Европе (АИСЗР, 1978. С. 19, 20; Якимович, 1991. С. 16–19).

Ямы 14 и 25 — остатки располагавшихся рядом погребов (рис. 2)¹. Ямы 1 и 2, вероятно, являются остатками производственных сооружений, предназначенных для просушки снопов перед обмолотом, — овинов с заглубленными в землю печами (ЭБ, 1989. С. 38). Ямы 8, 9, 29, 30 с примыкающими к последней канавками 1 и 2, могли быть ос-

¹ Рисунки находок выполнены художником С. И. Вилькиной, обработка графических материалов выполнена научным сотрудником ГИМ И. Г. Вальдовской.

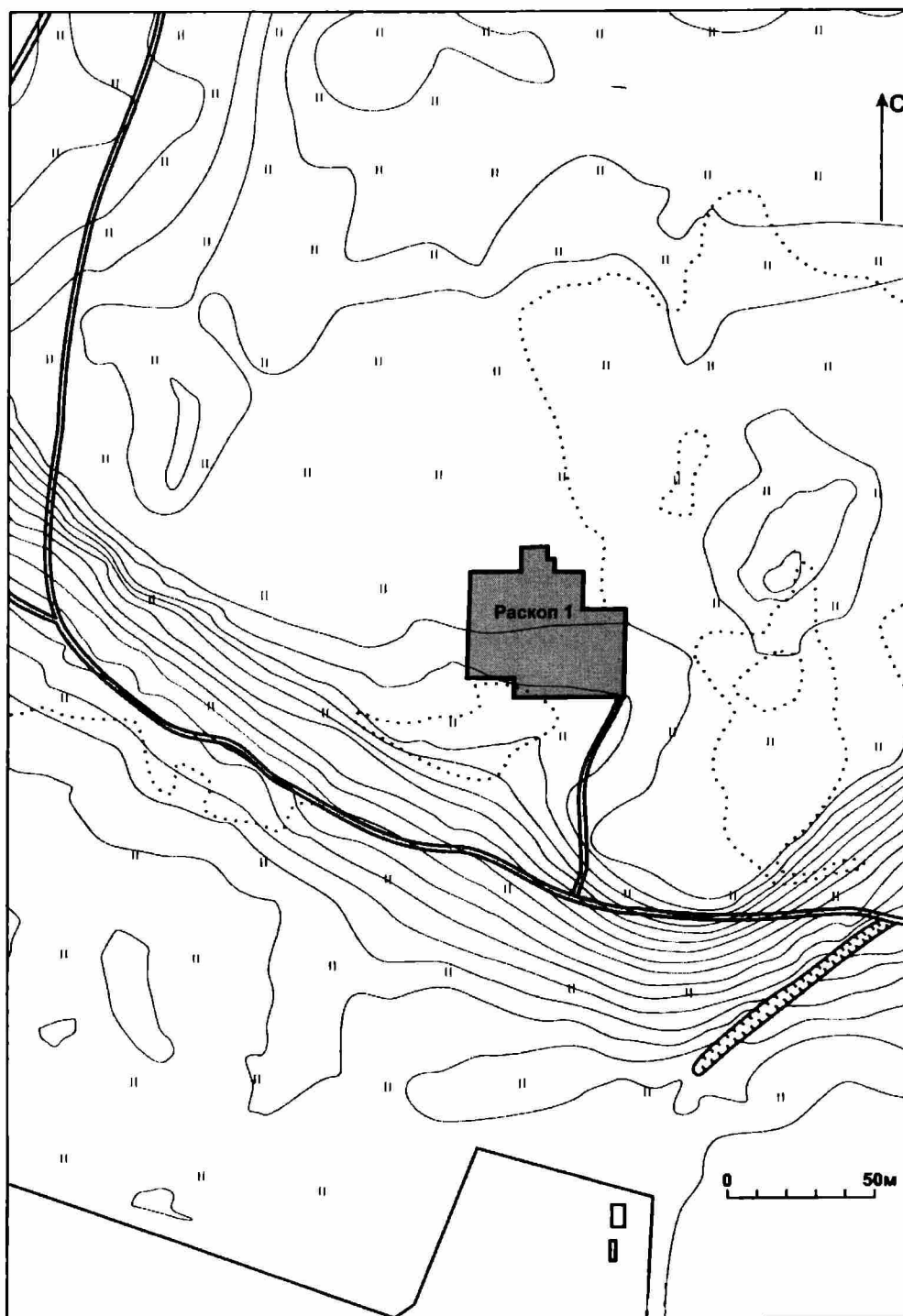

Рис. 1. Поселение Котово 1. План

Высота сечения рельефа 1 м

татками построек и сооружений скотного двора (в т. ч. хлева) (рис. 2). Канавки, скорее всего, служили для удаления жидкой фракции навоза. Ямы 4, 5, 27 могли быть остатками жилых построек челяди (дворовых людей) помещика.

При раскопках поселения Котово 1 встречено 196 индивидуальных находок. Подавляющая

часть их представлена бытовыми вещами. Среди них: ножи, иголки, фрагменты жерновов, части цилиндрических замков. Наибольший интерес, с точки зрения датировки памятника, представляют 8 находок: печать-образок, 4 нательных креста, 2 целых шпоры и 1 фрагмент.

Печать-образок была найдена в средней части

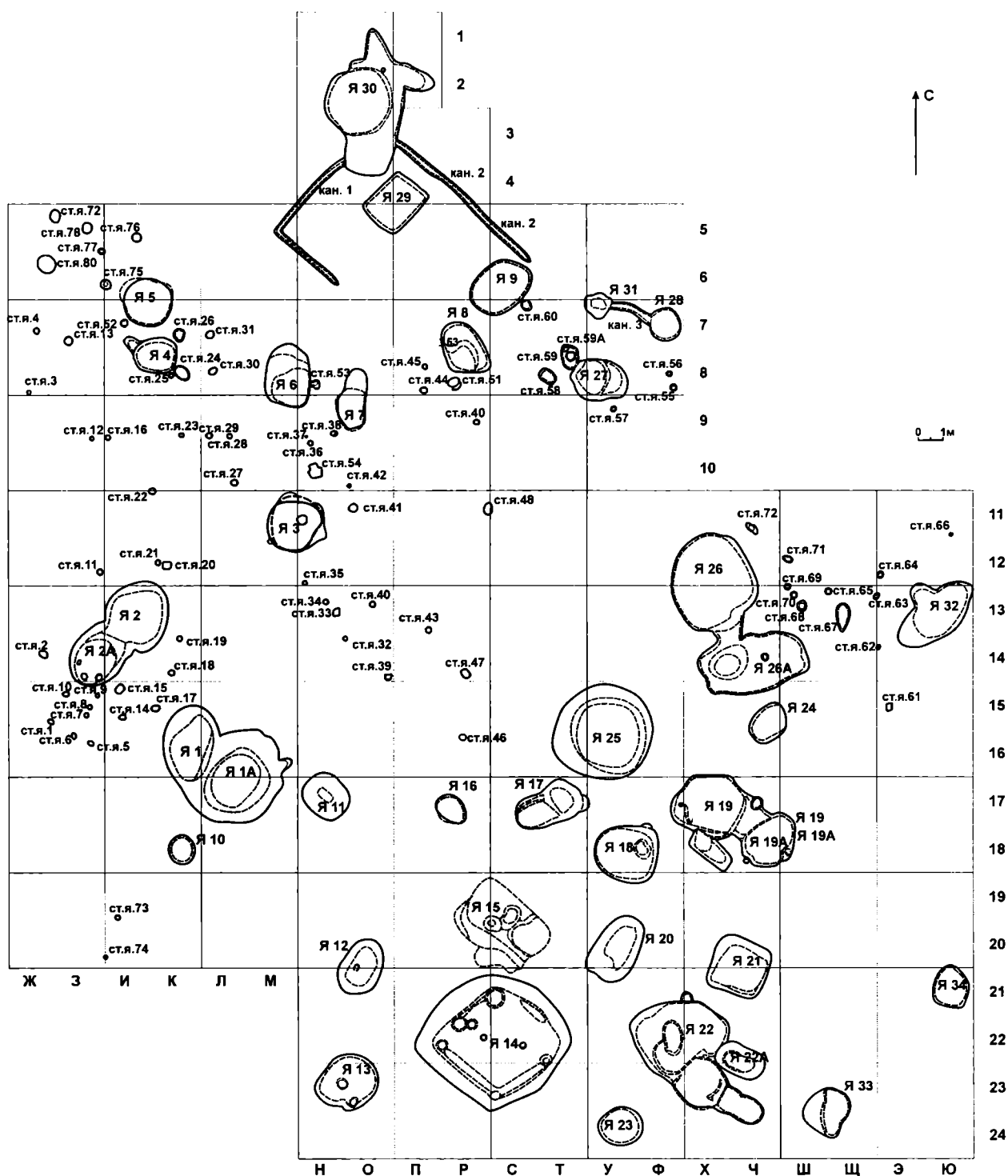

Рис. 2. Поселение Котово 1. План раскопа 1

заполнения ямы 27. Она представляет собой изделие из металла белого цвета (предположительно, серебра), выполненное в технике литья (рис. 4). С лицевой стороны по центру в полный рост изображена стоящая фигура в длинном одеянии, со щитом в одной и копьем в другой руке. Вокруг изображения — выпуклый бортик с надписью, местами слабо различимой, которая

предположительно читается как «Архангела Михаила икона». Обратная сторона представлена надписью в четыре строки, выполненной методом гравировки в зеркальном отображении. Оттиск оборотной стороны образует надпись: «сепе/чате/Иван/ова». По мнению В. Г. Пуцко, это изделие с печатью на обратной стороне характерно для второй половины XV–XVI в.

Найденные на поселении 2 целых и 1 фрагмент шпоры относятся к типу шпор с зубчатым колесиком. Период распространения подобных шпор — вторая половина XIII–XIV в. (Седов, 1960. рис. 57; Гроздилов, 1962. рис. 48, 5; Кирпичников, 1973. С. 67, 68; Никольская, 1981. рис. 62, 4). Шпора, найденная в яме 6, имеет сдвоенные круглые петли (рис. 3, 1). В надпяточной части есть небольшой козырек для лучшего крепления на ноге. Зубчатое колесико утрачено. В средней части заполнения ямы 22 была найдена шпора с утерянным зубчатым колесиком, аналогичная описанной. В придонной части заполнения ямы 14 был найден фрагмент еще одной шпоры указанного типа с утраченным колесиком (рис. 3, 2).

В средней части заполнения ямы 2 найден литой криноконечный крест-тельник с гладкой внутренней стороной. На внешней стороне в средокрестии изображен равноконечный крест, на лопастях — ложновитой орнамент (рис. 3, 4). Размеры креста — 2х2,7 см. Диаметр ушка — 0,5 см. Крест относится к кругу образцов медного литья, датируемых XIV — началом XV в. (Седова, 1981. С. 54. рис. 16, 8, 13; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 197, 299. Табл. 71, 3; Чернов, 2004. С. 265).

В основании культурного слоя близ ямы 6 был найден медный четырехконечный равносторонний крест-тельник с треугольными концами (рис. 3, 5). Изделие имеет крестообразные углубления по всей длине и ширине креста в виде желобков, заполненных светлой эмалью. Размеры креста — 1,4х2,1 см. Диаметр ушка — 0,5 см. Известные образцы таких крестов датируются XIV–XV вв. (Романченко, 1928. С. 40. рис. 2, 8; Гриценко, Пуцко, 2000. С. 213. рис. на с. 219, № 10).

Медный четырехконечный крест был найден в нижней части заполнения ямы 14 (рис. 3, 3). Он имеет килевидное нижнее окончание, на котором в квадратном клейме читаются выпуклые буквы «ХС». Внутренняя сторона — гладкая, на внешней — изображение четырехугольного креста с квадратом, соединяющим его лопасти на средокрестии. Крест покрыт тонкими листами металла желтого цвета (сусальное золото?), которые на оборотной стороне налагаются друг на друга. Самые ранние кресты этого типа относятся к XIV в., известны экземпляры из словес последней четверти XV в. В конце XV — начале XVI в. изображение Голгофского креста на таких крестах сменяется изображением «Распятия» (Винокурова, 1999. С. 328; Гриценко, Пуцко, 2000. С. 212, 215–216. рис. на с. 218, № 5, 8, рис. на с. 219, № 16). Ушко креста обломано. Размеры креста — 1х2 см.

В нижней части заполнения ямы 1а был найден четырехконечный крест с прямыми концами

(рис. 3, 6). Нижний конец удлиннен. В центре креста выпукло изображен семиконечный Голгофский крест. Внутри Голгофы выпукло изображена голова Адама (череп). Из нижней перекладины Голгофского креста, под углом к его стволу изображены орудия страстей Господних — трость и копие. По концам креста в клеймах прорезаны надписи. На верхнем конце в ромбическом клейме в верхней строчке надпись «Цр», в нижней — косо прочерченная черта, видимо, плохо вырезанная буква «С». На левом и правом концах креста в квадратных клеймах — надписи: «Го» и «Хр», соответственно. На нижней лопасти, под Голгофским крестом прорезана надпись в две строки «НИ/КА». На обратной стороне креста изображена плохо сохранившаяся надпись, судя по всему, молитва. На перекладине креста читается часть надписи: «ЕКРЕСТ.. ТВО..» (очевидно, «кресту твоему»). Таким образом, крест наиболее близок к I типу, I подтипу по классификации Э. П. Винокуровой, который датируется исследовательницей в пределах XVII в. (Винокурова, 1999. С. 333, 357–359). Однако в надписях крест имеет некоторые отличия. Возможно, архаичным признаком является его массивность (толщина креста — 2 мм).

Далее приводим краткую характеристику некоторых первоначально обработанных керамических комплексов из ям исследованного поселения. При этом мы основываемся на историографической традиции выделения среди керамической посуды XV–XVI вв. Москвы и Подмосковья красноглиняной грубой, красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой (МБК-1 по В. Ю. Ковалю), белоглиняной гладкой (МБК-2 по В. Ю. Ковалю), мореной и чернолощеной керамики (МК, 1991. С. 20–40, 50–55; Коваль, 2001). Критериями для указанной классификации фрагментов керамической посуды были цвет поверхности черепков и состав примесей в формовочной массе (Энговатова и др., 2004. С. 21). Так как морфология верхних частей фрагментов обнаруженной посуды в ряде случаев была отлична от «классической» морфологии указанных групп московской керамики, то для описания форм верхних частей основного разряда посуды — горшков — мы считаем приемлемым использовать классификацию венчиков горшков, предложенную В. Ю. Ковалем (Коваль, 2004. С. 58–63). При подсчетах учитывались все фрагменты посуды площадью более 1 кв. см.

В верхней части заполнения ямы 1 были расчищены остатки глинобитной печи с сохранившимися подом и основанием свода. Остатки свода печи, представленные фрагментами обожженной глины, располагались над подом, отделенные от

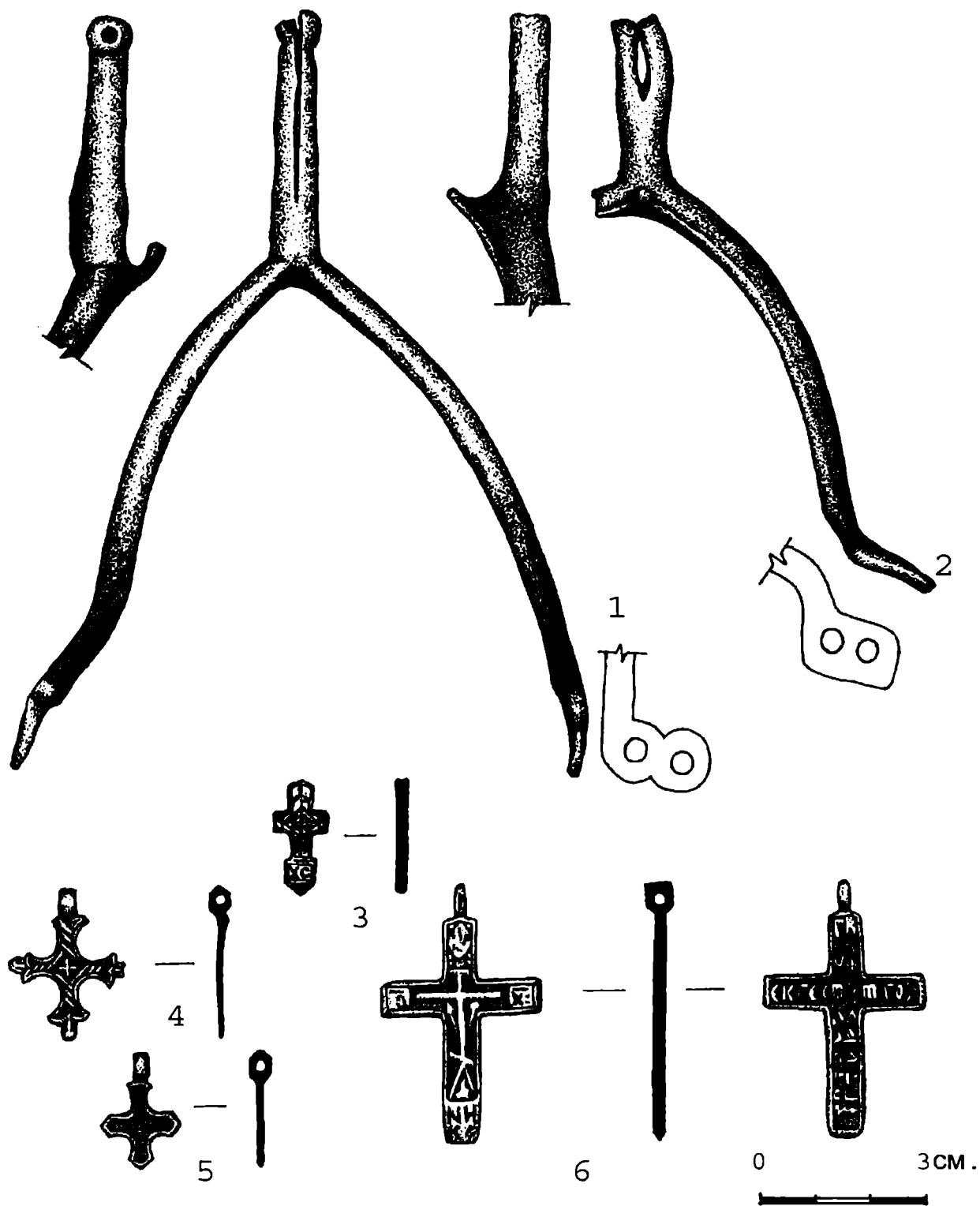

Рис. 3. Поселение Котово 1. Индивидуальные находки

1 — железная шпора из ямы 6; 2 — фрагмент железной шпоры из ямы 14; 3 — бронзовый с остатками золотого покрытия нательный крест из ямы 14; 4 — бронзовый нательный крест из ямы 2; 5 — бронзовый нательный крест со светлой эмалью из пласта 1; 6 — бронзовый нательный крест из ямы 1а

Рис. 4. Поселение Котово I. Серебряная (?) печать-образок из ямы 27

него прослойкой (2–4 мм) темно-серого гумусированного суглинка. Яма имела овальную в плане форму (3,6×2,3 м), пологие стенки и была заглублена в материк на 1,4 м (рис. 2).

Нижняя часть заполнения ямы 1 сложена темно-серым гумусированным суглинком, насыщенным мелкими фрагментами древесного угля, обожженной глины, включениями прокаленного суглинка, где было обнаружено 75 фрагментов круговой керамики. Из них 53 фрагмента (71 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой керамической посуде, 2 фрагмента — к красноглиняной гладкой, 16 фрагментов (21 %) — к белоглиняной грубой, 4 фрагмента — к мореной керамической посуде.

Для красноглиняной грубой посуды характерен красно-бурый цвет поверхности черепков. Отдельные фрагменты имели поверхность других оттенков красного цвета: от оранжевого до красно-коричневого. В формовочной массе фрагментов присутствовала дресва (до 1,5 мм в поперечнике), выступающая на поверхности. Обжиг — окислительный, излом черепков — черный, в нескольких случаях — красно-бурый. Толщина стенок — 5–9 мм.

Фрагменты красноглиняной гладкой посуды имели поверхность светлых оттенков красного цвета. В формовочной массе присутствовал песок,

обжиг — окислительный, более качественный, чем у фрагментов красноглиняной грубой посуды. Излом черепков — оттенков красного цвета.

Фрагменты белоглиняной грубой посуды имели поверхности белого либо бело-серого, бежевого цвета. В формовочной массе присутствовала дресва. Обжиг — окислительный сквозной. Толщина стенок — 4–5 мм.

Фрагменты мореной посуды имели поверхность серо-стального матового цвета. Формовочная масса — без визуально фиксируемых примесей. Обжиг — восстановительный, равномерный. Толщина стенок — 4–5 мм.

Три фрагмента принадлежали одному венчику красноглиняного грубого горшка (диаметр устья 17 см) (тип 21/2, здесь и далее по В. Ю. Ковалю) (Коваль, 2004. С. 58–63). По плечикам сосудов был украшен округлыми ямками — вдавлениями палочки (рис. 5, 1). Венчики еще от двух горшков с пологими плечиками были представлены девятью более мелкими фрагментами. Их устья оформлены заворотом «чернового» края наружу, в виде валиков (типы 4/1, 44/1) (рис. 5, 2, 3). Два горшка орнаментированы волнистой линией. Диаметры устьев горшков — 18 и 20 см. Два фрагмента принадлежали венчику горшка (диаметр устья 11 см) с секировидным оформлением края (рис. 5, 4).

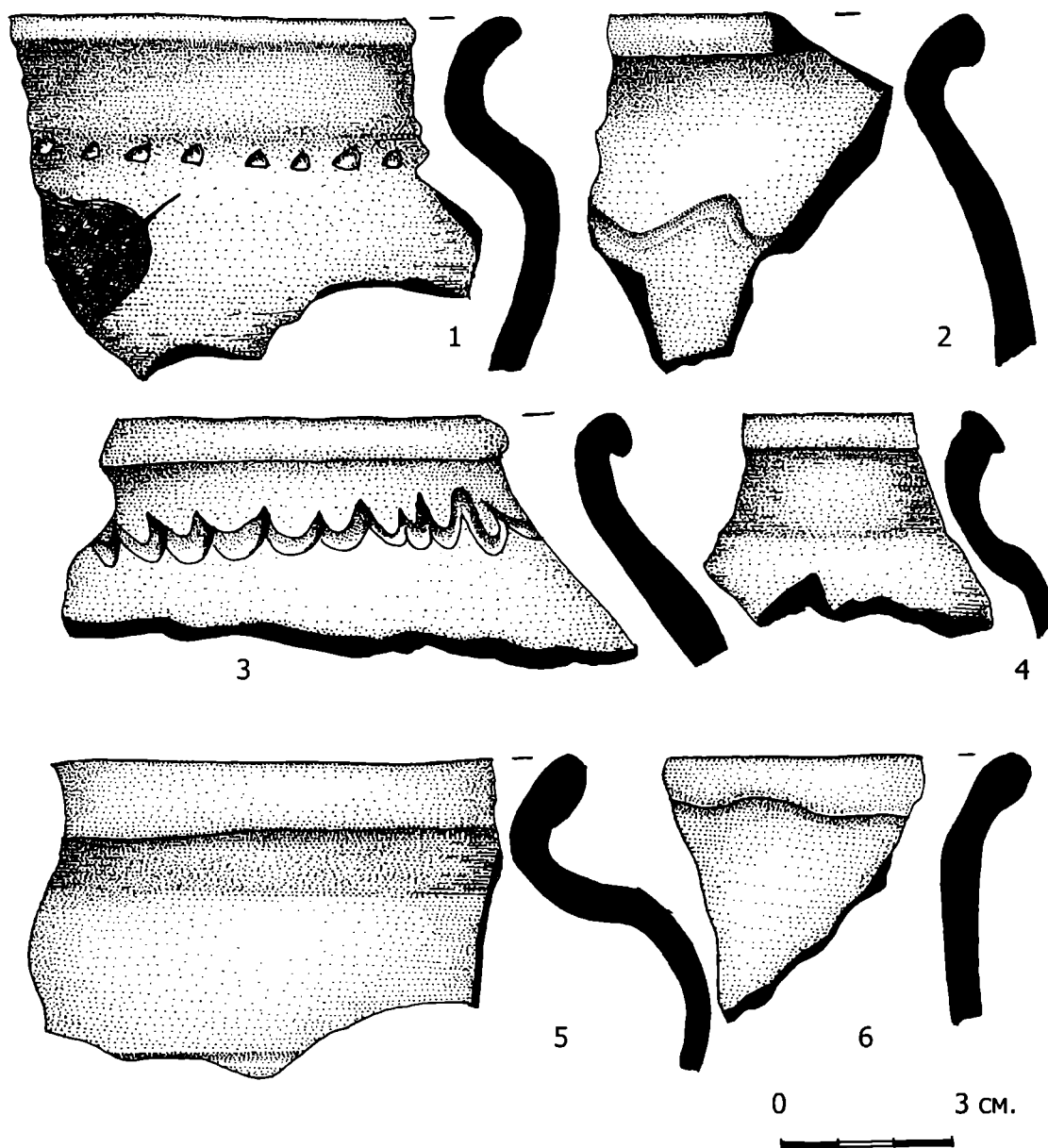

Рис. 5. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов из нижнего слоя 3 ямы 1

1-4 — красноглиняные грубые, 5 — мореный, 6 — белоглиняный грубый

Из 40 фрагментов стенок красноглиняной грубой посуды 2 фрагмента были орнаментированы волнистыми линиями, остальные — орнамента не имели. Кроме того, обнаружены 8 фрагментов донцев красноглиняных грубых горшков, изготовленных на подсыпках и имевших диаметры от 8 до 16 см.

В виде несколько уплощенного наружного валика было оформлено устье одного белоглиняного кувшина, представленного двумя небольшими фрагментами (рис. 5, 6). Судя по составу формовочной массы, этому же кувшину, скорее

всего, принадлежали 10 фрагментов неорнаментированных стенок и 1 фрагмент ручки. Все они отличались качественным равномерным обжигом, белым изломом черепка. Из остальных 4 фрагментов стенок белоглиняных сосудов, найденных в указанном слое ямы, один был орнаментирован горизонтальной линией, три — орнамента не имели.

Шесть фрагментов принадлежали одному венчику мореного горшка, который имел слабо отогнутую наружу шейку и край, отогнутый наружу в виде уплощенного валика (тип 14/1)

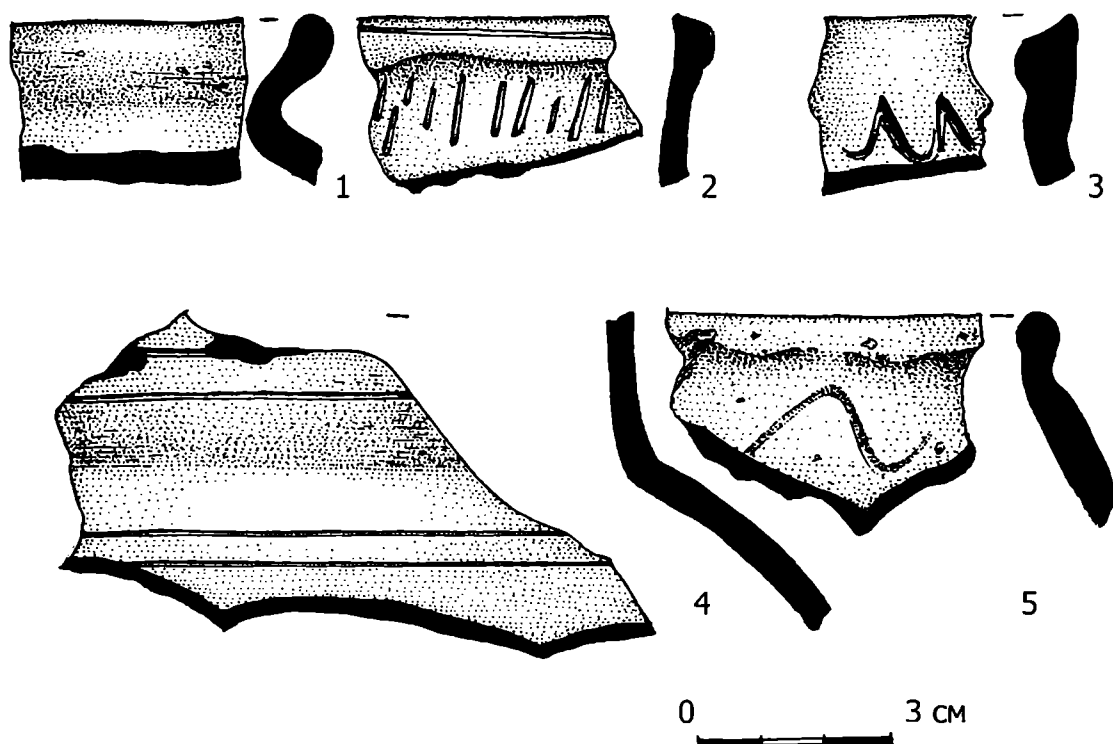

Рис. 6. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов

1 — из слоя 1 ямы 1; 2, 3 — из слоя 2 ямы 1; 4, 5 — из нижнего слоя 2 ямы 1а;
1-3, 5 — красноглиняные грубые, 4 — мореный

(рис. 5, 5). Сосуд имел выраженные плечики и диаметр устья 23 см. Три фрагмента мореных стенок орнамента не имели.

Описанный керамический комплекс из нижнего слоя заполнения ямы 1, в первую очередь, интересен тем, что в нем найдены фрагменты красноглиняной грубой посуды вместе с фрагментами мореной керамической посуды. Как известно, материалы предшествующих археологических исследований в г. Москве и Подмоскowie указывают на бытование красноглиняной грубой посуды в этом регионе до середины XV в., а самая ранняя датированная находка фрагментов чернолощеной керамической посуды происходит из постройки, погибшей в 1493 г. (Чернов, 1991б, С. 50, 51). При этом еще раз отметим, что в верхней части заполнения ямы сохранились неразрушенными под и основание свода глинобитной печи. Кроме того, отметим нехарактерное для московской красноглиняной грубой посуды оформление краев венчиков в виде внешних валиков, образованных заворотом наружу.

В слое 2, расположенном выше описанного слоя 3, заполнения ямы 1 было найдено 14 фрагментов круговой керамической посуды. Слой 2 сложен ярко-бурым суглинком с включениями

многочисленных мелких фрагментов обожженной глины, древесного угля, гумусированного суглинка. Из 14 указанных фрагментов 12 могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде, 2 — к белоглиняной грубой посуде. Цвет черепков указанных групп керамики, состав их формовочных масс, качество обжига близки описанным при характеристике нижнего слоя заполнения.

Один фрагмент венчика красноглиняного грубого горшка (с диаметр устья 14 см) имел Т-образное оформление края (рис. 6, 2). Второй фрагмент венчика красноглиняного грубого горшка (диаметр устья 20 см) имел относительно вертикальную шейку и устье, образованное загибом края внутрь с последующим обтачиванием (рис. 6, 3). Фрагмент был орнаментирован по шейке однорядной волнистой линией. Все фрагменты красноглиняных грубых стенок были неорнаментированными.

Слой 1 заполнения ямы 1 (выше пода печи) был сложен темно-серым гумусированным суглинком с включениями редких фрагментов древесного угля и обожженной глины. В этом слое обнаружено 24 фрагмента круговой керамической посуды, из которых 14 (58 %) могут быть

отнесены к красноглиняной грубой посуде, 9 (38 %) — к белоглиняной, 1 (4 %) фрагмент донца с диаметром 10 см — к мореной посуде. Следует отметить, что 4 фрагмента (3 стенки и 1 донце) из 9 белоглиняных не содержали примесей дресвы (остальные 5 фрагментов имели включения дресвы). Все найденные в слое фрагменты были неорнаментированными. Один фрагмент венчика красноглиняного грубого горшка (с диаметром устья 23 см) имел отогнутую наружу (более чем на 20° от вертикали) шейку и устье, оформленное в виде валикообразно завернутого внутрь края (рис. 6, 1).

Распределение фрагментов указанных групп керамики по слоям заполнения ямы 1 выглядело следующим образом:

Группы керамики	Слой 1	Слой 2	Слой 3 (нижний)
Красноглиняная грубая	14	12	53
Красноглиняная гладкая	—	—	2
Красноглиняная в целом	14	12	53
Белоглиняная	9	2	16
Мореная	1	—	4

К яме 1 примыкала яма 1а. В плане она имела близкую к овальной форму (4,2×3,2 м), пологие стенки и была заглублена в материк до 1,3 м (рис. 2). Вероятно, ямы 1 и 1а входили в состав одной постройки. На дне ямы 1а был найден упоминавшийся выше четырехконечный крест с прямоугольными концами (рис. 3, б).

Заполнение нижней части ямы 1а состояло из темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного включениями прокаленного суглинка, ярко-бурого суглинка, мелкими фрагментами древесного угля. Из 16 найденных здесь фрагментов керамики 12 (75 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде, 3 (19 %) — к белоглиняной грубой, 1 (6 %) — к мореной посуде.

Фрагменты красноглиняной грубой посуды по цвету черепков, составу формовочной массы, качеству обжига близки подобной керамике из

слоя 3 заполнения ямы 1. Один фрагмент венчика горшка имел вертикальную шейку и край, оформленный в виде наружного валика (4/1) (рис. 6, 5), с диаметром венчика 19 см и волнистой линией по шейке. Девять фрагментов стенок орнамента не имели.

Пятнадцать фрагментов неорнаментированных белоглиняных стенок и 1 фрагмент белоглиняного донца (диаметром 14 см) принадлежали одному сосуду, скорее всего, кувшину. Их отличало наличие в формовочной массе дресвы, качественный обжиг и белый однотонный излом черепка. Один крупный фрагмент принадлежал мореному кувшину, орнаментированному по плечикам и горловине (шейке) горизонтальными линиями (рис. 6, 4).

Верхняя часть заполнения ямы 1а была сложена из темно-серым гумусированным суглинком с редкими включениями прокаленного суглинка, мелких фрагментов древесного угля (слой 1). В слое было обнаружено 17 фрагментов круговой керамической посуды. Из них 12 фрагментов (71 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде, 3 фрагмента (18 %) — к красноглиняной гладкой, 2 (12 %) — к белоглиняной грубой посуде. Характеристики состава формовочных масс, качества обжига близки описанным для данных групп керамической посуды выше. Один фрагмент красноглиняной гладкой стенки был орнаментирован горизонтальной линией, а 1 фрагмент белоглиняной стенки — вдавлениями палочкой.

Количественное распределение фрагментов указанных групп керамики по слоям заполнения ямы 1а выглядело следующим образом.

Группы керамики	Слой 1 (верхний)	Слой 2 (нижний)
Красноглиняная грубая	12	12
Красноглиняная гладкая	3	—
Красноглиняная в целом	15	12
Белоглиняная грубая	2	3
Мореная	—	1

Керамический комплекс из ямы 2 интересен тем, что в одном из нижних слоев (слое 4) заполнения ямы был найден упомянутый выше бронзовый нательный крест с кривовидными завер-

шениями концов (рис. 3, 4). Яма имела округлую в плане форму (2,7 2, 7 м), пологие стенки и была заглублена в материк на 1 м (рис. 2).

В нижней части заполнения ямы в слое 6, сложенном ярко-бурым суглинком, насыщенном многочисленными мелкими фрагментами древесного угля, включениями гумусированного суглинка, было найдено 10 фрагментов стенок круговых красноглиняных грубых сосудов и 5 фрагментов стенок белоглиняных грубых сосудов. Лишь по одному фрагменту красноглиняных стенок были украшены горизонтальной линией и волнистой линией. Фрагменты красноглиняной грубой посуды по цвету черепков, составу формовочной массы, качеству обжига близки указанным при описании керамической посуды из нижней части заполнения ямы 1. Фрагменты белоглиняной посуды содержали в формовочной массе дресву, но их отличал качественный обжиг и белый однотонный излом черепка. Судя по аналогиям из заполнений других ям, скорее всего, они принадлежали белоглиняному кувшину.

В слое 5, сложенном ярко-бурым суглинком с включениями мелких фрагментов древесного угля, обожженной глины, фрагментов керамической посуды найдено не было. В слое 4, сложенном ярко-бурым суглинком с включениями гумусированного суглинка, фрагментов древесного угля, обожженной глины, были найдены 54 фрагмента круговой керамической посуды. Из найденных 54 фрагментов 30 (56 %) можно отнести к красноглиняной грубой посуде, 6 (11 %) — к красноглиняной гладкой, 18 (33 %) — к белоглиняной грубой посуде. Характеристики состава формовочных масс, цвета черепков, качества обжига керамики из этого слоя и вышерасположенных близки указанным при описании керамической посуды из нижней части заполнения ямы 1. Из трех фрагментов венчиков красноглиняных грубых горшков один имел край, оформленный в виде наружного валика (тип 4/1 А; диаметр 23 см) (рис. 7, 12), два — пологие плечики, почти вертикальные (слегка отогнутые наружу) шейки и края со срезами снаружи (тип 2/2 А; диаметры 19 и 25 см) (рис. 7, 15, 16). Один из этих фрагментов имел неглубокую канавку, проточенную по обточенной части края венчика.

Из 22 фрагментов стенок от красноглиняной грубой посуды лишь 3 фрагмента были украшены волнистыми линиями, 1 — прямыми линиями (рис. 7, 17, 18). К фрагментам красноглиняной грубой посуды относился фрагмент основания ручки кувшина (рис. 7, 8). Шесть фрагментов принадлежали донцу красноглиняного грубого горшка (диаметром 8 см).

Один фрагмент венчика от красноглиняного гладкого горшка имел пологое плечико, слегка отогнутую наружу шейку и горизонтально обточенный край (тип 22/2; диаметр 15 см) (рис. 7, 10). Из 5 фрагментов стенок от красноглиняной гладкой посуды по одному фрагменту были украшены волнистой линией и двумя горизонтальными линиями (рис. 7, 9). Один фрагмент венчика белоглиняного грубого кувшина имел край, оформленный в виде манжета на внешней стороне шейки (рис. 7, 11). Еще один фрагмент венчика принадлежал белоглиняному горшку с короткой вертикальной шейкой и простым краем венчика (тип 1/2 А; диаметр 12 см). Учитывая, что по шейке фрагмент был украшен горизонтальной линией, по морфологии он близок белоглиняным гладким горшкам (МБК-2) (Коваль, 2001. С. 103).

В слое 3, сложенном темно-серым гумусированным суглинком, насыщенном мелкими фрагментами обожженной глины, древесного угля, включениями ярко-бурого суглинка, были обнаружены 18 фрагментов круговой керамической посуды. Из них 10 фрагментов (56 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде, 4 (22 %) — к красноглиняной гладкой, 1 (5 %) — к красноглиняной лощенной (краснолощенной), 3 (17 %) — к белоглиняной грубой посуде. Из двух венчиков от красноглиняных грубых горшков оба имели почти вертикальные шейки, край одного был горизонтально обточен (диаметр 16 см), край второго был завернут наружу в виде валика (тип 4/1 А; диаметр 14 см).

Один фрагмент красноглиняного гладкого горшка имел пологое плечико, украшенное двумя прямыми линиями, вертикальную шейку и горизонтально обточенный край (тип 2/3 А; диаметр 23 см) (рис. 7, 13). Один фрагмент красноглиняной гладкой стенки был украшен волнистой линией, что нехарактерно для московской посуды этой группы (Бойцов, 1991. С. 38). Один фрагмент стенки имел полосы лощения.

Фрагмент венчика белоглиняного грубого горшка имел плечико, украшенное волнистой линией, короткую вертикальную шейку с краем, обточенным сверху и имеющим слабо выраженный карнизик с наружной стороны (тип 3/4; диаметр 18 см) (рис. 7, 14).

В слое 2, сложенном темно-серым гумусированным суглинком с включениями мелких фрагментов древесного угля, обожженной глины, включениями ярко-бурого суглинка, было найдено 17 фрагментов круговой керамической посуды. Из них 9 фрагментов (53 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде,

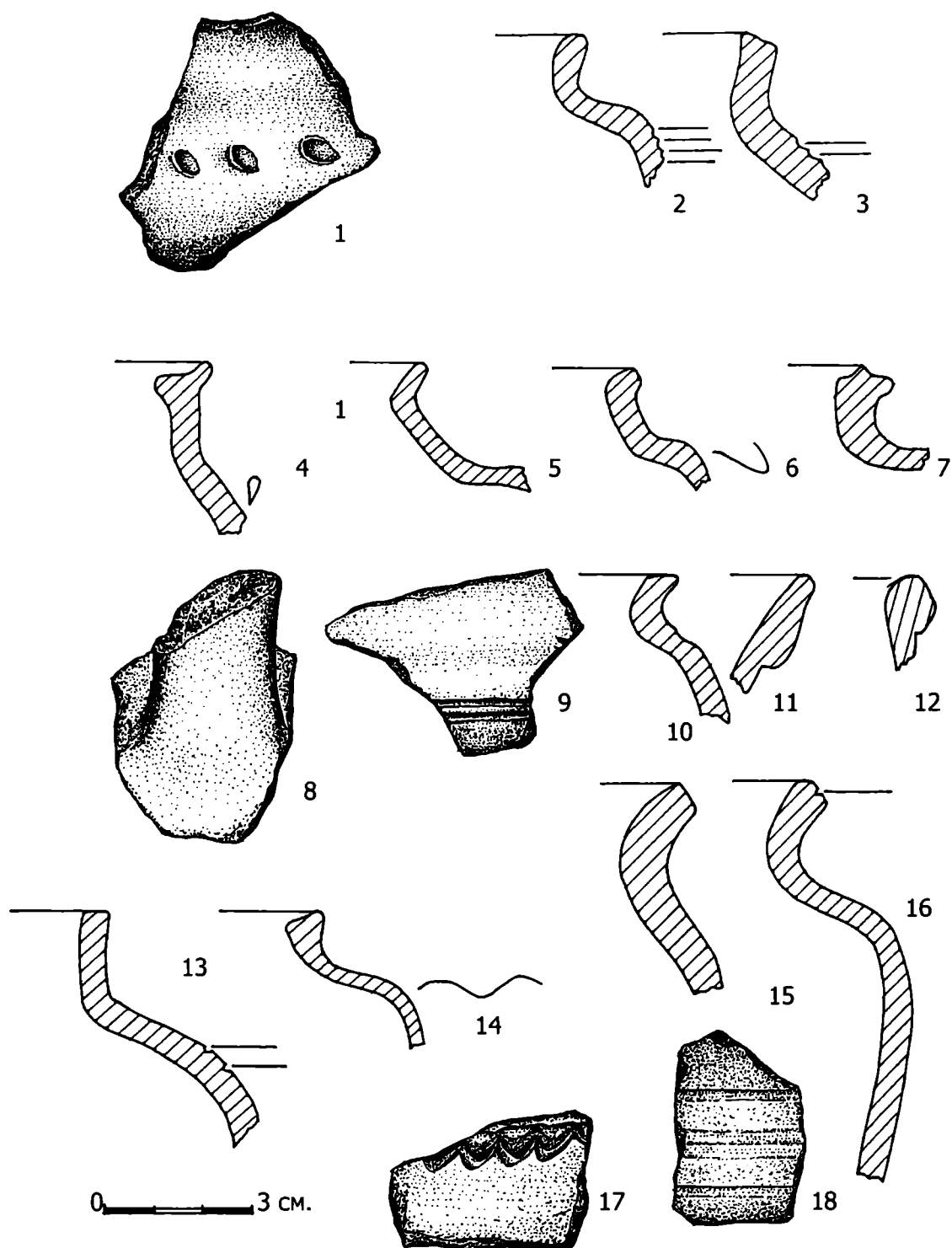

Рис. 7. Поселение Котово 1.

Фрагменты керамических сосудов из заполнения ямы 2

1–7 — из слоя 1; 8–12, 15–18 — из слоя 4; 13, 14 — из слоя 3;
 1, 4, 11, 14 — белоглиняные; 2, 5, 9, 10, 13 — красноглиняные гладкие;
 3, 6–8, 12, 15–18 — красноглиняные грубые

8 (47 %) — к белоглиняной грубой посуде. Один фрагмент венчика красноглиняного грубого горшка был покрыт слоем черного нагара. Он имел отогнутую наружу шейку и край, оформленный в виде обточенного внутреннего валика (диаметр 12 см). Только один из фрагментов найденных стенок красноглиняной грубой керамики был орнаментирован волнистой линией, остальные орнамента не имели.

В слое 1, сложенном темно-серым гумусированным суглинком с редкими включениями мелких фрагментов древесного угля и обожженной глины, было найдено 65 фрагментов круговой керамической посуды. Из них 28 фрагментов (43 %) можно определить как красноглиняную грубую, 13 (20 %) — красноглиняную гладкую, 20 (31 %) — белоглиняную грубую, 4 (6 %) — мореной посуду.

Из трех фрагментов венчиков красноглиняных грубых горшков два имели короткие вертикальные шейки. Край одного из них был срезан при формовке под углом к внешней стороне (тип 2/2 А; диаметр 22 см) (рис. 7, 3). Пологое плечико этого фрагмента было орнаментировано двумя прямыми линиями. Край второго фрагмента имел два желобка (с внутренней и внешней сторон) и карнизик с наружной стороны (диаметр 22 см) (рис. 7, 7). Плечико было почти горизонтально и орнаментировано волнистой линией ниже основания шейки. Третий фрагмент имел шейку, слегка отогнутую внутрь и устье, отогнутое наружу (диаметр 23 см) (рис. 7, 6), а его плечико было орнаментировано волнистой линией.

Из двух фрагментов венчиков красноглиняных гладких горшков один имел вертикальную шейку и край без дополнительного оформления (тип 1/2 А; диаметр 21 см) (рис. 7, 2). Второй фрагмент имел шейку, наклоненную внутрь сосуда и устье, отогнутое наружу (тип 41/1 Б; диаметр 15 см) (рис. 7, 5), что характерно для московских красноглиняных гладких горшков второй половины XV в. (Бойцов, 1991. С. 39).

Два фрагмента белоглиняных грубых горшков имели вертикальные шейки (диаметром 29 и 32 см) (рис. 7, 4). Первый из них имел пологое плечико, орнаментированное вдавлениями палочкой. Подобное оформление края венчика нехарактерно для известных горшков, относимых к московской белоглиняной грубой посуде (МБК-1) (Чернов, 1991б. С. 51, 52; Коваль, 2001. С. 98). Лишь 2 фрагмента белоглиняных стенок были орнаментированы вдавлениями палочки (рис. 7, 1). Один обломок белоглиняной стенки, судя по примесям дресвы и качественному обжигу, возможно, принадлежал кувшину.

Количественное распределение фрагментов указанных групп керамики по слоям заполнения ямы 2 выглядело следующим образом.

Группы керамики	Слой 1 (верхний)	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 6 (нижний)
Красноглиняная грубая	28	9	10	30	30
Красноглиняная гладкая	13		4	6	
Красноглиняная лощеная			1		
Красноглиняная в целом	41	9	15	36	10
Белоглиняная грубая	20	8	3	18	5
Мореная	4				

К яме 2 примыкала яма 2а овальной в плане формы (2,5×2,1 м), имевшая пологие стенки и заглубленная в материк на 1,4 м (рис. 2). Возможно, ямы 2 и 2а относились к остаткам одной постройки (подобно ямам 1, 1а). Фрагменты керамической посуды были найдены лишь в нижней части заполнения ямы 2а (слоях 5–7). В слое 7, сложенном темно-серым гумусированным суглинком, насыщенном фрагментами древесного угля, обнаружены 5 фрагментов красноглиняной грубой, 1 фрагмент гладкой, 7 фрагментов белоглиняной круговой посуды. Фрагменты белоглиняной посуды (все — неорнаментированные стенки) содержали в формовочной массе песок.

Один фрагмент венчика красноглиняного грубого горшка имел почти вертикальную шейку и устье, оформленное заворотом края наружу в виде валика (тип 4/1 А; диаметр 14 см). По основанию шейки он был орнаментирован волнистой линией. Один фрагмент красноглиняной грубой стенки также был орнаментирован волнистой линией. Один фрагмент донца диаметром 19 см принадлежал красноглиняному гладкому сосуду.

В слое 6, сложенном ярко-бурым суглинком с включениями многочисленных мелких фрагментов древесного угля, обожженной глины, мелких камней, были найдены 9 фрагментов стенок красноглиняных грубых сосудов и 6 неорнаментированных фрагментов стенок от белогли-

няной грубой посуды качественного обжига. Один фрагмент красноглиняной грубой стенки был орнаментирован прямой линией, один — волнистой линией.

В слое 5, сложенном ярко-бурым суглинком с включениями мелких фрагментов обожженной глины, древесного угля, мелких камней, были обнаружены 9 фрагментов красноглиняной грубой и 2 фрагмента стенок белоглиняной круговой посуды. Один фрагмент венчика от красноглиняного грубого горшка типологически был подобен фрагменту из слоя 7 (тип 4/1 А; диаметр 24 см). Все найденные фрагменты стенок были неорнаментированными. Фрагменты стенок белоглиняной посуды содержали в формовочной массе песок и имели серо-белый цвет.

Группы керамики (яма 2а)	Слой 5	Слой 6	Слой 7 (нижний)
Красноглиняная грубая	9	9	5
Красноглиняная гладкая			1
Белоглиняная	2	6	7

Далее приведем краткое описание керамического комплекса из заполнения ямы 6, в котором была найдена железная шпора (рис. 3, 1). Яма имела почти овальную в плане форму (размеры 2,7 1,8 м), покатые стенки и пологое дно, заглубленное в материк на 0,9 м (рис. 2). В нижнем слое 3 заполнения ямы было найдено 49 фрагментов круговой керамической посуды. Слой был сложен ярко-бурым суглинком с включениями мелких фрагментов древесного угля. Из обнаруженных 49 фрагментов 45 (92 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой, 3 (6 %) — к красноглиняной гладкой, 1 (2 %) — к белоглиняной грубой посуде. Стенка белоглиняного сосуда имела серо-белый цвет.

Из шести фрагментов венчиков красноглиняных грубых горшков один имел изогнутую шейку и край без дополнительного оформления (тип 22/1 А; диаметр 13 см) (рис. 8, 1). Ниже плечиков сосуд был орнаментирован не менее чем двумя волнистыми линиями. Еще два фрагмента венчиков имели слегка отогнутые наружу шейки и края без дополнительного оформления (тип 11/1; диаметры 16 и 23 см) (рис. 8, 2, 3). Оба фрагмента были орнаментированы однорядными волнистыми линиями по шейке. Один фрагмент

имел слегка отогнутую наружу шейку и обточенный горизонтально край с небольшим желобком (диаметр 21 см) (рис. 8, 4). Еще один фрагмент имел почти вертикальную шейку с краем, отогнутым наружу и обточенным посредством желобка изнутри (диаметр 24 см) (рис. 8, 5), а также пологое плечико, орнаментированное волнистой линией. Последний из венчиков красноглиняных грубых горшков имел слегка отогнутую наружу шейку с краем, срезанным под углом с внешней стороны (тип 12/2 А; диаметр 18 см) (рис. 8, 6), а также пологое плечико, орнаментированное непосредственно под основанием шейки волнистой линией.

Из 39 фрагментов стенок красноглиняных грубых сосудов лишь один был орнаментирован прямой линией и один — волнистой линией (рис. 8, 7).

Из трех найденных фрагментов красноглиняных гладких сосудов один являлся фрагментом венчика горшка, второй — фрагментом донца диаметром 12 см, третий — фрагментом стенки с орнаментом в виде вдавлений палочкой и прямой линией. Венчик имел слегка отогнутую наружу шейку и оформление края в виде валика подтреугольного сечения (тип 23/3 А; диаметр 26 см) (рис. 8, 8), характерное для московских красноглиняных гладких горшков второй половины XV — первой половины XVI вв. (Бойцов, 1991. С. 39).

В вышеописанном слое 2, сложенном темно-серым гумусированным суглинком, насыщенном мелкими фрагментами древесного угля, с включениями мелких фрагментов обожженной глины, были найдены 129 фрагментов круговой керамической посуды. В этом же слое была найдена железная шпора (см. выше). Из указанных 129 фрагментов 96 (74 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой, 22 (17 %) — к красноглиняной гладкой, 6 (5 %) — к красноглиняной с лощением (краснолощенной), 4 (3 %) — к белоглиняной грубой, 1 (1 %) — к мореной с лощением (чернолощенной) посуде.

Шесть фрагментов венчиков принадлежали красноглиняным грубым горшкам. Из них два венчика имели края без дополнительного оформления. Но шейка одного была почти вертикальной, а второго — более заметно отогнута наружу (соответственно — типы 1/2 А и 11/1 А; диаметр 20 и 16 см) (рис. 9, 4, 12). Первый фрагмент по основанию шейки и верху плечика был орнаментирован двумя волнистыми линиями, второй — волнистой линией по основанию шейки и верху плечика. Еще один вертикальный венчик имел горизонтально срезанный край (тип 2/3 А; диаметр 18 см) (рис. 9, 7). Следующий

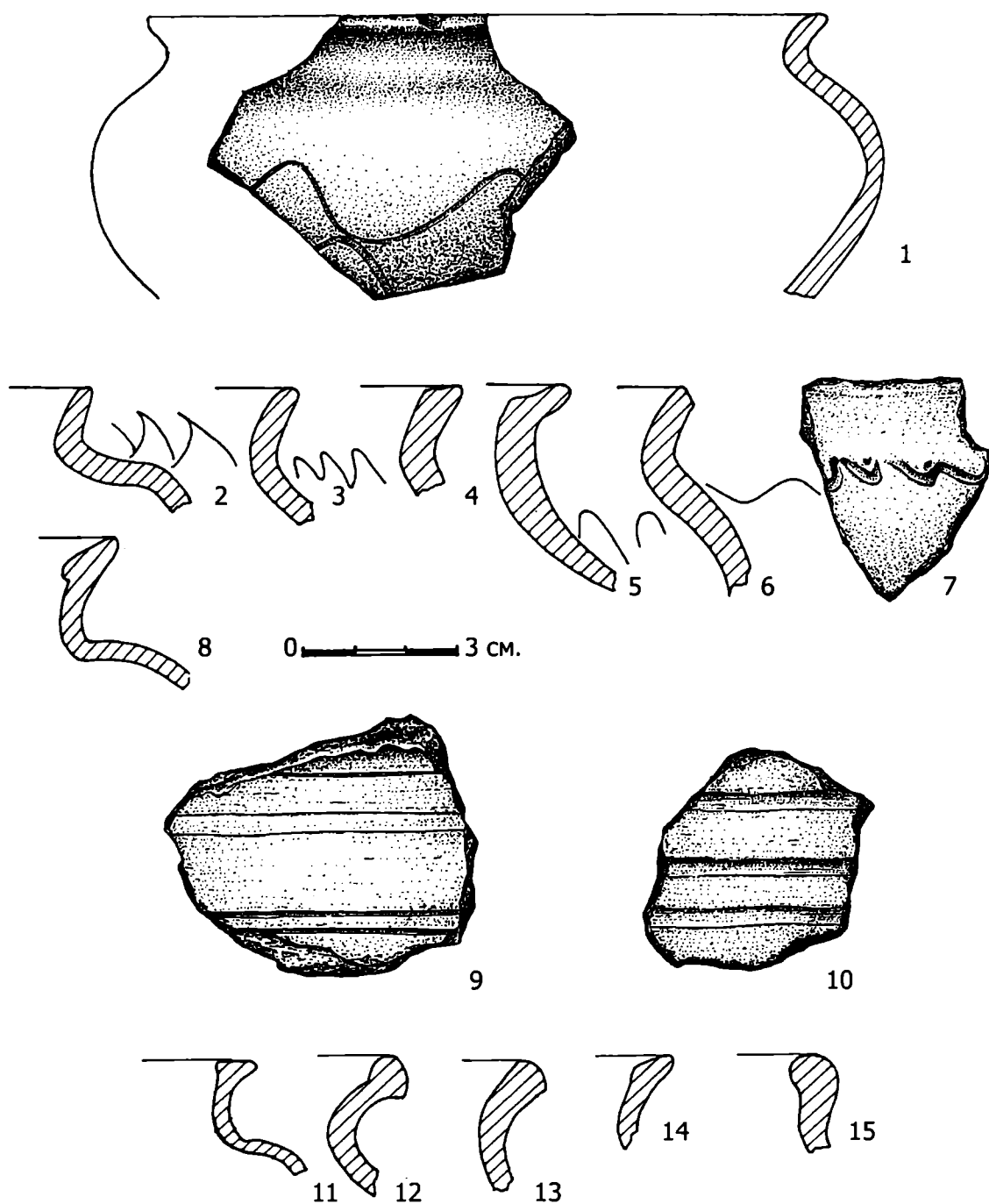

Рис. 8. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов

1-8 — из нижнего слоя 3 ямы 6; 9-15 — из ямы 19а;

1-7, 9, 10, 12-15 — красноглиняные грубые; 8, 11 — красноглиняные гладкие

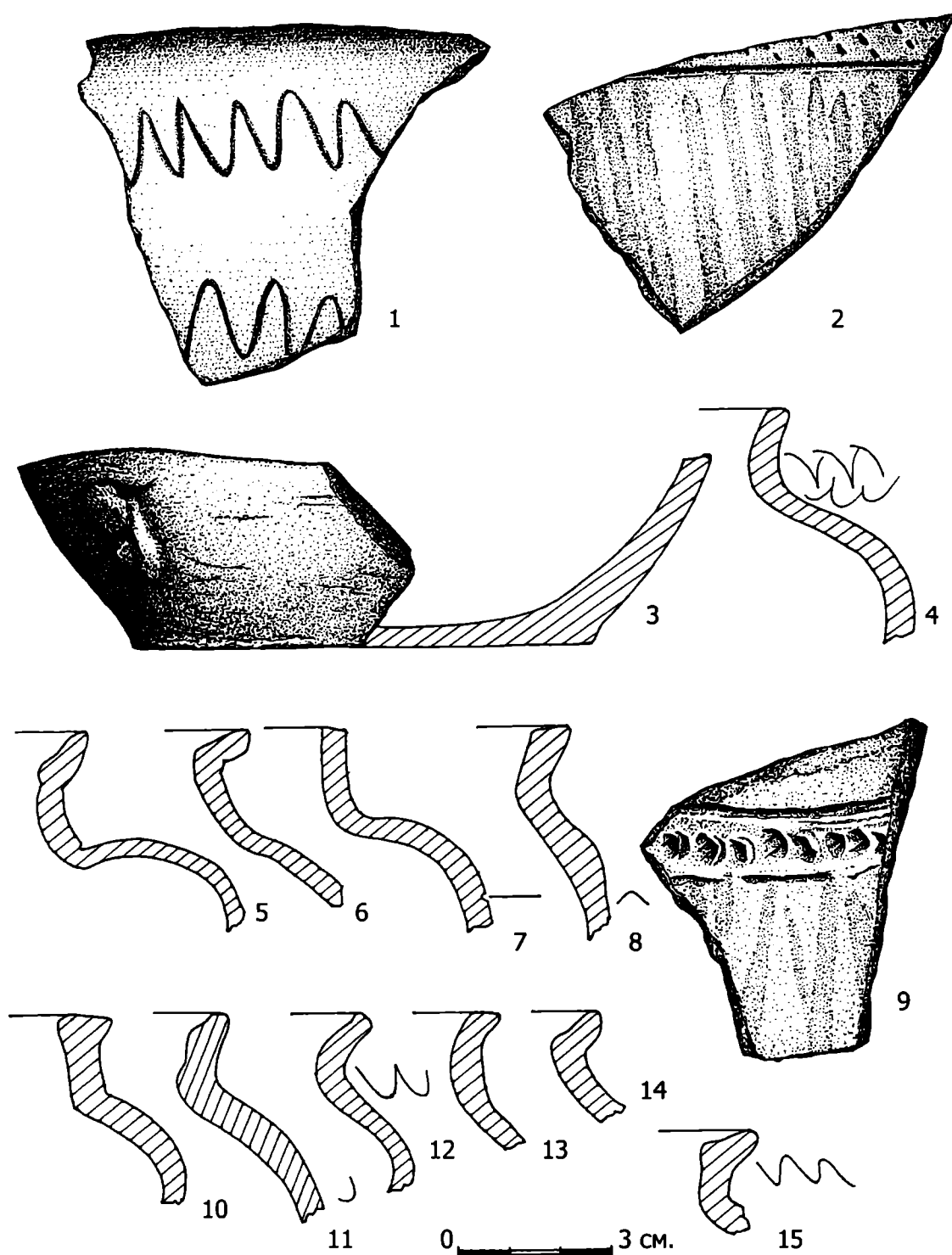

Рис. 9. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов из слоя 2 ямы 6
 1, 3, 4, 7, 8, 11–13 — красноглиняные грубые; 2, 9 — красноглиняные лощеные;
 5, 6, 14, 15 — красноглиняные гладкие; 10 — белоглиняный грубый

фрагмент венчика имел слегка отогнутую наружу шейку и обточенный край (тип 13/1; диаметр 20 см) (рис. 9, 8). Пологое плечико фрагмента было орнаментировано в нижней части волнистой линией. Один фрагмент имел почти вертикальную шейку и слегка отогнутое устье (тип 18/1; диаметр 22 см) (рис. 9, 13). Другой венчик был немного отогнут и имел выбранный изнутри желобок (диаметр 16 см) (рис. 9, 11).

Интересен крупный фрагмент красноглиняной грубой плоски (рис. 9, 3) с обломанной уплощенной по вертикали ручкой. Диаметр сосуда — 13,5 см. Донце — диаметром 9 см.

Из 76 фрагментов красноглиняных грубых стенок 5 были орнаментированы волнистыми линиями (рис. 9, 1), 1 — прямой линией. Тринадцать фрагментов донцев, выполненных на подсыпках, позволяют реконструировать их диаметры в пределах от 10 до 14 см.

Пять фрагментов венчиков принадлежали красноглиняным гладким горшкам. Два из них принадлежали одному горшку с диаметром устья 28 см (рис. 9, 5). Венчик этого горшка имел слегка отогнутую внутрь шейку, причем ее основание было расположено ниже плечика, что характерно для московских красноглиняных горшков конца XV — первой половины XVI в. (Чернов, 1991б. С. 53). Интересен еще один фрагмент венчика красноглиняного гладкого горшка с шейкой, отогнутой внутрь сосуда и краем, отогнутым в виде уплощенного валика наружу, но обточенным с наклоном внутрь сосуда (близок типу 26; диаметр 26 см) (рис. 9, 6). Плечико этого горшка пологое, но с уступом в верхней части: этот элемент сближает его с некоторыми венчиками красноглиняных гладких горшков с селища на месте часовни великомученика Никиты, датируемыми первой половиной XVI в. (Чернов, 1991б. С. 52, 53. Табл. 129, 430, 427, 449). Еще два фрагмента венчиков красноглиняных гладких горшков имели короткие шейки с приостренными краями, отогнутыми наружу, но обточенными изнутри сосудов в виде желобков. При этом шейка одного венчика была наклонена внутрь (диаметр 17 см) (рис. 9, 14), а второго — почти вертикальная, орнаментированная волнистой линией (тип 23/3; диаметр 13 см) (рис. 9, 15).

Из 17 фрагментов красноглиняных гладких стенок 7 были орнаментированы горизонтальными линиями. Один фрагмент принадлежал донцу на подсыпке, имевшему диаметр 11 см.

Из 6 фрагментов красноглиняных гладких стенок, частично покрытых полосами лощения (краснолощенных) 2 были орнаментированы: округлыми вдавлениями палочкой, ограниченными двумя горизонтальными линиями (рис. 9, 9),

и «косыми» накольчатыми вдавлениями, ограниченными горизонтальной линией (рис. 9, 2). Скорее всего, эти фрагменты принадлежали кувшинам либо корчагам (МК, 1991. С. 30. Табл. 88; 99, 3564; 110, 140, 203).

Один фрагмент венчика белоглиняного грубого горшка был покрыт слоем темно-серого нагара. Вертикальная шейка этого сосуда имела край с внешним и внутренним утолщениями (диаметр 18 см) (рис. 9, 10). Три фрагмента белоглиняных стенок и один фрагмент мореной стенки с полосами лощения (чернолощенный) орнамента не имели.

В самом верхнем слое 1 заполнения ямы 6 было найдено 153 фрагмента круговой керамической посуды. Слой был сложен темно-серым гумусированным суглинком с включениями мелких фрагментов древесного угля и обожженной глины. Из 153 указанных фрагментов 102 (67 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой, 40 (26 %) — к красноглиняной гладкой, 1 (1 %) — к красноглиняной с лощением (краснолощенной), 9 (6 %) — к белоглиняной грубой, 1 (1 %) — к чернолощенной посуде.

Четырнадцать фрагментов венчиков принадлежали красноглиняным грубым горшкам. Из них 6 были почти вертикальными, с краями без дополнительного оформления (типов 1/2, 11/1, 21/2; диаметры — 10, 14, 17, 18, 19, 19 см) (рис. 10, 1, 9, 11; 11, 3, 4, 11). Из них 2 венчика были орнаментированы по шейкам однорядными волнистыми линиями. Два венчика имели слегка отогнутые наружу шейки, а их края были срезаны под наклоном к наружной стороне (тип 2/2; диаметры 14 и 17 см) (рис. 10, 2; 11, 9). Основание шейки одного из этих фрагментов было четко выражено, а пологое плечико — орнаментировано волнистой линией.

Четыре фрагмента от трех красноглиняных грубых венчиков (типов 23/1, 28/1, 8/1) отличались уступом на внутренней стороне устья (диаметры 14, 16, 22 см) (рис. 10, 3, 4; 11, 7) и орнаментом из однорядных волнистых линий по основаниям шеек либо непосредственно под ними. Два фрагмента венчиков красноглиняных грубых горшков имели устья, сформованные заворотами «чернового края» внутрь сосудов (типов 38/2 и 3/4; диаметры 17 и 17 см) (рис. 10, 6, 13). По основаниям шеек они орнаментированы однорядными волнистыми линиями.

Из 82 фрагментов стенок красноглиняных грубых сосудов лишь 3 были орнаментированы волнистыми линиями (рис. 10, 8; 11, 2, 13). Шесть фрагментов принадлежали донцам (донцу?) красноглиняных грубых сосудов, имевшим диаметры 10 см.

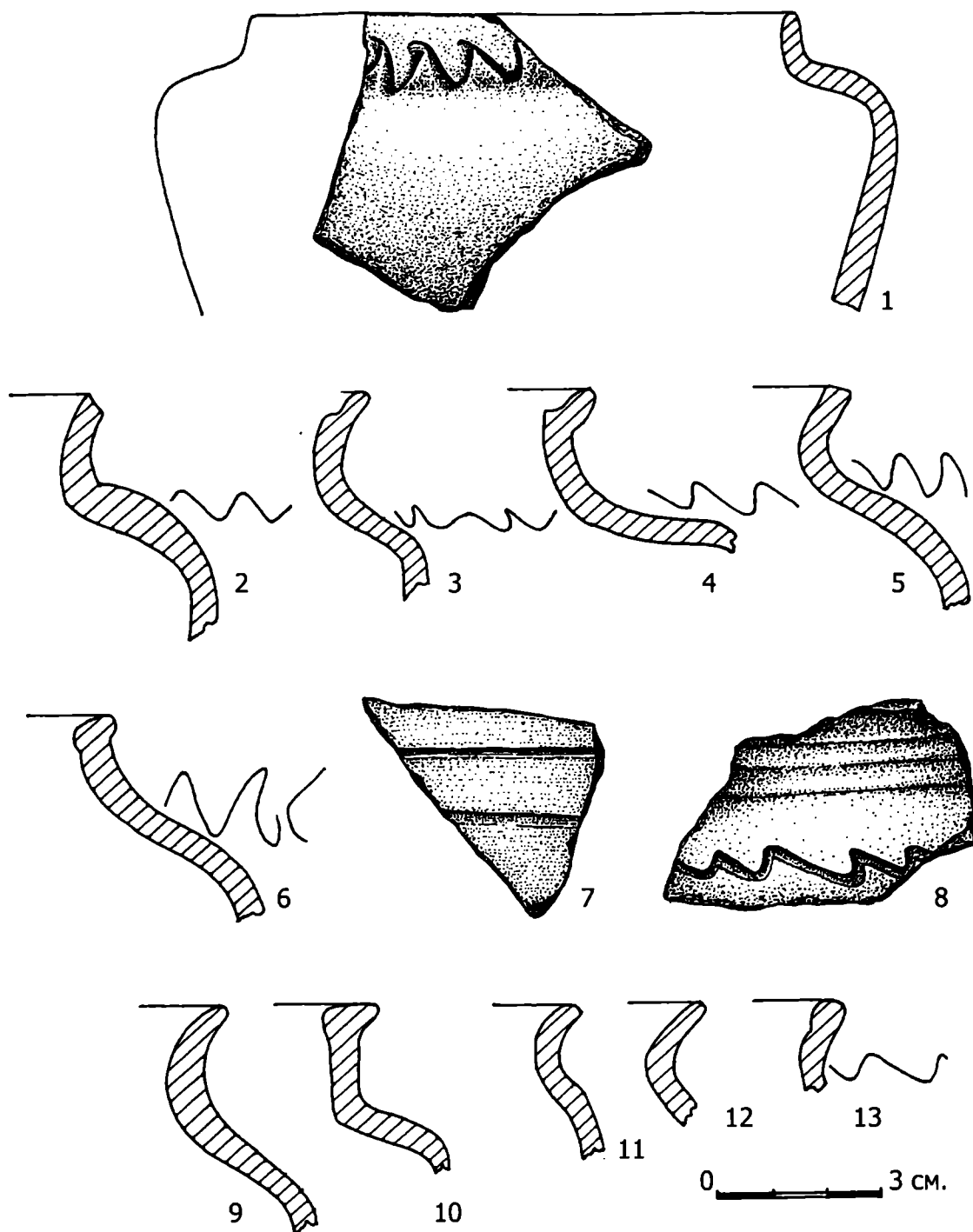

Рис. 10. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов из слоя 1 ямы 6
 1–4, 6, 8, 9, 11, 13 — красноглиняные грубые; 5, 7, 12 — красноглиняные гладкие;
 10 — белоглиняный грубый

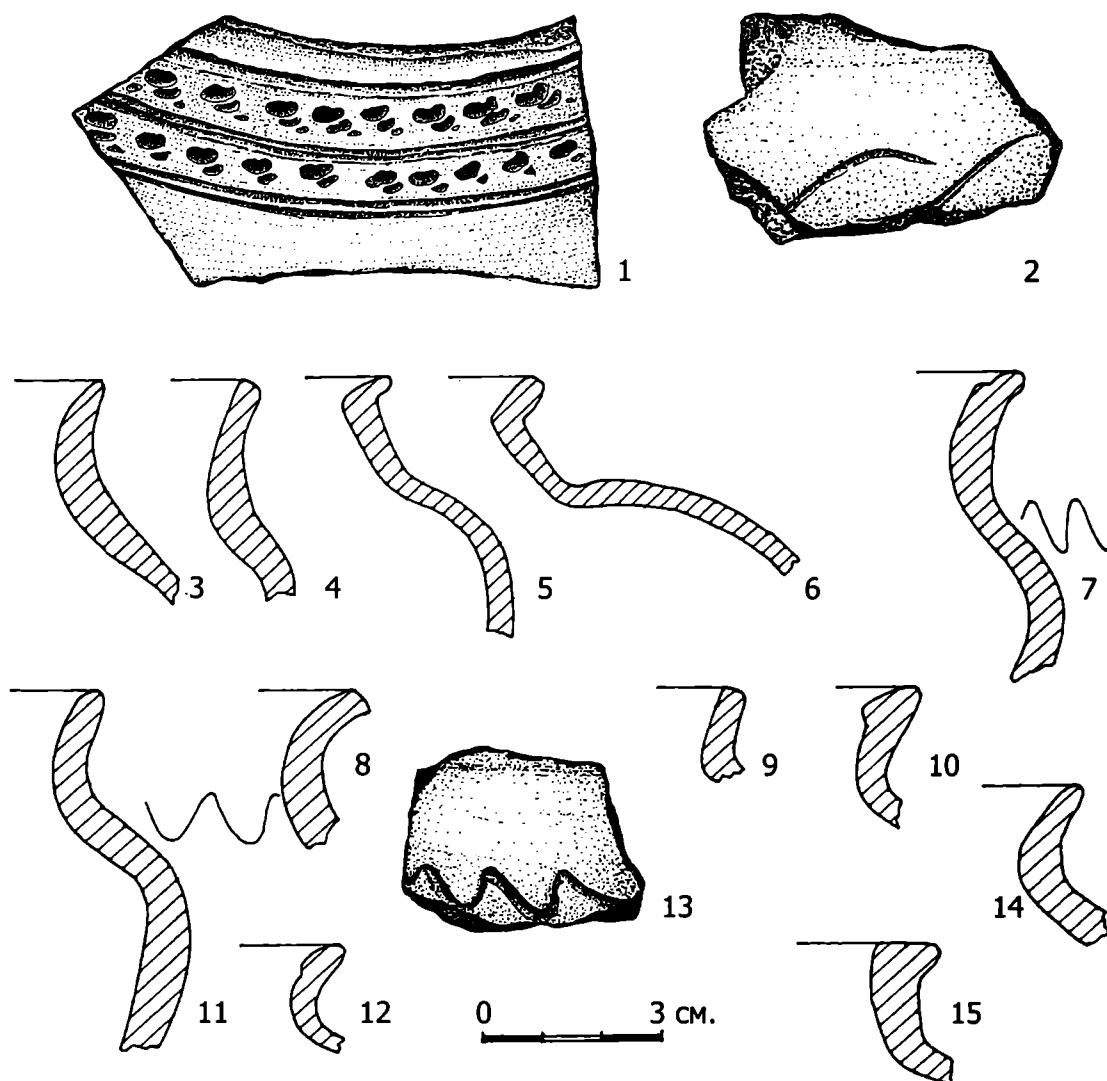

Рис. 11. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов из слоя 1 ямы 6

1 — красноглиняный лощеный; 2–4, 7, 9, 11, 13 — красноглиняные грубые;
5, 6, 8, 10, 12, 14 — красноглиняные гладкие; 15 — белоглиняный грубый

Восемь фрагментов венчиков принадлежали красноглиняным гладким горшкам. Два фрагмента принадлежали венчику одного горшка с несколько отогнутой наружу шейкой и краем без дополнительного оформления (тип 21/2, диаметр 26 см) (рис. 10, 12; 11, 14). Два фрагмента имели края, срезанные с наклоном к внешней стороне (тип 22/1 А; диаметры — 20 см) (рис. 10, 5; 11, 8). Один из них был орнаментирован волнистой линией по основанию шейки и верхней части пологого плечика. Два венчика имели слегка отогнутые наружу шейки и уплощенные валики, образованные загибами «чернового края» внутрь сосудов (типы 23/3 и 23/1; диамет-

ры 17 и 20 см) (рис. 11, 10, 12). Еще два венчика имели шейки, наклоненные внутрь горшков, и края, отогнутые наружу (тип 41/1; диаметры 16 и 26 см) (рис. 11, 5, 6). Из 29 фрагментов красноглиняных гладких стенок лишь 3 были орнаментированы горизонтальными линиями (рис. 10, 7), остальные орнамента не имели. Три фрагмента принадлежали донцам сосудов с диаметрами 7 и 12 см.

Один фрагмент стенки красной лощеной кувшина был орнаментирован двумя рядами вдавленных трезубой «вилкой», ограниченных горизонтальными линиями (рис. 11, 1) (МК, 1991. С. 30. Табл. 88; 99, 3564).

Два фрагмента венчиков белоглиняных грубых горшков имели вертикальные шейки и горизонтально обточенные края с карнизиками на внешних сторонах (тип 3/1; диаметры 15 и 17 см) (рис. 10, 10, 11, 15).

Группы керамики (яма 6)	Слой 1 (верхний)	Слой 2	Слой 3 (нижний)
Красноглиняная грубая	102	96	45
Красноглиняная гладкая	40	22	2
Красноглиняная лощеная (краснолощенная)	1	6	
Красноглиняная в целом	143	124	47
Белоглиняная грубая	9	4	1
Чернолощенная	1	1	

Ямы 19 и 19а, принадлежавшие, судя по стратиграфии, остаткам одной постройки имели размеры в плане 5,3×3,4 м (рис. 2). Стенки ям — пологие. Наиболее глубокая яма 19 была заглублена в материк на 0,8 м. Нижняя часть заполнения ямы 19 была сложена темно-серым гумусированным суглинком с редкими включениями мелких фрагментов обожженной глины и древесного угля, редкими включениями ярко-бурого суглинка (слой 2). В слое были найдены 54 фрагмента круговой керамической посуды. Из них 49 фрагментов (91 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде, 4 фрагмента (8 %) — к белоглиняной грубой, 1 (1 %) — к мореной с лощением (чернолощенной) посуде.

Характеристики цвета черепков, состава формовочных масс, качества обжига фрагментов красноглиняной грубой посуды близки вышеприведенным. Горшкам этой группы посуды принадлежали пять фрагментов венчиков. Два из них имели шейки с наклоном внутрь сосудов, плавно переходящие в пологие плечики. «Черновой край» венчиков был отогнут наружу в виде внешних валиков (типы 44/1 и 4/1; диаметры 18 и 20 см) (рис. 12, 2, 3). Ниже оснований шеек

фрагменты были орнаментированы однорядными волнистыми линиями. К этим фрагментам морфологически был близок еще один (тип 4/2 А; диаметр 17 см) (рис. 12, 4).

Еще два фрагмента венчиков горшков по оформлению краев были весьма похожи на венчики московских красноглиняных гладких горшков (Бойцов, 1991. С. 38, 39), однако состав формовочной массы этих фрагментов позволяет отнести их к числу красноглиняных грубых. Шейка одного из этих фрагментов была почти вертикальна, приостренный край имел внутренний обточенный валик подтреугольного сечения (тип 3/3 Д; диаметр 18 см) (рис. 12, 7). Шейка второго фрагмента была наклонена внутрь сосуда, а приостренный отогнутый наружу край срезан под наклоном внутрь (тип 43/1; диаметр 14 см) (рис. 12, 8).

Один фрагмент принадлежал верхней части красноглиняного грубого кувшина с краем, слегка отогнутым наружу (рис. 12, 1). В 1 см ниже края по внешней стороне он был орнаментирован «цепочкой» округлых вдавлений палочкой. Диаметр горла кувшина 10 см. Найденные 42 фрагмента красноглиняных грубых стенок были неорнаментированными. Два фрагмента принадлежали красноглиняному грубому донцу диаметром 9 см (рис. 12, 6).

Два фрагмента неорнаментированных белоглиняных стенок и два фрагмента белоглиняного донца (донцев?), судя по примесям дресвы в формовочной массе, качественному равномерному обжигу, белым изломам черепков, принадлежали кувшину, аналогичному найденному в нижней части заполнения ямы 1. Диаметр его дна реконструируется близким 18 см.

Один фрагмент мореного (с частичным лощением) венчика принадлежал, вероятно, кумгану с диаметром устья 11 см (рис. 12, 5). «Черновой край» его был завернут внутрь и уплощен. На внешней стороне в 18–23 мм ниже края присутствовало утолщение в виде сильно уплощенного валика.

Верхняя часть заполнения ямы 19 была сложена темно-серым гумусированным суглинком с редкими мелкими включениями фрагментов обожженной глины, древесного угля (слой 1). В слое было найдено 327 фрагментов круговой керамической посуды. Из них 282 фрагмента (86 %) можно отнести к красноглиняной грубой посуде, 13 (4 %) — к красноглиняной гладкой, 24 (7 %) — к белоглиняной грубой, 8 (3 %) — к мореной и мореной с лощением (чернолощенной) посуде.

Тридцать два фрагмента принадлежали венчикам красноглиняных грубых горшков. Наибо-

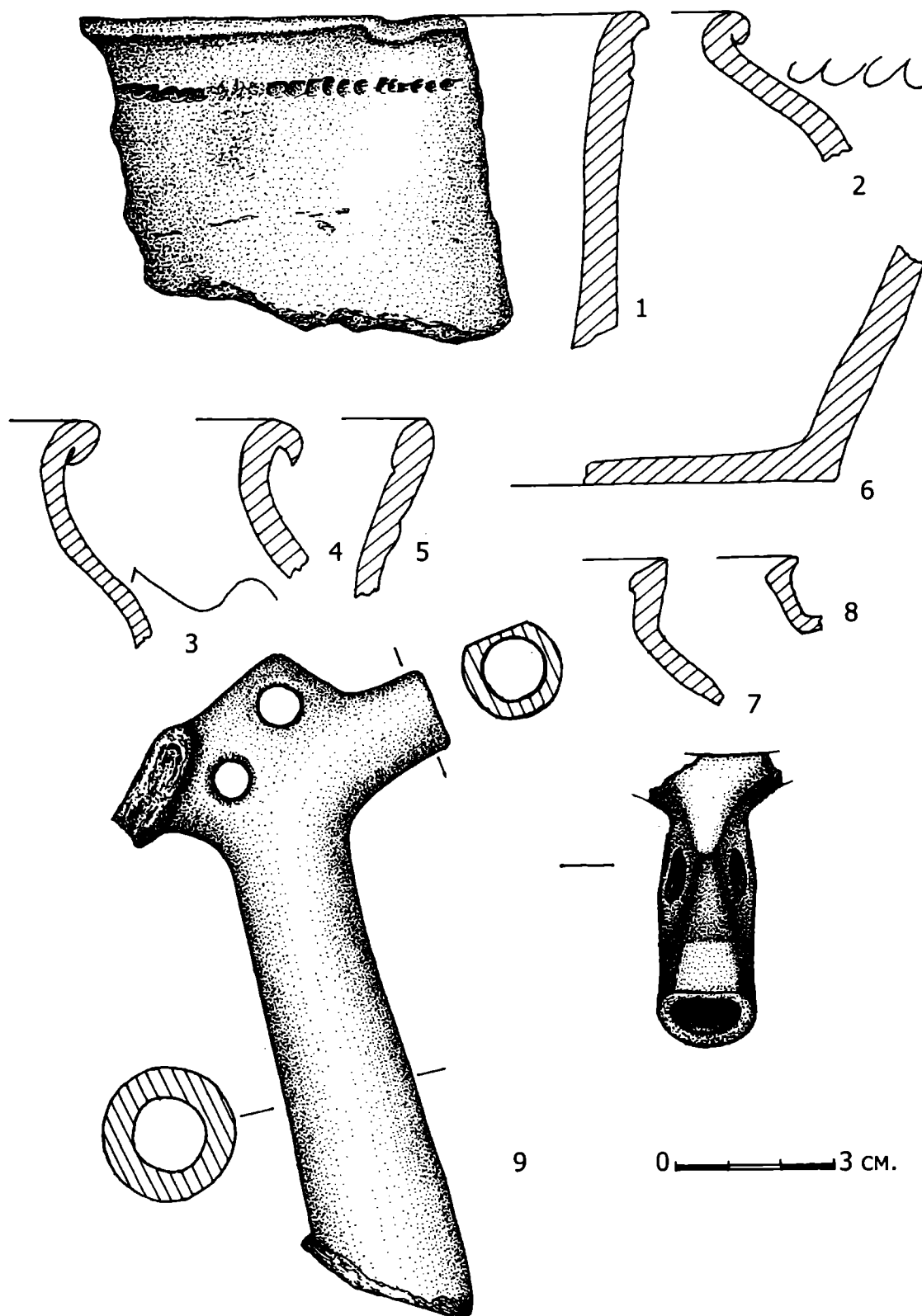

Рис. 12. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов

1-8 — из нижнего слоя 2 ямы 19; 9 — из слоя 1 ямы 19;
1-4, 6-8 — красноглиняные грубые; 5, 9 — чернолощенные

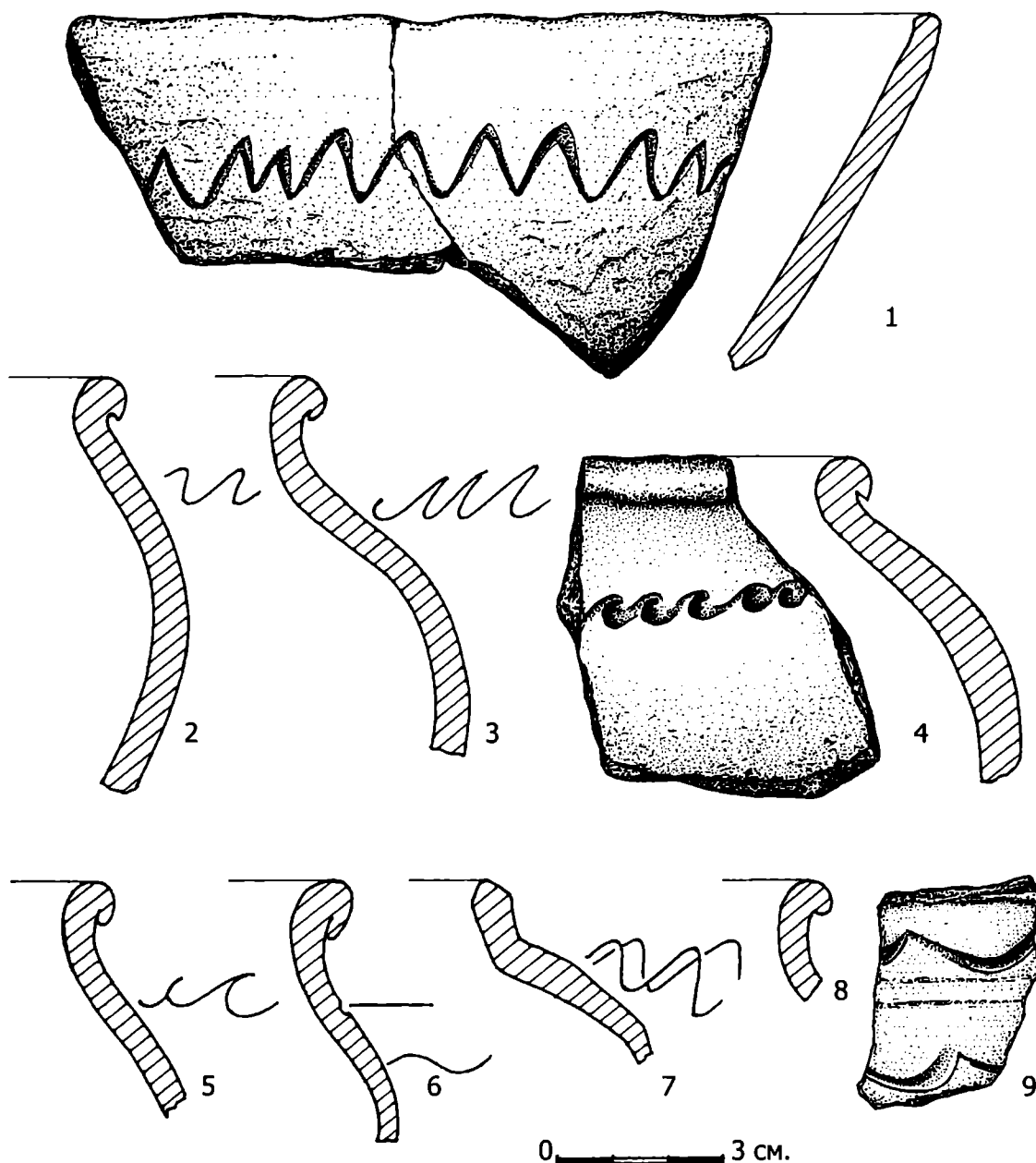

Рис. 13. Поселение Котово 1.
Фрагменты красноглиняных грубых сосудов из слоя 1 ямы 19

лее многочисленную группу из них составляли 14 образцов с вертикальными либо отогнутыми внутрь шейками, плавно переходящими в пологие плечики, и краями, оформленными в виде завернутых наружу валиков (тип 4/1; диаметры 14–28 см) (рис. 13, 2–6, 8; рис. 15, 4). Шесть из этих фрагментов были орнаментированы однородными волнистыми линиями непосредственно под основаниями шеек либо по верхним частям плечиков. Один из фрагментов был орна-

ментирован ниже основания шейки прямой линией, ниже которой была проведена волнистая линия (рис. 13, 6).

Три фрагмента красноглиняных грубых венчиков имели отогнутые наружу шейки без дополнительного оформления края (типов 21/2 и 11/1; диаметры 11, 16, 21 см) (рис. 14, 3, 17; 15, 6). Два из них имели пологие плечики, орнаментированные волнистыми линиями. Пять фрагментов венчиков имели почти вертикальные шейки

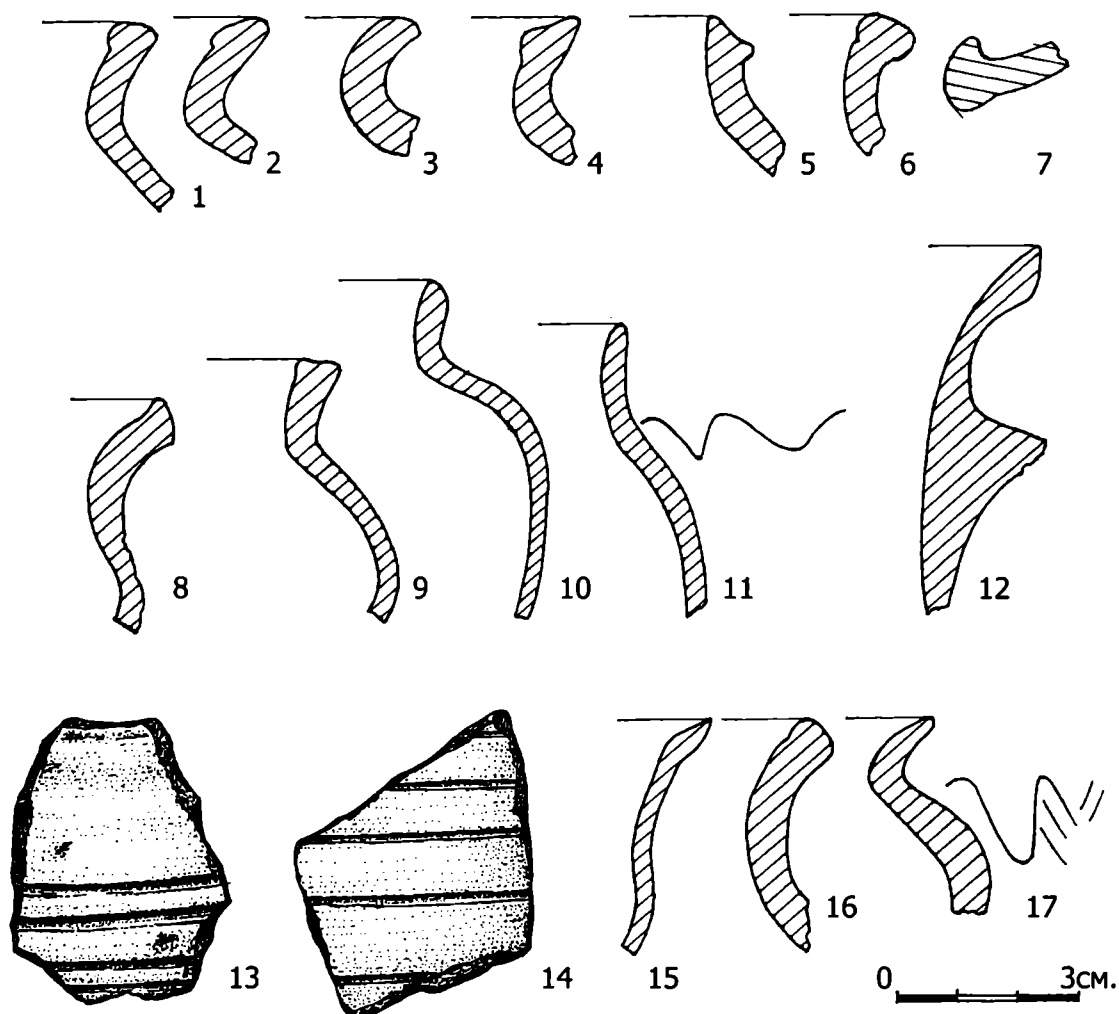

Рис. 14. Поселение Котово I. Фрагменты керамических сосудов из слоя I ямы 19

1-11, 13-17 — красноглиняные грубые; 12 — белоглиняный грубый

без дополнительного оформления края (тип 1/2; диаметры 13, 17, 17, 18, 19 см) (рис. 14, 10, 11; 15, 5, 10). Все фрагменты имели пологие плечики, в четырех случаях, орнаментированные в своих верхних частях либо по основаниям шеек однородными волнистыми линиями.

Пять фрагментов красноглиняных грубых венчиков имели вертикальные либо отогнутые в различной степени наружу шейки с внутренними сглаженными валиками по краям (3/1 А, 13/1 А, 23/1; диаметр 20–26 см) (рис. 14, 1, 6, 16; рис. 15, 9). Плечики — пологие. Еще два фрагмента венчиков были морфологически близки указанным, но валики на внутренних сторонах краев были обточены под наклоном внутрь сосудов (13/3 В, 18/3 В; диаметр 23, 14 см) (рис. 14, 2, 4). Еще пять венчиков представляли морфологически единичные варианты. Один имел шейку, наклонен-

ную внутрь, и край, обточенный под углом с внешней стороны (диаметр 26 см) (рис. 13, 7). На плечике — волнистые линии. Второй венчик имел отогнутую наружу шейку со срезанным краем (тип 22/1 В; диаметр 21 см) (рис. 14, 8). Третий — почти вертикальную шейку и горизонтально срезанный край (диаметр 13 см) (рис. 14, 9). Плечико фрагмента было пологое. Четвертый — почти вертикальную шейку со срезанным краем (тип 2/2 Б; диаметр 16 см) (рис. 14, 5). Пятый — отогнутую наружу шейку (диаметр 17 см) (рис. 15, 8).

Один красноглиняный грубый фрагмент принадлежал сосуду небольших размеров с приостренным краем (диаметр 14 см) (рис. 14, 15), другой — миске диаметром 18 см орнаментированной по внешней стороне волнистой линией (рис. 13, 1), «черновой край» миски был завернут

внутри и заглажен. Также был найден небольшой фрагмент красноглиняной грубой крышки (?) (рис. 14, 7). Из 227 фрагментов красноглиняных грубых стенок 7 были орнаментированы волнистыми линиями, 4 — прямыми (рис. 13, 9; 14, 13, 14; 15, 11). Двадцать фрагментов принадлежали донцам с диаметрами 10–14 см (из них 5 фрагментов были с закраинами).

К красноглиняным гладким может быть отнесен лишь один фрагмент венчика с горизонтально срезанным краем (типа 22/2; диаметр 16 см). Из 11 фрагментов стенок лишь 3 были орнаментированы горизонтальными линиями. Один фрагмент принадлежал донцу сосуда с диаметром 12 см.

Из 24 фрагментов белоглиняных грубых сосудов 22, судя по примесям дресвы в формовочной массе при качественном равномерном обжиге, белым изломам черепков, были аналогичны найденным в нижней части заполнения ямы 19. Внешняя поверхность ряда указанных фрагментов имела близкий к цвету мореной керамики светло-серый (стальной) цвет. Два фрагмента белоглиняной керамики описываемого облика принадлежали венчику крупного кувшина с диаметром устья 17 см (рис. 14, 12). Приостренный край венчика был вертикально обточен с внешней стороны. На одном фрагменте сохранилось основание обломанной ручки, другой — донцу диаметром 15 см.

Один фрагмент мореного (с частичным лощением) венчика принадлежал кумгану (рис. 15, 7). Его «черновой край» был завернут внутрь и уплощен, а на внешней стороне фрагмента в 20–26 мм ниже края присутствовало утолщение в виде сильно уплощенного валика. Вероятно, этому же «кумгану» принадлежал трубчатый носик-слив диаметром 16–28 мм (рис. 12, 1). Три фрагмента чернолощенных стенок были орнаментированы горизонтальными линиями (рис. 15, 1–3).

Заполнение неглубокой (до 0,3 м от уровня материка) ямы 19а стратиграфически не было отделено от нижней части заполнения ямы 19 и было сложено темно-серым гумусированным суглинком с редкими включениями мелких фрагментов древесного угля, обожженной глины, включениями ярко-бурого суглинка. В заполнении были найдены 32 фрагмента красноглиняной грубой посуды и 1 фрагмент венчика, который может быть отнесен к красноглиняной гладкой посуде.

Три фрагмента венчиков красноглиняных грубых горшков имели шейки, в различной степени отогнутые наружу. Край одного из них не имел дополнительного оформления (тип 21/2; диаметр 19 см) (рис. 8, 13), второго — был образован валикообразным заворотом «чернового

края» внутрь (тип 23/2 А; диаметр 19 см) (рис. 8, 12), третьего — был обточен с внутренней стороны (тип 23/3; диаметр 12 см) (рис. 8, 14), четвертый — имел почти вертикальную шейку с заворотом «чернового края» внутрь в виде валика (3/1; диаметр 16 см) (рис. 8, 15). Из 27 фрагментов стенок 10 были орнаментированы горизонтальными линиями (рис. 8, 9, 10). Один фрагмент принадлежал донцу диаметром 10 см.

Фрагмент венчика красноглиняного гладкого горшка имел вертикальную шейку и горизонтально обточенный край с карнизиком на внешней стороне (тип 23/3; диаметр 20 см) (рис. 8, 11). Верхняя часть плечика этого фрагмента была почти горизонтальна.

Группы керамики (ямы 19, 19а)	Яма 19. Слой 1 (верхний)	Яма 19. Слой 2 (нижний)	Яма 19а
Красноглиняная грубая	282	49	32
Красноглиняная гладкая	13	—	1
Красноглиняная в целом	295	49	33
Белоглиняная грубая	24	4	—
Мореная и мореная с лощением (чернолощенная)	8	1	—

Обратим также внимание на комплекс керамики из заполнения ямы 22, где был найден фрагмент венчика белоглиняного гладкого горшка (МБК-2). Отметим, что яма 22 предположительно является остатками основной жилой постройки на исследованной площади. Яма имела сложную форму общими размерами в плане 6,7×3,5 м (рис. 2). Дно было заглублено в материк до 1 м.

24 фрагмента круговой керамической посуды были найдены лишь в среднем слое заполнения ямы, сложенном темно-серым гумусированным суглинком с включениями многочисленных мелких фрагментов обожженной глины, древесного угля, редкими мелкими включениями ярко-бурого суглинка. В этом же слое была найдена железная шпора. Из 24 указанных фрагментов керамики 12 (50 %) могут быть отнесены к красноглиняной грубой посуде, 4 (17 %) —

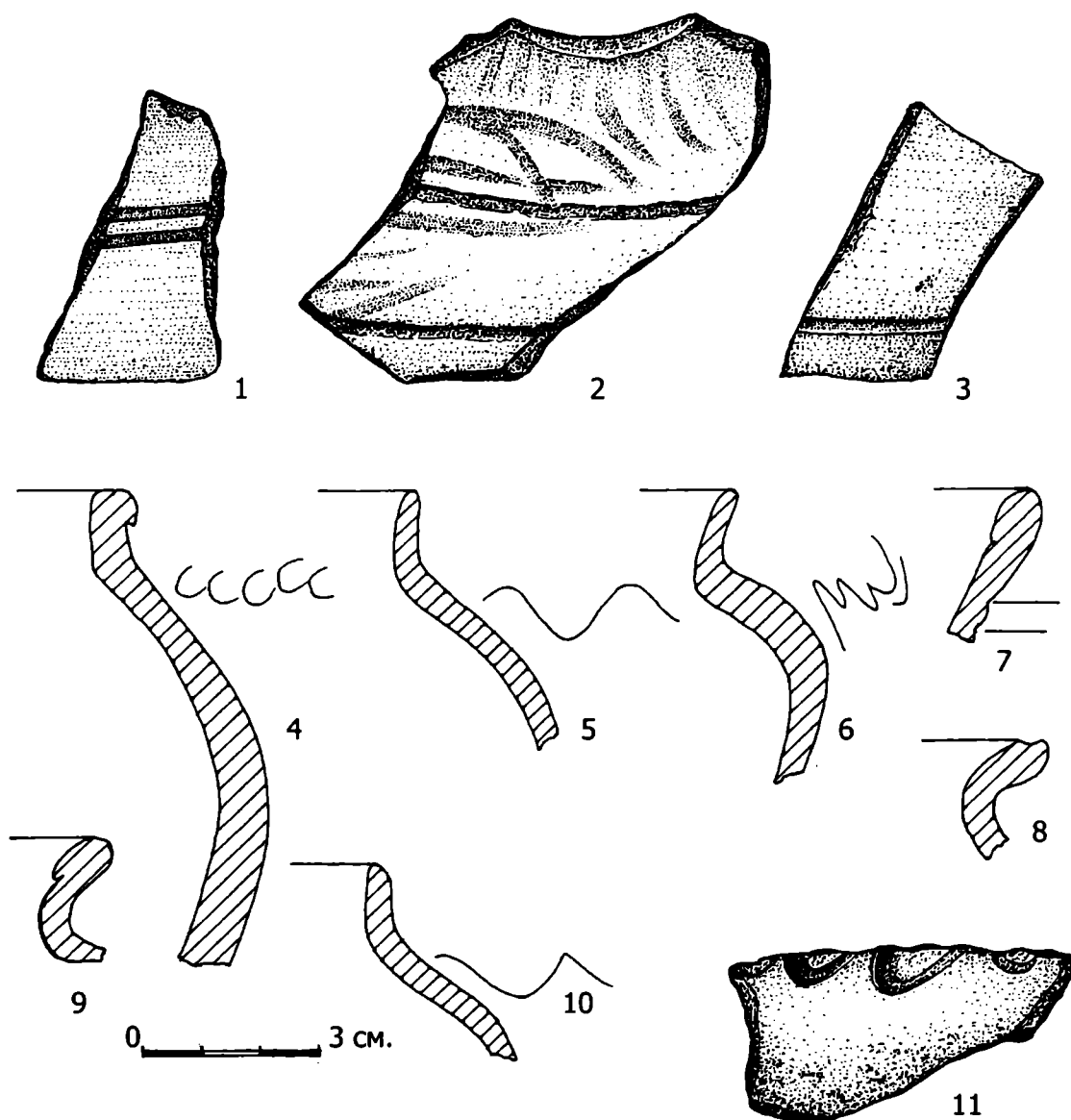

Рис. 15. Поселение Котово 1. Фрагменты керамических сосудов из слоя 1 ямы 19

1–3, 7 — чернолощенные; 4–6, 8–11 — красноглиняные грубые

к красноглиняной гладкой, 1 (4 %) — к белоглиняной грубой, 1 (4 %) — к белоглиняной гладкой, 5 (21 %) — к мореной, 1 (4 %) — к чернолощенной посуде.

Четыре фрагмента венчиков принадлежали красноглиняным грубым сосудам. Один из них имел высокую отогнутую наружу шейку и обточенный с внутренней стороны сосуда край. В итоге обтачивания на внешней стороне края образовался карнизик (тип 8/2; диаметр 23 см) (рис. 16, 3). Второй венчик имел слегка изогнутую шейку с небольшим карнизиком по внешнему краю (тип 1/2; диаметр 18 см) (рис. 16, 6). Третий венчик, вероятно, принадлежал плошке диа-

метром 11 см (рис. 16, 7). По верхней части шейки была проведена волнистая линия. Четвертый венчик имел вертикальную шейку, отогнутое наружу устье с вертикально отогнутым и обточенным краем (тип 18/2; диаметр 15 см) (рис. 16, 8). 5 фрагментов красноглиняных грубых стенок были неорнаментированными. 3 фрагмента принадлежали донцам диаметрами 10 (2 шт.) и 12 см (рис. 16, 11).

Красноглиняным гладким сосудам принадлежали 2 фрагмента венчиков, морфологически отличным от наиболее типичных образцов московской красноглиняной гладкой посуды второй половины XV — первой половины XVI вв.

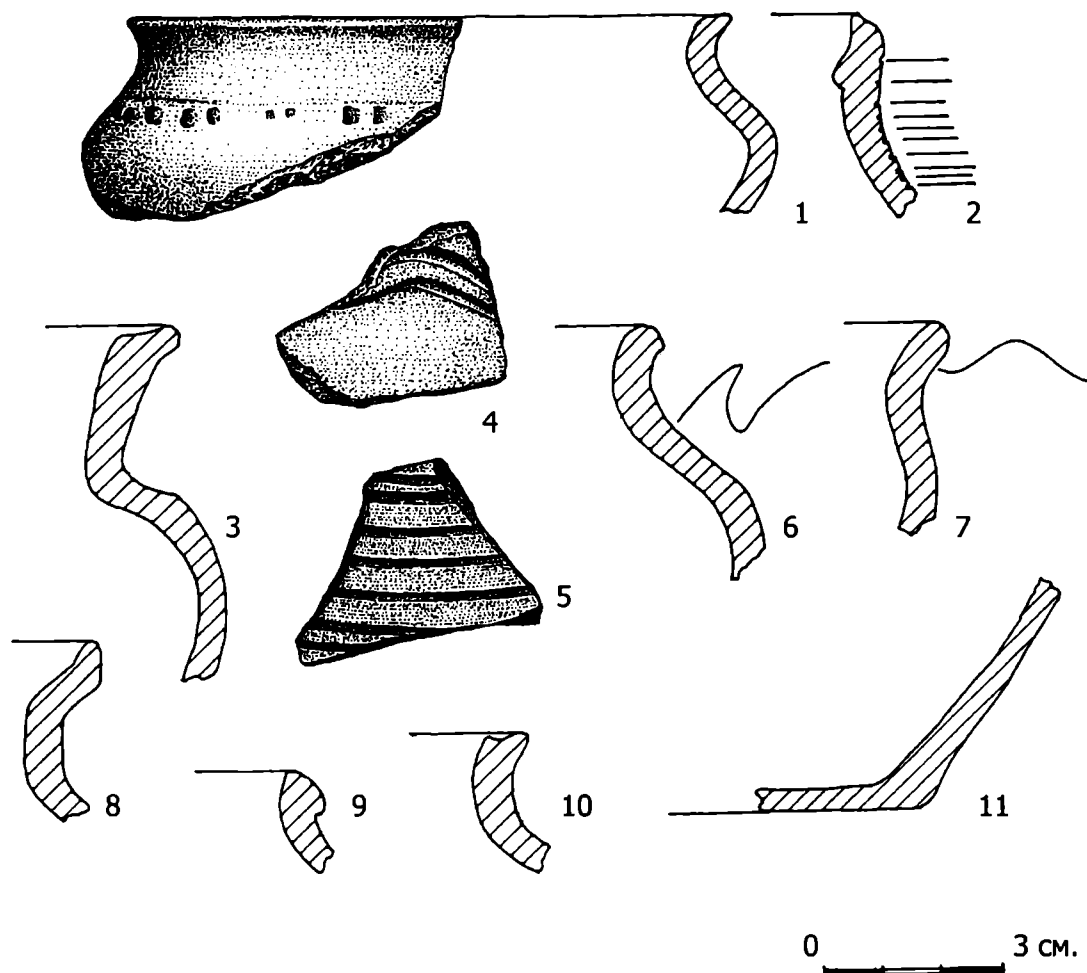

Рис. 15. Поселение Котово I. Фрагменты керамических сосудов из слоя 1 ямы 19

1–3, 7 — чернолощенные; 4–6, 8–11 — красноглиняные грубые

(Бойцов, 1991. С. 37–39). Один из них имел отогнутую наружу шейку с приостренным краем (диаметр 10 см) (рис. 16, 1). Плечико орнаментировано горизонтальной линией, ниже которой был нанесен ряд вдавлений палочкой с плоским (долотообразным) краем. Относительно близкие аналоги этому образцу можно указать среди красноглиняной гладкой керамики, найденной на поселении у часовни великомученика Никиты (Чернов, 1991б. С. 52, 53. Табл. 128, 555, 575; 129, 423). Памятник датируется исследователем первой половиной XVI в. Второй небольшой фрагмент венчика имел наклоненную внутрь шейку и устье, оформленное в виде валикообразного уплощенного заворота края наружу (тип 39/1; диаметр 14 см) (рис. 16, 9). Относительно близкие аналоги этому фрагменту можно указать среди красноглиняной гладкой керамики селища 3 в Копнинском лесу и раско-

пок в Большом Гнездиновском переулке в г. Москве (Чернов, 1991б. С. 53, 54. Табл. 133, 97, 106; Бойцов, 1999. С. 160, 161. рис. 5, 216). Авторами исследований первый из указанных комплексов датируется «в пределах 1550–1580-х гг.», второй — концом XV–XVI вв. (Чернов, 1991б. С. 54; Бойцов, 1999. С. 159).

Из двух фрагментов стенок красноглиняных гладких сосудов один был орнаментирован двумя волнистыми линиями (рис. 17, 4), а второй принадлежал донцу диаметром 11 см.

Один фрагмент венчика белоглиняного горшка МБК-1 (рис. 16, 10). Он имел край с желобком (близок типу 2/1; диаметр 15 см). Еще один фрагмент венчика принадлежал белоглиняному гладкому горшку (МБК-2) с диаметром устья 25 см (рис. 16, 2). Его шейка была орнаментирована горизонтальными линиями, устье имело приостренный край, образованный заворотом «черно-

вого края» внутрь и его обтачиванием (тип 3/3 Е). Подобные венчики характерны для горшков второй половины XVI — первой половины XVII в. (Коваль, 2001. С. 106, рис. 3).

Из 6 фрагментов стенок мореных и чернолощенных сосудов лишь один был орнаментирован горизонтальными линиями (рис. 16, 5).

Выше был отмечен факт обнаружения в нижней части заполнения ямы 1 фрагментов красноглиняной грубой посуды вместе с фрагментами мореной посуды. Там же были найдены фрагменты белоглиняных грубых сосудов, время бытования которых в Москве и Подмоскovie определяется исследователями в рамках второй половины XV–XVI в. (Чернов, 1991б. С. 51, 52) или только XVI в. (Коваль, 2001. С. 99, 100). Во всех трех выделенных слоях заполнения ямы 1 преобладали фрагменты красноглиняной грубой посуды, присутствовали фрагменты белоглиняной (в большинстве — грубой) посуды, в верхнем и нижнем слоях — фрагменты мореной посуды. На относительно непродолжительный период формирования заполнения ямы указывает расположение над слоями 2 и 3 неразрушенных пода и основания свода глинобитной печи. Еще раз отметим, что, по нашему мнению, ямы 1 и 1а являются остатками овина с заглубленной частью, где находилась несколько раз возобновлявшаяся печь для просушки снопов перед обмолотом (ЭБ, 1989. С. 38).

Фрагменты красноглиняной грубой посуды составляли большинство во всех слоях ям 1, 1а, 2, 2а, 6, 19, 19а, 22 при одновременном наличии фрагментов белоглиняной (в большинстве — грубой) посуды, в ряде случаев — фрагментов красноглиняной гладкой, мореной и чернолощенной посуды. С. З. Черновым при консультации по данному вопросу было высказано мнение, что подобное количественное распределение групп керамической посуды было характерно для последней трети XV в. Однако следует обратить внимание на преобладание среди самой многочисленной группы керамической посуды — красноглиняной грубой — фрагментов венчиков горшков, оформленных в виде валикообразных и карнизообразных заворотов краев наружу при коротких вертикальных либо наклоненных внутрь сосудов шейках. Такие формы не характерны для известных образцов московской красноглиняной грубой посуды XV в. (Чернов, 1991а. С. 26; Бойцов, 1991. С. 34, 35). Зато посуда близкого облика бытовала в XIV–XVI вв. на территории Среднего Поднепровья, в городах Путивле, Рыльске, Новгороде-Северском, Смоленске, в XV–XVI вв. — в северо-восточной Белоруссии, в XV–XVII вв. — в Торжке и Орешке (Виноградская, 1990. С. 96, 97; Левко, 1992. С. 30, 37–39; Сер-

гина, 1994а; Бойцов, 1999. С. 161; Коваль, 2001. С. 101, 102). Территориально наиболее близкая коллекция фрагментов красноглиняных горшков подобного облика известна в слоях Смоленска второй половины XIII–XVI в. (типы 5, 7 по Т. В. Сергиной) (Сергина, 1994а; 1994б. С. 68).

Обращает на себя внимание керамический комплекс ямы 22. При преобладании фрагментов красноглиняной грубой посуды, для красноглиняной гладкой керамики известны близкие аналоги среди материалов, датируемых не только первой половиной XVI в., но и «в пределах 1550–1580-х гг.». Характерен для белоглиняных гладких горшков XVI — первой половины XVII в. и фрагмент венчика, найденный в этой яме. Наиболее ранний известный комплекс белоглиняной гладкой посуды происходит из нижней части постройки на территории кремля г. Тулы, возникшего в первой четверти XVI в. (Зацаринный, 2002). На поселении Котово 1 было найдено не более 5 фрагментов венчиков белоглиняных гладких горшков. Единичность находок образцов такой керамики (МБК-2) характерна для московских слоев XVI в. (Коваль, 2001. С. 103).

Исходя из всего вышеизложенного, предположительно датируем керамические комплексы из ям 1–34 в пределах последней трети XV — середины XVI в. При этом допускаем, что среди них есть комплексы более ранние (возможно, из ям 2, 2а, 6, 19, 19а, судя по составу фрагментов посуды и находке креста в яме 2) и более поздние (возможно, из ям 1, 1а, 22, судя по составу фрагментов посуды и находке креста в яме 1а). Находки двух целых и одного фрагмента шпор (ямы 6, 14, 22), металлической печати-образка (яма 27), позолоченного нательного креста (яма 14), позволяют интерпретировать исследованный археологический комплекс (поселение Котово 1) как остатки усадьбы человека, относившегося к сословию людей, находившихся на военной службе. Приведенная датировка поселения, совпадающая с начальным периодом активного испомещения военно-служилых людей в Московском государстве (Кобрин, 1985. С. 95, 106–109, 133), позволяет предположить, что эта усадьба принадлежала такому служилому человеку.

Подобная интерпретация исследованных остатков построек позволяет считать, что в ходе раскопок были изучены все основные составляющие части помещичьей усадьбы раннего типа, известные для Восточной Европы XVI в. по письменным источникам, — остатки жилого дома (домов) с развитой планировочной структурой, гумна (пары овинов с примыкающим током), хлева (либо комплекса хлевов — оборы) (Якимович, 1991. С. 14).

Литература

- АИСЗР. Л., 1978.
- Алексеев А. В., 2004. Отчет об археологических исследованиях в 2003 г. на территории Истринского, Коломенского и Ногинского районов Московской области // ОПИ ИА РАН.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.
- Бойцов И. А., 1999. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездиковского переулка (Москва) // РА. № 1.
- Зацаринный С. В., 2002. Керамический комплекс раннего этапа заселения Тульского кремля (по материалам постройки № 4) // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула.
- Виноградская Л. И., 1990. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XV в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
- Винокурова Э. П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.
- Гриценко Т. А., Пуцко В. Г., 2000. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
- Гроздилов К. П. Раскопки древнего Пскова // Археологический сборник государственного Эрмитажа. Л. Вып. 4.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ
- Кобрин В. Б., 1985. Власть и собственность в средневековой России. М.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.
- Левко О. Н., 1992. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Мн.
- МК, 1991 — Московская керамика: новые данные по хронологии. М
- Никольская Т. Н. 1981. Земля вятичей. К истории изучения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.
- Романченко Н. Ф., 1928. Образцы Старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству (Художественный отдел ГРМ). Т. 1. Л.
- Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 91.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Сергина Т. В., 1994а. Опыт планиграфического исследования поздне-средневековой городской керамики (по материалам раскопа УС-ХI Смоленска) // АИППЗ. 1993. Псков.
- Сергина Т. В., 1994б. Керамика Смоленска XIII–XVII вв. (вопросы технологии и хронологии) // АИППЗ. 1993. Псков.
- Чернов С. З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII — середины XV в. // МК. М.
- Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // МК. М.
- Чернов С. З., 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII — первой половине XIV века // Археология Подмосковья. М.
- Энговатова А. В. и др., 2004. Средневековое поселение Настасьино // Труды ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.
- ЭБ. Мн., 1989.
- Якимович Ю. А., 1991. Зодчество Белоруссии XVI — середины XVII в. Мн.

Об одном редком типе стеклянных находок из культурного слоя Дмитрова

При археологическом изучении кремля города Дмитрова в 2003 г. среди других находок из стекла был обнаружен фрагмент круглого диска с отогнутой кромкой (так называемым ребром жесткости) (рис. 1). Толщина диска — 0,3 см, диаметр — 11 см. Диск изготовлен из прозрачного сине-фиолетового стекла при помощи выдувания. Вероятно, предмет был покрыт росписью, о чем свидетельствует неглубокая бороздка на его поверхности, оставшаяся, по всей видимости, от наложенной эмали.

Обратимся к археологическому контексту данной находки. Она была найдена в траншее 1, заложенной в северо-западной части кремля перпендикулярно берегу высохшего пруда, врезааясь во внутренний склон вала (рис. 2).

Описываемый образец был обнаружен на границе между горизонтами VA и VI культурных отложений (рис. 3). Горизонт VA — стерильная прослойка из песка с гравием мощностью 15–20 см. Других находок, кроме фрагмента стеклянного диска там не обнаружено. Горизонт VI прослеживался на глубине 220–228 см и состоял из слоя серой супеси с тленом, прослойками песка, обожженными камнями и большим количеством угля, мощностью до 20 см. Вероятно, этот горизонт являлся остатками наземной постройки. Основанием для такого предположения служит некоторое количество индивидуальных находок и массового материала, в частности, фрагменты пя-

ти стеклянных браслетов, отнесенных нами, судя по сохранности предметов и цвету стекла, к киевскому производству домонгольского времени: четыре браслета из пяти имеют на своей поверхности трещинки, так называемый кракелюр, — морфологическое проявление калиево-свинцово-кремнеземного стекла, производившегося в Киеве до середины XIII в. Помимо этого, на киевское происхождение стекла указывает его цвет — серо-голубой, бирюзовый и слабоокрашенный желтый (Щанова, 1972. С. 166–172). Браслет, не имевший кракелюра, был подвергнут эмиссионно-спектральному исследованию (табл., ан. 764–20). Анализ подтвердил, что он был изготовлен из стекла класса K-Pb-Si.

Массовые находки горизонта VI представлены керамическим комплексом, датируемым серединой XII — первой половиной XIII в. (Энговатова, 2004. С. 3–5, 12–14). Таким образом, можно говорить о том, что названный стеклянный фрагмент происходит из домонгольского слоя кремля города Дмитрова.

Состав стекла диска был проанализирован с помощью эмиссионно-спектрального анализа в лаборатории археологической технологии ИИМК (г. Санкт-Петербург) аналитиком А. Н. Егорьковым (табл., ан. 764–21). Роль красителя играла окись кобальта, что привело к получению сине-фиолетового цвета. Диск изготовлен из стекла тройной шихты, сваренного на золе растений континентальной зоны (класс K-Ca-Si). Обычно стекло такого состава отождествляется со средневековыми мастерскими Западной Европы, работавшими, например, на буковой золе. Стекло, сваренное на таком сырье, содержит не менее 20 % щелочных земель, а рецептурная норма обычно меньше 1. Однако на корреляционном поле результаты нашего анализа разместились в зоне, где расположены стекла, сваренные в византийских производственных традициях (рис. 4, а). Рецептурная норма равна 1, а содержание щелочных земель около 14 %. Вероятно, в данном случае речь может идти об адаптации традиционной византийской рецеп-

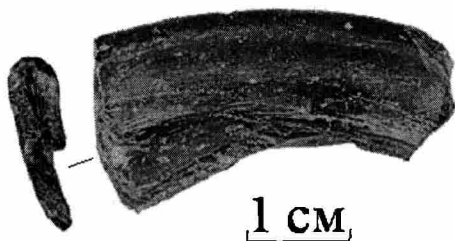

Рис. 1. Фрагмент стеклянного диска
из кремля г. Дмитрова

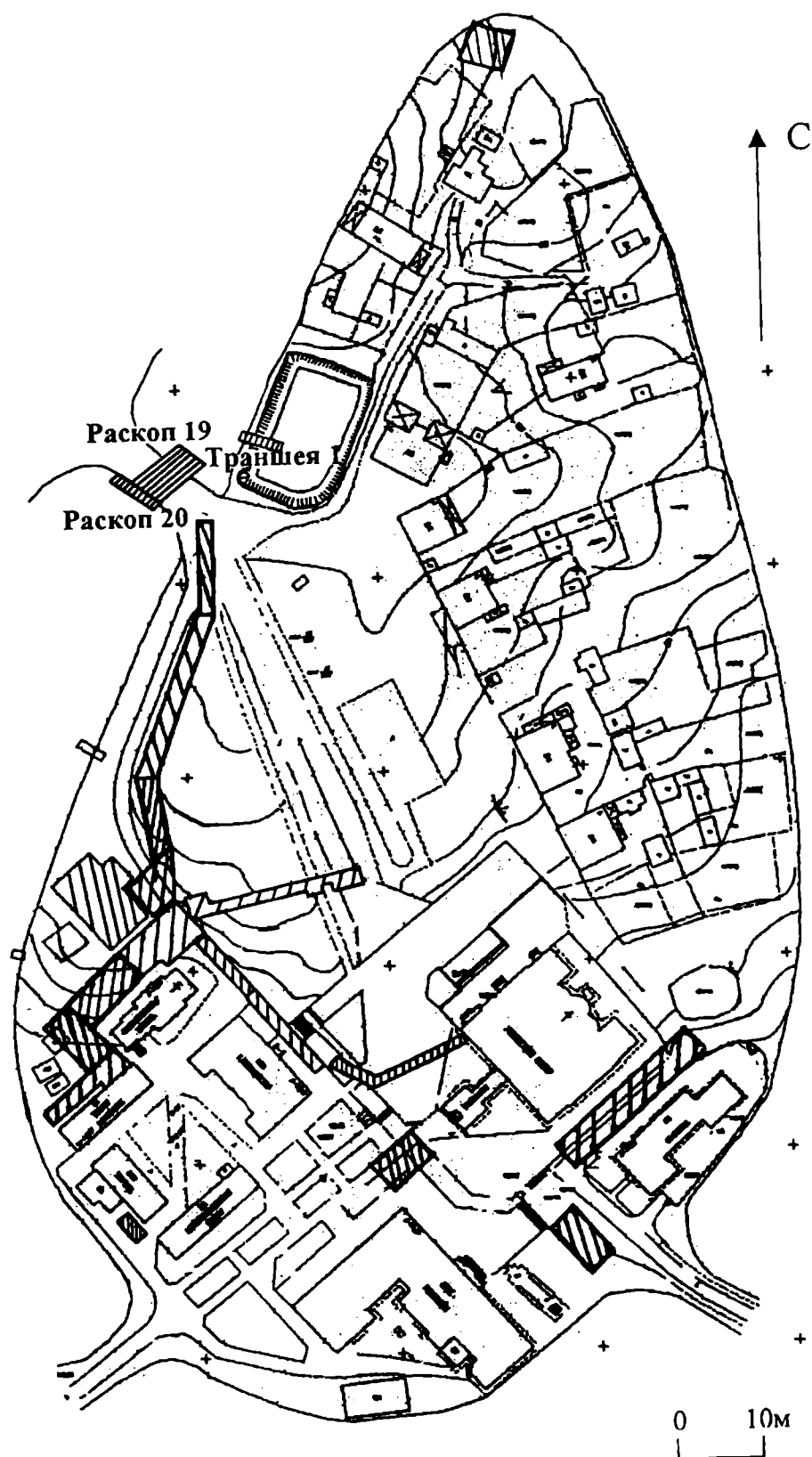
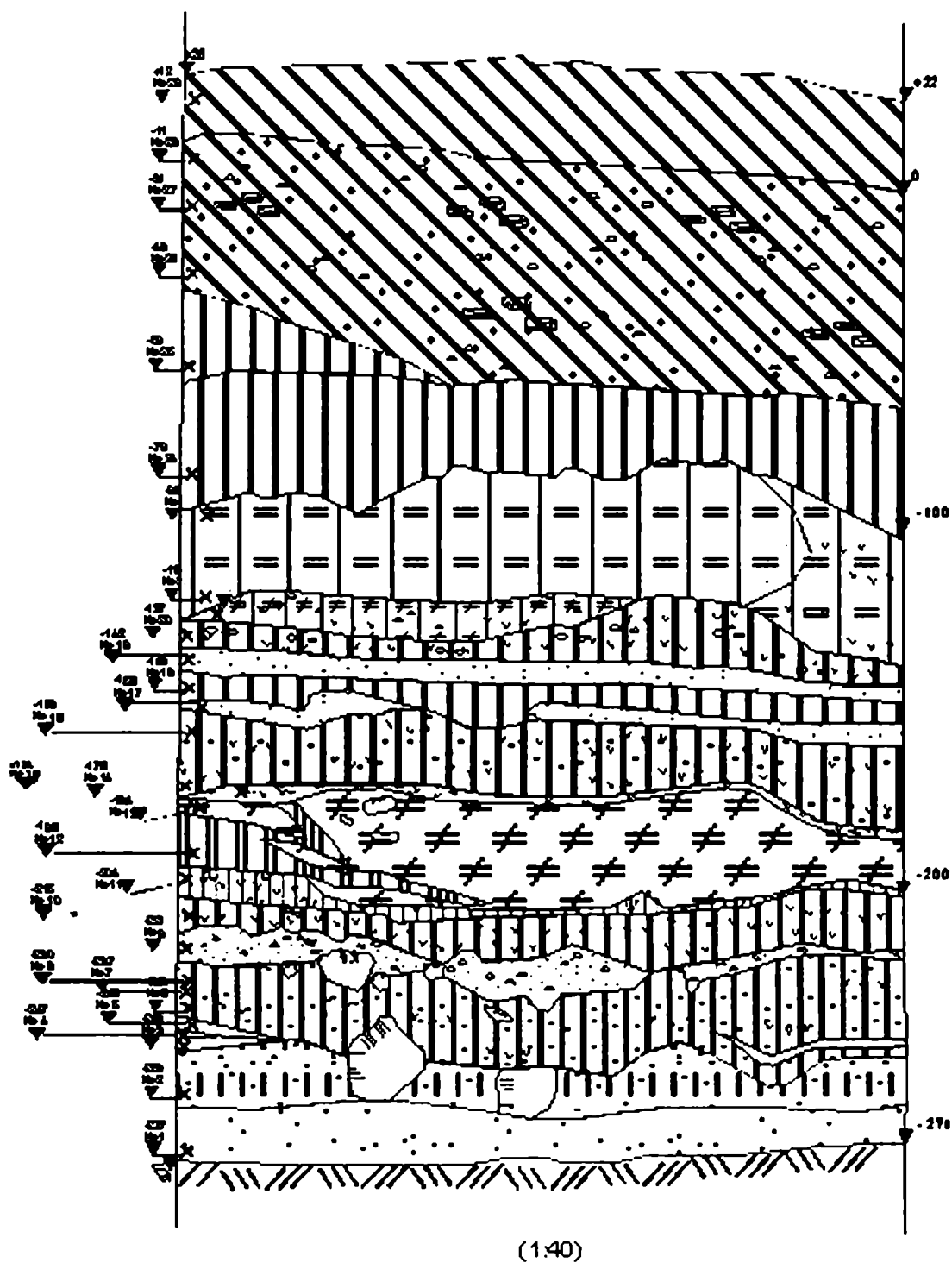

Рис. 2. План кремля г. Дмитрова

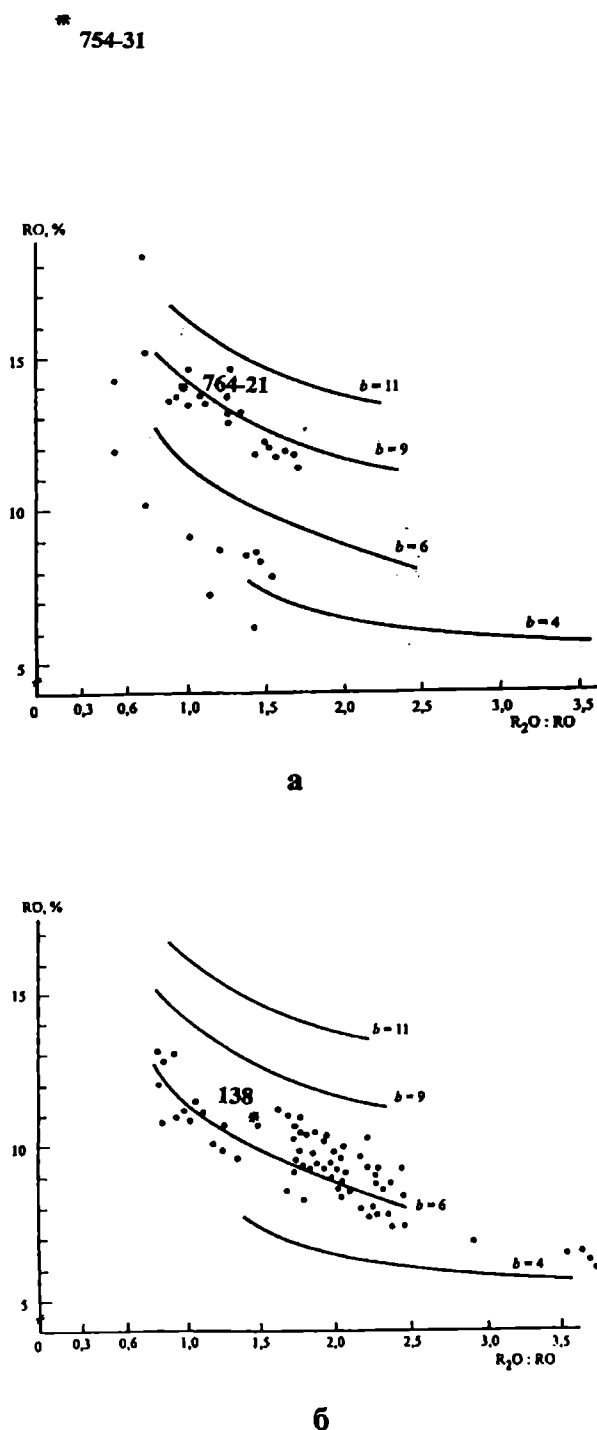

Рис. 4. Химический состав
изученных византийских стекол
(по Ю. Л. Щаповой)

а — стекла, изготовленные в византийских
традициях; б — византийские стекла,
изготовленные в римских традициях

туры стекловарения к иному щелочному сырью — золе растений континентальной зоны. Возможно, в данном случае была использована не древесная, например, буковая зола, а зола травянистых растений — папоротника, вереска или подобных им, произрастающих в европейских провинциях Византии. Зола таких растений содержит гораздо меньше кальция и магния, по сравнению с древесной золой.

Найденный в Дмитрове диск может являться частью сосуда, а точнее блюда или тарелки либо фрагментом круглой оконницы. Известные к настоящему времени тарелки имеют больший диаметр, чем диаметр нашего диска (рис. 5). Например, тарелки древнерусского производства из Новгорода и Новогрудка 18 и 20 см в диаметре (Щапова, 1972. С. 61). Тарелки византийского производства, происходящие из Старой Рязани, имеют диаметр 16 см (Щапова, 1998. С. 269).

Стеклянные оконные диски — нечастая находка при раскопках средневековых памятников. Известные на сегодняшний день круглые оконницы, найденные на территории Древней Руси, имеют диаметр от 18 до 22 см (Щапова, 1972. С. 65). Их вставляли в деревянные рамы, представлявшие собой доски с круглыми отверстиями (рис. 6, а). Такие рамы известны из церкви св. Георгия XII в. в Старой Ладогe и из церкви Спаса на Нередице конца XII в. (Безбородов, 1956. С. 222–223; Сапунов и др., 1962. С. 15; Щапова, 1972. С. 70).

Стеклянные диски XV–XVII вв. ближе нашей находке по размерам: их диаметры обычно составляют 13–15 см, но могли достигать и 22 см. Подобные оконные стекла с диаметром 13 и 18 см опубликованы М. А. Безбородовым (1956. С. 226–227). По всей видимости, их изготавливали в украинских гутах по рецептуре и на том сырье, которое применяли в западноевропейском стеклоделии с XI по XVII в. Правда, исследователь, основываясь на данных о том, что они были найдены при раскопках Вышгорода и Десятинной церкви в Киеве, относит их к древнерусскому производству, хотя химический состав этих стекол ясно указывает на западный производственный центр (Безбородов, 1956. С. 222. Табл. 29, ан. 136, 137, 156).

В архитектуре древнерусского и более позднего времени цветные оконницы встречаются редко. Оконные стекла киевского производства имели желтоватый оттенок, а византийские и западноевропейские — синеватый, зеленоватый или сероватый. Даже роспись на западноевропейских и византийских оконных стеклах XII–XIII вв., известных по находкам во Владимире и Суздале, выполнена на желтоватом и зеленоватом стекле.

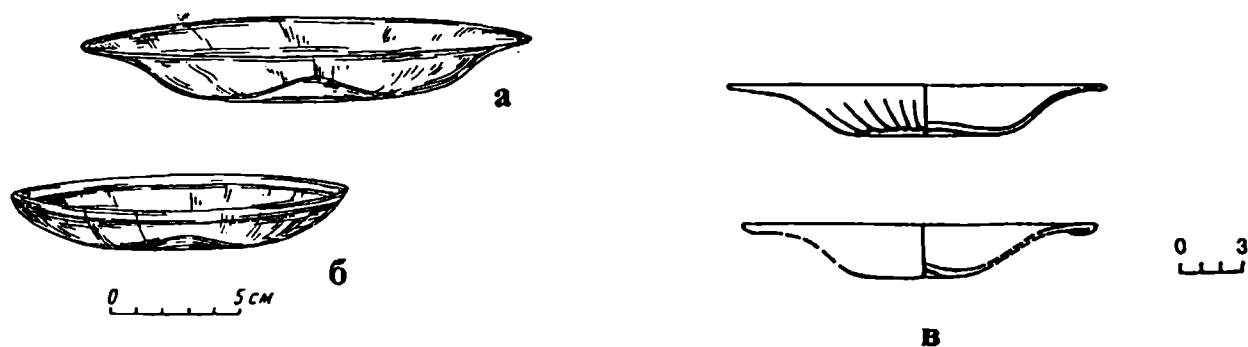

Рис. 5. Стеклянные тарелки домонгольского времени (по Ю. Л. Шаповой)
 а — из Новгорода, середина XII в. (Киев); б — из Новогрудка, середина XII в. (Киев);
 в — из Старой Рязани, третья четверть XII в. (Византия)

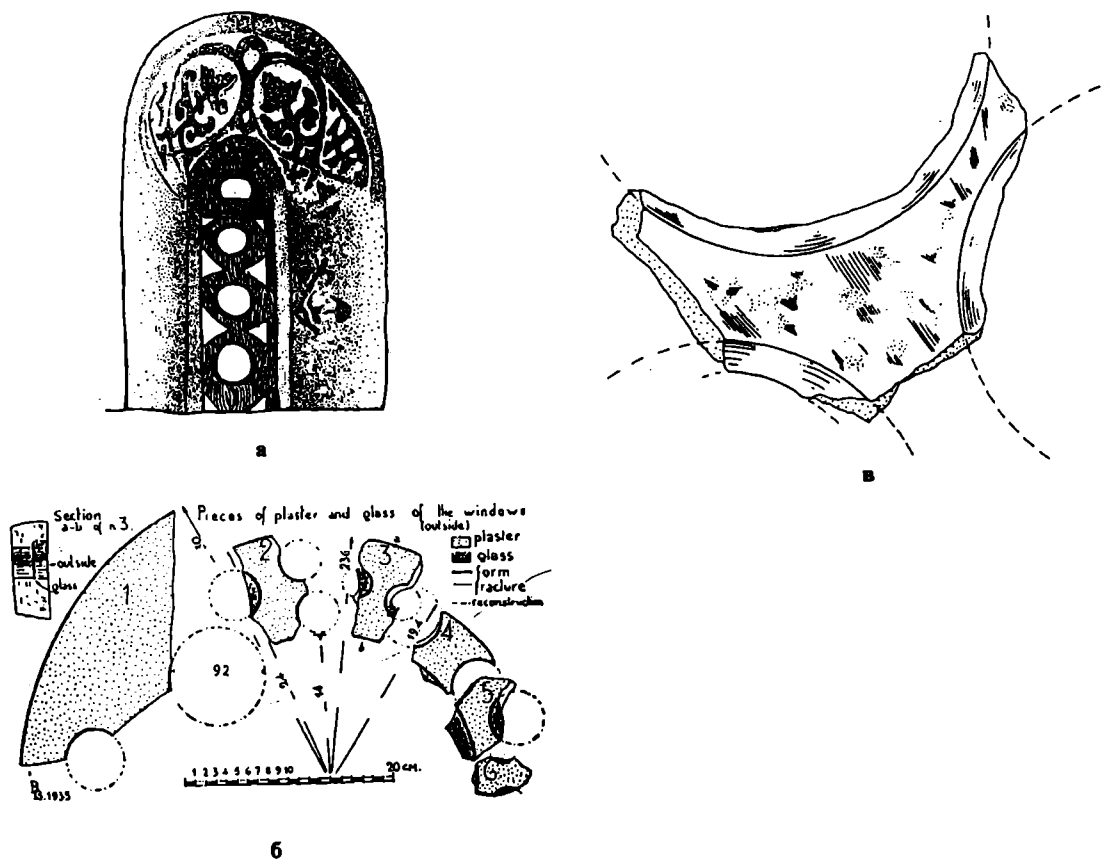

Рис. 6. Способы крепления оконных дисков

а — деревянная рама из церкви Спаса на Нередице близ Новгорода, конец XII в.
 (по М. А. Безбородову); б — гипсовая рама из церкви на горе Нево, Иордания, конец VI в.
 (по М. Mundell Mango); в — алебастровая рама из Болгара золотоордынского времени
 (по С. И. Валиулиной)

Результаты эмиссионно-спектрального анализа некоторых стекол из Дмитрова

Шифр лабораторный	754-31	764-20	764-21
Предмет	стекло оконное	браслет	диск
№ коллекционный	484	384	485
Цвет	б/ц	оливковый	сине-фиолетовый
SiO ₂	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	1,3	0,3	0,8
K ₂ O	4,0	8,3	13
CaO	24	0,9	13
MgO	2,8	0,2	0,7
Al ₂ O ₃	3,0	0,1	0,9
Fe ₂ O ₃	0,8	1,9	0,1
MnO	0,5	0,03	0,2
TiO ₂	0,2	0,03	0,06
PbO	—	23	—
SnO ₂	—	0,01	—
CuO	—	—	—
CoO	—	—	0,04
Sb ₂ O ₅	—	—	—
Ag ₂ O	—	—	—

Оконные стекла XV–XVII вв. тоже бесцветные или с желтоватым и зеленоватым оттенком.

На нашей территории известно всего несколько находок цветных стекол, которые могли быть использованы или в качестве оконниц или для украшения внутреннего убранства помещения. Так, фрагмент плоского пурпурного стекла был найден В. А. Богусевичем в 1951 г. во время раскопок стеклоделательной мастерской в Киево-Печерской лавре (Безбородов, 1956. С. 227–228. Табл. 29, ан. 138). Правда, неизвестно, какую форму имело это стекло. Согласно результатам анализа, оно было сварено в римско-византийских традициях (рис. 4, б). Другая находка цветных стекол (зеленого, фиолетового, коричневого, темно-синего и серо-зеленого цвета) была сделана в Гродно Н. Н. Ворониным при раскопках Нижней церкви, в слое пожара, который автор датировал 1183 г. Стекла имеют круглую, овальную, прямоугольную и ромбовидную форму и очень невелики по размерам (2–5 см). Слицевой стороны они выпуклые, с тыльной — плоские или вогнутые. Стекла имеют закраины, ко-

торые слегка отогнуты наружу. Однако способ изготовления этих стекол остался за рамками публикации. Автором раскопок было сделано предположение, что они вставлялись в медные обоймицы и использовались для украшения алтарной преграды (Воронин, 1954. С. 117–118, 127).

Таким образом, круглые цветные диски на территории Северо-Восточной Руси до находки в Дмитрове были неизвестны.

В литературе принято, что оконные стекла изготавливали двумя способами — выдуванием и литьем. Самое раннее оконное стекло — литое, оно известно с римского времени (с I в. н. э.). Дутое оконное стекло появилось лишь с конца III в. на Востоке (Harden, 1959. S. 14). Причем, дутые оконные стекла изготавливали разными способами. Один, который носит название «цилиндр-процесс», или «халявный», предполагал выдувание цилиндрического сосуда, разрезание и разворачивание его в лист (рис. 7, а). В результате получалось стекло прямоугольной формы (Безбородов, 1969. С. 142–145). Описание этого способа содержится в «Трактате о различных ис-

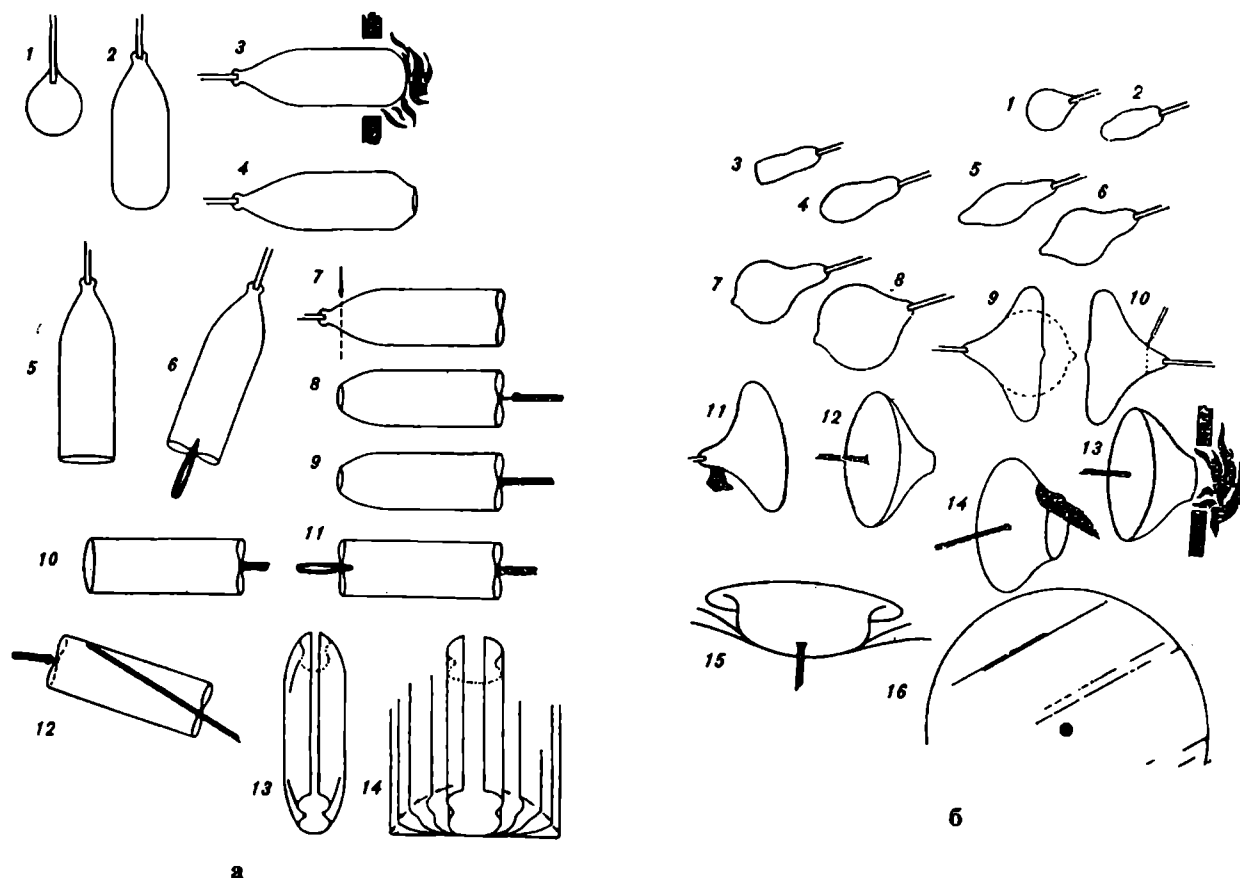

Рис. 7. Способы изготовления оконных стекол при помощи дутья

а — халевный (по R. Chambon и М. А. Безбородову);

б — лунный (по R. Chambon и М. А. Безбородову)

куствах» Теофила (*Theophilus*, 1986. Р. 54–55). Другой способ, «лунный», заключается в выдувании шара, уплощении его с одной стороны и раскрытии в диск с другой (рис. 7, б). Здесь результатом является получение круглого плоского стекла с ребром жесткости (Безбородов, 1969. С. 146–148).

На западных территориях применяли главным образом прямоугольные оконные стекла, сначала литые, а потом выдувные. Круглые оконные диски появились там только после крестовых походов. Каким образом они выглядели, можно увидеть на картинах голландских художников (рис. 8; рис. 9). Например, на триптихе XV в. Яна ван Эйка изображены церковные оконные проемы, застекленные круглыми дисками, вставленными, вероятно, в металлические рамы. А на картине XVII в. Яна Вермеера в оконную раму жилого дома вставлены прямоуголь-

ные стекла в металлическом переплете («Dresdener Gemaldegalerie...», 1980. Abb. 52, 83)¹.

На Востоке, по мнению исследователей, применяли стекла как прямоугольной, так и круглой формы. Причем, прямоугольные неокрашенные оконницы использовали для остекления жилых, торговых и ремесленных помещений, а ярко окрашенные стекла в виде диска и других форм — для украшения культовых сооружений (*Henderson and Mundell Mango*, 1995. Р. 348).

Восточные круглые оконные стекла имеют различный диаметр. Например, стекла, происходящие из церкви VI в. на горе Нево в Иордании, имеют в диаметре от 3 до 9 см. Это стекла синего, желтого, коричневого, красного, зеленого и черного цвета, вставленные в раму из гипса (рис. 6, б). Оконные диски из раскопок Герасы в Иордании имели от 10 до 16 см в диаметре (рис. 10; *Henderson and Mundell Mango*, 1995. Р. 348. Fig. 2,

¹ Фрагмент такого оконного стекла прямоугольной формы, изготовленного халевным способом, был найден в Дмитрове при археологических исследованиях в 2002 г. на IX раскопе. Проведенный анализ дал возможность предположить его западноевропейское происхождение (табл., ан. 754-31; рис. 3, а). Мы датировали его XVII столетием.

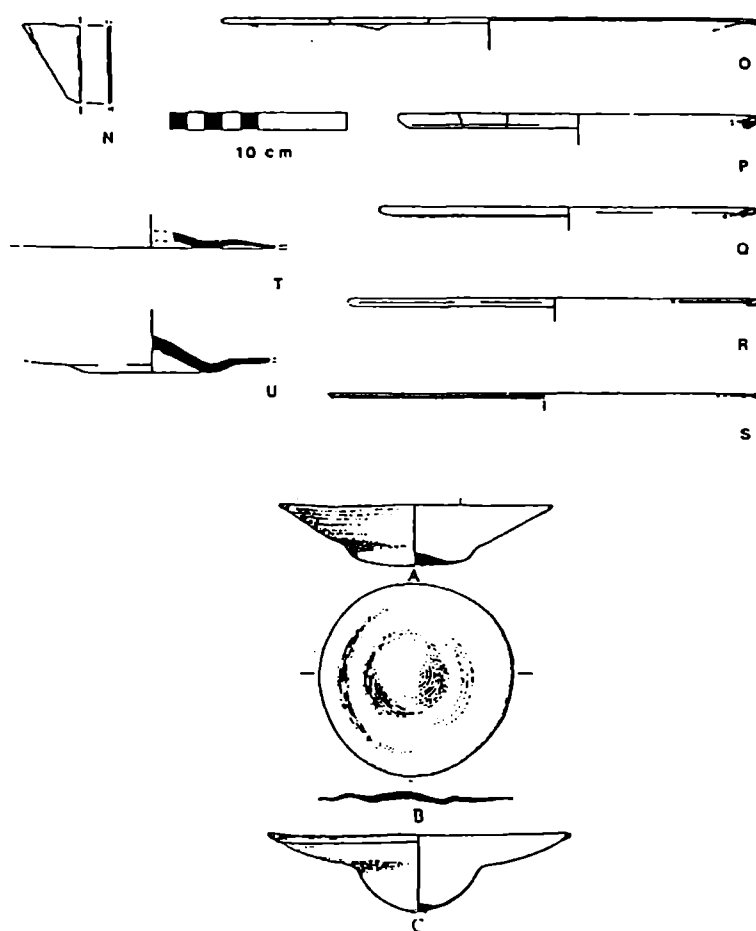

Рис. 8. Оконные стекла из раскопок Герасы, Иордания (по M. Mundell Mango)

3). Круглыми, возможно, цветными дисками были застеклены окна в церкви Богородицы (начало X в.) монастыря Липса в Константинополе (рис. 11; *Megaw*, 1964. Р. 279–299). Также круглые цветные стекла находились в оконных проемах церкви Ирины в Константинополе, которая была воздвигнута, по разным данным, в конце XI в. или в 1120 г. (*Megaw*, 1963. Р. 365, 367; *Underwood*, 1966. Р. 8; *Henderson and Mundell Mango*, 1995. Р. 346). Там стекла были обнаружены при исследовании алтарной части церкви. Цветными стеклами (синими, пурпурными, светло-желтыми, оливковыми) была украшена церковь XIII в. в Сардах в Малой Азии (*Henderson and Mundell Mango*, 1995. Р. 348). Несколько круглых оконниц зеленого, синего и пурпурного цвета происходит из Биляра. Диаметр их составляет от 16 до 27 см (*Валиулина*, 1991. С. 108, 111). Круглые оконные диски из цветного стекла красного, синего, зеленого и коричневого цвета известны в Болгаре золотоордынского периода. Их диаметр составляет 25–27 см (*Полубояринова*, 1988. С. 200). Но воз-

можно, там существовали стекла и меньшего диаметра. На это указывает фрагмент ганчевой рамы для крепления стекол из Болгара, хранящийся сейчас в Музее Татарстана в Казани (рис. 6, в). Рама имеет круглые отверстия диаметром 9 см (*Валиулина*, 1991. С. 112). Известны цветные плоские стекла и из других городов Золотой Орды (городище Селитренное), а также Средней Азии (Афрасиаб, Хорезм, Самарканд, XV в.; городище Лягман, X–XII вв.). Правда, в этих памятниках, за исключением Самарканда, использованы не круглые стекла, а фигурные, которые вставляли в гипсовую решетку (панджару) и использовали в качестве витража, помещая его над дверью (*Полубояринова*, 1988. С. 200).

Теперь осталось прояснить вопрос о сооружении, в котором мог находиться этот диск. Многочисленные аналогии круглым цветным стеклам, приведенные выше, делают наиболее вероятным размещение стеклянного диска в культовой постройке. В порядке исключения можно допустить, что он мог быть частью украшения

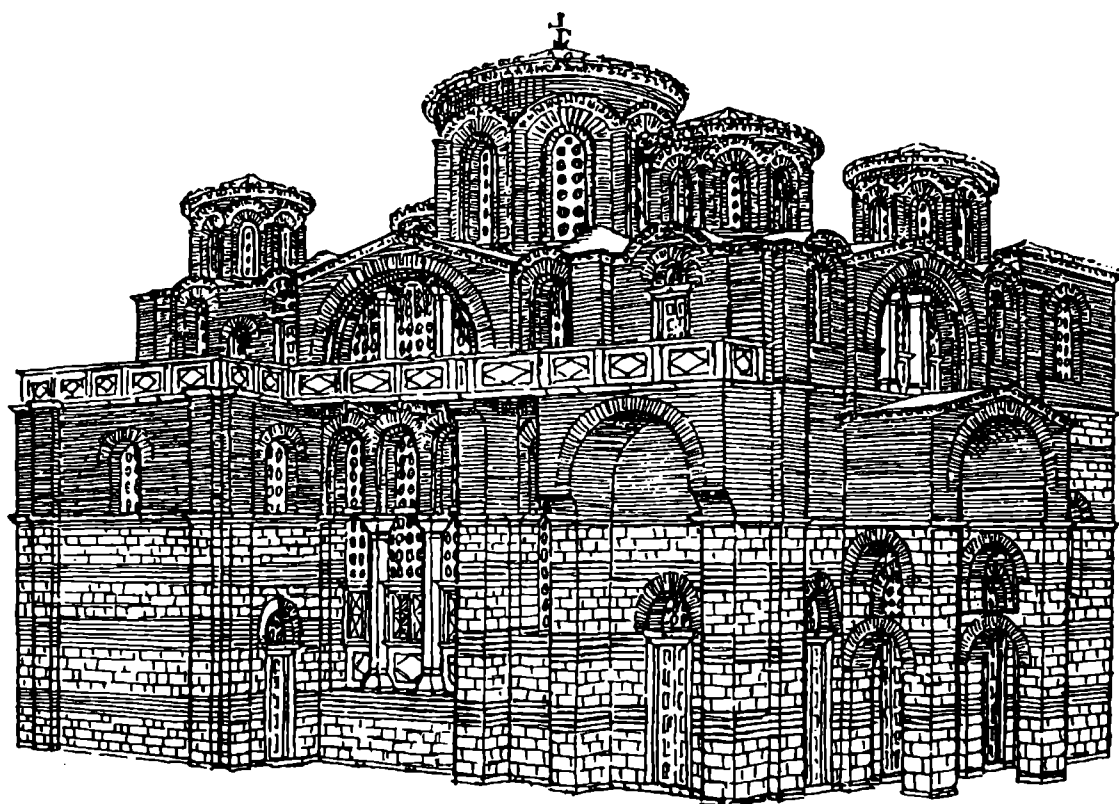

Рис. 9. Церковь Богородицы начала X в. в монастыре Липса в Константинополе (по А. Megaw)

интерьера или застекления окон гражданской постройки.

По летописным данным основание города Дмитрова связывается с рождением в 1154 г. у Юрия Владимировича Долгорукого сына Всеволода (в крещении Дмитрия), впоследствии ставшего великим князем владимирским, и известного как Всеволод Большое Гнездо. Юрий, находившийся в то время в полюдье на реке Яхроме, ставит здесь город, назвав его в честь патронального святого своего сына — великомученика Дмитрия Солунского (Яганов и др., 2003. С. 6). Многие исследователи критически оценивают эти сведения. По их мнению, точная дата основания города и непосредственная его связь с рождением Всеволода, скорее, представляют собой историческое предание, чем достоверный факт. Несмотря на это, основание Дмитрова князем Юрием Долгоруким около середины XII в. не вызывает сомнений (Яганов и др., 2003. С. 8–9).

По мнению Г. В. Попова, связь названия города с именем великомученика Дмитрия Солунского не подлежит сомнению, что делает закономерным предположение о появлении Дмитриевской церкви одновременно с основанием города

или в первые годы его существования. Верхней границей создания церкви он считает годы княжения Всеволода (1176–1212). В связи с широким распространением в домонгольскую эпоху повторения топографии стольных городов, Попов делает предположение, что церковь Дмитрия появилась как бы в подражание Владимиру в годы княжения Всеволода. В этом случае Дмитриевская церковь могла быть построена после возведения одноименного собора во Владимире, то есть после 1197 г. (Попов, 1972. С. 198–201).

Дополнительным аргументом в пользу существования Дмитриевской церкви служит наиболее древний памятник искусства города Дмитрова — икона «Дмитрий Солунский», датированная большинством исследователей концом XII — началом XIII в. Согласно мнению ряда исследователей, она находилась в деревянной Дмитриевской церкви до ее упразднения между 1628 и 1646 гг. При разборке церкви иконы, утварь и документы из нее попали в Успенский собор. В 1714 г. в подклете Успенского собора была устроена зимняя церковь Дмитрия Солунского, где икона и находилась до 1919 г. (Попов, 1972. С. 198–199, 201; Яганов и др., 2003. С. 14–16).

В ходе археологических раскопок, проведен-

ных Институтом археологии РАН в кремле города Дмитрова в 2001–2003 гг., предположение о существовании церкви домонгольской эпохи на территории кремля получило ряд конкретных подтверждений. Наличие некрополя домонгольского времени позволило достаточно точно

локализовать местонахождение этой церкви (рис. 2), а это, в свою очередь, позволило предположить, что рассматриваемый нами фрагмент сине-фиолетового стеклянного диска мог использоваться либо в качестве оконного стекла в храме, либо в его интерьере.

Литература

- Безбородов, М. А., 1956. Стеклоделие в древней Руси. Минск.
 Безбородов М. А., 1969. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск.
 Валиулина С. И., 1991. Оконное стекло Билярского городища // Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань.
 Воронин Н. Н., 1954. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // МИА. № 41. М.
 Полубояринова М. Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.
 Попов Г. В., 1972. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.
 Сапунов Б., Драги А., 1962. Оконная рама XII века из церкви Георгия в Старой Ладоге // СГЭ. Вып. XXIII. Л.
 Шапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
 Шапова Ю. Л., 1998. Византийское стекло: очерки истории. М.
 Энговатова А. В., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в кремле г. Дмитрова в 2003 г. // ОПИ ИА РАН.
 Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2003. Успенский собор в Дмитрове. М.
 Dresdener Gemaldegalerie: Alte und Neue Meister, 1980. Leipzig.
 Harden D. B., 1959. New Light on Roman and Medieval Window Glass // Glastechnische Berichte. Bd. 32 (K). H. VIII.
 Henderson J. and Mundell Mango M., 1995. Glass at Medieval Constantinople Preliminary Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland. Ed. Cyril Mango and Gilbert Dagron. Hampshire.
 Megaw A. H. S., 1963. Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul // Dumbarton Oaks Papers. Number 17. Washington.
 Megaw A. H. S., 1964. The Original Form of the Theotokos Church of Constantine Lips // Dumbarton Oaks Papers. Number 18. Washington.
 Theophilus, 1986. On Divers Arts. The Foremost Medieval Treatise on Painting, Glassmaking and Metalwork. New York.
 Underwood P. A., 1966. The Kariye Gjami. Bollinger Series, LXX. Vol. 1–3. Washington.

Древнерусские курганы на реке Рогожке в Южном Подмосковье (опыт архивного исследования)

Курганные группы, расположенные по берегам небольшой р. Рогожки — притока второго порядка правобережья р. Пахры, относятся к числу наиболее крупных курганных групп не только бассейна Пахры, но и Москворечья в целом.

Бассейн р. Пахры — крупнейшего правого притока Москва-реки (протяженность 129 км, площадь водосбора более 2700 кв. км), со времен А. В. Арциховского называется в числе территорий наибольшего распространения вятических курганов (Все Подмосковье, 1967. С. 238).

Здесь на незначительном расстоянии друг от друга (от 0,2 до 3,5 км), в окрестностях села Сырково и д. Пузиково, Хрястолово, Ивановское, на обоих берегах речки располагается 8 курганных групп, в которых насчитывалось не менее 150 насыпей (рис. 1). Точное количество существовавших курганов в настоящий момент назвать затруднительно, поскольку существует значительная путаница в разведочной документации (путаница в нумерации групп, нечеткость и приблизительность географических привязок).

Значительные размеры Пузиковских курганных групп были одной из причин, по которой курганные группы на р. Рогожке довольно часто привлекали внимание исследователей подмосковных курганных древностей. В настоящее время есть сведения о раскопках, по меньшей мере, 50 насыпей, проведенных семью исследователями. Среди исследователей курганов на р. Рогожке В. А. Городцов, Б. А. Рыбаков, А. Я. Брюсов, Р. Л. Розенфельдт, А. А. Юшко. Материалы этих работ неоднократно использовались в обобщающих трудах, посвященных вятической погребальной обрядности и изучению вятических древностей (Арциховский, 1930; Равдина, 1975; Недошивина, 1974). Однако, несмотря на чрезвычайную исследовательскую активность, до настоящего момента не существует целостного представления об исследованных могильниках, более того, в подавляющем большинстве случаев, материалы раскопок курганов «у д. Пузиковой» и Ивановское остаются практически не опубликованными. Причиной этому, служили,

видимо, выше упоминавшиеся неточности в существующей документации, и большое количество исследователей, занимавшихся раскопками курганов и не оставивших (за исключением, наверное, Р. Л. Розенфельдта) обобщенного описания взаимного расположения групп, и четких указаний, в каких группах и какие курганы они копали. В исследованиях, привлекавших материалы раскопок Пузиковских курганов, ни разу не делалась попытка целостного рассмотрения комплексов погребений, не ставилась задача проследить возможную связь между материалами отдельных погребений, рассмотреть особенности размещения разных по погребальному обряду и набору инвентаря погребений в пределах курганных групп.

Перед нами стояла задача — прояснить степень информативности имеющихся в настоящий момент архивных материалов, систематизировать имеющуюся в распоряжении исследователей информацию, касающуюся состава комплексов, топографии курганных групп и степени их сохранности.

Были использованы археологические коллекции, хранящиеся в ГИМ, полевые отчеты из архивов ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и ИА РАН (Москва), документы из архива отдела письменных источников ГИМ, а также опубликованные материалы.

История изучения региона

Курганы Подольского уезда привлекли внимание исследователей уже в 60-е годы XIX в. А. П. Богданов указывает на «преобладание скученности курганного народонаселения в уездах Подольском, Московском и Коломенском» (Богданов, 1879. С. 7). Он приводит некоторые цифры размещения курганов по уездам, и в Подольском уезде значится 89 местностей с курганами, с числом курганов — 414. М. А. Саблин упоминает курганы «у дер. Пузиковой» в своем перечне курганов Московской губернии, составленном им по просьбе А. П. Богданова для Антропологиче-

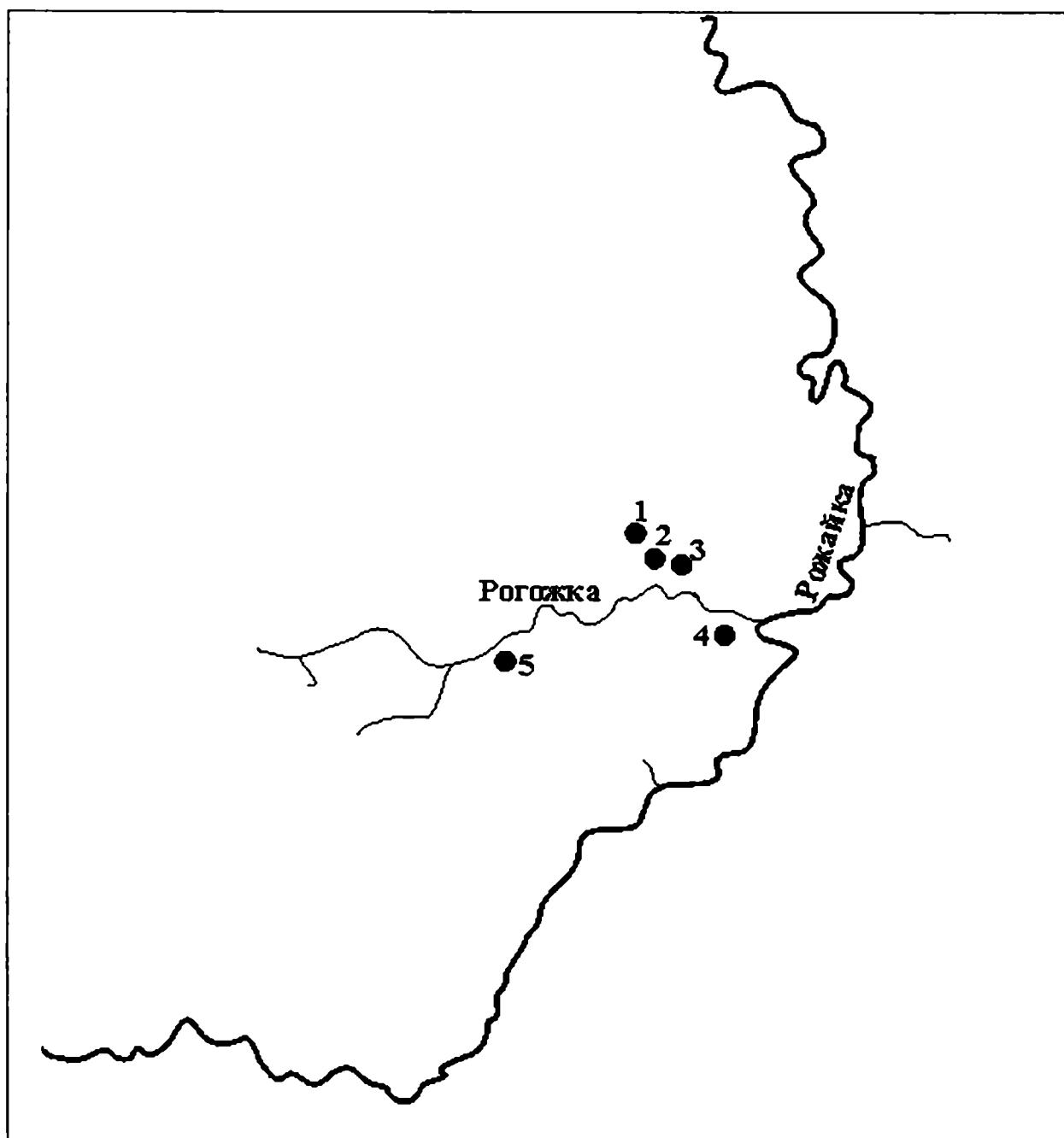

Рис. 1. Курганные группы в бассейне р. Рогожки

1 — Пузиково I и II; 2 — Пузиково III; 3 — Пузиково IV; 4 — Тургенево;
5 — Сырково и Хрястолово (не сохранились)

ческой выставки в Москве в 1879 г. (Саблин, 1879. С. 185). Правда, следует отметить, что ему было известно лишь о 6 курганах в этой курганной группе. «Скученность» курганов в Подольском уезде отмечает и А. Кельсиев, однако указывает, что многие отчеты «по неодинаковости взглядов и неподготовке исследователей, очень неудовлетворительны, изобилуют пробелами, затрудняют выводы и вообще не выдерживают научной критики» (Кельсиев, 1885. С. 1).

В «Материалах к археологической карте Московского края», опубликованных С. К. Богоявленским в 1947 г., содержатся данные об археологических памятниках, собранных автором до 1920 г. Согласно этой информации в Подольском уезде близ села Сырково (р. Рогожа) находятся 3 кургана, у д. Ивановка (р. Рожая) — 31 курган в 3-х группах, у д. Хрястолово — 7 курганов в 2-х группах и один отдельно стоящий, и у д. Пузиково (р. Рогожа) — около 60 курганов

(Богоявленский, 1947. С. 174). Однако есть более поздние данные, согласно которым в первой Пузиковской группе в 1920-е годы насчитывалось около 100 курганов (Розенфельдт, 1977, С. 1). В курганном могильнике, насчитывавшем 5 курганов, у д. Хрястолово Е. Н. Липеровской были исследованы три кургана, один из которых — без следов захоронения, два — с одиночными трупоположениями.

Нами будет рассмотрено 6 курганных групп (Пузиково I, II, III, IV; Тургенево и Сырково). Подобное деление на группы было применено Р. Л. Розенфельдтом. Мы следуем этому делению, так как в нашей работе используем его топопланы и карты курганных групп. Курганная группа у дер. Хрястолово (рис. 1, 5) нами не рассматривается — она лишь вскользь упоминается в отчете о разведках за 1923 г., и мы не обладаем достаточно точной информацией о раскопанных в этой группе курганах (Брюсов и др., 1923).

Для удобства использования информации нами была введена сквозная нумерация курганов, которая применима преимущественно к Пузиковским группам, так как, к сожалению, не все планы курганных групп сохранились и не всегда есть возможность установить топографию погребений в них (см. табл. 5; рис. 3). В отчете Р. Л. Розенфельдта за 1972 г. указаны также курганы, раскопанные прежними исследователями. Информация об их численности совпадает с сведениями, собранными нами по другим отчетам (Розенфельдт, 1972, рис. 2). До 1972 г. в выше названных группах было исследовано 11 насыпей, но точное соотношение курганов по отчетам с указанными на плане невозможно, поэтому их номера даются нами условно (применительно к № 1–11).

Далее в тексте статьи курганы будут называться следующим образом: номер по сквозному списку всех учтенных автором данной работы насыпей — номер кургана в группе (там, где это можно было установить) — номер раскопанной насыпи в соответствии с отчетами исследователей, изучавших эти курганные группы. Например: 21-0-1 — курган из группы Пузиково I, общее количество насыпей в которой определить не удалось, в отчете Р. Ф. Розенфельдта о раскопках в 1977 г. он значится под № 1. Сводная таблица номеров курганов приведена в конце статьи (табл. 5).

Курганные группы Пузиково I и Пузиково II (рис. 2; рис. 3)

Группы расположены на левом берегу р. Рогожи, в 800–900 м к востоку через овраг от с. Пузиково, в поле и небольшой роще. Курганы первой и второй Пузиковских групп находились на

расстоянии 100 м друг от друга и разделялись проселочной дорогой. Вероятнее всего, ранее они составляли один курганный могильник — некоторыми исследователями он называется курганной группой Пузиково I. В 1920-е годы в ней насчитывалось более 100 насыпей, однако точное число курганов, раскопанных исследователями в Пузиковской группе, не известно, также осталось неизвестным, какие именно насыпи они раскапывали. Но сохранились сведения об инвентаре, найденном в женских погребениях. Эти данные приведены А. В. Арциховским в книге «Курганы вятичей» (1930. С. 186). Судя по публикации, три кургана были раскопаны А. Я. Брюсовым, из которых два в первой Пузиковской группе и один во второй; Е. Н. Липеровская раскопала два кургана с женскими погребениями в первой курганной группе.

По данным Б. А. Рыбакова в 1936 г. в группе было 63 кургана, семь из которых имели следы прежних раскопок. Раскопки курганов велись им на снос, поэтому раскопанные насыпи не указываются на плане, кроме того, существует неясность в топографии раскопок, так как чертежи утрачены. При исследовании Пузиковских групп в 1972 г. Р. Л. Розенфельдтом, в них насчитывалось также 63 кургана, из которых 7 насыпей — во второй группе (рис. 2).

По архивным данным, в 1924 г. А. Я. Брюсов раскопал в этих группах 5 курганов. Несколько позже, в том же году, Е. Н. Липеровская исследовала здесь 4 насыпи (одну из них в курганной группе Пузиково II). Б. А. Рыбаков в 1936 г. раскопал 4 кургана. В 1968 г. в бассейне р. Пахры и ее притоков (рек Мочи, Рожай и Десны) работал Подольский отряд Московской экспедиции под руководством А. А. Юшко. Ею была исследована «одна из наиболее многочисленных курганных групп» на левом берегу р. Рогожки близ д. Пузиково (Юшко, 1968. С. 7). В обследованной группе насчитывалось около 40 насыпей, восточнее была еще одна небольшая группа, состоявшая из пяти курганов, в которой исследовательницей был раскопан один курган в юго-западной части группы (т. е. в первой Пузиковской группе). Р. Л. Розенфельдт, исследуя эти группы в 1972 г., раскопал здесь 7 курганов (один из них в курганной группе Пузиково II), а в 1977 г. — еще 9 насыпей. Таким образом, всего было раскопано 30 курганов.

В диссертации Н. Г. Недошивиной «Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.» (защищена в 1974 г.) содержится информация о курганах, расположенных близ сел Сырково, Тургенево и д. Пузиково (Недошивина, 1974. С. 181–185). В первой Пузиковской группе зафиксировано 5 раско-

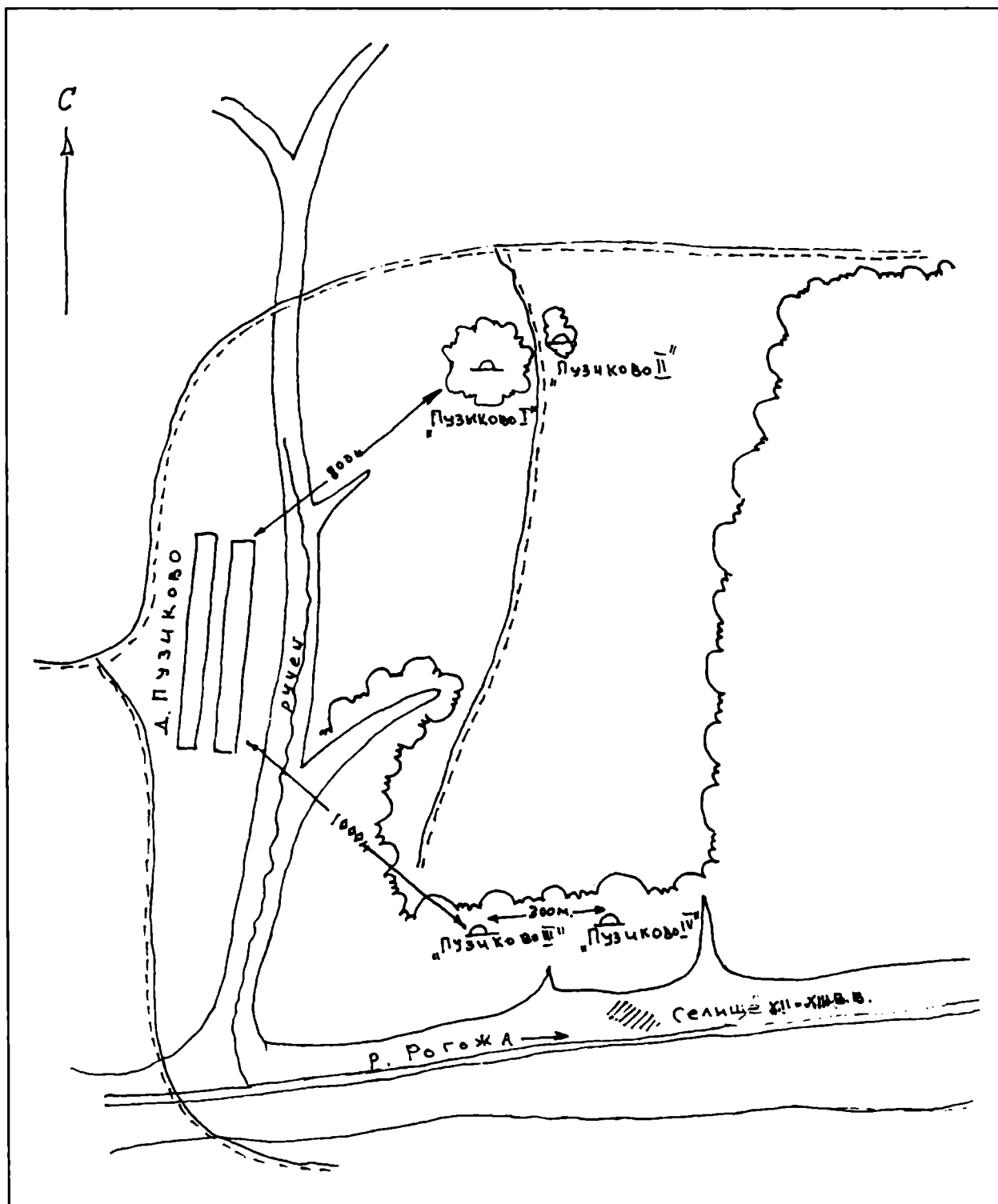

Рис. 2. Курганные группы Пузыково I-IV и селища.
План Р. Л. Розенфельдта

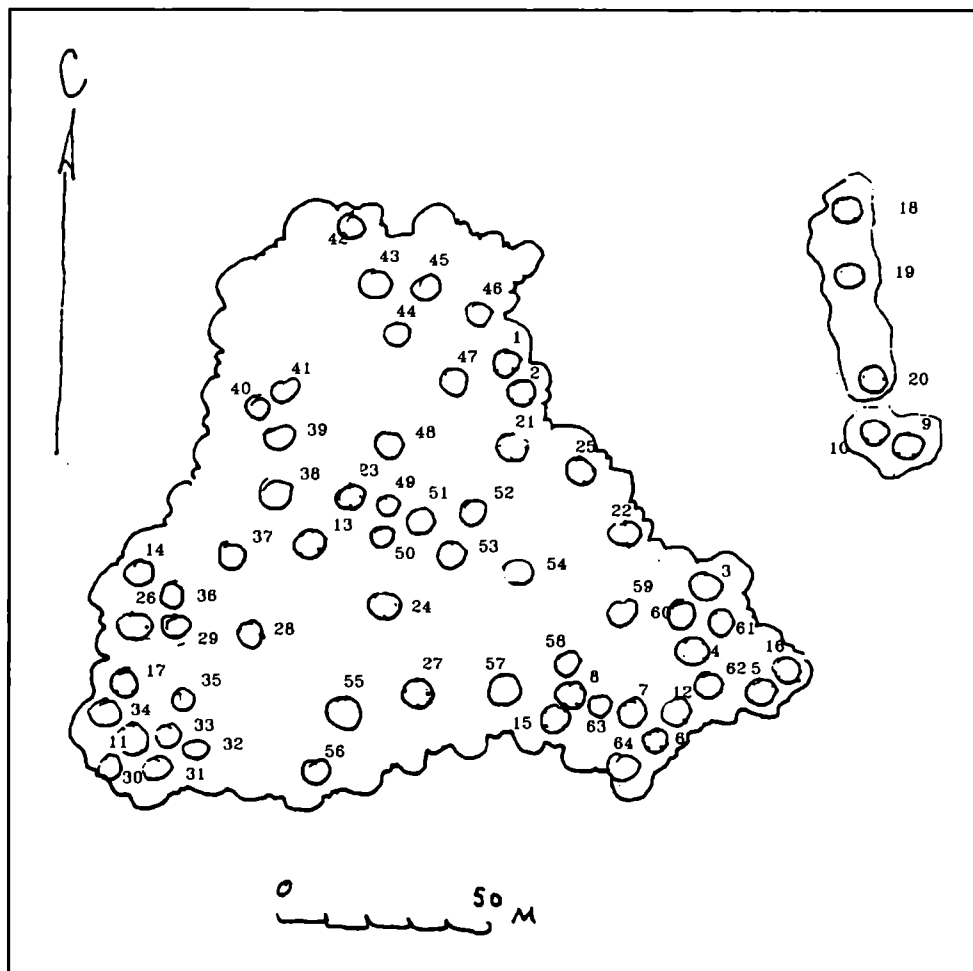

Рис. 3. Курганные группы Пузиково I и II.

План выполнен Р. Л. Розенфельдом, номера курганов проставлены автором статьи

панных курганов, из которых 1 содержал погребение на материке, 4 — в ямах; во второй группе — 63 кургана (раскопано 15, где погребений на материке было 10 и 5 — в ямах). Вероятно, автором допущена путаница в нумерации групп 1 и 2.

Ко времени последних раскопок в этих группах, в 1977 г., в первой сохранилось около 40 насыпей, курганы второй группы были снесены бульдозерами в 1976 г.

Курганные группы Пузиково III и Пузиково IV (рис. 2)

Небольшая курганная группа Пузиково III располагалась по дороге к д. Пузиково, на поле, в 300 шагах от берега реки р. Рогожки. В этой курганной группе в 1972 г. насчитывалось три насыпи: две целые, а одна раскопана колодцем «лет 30 тому назад» (Розенфельдт, 1972, С. 5).

Неподалеку, в 300 м к востоку от нее, находилась группа Пузиково IV — на левом берегу р. Рогожки, «в полутора верстах от устья ее, на опушке леса» (Брюсов и др., 1923. С. 24) (рис. 4). Она также называется курганной группой, расположенной между селами Пузиково и Ивановское, и по данным 20-х годов XX в. в ней насчитывалось 15 насыпей. После съемки плана в 1972 г. оказалось, что на самом деле в группе не 15, а 17 насыпей высотой от 1 до 2,3 м. Вероятно, эти две группы, также ранее представляли собой один могильник, где в 1924 г. А. Я. Брюсов раскопал 7 курганов. В группе Пузиково III в 1972 г. Р. Л. Розенфельдт раскопал один курган. В группе Пузиково IV ко времени его раскопок в 1977 г., оставались нераскопанными лишь два кургана (№ 1 и 11), один из них он и раскопал. Таким образом, в этих группах всего археологами раскопано 9 курганов.

Курганная группа Тургенево (рис. 5)

Тургеневская курганная группа расположена на левом берегу р. Рожайки, в «400-х шагах» к северо-западу от с. Тургенево, в небольшой роще на поле (*Брюсов и др.*, 1923. С. 24). Следует отметить, что курганы, расположенные на возвышенном водоразделе на правом берегу Рогожки у слияния ее с р. Рожайей (Рожайкой), разными исследователями привязывались к двум разным населенным пунктам, почти равно удаленным от группы. Поэтому одни и те же курганы обозначались в отчетах о раскопках как Ивановские (по названию деревни, расположенной на правом берегу Рогожки, в ее низовьях), и как Тургеневские (по названию деревни на левом берегу р. Рожайки), что приводило к дополнительной путанице в определении места раскопок.

В 20-е годы XX в. группа состояла из 32 насыпей. Один курган, отстоящий от группы, «был скопан» и ему грозило уничтожение.

В 1962 г. группа насчитывала 20 насыпей, но состояние их «оставляло желать лучшего», в 1976 г. — уже шестнадцать.

Исследования в Тургеневской курганной группе в 1924 г. производились П. А. Дмитриевым, который раскопал здесь 5 курганов; в этой же группе в 1976 г. копал Р. Л. Розенфельдт. Он отмечал, что группа содержит 16 курганов, многие имеют нарушения насыпей, отдельно стоявший в поле курган к этому времени был спланирован. Исследователем было раскопано 4 кургана. Таким образом, всего вскрыто 9 насыпей.

Однако, как показали новейшие (2004 г.) исследования, в настоящий момент в группе, называемой Тургеневской, насчитывается 30 курганов, и поэтому вся архивная информация о численности насыпей в группе, должна восприниматься критически¹.

Курганная группа Сырково (рис. 1)

Небольшая курганная группа Сырково находилась на правом берегу р. Рогожки, на опушке леса. В 1924 г. здесь производились раскопки Е. Н. Липеровской. Группа состояла, по разным сведениям, из 5 или 10 курганов, один из которых уже был поврежден (раскопан ранее). Исследовательницей здесь раскопано 3 кургана (колодцем).

В 1962 г. Р. Л. Розенфельдтом проводились разведочные работы в Подольском районе. По его

данным Сырково курганная группа находилась в плохом состоянии, так как значительная часть насыпей имела нарушения, произведенные преимущественно «пионерами близрасположенных пионерских лагерей и отдыхающими в расположенных по соседству домах отдыха. Некоторые курганы раскопаны колодцами, то есть с применением тех грабительских средств, против которых так энергично протестуют археологи» (*Розенфельдт*, 1962. С. 24). Ко времени разведок А. А. Юшко, в 1968 г., этой курганной группы уже не существовало.

Вся информация, касающаяся изучения курганов бассейна Рогожки и доступная по архивным материалам, была обобщена в информационно-справочном издании «Археологическая карта России» (1994. С. 74–75, 200–202).

Согласно АКР здесь были зафиксированы 4 курганные группы у д. Ивановское, по одной группе — у деревень Пузиково и Сырково, и 3 группы у д. Хрястолово. Однако при более пристальном рассмотрении имеющейся в нашем распоряжении информации можно отметить следующие неточности изложения:

1) Ивановское, курганный могильник 1 (Тургеневский) — это Тургеневская курганная группа;

2) Ивановское, курганный могильник 2 (Пузиково 1) — вероятно, курганы группы Пузиково-IV;

3) Ивановское, курганный могильник 3 (Пузиково 2) — это группа Пузиково-III;

4) Ивановское, курганный могильник 4 (Пузиково 3) — курганная группа Пузиково-I, а «Пузиково, курганный могильник (не сохранившийся)», на самом деле та же самая группа;

5) Хрястолово, курганный могильник 2 — это Сырково курганная группа, находящаяся «на запад от деревни Хрястолово в 1/2 версте по дороге к деревне Сырково» (*Брюсов и др.*, 1923. С. 24). Составители этого информационно-справочного издания, произвольно изменив привязки к населенным пунктам, внесли еще большую путаницу, что осложнило понимание и без того не ясной ситуации. Но, тем не менее, мы можем сказать, что к настоящему моменту, согласно архивным данным, существуют данные о раскопках 51 насыпи в 6 курганных группах.

¹ Выражаю глубокую признательность М. И. Гоняному и О. В. Двуреченскому за предоставленную информацию.

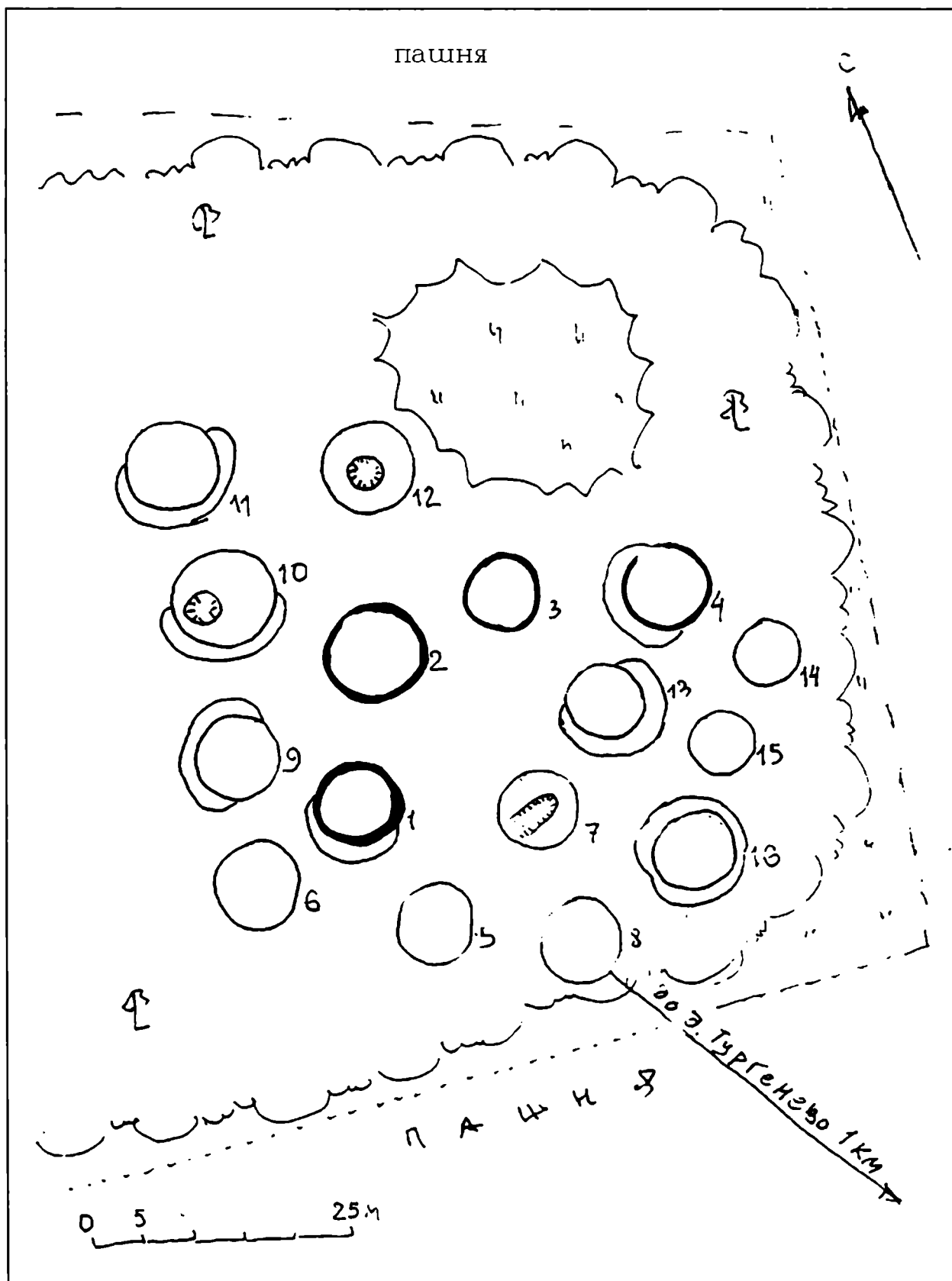

Рис. 5. Курганная группа Тургенево.
План Р. Л. Розенфельда

Таблица 1

Курганная группа	Количество курганов в группе, min (max)	Раскопано
Пузиково I	около 40 (более 100)	28
Пузиково II	7	2
Пузиково III	3	1
Пузиково IV	15 (17)	8
Тургенево	16 (32)	9
Сынково	5	3
Всего	86 (154)	51

Погребальная обрядность и инвентарь курганов

Особенности погребальной обрядности Москворецких курганов изучены в диссертации Н. Г. Недошивиной, что делает лишним подробное рассмотрение оснований для выделения основных групп погребений и их хронологической атрибуции. Принцип развития курганной погребальной обрядности от погребений в насыпи и на горизонте до обряда захоронения в подкурганных ямах прослежен не только для вятичских курганов, но и для большинства древнерусских погребений на территории Киевской Руси, и не подлежит сомнению (Недошивина, 1971; 1974).

В целом, в данных курганных группах все погребения совершены по обряду ингумации, преобладают захоронения на горизонте (кроме групп Пузиково III и Пузиково IV, где погребений на горизонте и в ямах насчитывается практически поровну), подавляющее большинство погребений ориентировано на запад, но встречаются и погребения с сезонными отклонениями (на С-З и Ю-З). Руки погребенных, как правило, вытянуты вдоль туловища (кроме групп Пузиково III и Пузиково IV, где преобладают погребения с одной или двумя руками, согнутыми в локтях и лежащими в районе груди или живота). Среди погребенных больше мужчин (25), женщин — 15; во впускных погребениях (всего 6) преобладают женщины (4), мужчин — 2. Довольно много захоронений (6), в которых пол погребенных установить не удалось.

В нашей работе датировки вещевых комплексов везде, за исключением случаев, оговариваемых отдельно, даны согласно хронологической

классификации Т. В. Равдиной (1975). В тех случаях, когда это было возможно, делалась попытка сравнения датировок погребальных комплексов из Пузиковских курганов с материалами городских раскопок (Лесман, 1990). Особое внимание уделялось внутренней относительной хронологии рассматриваемых курганов (в первую очередь это имеет особое значение для курганной группы Пузиково I, в которой известна большая часть рассматриваемых погребений, и где взаимосвязь погребальных комплексов наиболее вероятна). Помимо этого, с целью рассмотрения особенностей погребальных инвентарей в целом, был произведен анализ состава погребального инвентаря с точки зрения полноты наборов погребальных комплексов и разнообразия категорий, входящих в них вещей.

Самой многочисленной категорией, встречающейся в погребениях данных групп, являются височные кольца (рис. 6). Всего обнаружено 44 экз. в 11 погребениях. Наибольшее число колец было в погребении № 5 (по сведениям 1924 г.) группы Пузиково III и IV¹ (7 экз.).

В погребениях встречены семилопастные височные кольца пяти типов (III, IV, V, VI, XIII — по классификации Т. В. Равдиной), перстнеобразные проволоочные с заходящими концами и с одним завернутым концом. Перстнеобразные колечки относятся к числу универсальных украшений, очень широко распространенных не только на территории Древней Руси, но и у других славянских народов, и, соответственно, не могут служить хронологическим или этнически определяющим признаком (Нидерле, 2000. С. 269–271; Левашова, 1967. С. 15; Седова, 1981. С. 13). «В женских захоронениях довольно часты серебряные и бронзовые² перстневидные височные кольца, вплетавшиеся в волосы в виде цепочки. Чаще всего они встречаются в погребениях молодых женщин, девушек и девочек слева и справа на висках» (Сабурова, Седова, 1984. С. 114).

Кроме целых украшений, в ряде погребений были отмечены находки их обломков (следы разрушенных украшений) — лопастей и дужек семилопастных височных колец. (лопасти: 86-2-2 — 1 экз., 1-0-1 — 3 экз., 2-0-2 — 1 экз.; дужки: 24-0-4 — 1 экз., 27-0-7 — 1 экз.).

Семилопастные височные кольца III типа (рис. 6, 1) датируются первой четвертью XII в. и встречены в погребении 26-0-6 (1 экз.). Височные кольца IV типа (рис. 6, 2) датируются первой половиной XII в. и встречены в погребении 9-0-4 (1 экз.). Семилопастные височные кольца V типа

¹ Далее в тексте статьи курганы из этой группы будут указываться следующим образом: Пузиково III-IV-1924-№ 5.

² Характер сплава цветных металлов здесь и далее дается в соответствии с терминологией авторов раскопок.

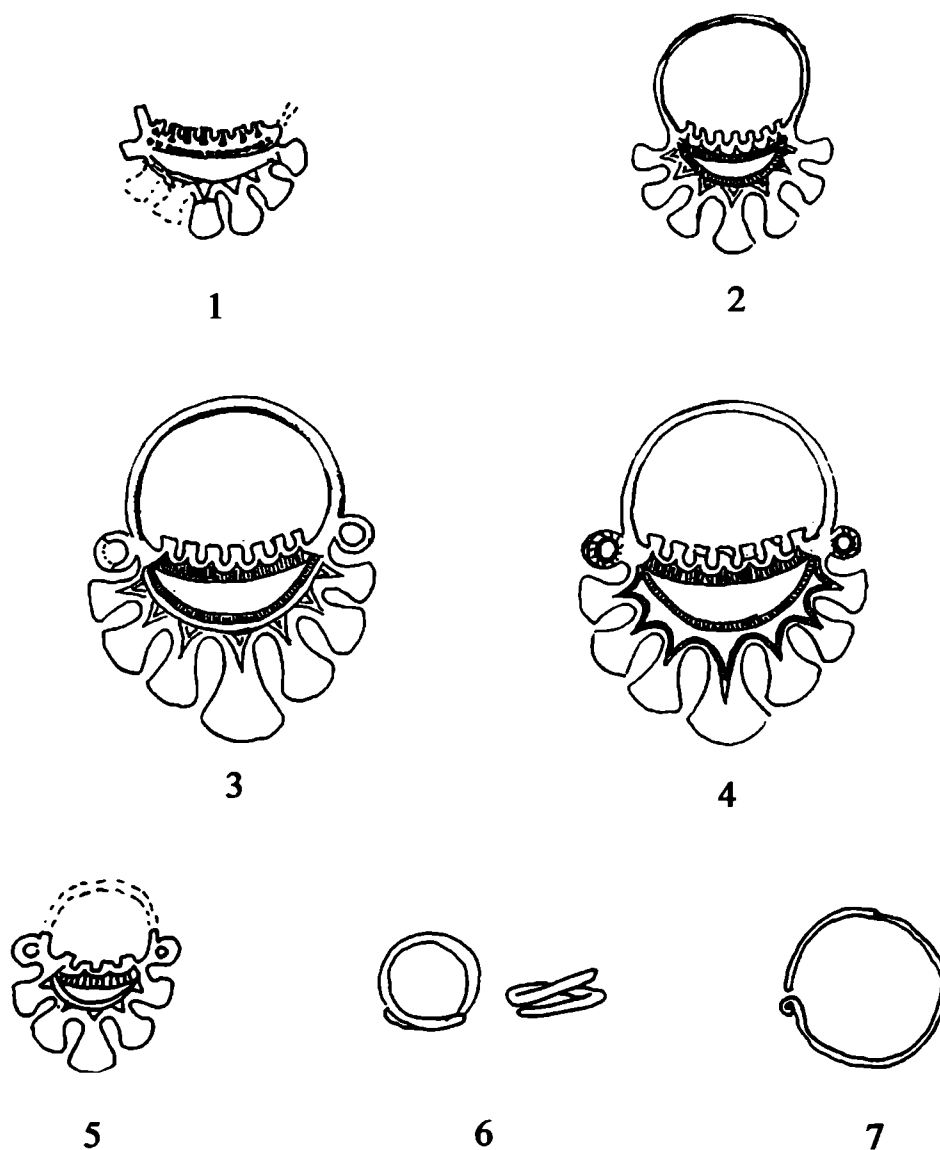

Рис. 6. Типы височных колец, встреченных в погребениях
(по классификации Т. В. Равдиной)

1 — тип III (26-0-6); 2 — тип IV (9-0-4); 3 — тип V (9-0-4; 24-0-4; 26-0-6; 27-0-7; 29-0-9);
4 — тип VI (1-0-1; 2-0-2; Пузиково III-IV-1924-№ 5; 8-0-3; 9-0-4; 12-0-1; 86-2-2; 87-3-3);
5 — тип XIII (12-0-1); 6 — перстнеобразное проволочное с заходящими концами (2-0-2;
Пузиково III-IV-1924-№ 1; 9-0-4; 12-0-1; 24-0-4; 87-3-3); 7 — перстнеобразное
проволочное с одним завернутым концом (24-0-4; 26-0-6; 27-0-7)

(рис. 6, 3) содержатся в погребениях 9-0-4 (1 экз.), 24-0-4 (4 экз.), 26-0-6 (5 экз.), 27-0-7 (5 экз.), 29-0-9 (1 экз.) и датируются концом второй четверти XII — третьей четвертью XII в. Наиболее часто встречающийся VI тип (рис. 6, 4) семилопастных височных колец (25 экз.) датируется третьей четвертью XII — серединой XIII в. Он был найден в следующих погребениях: 1-0-1 (1 экз.), 2-0-2 (2 экз.), Пузиково III-IV-1924-№ 5 (7 экз.), 8-0-3 (5 экз.), 9-0-4 (1 экз.), 12-0-1 (4 экз.),

86-2-2 (1 экз.), 87-3-3 (4 экз.). Семилопастное височное кольцо редкого XIII типа (рис. 6, 5) встречено в погребении 12-0-1 (1 экз.) и датируется узко — началом третьей четверти XII в.

Перстнеобразное проволочное перевитое сомкнутое височное кольцо встречено лишь однажды — в погребении 24-0-4. Перстнеобразные проволочные кольца с заходящими концами (рис. 6, 6) были найдены в погребениях 2-0-2 (1 экз.), Пузиково III-IV-1924-№ 1 (1 экз.), 9-0-4

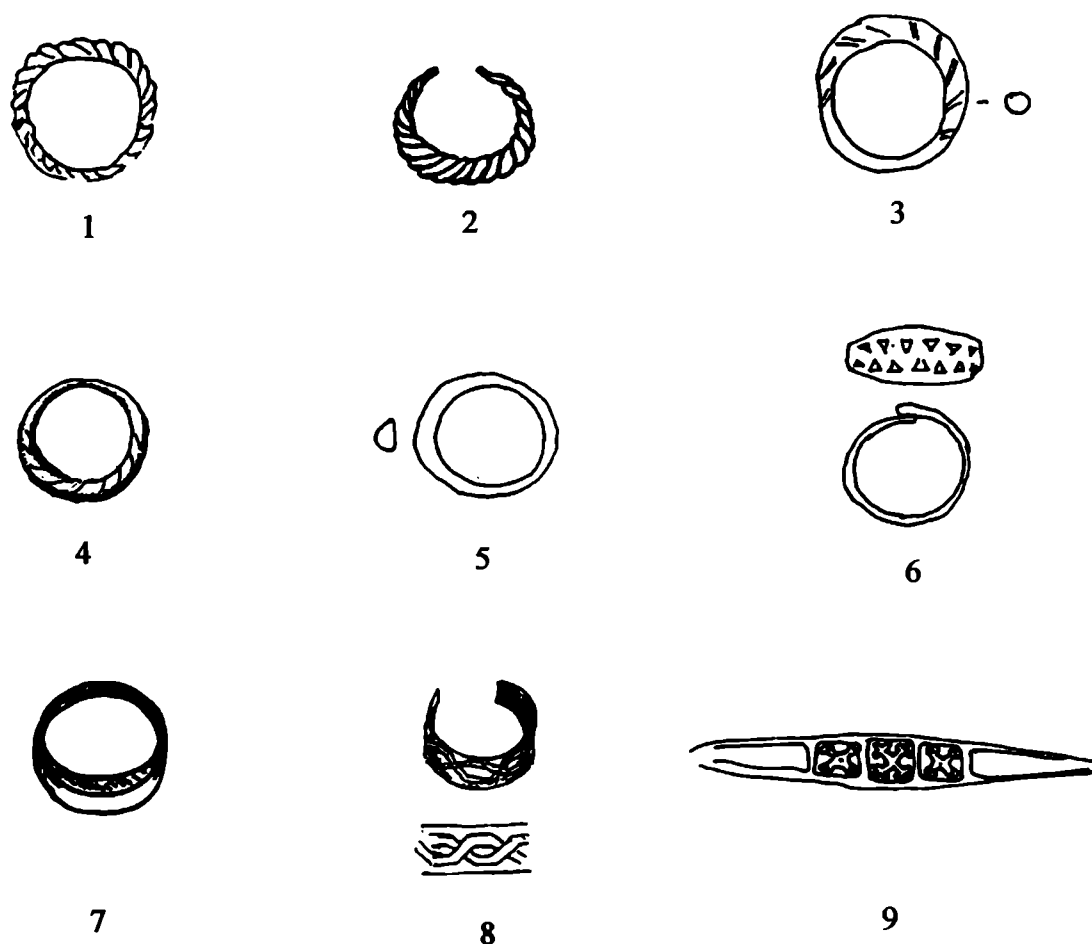

Рис. 7. Типы перстней, встреченных в погребениях

- 1 — витые с сомкнутыми концами (2-0-2; Пузиково III и IV, 1924, № 5; 27-0-7; 86-2-2);
 2 — витые с несомкнутыми концами (2-0-2; 9-0-4); 3 — ложновитые (24-0-4; 26-0-6);
 4 — рубчатые (2-0-2; 6-0-1; 9-0-4; 13-0-2; 27-0-7); 5 — дрововые (24-0-4; Пузиково I-1936-№ 1);
 6 — решетчатые (2-0-2; 12-0-1; 26-0-6; 85-1-1; 87-3-3; 88-4-4, Пузиково I — 1936 — № 1);
 7 — пластинчатые завязанные (Пузиково III-IV-1924-№ 5; 24-0-4; 26-0-6);
 8 — пластинчатые гравированные (8-0-3; 12-0-1; 26-0-6; 87-3-3);
 9 — ячейковые (12-0-1; 27-0-7)

(1 экз.), 12-0-1 (1 экз.), 24-0-4 (1 экз.), 87-3-3 (1 экз.). Последнее автором раскопок атрибутировано как мужская серьга овальной формы, но мы не видим доводов в пользу подобной атрибуции.

Перстнеобразные проволоочные височные кольца с одним завернутым концом представлены тремя экземплярами из погребений: 24-0-4 (1 экз.), 26-0-6 (1 экз.), 27-0-7 (1 экз.) (рис. 6, 7).

Следующей по численности категорией, встречающейся в погребениях данных групп, являются перстни (рис. 7). Всего обнаружено 37 экземпляров. Рубчатые простые, ложновитые и дрововые перстни были наиболее распространенными типами перстней у сельского населе-

ния Руси в XII-XIII вв. (Недошивина, 1967. С. 264). В Вятичской земле обнаружены такие типы перстней, которые не встречены в других районах. К ним следует отнести, прежде всего, многочисленные решетчатые перстни (Недошивина, 1967. С. 260). В рассматриваемых нами погребениях их также немало — восемь экземпляров из 7 погребений (рис. 7, 6). Они встречены в погребениях 2-0-2 (2 экз.), 12-0-1 (1 экз.), 26-0-6 (1 экз.), 85-1-1 (1 экз.), 87-3-3 (1 экз.), 88-4-4 (1 экз.), Пузиково I-1936-№ 1 (1 экз.) и датируются XII — первой половиной XIII в.

В рассматриваемых нами погребениях ложновитые перстни встречены в двух погребениях — 24-0-4 (2 экз.) и 26-0-6 (1 экз.) (рис. 7, 3); дро-

товые перстни (рис. 7, 5) — также в двух — 24-0-4 (1 экз.), Пузиково I-1936-№ 1.

Рубчатые перстни (рис. 7, 4) встречены в пяти погребениях: 2-0-2 (1 экз.), 6-0-1 (1 экз.), 9-0-4 (1 экз.), 13-0-2 (1 экз.), 27-0-7 (1 экз.) и датируются широко — началом XII — серединой XIII в.

Пластинчатые перстни — одна из наиболее распространенных находок в составе погребального инвентаря вятичских курганов — представлены 9 экземплярами в 7 погребениях. Первый вариант — пластинчатый завязанный (рис. 7, 7) — встречен в трех погребениях: Пузиково III-IV-1924-№ 5 (1 экз.), 24-0-4 (1 экз.), 26-0-6 (1 экз.). Датируется он последней четвертью XI — первой четвертью XII в. Второй вариант — пластинчатый гравированный (рис. 7, 8) — представлен семью экземплярами в четырех погребениях: 8-0-3 (2 экз.), 12-0-1 (1 экз.), 87-3-3 (3 экз.), 26-0-6 (1 экз.). Датируется последней четвертью XII — серединой XIII в.

Так называемые ячеиковые перстни, датируемые Т. В. Равдиной второй половиной XII в., представлены тремя экземплярами в двух погребениях — 12-0-1 (1 экз.) и 27-0-7 (2 экз.) (рис. 7, 9).

Еще одну группу перстней составляют витые. Витые перстни с несомкнутыми концами встречены дважды; в погребениях 2-0-2 (1 экз.) и 9-0-4 (1 экз.) (рис. 7, 2); витые перстни с сомкнутыми концами (рис. 7, 1) — пять раз в курганах 2-0-2 (1 экз.), Пузиково III-IV-1924-№ 5 (2 экз.), 27-0-7 (1 экз.) и 86-2-2 (1 экз.).

Наряду с перстнями, довольно многочисленную (16 экз.) категорию украшений составляют браслеты (рис. 8). Наиболее широко распространенные на территории вятичей витые браслеты, здесь представлены несколькими вариантами (1х3, 2х2, 2х3, 3х3).

Витые браслеты 1 х 3 встречены в погребении 12-0-1 (2 экз.) (рис. 8, 1); витые браслеты 2х2 встречены по одному экземпляру в каждом из следующих погребений: 2-0-2, 8-0-3, 9-0-4, 27-0-7, Пузиково I -1936 — № 2 (рис. 8, 2); витые браслеты 2х3 (рис. 8, 3) содержатся в погребениях 2-0-2 (1 экз.), 86-2-2 (1 экз.), 87-3-3 (2 экз.); витой браслет 3 х 3 (рис. 8, 4) нашли в погребении 86-2-2 (1 экз.) — он датирован второй четвертью XII — серединой XIII в.

Ложновитыми называются браслеты, имитирующие витые, но изготовленные в другой технике (как правило, литьем) (Левашова, 1967а. С. 224). Они представлены в рассматриваемых нами курганах в двух вариантах: — бронзовым ложновитым с несомкнутыми концами браслетом (погребение 1-0-1 (1 экз.); рис. 8, 5) и бронзовым проволочным браслетом с нанесенными на

него косыми насечками, найденном в том же погребении (1 экз.; рис. 8, 6).

Единичны находки пластинчатого загнутоконечного браслета (рис. 8, 7) — он происходит из погребения 24-0-4 (1 экз.), и пластинчатого тупоконечного (рис. 8, 8), содержащегося в погребении 29-0-9 (1 экз.). Последний датируется последней четвертью XI — первой четвертью XII в.

Плетеные на каркасе браслеты представлены здесь в своем пластинчатоконечном варианте. Очень часто с пластинчатоконечными браслетами, которые на сельских памятниках XII–XIII вв. в землях вятичей и кривичей являются обычной находкой, находят некогда украшавшие их щитки-накладки со вставками из стекла или пасты (Левашова, 1967а. С. 229). Именно такая накладка с незначительным фрагментом самого браслета была найдена в погребении 88-4-4 (рис. 8, 9).

Гривны были обнаружены в рассматриваемых нами курганах дважды (9-0-4 и 24-0-4; рис. 9, 1). Полужгутовые гривны с пластинчатым наконечником кузнечной сварки были распространены на протяжении всего XII в., но встречаются и в XIII в. (Фехнер, 1967. С. 73).

Две бронзовые гривны были найдены в женских захоронениях на горизонте. Обе женщины были в богатом уборе, гривны дополнялись в обоих случаях ожерельями из бус, семилопастными височными кольцами, перстнями разных типов. В одном погребении с гривной (24-0-4) также были встречены большой бубенчик со щелевидной прорезью и фрагменты кругового глиняного горшка, расположенного в ногах.

Пожалуй, самой многочисленной (по количеству) категорией украшений являются бусы (рис. 9, 2–8). Самая большая группа бус — сердоликовая, их учтено 125 экземпляров (из них одна бусина 16-гранная, 5 шаровидных с орнаментом, остальные 119 — бипирамидальные). Бипирамидальные бусы часто встречаются в древнерусских древностях на протяжении всего XII в. Особую группу составляют сердоликовые бусы с «белым» (по терминологии М. Д. Полубояриновой (1991. С. 30)) орнаментом в виде полосок у отверстий и пояса из соприкасающихся циркульных кружков. Сердоликовые бусы с похожим орнаментом известны в вещевых комплексах курганов XI–XII вв. (Фехнер, 1959. С. 115, 180. рис. 1, 10, 11). В нашем случае подобные бусы встречены лишь в одном погребении (24-0-4) в количестве 5 экз. (рис. 9, 3).

Учтено 84 бусины из горного хрусталя, одна из них — шестигранная (1-0-1), остальные — шарообразные (рис. 9, 5). А. В. Арциховский считал шарообразные хрустальные бусы в сочетании с сердоликовыми бипирамидальными

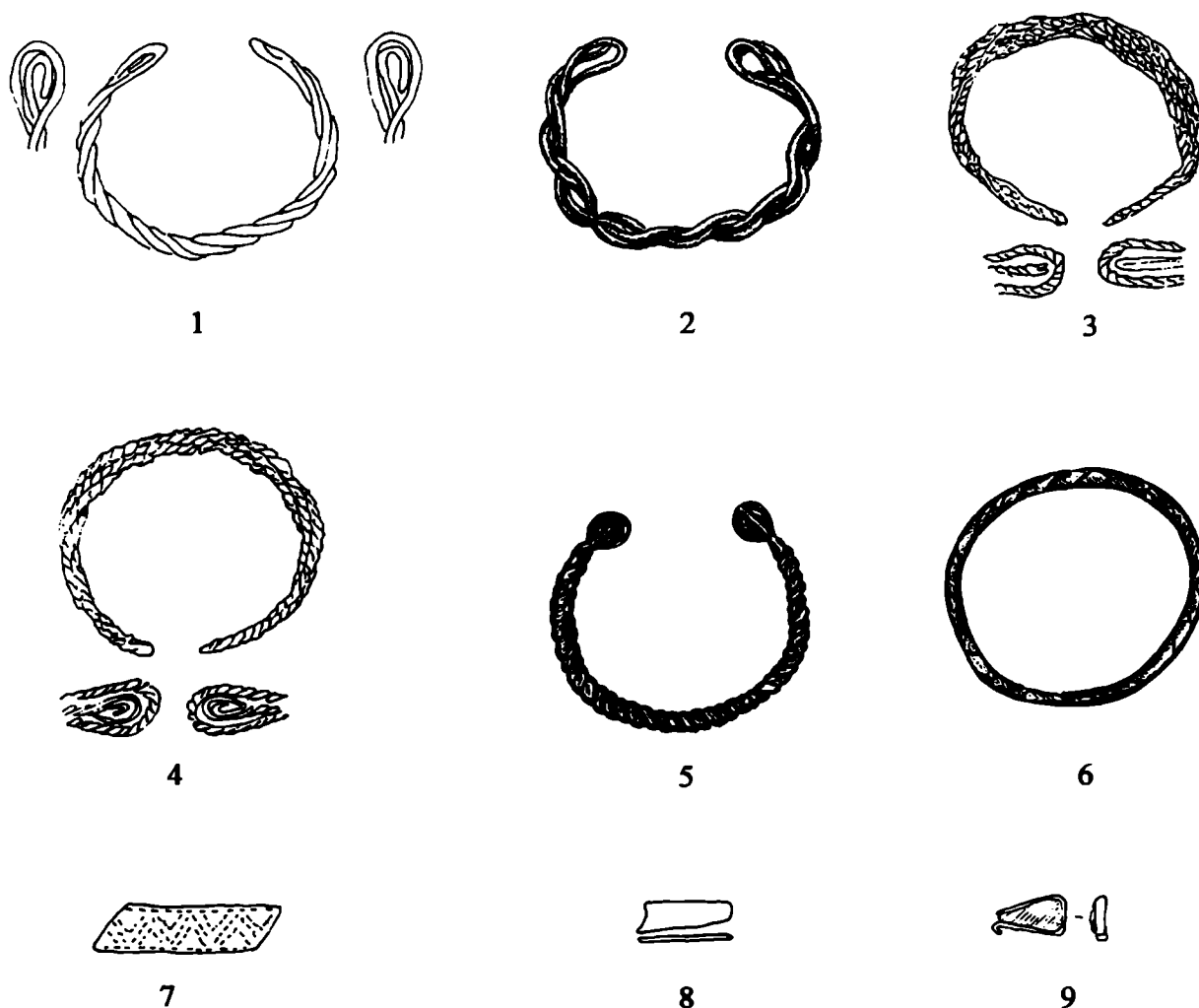

Рис. 8. Типы браслетов, встреченных в погребениях

1 — витой 1х3 (12-0-1); 2 — витой 2х2 (2-0-2; 8-0-3; 9-0-4; 27-0-7; Пузиково I-1936-№ 2); 3 — витой 2х3 (2-0-2; 86-2-2; 87-3-3); 4 — витой 3х3 (86-2-2); 5 — ложковитой с несомкнутыми концами (1-0-1); 6 — ложковитой (с косыми насечками) — (1-0-1); 7 — пластинчатый загнутоконечный (фрагмент) (24-0-4); 8 — пластинчатый тупоконечный (фрагмент) (29-0-9); 9 — плетеный с щитком-накладкой (фрагмент) (88-4-4)

ми (рис. 9, 2) племенным признаком вятичей (Арциховский, 1930. С. 39). Подобное сочетание встречено в рассматриваемых нами курганах в восьми случаях: погребения: 1-0-1, Пузиково III-IV-1924-№ 5, 9-0-4, 24-0-4, 26-0-6, 27-0-7, 87-3-3, 88-4-4. Они датируются второй четвертью XII — первой четвертью XIII в. В кургане 12-0-1 в вводном погребении хрустальные шарообразные бусы (4 экз.) были встречены без сопровождения сердоликовых, но в сочетании с двумя рыбовидными бусами синего стекла (рис. 9, 6).

Всего рыбовидных бусин было найдено 7 экз. в двух погребениях (2-0-2 и 12-0-1). Кроме них, были встречены стеклянные бусы других типов

(золотостеклянные — 1 экз. в одном погребении; шарообразные — 6 экз. в двух погребениях; зонные (рис. 9, 8) — 8 экз. в двух погребениях; бусы «типа крупного бисера» — 2 экз. в одном погребении).

В погребении 2-0-2 в ожерелье были нанизаны, помимо 6 сердоликовых бипирамидальных, 5 рыбовидных бусин синего стекла, 2 хрустальных шарообразных, 1 желтостеклянная шарообразная, 1 зонная бусина зеленого стекла и одна глиняная цилиндрическая. Желтостеклянные шарообразные бусины были встречены в погребении 9-0-4 в количестве 5 экз. вместе с 18 сердоликовыми бипирамидальными и 8 хрустальными шарообразными. Желтостеклянные шарообразные бусины

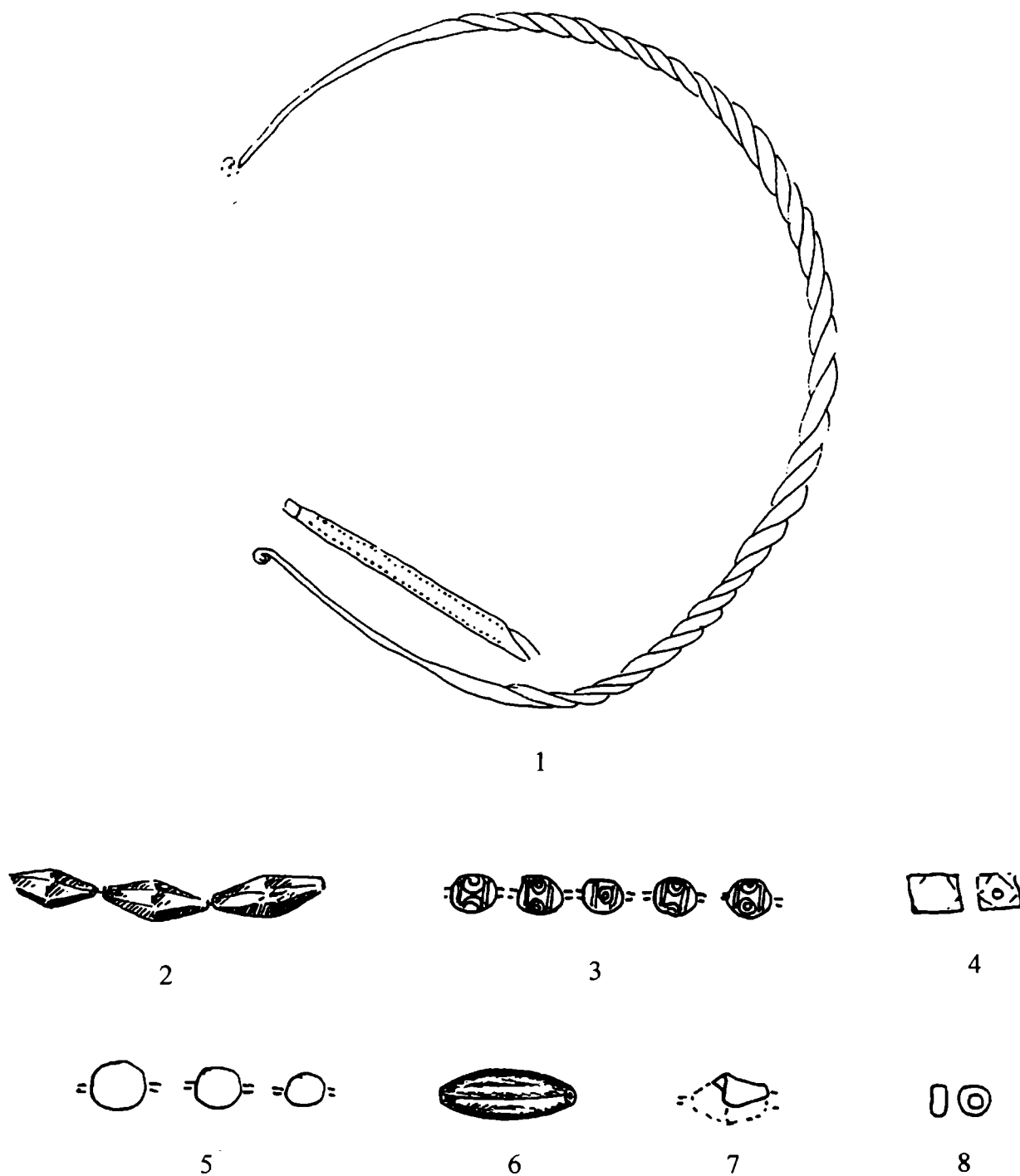

Рис. 9. Гривны и бусы из погребений

1 — гривна полужгутовая с пластинчатым наконечником (9-0-4; 24-0-4). Бусы: 2 — сердоликовые бипирамидальные (1-0-1; 2-0-2; Пузиково III-IV-1924-№ 5; 9-0-4; 24-0-4; 26-0-6; 27-0-7; 87-3-3; 88-4-4); 3 — сердоликовые с «белым» орнаментом (24-0-4); 4 — сердоликовые 16-гранные (87-3-3); 5 — хрустальные шарообразные (1-0-1; 2-0-2; Пузиково III-IV-1924-№ 5; 9-0-4; 12-0-1; 24-0-4; 26-0-6; 27-0-7; 87-3-3; 88-4-4); 6 — стеклянные рыбовидные (2-0-2; 12-0-1); 7 — стеклянные биконические (24-0-4); 8 — стеклянные зонные (2-0-2; 8-0-3)

А. В. Арциховским датируются XII–XIII вв., Ю. Л. Щапова отнесла их ко второму варианту шарообразных бус и датировала по новгородскому материалу концом XI — началом XIII в. (Арциховский, 1930. С. 140; Щапова, 1956. С. 165). Зонная бусина зеленого стекла может быть датирована XII в. (Щапова, 1956. С. 169).

В погребении 8-0-3 были найдены шесть стеклянных бусин серого оттенка и одна зонная бусина синего стекла. Зонные бусины синего стекла у вятичей встречаются в XII в., в Новгороде это второй вариант зонных бус и датируются они XII — серединой XIII в. (Арциховский, 1930. С. 30; Щапова, 1956. С. 167). Стекланные бусы серого оттенка, возможно, раньше имели фиолетовый оттенок, в таком случае они датируются XII — первой половиной XIII в. (по новгородской стратиграфии) (Щапова, 1956. С. 169).

В погребении 87-3-3 в ожерелье, помимо сердоликовых бипирамидальных (4 экз.) и хрустальных шарообразных (5 экз.), было интересное сочетание одной золотостеклянной, одной 16-гранной сердоликовой бусины (рис. 9, 4) и 2-х бусин типа крупного бисера. Время существования золотостеклянных бус определяется как X–XI вв., а желтый бисер существует с X — по начало XII в. (Щапова, 1956. С. 173). В состав ожерелья из погребения 24-0-4 входила биконическая стеклянная бусина, более нигде в этих курганах нами не встреченная, и небольшая бронзовая пронизка. Подобные ей бронзовые спиральки-пронизки были зафиксированы в Акатовском могильнике, который датирован Н. Г. Недошивиной серединой — второй половиной XII в. (Недошивина, 1974. С. 35).

Но, если все выше перечисленные категории относятся к разряду украшений, характерных, в основном, для женского костюма, то поясные кольца, ременные разделители и пряжки представляют собой основной набор погребального инвентаря мужских захоронений (рис. 10).

В рассматриваемых нами курганах была найдена одна лировидная «узловатая» пряжка — бронзовая литая пряжка с овальным приемником, орнаментированным пуансонным орнаментом (23-0-3; рис. 10, 2), датируемая Т. В. Равдиной второй половиной XII — началом последней трети XIII в. Близкая аналогия этой пряжке, найденная в Новгороде, датируется М. В. Седовой широко: второй четвертью XII — началом XIV в. (Седова, 1981. С. 144. рис. 56, 8). В том же погребении была найдена кольцевидная бронзовая пряжка. «Обыкновенные гладкие поясные кольца, служившие для приторачивания к поясу различных предметов, имеют всегда круглую форму и обыкновенно не орнаментированы.

Весьма вероятно, что подобные кольца могли также заменять собою поясную пряжку. Иногда к ним приделывали язычок и тем кольцо превращали в пряжку» (Ивановский, 1896. С. 27. Табл. VIII. № 4). Подобные пряжки были встречены в курганах Санкт-Петербургской губернии, датируемых XI–XII вв.

В основном (мужском) погребении кургана 86-2-2 была также найдена пряжка, интерпретируемая автором раскопок, как «бронзовая накладная пряжка без язычка от сумки» (Розенфельдт, 1976. С. 5) (рис. 10, 3). Аналогичная ей пряжка, происходящая из слоев XII–XIII вв. из усадьбы «А» («двор ювелира») Старой Рязани, трактуется авторами раскопок как книжная застежка (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 288. Табл. 60, 3).

Еще одна пряжка была найдена в погребении Пузиково I — 1936 — № 1, но определить ее тип не представляется возможным, так как она происходит из раскопок Б. А. Рыбакова, чертежи, рисунки и вещи из которых не сохранились.

Непременной частью поясного набора, реконструируемого по мужским погребениям, наряду с пряжками были и поясные кольца, которые широко представлены в рассматриваемых нами курганах (24 экз.). Обычно они литые — из меди или бронзы, но встречены и железные кольца. В сечении имеют форму круга или овала, реже — уплощенные. Подобные кольца встречены во всех слоях новгородского культурного слоя, с X по XV в. (Седова, 1981. С. 152). Железные поясные кольца круглого сечения встречены в погребениях 12-0-1 (2 экз.) и 85-1-1 (2 экз.), они расположены попарно справа и слева в зоне тазовых костей.

Бронзовые поясные кольца круглого сечения составляют наибольшую группу найденной поясной гарнитуры (11 экз.), расположены почти всегда попарно в зоне тазовых костей в следующих погребениях: 1-0-1 (2 экз. малого диаметра), Сыново № 2 (2 экз.), 6-0-1 (2 экз.), 23-0-3 (1 экз.), Пузиково I-1936-№ 1 (1 экз.), Пузиково I-1936-№ 4 (1 экз.), 86-2-2 (2 экз.) (рис. 11, 4). Уплощенные поясные кольца из бронзы (рис. 10, 5) были найдены в погребениях 21-0-1 (1 экз.), 23-0-3 (два поясных кольца в основном и одно — во вводном погребении).

Большинство колец (19) — гладкие, неорнаментированные. Однако встречены три кольца, украшенные литым орнаментом (рис. 10, 6) (1-0-1 (2 экз.) и 18-0-7 (1 экз.)), аналогии им из новгородских раскопок описаны М. В. Седовой: «поясные кольца, украшенные рисунком в виде растительного вьюна, характерного для орнаментики домонгольского периода», там они датируются XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 152). Такие же кольца отмечены в публикации мордов-

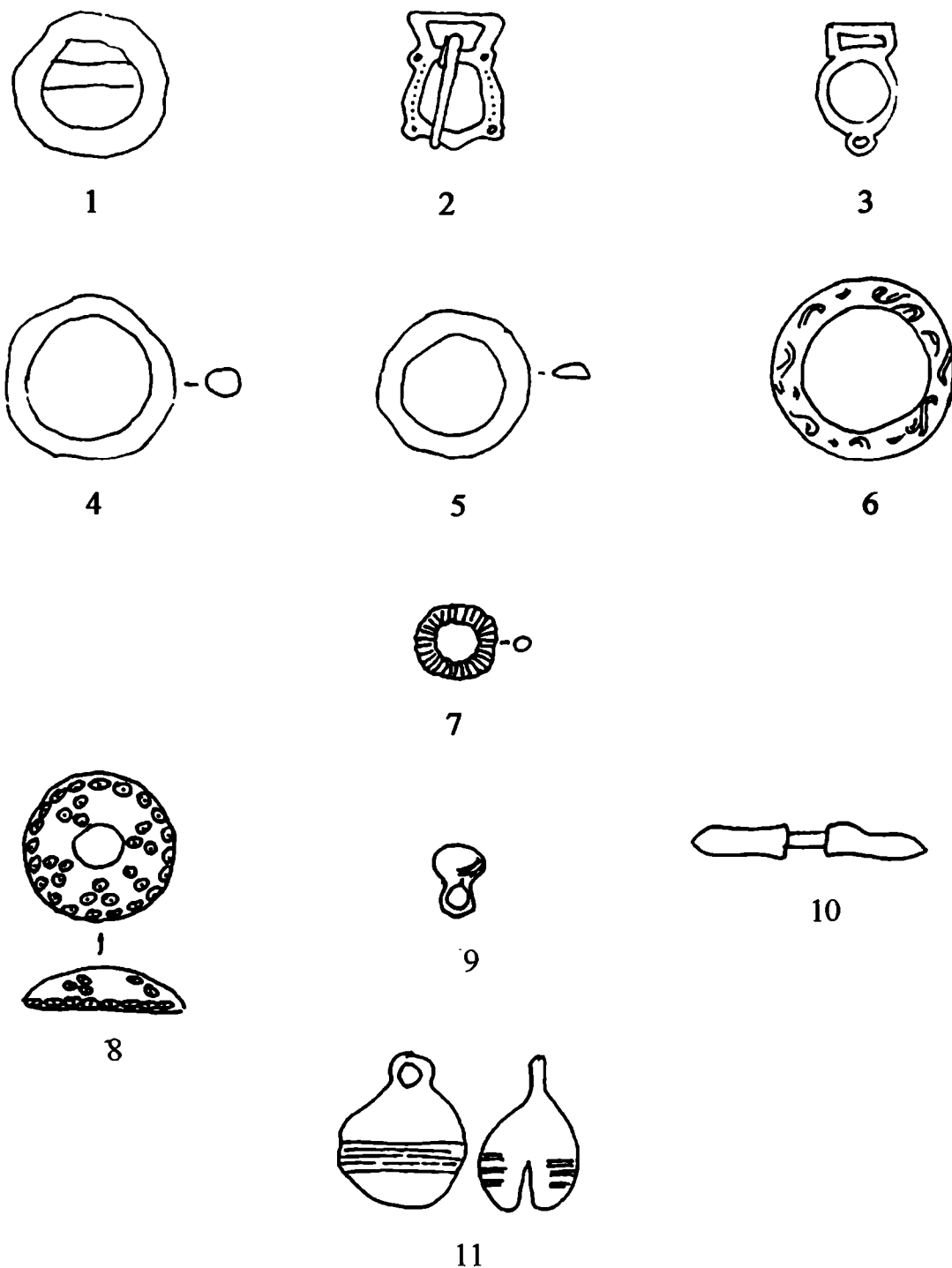

Рис. 10. Типы вещей из поясного набора,
а также пуговиц и бубенчиков, встреченных в погребениях

1 — пряжка кольцевая бронзовая (23-0-3); 2 — пряжка лировидная «узловатая» (23-0-3); 3 — пряжка (?) (86-2-2); 4 — кольцо поясное круглого сечения (1-0-1; 6-0-1; 12-0-1; 23-0-3; Пузиково I-1936-№ 1, Пузиково I-1936-№ 4; 86-2-2; Сырково, № 2); 5 — кольцо поясное уплощенное (21-0-1; 23-0-3); 6 — кольцо поясное с орнаментом «вьюна» (1-0-1; 18-0-7); 7 — кольцо поясное (?) — (21-0-1; 23-0-3); 8 — пуговица костяная с циркульным орнаментом (21-0-1); 9 — пуговица бронзовая грушевидной формы с ушком (21-0-1); 10 — пуговица бронзовая палочковидная (23-0-3); 11 — бубенчик шаровидный с линейной прорезью (6-0-1; 23-0-3 — впускное и основное); 24-0-4; Пузиково III-IV-1924-№ 5; Сырково, № 2)

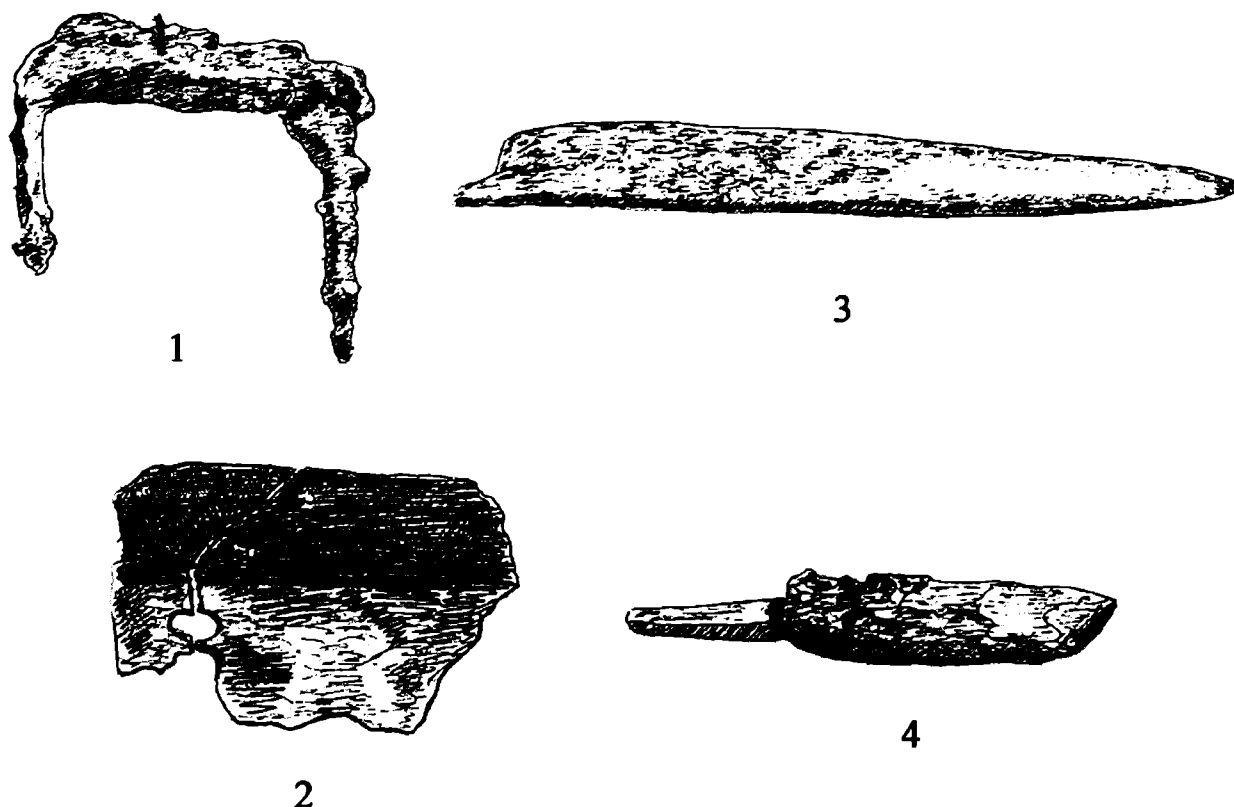

Рис. 11. Предметы быта из погребений

1, 2 — фрагменты «шкатулки» (Пузиково III-IV-1924-№ 5; Сырково, № 2); 3 — кочедык (Сырково, № 2); 4 — фрагмент железного черешкового ножа (13-0-2; 65-1-1; 68-1-1; 85-1-1; 86-2-2; Сырково, № 2)

ского могильника Выползово II (погр. 3), датированного также XII-XIII вв. (Мартынов, 1988. Табл. V, 23, 29).

Дважды в погребениях были встречены медные рубчатые, скорее всего, поясные кольца (рис. 10, 7). Они содержатся в курганах первой Пузиковской группы, расположенных поблизости друг от друга (21-0-1 (1 экз.) и 23-0-3 (1 экз. из основного погребения)). В этих же погребениях, совершенных в ямах, были найдены пуговицы — бронзовые (2 экз.) и костяная (1 экз.). В погребении 21-0-1 в зоне таза лежало две пуговицы (рис. 10, 8, 9): костяная в виде усеченного конуса, украшенная циркульным орнаментом, и бронзовая грушевидной формы, с ушком, которая была вложена в отверстие костяной пуговицы. Подобные пуговицы датируются М. В. Седовой очень широко: в Новгороде они встречены в слоях XII-XV вв. (Седова, 1981. С. 155). Еще одна бронзовая пуговица палочковидной формы (рис. 10, 10) располагалась в зоне груди основного погребения кургана 23-0-3.

Следующей категорией вещей, встреченной только в мужских погребениях (за одним исклю-

чением в вводном женском погребении кургана 13-0-2), являются железные черешковые ножи (рис. 11, 4) (погребения: Сырково № 2, 23-0-3 (оба погребения), 65-1-1, 68-1-1, 85-1-1, 86-2-2). Ножи расположены на костяке острием вниз в зоне тазовых костей. Сложно что-либо сказать о форме ножей, так как в большинстве случаев они имели крайне плохую сохранность. В нескольких случаях удалось проследить ножны (Сырково № 2) и следы деревянной рукоятки (23-0-3 — основное погребение).

В том же погребении, где был найден нож в ножнах, находился еще один хозяйственный инструмент — «костяное орудие из ребра животного, зашлифованное с одной стороны» (Липеровская, 1924. С. 70) — вероятно, кочедык (Арциховский, 1930. С. 96; Левашева, 1959. С. 56. рис. 5) (рис. 11, 3).

Помимо ножей и инструментов в могилах встречается большое количество украшений, положенных рядом с костяками в качестве дара. «Первое место среди них принадлежит перстням, но встречаются также другие украшения: височные кольца, браслеты, бубенчики» (Недо-

шивина, 1974. С. 113). Бубенчики со щелевидной прорезью (рис. 10, 11) найдены в шести погребениях (по одному экземпляру в каждом). Временем их наибольшего распространения является XII в (Мальм, Фехнер, 1967. С. 137). Как правило, они располагаются в ногах погребенного (6-0-1, 23-0-3 (вводное), Сынковое № 2, Пузиково III-IV-1924-№ 5) или в зоне тазовых костей (23-0-3 (основное), 24-0-4) преимущественно в мужских погребениях, но есть и исключения (Пузиково III-IV-1924-№ 5 и 24-0-4) — это погребения женщин, захороненных на горизонте с большим количеством сопровождающего погребального инвентаря.

К амулетам можно отнести кремневые наконечники стрел или копий (Недошивина, 1974. С. 144). В первой Пузиковской курганный группе (раскопки Б. А. Рыбакова, курган № 4) был найден кремневый наконечник копья у правой ноги мужского костяка на материке. Рядом около кисти левой руки лежал железный крючок неизвестного назначения.

Рядом с погребенными находят и другие самые разнообразные предметы. А. В. Арциховский отмечает находки деревянных «укладок»¹, скрепленных медной проволокой или окованных железом (Арциховский, 1930. С. 102). Деревянные «шкатулки» были найдены в двух погребениях в курганных группах Сынковое (курган № 2) и Пузиково III-IV-1924-№ 5. В своем отчете Е. Н. Липеровская, копавшая Сынковскую группу, обозначила свою находку как «остатки деревянной шкатулки с железными частями. Хотя деревянные стенки не сохранились, но по линии тлена удалось восстановить ее прямоугольную форму и размеры (31 x 14,5 см), кроме высоты» (Липеровская, 1924. С. 21) (рис. 11, 1, 2). В том же, 1924, году А. Я. Брюсов в женском погребении кургана № 5 (группа Пузиково III и IV) обнаружил «обломки деревянной чашки, состоящей из нескольких кусков дерева, пригнанных друг к другу и скрепленных медными скрепами из тонкой витой вдвое проволоки» (Брюсов, 1924. С. 7). Однако в отчете Липеровской, в связи со шкатулкой, найденной ею в Сынковской группе, упоминается находка Брюсова и указывается, что обнаружена «такая же вещь даже в лучшей сохранности, и можно было заметить, что сделана эта шкатулочка не из прямых, а из выдолбленных кусков дерева, сцепленных медной проволокой» (Липеровская, 1924. С. 21). Возможно, вариант этого обряда мы можем наблюдать в Выжумском III могильнике в марийском Повол-

жье. Здесь одной из особенностей погребального обряда как мужских, так и женских захоронений является обычай ставить котелки в ногах погребенных, а в котелках помещать деревянные чашки или берестяные туески (Архипов, 1986. С. 12).

Как отмечал еще А. В. Арциховский, горшки найдены в очень многих вятических погребениях: как мужских, так и женских (Арциховский, 1930. С. 95). Керамика в рассматриваемых нами курганах была представлена двумя формами круговых сосудов — горшками и мискообразными сосудами, называемым в отчетах просто мисками. Горшки встречены в шести погребениях: как в мужских, так и в женских; как в ямных, так и расположенных на горизонте, и в одном случае — находившимся в насыпи. Как правило, сосуды несут на себе линейный, реже волнистый орнамент, но есть и неорнаментированные экземпляры. В погребении Пузиково III-IV-1924-№ 2 у берцовой кости правой ноги мужчины, лежавшего в яме, находился расколотый глиняный горшок, отнесенный Т. В. Равдиной ко второй половине XII в., а в заполнении могилы были встречены отдельные осколки керамики (Равдина, 1991. С. 12, 78, Табл. 15, 3). В кургане 24-0-4 в женском захоронении на горизонте фрагменты кругового горшка с линейным орнаментом находились в районе бедер погребенной и на месте стоп ног. Целый глиняный горшок с линейным орнаментом и клеймом на днище был найден в кургане 26-0-6 в основном погребение, также расположенном на горизонте. В этом случае горшок находился в головах у женщины, помимо него, в ногах были осколки от еще одного глиняного горшка с линейным орнаментом. В кургане 28-0-8 погребение, расположенное на горизонте, было сильно разрушено: обнаружены лишь бедренная кость и раздавленный горшок с линейным орнаментом. В кургане 65-1-1 третьей Пузиковской группы в захоронении на горизонте у левой ноги погребенного (пол не удалось установить, но, судя по инвентарю, это был мужчина) лежал раздавленный круговой горшок с линейным орнаментом и осколки разбитого горшка. Рядом у правой ноги находился железный нож очень плохой сохранности. Погребение 68-1-1 в четвертой Пузиковской группе было совершено в неглубокой могильной яме. У левой ноги мужского костяка стоял небольшой круговой горшок с волнистым орнаментом. В этом же погребении около левого бедра погребенного был обнаружен железный черешковый нож и в головах железный гвоздь (вероятно, от крышки гроба).

¹ «Укладка — сундук, коробья, корбейка, ларец, шкатулка, в т. ч. уборная укладочка — туалетный прибор в ларчике» (Даль, 1955. С. 482).

Мискообразные сосуды найдены в двух женских погребениях. Одно (Пузиково III-IV-1924-№ 5) расположено на горизонте и содержит богатый инвентарь, который включает в себя семь семилопастных височных колец, ожерелье из 30 бус, два витых и один пластинчатый перстень, «шкатулку», бронзовый бубенчик с линейной прорезью и глиняную миску, стоявшую у правой ноги погребенной. Миска, как и глиняный горшок из погребения Пузиково III-IV-1924-№ 2, отнесена Т. В. Равдиной ко второй половине XII в. (Равдина, 1991. С. 12, 78, Табл. 15, 4).

Второе женское погребение (12-0-1) расположено в насыпи. Кости практически не сохранились, но количество инвентаря в погребении можно оценить как превышающее средний показатель. Женское погребение сопровождали четыре семилопастных и одно пятилопастное височное кольцо, перстнеобразное височное колечко с остатками ткани и тесьмы из шерсти под кольцами, шесть бусин, два плетеных браслета и три пластинчатых перстня. Глиняная миска с линейным орнаментом и клеймом на дне стояла в ногах погребенной.

Отдельные фрагменты глиняных сосудов были найдены в погребениях Пузиково III-IV-1924-№ 3, Пузиково III-IV-1924-№ 4, Пузиково III-IV-1924-№ 7, 6-0-1. В первых трех случаях это были мужские погребения, совершенные в яме, безынвентарные, сопровождаемые лишь отдельными фрагментами керамики. В погребении Пузиково III-IV-1924-№ 4 восемь осколков глиняного горшка были обнаружены на 50 см выше погребения. Погребение 6-0-1 также было мужским. Погребенный лежал на горизонте, в гробу (прослежены остатки гроба), сопровождаемый двумя поясными кольцами, бронзовой пряжкой с фрагментом ткани, у правой ноги найден бубенчик с кусочком кожи, а у левой — бронзовый рубчатый перстень и черепок с линейным орнаментом.

Возможно, отдельные фрагменты керамики, встречающиеся в погребениях, можно связывать с обрядом «битья посуды», который, по мнению Н. Г. Недошивиной, был широко известен впоследствии в русской погребальной и свадебной обрядности (Недошивина, 1974. С. 47).

При работе с археологическими коллекциями ГИМ нами был обнаружен горшок ручной лепки из копавшихся А. Я. Брюсовым курганных групп вблизи д. Пузиково (инв. № 56112). К сожалению, данные полевых отчетов не позволяют отнести его ни с одним сосудом из известных нам по документам.

В курганах были найдены мелкие фрагменты ткани и кожи. Ткань прослежена в четырех по-

гребениях: Сынковое № 2, 6-0-1, 8-0-3, 12-0-1 (вводное). В мужском погребении в курганной группе Сынковое фрагмент ткани был найден вместе с бубенчиком с линейной прорезью, а в погребении 6-0-1 — с бронзовой пряжкой, находящейся в области тазовых костей погребенного. В погребениях курганов 9-0-4 и 12-0-1 фрагменты ткани и шерстяной тесьмы были обнаружены под височными кольцами погребенных. По интерпретации М. Н. Левинсон-Нечаевой, ткань, найденная в погребении 9-0-4, представляла собой пять фрагментов шерстяной, тканной на дощечках тесьмы с разноцветными оттенками, которые когда-то были оторочкой одежды (Левинсон-Нечаева, 1959. С. 13, рис. 12, 7).

Фрагменты кожи также встречены в четырех погребениях: 6-0-1, 21-0-1, 22-0-2 (основное), 86-2-2 (основное). В погребении 6-0-1 остатки кожи найдены в ногах вместе с бронзовым линейнопрорезным бубенчиком и рубчатым перстнем, положенными в качестве «дара». В основных погребениях курганов 22-0-2 и 86-2-2 довольно значительные фрагменты кожи обнаружены в ногах погребенных, и, вероятно, являются остатками кожаной обуви. В кургане 21-0-1 обрывок кожи найден у затылочной кости черепа. Возможно, это были остатки какого-то головного убора, однако восстановить его форму не представляется возможным.

При анализе сопровождающего инвентаря нами было выделено пять зон расположения вещей на погребенном: *зона головы, зона шеи и груди, зона рук, зона живота и таза и зона ног*. Все вещевые комплексы из рассмотренных погребений по количеству предметов и размещению их по зонам можно условно разделить на три группы:

1) *ниже среднего уровня*: включает в себя безынвентарные погребения, и погребения, сопровождающий инвентарь в которых находится только в одной зоне для мужчин, и в двух зонах для женщин;

2) *средний уровень*: в двух или трех зонах в мужских погребениях и в трех зонах в женских;

3) *выше среднего уровня*, то есть превышающий средний показатель: в четырех зонах в мужских погребениях и четырех — пяти зонах в погребениях женских.

Для женских погребений характерно богатство инвентаря в погребениях на горизонте. В ямных погребениях зафиксировано два случая, превышающих средний показатель. В целом женские погребения в ямах сопровождаются инвентарем, по количественному показателю не превышающему средний уровень.

В мужских погребениях мы можем наблюдать следующую ситуацию: погребения на горизонте

сопровождаются инвентарем, по количественному показателю ниже или не превышающему средний уровень. В ямных же погребениях нами зафиксировано по одному случаю всех трех групп, но в более поздний период преобладают безынвентарные погребения.

Итак, нами были рассмотрены все категории находок, присутствующие в погребениях, и основания для датирования каждого погребения. Опираясь на полученные данные, мы попытались определить приблизительные датировки каждой отдельной группы (в тех случаях, когда количество раскопанных погребений позволяет говорить о могильнике в целом).

Таблица 2

Курганная группа	Количество погребений в группе*	Дата
Пузиково I	24 (17)	нач. XII — сер. XIII в.
Пузиково II		
Пузиково III	10 (3)	2-я пол. XII в.
Пузиково IV		
Тургенево	4 (4)	2-я треть XII — сер. XIII в.
Сынково	—	—

* В скобках указано то количество погребений, которое удалось датировать.

Подводя итоги, следует отметить, что в процессе работы были замечены некоторые особенности, характерные для погребений из курганов бассейна Рогожки, возможно, отличающие их, от основного массива вятичских погребальных памятников. Однако, отсутствие сравнительного фона (рассмотренных подобным же образом в рамках микрорегионов локальных групп памятников) не позволяет в настоящий момент говорить ни о степени распространенности этих особенностей, ни о значимости сделанных наблюдений. Они могут оказаться следствием неполноты сведений о ситуации в конкретных группах, поскольку значительная часть погребений остается не изученной.

Особенностями группы погребальных памятников, расположенных по берегам Рогожки являются:

— преобладание в рамках существующей выборки захоронений на горизонте: 28. 6 захоронений — впускные погребения, остальные 12 со-

вершены в ямах. Всего учтена 51 насыпь с 46 погребениями, 11 курганов оказались или «пустыми», или кости в них просто не сохранились (см. табл. 3);

— большой процент безынвентарных погребений и «пустых» курганов (распределение по группам и размещение в пределах групп);

— важнейшим моментом, характеризующим особенности погребальной обрядности рассматриваемых памятников, является наличие среди основных погребений, совершенных на горизонте, таких, которые по набору погребального инвентаря могут быть отнесены к завершающему этапу бытования курганного обряда захоронения. Такая ситуация отмечена для трех женских погребений, содержавших достаточное количество датирующих вещей.

Погребение 8-0-3 из курганных групп Пузиково I и II, раскопанное Е. Н. Липеровской в 1924 г. Погребенную сопровождали следующие вещи: 5 семилопастных височных колец VI типа (датируются третьей четвертью XII — серединой XIII в.), 1 витой проволоочный браслет 2x2 (по Арциховскому относится ко второй стадии), 2 пластинчатых гравированных перстня (последней четверти XII — середины XIII в.), а также ожерелье из 7 бус (в погребении 8-0-3 были найдены шесть стеклянных бусин серого оттенка и одна зонная бусина синего стекла). Зонные бусины синего стекла у вятичей встречаются в XII в., в Новгороде это второй вариант зонных бус и датируются они XII — серединой XIII в. Стеклянные бусы серого оттенка, как уже говорилось, раньше могли иметь фиолетовый оттенок, в таком случае они датируются XII — первой половиной XIII в. (по новгородской стратиграфии). В целом, погребение можно датировать не ранее второй половины XII в., а исходя из наличия в погребении височных колец VI типа и пластинчатых перстней с гравированным орнаментом, наиболее вероятной представляется датировка последней третью XII в. и позже.

Погребение 87-3-3 из курганной группы Тургенево, раскопанное Р. Л. Розенфельдом в 1976 г., принадлежало женщине 30–40 лет. Погребение содержало 4 семилопастных височных кольца VI типа (датируется третьей четвертью XII — серединой XIII в.), 1 перстнеобразное проволоочное колечко, 2 витых проволоочных браслета 2x3 (относятся к третьей стадии по А. В. Арциховскому), 3 пластинчатых гравированных перстня последней четверти XII — середины XIII в. и 1 решетчатый перстень (XII — первая половина XIII в.), а также ожерелье из бус. В нем к традиционным сердоликовым бипирамидальным (4 экз.) и хрустальным шарообразным (5 экз.)

Таблица 3

Курганная группа	Кол-во курганов в группе, min (max)	Раскопано	Безынвентарные	Пустые	Погребения		
					на горизонте	в яме	впускные
Пузиково I	около 40 (более 100)	28	7	5	17	7	5
Пузиково II	7	2	—	—			
Пузиково III	3	1	2	—	5	4	—
Пузиково IV	15 (17)	8		—		1	—
Тургенево	16 (32)	9	—	5	4	—	1
Сынково	5	3	1	1	2	—	—
Всего	86 (154)	51	10	11	28	12	6

бусам, по встречаемости друг с другом датированным второй четвертью XII — первой четвертью XIII в., было добавлено интересное сочетание одной золотостеклянной, одной 16-гранной сердоликовой бусины и 2-х бусин типа крупного бисера. Время бытования золотостеклянных бус определяется X–XI вв., а желтый бисер существует с X по начало XII в. Исходя из всего состава комплекса, находку золотостеклянной бусины следует, по-видимому, оценивать как попавшую в более поздний, относительно основного периода ее бытования контекст. Данное погребение, так же как и предыдущее, можно датировать временем не ранее последней трети XII в.

Погребение 88-4-4, также из курганной группы Тургенево, раскопанной Р. Л. Розенфельдом в 1976 г. В районе шеи погребенной было найдено ожерелье из 8 бус (2 сердоликовых бипирамидальных и 6 хрустальных шарообразных). Как уже было сказано, подобное сочетание датируется второй четвертью XII — первой четвертью XIII в. На месте кисти правой руки был найден обломок решетчатого перстня, датирующегося XII — первой половиной XIII в., и фрагмент плетеного браслета со щитком-накладкой со вставкой из стекла или пасты. Т. В. Равдиной появление таких браслетов в курганах вятичей относится ко времени не ранее конца XII в. (Равдина, 1975. Табл. 8). На основании сказанного погребение можно датировать концом XII — первой половиной XIII в.

Интересно, что Н. Г. Недошивина считает плетеные браслеты со стеклянными вставками на концах и витые браслеты 2х3 характерными для ямных погребений и ни разу не встречены в погребениях на горизонте (Недошивина, 1974. С. 60).

Возможно, к числу погребений на горизонте, совершенных во второй половине XII в., отно-

сится какое-то количество малоинвентарных захоронений, которые не могут быть датированы достаточно узко (2 погребения).

Таким образом, среди важнейших особенностей погребального обряда курганных кладбищ бассейна р. Рогожки следует отметить длительность бытования обряда погребений на горизонте. Это подтверждается не только наличием погребений с инвентарем среднего и выше среднего уровня, дающим надежные основания для датирования, но и косвенно — довольно большим количеством (10) безынвентарных погребений, совершенных на горизонте, так как малоинвентарность по бытующим сейчас представлениям — поздний признак.

К важным моментам характеристики погребальной обрядности, рассматриваемых памятников следует отнести сосуществование обряда захоронения на горизонте и в яме.

Таблица 4

Курганная группа	На горизонте (3)	В яме (3)	Дата
Пузиково I-II	8-0-3	2-0-2	2-я пол. XII в.
-//-	24-0-4	23-0-3	не позднее 2-й трети XII в.
Пузиково III-IV	№ 5	№ 2	2-я пол. XII в.

При этом факт возникновения практики погребения в ямах не на завершающем этапе существования курганных групп подтверждается наличием вводного погребения в насыпи (курган-

ная группа Пузиково I, 23-0-3), где основное погребение (не позднее второй трети XII в.) совершено в яме (2,12х0,64х0,25 м).

Наиболее ранние материалы, происходящие из курганов на Рогожке, позволяют говорить о начале возведения насыпей не ранее первой трети XII в. К числу наиболее ранних находок, происходящих из разных погребений, кроме уже упоминавшейся золотостеклянной бусины, можно отнести височные кольца III и IV типов (по Т. В. Равдиной, семилопастные височные кольца III типа датируются первой четвертью XII в. и встречаются в погребении 26-0-6 (1 экз.); височные кольца IV типа датируются первой половиной XII в. и встречаются в погребении 9-0-4 (1 экз.)), широкосрединные перстни с завязанными концами (встречены в трех погребениях: Пузиково III-IV-1924-№ 5 (1 экз.), 24-0-4 (1 экз.), 26-0-6 (1 экз.) и датируются последней четвертью XI — первой четвертью XII в.).

Среди наиболее интересных находок, которые могут быть отнесены к числу сравнительно ранних, лепной горшок из Пузиковских курганов, обнаруженный А. Я. Брюсовым во время раскопок 1924 г. К сожалению, как мы уже упоминали ранее, данные полевых отчетов не позволяют нам соотнести его ни с одним сосудом в погребениях, раскопанных этим исследователем, из известных нам по документам.

Не смотря на возможные ранние датировки отдельных находок, использовать их для обоснования даты погребений, как правило, можно только с большими оговорками, поскольку все они найдены в различных погребениях, в комплексах с вещами, датирующимися более поздним временем и, по-видимому, представляют собой пример долгого использования вещей, переживающих основную период своего бытования.

Итак, из 8 курганных групп, упоминаемых в числе располагавшихся по берегам Рогожки, нами рассматривались 6 (Пузиково I, II, III, IV, Сырково, Тургенево), поскольку об остальных двух (Хрястолово 1, 2) не сохранилось никакой достоверной информации. Общее число насыпей в рассматриваемых курганных группах, если ориентироваться на архивные материалы,

достигает 86 (или 154), из которых 51 изучена раскопками.

Одной из основных задач, при проведении исследования, было упорядочение разрозненных и часто неточных в описании архивных материалов. Основное внимание обращалось на состояние археологических отчетов. Состояние этих источников различное. Большинство старых отчетов страдает целым рядом неточностей. Для довоенных исследований характерны раскопки «колодцем» (исключение — раскопки Б. А. Рыбакова). Из 51 учтенной нами насыпи 22 раскопано «колодцем», соответственно, 29 — на снос послойно. Описания раскопанных курганов не всегда содержат всю необходимую информацию о погребальном обряде и составе сопровождающего инвентаря, но, в целом, существующие архивные материалы позволяют составить относительно полное представление о характере обряда и наборе инвентаря раскопанных погребений.

Было установлено, что наиболее достоверными в настоящий момент можно считать материалы разведочных работ Р. Л. Розенфельдта, указавшего близкое к реальному положение курганных групп на местности. Однако, как показали недавние разведочные работы, и к его данным нужно относиться с осторожностью, так как в них замечены неточности.

При анализе состава и особенностей погребального инвентаря были подробно рассмотрены все категории находок, присутствующие в погребениях (46 погребений), выделены основания для датировки каждого отдельного погребения и могильников в целом (в тех случаях, когда это позволяет количество раскопанных в группе погребений).

Важным итогом проделанной работы можно считать выявление своеобразия рассмотренной группы памятников, проявляющееся в сравнительно долгом бытовании обряда погребения на горизонте, что документируется целым рядом погребений по набору вещей датируемых временем не ранее последней трети XII столетия. Возможно, подобная ситуация связана с архаичностью погребальной обрядности на территории, значительно удаленной от региональных городских центров.

Таблица 5. Соответствие номеров курганов и курганных групп по отчетам исследователей

Сплошная нумерация, принятая в данной работе	Номер кургана в группе	Номер кургана по отчетам	Памятник. Исследователь, год раскопок
1	0	1	Пузиково I–II. А. Я. Брюсов, 1924
2	0	2	
3	0	3	
4	0	4	
5	0	5	
6	0	1	Пузиково I–II. Е. Н. Липеровская, 1924
7	0	2	
8	0	3	
9	0	4	
10	0	?	Год и автор раскопок неизвестен
11	0	1	Пузиково I. А. А. Юшко, 1968
12	0	1	Пузиково I. Р. Л. Розенфельдт, 1972
13	0	2	
14	0	3	
15	0	4	
16	0	5	
17	0	6	
18	0	7	
19			Снесены бульдозерами в 1976 г.
20			
21	0	1	Пузиково I. Р. Л. Розенфельдт, 1977
22	0	2	
23	0	3	
24	0	4	
25	0	5	
26	0	6	
27	0	7	
28	0	8	
29	0	9	
30–64			Входят в группы Пузиково I и II
65	1	1	Пузиково III. Р. Л. Розенфельдт, 1972
66	2		Входят в группу Пузиково III — раскопаны ранее «неизвестно кем»
67	3		
68	1	1	Пузиково IV. Р. Л. Розенфельдт, 1977

69	2		Пузиково III и IV. В этой группе в 1924 г. А. Я. Брюсов раскопал 7 курганов, но не оставил общего плана группы. И хотя мы имеем данные глазомерной съемки этой группы 1977 г., соотнести их с данными о раскопанных Брюсовым курганах не представляется возможным
70	3		
71	4		
72	5		
73	6		
74	7		
75	8		
76	9		
77	10		
78	11		
79	12		
80	13		
81	14		
82	15		
83	16		
84	17		
85	1	1	Тургенево. Р. Л. Розенфельдт, 1976
86	2	2	
87	3	3	
88	4	4	
89	5		Входят в курганную группу Тургенево (данные глазомерной съемки 1976 г.)
90	6		
91	7		
92	8		
93	9		
94	10		
95	11		
96	12		
97	13		
98	14		
99	15		
100	16		
Курганы не вошедшие в общий список ввиду отсутствия планов групп			
		1	Сынково. Е. Н. Липеровская, 1924
		2	
		3	
В курганной группе Тургенево П. А. Дмитриев раскопал 5 курганов (вещи и костяки не обнаружены)			
В курганной группе Пузиково I Б. А. Рыбаков раскопал 4 кургана (вещи и чертежи не сохранились)			

Литература

- АКР. Московская область Ч. 1. Подольский, Домодедовский р-ны. М., 1994.
- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Архипов Г. А., 1986. Марийцы XII–XIII веков (к этнокультурной истории Повятлужья). Йошкар-Ола.
- Богданов А. П., 1879. Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. // ИОЛЕАЭ. Т. XXXV (Т. 3. Ч. 3). М.
- Богоявленский С. К., 1947. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. № 7.
- Брюсов А. Я., Городцов М. В., Липеровская Е. Н., 1923. Отчет о разведках, произведенных студентами ФОН 1-го МГУ В Воскресенском и Подольском уездах, Московской области в 1923 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 95.
- Брюсов А. Я., Дмитриев П. А., Смирнов А. П., Фосс М. Е., 1924. Отчет о раскопках А. Я. Брюсова, Дмитриева П. А., Смирнова А. П., Фосс М. Е. в 1924 г. в Московской губ., Московский и Подольский уезды // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 174.
- Все Подмосковье. Географический словарь. М., 1967.
- Даль В., 1955. Толковый словарь. Т. IV. М.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Дмитриев П. А., 1924. Результаты археологических раскопок в 1924 В. А. Городцова и его учеников-студентов. Тетр. 1. Дневник раскопок д. Тургенево Подольского уезда, Добрятинской вол., Московской губ. с 18 по 20 июля 1924 г. // Архив ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 61.
- Ивановский Л. К., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова // МАР. № 20. СПб.
- Кельсиев А., 1885. Краткий очерк современного положения вопроса о курганах Московской губернии // Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной. М.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Левашева В. П., 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.
- Левашова В. П., 1967а. Браслеты // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Левашова В. П., 1967б. Височные кольца // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Левинсон-Нечаева М. Н., 1959. Ткачество // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.
- Липеровская Е. Н., 1924. Отчет о раскопках А. В. Арциховского, М. А. Арсаковой, Е. Н. Липеровской и В. П. Левашевой в Московском и Подольском уездах, Московской губернии в 1924 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 175.
- Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Привески-бубенчики // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Мартынов В. Н., 1988. Археологические памятники мордвы конца I — начала II тысячелетия в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Вып. 85. Саранск.
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Недошивина Н. Г., 1971. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Недошивина Н. Г., 1974. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв. / Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Недошивина Н. Г., 1997. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Тр. ГИМ. Вып. 93. М.
- Нидерле Л., 2000. Славянские древности. М.
- Полубояринова М. Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей / Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмоскowie // МК. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1962. Отчет об исследовании археологических памятников на территории Московской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2432.
- Розенфельдт Р. Л., 1972. Отчет об археологических работах в Подольском и Домодедовском районах Московской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4907.
- Розенфельдт Р. Л., 1976. Отчет о раскопках курганной группы, расположенной у с. Тургенево Домодедовского района Московской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6379.
- Розенфельдт Р. Л., 1977. Отчет о раскопках курганов в курганных группах у д. Пузиково и с. Ивановское Подольского района Московской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6922.
- Рыбаков Б. А., 1936. Отчет Б. А. Рыбакова о раскопках курганов близ дер. Пузиково, Подольского района, Московской области в 1936 г. // Архив ИИМК РАН. № 283.
- Саблин М. А., 1879. Перечень курганов Московской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. XXXV. М.
- Сабурова М. А., Седова М. В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.
- Фехнер М. В., 1967. Шейные гривны // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М.—Л.
- Юшко А. А., 1968. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3707.

Гончарный горн у села Бахтеево в Раменском районе Московской области

При обследовании территории бывшей Гжельской волости (ныне входящей в Раменский район Московской области) с целью выявления и исследования материальных остатков, существовавших ранее керамических производств, автором в 1996 г. близ села Бахтеево было открыто селище с частично сохранившимся глинобитным сооружением, конструкция которого схожа с гончарным горном.

Площадка селища находится в 100 м юго-восточнее села Бахтеево, на южном склоне песчаной возвышенности, восточная и юго-восточная части которой уничтожены карьером по добыче песка (рис. 1). Культурный слой селища (светло-серая супесь, насыщенная отдельными мелкими фрагментами белоглиняной керамики, мощностью 20–30 см)¹ был отмечен в северо-западной стенке карьера и прослеживался на про-

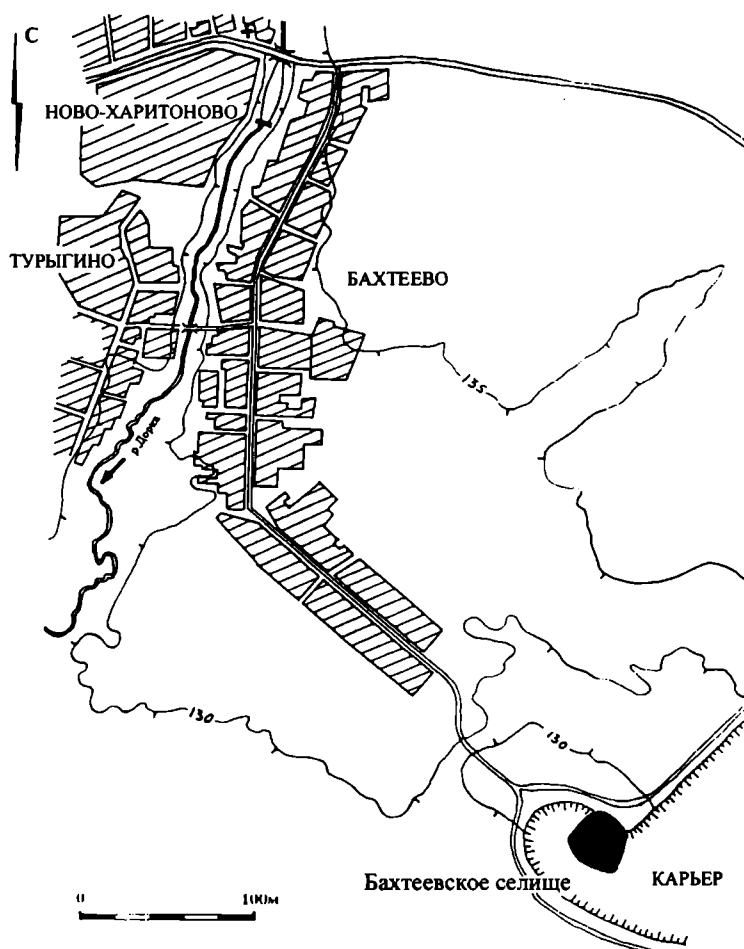

Рис. 1. Расположение Бахтеевского селища

¹ По сведениям, полученным от местных жителей, склоны этой возвышенности до образования здесь песчаного карьера распахивались.

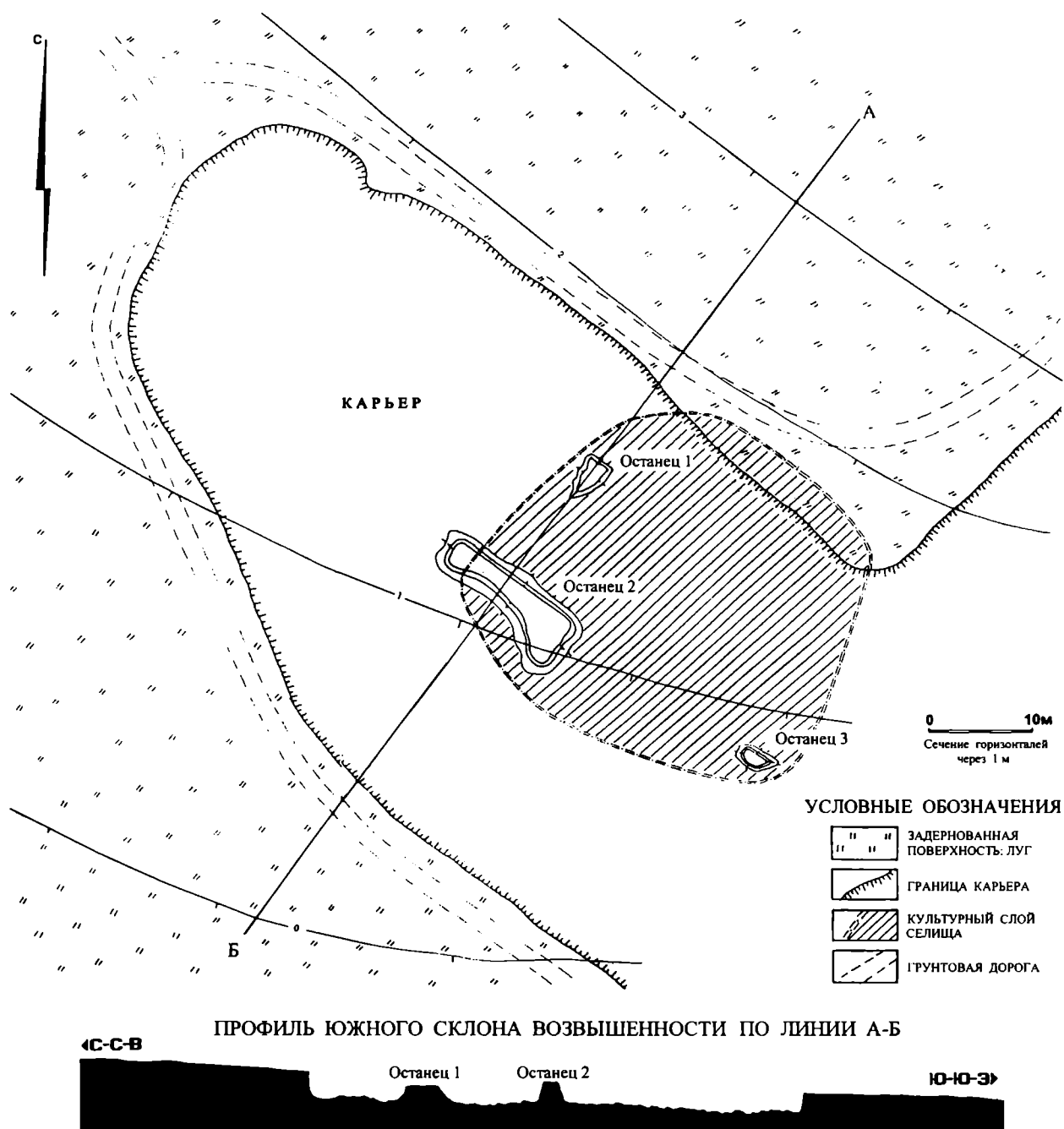

Рис. 2. Бахтеевское селище. План

тяжении 30 м. К юго-западу от этого места культурный слой был уничтожен выборкой песка, но, судя по его наличию на сохранившихся внутри карьера трех материковых песчаных останцах, входивших ранее в площадь селища, он продолжался примерно еще на 28 м (рис. 2).

На материковом останце 1, треугольным в плане, с культурным слоем мощностью от 20 до 40 см, прослеживались и были расчищены остатки четырех стенок сооружения из красной обожженной глины (рис. 3, А, Б, В, Г).

Стенка А (высота — 35–40 см, толщина — около 15 см) с внутренней стороны сооружения имела сильно обгорелую, черного цвета, поверхность, явно подвергавшуюся прямому воздействию огня.

Стенка Б (высота — 35 см, толщина — 18–20 см) со стороны стенки А имела также сильно обгорелую (черного цвета) поверхность. Но со стороны стенки В на ее поверхности следов воздействия огня не было.

Пространство между стенками А—Б было за-

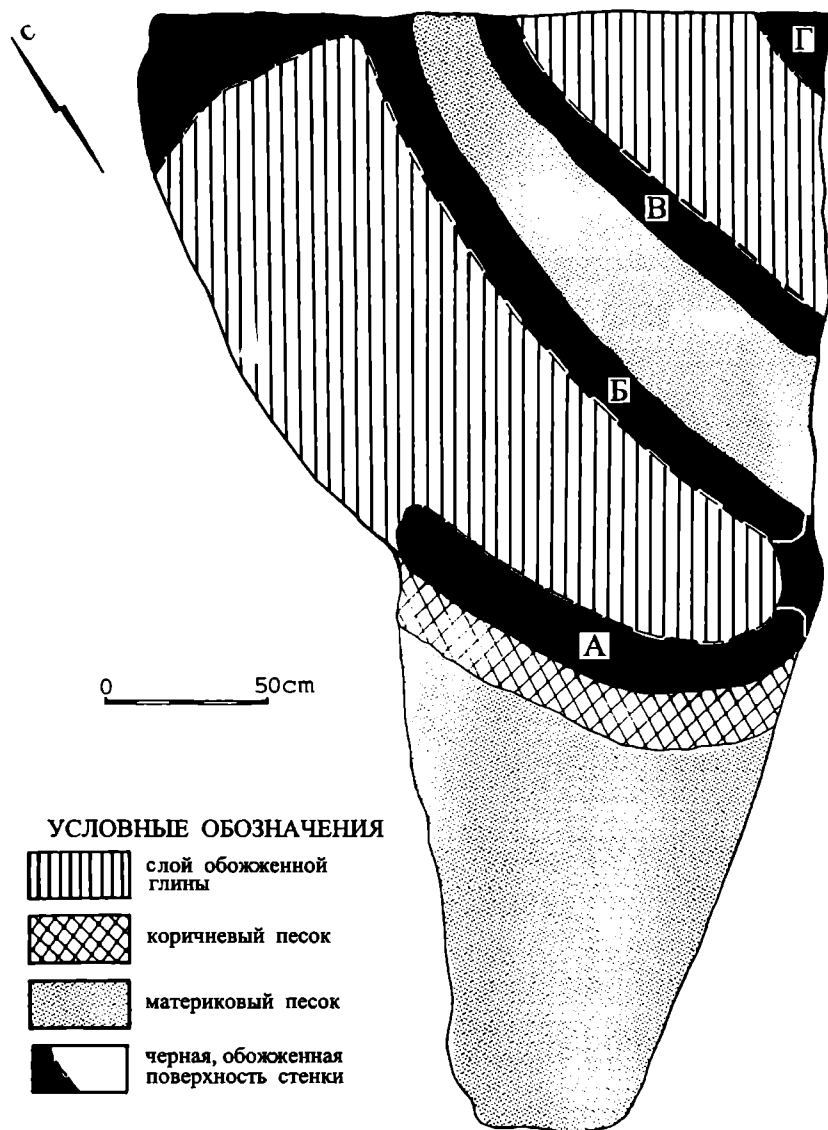

Рис. 3. Останец 1. План сооружения

полнено светло-серой супесью, обожженной глиняной крошкой (осыпь стенок) и угольками. На уровне материкового песка всю площадь покрывал тонкий (1–2 см) слой темно-коричневой (почти черной) спекшейся глины с остеклованной поверхностью. Ниже лежащий материковый песок мощностью до 10 см имел прокаленный красный (охристый) цвет, характерный для высокотемпературного воздействия.

Стенка В (высота — 30–32 см, толщина — 15–17 см) со стороны стенки Б не подвергалась воздействию огня, со стороны же стенки Г ее поверхность была обгорелая, черного цвета.

Пространство между стенками Б—В в северо-

ро-восточной части было заполнено обожженной красноглиняной крошкой (осыпь стенок Б и В). Заполнением юго-восточной части являлась светло-серая супесь с обожженной красноглиняной крошкой и фрагментами керамики. Здесь на уровне материкового песка слоя обожженной глины не было, как в пространстве между стенками А—Б; материковый песок имел естественный светло-желтый цвет.

Стенка Г сохранилась в виде небольшого фрагмента (высота 15 см, толщина — 30 см). Она также подвергалась воздействию огня и имела обожженную, черного цвета, поверхность.

Пространство между стенками В—Г в верх-

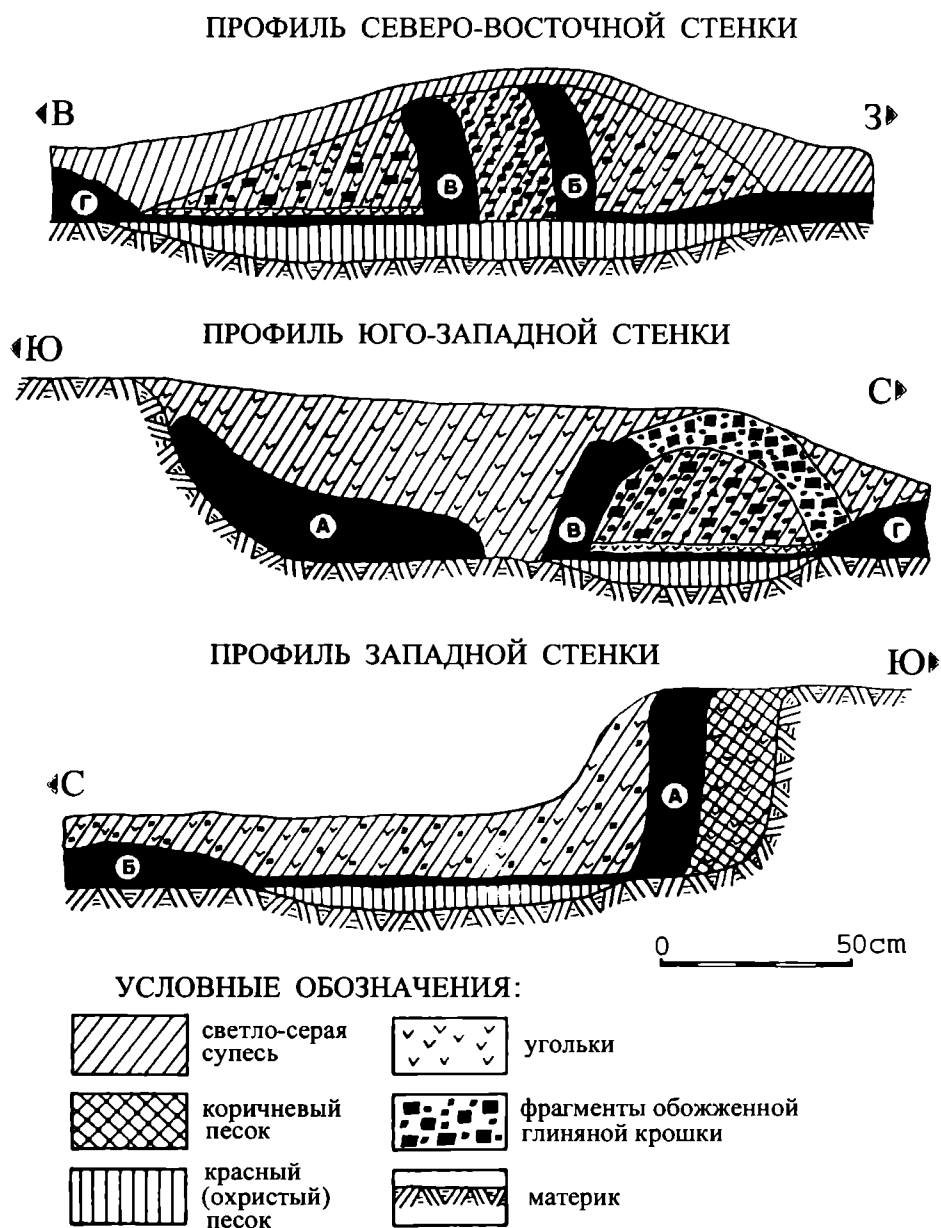

Рис. 4. Останец 1. Профили стенок

нем горизонте было заполнено крупными красноглиняными и белоглиняными фрагментами сооружения, имеющими с внутренней стороны вогнутую заглаженную поверхность. Эти фрагменты в юго-восточном профиле останца 1 залегали в виде арочного свода между стенками В—Г (рис. 4). Под ними заполнение составляла обожженная красноглиняная крошка со светло-серой супесью и керамикой. Здесь же находился развал белоглиняной корчаги. В нижнем горизонте заполнения залегала углистая прослойка мощностью 3 см и на материковом песке, между основаниями стенок В—Г,— тонкий (1–2 см) слой темной спекшейся глины с остеклованной поверх-

ностью. Материковый песок под слоем спекшейся глины имел на глубину до 10 см ярко-красный охристый цвет.

Сооружение, исходя из сопоставления отметок уровня дневной поверхности и материка останцев 1 и 2, а также северо-восточной и юго-западной стенок обрыва карьера, было заглублено в материковый песок примерно на 1,2–1,3 м и, по-видимому, являлось остатками округлого в плане (диаметром 2 м) гончарного горна, имевшего коническую форму, с двумя отдельными топочными камерами: западной (пространство между стенками А—Б) и восточной (пространство между стенками В—Г).

Схожий по расположению и конструкции горн был осмотрен и описан в 1920-х годах Б. А. Куфтиным в Воскресенском уезде Московской губернии. Он представлял собой вырытую в верхней части холма овальную яму (2х3х1,5 м), стенки которой были обмазаны глиной или выложены кирпичом. Топка с отверстиями, ведущими в камеру обжига, выкладывалась кирпичом. Верхняя, открытая часть, горна выходила на дневную поверхность, а топка — на склон холма, где расчищалась небольшая площадка, прикрытая дощатым навесом. Таким горном пользовались обычно летом, обжигая зимой посуду в печи в доме (Куфтин, Россова, 1928. С. 26–27).

Керамический материал, собранный в ходе расчистки горна, включал 1345 фрагментов, принадлежавших пяти формам сосудов: горшкам, кувшинам, корчагам, мискам и сковородам. Значительная их часть находилась в заполнении топочных камер горна. Все посудные формы, за исключением одного красноглиняного горшка, были изготовлены из беложгущейся глины. Формовка сосудов, судя по фрагментам днищ с подсыпкой песка, производилась на ручном гончарном круге. По качеству глины (содержание песка, цвет поверхности), технологии изготовления (приемы формовки, обработка внешней поверхности, качество обжига), а также морфологическим признакам (размеры, профилировка, декор) собранная керамика в целом однородна и одновременна. Элементы декора нанесены горизонтально двумя способами: прочерчиванием (линии, волна и др.) и наколом (точки-ямки). Декор на сосудах расположен от середины горла до уровня максимального диаметра формы.

Изучение керамического материала показало, что собранные фрагменты относятся к 26 горшкам, 23 кувшинам, 1 корчаге, 5 мискам и 4 сковородам. Горшки имели диаметр венчика от 14 до 28 см, максимальный диаметр тулова от 16,5 до 33 см, и снабжались двумя типами венчиков:

а) со слабоотогнутой шейкой и округлым (иногда уплощенным) утолщением по внешнему краю (рис. 5, 1, 2, 4, 5);

б) с прямой, высокопоставленной шейкой и округлым утолщением по внешнему краю (рис. 5, 3).

В декоре горшков использовалось два элемента: линия (зона из нескольких линий с различным интервалом между ними) и волна (одинарная, растянутая или сжатая), нанесенные на шейке венчика, по плечу и стенкам. Преобладали горшки с декором из нескольких горизонтальных линий, нанесенных по плечу (табл. 1).

Таблица 1
Взаимовстречаемость элементов декора
и места нанесения

Элемент декора	Место нанесения			Всего
	шейка венчика	плечико	стенка	
Прямая линия	—	6	1	7
Волна	1	2	—	3
Всего	1	8	1	10

Некоторые горшки иногда изготавливались и из красножгущейся глины. Один подобный фрагмент, найденный в заполнении горна, в пространстве между стенками В—Г, имел слабоотогнутую шейку с округлым утолщением по внешнему краю и был декорирован прямыми линиями по стенке (рис. 5, 2). На плечике в одном месте нанесен знак в виде квадрата с пересекающимися внутри диагоналями.

Значительную группу составляли фрагменты кувшинов (венчики горловин, ручки, декорированные стенки), относившиеся, судя по ручкам, к 23 сосудам. Кувшины имели невысокую (7–8 см) широкую горловину (диаметр 10–15 см), верхний край которой был либо слабоотогнут и имел округлое утолщение с внешней стороны, либо резко отогнут, уплощен, со скругленным (или острым) краем и округлым налетом с внешней стороны.

Кувшины изготовлены на ручном гончарном круге методом ленточного налета (полосы шириной 5–6 см) с последующим заглаживанием поверхности сосуда с внешней стороны. Следы стыка лент хорошо видны на внутренней стороне некоторых фрагментов стенок кувшинов.

Ручки кувшинов изготавливались двух типов (по сечению):

а) овальная, либо круглая (средний размер — 2,5х1,3 см), с продольными или косыми наколами (или без них) по внешнему изгибу (35 % фрагментов ручек) (рис. 6, 3);

б) плоская, прямоугольная в сечении (средний размер — 4,4х0,7 см), с продольными или косыми наколами (иногда без них) по внешнему изгибу (65 % фрагментов ручек) (рис. 6, 1).

Кувшины с широкими ручками (б) известны в Москве с первой половины — середины XVI в., с овальными (а) — со второй половины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

В декоре кувшинов использовалось 6 элементов:

— линия (несколько параллельных линий с

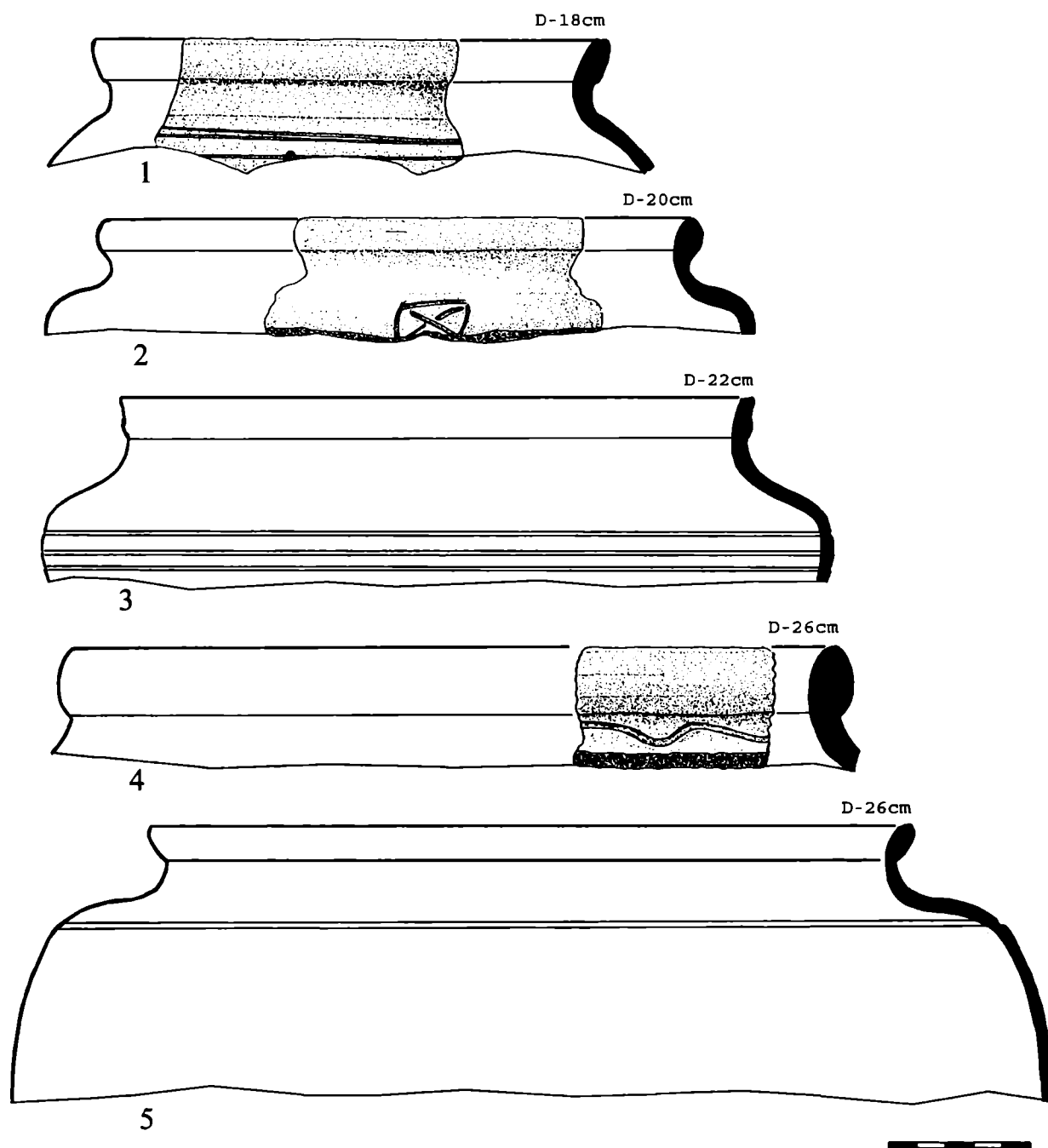

Рис. 5. Керамика из заполнения горна Бахтеевского селища. Горшки

различным интервалом между ними) по плечу (рис. 6, 5; 7, 1);

— волна одинарная (растянутая или сжатая) на основании горла и по плечикам (рис. 7, 2);

— точки-ямки, нанесенные в одну линию с различной плотностью на основание горла (рис. 7, 3);

— косая сетка по плечу (рис. 6, 8);

— штрихи, имитирующие веревочное плетение «косичка», по валику на середине высоты

горла (рис. 6, 6) и без валика на линии максимального диаметра тулова (рис. 6, 11);

— штрихи, имитирующие веревочное плетение «канатик» по валику на линии максимального диаметра тулова (рис. 6, 12).

Преобладали кувшины, декорированные двумя горизонтальными линиями по плечу (табл. 2).

Белоглиняные кувшины с туловом, близким к шаровидному, овальной в сечении ручкой и нане-

Таблица 2. Взаимовстречаемость элементов декора и места нанесения

Элемент декора	Место нанесения				Всего
	середина горла	основание горла	плечико	максимальный диаметр	
Прямая линия	—	—	33	—	33
Волна	—	1	1	—	2
Точки-ямки	—	3	—	—	3
Сетка	—	—	3	—	3
Канатик	—	—	—	1	1
Косичка	1	—	—	1	2
Всего	1	4	37	2	44

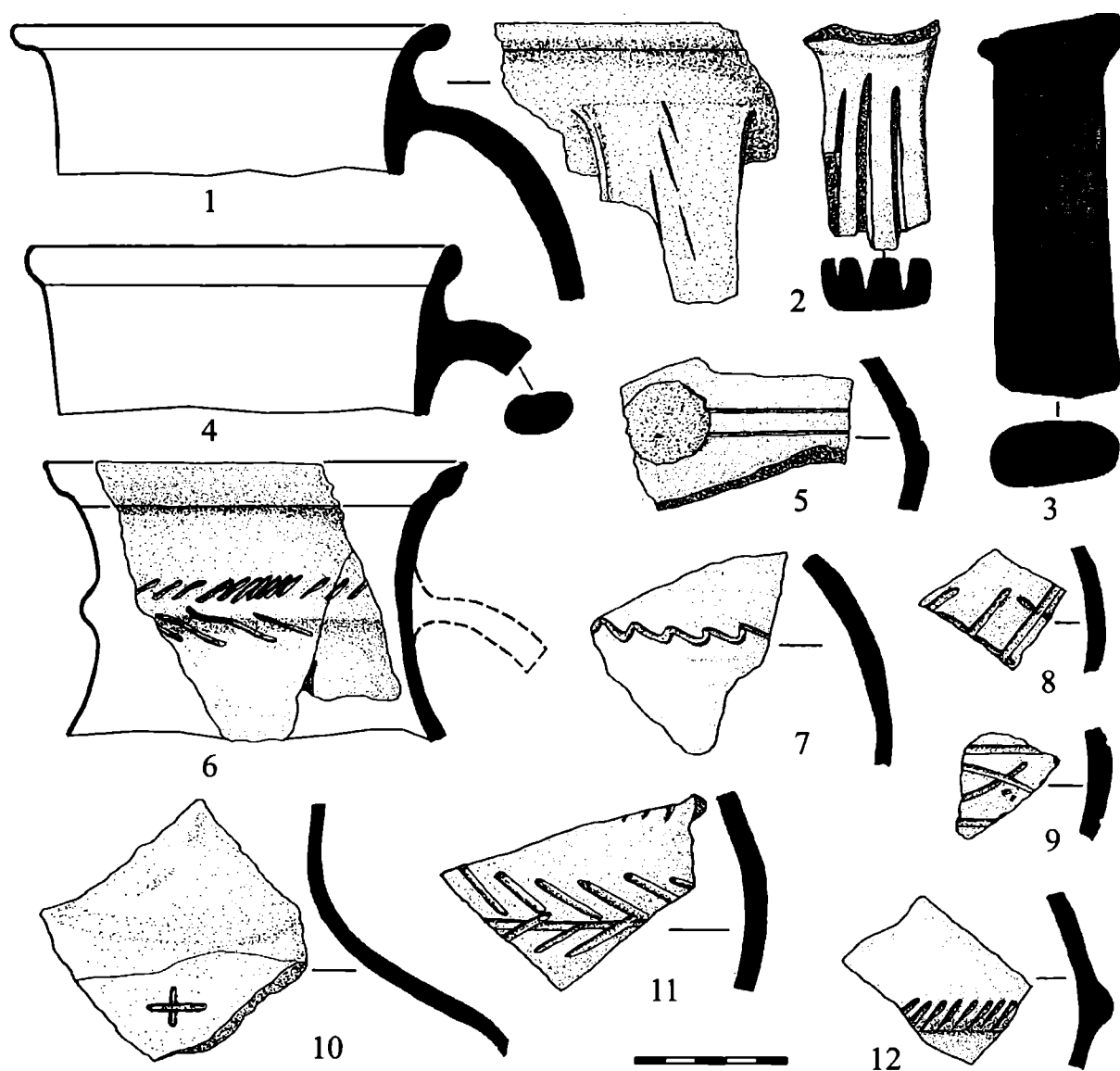

Рис. 6. Керамика из заполнения горна Бахтеевского селища. Кувшины

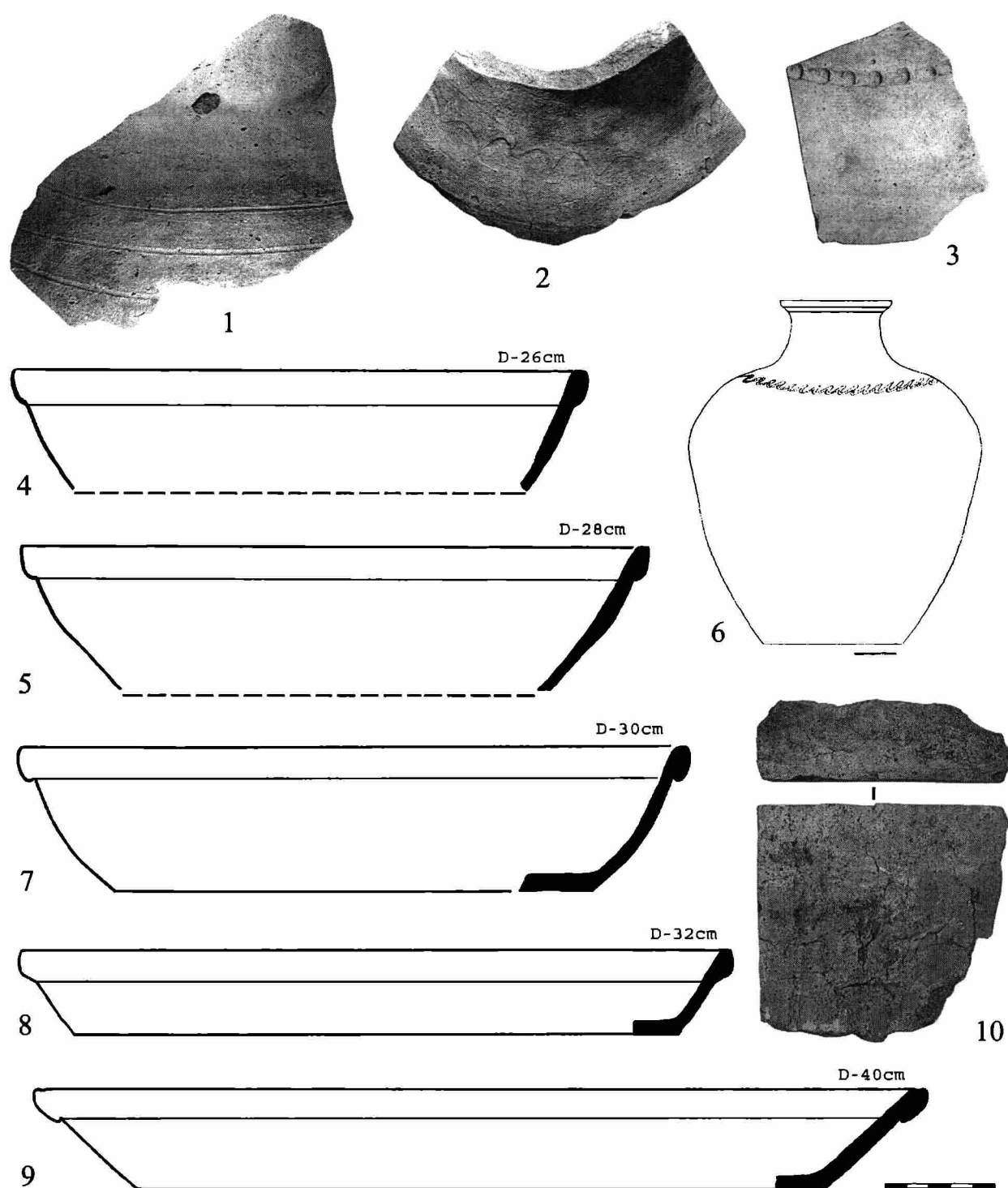

Рис. 7. Керамика из заполнения горна Бахтеевского селища

1–3 — кувшины; 6 — корчага; 4, 5 — миски, 7–9 — сковороды; 10 — фрагмент плитки пола

сенными по середине высоты тулова и горловине полосами из штрихов-насечек появляются в Москве во второй половине XVI в. Кувшины же с декором в виде штрихов-насечек (или отпечатков зубчатого колесика), нанесенных не прямо на стенки, а на невысокие наlepные валики, появля-

ются только во второй половине XVII — первой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Следует отметить, что некоторые фрагменты горшков и кувшинов имели следы оvara.

В заполнении горна, в пространстве между стенками В—Г, найден развал белоглиняной

корчаги. Корчага была изготовлена на ручном гончарном круге (на днище подсыпка песка) и имела размеры: высота — 43 см, максимальный диаметр тулова — 36,5 см, диаметр венчика — 14 см, диаметр дна — 17,5 см. Тулово корчаги яйцевидной формы, декорировано волнистой линией по плечу (рис. 7, 6). По размерам и профилировке она идентична корчаге второй половины XVI в. из раскопа 4 Меткомелинского II селища (Полюлях, 1993. С. 14, 15).

В заполнении горна обнаружены также фрагменты мисок и сковород. Миски (диаметр венчика — 26–28 см, высота стенки — 7 см) имели прямые или слегка выгнутые наклонно поставленные стенки с округлым утолщением по внешнему краю, без декора (рис. 7, 4, 5). Сковороды (диаметр венчика — 28–40 см, высота — 4–4,5 см) с наклонными стенками и округлым утолщением по внешнему краю (рис. 7, 7–9). Внешняя и внутренняя поверхности их были сильно закопчены.

Помимо фрагментов посудных форм, найден фрагмент белоглиняной плитки пола (11х11, 5х4 см), имевший первоначально, по-видимому, квадратную форму (рис. 7, 10). Судя по цвету, примесям, шероховатости и обжигу, плитка изго-

товлена из той же белой глины, что и посудная керамика. Аналогичные квадратные и прямоугольные плитки, белоглиняные и чернолощенные, встречены при археологических раскопках в Москве в слоях XVI–XVIII вв. Размеры квадратных плиток варьируются в пределах от 17х17х5 см до 25х25х3 см, причем более поздние — крупнее и тоньше (Розенфельдт, 1968. С. 44).

Таким образом, Бахтеевское селище являлось, по-видимому, поселением-мастерской, производившей гончарную посуду и плитки пола. Его вынесение на значительное расстояние от деревни Бахтеево, видимо, было связано с пожароопасностью такого производства.

Жилая постройка поселения-мастерской, скорее всего, находилась выше горна, где отмечена наибольшая мощность культурного слоя. О ее возможном существовании в течение определенного времени свидетельствуют фрагменты горшков (54 % венчиков) и сковород со следами нагара, т. е. посуды, использовавшейся в быту.

Время функционирования вышеописанного поселения-мастерской определяется по бытованию аналогичных посудных форм в Москве и ограничено второй половиной XVI — первой половиной XVII в.

Литература

- Куфтин Б. А., Россова А. М., 1928. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. Вып. 5. М.
Полюлях А. А., 1993. Отчет об археологических раскопках

- Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.
Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.

Средневековые монеты из Ростиславля Рязанского

Предметом исследования в данной статье является нумизматическая коллекция, собранная в ходе работ Ростиславльской археологической экспедиции в 1991–2004 гг. Кроме того, для более полного анализа автором учтена информация о случайных находках монет на этом памятнике, хранящихся в частных коллекциях. Ранее уже были опубликованы две статьи о монетных находках, зафиксированных в Ростиславле в 1991–2001 гг., (Клочков, Коваль, 1996; Волков, 2002). Однако за прошедшие три года количество монет, обнаруженных на Ростиславльском городище и прилегающих памятниках, значительно возросло, причем в основном — за счет находок в стратифицированных археологических контекстах. Это создает необходимость проанализировать все ростиславльские монетные находки в совокупности¹.

Ростиславльский археологический комплекс располагается в Озерском районе Московской области, на правом высоком берегу Оки, в 14 км от впадения в нее реки Осетр. Помимо городища, представляющего собой укрепленную часть древнерусского города Ростиславля Рязанского, в этот комплекс входят три селища — остатки неукрепленного посада. Основание города, по письменным источникам, подтверждаемым археологическими данными, относится к середине XII в. В XIII–XV вв. Ростиславль являлся одним из крупных городов Рязанского княжества и его северным форпостом на границе с московскими землями. К началу XVII в. жизнь в городе затухает. В 1 км ниже по течению Оки находится селище Сосновка IV — один из наиболее ранних славянских памятников в окрестностях Ростиславля. Он датируется XI — началом XII в.

В ходе исследований на территории ростиславльского археологического комплекса неоднократно делались находки предметов импорта, характеризующие торговые связи этого города (Коваль, 1998). Кроме того, на сегодняшний день

известно 49 монет, происходящих с городища и прилегающих к нему селищ. Все монеты по месту находки разделяются на четыре группы.

1. Монеты, найденные на городище Ростиславль

Всего с укрепленной территории городища происходят 14 монет. Наиболее ранней монетой, обнаруженной здесь, является обломок саманидского дирхема X в. (Каталог (далее — К.), № 1). Он найден при раскопках деревянной церкви и позднесредневекового кладбища, функционировавшего на территории городища в XVI–XVII вв. (рис. 1, 1), на непотревоженном участке культурного слоя, содержавшего славянские материалы (в первую очередь — лепную и раннекруговую керамику конца X — начала XI в.). Поэтому находка обломка среднеазиатского дирхема здесь вполне закономерна.

Следующими по времени являются монеты, обнаруженные при раскопках на территории, прилегающей к сохранившемуся валу, отделяющему мысовую часть городища от остальной площадки детинца Ростиславля (рис. 1, 2). Работами 2004 г. на раскопе IV здесь был раскрыт участок прилегающего к валу рва, ранее никак не фиксировавшегося на современной поверхности. В верхней части его заполнения и был найден очень любопытный нумизматический комплекс. Он состоит из одного золотоордынского дирхема хана Абдаллаха, отчеканенного в 1368–1369 гг., пяти подражаний дирхемам и денги суздальского князя Василия Дмитриевича Кирдяпы, датируемой 1388–1392 гг. (К., № 2–8). Монеты обнаружены в непосредственной близости друг от друга (на площади примерно 2х4 м), в одном горизонте, формирование которого происходило в XV–XVI вв. Для правильной интерпретации комплекса важен тот факт, что четыре из пяти подражаний отчеканены с приме-

¹ Приношу благодарность руководителю Ростиславльской экспедиции В. Ю. Ковалю за консультации и предоставленный для публикации материал.

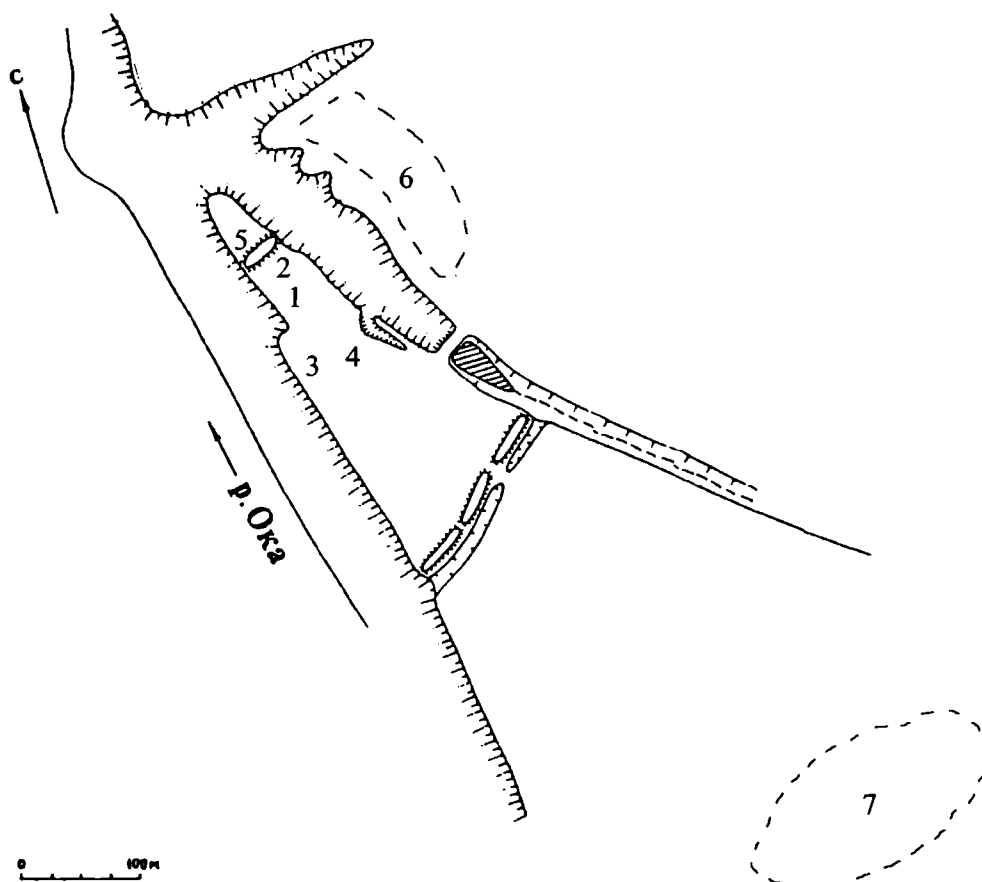

Рис. 1. Топографическое распределение монетных находок на городище и посаде Ростиславля Рязанского

нением общего оборотного штампея. Анализ стратиграфии и планиграфии дает основание предполагать, что обнаруженные монеты являются частью кладового комплекса, сокрытого в конце XIV в. и переотложенного в более позднее время, видимо, в процессе засыпки рва.

Необычным в составе комплекса является присутствие в нем суздальско-нижегородской монеты. По существующим представлениям, в XIV — начале XV в. нижегородские и московские монеты не проникали на территорию Рязанского княжества. Действительно, в синхронных рязанскихкладах таких монет ранее выявлено не было (Волков, 2001). Но не стоит забывать, что Ростиславль являлся пограничным рязанским городом и от московских земель (где суздальско-нижегородских монет достаточно много) отделялся только р. Окой. Нижегородская монета вполне могла попасть сюда в результате «ближней» торговли с северными соседями.

Очень важным, но пока практически не разработанным, представляется вопрос о месте чеканки

подражательных серебряных монет, входящих в состав рассматриваемого комплекса. Тем более что, кроме городища, близкие по стилю подражания были найдены и на посаде Ростиславля (см. ниже). Для решения этого вопроса необходимо привлечение данных о топографии находок аналогичных монет. Пока известен лишь один пункт, откуда происходят экземпляры, отчеканенные теми же штампеями. В 2002 г. на средневековом селище под Тарусой было найдено около 15 золотоордынских дирхемов и подражаний, среди которых — две монеты, аналогичные подражаниям с Ростиславля (рис. 2, 1, 2; ср.: К., № 3, 4, 7)¹. В конце XIV в. эти земли также входили в состав Рязанского княжества, поэтому, как кажется, можно говорить о чеканке данных подражаний в рязанских землях (в Рязани?). Такому предположению не противоречит и большой (до 1,5 г) вес рассматриваемых монет, не характерный для иных русских княжеств кроме Рязанского.

Еще одна подражательная монета была найдена в слое XV в. в северо-западной части площадки

¹ Монеты зарегистрированы в отделе нумизматики ГИМ.

Рис. 2. Подражания золотоордынским монетам, аналогичные находкам с городища Ростиславль

городища (К., № 9; рис. 1, 3). Данный экземпляр резко отличается от описанных выше как по стилю, так и по материалу — согласно результатам рентгено-флюоресцентного анализа, подражание изготовлено из бронзы. Говорить о времени и месте его чеканки достаточно сложно, в связи, как уже говорилось, с неразработанной типологией подражаний, производившихся в различных центрах русских земель и Поволжья. Однако некоторые стилистические аналогии монете из Ростиславля все же известны, например, в Дубовском кладе золотордынских и рязанских монет (Янин, Янина, 1955), что дает основание отнести чеканку этого типа подражаний также к продукции Рязанских монетчиков. Возможно, это фальшивая монета. Не исключено, что она могла использоваться как мелкая разменная единица — пуло. В момент находки монета была соединена окислами с серебряной полуденгой 20-х годов XV в.

Говоря о последней монете (К., № 12), необходимо исправить ошибку, допущенную при чтении легенды и ее атрибуции в первой публикации, где рассматриваемый экземпляр был предположительно датирован началом правления Василия Ивановича Рязанского (60-е годы XV в.) (Клочков, Коваль, 1996. С. 40, 41). Вес монеты (0,42 г) близок к весовой норме московской полуденги времени Василия I и начала правления Василия Темного. На фотографии и прорисовке

оборотная ее сторона была перевернута вверх ногами, вследствие чего надпись была прочитана как IV / dZH (Клочков, Коваль, 1996. С. 40. рис. 1, 2. Фото 2). В действительности здесь можно с достаточной уверенностью прочитать остатки надписи: [B]+E / [ЛК]НЗЬ / [B]АС[ІЛ] / ... (рис. 3, 11), что полностью соответствует оформлению оборотной стороны некоторых денег Василия II (Мец, 1974. № 187, 222 и др.¹). Находка этой монеты вместе с подражанием золотоордынскому дирхему, по моему мнению, также свидетельствует скорее о раннем времени изготовления монеты. Достаточно странной, на первый взгляд, является находка рязанского подражания вместе с московской монетой. Судя по составу кладов, по крайней мере, до конца правления Ивана Федоровича Рязанского (1456) московские монеты не проникали в рязанские земли, и наоборот (Волков, 2000; 2001; Колызин, 1998 и др.). Однако в свете новых данных о находках монет на отдельных поселениях, лежащих в приграничной зоне Рязанского и Московского княжеств, становится ясно, что некоторое взаимопроникновение монет все же имело место. Ярким примером тому являются монетные находки с городища Настасьино, неподалеку от Коломны, обнаруженные в 2000 г. Данная территория в конце XIV–XV в. принадлежала Москве, однако среди найденных здесь монет имелся золотоордынский дирхем Джанибека с рязанской надчеканкой (Зайцев, 2001. С. 134, рис. 1; 2004. С. 75, № 4). Аналогичная ситуация наблюдается и на ряде других памятников Поочья (Волков, 2004). Возможно, московская полуденга с Ростиславля является примером подобного взаимопроникновения монет в приграничных областях двух княжеств.

При раскопках последних лет впервые на территории городища в датированном комплексе была обнаружена монета с рязанской надчеканкой в виде «мордки» (К., № 10; рис. 1, 4). Ранее аналогичные монеты находили лишь на территории посада Ростиславля. Судя по весу и характеру надчеканки, ее следует отнести ко времени правления Федора Ольговича (первая четверть XV в.). Однако комплекс, содержащий монету, датируется более поздним временем (серединой — второй половиной XVI в.), то есть рязанская денга попала сюда из более раннего культурного слоя.

Неожиданностью стала находка в мысовой части городища (рис. 1, 5) достаточно редкой суздальско-нижегородской монеты князя Даниила Борисовича, отчеканенной во втором десятилетии XV в. (К., № 11). До сих пор все известные аналогии происходили с территории Сред-

¹ Здесь же № 217 — монета с птицей влево на лицевой стороне и надписью В+Е / ЛКНЗЬ / ВАСІЛ / ИИ — на оборотной.

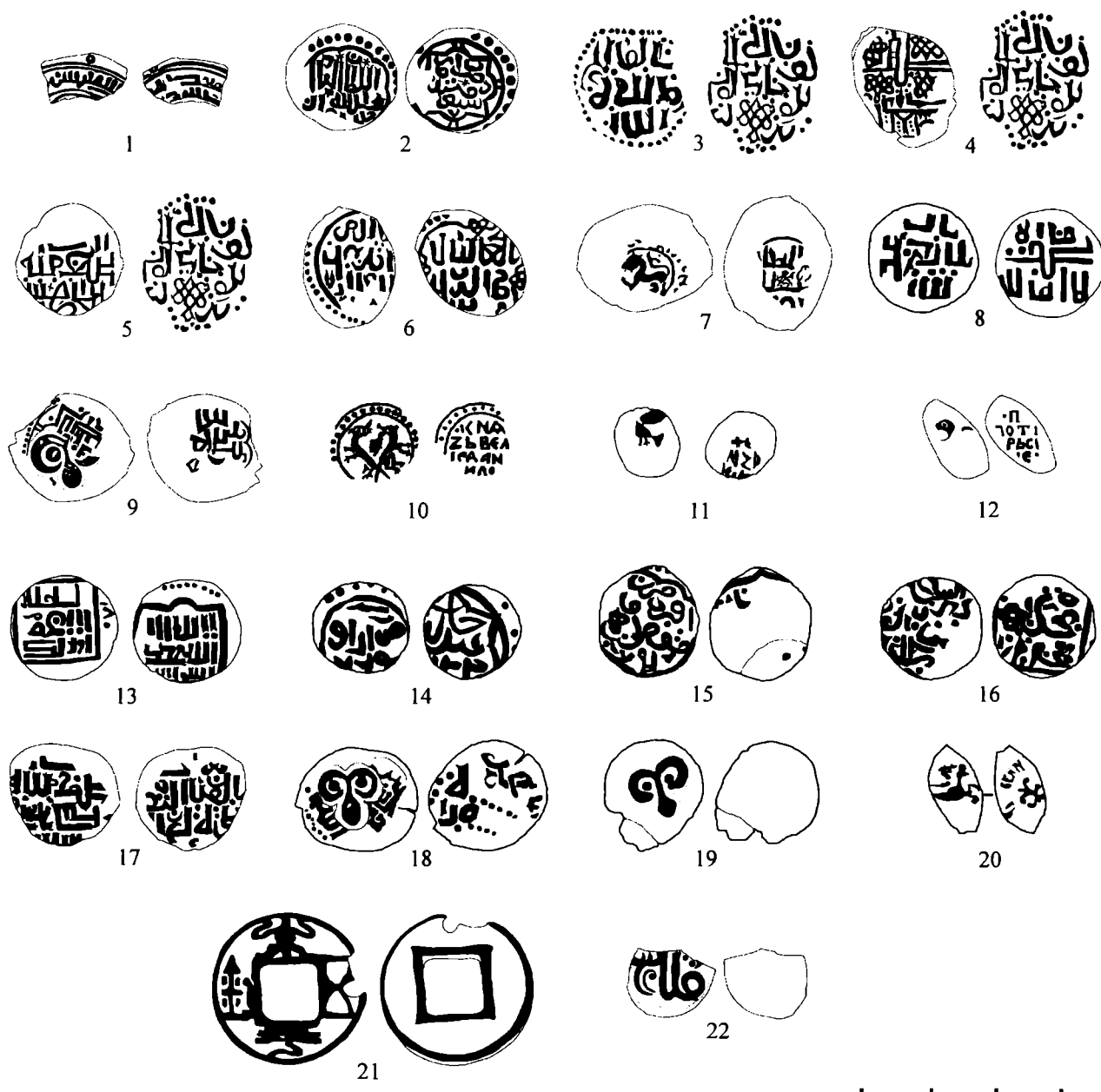

Рис. 3. Монеты, обнаруженные на городище Ростиславль и прилегающих селищах

него Поволжья. Ростиславльский экземпляр значительно расширяет ареал распространения этих монет.

Наконец, самыми поздними монетами, происходящими с территории городища, являются два медных маленьких пула первой половины XVI в. (К., № 13, 14). Одно из них (тверское) найдено при раскопках около вала цитадели городища (рис. 1, 2), о точном месте находки второго (псковского) сведений нет. Маленькие пула в XVI в. распространялись по всей территории Московского государства и использовались вплоть до XVII в. На Ростиславле их находки

свидетельствуют о продолжении жизни поселения в это время, что подтверждается и другими материалами археологической коллекции.

II. Монеты, происходящие с Ростиславльского I селища

Состав монет, происходящих с территории посада Ростиславля (рис. 1, б), менее разнообразен, чем комплекс с городища. К сожалению, все монеты этой группы (9 экз.) обнаружены в полностью переотложенном, ежегодно распаханном слое.

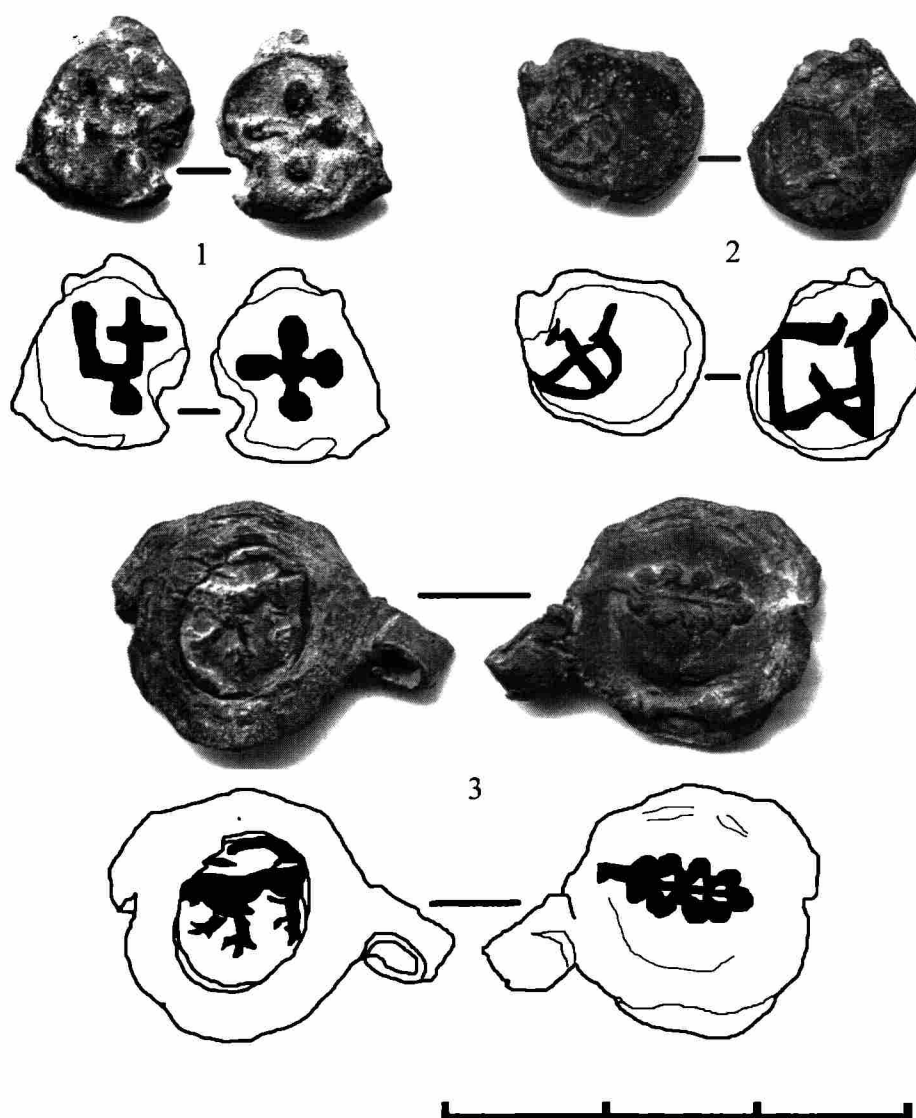

Рис. 4. Свинцовые пломбы с Ростиславльского I селища

1, 2 — дрогичинского типа; 3 — западноевропейская

Здесь найдены четыре золотоордынских дирхе́ма ханов Узбека (1310-е), Абдаллаха (1363/64) и Тохтамыша (1388/89) (К., № 15–18), причем последний является самой поздней оригинальной ордынской монетой, найденной в Ростиславле. Наряду с дирхе́мами присутствуют подражания им (К., № 19, 20) и монеты с рязанскими надчеканками — «мордки» (К., № 21–23). Монеты Рязанского княжества, все без исключения, относятся ко времени правления великого князя Федора Ольговича (первая четверть XV в.) и несут на себе надчеканки тамги самого распространенного «классического» третьего типа по классификации П. А. Шорина (1971). При этом два экземпляра отчеканены на подражаниях, а одна — на гладкой пластинке.

Период обращения всех указанных монет дос-

таточно узок: последняя четверть XIV — первая четверть XV в. Состав находок на Ростиславльском I селище, таким образом, характеризует денежное обращение независимого Рязанского княжества.

Помимо монет здесь же обнаружены три средневековые пломбы дрогичинского типа и западноевропейская свинцовая пломба с изображением на одной стороне животного в геральдической позе, а на другой — дубового листа (рис. 4; ближайшие аналогии западноевропейской пломбе см.: Клоков, Лебедев, 2000). Данные находки вместе с монетами свидетельствуют об определенной торговой активности на территории, занимаемой Ростиславльским I селищем в ранний период существования города и в XIV — первой четверти XV в.

III. Комплекс монет с территории к югу от валов городища Ростиславль

В 2000 г. кладоискателями на территории, расположенной приблизительно в 200–300 м к югу от внешней линии валов городища (рис. 1, 7), с помощью металлодетекторов были обнаружены многочисленные монетные находки. После получения информации об этом сотрудниками Ростиславльской экспедиции был произведен тщательный осмотр местности, показавший полное отсутствие здесь культурного слоя, керамики и каких-либо иных находок, кроме монет (исключение составляет корродированная дужка навесного замка).

Всего на обследованной удалось зарегистрировать 22 монеты (К., № 24–45). Возможность того, что они представляют собой распаханый клад, исключается по двум причинам: во-первых, очень значительная площадь (не менее 600–700 кв. м), на которой монеты были собраны; во-вторых — совершенно нехарактерный для русских кладов состав комплекса.

Наиболее ранней монетой из найденных является подражание дирхему с рязанской надчеканкой, аналогичное экземплярам с посада (первой четверти XV в.). Далее по времени чекана следует денга Василия I или Василия II, датированная 1420-ми годами. Более поздними являются две московские и одна новгородская денги Ивана III и одна монета, относящаяся ко времени Ивана III или Василия III. Скорее всего, данные монеты попали в землю в конце первой трети XVI в. — три из них обрезаны (из-за чего приобрели чечевицеобразную форму) (рис. 3, 20), а массовое обрезание монет было явлением, характерным для конца правления Василия III и послужившим одной из основных причин реформы Елены Глинской.

Больше всего по количеству обнаружено монет Ивана IV — 11 экз. (две «денги в весе копейки», 6 экз. великокняжеских и 2 экз. царских денег, 3 великокняжеские копейки). Важно отметить, что среди них имеются лишь две монеты с титулом «царь», то есть чеканенные после 1547 года (К., № 41, 42).

Помимо монет, описанных выше, на исследованной территории были обнаружены четыре полушки первой половины XVI в. Три из них (К., № 31–33) представляют собой самый распространенный тип с надписью вязью «Государь» на лицевой стороне и птичкой вправо — на оборотной. Эти полушки отчеканены в Москве. Четвертая (К., № 34) относится к продукции Тверского денежного двора и является достаточно редкой

монетой: до 1999 г. П. Г. Гайдуковым было зарегистрировано всего 12 экз. этих монет (вариант 2) (Гайдуков, 1999б). Средний вес тверских полушек — 0,16 г, однако монета, обнаруженная на Ростиславле, имеет чуть больший вес — 0,19 г. Это, видимо, объясняется тем, что она была отчеканена на дефектной заготовке (из перекрученной проволоки, в результате чего приобрела «восьмерковидную» форму).

Факт находки значительного количества монет вне территории города нуждается в объяснении. Можно предположить, что здесь во второй половине XV — первой половине XVI в. располагался городской торг. Топографические особенности размещения зоны концентрации монетных находок подтверждают эту гипотезу: она находится прямо напротив главного въезда на городище. Это место, как кажется, было наиболее удобным для торговли, так как располагалось, видимо, на дороге, связывавшей Ростиславль с окрестными районами. Разумеется, до получения дополнительных данных невозможно с уверенностью говорить о размещении на данной территории торговой площади, однако, если принять данную гипотезу, перед нами редкий случай выявления археологического объекта, не локализуемого по письменным и вещественным источникам.

IV. Монеты, найденные на Селище Сосновка IV

В 2001 г. были начаты археологические исследования на неукрепленном поселении Сосновка IV, находящимся, как уже говорилось, в 1 км от Ростиславля ниже по течению Оки. За три полевых сезона здесь обнаружено всего 4 монеты, однако состав нумизматических находок во многом стал неожиданным.

При разборке ямы, керамический и вещевой инвентарь из которой датируется первой половиной XII в., был найден маленький обломок западноевропейского денария (К., № 47). Определить место чеканки и эмитента не удалось из-за небольших размеров фрагмента; вероятнее всего, монета была отчеканена в континентальной Европе.

Наиболее любопытные находки были сделаны Ростиславльской археологической экспедицией в сезоне 2004 г. Прежде всего, это китайская медная монета «Чанг-пинг ву-шу», датированная 553 г. — династии Северная Ци (Qi) (К., № 46)¹. По имеющимся данным, это первая находка подобного рода на территории Восточной Европы, в связи с чем очень актуальны два вопроса: когда и при каких обстоятельствах китайская монета оказалась здесь.

¹ Пользуясь случаем, благодарю В. А. Беляева за определение монеты.

Известно, что литые китайские монеты находились в денежном обращении очень долгое время. Если бы данный экземпляр был найден в слое золотоордынского времени, попадание монеты в культурный слой русского поселения можно было бы уверенно связывать с монгольским нашествием. Однако особую важность имеет тот факт, что монета была обнаружена непосредственно на материке, под слоем, отложение которого завершилось не позднее середины XII в., то есть вероятность ее выпадения позже этой даты крайне невелика, тем более, что позднейших наслоений на селище Сосновка IV не выявлено.

Относительно того, каким образом китайская монета попала на селище, можно лишь строить догадки. Разумеется, она не использовалась в славянских землях в качестве платежного средства. Еще в древности ее превратили в подвеску и, вероятно, долгое время носили в качестве украшения или амулета. Помимо пробитого дополнительного отверстия об этом свидетельствует значительная потертость экземпляра. Возможно, что появление монеты за тысячи километров от места производства спустя пятьсот лет с момента изготовления связано с функционированием Великого Шелкового пути, благодаря которому восточный импорт мог достигать столь отдаленных территорий. В любом случае, находка такой монеты весьма необычна и примечательна.

Еще две монеты были обнаружены на Сосновке IV при разборке верхнего горизонта культурного слоя. Они не связываются с бытованием исследуемого поселения и относятся к более позднему времени. Первая из них — гладкая серебряная пластинка с надчеканкой в виде подражания арабской надписи (К., № 48). До последнего вре-

мени находки аналогичных монет были известны только в южной части Великого княжества Московского на памятниках рубежа XIV–XV вв. (Волков, 2004). Вероятно, чеканились они в Коломне. Ростиславльский археологический комплекс расположен недалеко от этого города (и от района концентрации подобных находок), и данная монета вполне могла попасть на исследуемую территорию в результате торговых связей на московско-рязанском пограничье.

Вторая монета — анонимная копейка Ивана IV, датируемая 1535–1538 гг. (К., № 49). Вероятно, ее появление в верхнем слое более раннего поселения может быть связано с функционированием расположенного в 200 м к северу от этого памятника селища Сосновка V, датируемого археологами XVI–XVII вв.

Подведем некоторые итоги. В исследованный комплекс нумизматических памятников входят монеты, обращавшиеся на территории рязанского Поочья с X до XVII в., то есть как в начальный период славянской колонизации этой территории, так и в период образования, расцвета и постепенного угасания средневекового Ростиславля. Особенно ценную информацию монеты дают о денежном обращении и торговле севера Рязанского княжества в XIV–XV вв. Кроме того, на основе анализа топографии монетных находок удалось получить новые данные об особенностях развития территории Ростиславля в XIV–XVI вв. В заключение хотелось бы отметить, что исследования Ростиславля Рязанского продолжаются и можно надеяться на пополнение археологических и нумизматических коллекций, происходящих с этого интересного памятника.

Каталог монет

I. Городище Ростиславль

1. Средняя Азия. Обломок куфического дирхема. Саманиды, X в. (место чеканки и год не определены). 0,23 г. Раскоп II, 2003 г. МИГМ (рис. 3, 1).

2. Золотая Орда. Дирхем. Абдаллах, чекан Орду, 770 г. х. (1368–1369 гг.). 1,44 г. Раскоп IV, 2004 г., заполнение рва. МИГМ (рис. 3, 2).

По типу: Френ, 1832. С. 20, № 171.

3–4. Рязанское княжество (?). Подражание дирхему. 1,38; 1,43 г. Последняя четверть XIV в. Раскоп IV, 2004 г., заполнение рва. МИГМ (рис. 3, 3).

Волков, 2004. рис. 2, 1.

5. Рязанское княжество (?). Подражание дирхему (о. с. — тот же штампель, что и у № 3 и 4). Последняя четверть XIV в. 1,34 г. Раскоп IV, 2004 г., заполнение рва. МИГМ (рис. 3, 4).

Не издана.

6. Рязанское княжество (?). Подражание дирхему (о. с. — тот же штампель, что и у № 3–5). Последняя четверть XIV в. 1,30 г. Раскоп IV, 2004 г., заполнение рва. МИГМ (рис. 3, 5).

Не издана.

7. Рязанское княжество (?). Подражание дирхему. Последняя четверть XIV в. 1,34 г. Раскоп IV, 2004 г., заполнение рва. МИГМ (рис. 3, 6).

Волков, 2004. рис. 2, 2.

8. Суздальско-Нижегородское княжество. Василий Дмитриевич Кирдяпа. 1388–1392 гг. Л. с.: Хищное четвероногое животное, влево, в линейном ободке. Остатки русской круговой надписи. О. с.: подражание арабской надписи. 0,76 г (обл.). Раскоп IV, 2004 г., заполнение рва. МИГМ (рис. 3, 7).

Орешиников, 1896. С. 182. № 855. Табл. XV, 718.
9. Рязанское княжество (?). Грубое подражание дирхему. Первая половина XV в. (?). 1,36 г. Раскоп II (вместе с № 12), 1993 г. МИГМ (рис. 3, 8).

Клочков, Коваль, 1996.

10. Рязанское княжество. Федор Ольгович. Первая четверть XV в. Подражание дирхему с надчеканкой рязанской тамги. 1,08 г. Раскоп I, 2003 г., яма 350 (середина — вторая половина XVI в.). МИГМ (рис. 3, 9).

11. Суздальско-нижегородское княжество. Даниил Борисович. 1410–1420 гг. Денга. Л. с.: изображение двух четвероногих животных (волков?), стоящих на задних лапах спинами друг к другу. Между ними — человеческая голова в шапке, влево. В двух линейных и точечном ободках. О. с.: надпись в четыре строки: КНП / ЗЬВЕЛ / КДАН / ИЛО. В двух линейных и точечном ободках. 0,45 г (обл.). Раскоп V. МИГМ (рис. 3, 10).

Ильин, 1940. Табл. VII, 20.

12. Великое княжество Московское, Василий I или Василий II (20-е годы XV в.). Полуденга. Л. с.: птица, летящая влево. О. с.: остатки четырехстрочной надписи: [В]+Е / [ЛК]НЗЬ / [В]АС[ИЛ] / ... 0,42 г. Раскоп II (вместе с № 8), 1993 г. МИГМ (рис. 3, 11).

Клочков, Коваль, 1996.

13. Великое княжество Московское. Василий III или Иван IV. Первая половина XVI в. Тверь. Медное пуло. Л. с.: птица влево с распростертыми крыльями. В линейном ободке. О. с.: остатки четырехстрочной надписи: П[У] / ЛОТ[В] / []РЬС[К] / [WE]. В линейном ободке. 0,39 г. Раскоп IV, 2004 г. МИГМ (рис. 3, 12).

Гайдуков, 1993. № 360.

14. Великое княжество Московское. Василий III или Иван IV. Первая половина XVI в. Псков. Медное пуло. Тип —? Вес —? П. м.¹ Частная коллекция.

Упомян.: Клочков, Коваль, 1996.

II. Ростиславльское I селище

15. Дирхем. Узбек, чекан Сарая, 71х г. х. (1310-е). 1,42 г. П. м., 2001 г. МИГМ (рис. 3, 13).

По типу: Френ, 1832. Табл. I, рис. XXI.

16. Дирхем. Узбек, чекан Сарая ал-Джадид. Год не прочеканился. 1,37 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

17. Дирхем. Абдаллах, чекан Азака, 764 г. х. (1363/64). 1,19 г (обрезан). П. м., 2000 г. МИГМ (рис. 3, 14).

По типу: Френ, 1832. С. 20. № 166. Табл. V, рис. СXXXII.

18. Дирхем. Тохтамыш, чекан Орду, 791 г. х. (1388/1389). 1,26 г. П. м., 2001 г. МИГМ (рис. 3, 15).

По типу: Френ, 1832. С. 25, № 218. Табл. VI, рис. CLXXV.

19. Рязанское княжество (?). Подражание дирхему Тохтамыша (Сарай ал-Джадид, 794 г. х. (=1391/1392 гг.). 1,33 г. П. м., 2000 г. МИГМ (рис. 3, 16).

Не издана.

20. Рязанское княжество (?). Подражание дирхему. Последняя четверть XIV в. 1,27 г. П. м., 2002 г. МИГМ (рис. 3, 17).

Не издана.

21. Рязанское княжество. Федор Ольгович. Подражание дирхему с надчеканкой рязанской тамги. Первая четверть XV в. 1,23 г. П. м., 2000 г. МИГМ (рис. 3, 18).

22. Рязанское княжество. Федор Ольгович. Подражание дирхему с надчеканкой рязанской тамги. Первая четверть XV в. 0,73 г (обл.). П. м., 2000 г. МИГМ (рис. 3, 19).

23. Рязанское княжество. Федор Ольгович. Подражание дирхему с надчеканкой рязанской тамги. Первая четверть XV в. Вес —? П. м., 2000 г. Частная коллекция.

III. Территория к югу от валов городища

Ростиславль

24. Рязанское княжество. Федор Ольгович. Подражание дирхему с надчеканкой рязанской тамги. Первая четверть XV в. Вес —? П. м., 2000 г. Частная коллекция.

25. Великое княжество Московское, Василий I или Василий II. 20-е годы XV в. Денга. Москва. Л. с.: птица, летящая влево. В линейном ободке. О. с.: четырехстрочная надпись: [В]+Е / [Л]КНЗЬ / [В]АС[ИЛ] / ИИ. В линейном и точечном ободках. 0,71 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

По типу: Орешиников, 1896. № 572. Табл. IX, 418.

26. Великое княжество Московское, Василий II. 1456–1462 гг. Москва. Денга. Л. с.: Голова человека, вправо, в повязке. В точечном ободке. О. с.: Изображение сидящего человека, влево, с мечом в руке. Круговая надпись: [КНЗЬВЕЛ]НКЫИВА [СИЛ] Вес —? П. м., 2000 г. Частная коллекция.

По типу: Орешиников, 1896. № 599, 600. Табл. X, 444, 445.

Упомян.: Клочков, Коваль, 1996. С. 41.

27. Великое княжество Московское, Иван III. 1462–1505 гг. Денга. Новгород. 0,76 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

¹ В каталоге приняты следующие сокращения: п. м. — подъемный материал; л. с. — лицевая сторона; о. с. — оборотная сторона; обл. — обломок.

По типу: Орешников, 1896. С. 122. № 664. Табл. XI, 510.

28–29. Великое княжество Московское, Иван III. 1462–1505 гг. Денга. Москва. 0,24 г; вторая —? (обе обрезаны). П. м., 2000 г. МИГМ; частная коллекция (рис. 3, 20).

Орешников, 1896. С. 124. № 669. Табл. XI, 516.

30. Великое княжество Московское, Иван III или Василий III. 1462–1533 гг. Денга. Москва. Вес — ? П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Орешников, 1896. С. 124. № 682. Табл. XI, 530.

31–33. Великое княжество Московское, Василий III или Иван IV. Первая половина XVI в. Полушка. Москва. 0,14 г; 0,16 г; 0,18 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Гайдуков, 1999а, вар. 1.

34. Великое княжество Московское, Василий III или Иван IV. Первая половина XVI в. Полушка. Тверь. 0,19 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Гайдуков, 1999б, со строчной надписью.

35–36. Великое княжество Московское, Иван IV. 1535–1547 гг. «Денга в весе копейки». Москва. 0,62; 0,64 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Мельникова, 1989. Т. 1, 1–1

37. Великое княжество Московское, Иван IV. 1535–1538 гг. Денга. Москва. 0,34 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Мельникова, 1989. Т. 1, 2–4.

38. Великое княжество Московское, Иван IV. 1535–1538 гг. Денга. Москва. 0,34 г. П. м., 2001 г. МИГМ.

Мельникова, 1989. Т. 1, 4–2.

39–40. Великое княжество Московское, Иван IV. 1535–1537 гг. Денга. Москва. Вес —? По штем-

пелям не определены. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

41–42. Московское царство, Иван IV. 1547–1560-е гг. Денга. Москва. 0,31 г; 0,32 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Мельникова, 1989. Т. 1, 16–20.

43. Московское царство, Иван IV. 1535–1538 гг. Копейка. Псков. 0,64 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Мельникова, 1989. Т. 1, 8–11.

44–45. Московское царство, Иван IV. 1538–1547 гг. Копейка. Новгород. 0,63 г; 0,66 г. П. м., 2000 г. Частная коллекция.

Мельникова, 1989. Т. 1, 14–1. 7

IV. Селище Сосновка IV

46. Китай. Династия Северная Ци. Медная монета «Чанг-пинг ву-шу». 553 г. 3,08 г (обломана). Раскоп I, 2004 г., поверхность материка. ГИМ (рис. 3, 21).

47. Западная Европа. Обломок денария. Место чеканки —? XI–XII вв. 0,18 г. Раскоп I., 2001 г., яма 7. МИГМ.

48. Великое княжество Московское. Василий I (?). Коломна (?). Гладкая пластинка с надчеканкой, подражающей арабской надписи. 1390–1410 (?) гг. 0,76 г (обл.). Раскоп I, 2005 г., культурный слой. ГИМ (рис. 3, 22).

По типу: Волков И. В., 2004. рис. 2, 8.

49. Московское государство. Иван IV. Анонимная копейка. Новгород. 1535–1538 гг. 0,67 г. Раскоп I, 2004 г., культурный слой. ГИМ.

Мельникова, 1989. Т. 1, 9–12.

Литература

- Волков И. В., 2000. Монеты независимого Новгорода в денежном обращении русских земель в XV — начале XVI в. // Тр. МИГМ. Вып. 10 (Археологические памятники Москвы и Подмосковья). Ч. 3. М.
- Волков И. В., 2001. Некоторые итоги составления сводки кладов русских серебряных монет конца XIV — первой трети XVI в. // Девятая ВНК. СПб.
- Волков И. В., 2002. Монеты XIV–XVI вв. из Ростиславля Рязанского // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 3. Рязань.
- Волков И. В., 2004. Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV — начале XV в. // Археология Подмосковья. М.
- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.
- Гайдуков П. Г., 1999а. Русские полушки XVI–XVII вв. с надписью «ГОСУДАРЬ»: типология и датировка // РА. № 3.
- Гайдуков П. Г., 1999б. Тверские полушки XVI в. // Седьмая ВНК. М.
- Зайцев В. В., 2001. Находки русских монет XIV–XVI вв. на городище Настасьино // Девятая ВНК. СПб.
- Зайцев В. В., 2004. Русские монеты // Средневековое поселение Настасьино. Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. II. М.
- Ильин А. А., 1940. Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л.
- Клочков Ю. В., Коваль В. Ю., 1996. Первые монетные находки из Ростиславля-Рязанского // НС МНО. Вып. 4. М.
- Коваль В. Ю., 1998. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. 1998. № 2.
- Колызин А. М., 1998. Клады и единичные находки московских великокняжеских и удельных монет до 1462 г. // Очерки феодальной России. Вып. 2. М.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.
- Мец Н. Д., 1974. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // НС ГИМ. Ч. III. М.
- Орешников А. В., 1896. Русские монеты до 1547 г. // Российский Исторический музей. Описание памятников. Вып. I. М.
- Френ Х. М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.
- Шорин П. А., 1971. К вопросу о надчеканке тамги на монетах великого княжества Рязанского // НС ГИМ. Ч. IV. Вып. I. М.
- Янин В. Л., Янина С. А., 1955. Начальный период рязанской монетной чеканки // НС ГИМ. Ч. I. (Тр. ГИМ. Вып. XXV). М.

Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII века

Боеприпас для ручного огнестрельного оружия как вид археологических артефактов почти не изучен. Соответственно, он выпадает из поля зрения и археологов, и военных историков, отражаясь зачастую только в иллюстрациях и скурых упоминаниях о найденных «свинцовых пулях». К тому же их часто путают со свинцовыми грузиками и пуговицами. Такое состояние изучения объясняется отсутствием крупных комплексов, которые позволили бы разработать надежную типологию и хронологию этой категории находок. Как следствие, к снарядам для ручного огнестрельного оружия сформировалось слишком упрощенное отношение — с одной стороны, и полное непонимание перспектив исследований этой категории находок — с другой.

При подготовке данной работы было обработано, с разной степенью полноты, около тысячи свинцовых, каменных и железных снарядов, а также заготовок пуль и дроби для ручного огнестрельного оружия. Собранные материалы происходят из Москвы, Смоленска, Тулы, Епифани, Пскова, Выборга, Белгорода и Мангазеи. Сведения о них приведены в *Приложении* в конце статьи.

Для систематизации всего комплекса снарядов ручного огнестрельного боя, проведены обмеры, взвешивание и графическая фиксация 70 % пуль (709 предметов). Как было установлено, все разнообразие найденных снарядов определялось не столько их назначением, о чем будет сказано ниже, сколько процессом изготовления, хранения и последующего применения. По технике изготовления снаряды разделены на три большие группы (см. рис. 1; рис. 3)¹.

Группа 1

В группу 1 включены свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия, изготовленные

методом литья расплавленного металла в формы — пулелейки (рис. 1).

Всего к данной группе отнесен 521 экземпляр (из них 456 датированных предметов), что составляет 80 % от общего числа пуль².

Прежде чем перейти к описанию свинцовых снарядов, отнесенных к данной группе, необходимо сказать о технике их изготовления (вопрос о составе самой свинцовой массы и ее структурном анализе затрагиваться не будет). Примерная схема производства пули, выполненной способом литья в форму, включала в себя две стадии с возможной впоследствии дополнительной обработкой.

Первая стадия изготовления — это, собственно, литье пули. Разогретый свинец разливают по формочкам, в которых заготовка остывает, принимая форму шара с литником и швом. Такую форму пули получала при нормальном протекании процесса литья. Вот как он описан у выдающегося теоретика и практика по огнестрельному оружию С. А. Бутурлина: «Для того чтобы отлить пулю, свинец должен быть лучшего качества и если брать уже старые пули, то не более 1/5 по весу всей расплавляемой массы. Свинец не должен быть нагрет до красна, его надо помещивать, но все же он должен быть достаточно горяч, чтобы не остывал моментально в пулелейке, но по наполнении секунды две оставался бы жидким. Отлиты пули должны быть из равномерно (по всей массе) и одинаково (в течение всего времени) нагретого металла, а этого легче достигнуть при одновременном расплавлении значительного количества, не менее 5–7 фунтов, металла. Пулелейка должна быть горяча и прогрета насквозь, причем не нагреванием ее на огне, но самой отливкой пуль. Первые 20–25 штук, отлитые до достаточного ее нагревания, идут в переплавку. Внутренность пулелейки должна быть

¹ Из 709 учтенных предметов 57 изделий относятся к железным и каменным пулям неясных (индивидуальных) форм, а также к свинцовым заготовкам, которые в статистических расчетах не учитывались.

² В это число также входят три фрагмента свинцовых пуль, отлитых в пулелейке, а затем по невыясненной причине, нарубленных на объемные сегменты (дольки).

Группа 1

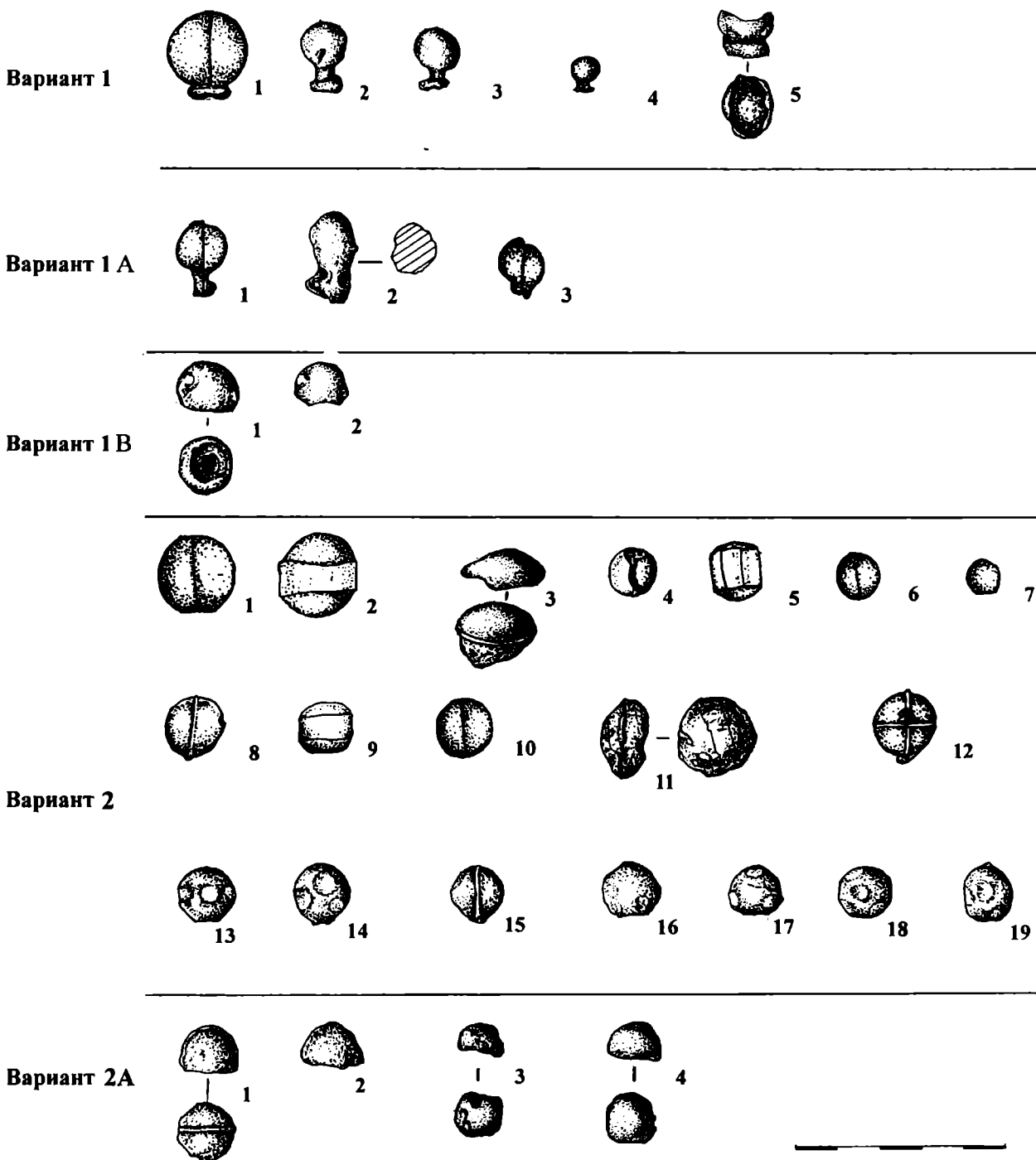

Рис. 1. Свинцовые снаряды группы 1

суха и не смазана (иначе можно пострадать), а для быстрого вынимания полезно покрывать ее перед литьем слоем копти — тонким и ровным. Чтобы металл в котелке не окислился, туда бросают кусок сала или воска. При литье воск нужно отделить. Наливать в пулелейку надо не торопясь, но все же быстро, легкой и непрерывной

струей. Вынимаемые из пулелейки пули кладут не на стол, а на войлок или сукно. Все недолитые со свищами, неровные пули забраковываются». Таков способ изготовления и требования к пулям XIX века, предназначенным, как правило, для стрельбы из хорошо высверленных и гладких стволов (Бутурлин, 1902. С. 173, 174).

Помимо круглых пуль с литниками, отмечены бракованные снаряды двух видов. Они получались либо в результате деформации пули при литье, связанной, как правило, со смещением половинок пулелейки, либо просто с нехваткой свинца. Таким образом, уже на самой первой стадии изготовления пуля могла получиться трех видов: нормальная (рис. 1, вариант 1); деформированная с литниками (рис. 1, вариант 1а); округлая пуля с «каверной» или «усадочной раковиной» из-за нехватки свинца (рис. 1, вариант 1б).

Установлено, что для стрельбы могли использоваться пули, прошедшие первую стадию изготовления, без дальнейшей обработки.

Вторая стадия изготовления включала в себя обрезку литника, придающую пуле круглую форму. Обрезку проводили несколькими способами, в зависимости от конструкции пулелейки. При литье в каменные формы-пулелейки, у которых резак для обрезки литника в горячем состоянии отсутствовал, обрубку производили, по всей видимости, после остывания пули, при этом могли отрезать или отрубить не только литник (рис. 1, вариант 2), но и до половины пули (рис. 1, вариант 2а). Иногда литник отрезался в горячем состоянии, в результате на его месте оставался небольшой тянутый фрагмент. И конечно, литник могли обрезать не до конца. Обрезке подвергали также пули, деформированные при литье.

Такая небрежность и нестандартность характерна для пуль, датируемых как XVI, так и XVII вв. С появлением пулелеек, снабженных резаком для снятия литника, качество пуль значительно повысилось (Варенов, 1997. С. 186; Белов и др., 1981. С. 47, 79, табл. 48, 5).

Пули со следами деформации, образующимися при стрельбе, составили 30–40 % от общего количества боеприпасов, найденных при раскопках. На некоторых пулях зафиксировано несколько часто встречающихся следов. Следы в виде гладкого или граненого пояса, симметричных продольных углублений оставались на теле пули в результате трения о стенки ствола, как при загоне пули в ствол, так и при выстреле. По форме следов можно реконструировать три разных вида стволов, употребляемых в русской армии в конце XV–XVII в.:

— ружья с круглым гладким каналом ствола: на пуле оставляли неширокий пояс. От общего числа пуль со следами трения о ствол такая деформация составляла 84 %;

— пищали с шести- или восьмиугольным каналом ствола составляли 4 % для XVI в. и 20 % для XVII в.;

— нарезные стволы — 2–3 %.

Другими следами деформации были круглые плоские вдавления на теле пули, расположенные несимметрично. Порой эти вдавления перекрывали шов литья, а иногда накладывались друг друга. Появление круглых следов обжима на пулях с функциональной точки зрения труднообъяснимо. Возможно, оно связано со способом хранения или транспортировки пуль: при хранении большого объема снарядов в одном месте они неминуемо давили друг на друга, и из-за мягкости свинца образовывались характерные следы обжима. Собственно, перед нами свидетельства поставок и хранения боеприпаса не в виде кусков свинца, а в виде готовых пуль. Такие следы фиксируются на свинцовых снарядах, датируемых временем не ранее конца XVI в.

Таким образом, все разнообразие внешнего вида свинцовых снарядов, отлитых в формах-пулелейках, ограничивается описанными выше технологическими схемами изготовления, хранения и применения. На основе всего сказанного, нами выделено 2 варианта пуль.

Вариант 1. Снаряд шаровидный с литником, без дальнейшей обработки (рис. 1). Включает 216 экземпляров (42 % всех снарядов данной группы). Происходят из Москвы, Тушинского лагеря, Мангазеи, Смоленска, Белгорода, Коломны, Тулы и Епифанских слобод. Вес от 1,4 до 39,7 г, диаметр 6–20 мм. Датированы концом XV–XVII в. Случаи употребления в бою пуль с необрубленным литником известны и в XVIII в.

Вариант 1А. С деформацией свинца в форме, с литником, без дальнейшей обработки (рис. 1). Включает 13 экземпляров (2,5 %). Вес от 1,2 до 21 г, диаметр 1–15 мм. Пули этого варианта происходят из комплексов (то есть культурных слоев, ям и построек) Москвы, Тушинского лагеря и Епифанских слобод, датированных второй половиной XVI–XVII в.

Вариант 1В. Со следами нехватки свинца при литье, без дальнейшей обработки (рис. 1). Включает 16 экземпляров (3 %). Вес от 4 до 14 г, диаметр 5–15 мм. Происходят из комплексов Москвы, Мангазеи и Епифанских слобод, датированных второй половиной XVI–XVII в.

Вариант 2. Снаряд шаровидный, правильно обрублен, без дальнейшей обработки (рис. 1). Включает 267 экземпляров (51,5 %). Вес от 1 до 35 г, диаметр 6–20 мм. Происходят из комплексов Москвы, Смоленска, Коломны, Тулы, Епифани, Пскова, Выборга, Белгорода, Мангазеи, датированных концом XV–XVII в. Правильно обрезанные круглые пули, но более высокого качества, продолжают употребляться в русской армии до 60-х годов XIX в.

Вариант 2А. Снаряд, часть которого обрубле-

на, без дальнейшей обработки (рис. 1). Включает 6 экземпляров (1 %). Происходят из комплексов Москвы, Тушинского лагеря, Мангазеи, Епифанских слобод, датированных второй половиной XVI–XVII в.

Таким образом, вариант 1 представлен пулями, прошедшими только первую стадию изготовления, то есть литье. Вариант 2 — это пули, прошедшие первичную обработку, т. е. обрубку литника. Только пули варианта 2 имели законченную округлую форму, составляя примерно 51,5 % от общего числа снарядов, изготовленных литьем. Остальные 48,5 % являются браком, который все же использовался для стрельбы.

Все свинцовые снаряды группы 1 были распределены по весо-размерным характеристикам на три раздела, при этом учитывались только хорошо сохранившиеся экземпляры (табл. 1; табл. 2; рис. 2).

Таблица 1
Весо-размерные характеристики свинцовых снарядов группы 1 конца XV — начала XVII в.

Снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Всего
Количество	24	128	11	164
Размеры (мм)	6–9	10–14	15–27	
Вес (г)	2–6,8	4,6–15,8	18,5–39,7	
%	15	78	7	100

Таблица 2

Весо-размерные характеристики свинцовых снарядов группы 1 XVII — начала XVIII в.

Снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Всего
Количество	39	140	38	217
Размеры (мм)	6–9	10–14	15–20	
Вес (г)	1–6,8	4,4–17,6	12–36	
%	18	65	17	100

Первый раздел представлял собой либо боеприпас для малокалиберных ружей, либо собственно дробь, при весе снаряда 1–8 г. Второй раздел, самый массовый, иллюстрирует обычные боеприпасы к самым распространенным типам ружей — пищалям. Третий раздел может иллюстрировать снаряды к так называемым затинным пищалям XVI–XVII вв. или крупнокалиберным мушкетам XVII в.

Группа 2

В эту группу включены снаряды, изготовленные литьем с высоты в воду или масло (рис. 3).

К данной группе отнесены 73 экземпляра (из них 72 датированных), что составило 11 % от общего числа снарядов. Происходят они из Москвы, Смоленска, но наиболее характерна такая технология производства боеприпаса для казачьих и стрелецких слобод Елифани, откуда

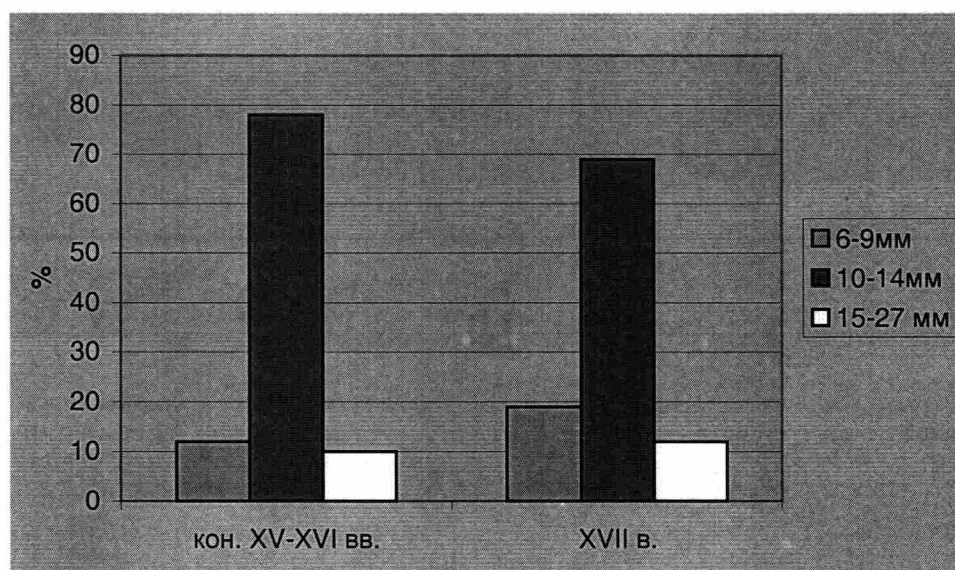
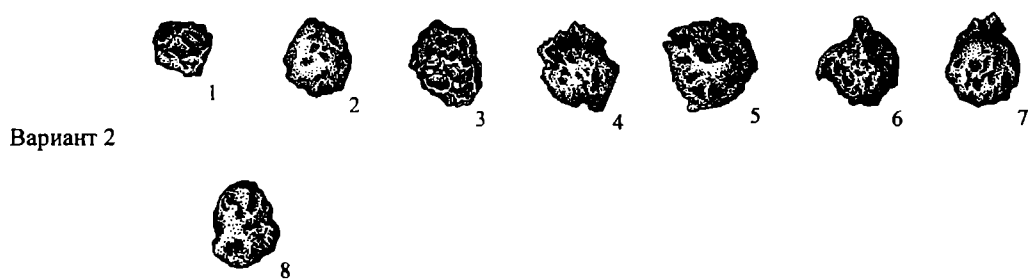
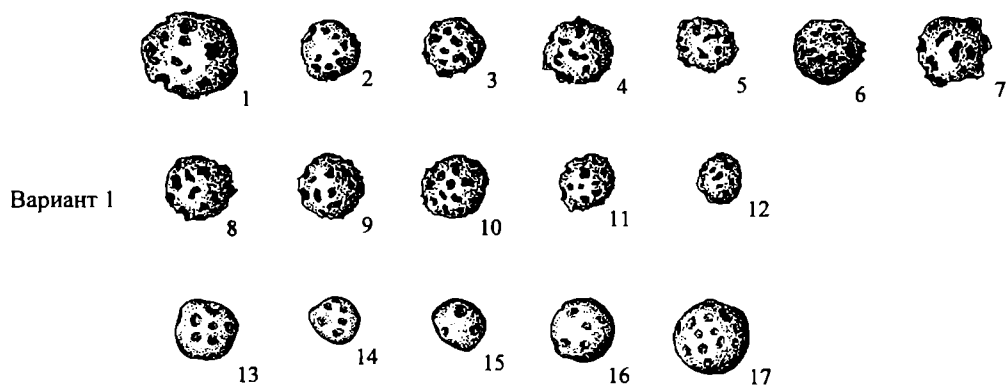

Рис. 2. Соотношение основных весо-размерных разделов свинцовых снарядов группы 1 для ручного огнестрельного оружия конца XV–XVII в.

Группа 2

Группа 3

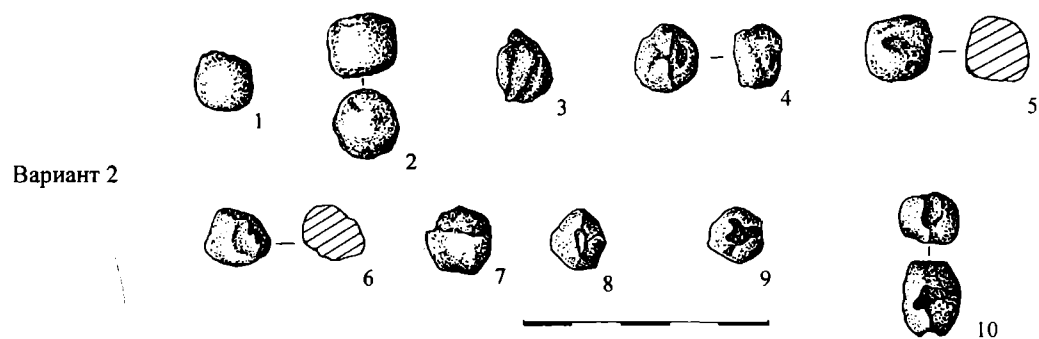
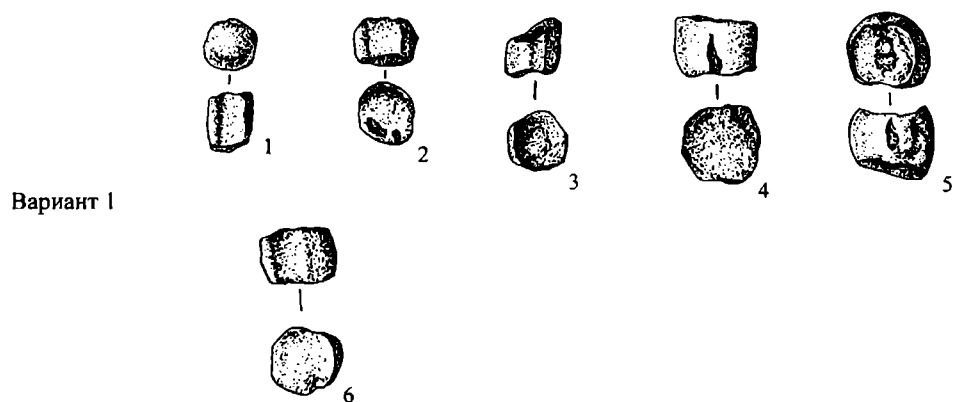

Рис. 3. Свинцовые снаряды группы 2 и группы 3

происходит 86 % всех изделий этой группы. Технология изготовления боеприпаса литьем в жидкую среду основана на свойстве металла, и в частности свинца, принимать форму шара при падении с высоты. Этот способ впервые стали применять итальянские оружейники для выделки дроби в середине XVI столетия (Маркевич, 1994. С. 115). Чтобы представить схему изготовления снарядов данной группы, приведем известные нам способы, применяемые для изготовления дроби и поныне.

Первый способ — заводской, с применением так называемых дроболитейных башен или колодцев. Свинец, как известно, отличается тягучестью и при литье не образует ровных капель, а вытекает в виде тонкой струи. Вот почему в большинстве случаев для выделки дроби применяется свинец не чистый, а в виде сплава с мышьяком. Металлический мышьяк дорог, поэтому раньше в основном использовали так называемый белый мышьяк (мышьяковистая кислота). Сплавляя со свинцом, его при помощи угля восстанавливали в металлический мышьяк, который и соединялся со свинцом. Мышьяк способствует хорошему каплеобразованию, увеличивает поверхностное натяжение и придает снаряду сферическую форму. Для приготовления лигатуры или, говоря языком XIX в., «состава», в среднем на 1 кг свинца берут 30 г мышьяка и варят при температуре 650–750 градусов. После растворения свинца и очищения его поверхности от окислов уполовней, приступают к смешиванию с мышьяком. Такая операция называлась «соление» или «солка». Часть мышьяка при этом растворяется, а часть улетучивается. (Операция приготовления «состава» вручную, как это было до XX в., очень опасна, поэтому производили ее, как правило, в удаленном месте.) Когда через 1–2 часа варки выделение газов прекращается, лигатуру остужают в формах, после чего уже готовый сплав варят с чистым свинцом. На 10 частей чистого свинца берут 1 часть «состава». Чтобы проверить, достаточно ли «составу», свинец льют в воду, и если получаются сферические капли, то варку останавливают.

Кроме мышьяковистых соединений, в качестве примеси применялась также сурьма. Помимо этого существуют такие сорта свинца, которые в XIX в. вообще использовались без прибавки «состава». Все зависело от качества и свойств самого сырья.

Для того чтобы снаряд получался совершенно круглым, расплавленный свинец должен пройти при падении определенную высоту и, округлившись упасть в воду. Если свинец лить с незначительной высоты, то дробь получится с «ямочками». Если высоту падения довести до 25 метров

(12 сажень), то свинец, не успев остынуть, при ударе о воду будет расплющиваться («биться»). Оптимальна высота, применявшаяся для дроболитейных башен XIX в., — 36–38 м. Иногда с целью уменьшения высоты постройки до 10 сажень, вместо воды применялось масло. Либо свинец лился в колодцы. Таким образом, уже готовый свинец подается на башню, в верхней части которой установлены плавильные котлы. Пол этого помещения имеет отверстие, под которым помещается бак с водой. Над отверстием устанавливается литейный ковш с отверстиями. Расплавленный свинец спускается через кран в литейный ковш, на дне которого находится слегка «припресованная» окись свинца. Эта «пенка» является фильтром, через который проходит свинец, устремляясь к отверстиям в ковше. В результате, он дробится на куски нужного размера, которые в полете приобретают форму шариков и затвердевают (вследствие большой высоты падения), попадая в бак с водой (Мельников, 1880. С. 3–16).

Более простым, кустарным способом для выделки дроби пользуются по сей день охотники. Они льют горячий свинец сквозь сито в баки с водой или маслом, либо сквозь сито на наклонную поверхность, обитую несколькими слоями мягких тканей и бархатом, после чего заготовка попадает в жидкую среду, чаще всего в масло.

Таким образом, основная сложность при изготовлении дроби данным способом — рассчитать отношение высоты падения к скорости остывания и формирования шарика. Если высота будет недостаточна, как при кустарном способе, то свинцовая капля может просто не успеть округлиться, либо, если и округлится, при соприкосновении с холодной водой произойдет эффект «паровой рубашки», когда шарики пара вырывают куски горячего свинца из круглого тела дроби или пули. Такую поверхность, покрытую раковинами, имеют все снаряды группы 2. Для их изготовления, по всей видимости, использовался самый простой вариант из описанных выше (литье сквозь сито в жидкую среду), допускающий самостоятельное изготовление требуемых боеприпасов. Этим объясняется то, что половина свинцовых снарядов группы 2 имеет аморфную форму и лишь некоторые приближаются к шаровидной.

В зависимости от условий изготовления, нами выделено два варианта снарядов данной группы.

Вариант 1. Снаряд шаровидный (рис. 3, группа 2). Включает 54 экземпляра (74 % от всех снарядов данной группы). Происходят из комплексов Москвы, Смоленска, Епифанских слобод, датированных концом XV–XVII в. Вес от 2 до 22,5 г, диаметр 8–20 мм. В рамках этого варианта следу-

ет упомянуть о том, что некоторые снаряды отличаются большим качеством отделки и заглаженности ямочек. Возможно, это следы последующей обкатки, хотя утверждать это трудно.

Вариант 2. Снаряд аморфный, без дальнейшей обработки (рис. 3, группа 2). Включает 19 экземпляров (26 %) из Епифанских слобод — Голино 1, Голино 3, Кораблино, датируемых концом XVI — серединой XVII в. Вес от 4 до 20,6 г, диаметр 9–15 мм. Данный вариант, как мы видим, представляет собой, собственно, застывшие комки свинца, не успевшие округлиться при падении.

Все свинцовые снаряды группы 2 так же делятся по весо-размерным характеристикам на три раздела. В статистике были учтены только хорошо сохранившиеся экземпляры.

Таблица 3
Весо-размерные характеристики свинцовых снарядов группы 2 конца XV — начала XVII в.

Снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Всего
Количество	3	27	3	33
Размеры (мм)	9	10–14	15–27	
Вес (г)	2–6,8	4,6–15,8	18,5–39,7	

Таблица 4
Весо-размерные характеристики свинцовых снарядов группы 2 XVII — начала XVIII в.

Снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Всего
Количество	5	3	1	9
Размеры (мм)	9	10–14	15–27	
Вес (г)	2–6,8	4,6–15,8	18,5–39,7	

Группа 3

Снаряды, изготовленные без изменения температурного режима (рис. 3).

Схема изготовления снаряда холодным способом включала в себя два этапа. Сначала свинцовую проволоку рубили на куски, затем получившиеся свинцовые цилиндрики обкатывали на твердой поверхности (современные охотники, например, для изготовления пули или дроби таким способом используют чугунные сковороды и катают по железному листу). В результате снаряд получался довольно округлый и мало чем

уступал качественно отлитой пуле. Такого типа снаряды назывались «секанцами» — от «сечь», «рубить свинец» (Маркевич, 1994. С. 115). Могли обкатать и произвольный кусок свинца.

К данной группе относится 58 экземпляров (из них 54 датированных предмета), что составляет 9 % от общего числа свинцовых снарядов. Значительный процент в этой группе составили необработанные свинцовые цилиндры. Являлись ли они необкатанными заготовками, или могли использоваться как самостоятельные снаряды, сказать трудно, во всяком случае, исключать такую возможность нельзя. Для XIX–XX вв. известны охотничьи снаряды разрушительного действия (жеребей), предназначенные для стрельбы по крупным целям, практически ничем не отличающиеся от свинцовых цилиндров, происходящих из средневековых слоев. Изготавливали их так же, как правило, кустарно, путем рубки свинцовой проволоки (Бутурлин, 1912. С. 23).

Таким образом, свинцовые снаряды данной группы представлены двумя вариантами, которые могли использоваться в качестве боеприпаса.

Вариант 1. Заготовка (или снаряд-жеребей?) в виде цилиндра, без дальнейшей обработки (рис. 3, группа 3). Включает 42 экземпляра (72 % от 58 снарядов данной группы), происходящих из комплексов Москвы и Епифанских слобод (Голино 1, Голино 3), датируемых концом XV–XVII в. Вес от 4,2 до 19,2 г; размер цилиндра: высота 30–50 мм, диаметр 8–16 мм.

Вариант 2. Произвольный кусок свинца или заготовка в виде цилиндра, со следами обкатки (рис. 3, группа 3). Включает 16 экземпляров, что составляет 28 % от снарядов данной группы, и происходит из комплексов Москвы и Епифанских слобод (Голино 1, Голино 3, Кораблино), датируемых концом XV–XVII в. Вес от 5 до 13,5 г, диаметр 10–19,5 мм.

Свинцовые снаряды группы 3, также подразделяются на три раздела по весо-размерным показателям (см. табл. 5; табл. 6).

Таблица 5
Весо-размерные характеристики свинцовых снарядов группы 3 конца XV — начала XVII в.

Снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Всего
Количество		12	3	15
Размер (мм)	9	10–14	15–27	
Вес (г)	2–6,8	4,6–15,8	18,5–39,7	

Таблица 6
Весо-размерные характеристики свинцовых
снарядов группы 3 XVII — начала XVIII в.

Снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Всего
Количество	1	22		23
Размер (мм)	9	10–14	15–27	
Вес (г)	2–6,8	4,6–15,8	18,5–39,7	

Как видно из таблиц 1–6, выделенные нами группы снарядов включали разные по назначению типы боеприпасов. Так, снаряды группы 2, изготовленные в характерной дроболитейной технике, представляют собой отнюдь не только дробь. Дробинки определяются, прежде всего, способом их применения, характеризуются малыми размерами, и, соответственно, малым весом. В нашем случае, данным способом изготавливали помимо мелких, довольно крупные экземпляры, достигающие 20 мм в диаметре, при весе 22,5 г (рис. 3, группа 2, вариант 1), что позволяет говорить об универсальности приведенных способов изготовления всех видов боеприпасов для ручного огнестрельного оружия.

Диаграмма на рисунке 4 иллюстрирует доминирование технологии изготовления боеприпаса при помощи отливки свинца в формы — пулелейки. Если исключить из общей статистики

столь необычную и многочисленную коллекцию епифанских свинцовых снарядов (где для XVI в. доминирующими были снаряды группы 2, происхождение которых во многом связано с характерными особенностями снабжения служилых людей Епифани — *Гоняный, Гриценко, Двуреченский*, в печати), то картина станет еще более статичной (см. рис. 5).

Помимо свинцовых пуль, известны железные кованые шарики диаметром 11–14 мм, при весе 7–8,5 г, которые также могли быть пулями.

По источникам XVI–XVII вв., в качестве боеприпаса для ручного огнестрельного оружия упоминаются, как правило, только свинцовые «пули» или «пульки», отлитые в «фурмах». Свинец централизованно посылался в войска и города для изготовления пуль и ядер. Все эти затраты свинца тщательно фиксировались Разрядным и Иноземным приказами (АМГ, 1890. № 213, с. 242, 243; АМГ, 1894. № 138, с. 88; № 428, с. 266; № 677, с. 416). Начиная с XVII в., из Москвы наряду со свинцом отсылались по необходимости запасы «пулек», измеряемых пудами (АМГ, 1894. № 540, с. 335). Свинец для литья боеприпасов поставлялся либо в свиньях — продолговатых болванках, выпуклых с одной стороны и плоских с другой (вес таких свиней был не нормирован, примерно 5–8 пудов), либо произвольными кусками, в мешках (АМГ, 1890. № 678, с. 624; АМГ 1894. № 736, с. 449, 461). Перевозили свинец, «пульки» и порох на подводах по 15–20 пудов на каждой

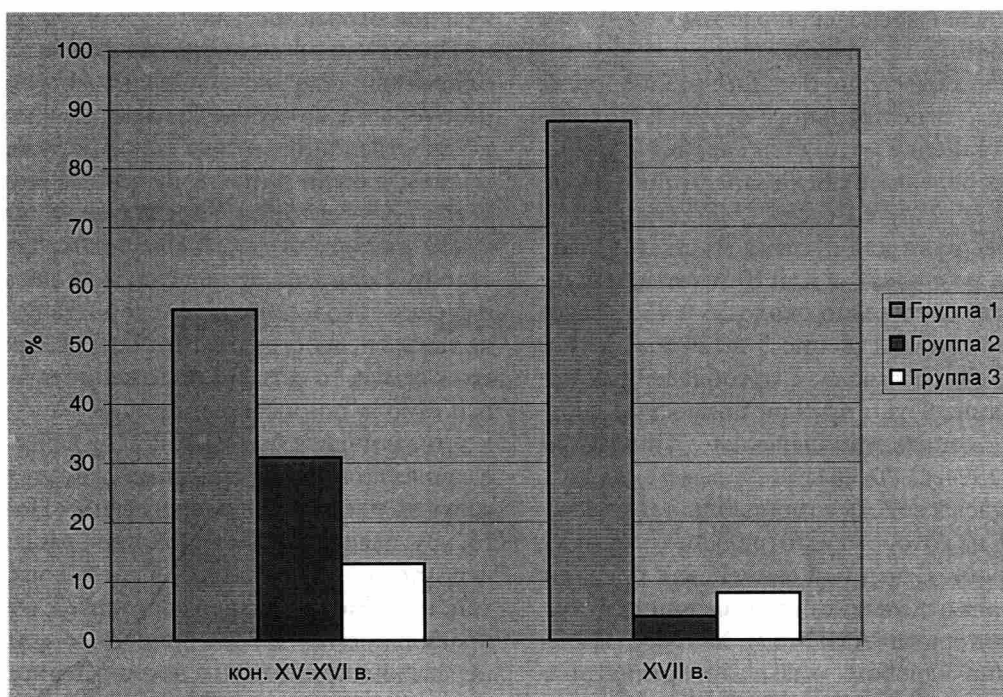

Рис. 4. Процентное соотношение групп свинцовых снарядов

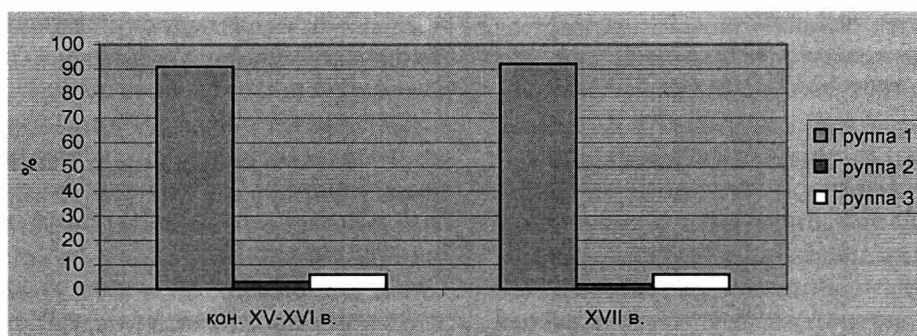

Рис. 5. Процентное соотношение групп свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия без учета материалов из Епифанских слобод

или по рекам (АМГ, 1890. № 362, с. 362). Наряду со свинцом отсылали пулелейки, или «фурмы», для самостоятельного изготовления пуль (АМГ, 1894. № 540, с. 335). Помимо свинцовых, применялись и железные пули. С распространением в конце XVI — начале XVII века в России мушкетов начинают различать мушкетные крупные пули и просто пульки пищальные (АМГ, 1894. № 677, с. 416). Вес и диаметр пуль определялся количеством шаровых снарядов, полученных из фунта свинца и подходящих как раз по калибру ствола (Маркевич, 1994. С. 72).

Основная масса стволов XVI в. представлена, в основном, одним типом ручного огнестрельного оружия — пищальми-ручницами, которые имели длину ствола 67–92 см и калибр 12,4–16 мм (Мышковский, 1961. С. 234). Казачьи пищали, хранящиеся в Государственной Оружейной палате, отличались меньшим калибром (10–12 мм). Калибр пищалей московской работы — 7–18 мм (Гордеев, 1954б. С. 20, 25–36).

Для XVII в. характерно большее разнообразие видов ручного огнестрельного оружия. Получают распространение мушкеты, карабины и пистолеты, изготовленные как на Западе, так и по европейскому образцу в России (Маковская, 1991. С. 24, 25). Вес пули для русских мушкетов середины XVII в. равнялся 8-й или 10-й части от фунта свинца, что составляло около 56 и 45 г. Такое ружье имело соответственно 8-й (20 мм) и 10-й (19,25 мм) калибр ствола, с преобладанием последнего. Данный тип оружия полностью соответствовал западноевропейским стандартам (Маркевич, 1994. С. 70–75).

Поставлялся в войска и гарнизоны также сеченый свинец, из которого изготавливали «секанцы», а так же «дробь». Сеченный свинец, как правило, рассчитывался отдельно от просто свинца. Рубили свинец топорами (АМГ, 1894. № 736, с. 449).

Собственно «дробом» называли артиллерийскую картечь, в виде камней, кусков свинца и железа или тех же ружейных пуль. «Дробь» могли при-

менять и в затинных пищалах — чем-то средним между орудием малого калибра и крепостным ружьем (АМГ, 1894. № 428, с. 266). Применяли ли дробь в России для ручного огнестрельного оружия в конце XVI — начале XVII в., сказать трудно, во всяком случае, мы такими данными не располагаем. Русские охотничьи ружья известны только с середины XVII в. (Маркевич, 1994. С. 129–134).

Таким образом, в конце XVI — начале XVII в. для ручного огнестрельного оружия применялся в основном только один вид боеприпасов — пули. Изготавливались они либо литьем в формы, либо (что более характерно для «дроба», то есть картечи) обкатыванием свинцовых цилиндрических заготовок на плоскости. Для этого времени нам не известны упоминания в источниках такого способа производства как литье расплавленного металла в жидкую среду. Возможно, этот способ изготовления снарядов являлся некой локальной особенностью.

Прежде чем остановиться на боевых качествах описанных снарядов, необходимо упомянуть о некоторых законах баллистики. При выстреле из гладкоствольного ружья (такими ружьями в основном и были пищали-ручницы) круглая пуля летит по траектории, определяемой центром тяжести снаряда и действием толчка от газов по стволу. Сопротивление воздуха, а так же трение о стенки ствола замедляет скорость полета, а сила тяжести, действующая на снаряд, притягивает его к земле, то есть его положение относительно оси ствола понижается, причем с прогрессивно усиливающейся быстротой. Под действием этих главных сил снаряд описывает в воздухе в вертикальной плоскости кривую линию. Помимо этого, круглая пуля имеет свойство вращаться: даже штампованную пулю XIX в., не говоря уже о литой, невозможно было изготовить с абсолютной правильностью и однородностью массы, а это неизбежно приводило к несовпадению ее центра тяжести с геометрическим центром. При вращении же пули, по механическому закону сложе-

ния угловых и линейных скоростей, она уклоняется (эффект деривации) от первоначального направления полета в ту сторону, куда вращается передняя или верхняя половина пули. Соответственно, помимо вертикального смещения происходит горизонтальное. Также пуле придается случайное вращение внутри грубого ствола (например, рядовых пищалей, стволы которых ковались и сваривались из железной пластины — Гордеев, 1954. С. 9–10). Тот же эффект наблюдается, когда пуля в стволе движется с зазором. Для предотвращения вращения уже в XIX в. делались попытки снабдить пулю хвостом-стабилизатором. Не являются ли стреляные пули с необрезанным литником чем-то аналогичным? Во всяком случае, большого практического значения эти нововведения не имели, колебание у круглых пуль «с хвостом» достигало 30 градусов.

Таким образом, чтобы пуля преодолела все мешающие ее полету препятствия, ей необходимо было придать значительную начальную скорость. Однако начальная скорость при легких снарядах имеет свойство быстро гаснуть, поэтому вторым фактором надежного боя пуль является их вес. Чем больше вес, тем больше поперечная нагрузка, и пуля дольше держит первоначальную скорость. Следовательно, если пуля вследствие значительного заряда имеет большую начальную скорость и хорошо ее сохраняет благодаря большой поперечной нагрузке, то траектория снаряда будет отлогой, и, соответственно, отклонение незначительным (Бутурлин, 1902. С. 9–18, 65). Но большой вес снаряда требует и соответственного количества заряда. Заряды в XVI–XVII вв. достигали половины веса пули. Чтобы стволы при таком заряде не разрывались, приходилось утолщать стенки стволов до 11–14 мм (Маркевич, 1994. С. 71; Маковская, 1991. С. 24; Гордеев, 1954. С. 27).

Все приведенные факторы определяют незначительную дальность и кучность стрельбы круг-

лой пуль из гладкоствольных ружей вообще, и ружей XVI–XVII вв., в частности. Известно, что при проведении смотров русским войскам в XVI в., дистанция действительного огня немногим превышала 50–60 метров. Точный прицельный огонь был невозможен, значение имел лишь залповый огонь (Разин, 1994. С. 332). Этим во многом и определяется качество выделки свинцовых снарядов. Как уже сказано выше, только 53 % пуль, изготовленных литьем в формы, являлись, собственно, круглыми пулями, шаровидность которых была далеко не идеальна. Все же остальные являлись браком и, тем не менее, использовались в качестве боеприпаса. Снаряды, изготовленные другими способами, и давным-давно не отличались какими-либо аэродинамическими свойствами.

С начала XVII в. можно отметить незначительное изменение в качествах боеприпаса. Судя по следам обжима, пули начинают доставляться и храниться централизованно в войсках. Сам факт поставки пуль, а не свинца, из которого на месте изготавливались снаряды, предполагает возникновение некоторого единообразия в калибрах стрелкового оружия.

В заключении хотелось бы отметить следующее. Археологически фиксируемое с конца XV в. появление боеприпаса для ручного огнестрельного оружия маркирует время распространения этого оружия. Параллельно, с конца XV в., в Московской земле начинает создаваться артиллерия как таковая, выделившаяся из общего поля огнестрельного оружия. Эти изменения могут быть связаны с именем выдающегося итальянского инженера того времени — Аристотеля Фиораванти. Появление технологии производства и традиции применения ручного огнестрельного оружия — важнейшая веха в развитии русского военного дела. Уже в самом начале XVI в. источниками фиксируется создание новых, специфических воинских формирований — пищальников, ставших предтечами будущего стрелцкого войска.

Литература

- АМГ. Т. 1., СПб., 1890.
 АМГ. Т. 2., СПб., 1894.
 Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазей, материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М.
 Бутурлин С. А., 1902. Охотничье пульное оружие. Брест-Литовск.
 Бутурлин С. А., 1912. Стрельба пуль. СПб.
 Варенов А. Б., 1997. Каменная орнаментированная пулелейка из Тульского Кремля // СА. № 4.
 Гонаный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения верхового коня и всадника из Епифанских слобод. (В печати.)
 Гордеев Н. В., 1954. Русское огнестрельное оружие XVII века // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М.
 Маковская Л. К., 1991. Стрелковое оружие россиян // Техника и вооружение. № 10–12. М.
 Маркевич В. Е., 1994. Ручное огнестрельное оружие. М.
 Мельников Н. П., 1880. Производство дробы. СПб.
 Мышковский Е. В., 1961. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // СА. № 1.
 Разин Е. А., 1994. История военного искусства. М.
 Розенфельдт Р. Л., 1971. Инструменты московских ремесленников // МИА. Вып. 167. (Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV). М.

Приложение. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII века. (Ш. — шурф, ЗН — зона наблюдений)

№ п. п.	№ в коллек-ции/ описи	Место находки	Руководитель раскопок	Год	Группа (технология изготовления, материал, заготовки)	Вариант	Вес (г)	Размер / диаметр (мм)	Дата	Источник информации о находке / место хранения
1	3	Москва, ул. Шапошникова. Р-5	Векслер А. Г.	1991	группа 1	Вариант 1	18,6	16	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
2	70	Москва, Манежная пл. Р. 7	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 2		8	сер. — 2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
3	82	Москва, Манежная пл. Р. 7	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 1		13	сер. — 2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
4	75	Москва, Манежная пл. Р. 3	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 2		16	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
5	108	Москва, Манежная пл. Р. 3	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 1		15	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
6	18	Москва, Манежная пл. Р. 3	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 1		12	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
7	22	Москва, Манежная пл. Р. 3	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 1		13	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
8	356	Москва, Манежная пл. Р. 1	Векслер А. Г.	1993	группа 1	Вариант 2		15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
9	51	Москва, ул. Орудьная, 40. Р. 3	Векслер А. Г.	1994	группа 1	Вариант 2	18,2		?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
10	38	Москва, Манеж р. 11	Векслер А. Г.	1994	группа 1	Вариант 2		16	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
11	57	Москва, Манеж р. 11	Векслер А. Г.	1994	группа 1	Вариант 1		13	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
12	60	Москва, Манеж р. 11	Векслер А. Г.	1994	группа 1	Вариант 1		12	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
13	147	Моск. обл., Мякинино 2	Векслер А. Г.	1994	группа 1	Вариант 1		14	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
14	27	Москва, Манеж р. 14	Векслер А. Г.	1994	группа 1	Вариант 2		16	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
15	34	Москва, ул. Ильинка. Ш. 2	Векслер А. Г.	1995	группа 1	Вариант 2		7	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
16	246	Москва, Манеж. ЗН. Воскресен-ский мост XVI.	Векслер А. Г.	1995	группа 1	Вариант 16		13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
17	138	Москва, Манеж. Воскресенский мост XVII.	Векслер А. Г.	1995	группа 1	Вариант 2		9	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
18	48	Москва, ул. Большая Орудьная, 1/5	Векслер А. Г.	1995	?	?			?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
19	184	Москва, Арбат, 1/7	Векслер А. Г.	1995	группа 1	Вариант 1		11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
20	67	Москва, Кадашевский пер., 4-6. Р. 1	Векслер А. Г.	1996	каменный	каменный		23	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
21	6	Москва, Красная площадь. Шахта 3	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2	34	19	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
22	3	Москва, Гостинный двор, ЗН. Уч. 1, траншея	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 1	2,6	10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
23	55	Москва, Гостинный двор, ЗН. Уч. 1, траншея	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2	17	13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
24	70	Москва, Гостинный двор, ЗН. Уч. 1, траншея	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 1	7,7	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
25	4	Москва, ул. Ильинка, ЗН. 4. Уч. 1, траншея 3.	Векслер А. Г.	1996	?	?			?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
26	26	Москва, ул. Ильинка. Ш. 5	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2	2	8	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
27	29	Москва, ул. Ильинка. Ш. 5	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2	2	7	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
28	30	Москва, ул. Ильинка. Ш. 5	Векслер А. Г.	1996	группа 3	Вариант 2	7,4	10x8	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

29	31	Москва, Кадашевский пер., 12-11. Ш. 4	Векслер А. Г.	1996	каменный	каменный		14	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
30	65	Москва, Кадашевский пер., 12-11. Шурф 3	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 1	6	10	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
31	22	Москва, Красная площадь. Шахта 3	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2	13	13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
32	48	Моск. обл., Мяхкинino 2	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2а		11	XVII—XVIII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
33	11	Москва, ул. Ильинка. Ш. 5	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 1	17,5	14	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
34	36	Москва, ул. Ильинка. Ш. 5	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 1	7	10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
35	9	Москва, ул. Ильинка. Р. 1. Уч. 6	Векслер А. Г.	1996	группа 1	Вариант 2		12	перекос	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
36	62	Москва, ул. Ильинка. Ш. 4	Векслер А. Г.	1996	?	?			?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
37	40	Москва, ул. Ильинка. Ш. 5	Векслер А. Г.	1996	группа 2	Вариант 1		аморфн.	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
38	90	Москва, ул. Пречистенка, 2. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 2	10,5	12	XVI—XVII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
39	9	Москва, Театральная пл. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 2		11	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
40	22	Москва, Театральная пл. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1		11	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
41	26	Москва, Театральная пл. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1		12	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
42	27	Москва, Театральная пл. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 2		9	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
43	125	Москва, ул. Никольская. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 2	12	14	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
44	9	Москва, 1-й Котельнический пер. Ш. 2	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 2			?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
45	24	Москва, 1-й Котельнический пер. Ш. 2	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 2		12	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
46	14	Москва, 1-й Котельнический пер. Зона набл.	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1	8	11	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
47	15	Москва, 1-й Котельнический пер. Зона набл.	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1	5	10	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
48	14	Москва, 1-й Котельнический пер. Ш. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1	27,5	19	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
49	64	Москва, ул. Арбат, 1/7. Р. 3	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1		14	нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
50	97	Москва, ул. Пречистенка, 2. Р. 1	Векслер А. Г.	1997	группа 1	Вариант 1		10	XVI—XVII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
51	1(23)	Москва, Кремлевская наб., 1/9 Набл.	Векслер А. Г.	1997	кусок свинца	кусок свинца	34	22	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
52	615	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	?	?			XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
53	465	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		27	XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
54	150	Москва, ул. Ильинка, 3Н. 7.	Векслер А. Г.	1998	?	?			?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
55	32	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1		11	сер.— 2-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
56	33	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1		12	сер.— 2-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
57	64	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1		13	сер.— 2-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
58	74	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1		11	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
59	160	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		8	сер.— 2-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
60	169	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		6	кон. XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
61	225	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	7,6	11	кон. XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
62	242	Москва, Гостинный двор. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 2	Вариант 1	5,6	10	кон. XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

105	394	Москва, Гостинный двор. Р. 5	Векслер А. Г.	1998	?	?	6,2		сер. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
106	26	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	27,5	20	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
107	38	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	12,8	13	3-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
108	39	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 2	Вариант 1	8,7	12	4-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
109	44	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	13,8	13	5-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
110	57	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	11,3	12	6-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
111	111	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	5,5	10	сер. — 2-я пол. XVI в. I	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
112	132	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 3	Вариант 1	10	12	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
113	207	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 2	Вариант 1	6,7	11	1-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
114	243	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	3,5	7	сер. — 2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
115	261	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 3	Вариант 2	10,5	11	кон. XV — 1-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
116	623	Москва, Гостинный двор. Р. 6	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	3,5	9	сер. — 2-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
117	12	Москва, Гостинный двор. ЗН4. Шурф	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	2,7	7	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
118	15	Москва, Гостинный двор. ЗН4. Шурф	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	14,2		?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
119	17	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
120	18	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		19	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
121	26	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1		9	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
122	38	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
123	39	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1		11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
124	42	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
125	43	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
126	58	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		12	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
127	59	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2		11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
128	28	Москва, Гостинный двор. ЗН2. Уч. 3	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	8,4	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
129	29	Москва, Котельничский пер. Р. 1. Уч. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 16	7,5	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
130	4	Москва, Б. Черкасский пер. Уч. 2	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	12	13	перескоп	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
131	5	Москва, Б. Черкасский пер. Уч. 2	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2а	15	15	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
132	12	Москва, Кадашевский пер., 4/16	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 1	5,6	9	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
133	2	Москва, Кадашевский пер., 4/16	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 2	10,1	12	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
134	20	Москва, Кадашевский пер., 4/16	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 1	9,5	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
135	19	Москва, Кадашевский пер., 4/16	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 2	10,5	13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

136	24	Москва, Шведский тулик, 3	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2	8,1	11	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
137	30	Москва, Шведский тулик, 3	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	8,2	9	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
138	50	Москва, Шведский тулик, 3	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2	13,7	14	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
139	2	Москва, ул. Моховая	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2	16,5		XVI—XVII вв.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
140	1	Москва, Б. Черкасский пер. Ш. 1	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 1	13,6	14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
141	2	Москва, Б. Черкасский пер. Ш. 1	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 1	11,3	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
142	3	Москва, Б. Черкасский пер. Ш. 1	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 1	10,1	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
143	1	Москва, Страстной бульвар	Векслер А. Г.	2000	группа 1	Вариант 1	6,2	9	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
144	24	Москва обл., Радонеж 2	Чернов С. З.	1997	группа 1	Вариант 2а	4,2	8	XVI — нач. XVII в.	Сведения С. З. Чернова
145	66	Москва обл., Радонеж 2	Чернов С. З.	1997	группа 1	Вариант 2	9,4		XVI — нач. XVII в.	Сведения С. З. Чернова
146	216	Москва обл., Радонеж 2	Чернов С. З.	1997	?	?	5,7	10	XVI — нач. XVII в.	Сведения С. З. Чернова
147	217	Москва обл., Радонеж 2	Чернов С. З.	1997	?	?	2,2	7	XVI — нач. XVII в.	Сведения С. З. Чернова
148	69	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	7,2	11	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
149	239	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	6,4	9	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
150	266	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	7,9	12	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
151	267	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 16	4	9	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
152	268	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	5,9	8,5-10	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
153	275	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	6,5	10	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
154	273	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	6,2	9	2-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
155	284	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	12,4	13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
156	283	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	14,4	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
157	282	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 3	Вариант 2	4,4	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
158	296	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	3,2	9	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
159	207	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	4,4	9	XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
160	295	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	кусок свинца	кусок свинца	10,5	15	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
161	286	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	13,6	14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
162	285	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 16	13,6	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
163	281	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	8,5	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
164	128	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	6,5	11	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
165	129	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7	12	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
166	961	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	5	9	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
167	962	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	4	7x2	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
168	399	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	7	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
169	554	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	6,4	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
170	419	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	6,4	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
171	664	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	10,4	13	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
172	572	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	6,8	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
173	639	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	13,6	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
174	816	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	14	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
175	405	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
176	480	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	11	11,5	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
177	539	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7,5	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

178	365	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	14,7	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
179	330	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	16,4	16	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
180	608	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	4,7	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
181	569	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	9	13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
182	607	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	6,4	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
183	474	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	?	?	4,8	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
184	517	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	9,8	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
185	450	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7,8	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
186	698	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1а	Вариант 1а	6,4	10	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
187	677	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	10,8	13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
188	823	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7,6	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
189	430	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	сектор пули	12,4	10x14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
190	360	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	1	6	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
191	597	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	9,7	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
192	649	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	11	12	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
193	833	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	3,5	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
194	584	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	14,5	14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
195	814	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	9,2	11x13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
196	813	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	11,7	11x13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
197	837	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	9,2	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
198	609	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	14	14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
199	589	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	10,2	12x14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
200	863	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 3	Вариант 1	5,5	9x13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
201	617	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	10	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
202	458	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	32,5	20	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
203	638	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	6	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
204	469	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	1,2	7	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
205	862	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	6,6	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
206	526	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	1,2	6	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
207	478	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	4,2	7x13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
208	444	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7,3	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
209	404	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	5,1	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
210	697	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	11,6	13	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
211	378	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	кусок свинца	кусок свинца	10	12x15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
212	869	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	8,4	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
213	853	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	4,4	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
214	874	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	12,6	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
215	906	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	12,8	14	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
216	953	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 3	Вариант 1	7,2	10x12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
217	884	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7	10	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
218	594	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	3,2	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
219	896	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	17,6	16	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

220	788	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	3,3	9x11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
221	854	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	2,3	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
222	905	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	4,5	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
223	949	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	16,5	16	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
224	881	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	11,8	15	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
225	882	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	7,7	13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
226	873	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	9,1	13	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
227	701	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	10,5	13	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
228	886	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	4,7	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
229	883	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	7,8	10x16	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
230	875	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	9,5	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
231	903	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	4,3	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
232	887	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	3,3	8	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
233	655	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 1	8,7	12	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
234	885	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	5,7	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
235	850	Москва, ул. Б. Дмитровка	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	5,2	9	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
236	27	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	31	20	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
237	29	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	9,5	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
238	42	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	9,7	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
239	43	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1	8,3	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
240	47	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	3,4	9	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
241	50	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	9,7	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
242	52	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1	7,5	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
243	53	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1	6,3	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
244	55	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	31,7	22	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
245	60	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	2	8	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
246	62	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	3	9	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
247	111	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	7,4	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
248	115	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1a	9,4	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
249	117	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	26,6	18-20	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
250	118	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1	39,7	20	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
251	119	Москва, ул. Народная	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	27,5	20	посл. треть XVI — нач. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
252	129/1	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	5,5	8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
253	129/2	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца	16,2	8x28	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
254	129/3	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца		5x17	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
255	129/4	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			Нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
256	129/5	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129

257	129/6	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
258	129/7	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
259	129/8	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
260	129/9	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
261	129/10	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца			нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
262	129/11	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		?	?	8,5	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
263	129/12	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	10,2		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
264	129/13	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	11,2		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
265	129/14	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	4,5	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
266	129/15	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	4,2	8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
267	129/16	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 3	Вариант 1	4,2	9х8,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
268	129/17	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	5	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
269	129/18	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	4	8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
270	129/19	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2а	3,7	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
271	129/20	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	1,8		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
272	129/21	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1а	5,2	8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
273	129/22	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	6,3	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
274	129/23	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	5,3	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
275	129/24	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 3	Вариант 1	4,8	11х10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
276	129/25	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	5,5	13х11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
277	129/26	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	6,8	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
278	129/27	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1а	7,3	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129

279	129\128	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	5,3	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
280	129\29	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	4,8	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
281	129\30	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	7,4	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
282	129\31	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	5,9	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
283	129\32	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	8,2	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
284	129\33	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	8,1	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
285	129\34	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1a	6,5	9,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
286	129\35	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1a	8	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
287	129\36	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	6,8	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
288	129\37	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	4,9	11x8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
289	129\38	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 1	8,2	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
290	129\39	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 1	4,7		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
291	129\40	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	11,6	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
292	129\41	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	9,8	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
293	129\42	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	12,7	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
294	129\43	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	8,9	10,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
295	129\44	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1a	13,5	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
296	129\45	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 1	11,7	11x12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
297	129\46	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	10,5	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
298	129\47	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	12,8	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
299	129\48	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	10,5	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
300	129\49	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 1	13,8	11x13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129

301	129\50	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 1	5,2	15x8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
302	129\51	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	10,9	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
303	129\52	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 2	9,8	11,7	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
304	129\53	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	11,4	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
305	129\54	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	5,7	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
306	129\55	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 1	10	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
307	129\56	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 2	6,8	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
308	129\57	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	9		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
309	129\58	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	14,2		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
310	129\59	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	15		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
311	129\60	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	10		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
312	129\61	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	6		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
313	129\62	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	11	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
314	129\63	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	9	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
315	129\64	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 3	Вариант 2	12,7	13,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
316	129\65	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	11	12,2	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
317	129\66	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	9,8	10,7	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
318	129\67	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	18,5	15,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
319	129\68	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 1	13	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
320	129\69	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	13		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
321	129\70	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	9,5		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
322	129\71	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского	группа 1	Вариант 2	10,5		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129

323	129/72	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	13	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
324	129/73	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
325	129/74	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
326	721	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	9,7	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
327	722	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	13,4	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
328	723	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	11,5	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
329	724	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	14	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
330	725	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	13,6	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
331	726	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	5,6	9	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
332	727	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	12,1	12,8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
333	728	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	12	13,8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
334	729	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	11,3	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
335	730	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9,5	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
336	731	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9,4	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
337	732	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9,8	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
338	733	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	10,8	12,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
339	734	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	10,3	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
340	735	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	12		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
341	736	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9,4		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
342	737	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 3	Вариант 1	8,2	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
343	738	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 3	Вариант 1	8,8	10,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
344	739	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	9,7	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129

345	740	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	10,6	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
346	741	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	24,5	17	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
347	742	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	11,5	12,8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
348	743	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	12,7	14	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
349	744	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	12,1	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
350	745	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	10	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
351	746	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	12,6	12,8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
352	747	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	11		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
353	748	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	13	13	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
354	749	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2	10,7		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
355	750	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		кусок свинца	кусок свинца	7,5		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
356	751	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	7,5	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
357	752	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	10,9	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
358	753	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	10,1	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
359	754	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	10,7	12	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
360	755	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	6,2	8	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
361	756	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	9,8	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
362	757	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	9	11	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
363	758	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	6,5	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
364	759	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	5,7	12,7	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
365	760	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	11,5	11,5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
366	761	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 1	11,5	11,2	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129

367	627	Моск. обл., Тушинский лагерь	коллекция Политковского		группа 1	Вариант 2		17	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
368	284	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	?	?	7		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
369	16	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	?	?	1	5	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
370	26	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	?	?	1	5	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
371	4	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 2	Вариант 2	5,7	9	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
372	510	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	5	10	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
373	5	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 2	Вариант 2	8	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
374	500	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	10,9	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
375	204	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	6,5	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
376	501	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	13	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
377	203	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	13,5	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
378	505	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	10,3	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
379	508	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	8,2	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
380	9	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	9	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
381	1	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	6,5	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
382	2	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	8,1	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
383	4	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	4	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
384	504	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	11,9	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
385	56	Голинская слобода (Голино 1.)	Голяный М. И.	1997	группа 2	Вариант 2	20,6	15	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
386	535	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	16	15	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
387	11	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 2	Вариант 2	8,7	1х1,5	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
388	12	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 2	Вариант 2	6,6	1х1,5	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
389	509	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 2	6,6		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
390	6	Голинская слобода (Голино 1.)	Голяный М. И.	1997	группа 2	Вариант 1	2	9	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
391	4	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	13,8	9	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
392	13	Голинская слобода (Голино 1.)	Голяный М. И.	1997	группа 2	Вариант 1	6	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
393	525	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	9,1	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
394	2	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 2	Вариант 1	11,2	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
395	8	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 2	Вариант 1	8,3	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
396	11	Голинская слобода (Голино 1.)	Голяный М. И.	1997	группа 2	Вариант 1	8	13	1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
397	498	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	12,5	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
398	202	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	7,5	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
399	7	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	12	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
400	45	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	10	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
401	497	Голинская слобода (Голино 3)	Голяный М. И.	1996	группа 2	Вариант 1	11,9	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей

[illegible]

[illegible]

523	1	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	13	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
524	526	Голянская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	9,3	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
525	529	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	9,8	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
526	346	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 2	8,4		1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
527	494	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	9,7		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
528	507	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	11,5		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
529	513	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	19,7		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
530	514	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	11		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
531	522	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	12		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
532	524	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	9,5		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
533	7	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	10,3	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
534	3	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 1	Вариант 2	8,6	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
535	6	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 1	Вариант 2	8,5	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	ГВИПМЗ «Куликово поле»
536	533	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2а	12,5	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
537	8	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	8,6	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
538	10	Булгаковская слобода (Мельгуново)	Гриценко В. П.	1991-1995	группа 1	Вариант 16	5,6	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
539	40	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 16	7	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
540	39	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 16	8,7	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
541	534	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 16	9,5	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
542	5	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 16	7,1	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
543	41	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 16	11,5	15	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
544	278	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 1	10,8		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
545	528	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 1	3,5		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
546	26	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 1	6,5	10	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
547	1а	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 1	8,1	10	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
548	1а	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 1	13	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
549	279	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 1	13,2	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
550	3	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 1	11,6	13	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
551	16	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 1	17,6	14	1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
552	36	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 2	3,3	9	1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
553	47	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	?	?	5	9	1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
554	46	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 2	5,4	10	1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
555	6а	Голинская слобода (Голино 1)	Гоняный М. И.	1997	группа 1	Вариант 2	4	10	1-я пол. XVII в.	Кимовский музей
556	294	Голинская слобода (Голино 3)	Гоняный М. И.	1996	группа 1	Вариант 2	8		посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей
557	36	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	6,8	10	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
558	9	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 3	Вариант 1	6,8	9	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
559	9а	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	2,8	7	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
560	96	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	5	9	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
561	9в	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 2	Вариант 1	5,3	9	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

562	9г	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	11	11	XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
563	290	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	2,8	7	кон. XV — 1-я пол. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
564	325	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	2,8	7	кон. XV — нач. XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
565	68	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1			XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
566	123	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1			XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
567	42	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 1			XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
568	19	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 2	Вариант 1			XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
569	274	Москва, Кадашевская наб. Р. 1	Векслер А. Г.	2002	группа 1	Вариант 2	6,6		XVI в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
570	6	Москва, Вознесенский пер., 7	Векслер А. Г.	2001	группа 1	Вариант 2	26	17	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
571	28	Москва, Кадашевская наб., 14	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2		11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
572	30	Москва, Кадашевская наб., 15	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2		7	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
573	31	Москва, Кадашевская наб., 16	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2		6	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
574	50	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 3	Вариант 2	8,5	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
575	51	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	10	12	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
576	87	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	6,4	10	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
577	150	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	3,2	8	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
578	155	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	14,3	13	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
579	185	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 2	Вариант 1	2,2	7	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
580	204	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	11,7	11	XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
581	205	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	7,7	9	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
582	206	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 1	4,3	8	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
583	228	Москва, Кадашевская наб., 16. Р. 1	Векслер А. Г.	1998	группа 1	Вариант 2	5,2	9	1-я пол. XVII в.	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
584	4	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	9,7	10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
585	10	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	3,8	7,5	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
586	96	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	12,6	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
587	156	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2	9,7	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
588	134	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	17,2	стрелян.	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
589	163	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	9,4	стрелян.	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
590	183	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 3	Вариант 1	6,7	9	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
591	192	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	?	?	8,2	10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
592	160	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	4,8	стрелян.	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
593	161	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2		9	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
594	226	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	10,1	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
595	218	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	8,3	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
596	182	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 3	Вариант 2	7,6	10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
597	273	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2	10,1	13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
598	318	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	8,1	10	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
599	319	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	8,7	13	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
600	342	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	кусок свинца	кусок свинца	1,2	6	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
601	350	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 2	2,2	7	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
602	356	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	13,9	12	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
603	398	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	1,4	6	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

604	401	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	11	11	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
605	402	Москва, Третьяковский проезд	Векслер А. Г.	1999	группа 1	Вариант 1	11,4	14	?	архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
606	1863	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	7,5	11	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
607	1864	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	7,5	11	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
608	1865	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2а	8	11	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
609	1866	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 1	7	10	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
610	1867	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	13,5	13	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
611	1868	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	21,5	16	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
612	1869	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	15,5	14	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
613	1870	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 1	9	10	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
614	1871	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 1б	7,5	11	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
615	1872	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 1	4,8	9	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
616	1973	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	6,8	9	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
617	1874	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 2	13,5	13	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
618	1875	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 1	13,3	13	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
619	1876	Мангазея	Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.	1970-е	группа 1	Вариант 1	6,8	9	кон. XVI — XVII в.	ГИМ, хр. 2545
620	730	Москва, Романов двор. Р. 6	Кренке Н. А.	2002	группа 2	Вариант 1	4,2	9	XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
621	1137	Москва, Романов двор. Р. 6	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 2	5,2	9	1-я пол. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
622	49	Москва, Романов двор. Р. 7	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1б	6,5	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
623	152	Москва, Романов двор. Р. 8	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 2	11,5	12	сер. — 2-я пол. XVI в.	Сведения Н. А. Кренке

624	51	Москва, Романов двор. Р. 8	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 2	8,3	11	?	Сведения Н. А. Кренке
625	48	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	8	10	?	Сведения Н. А. Кренке
626	106	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	9	11	2-я пол. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
627	113	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	4,5	9	2-я пол. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
628	127	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	6,5	10	1-я пол. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
629	1214	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	8	11	1-я пол. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
630	114	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	12,6	12	2-я пол. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
631	?	Москва, Романов двор. Р. 10	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	8,7	11	?	Сведения Н. А. Кренке
632	?	Москва, Романов двор. Р. 9	Кренке Н. А.	2002	группа 1	Вариант 1	12,6	12	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Сведения Н. А. Кренке
633	4	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	11	12	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
634	26	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	24,5	17	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
635	65	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 1	36	19	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
636	177	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 1	7,2	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
637	187	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	35	19	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
638	229	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	34	18	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
639	234	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 2	Вариант 1	2,9	9	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
640	313	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	24,5	17	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
641	544	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	29,5	18	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
642	692	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	32	18	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
643	537	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	29,5	18	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
644	630	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	33	18	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
645	501	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 1	4,5	8	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
646	260	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 1	8	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
647	623	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	7	стрелян.	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
648	631	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 1	10	12	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
649	263	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	10,4	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
650	660	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 1	8	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
651	269	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	Вариант 2	6,3	10	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
652	316	Смоленск	Зубарев Н. В.	2001	группа 1	сектор пули	17	17	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Н. В. Зубарева
653	1?	Белгород. Р. 10	Никитин А. В.	1955	группа 1	Вариант 1		16	кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
654	1?	Белгород. Р. 15	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
655	1?	Белгород. Р. 15	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
656	2?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
657	3?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
658	4?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
659	5?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
660	6?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
661	7?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
662	8?	Белгород. Р. 20	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
663	1?	Белгород. Р. 21	Никитин А. В.	1955	группа 1	Вариант 1а		17	кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
664	2?	Белгород. Р. 21	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193
665	3?	Белгород. Р. 21	Никитин А. В.	1955	?	?			кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р. 1. № 1193

666	4?	Белгород. Р. 21	Никитин А. В.	1955	?	?	?	кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 1193
667	5?	Белгород. Р. 21	Никитин А. В.	1955	?	?	?	кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 1193
668	6?	Белгород. Р. 21	Никитин А. В.	1955	?	?	?	кон. XVI — XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 1193
669	1	Тула. Р. 1	Буров В. А.	1982	группа 1	Вариант 2	18	XVII — нач. XIX в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 8958
670	2	Тула. Р. 1	Буров В. А.	1982	группа 1	Вариант 2		XVII — нач. XIX в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 8958
671	16	Тула. Р. 1	Буров В. А.	1982	?	?	8	XVII — нач. XIX в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 8958
672	34	Тула. Р. 1	Буров В. А.	1982	группа 1	Вариант 1	14	2-я пол. XVIII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 8958
673	95	Тула. Р. 1	Буров В. А.	1982	группа 1	Вариант 1	13	XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 8958
674	302	Выборг 1	Толенев В. А.	1979	?	?	12	?	Архив ИА РАН. Р-1. № 7555
675	6	Псков, Педагогический институт	Лабуткина И. К.	1969	группа 1	Вариант 2	11	?	Архив ИА РАН. Р-1. № 4550
676	22	Псков, Домонтов город	Белецкий В. Д.	1987	?	?	17	кон. XV — XVI в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 14747
677	5	Москва, Разинский спуск	Чернов С. З.	1989	группа 1	Вариант 1	11	?	Архив ИА РАН. Р-1. № 14015-14024
678	16	Москва, Разинский спуск	Чернов С. З.	1989	группа 1	Вариант 2	13	?	Архив ИА РАН. Р-1. № 14015-14024
679	200	Москва, Разинский спуск	Чернов С. З.	1989	группа 1	Вариант 1		?	Архив ИА РАН. Р-1. № 14015-14024
680	226	Москва, Разинский спуск	Чернов С. З.	1989	группа 1	Вариант 2	10	?	Архив ИА РАН. Р-1. № 14015-14024
681	227	Москва, Разинский спуск	Чернов С. З.	1989	группа 1	Вариант 2	9,5	?	Архив ИА РАН. Р-1. № 14015-14024
682	91	Москва, Китайский проезд	Чернов С. З.	1988	группа 1	Вариант 1	13	XVII—XVIII вв.	Архив ИА РАН. Р-1. № 12808-12812
683	134	Москва, Куйбышевская пл.	Бойцов И. А.	1988	группа 1	Вариант 1	9	XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 12810
684	135	Москва, Куйбышевская пл.	Бойцов И. А.	1988	группа 1	Вариант 1	9	XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 12810
685	131	Москва, Исторический проезд	Чернов С. З.	1988	группа 1	Вариант 2	13	XVII—XVIII вв.	Архив ИА РАН. Р-1. № 13154-13166
686	702	Коломна	Мазуров А. Б.	1995	группа 1	Вариант 1	11	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1. № 19323
687	61	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 3	Вариант 1	6	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
688	344	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	22	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
689	79	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	7	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
690	113	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	17,5	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
691	410	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	9	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
692	120	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	21	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
693	354	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	8,5	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
694	348	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	12	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина

695	16	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	23	16	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
696	59	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	10	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
697	33	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	25	16	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
698	66	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	13,5	13	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
699	411	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	15	13	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
700	246	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	9	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
701	342	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	26	17	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
702	9	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	25	17	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
703	384	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	30	19	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
704	376	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	12,5	14	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
705	89	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 1	8,5	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
706	57	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2			2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
707	389	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 3	Вариант 2	12,5	11	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
708	146	Смоленск, ул. Воровского — ул. Ногина	Нигматулин Р. А.	2003	группа 1	Вариант 2	36	18	2-я пол. XVII — нач. XVIII в.	Сведения Р. А. Нигматулина
709	4	Голинская слобода (Толино 3)	Гонимый М. И.	1996	железный снаряд	железный	8,5	14	посл. треть XVI — нач. XVII в.	Кимовский музей

Проблемные вопросы археологии Московской земли

История изучения археологических памятников Подмосковья восходит к 30-м годам XIX столетия, когда летом 1838 г. А. Д. Чертковым было раскопано 15 курганов у д. Верхогрязь близ Звенигорода, материалы раскопок которых были вскоре опубликованы (*Чертков*, 1839. С. 284–292; 1849). Уровень науки того времени не позволил исследователю правильно осмыслить найденные древности. Они были отнесены им к дославянской эпохе, а этнически в одном случае — к мерянам, в другом — к варягам.

Начиная с этого времени и на протяжении почти всего XIV столетия, преимущественное развитие получила именно «курганная» археология. Это был период интенсивного накопления фактического материала, связанного с именами таких исследователей, как А. А. Гатцук, Н. Г. Керцелли, А. И. Кельсиев, В. Ф. Миллер и др. Методический уровень этих раскопок был низок. Например, Н. И. Лыжин раскопал 26 курганов у с. Косино за два коротких октябрьских дня 1886 г. (*Лыжин*, 1890. С. 735–739). Как справедливо подметил О. Н. Бадер, подобные раскопки в лучшем случае могли быть лишь сбором материала. Тем не менее, уже в этот период возникла потребность сделать сводку курганных древностей, и в 1879 г. М. А. Саблиным был опубликован первый список курганов Московской области (*Саблин*, 1879). Он, правда, имел существенные дефекты: отсутствовало описание местоположения курганов, зачастую сведения о количестве курганов в группах были неверными. Дискутировалась проблема об этнической принадлежности погребенных. И. Д. Беляев, а вслед за ним, и А. А. Гатцук полагали, что носителями культуры, оставившими эти курганы, были финны (*Беляев*, 1876. С. 5; *Гатцук*, 1865). В 1860-е годы большие раскопочные работы в Подмосковье проводил антрополог Московского университета А. П. Богданов, который произвел краниологические исследования 211 погребений. В результате исследователь вынужден был признать, что первые поселенцы Средней России не были финнами по своему происхождению. Это

заключение оказывалось в явном противоречии с бытовавшей в то время в науке точкой зрения, и, чтобы избежать противоречия, А. П. Богданов выдвинул две версии: либо славяне пришли на смену финнам, либо этнические группировки («по обрядам, обычаями языкам») не соответствуют антропологическим (*Богданов*, 1867; 1895).

Исследованием, венчающим усилия ученых XIX столетия в деле изучения древнерусских племен по археологическим данным, является известная работа А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», вышедшая в 1899 г. Основная заслуга исследователя заключалась в попытке связать накопленные к тому времени сведения о курганных древностях XI–XII вв. с данными «Повести временных лет». Ученый полагал, что курганные древности полян, древлян, радимичей, вятичей и других племен, занимая определенную, указанную Нестором территорию, различаются между собой наборами женских украшений. Иными словами набор определенных элементов костюма А. А. Спицын считал этнодифференцирующим показателем.

Почти все дальнейшее изучение славянских древностей шло в русле выводов А. А. Спицына, о чем свидетельствуют уже сами названия археологических исследований: «Курганы вятичей» А. В. Арциховского (1930), «Радзімичи» и «Поляне и северяне» Б. А. Рыбакова (1932; 1947), «Кривичи» и «Дреговичи» В. В. Седова (1960; 1963) и др.

Однако эти, казалось бы, четкие логические построения А. С. Спицына были подвергнуты сомнению со стороны П. Н. Третьякова, обратившего внимание на то обстоятельство, что процент «кривичских» курганов XII в. на вятичской территории очень велик. По его мнению, это объясняется различием хронологическим: кривичские погребения старше вятичских. На этом основании П. Н. Третьяков делает вывод, что распространение различных форм украшений определяет «не старые племенные границы, а границы новых складывающихся феодальных образований». Материалы памятников XI–XII вв., считал ученый,

не могут служить источником для изучения известных по летописям племен (*Третьяков*, 1937).

В послевоенные годы дискуссионным становится вопрос о времени вятичской колонизации края. В 1946 г. А. В. Арциховский, проводя раскопки Беседских курганов, вскрыл самую крупную насыпь в этой группе, которая не содержала погребения и отличалась от остальных наличием кольцевой канавки в основании кургана, на материке. Это дало основание исследователю отнести курган к памятникам типа Шаньково и Почепок и соответственно датировать появление вятичей в Подмоскovie серединой I тысячелетия н. э. (*Арциховский*, 1947). Однако это положение было подвергнуто резкой критике Е. И. Горюновой и в науке не удержалось.

В 1970-е годы, после диссертационных работ Н. Г. Недошивиной (1974) и Т. В. Равдиной (1975), посвященных, соответственно, анализу погребального обряда и вещевых комплексов вятичских курганов, в науке утвердилось мнение, что ни особенности погребального обряда, ни вещевые комплексы не дают данных для выделения племенных признаков вятичей. В работе Т. В. Равдиной были пересмотрены те датировки вятичских древностей, которые предлагались в свое время А. В. Арциховским (1932) в сторону их удвения.

В отличие от курганов, изучение сельских поселений Московской земли было начато значительно позже — с 20–30-х годов прошлого века, и дискуссионных вопросов, связанных с их раскопками, было гораздо меньше. Возможно, это связано с малой изученностью этих памятников. Достаточно сказать, что общее число селищ, открытых в Подмоскovie, приближается сейчас к двумстам, раскопкам же было подвергнуто очень незначительное число (Жуковское, Десна, у Серафимо-Знаменского скита и др.). Изучена материальная культура этих памятников, домостроительство, ремесло, торговля. На основе анализа археологической карты удается наметить гнезда памятников, состоящие из городища-убежища, крупного сельского поселения, общинного кладбища и тяготеющих к ним мелких поселений, причем все они расположены на основных водных артериях региона — реках Москве, Клязьме, Пахре. Все это территориальные сельские общины, из которых шло освоение окрестных территорий. Впервые такие общинные гнезда были выделены В. В. Седовым на Смоленщине (*Седов*, 1960).

Наибольший интерес из исследованных сельских поселений Московской земли представляет Жуковское селище (Одинцовский район), раскопки которого проводил А. Г. Векслер во второй

половине 1960-х годов (*Векслер*, 1968. С. 49, 50). Прежде всего, следует отметить, что в то время это были самые масштабные раскопки такого рода памятников. При общей площади поселения, составляющей 10 тыс. кв. м, было вскрыто 960 кв. м, то есть около 10 % его территории. Было установлено, что славянское население появилось здесь уже в IX в. и осело на месте поселка раннего железного века, функционировавшего в течение почти тысячелетия (VI в. до н. э. — VII в. н. э.). Причем показательно, что жизнь на поселении в славянское время началась с возведения деревянных оборонительных конструкций в прибрежной его части, где выявлены остатки двух рядов лежащих горизонтально обугленных бревен, а также округлое сооружение из вертикальных полубревен, относящееся к концу I тыс. н. э. Селище перестало функционировать в XIII в., вероятно, в связи с разорением монголо-татарами.

Здесь мы впервые сталкиваемся с проблемой, которая на протяжении десятилетий не находила своего разрешения. Заключалась она в том, что между верхней датой дьяковских памятников и появлением славян образовывалась хронологическая лакуна в два-три столетия. Исторически это обстоятельство объяснению не поддается. Плотность населения эпохи позднего железного века здесь была достаточно высокой, почти такой же, как и в славянское время. Куда же девалось население в этот период?

Решение проблемы могло двигаться в двух направлениях: либо следовало пересматривать датировки дьяковских памятников, либо искать в Подмоскovie ранние славянские поселения.

Что касается первого направления, то, действительно, тщательное изучение вещевых комплексов дьяковских поселений позволило И. Г. Розенфельдт выделить ряд категорий вещей, значительно переживающих общепринятые даты дьяковской культуры. Исследовательница пришла к выводу, «что жизнь на дьяковских поселениях не завершается в V–VII вв., а продолжается вплоть до X — начала XI в.» (*Розенфельдт*, 1982). Подобные выводы сделаны автором на основе датировок отдельных категорий вещей, а не памятников в целом, поэтому нам представляется, что в этом вопросе более прав К. А. Смирнов, датировавший заключительный этап дьяковской культуры временем от конца VI — начала VII в. до начала IX в. (*Смирнов*, 1974).

В последние годы наметились сдвиги и в другом направлении решения этой проблемы. Вслед за Жуковским селищем стали выявляться новые поселения, содержащие характерную для роменцев слабопрофилированную лепную и подправленную на гончарном круге керамику. Это сели-

ща на территории Данилова монастыря, Заозерье на р. Москве, Покров-5 на р. Пахре. Наиболее исследованным является последнее из названных поселений (раскопки А. К. Станюковича и автора) (Станюкович, 1981; Юшко, 1988. С. 326–335). Селище площадью около 10 тыс. кв. м вытянуто вдоль правого берега р. Пахры. Исследовано 175 кв. м площади. Селище имеет незначительную мощность культурного слоя (0,2–0,4 м), при зачистке материка здесь были выявлены остатки семи сооружений, в виде неглубоких западин в материке, располагавшихся, вероятно, под наземными деревянными срубами. Они имели подпрямоугольную либо неправильных очертаний форму. Часть из них представляла собой жилые помещения (с овальными нишеобразными печами). Особый интерес вызывает лепная керамика поселения. На уровне поверхности материка она составляла 94 % от общего числа керамических фрагментов. Преобладали сосуды диаметром 22 см. Керамика толстостенная, с шершаво-бугристой поверхностью из-за примесей дресвы и кварцитов. Венчики слабопрофилированные, иногда края их орнаментированы защипами, отпечатками косо поставленной палочки с намотанной на нее веревочкой, ногтевыми вдавлениями. Иногда украшались и плечики — волнистым и линейным орнаментом (на раннекурговых и лепных сосудах). В одном случае плечики лепного сосуда украшены крупно прочерченным зигзагом. Подобный орнамент встречается на сосудах Новотроицкого городища, датированного, как известно, VII–IX вв. (Ляпушкин, 1958).

Помимо форм, связанных с керамикой Новотроицкого городища, имеется много керамических фрагментов, близких ряду типов керамики Авдеевского селища на р. Сейм (раскопки А. Е. Алиховой), роменский слой которого датируется IX–X вв. (Алихова, 1963). С этим памятником селище Покров-5 роднит также и характер построек, от которых там сохранились лишь западины прямоугольной формы.

Думается, что на основании этих данных за нижнюю дату селища Покров-5 можно принять IX в.

В последние годы новые поселения «роменского облика» выявляются практически каждый полевой сезон. В конце 1990-х годов большие разведочные и раскопочные работы в среднем течении р. Пахры были проведены экспедицией ГИМ (Гоняный, 1999). Там выявлен целый куст раннеславянских поселений (Добрятино, Жданово, Стрелково, Новое Съяново, Макарово). Автор раскопок объясняет это обстоятельство причинами природного свойства: среднее течение р. Пахры изо-

бирует широкими плодородными пойменными долинами, удобными для земледелия.

Куст роменских поселений выявлен в последние годы в таком, казалось бы, хорошо изученном регионе, как Звенигородье, сотрудниками Звенигородского музея (Хотяжи, Саввинская слобода 2, Поречье, Иславское) (Алексеев, 2003. С. 29).

Таким образом, постепенно находят свое разрешение проблемы, вызывавшие ранее у археологов лишь чувство недоумения.

Это происходит в значительной мере благодаря появлению новых методик, применяемых при раскопках археологических памятников. Сейчас появилась возможность воссоздать древний ландшафт, изучить почвенный слой. Появились даже термины для обозначения новых приемов работы. Так, в недавнем докладе об одном сельском поселении в Белозерье, Н. А. Макаров ввел термины «быстрая археология» и «медленная археология». Первый термин характеризует общепринятую методику, когда весь культурный слой перебирается руками. Второй предусматривает промывку и просеивание культурного слоя. Несмотря на то, что темпы работ при этом значительно замедляются, информативность памятника резко возрастает за счет практически удвоения количества выявленных находок.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться, — это изучение памятников XIV в. Поселения той поры пользуются незаслуженно слабым вниманием исследователей, прежде всего в силу того, что значительная их часть доживает до нашего времени, из-за чего обследование сводится к поискам красной керамики на приусадебных огородах под мощный лай хозяйских собак. В силу этих и некоторых других обстоятельств археологическая карта поселений XIV в. выглядит слабо насыщенной. А между тем, XIV в. — очень важная эпоха в истории Московской земли, когда Москва становится столицей великого княжения (1328), происходит формирование границ Московского княжества, фиксируемых духовной грамотой Ивана Калиты (около 1336). В Москву переносится центр митрополии и общерусского летописания. В градостроительной деятельности этого периода чувствуется твердая рука московских великих князей. Возникающие в это время города четко фиксируют рубежи Московского княжества: Оболенск, Лужа, Боровск, Веря — на западе; Вышгород на Яхrome, Радонеж — на севере. В конце столетия, при Дмитрии Донском, налаживается чеканка собственной монеты, возрождается каменное строительство (Москва, Коломна, Серпухов). И, наконец, венцом усилий московских князей в деле сплочения земель княжества явилась победа на Куликовом

поле. Безусловно, исходным толчком для того, чтобы эти процессы осуществились, должен быть огромный приток людских ресурсов. Московские великие князья всячески поддерживали переселенческую политику. «На Москву» из других княжений ехали целыми боярскими и даже княжескими родами, с прислугой и домочадцами. Переселенцы на Московской земле в обмен за ратную службу получали значительные земельные наделы, позже становившиеся основой крупного феодального землевладения. Ехали и рядовые переселенцы в надежде на личное благополучие и безопасность, гарантией которых была умелая политика московских князей. К сожалению, археологическими данными подтвердить эти процессы не всегда удастся. Лишь для одного региона — бассейна р. Вори в окрестностях Троице-Сергиева монастыря — С. З. Чернову, проводившему здесь в 1970-е годы сплошные обследования, удалось показать, что плотность поселений XIV в. была значительно большей,

чем в домонгольское время и размещались они, как правило, на новоосвоенных землях. На наиболее густонаселенных в XIV в. участках этого региона плотность составляла один памятник на 4 кв. км. Если бы была возможность провести такие обследования на более обширных территориях, думается, мы имели бы основания говорить прямо-таки о демографическом взрыве в тот период.

Пока нет ясности и с датированием погребений XIV в. Некоторые из них имеют наземные признаки в виде различных размеров валунных камней. Но, как правило, датирующим признаком является их безынвентарность. В проводившихся недавно Подмосковной экспедицией раскопках некрополя г. Дмитрова погребения XIV в. выделялись лишь по керамическому материалу, происходившему из заполнения погребений, что не в полной мере надежно.

Все эти вопросы ждут дальнейшего разрешения.

Литература

- Алексеев А. В., 2003. Звенигородская земля: новые археологические открытия // Звенигородский краевед. Вып. 2–3. М.
- Алихова А. Е., 1963. Авдеевское селище и могильник // МИА. № 108.
- Арциховский А. В., 1932. Курганы вятичей. М.
- Арциховский А. В., 1947. Беседские курганы // КСИИМК. Вып. XXI.
- Беляев И. Д., 1876. О раскопках курганов, произведенных в 1838 и 1854 гг. // ИОЛЕА. Т. XX.
- Богданов А. П., 1867. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // ИОЛЕА. Т. IV. Вып. IV.
- Богданов А. П., 1895. Курганное племя Московской губернии. М.
- Векслер А. Г., 1968. Жуковское селище под Москвой // АО 1967 г. М.
- Гатцук А. А., 1865. Исследование курганов Московской губернии в 1863 и 1864 гг. М.
- Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Лыжин Н. И., 1890. Курганы с. Косино // ИОЛЕА. Т. XLIX. Вып. 5.
- Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. № 74.
- Недошивина Н. Г., 1974. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Саблин М. А., 1879. Список курганов Московской губернии // ИОЛЕА. Т. XXXV.
- Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92.
- Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Спицын А. А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. VIII.
- Станюкович А. К. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского районов Московской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8908.
- Третьяков П. Н., 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. № IV.
- Чертков А. Д., 1839. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н. А. Толстого // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских. М., Т. 3. Кн. 3.
- Чертков А. Д., 1849. Описание найденных в Звенигородском уезде древностей // Записки СПб археолого-нумизматического общества. Т. 1.
- Юшко А. А., 1988. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях

Введение

В современных археологических исследованиях все чаще используются данные, полученные с помощью естественнонаучных методов. Это позволяет определять природную среду времени функционирования поселения, некоторые особенности быта, масштаб и направленность воздействия человека на окружающие его ландшафты. Одним из методов исследования является *charcoalology*, то есть определение древесных пород по углям и древесине (Figueiral, Mosbrugger, 2000. Р. 397–407). Данный метод широко используется для палеоэкологических и палеогеографических реконструкций при работе с природными (Innes, Simmons, 2000. Р. 177–191; Kangur, 2002. Р. 289–294; MacDonald et al., 2000. Р. 302–311) и археологическими (Александровский и др., 1999. С. 7–30; Антипина и др., 2001. С. 17–56; Гей и др., 2002. 74–106; Гольева, 1999. С. 55–59; Моргунова и др., 2003. С. 205–237; Engel, 1993. Р. 205–211; Kreuz, 1992. Р. 383–394; Lageras, Bartholin, 2002. Р. 83–92) объектами.

Цель данной работы — на конкретных примерах показать широкие информационные возможности метода определения древесных пород для археологических исследований Центральной России.

Характеристика метода

Все многолетние растения в условиях умеренного климатического пояса имеют период покоя в зимние месяцы, что обуславливает различную скорость нарастания древесины и формирования годичных колец. Этот процесс максимален интенсивен весной и постепенно замедляется к осени, в результате создается неоднородная размерность проводящих сосудов и клеток древесины. Кроме того, деревья, принадлежащие различным ботаническим семействам, формируют внутри годичного кольца специфический рисунок сочетания клеток и сосудов. Он отличается у различных родов растений, что по-

зволяет использовать этот признак при диагностике древесины или древесных углей даже спустя длительный промежуток времени. К настоящему времени уже созданы определители древесины по микроскопическим признакам характера расположения сосудов (Гаммерман и др., 1946. С. 107). Использование электронной растровой микроскопии позволяет получать более четкие и наглядные фотографии особенностей клеточного строения у различных пород деревьев и значительно облегчить работы по определению породы дерева (рис. 1).

Возможности метода ограничиваются тем, что определить породу, как правило, удастся лишь в пределах родов, а иногда — только семейств. Определение в пределах вида — исключение. Приведу несколько характерных примеров. Род Тополь (*Populus*) включает виды: Тополь белый (серебристый), Тополь черный (пирамидальный), Тополь дрожащий (осина) и др. Все они растут в разных экологических условиях (Алексеев и др., 1997. С. 128–139), но формируют сходный рисунок древесины. К роду Сосна (*Pinus*) относятся виды: Сосна обыкновенная, Сосна карликовая (кедровый стланник), Сосна крымская, Кедр сибирский и др. (Алексеев и др., 1997. С. 83–94), — рисунок древесины у всех деревьев будет одинаков. Род Вяз (*Ulmus*) включает виды: Ильм, Берест, Карагач, Ильмовник и др. (Алексеев и др., 1997. С. 198–205), — значимых изменений в рисунке древесины также не выявлено. А растения семейства розоцветных (*Rosaceae*) ввиду длительного природного и, особенно, антропогенного межродового скрещивания вообще устойчиво определяются лишь в пределах семейства. Определение в пределах рода у представителей этого семейства носит предположительный характер. В данном случае, чем древнее исследуемый образец (то есть чем меньше вероятность межродового скрещивания), тем более надежным может быть определение породы дерева.

Необходимо принимать во внимание возможности использования метода в зависимости от особенностей сохранности образца. Лучшая

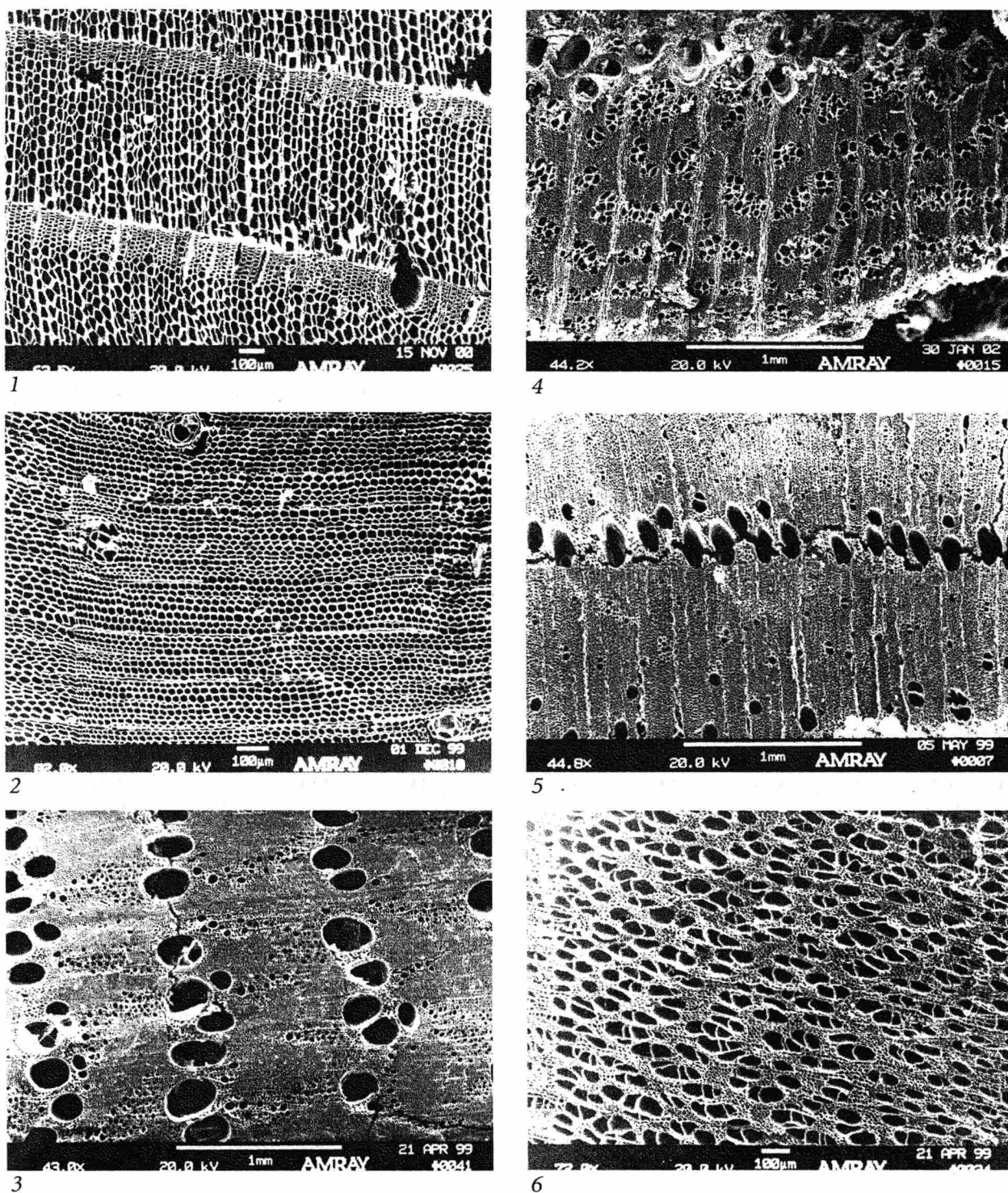

Рис. 1. Микрофотографии древесины некоторых родов растений, упоминаемых в статье

1 — ель (*Picea A. Dietr*); 2 — сосна (*Pinus L*); 3 — дуб (*Quercus L*); 4 — вяз (*Ulmus L*);
5 — ясень (*Fraxinus L*); 6 — осина (*Populus L*)

сохранность характерна для древесного угля: он не поедается микрофлорой и имеет относительно жесткий каркас из обугленной целлюлозы. Сохранность древесины значительно ниже. Она может быть сплюснута за счет давления вышеле-

жащего грунта, разрушена микроорганизмами за время консервации в толще культурного слоя, нельзя исключить и антропогенную деформацию дерева — сдавливание в процессе эксплуатации, например, в нижних венцах изб.

Информационные возможности метода

В большинстве опубликованных работ анализ углей и древесины в основном используется для палеоэкологических реконструкций лесной флоры районов раскопок (Pernaud, 2001. Р. 219–225; Terral, Mengual, 1999. Р. 71–92). Мы уверены, что возможности метода гораздо шире. Автором настоящей статьи исследованы древесный уголь и древесина из культурных слоев ряда разновозрастных поселений Центральной России. Полученные результаты имеют различную информационную значимость, что позволяет показать возможности данного метода, его преимущества и недостатки.

В толще культурного слоя углистые или древесные горизонты часто представлены серией обломков разной размерности. При отборе образцов с определенного участка можно ошибочно взять кусочки одной древесины (части ствола). В таком случае будет сделан некорректный вывод об использовании людьми исключительно одной породы дерева. Поэтому необходимо отбирать образцы древесины или угля по всему участку распространения слоя. При обобщении полученного материала очень важна статистическая достоверность данных, то есть при сборе материала необходимо учитывать представительство выборки древесных или углистых фрагментов. Однако в случае, когда раскопками вскрываются сохранившиеся венцы строения или фрагменты какого-либо деревянного изделия, достаточно взять для анализа по одному образцу от каждого венца или фрагмента. Статистический подход в этой ситуации будет не нужен, поскольку каждый отдельный образец имеет самостоятельную информационную значимость.

Дмитров. В течение ряда лет проводились охраняемые раскопки в кремле г. Дмитрова (руководитель работ А. В. Энговатова, археолог К. И. Панченко). В комплекс естественнонаучных исследований входил и анализ древесины из вскрытых культурных напластований.

Раскоп 1 (раскопки 2001 года). Квадрат Б-2. В северной стенке, на глубине 116–119 см, в толще культурного слоя XII–XIII вв. была выявлена угольная прослойка — фрагменты сгоревшей избы. Было изучено 5 кусков древесного угля из различных участков прослойки, принадлежащих отдельным сгоревшим бревнам. Все образцы принадлежали одной породе дерева — дубу (*Quercus L.*). Следовательно, при создании данного строения использовались дубовые бревна.

В том же раскопе 1, в южной стенке квадрата В-4 на глубине 36–40 см, над культурным слоем XVI в. был обнаружена еще одна угольная про-

слойка, также являвшаяся остатками сгоревшей избы. Было изучено 4 куска древесного угля, по одному от каждого сохранившегося бревна. Состав древесных пород отличался от тех, что были определены в предыдущем случае: два куска угля принадлежали сосне (*Pinus L.*) и два — березе (*Betula L.*). Видимо, более поздние избы на территории кремля строили из иной, более дешевой чем дуб, древесины.

В раскопе 9 (раскопки 2002 г.) в квадрате В-9 была расчищена сгоревшая постройка XI в.: полностью сохранился нижний венец сруба и ряд фрагментов вертикальных и горизонтальных плашек. Рассмотрено 13 образцов из 13 различных плашек. Как оказалось, все образцы принадлежали к одной породе дерева — сосне (*Pinus L.*). В данном случае можно с высокой долей вероятности говорить, что вся постройка создавалась из сосновых бревен.

При раскопках в 2003 г. была прокопана траншея (траншея I) от берега бывшего искусственного пруда внутри кремля до середины оборонительного вала. Край водоема в прошлом был укреплен горизонтально лежащими друг на друге деревянными бревнами. Раскопки вскрыли три венца обкладки берега пруда. Древесина имела хорошую сохранность, что в условиях высокого увлажнения казалось странным. Высказывались предположения, что подобная сохранность характерна лишь для мореного дуба или осины. Для исследования были взяты три образца — по одному от каждого бревна. Порода дерева во всех трех случаях была определена как сосна (*Pinus L.*). Следовательно, обкладку берега пруда делали из сосновых бревен.

Культурные слои дмитровского кремля подстилаются железистыми подзолами разной степени сохранности и мощности подзолистого горизонта. Такие почвы формируются на песчаных породах в условиях таежной природной зоны под хвойными, преимущественно сосновыми, сосново-лиственными лесами. Очевидно, сосновая и березовая древесина, использовавшаяся при строительных работах в Дмитрове была местной.

Таким образом, начиная с XI в., на исследуемой территории вырубались деревья, которые использовались для различных построек и иных хозяйственных нужд. Вопрос о месте произрастания дубов более сложный. С одной стороны, климатические условия природной зоны смешанных лесов, где расположен г. Дмитров, отвечают условиям произрастания дуба (Алексеев и др., 1997, С. 191). С другой — сохранившиеся под культурными слоями подзолистые почвы характерны для сосновых, а не дубовых лесов.

Возможно, дубы произрастали неподалеку, но не на территории кремля.

Ярославль. В 2004 г. охранные раскопки проводились на месте Успенского собора г. Ярославля (руководитель работ А. В. Энговатова, археолог А. В. Яковлев). Раскопками была вскрыта значительная площадь. Для каждого пласта по квадратам фиксировались участки с находками фрагментов древесины или угля. В конечном итоге были созданы схемы их залегания в пространстве раскопа (рис. 2). Всего было отобрано и изучено 95 образцов из 70 квадратов (табл. 1). В двух квадратах были найдены древесные корни, в 68 — древесина и/или древесный уголь. Такое количество образцов достаточно для проведения сравнительно-статистических исследований.

Чаще всего встречалась сосна. Она присутствовала в 38 квадратах на разной глубине и составила 61 % от всего количества просмотренных образцов. На втором месте по частоте встречаемости были древесина и уголь ели — 28 квадратов и 23 % от всех образцов. Кроме того, в одном случае отобранный на анализ образец имел очень плохую сохранность, поэтому можно было определить лишь его принадлежность к отделу голосеменных (хвойных). Такие древесные породы, как дуб, ива, орешник выявлены в единичных случаях. Осина встречена три раза, береза — дважды.

В целом среди всех просмотренных образцов абсолютно доминируют хвойные породы деревьев (85 % общего количества исследованного материала). Они встречены в большей части квадратов, причем в ряде случаев древесина сосны и ели присутствует одновременно. Можно сделать вывод об интенсивном использовании хвойных деревьев, однако полученная в процессе раскопок схема диффузного залегания древесины в пространстве раскопа, а также история разрушения фундамента собора в 30-е годы XX в. усложняют определение временных параметров. Может быть, это остатки дерева периода хозяйственной деятельности до строительства собора, но не исключено, что это щепка тех деревянных тачек и носилок, которые использовались при разборке собора.

При работе с объектами столь сложной истории основное значение имеют глубоко залегающие и локально расположенные участки (ямы, печи и др.). Вероятность положения образцов *in situ* в таких участках значительно выше, следовательно, больше и информационная значимость. Например, несмотря на то, что древесина дуба встречена только один раз, значимость данного определения очень высока. Дело в том, что объект, откуда взят образец, является единственным уцелевшим деревянным столбом основания со-

бора. Без сомнения, для свайного основания собора использовались дубовые колья.

Собор был построен на освоенных землях. Под каменной кладкой местами сохранились небольшие участки маломощных пахотных горизонтов. Подзолистые горизонты под ними не прослеживаются. Это может быть связано с глубиной и интенсивной проработкой исходной почвы в процессе эксплуатации человеком. Но также не исключено, что на данном месте ввиду особенностей почвообразовательной породы подзолистые почвы не формировались вовсе, а шли процессы буроземообразования. То есть исходные почвы были не подзолистые, а бурые лесные, которые гораздо плодороднее. На этих почвах хорошо растут как хвойные, так и широколиственные деревья, поэтому все выявленные древесные породы могли быть местными.

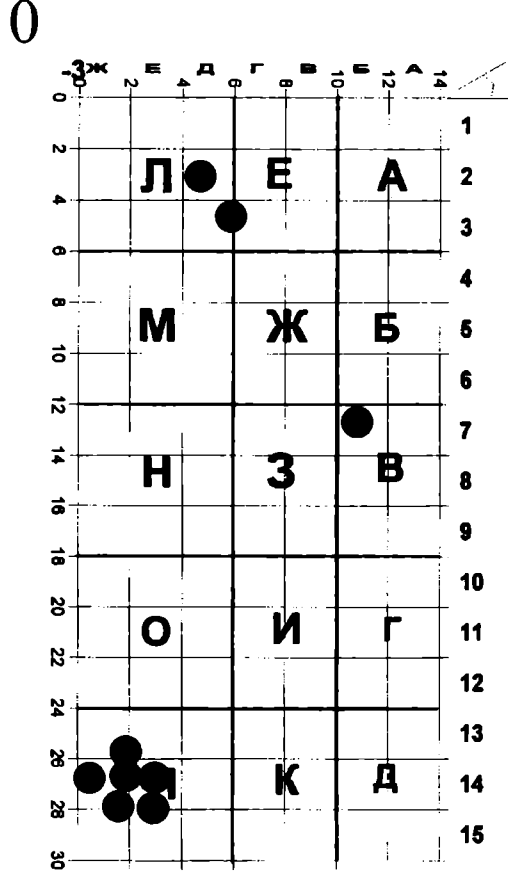
Ростиславль Рязанский. В 2004 г. во время раскопок на Ростиславльском городище в напластованиях раннего железного века (начальник экспедиции В. Ю. Коваль, археолог Е. Ю. Тавлинцева), в западной стенке участка «3» раскопа V были обнаружены углистые скопления в горизонтах двух построек (постройки 5 и 7), расположенных одна над другой. Анализ углей показал значительные различия в их составе. В нижней постройке (№ 7) присутствовали исключительно угли широколиственных пород — дуба, вяза, ясеня, встречались также угли ивы и различных лиственных кустарников. В массе углей, собранных рядом с очагом постройки 5 (располагавшейся над постройкой 7), абсолютно преобладали (12 из 15 просмотренных) хвойные — сосна и ель. Единично присутствовали угли орешника, ясеня и неопределимого розоцветного.

В настоящий момент можно сделать два самых общих предположения, объясняющих установленное различие в двух близкорасположенных горизонтах:

1) поскольку в случае с постройкой 5 речь идет, скорее всего, об углях из очага, возможно, что анализ выявил предпочтения живших в ней обитателей, использовавших исключительно древесину хвойных (особенности быта, которые никак не связаны со спецификой природной среды вокруг поселения);

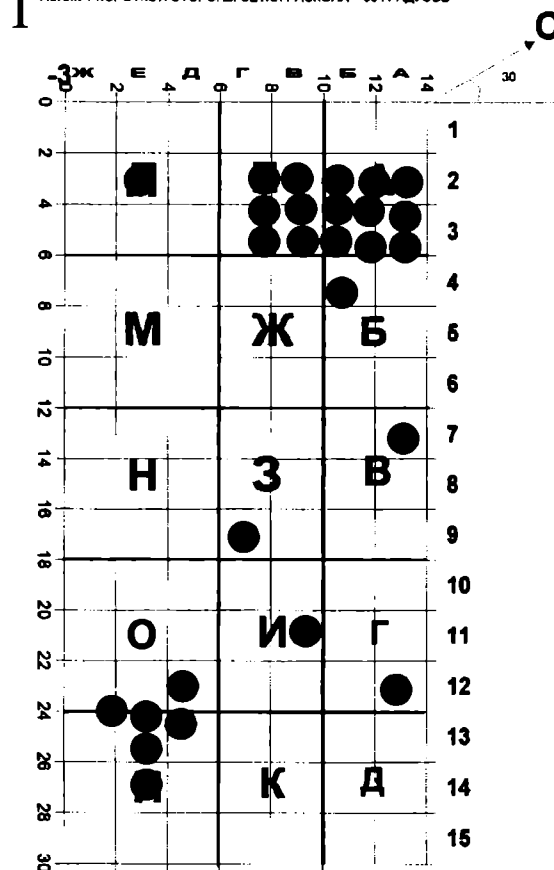
2) обнаруженные различия указывают на значительные изменения природно-климатической обстановки в период, прошедший между созданием построек 7 и 5, когда доминировавшие широколиственные породы деревьев сменились хвойными. Непременным условием смены состава древостоя является обязательное взаимодействие двух факторов: изменение климата и время. Для произрастания широколиственных пород не-

0 АЗИМУТ КОРОТКОЙ СТОРОНЫ СЕТКИ РАСКОПА 30 ГРАДУСОВ

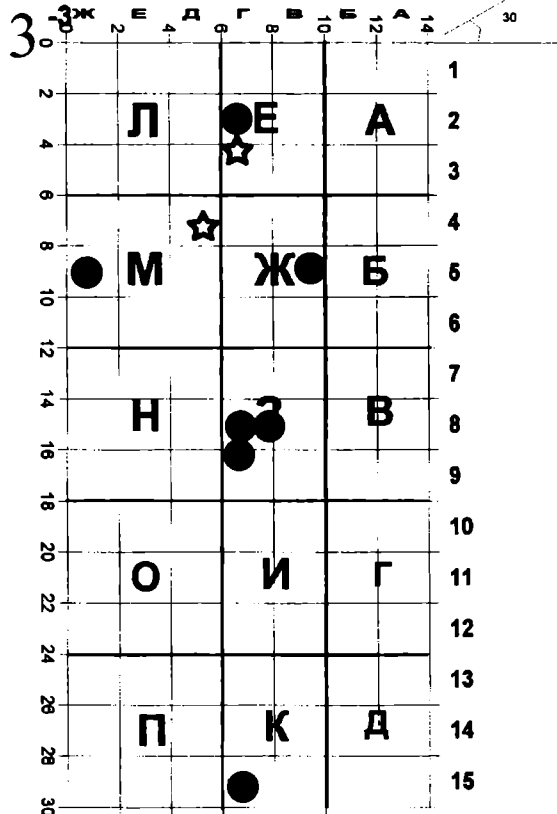
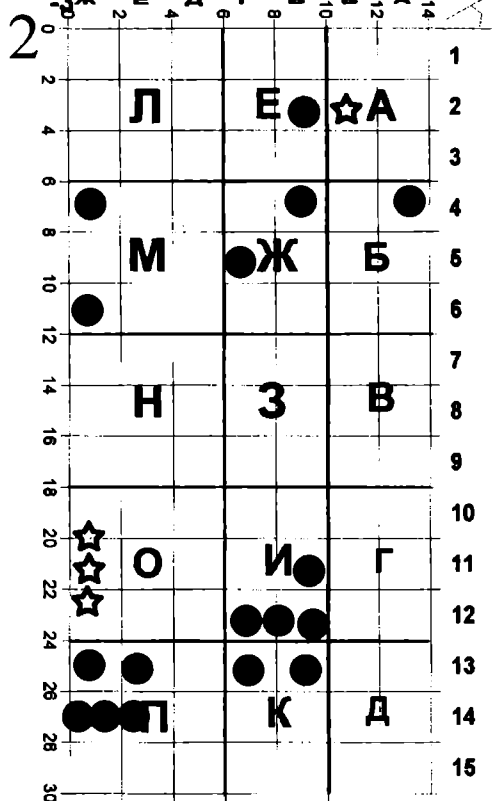

АЗИМУТ КОРОТКОЙ СТОРОНЫ СЕТКИ РАСКОПА 30 ГРАДУСОВ

1 АЗИМУТ КОРОТКОЙ СТОРОНЫ СЕТКИ РАСКОПА 30 ГРАДУСОВ

АЗИМУТ КОРОТКОЙ СТОРОНЫ СЕТКИ РАСКОПА 30 ГРАДУСОВ

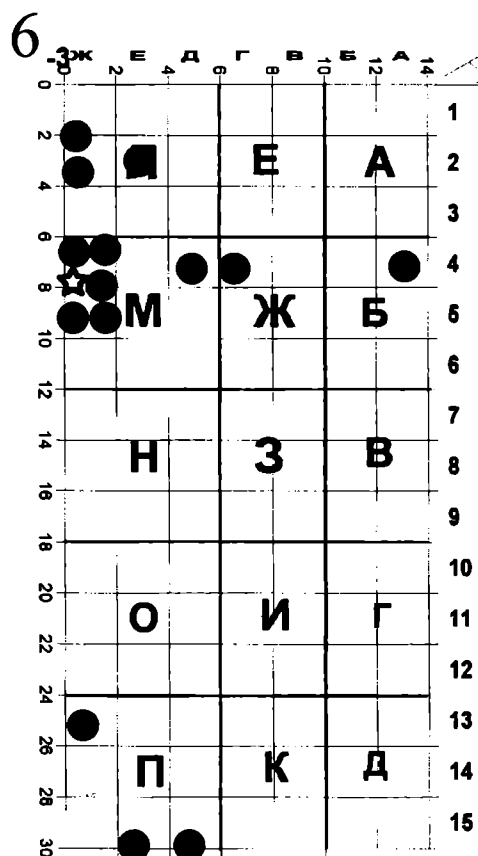
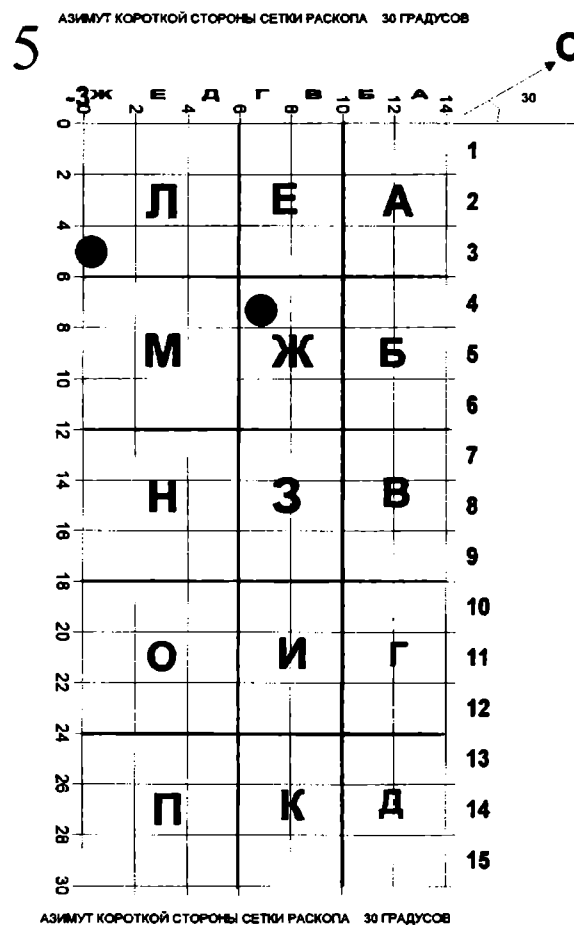
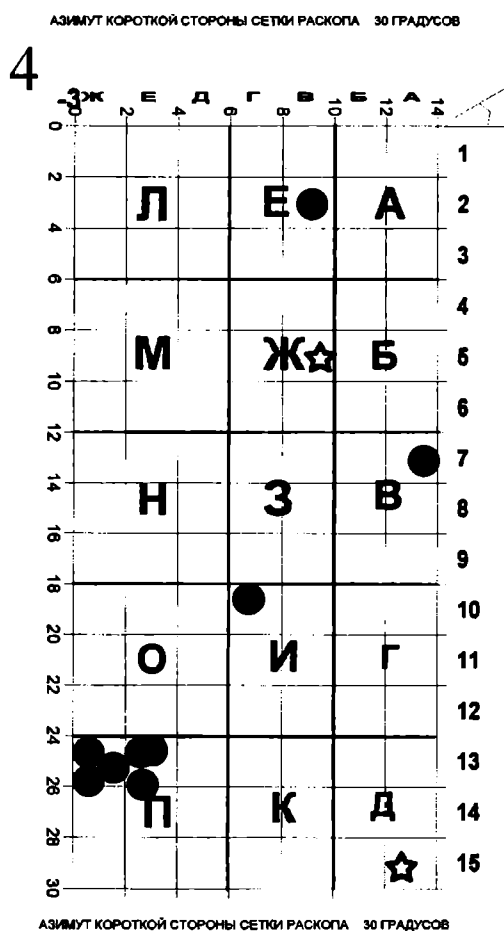

Рис. 2. Встречаемость древесины и углей по пластам.

Успенский собор, Ярославль, раскопки 2004 г.

1 — пласт 0; 2 — пласт 1; 3 — пласт 2; 4 — пласт 3; 5 — пласт 4; 6 — пласт 5; 7 — пласт 6. Черные квадраты — древесина и древесный уголь хвойных. Белые оконтуренные формы — древесина и древесный уголь других пород

обходимо, чтобы не менее трех месяцев в году средняя температура превышала 10 °С, при более низких температурах широколиственные выпадают из состава древостоя (вымерзают).

Поскольку сжигались, судя по углям, не тонкие ветви, а хорошо сформированные стволы, то, совершенно очевидно, понадобилось некоторое время, чтобы одни древесные породы сменились другими. Иными словами, за период между созданием построек произошло существенное похолодание.

Малая выборка образцов для каждого из горизонтов не позволяет сделать более определенные выводы. Необходимы дополнительные данные, сопоставления с результатами других анализов. Не исключено, что дальнейшие исследования и накопление новых материалов позволят выдвигать иную гипотезу.

Выводы

Анализ научных публикаций и данные собственных исследований позволяют сделать ряд выводов об информационных возможностях метода. Метод *charcoalology* позволяет:

- реконструировать природно-климатическую обстановку археологического памятника во время его функционирования путем определения местной древесной флоры;
- определять некоторые особенности хозяйствования;
- проследивать экономические связи;
- менять стереотипы относительно использования древесины в хозяйственных и бытовых целях в прошлом.

Литература

- Александровский А. Л., Вязкова О. Е., Гольева А. А., Малышев А. А., Смекалова Т. Н., 1999. Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // Древности Боспора. 2. М.
- Алексеев Ю. Е., Жмылев П. Ю., Карпухина Е. А., 1997. Деревья и кустарники. Энциклопедия природы России. М.
- Антипина Е. Е., Армарчук Е. А., Гей А. Н., Лебедева Е. Ю., Малышев А. А., Александровский А. Л., Гольева А. А., Вязкова О. Е., 2001. Междисциплинарные исследования археологических памятников предгорий Северо-Западного Кавказа // Древности Боспора. 4. М.
- Гаммерман А. Ф., Никитин А. А., Николаева Т. Л., 1946. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. М.
- Гей А. Н., Малышев А. А., Антипина Е. Е., Гольева А. А. и др., 2002. Палеоэкология Северо-Западного Кавказа (Работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2001 г.) // Историко-археологический альманах. № 8. Армавир; М.
- Гольева А. А., 1999. Исследование древесных остатков и углей из погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 — памятник Эпохи бронзы — раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). М.; Элиста.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумевские курганы. Оренбург.
- Engel T., 1993. Charcoal remains from an Iron Age copper smelting slag heap at Feinan, Wadi Arabah (Jordan) // Vegetation, History and Archaeobotany. 2.
- Figueiral I., Mosbrugger V., 2000. A review of charcoal analysis as a tool for assessing Quaternary and Tertiary environments: achievements and limits // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 164.
- Innes J. B., Simmons I. G., 2000. Mid-Holocene charcoal stratigraphy, fire history and palaeoecology at North Gill, North York Moors, UK // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 164.
- Kangur M., 2002. Methodological and practical aspects of the presentation and interpretation of microscopic charcoal data from lake sediments // Vegetation, History and Archaeobotany. 11.
- Kreuz A., 1992. Charcoal from ten early Neolithic settlements in central Europe and its interpretation in terms of woodland management and wildwood resources // Bull Soc Bot France 139. Actual botany 2–4. France.
- Lageras P., Bartholin T., 2003. Fire and stone clearance in Iron Age agriculture: new insights inferred from the analysis of terrestrial macroscopic charcoal in clearance cairns in Hamneda, southern Sweden // Vegetation, History and Archaeobotany. 12.
- MacDonald G. M., Velichko A. A., Kremenetski C. V., Borisova O. K., Goleva A. A., and others, 2000. Holocene treeline history and climate change across Northern Eurasia // Quaternary Research. 53.
- Pernaud J.-M., 2001. Postglacial vegetation history in Luxembourg: new charcoal data from the cave of la Karelle (Wald-billing, eastern Gutland) // Vegetation, History and Archaeobotany. 10.
- Terral J.-F., Mengual X., 1999. Reconstruction of Holocene climate in southern France and eastern Spain using quantitative anatomy of olive wood and archaeological charcoal // Palaeogeography, Palaeoclimate, Palaeoecology. 153.

Породы древесины из раскопок на месте Успенского собора в Ярославле в 2004 г.

№	Квадрат	Пласт	Тип образца	Порода дерева*
1	7Б	0	дерево	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
2	14Ж		уголь	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
3	14Е		дерево	(5) сосна <i>Pinus L.</i>
4	1–4 Г–Д		уголь	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
5	2А	1	уголь	(3) сосна <i>Pinus L.</i>
6	3А		-//-	(3) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
7	14Е		-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
8	3Б		-//-	(4) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
9	3Б		дерево	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
10	12–13 Е–Ж		-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
11	2Д, под фундаментом северного притвора	0	-//-	(1) древесный корень
12	11В	1	уголь	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
13	13Г	2	дерево	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
14	13В		-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
15	7А	1	уголь	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
16	2В		-//-	(2) сосна <i>Pinus L.</i>
17	3В		-//-	(3) сосна <i>Pinus L.</i>
18	3В		дерево	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
19	9Г		уголь	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
20	4Б		-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
21	14Е	2	дерево	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
22	12Г		уголь	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
23	13Ж, горелый слой деревянной конструкции		-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
24	4Ж		-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
25	11В		-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
26	12В		дерево	(3) сосна <i>Pinus L.</i>
27	2Е	1	дерево	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
28	15Г	3	-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
29	4А	2	уголь	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
30	13Е, слой пожара деревянной конструкции		-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
31	11Ж		уголь	(3) береза <i>Betula L.</i>
32	4В		дерево	(1) сосна <i>Pinus L.</i>
33	2В		-//-	(1) сосна <i>Pinus L.</i>

* В скобках указано количество проанализированных образцов.

34	4Д	3	-//-	(1) осина <i>Populus L.</i>
35	5Ж		-//-	(1) древесный корень
36	8Г		уголь	(3) сосна <i>Pinus L</i>
37	2Г		-//-	(1) береза <i>Betula L.</i>
38	2Г		дерево	(1) сосна <i>Pinus L</i>
39	14Е	2	уголь	(1) сосна <i>Pinus L</i>
40	7А	4	-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
41	2В		-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
42	12А	1	-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
43	10Г	4	дерево	(1) сосна <i>Pinus L</i>
44	5В	3	-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i>
45	5В	4	-//-	(1) осина <i>Populus L.</i>
46	13Е, деревянная конструкция	1	-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i> ; (1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
47	13Е, деревянная конструкция		уголь	(1) сосна <i>Pinus L</i>
48	12Д, черный слой		-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i>
49	4Г, печь	5	уголь	(1) сосна <i>Pinus L</i>
50	13Е	4	-//-	(2) сосна <i>Pinus L</i>
51	3Ж	5	-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i>
52	Е2, яма 1	6	дерево	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
53	6Ж, черный слой	2	уголь	(1) сосна <i>Pinus L</i>
54	4А	6	уголь	(1) сосна <i>Pinus L</i>
55	5Г	2	дерево	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
56	6А, яма 21	-	уголь	(1) ива <i>Salix L.</i>
57	4Г, яма 8	-	-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
58	15ЕДЖ, яма 28	-	дерево	(1) сосна <i>Pinus L</i>
59	13Ж	4	уголь	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
60	13Ж		дерево	(2) сосна <i>Pinus L</i>
61	4Д	6	-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i>
62	13Ж, яма 16	-	-//-	(1) ель <i>Picea A. Dietr.</i>
63	15Д	6	дерево	(1) сосна <i>Pinus L</i>
64	14Ж	2	-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i>
65	14Ж		уголь	(1) сосна <i>Pinus L</i>
66	4Ж, яма 9	6	-//-	(5) сосна <i>Pinus L</i> ; (1) осина <i>Populus L.</i>
67	2Ж, яма 7Б		-//-	(1) сосна <i>Pinus L</i>
68	2Ж, яма 7Б		дерево	(1) сосна <i>Pinus L</i>
69	2Б, деревянная свая фундамента собора	2	-//-	(1) дуб <i>Quercus L.</i>
70	15А	4	уголь	(5) орешник <i>Corylus L.</i>

Ландшафтно-археологические геоинформационные системы¹

Создание геоинформационных систем является необходимым элементом практически любых территориально привязанных (региональных и локальных) исследований. В зависимости от объектов и целей изучения территории могут создаваться самые разнообразные ГИС. Своеобразным видом являются ландшафтно-археологические геоинформационные системы. Особенность и новизна этих ГИС по сравнению с другими уже созданными геоинформационными системами заключается не только в объекте исследований, но и в постановке задачи сопряженного ландшафтно-археологического изучения и применяемых подходах: ландшафтно-экологическом, историко-генетическом и диахроническом. Это позволяет дать комплексную оценку этих территорий и проследить динамику основных процессов и тенденции их развития. Очень важным аспектом таких ГИС является также то, что археологические памятники рассматриваются не как точечные объекты, а вместе с их природным (ландшафтным) окружением, в которое они органично «вписаны» и составляют единое целое ландшафтно-исторические комплексы (Низовцев, 1999).

1. Ландшафтно-археологические исследования и место в них геоинформационных систем

1.1. Цели и задачи ландшафтно-археологических исследований

Целью сопряженных ландшафтно-археологических исследований является получение достоверной информации о состоянии природных территориальных (ПТК), антропогенных и ландшафтно-исторических комплексов (ЛИК) и их компонентов в разные исторические периоды. Важной частью ландшафтно-археологического изучения территории является выявление исходной (коренной) ландшафтной структуры и основных этапов природопользования, для нее

характерных. Особое внимание уделяется реконструкции антропогенной трансформации ПТК в определенные хроносрезы и экологическим последствиям, сопровождавшим каждый вид природопользования. Базой такого рода работ являются натурные крупномасштабные сопряженные ландшафтно-археологические исследования территории.

1.2. Создание и использование ландшафтно-археологических ГИС

Крупномасштабные ландшафтно-археологические исследования проводились в течение ряда лет при активном сотрудничестве археологов (М. И. Жилин, Н. А. Кренке, С. З. Чернов, А. В. Энговатова) и ландшафтоведов (В. А. Низовцев, Н. А. Марченко, М. В. Онищенко) на ряде ключевых участков Москвы (Кремль, ул. Малая Бронная, Тишинка, Коломенское, Царицино, Битца) и Московской области (заповедник «Горки», в окрестностях г. Звенигорода, древнего русского г. Радоуже и др.) (рис. 1).

Обработка и обобщение огромного массива данных с применением ГИС-технологий привела к разработке локальных ландшафтно-археологических ГИС для каждого ключевого участка, которые потом были объединены в региональную геоинформационную систему. Колоссальный объем накопленной информации был переведен в электронную форму и упорядочен в ГИС-оболочке ArcView. Создание ландшафтно-археологических ГИС логичное развитие исследований взаимоотношений социума и природы, поведения человека в ландшафте и изменений в ландшафтах вследствие человеческой деятельности. Получить четкую картину функционирования территорий в разные исторические периоды можно при «сквозном» ландшафтно-историческом исследовании территории с сопряженным изучением динамики ландшафта и хозяйственной деятельности в нем на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 05-05-64-896) и программы «Университеты России» (проект № УР.08.02.589/05).

Рис. 1. Ключевые участки ландшафтно-археологических исследований и локальных ГИС

основе составления серий карт для основных хроносрезов (Низовцев и др., 1999).

Эффективность применения геоинформационных систем в ландшафтно-археологических исследованиях объясняется тем, что здесь они являются не просто инструментом для хранения, обработки, анализа и обобщения территориально «привязанного» материала, а предоставляют ряд специфических дополнительных возможностей. Особенно важным представляется более быстрое и качественное сопоставление и сопряженный анализ разновременных и разномасштабных карт.

Интересные результаты позволяет получить наложение одного типа карт на другой (например, археологических памятников разных периодов на ландшафтную основу) с получением новых контуров. Вместо традиционного светостола и кальки в ГИС существует операция оверлей — из двух карт мы автоматически получаем новую, контуры которой являются пересечением двух исходных карт. Эти контуры систематизируются и обрабатываются, и мы можем определить, например, приуроченность археологических памятников к

разным типам природно-территориальных комплексов. Немаловажна при использовании ГИС и возможность быстрого определения площади контуров и проведения статистической обработки результатов.

1.3. Ландшафтно-археологическая ГИС

Московского региона

В ландшафтно-археологической ГИС Московского региона представлены три иерархических уровня картографирования и анализа объектов. В зависимости от охвата территории и масштаба меняется ранг исследуемых объектов (рис. 2). Так вся Московская область отображается в мелком масштабе (1:1 — 2,5 000 000) — на ландшафтной карте Московской области представлены физико-географические провинции и районы (Анненская и др., 1997). Следующий уровень — крупные районы и территория города Москвы — содержит карты масштаба 1:50 — 100 000, с выделением на них ПТК ранга ландшафт, физико-географическая местность и групп видов урочищ. Наиболее подробно в масштабе 1:1 000 — 1:10 000 (которому соответству-

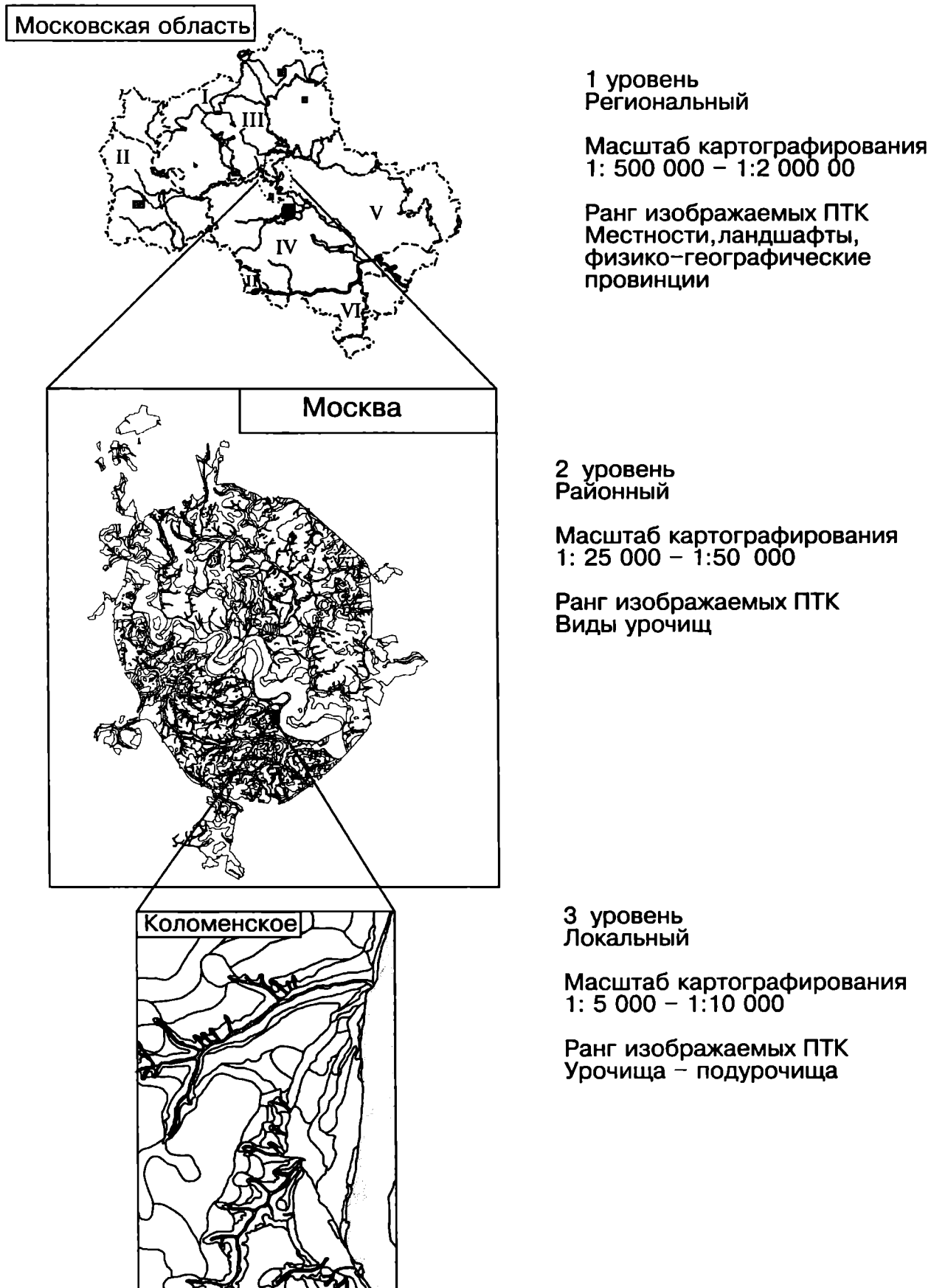

Рис. 2. Три иерархических уровня картографирования и анализа объектов

ют виды урочищ и подурочищ) картографируют ключевые участки.

Фактически четвертый уровень исследований представляют собой некоторые участки более детального (крупнее масштаба 1:2000) исследования ключевых участков, включая участки поймы реки Москвы («Тушинская», «Тереховская», «Курьяновская»), где исследуются конкретные исторические или археологические памятники с «ландшафтным окружением, отдельные фации, погребенные староосвоенные почвы и т. д.

К настоящему моменту ландшафтно-археологическая ГИС охватывает следующие ключевые участки (рис. 1) в Москве: Исторический центр Москвы — Кремль, Государственные музеи-заповедники «Коломенское» и «Царицыно», Битцевский лесопарк, в Московской области: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, Природно-исторический заповедник-леспаркхоз «Горки», окрестности г. Звенигорода, с. Павловская слобода и древнего г. Радонеж.

2. Составляющие ландшафтно-археологической ГИС

2.1. Структура ландшафтно-археологической ГИС

Техническая составляющая ГИС вполне традиционна. Она включает средства ввода данных, редактирования, согласования, анализа, обработки и хранения информации, представления результатов и базируется на использовании персональных компьютеров Pentium, сканера и принтера с высокой разрешающей способностью и следующих программных пакетов: ArcView, Adobe Illustrator, MsOffice. Поэтому более подробно представим структуру содержательной составляющей ГИС (рис. 3).

Поскольку одним из основных требований, предъявляемых к современным ГИС, является «модульность» и «открытость» (Новаковский и др., 2000), для каждой территории ключевого участка, района археологических раскопок создается собственная локальная геоинформационная система, основные элементы которой входят в ГИС Московского региона и могут быть легко

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

ПРИРОДНЫЙ БЛОК

Ландшафтные карты (современных и восстановленных ПТК разных иерархических уровней).
Компонентные карты.
Таблица экстремальных климатических явлений

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК

Исторические и археологические карты и карты-схемы, отражающие историю заселения и хозяйственного освоения Московского региона

ПРИКЛАДНОЙ БЛОК

Карты культурно-исторических ландшафтов, достопримечательных объектов и территорий историко-культурного назначения

Пояснительные тексты, таблицы, справочно-статистические сведения, комплексные описания ландшафтов и их компонентов, исторические справки, серии пояснительных фотографий и репродукций

РАЙОННЫЙ УРОВЕНЬ

ПРИРОДНЫЙ БЛОК

Ландшафтные карты.
Развернутые легенды и описания ПТК.
Компонентные карты

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК

Археологические карты.
Карты и диаграммы ландшафтной приуроченности поселений

ПРИКЛАДНОЙ БЛОК

Карты территорий историко-культурного назначения с учебными, экскурсионно-туристическими маршрутами

Пояснительные тексты, таблицы, справочно-статистические сведения, комплексные описания ландшафтов и их компонентов, исторические справки, серии пояснительных фотографий и репродукций

ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

ПРИРОДНЫЙ БЛОК

Ландшафтные карты.
Ландшафтные профили.
Ряд компонентных карт.
Почвенные колонки, данные хим. анализов (диаграммы).
Характеристики доминантных ПТК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК

Археологические карты.
Планы археологических памятников.
Карты реконструкции природопользования на разные исторические периоды.
Фотографии и рисунки артефактов

ПРИКЛАДНОЙ БЛОК

Карты функционального зонирования.
Схемы маршрутов ландшафтно-археологических экскурсий.
Карты объектов комплексного геоэкологического мониторинга

Пояснительные тексты, таблицы, справочно-статистические сведения, комплексные описания ландшафтов и их компонентов, исторические справки

Рис. 3. Структура ландшафтно-археологической ГИС Московского региона

трансформированы и дополнены. «Модули» ключевых участков содержат два основных блока: природный и археологический и, производный от них, прикладной блок. Прикладной блок может быть оценочным или прогнозным и содержать требуемые для решения конкретной задачи карты (карту функционального зонирования, схему сети комплексного геоэкологического мониторинга и др.).

Ядро **природного блока** — ландшафтные карты (рис. 5; 7; 8; 16), развернутые и краткие легенды к ним, представленные в табличной форме и виде текста (в текстовом редакторе типа *Word*). В развернутой легенде каждый контур (ПТК определенного таксономического ранга) описывается по следующим параметрам: характер и генезис рельефа; литологический состав субстрата; генетическая почвенная разность и механический состав верхнего горизонта почвы; характер и степень увлажнения; доминантная растительность; современное хозяйственное использование. В электронных таблицах типа *Excel* характеристики ПТК содержатся в виде текста и цифр, для атрибутивных таблиц геоинформационного пакета — информация кодируется. Пользуясь фундаментальным положением о единстве ландшафта и сопряжении компонентов в пределах природных территориальных комплексов на основе ландшафтной карты и подробной атрибутивной таблицы, создаются производные компонентные карты, объединенные в электронный атлас.

Важный элемент природного блока — комплексные ландшафтные профили (рис. 11), охватывающие основные ПТК от водораздела до местного базиса эрозии. Такие профили строятся по результатам комплексных полевых исследований с привлечением данных бурения, опорных разрезов и скважин и оформляются в графическом редакторе *Adobe Illustrator*. Они показывают внутреннее строение, порядок залегания, слагающих территорию, горных пород, глубины и мощности пластов; в наземном покрове показывается доминантная растительность. В верхней части рисунка отражена иерархическая ландшафтная структура подурочища, объединяющиеся в урочища; в нижней — почвенные колонки. Очень важны для аргументации реконструкций коренной ландшафтной структуры и природопользования данные химических анализов опорных разрезов, которые также хранятся в ГИС в текстовой, табличной форме и в виде графиков (пример см. на рис. 12).

Археологический блок для разных хроносрезов содержит карты археологических памятников (см. рис. 6), комплексные профили природополь-

зования, карты реконструкции систем поселений и природопользования (рис. 9; 10; 13), а среднemasштабные археологические карты, представляющие как опубликованные материалы, так и оригинальные данные сопряженных ландшафтно-археологических исследований, в которых авторы принимали участие.

Процесс создания ландшафтно-археологической ГИС чрезвычайно динамичен, как по включаемому материалу, так и по применяемым техническим средствам. В векторизации преобладает прием оцифровки контуров по предварительно отсканированному растровому изображению, применение программ-трассировщиков пока ограничено. Важным свойством создаваемой ГИС является постоянное обновление и расширение, оперативное включение новой информации, получаемой при полевых исследованиях и при работе в фондах.

Создаваемая ландшафтно-археологическая ГИС уже применяется в научных экспериментах; предпечатной подготовка материалов исследований, оперативной картографии для экскурсионных и учебных целей. Для отдельных ключевых участков создаются пробные коммерческие варианты с удобным для пользователя интерфейсом и широким применением эффектной опции *Hot Link*. Остановимся на некоторых примерах локальных и районных ландшафтно-археологических ГИС ключевых участков и отдельных аспектах их применения

2.2. Ландшафтно-археологическая ГИС «Горки»

Ландшафтно-археологическая ГИС ключевого участка «Горки» имеет важное значение как в методическом, так и в научном плане для выявления особенностей антропогенной эволюции ландшафтов Московского региона. Во-первых, здесь в течение длительного времени проводились и проводятся детальные ландшафтные, археологические и самые разнообразные природно-отраслевые исследования. Во-вторых, именно на этом ключевом участке около пятнадцати лет назад были начаты сопряженные ландшафтно-археологические исследования (археолог Н. А. Кренке, ландшафтовед В. А. Низовцев), главная цель которых заключалась в выявлении не только особенностей заселения и хозяйственного освоения территории, но и в установлении конкретных ландшафтных условий сопутствовавших, а возможно и определявших это освоение. В третьих, результаты полевых исследований подкреплены материалами аналитических работ, включая радиоуглеродные датировки, спорово-пыльцевой, дендрохроноло-

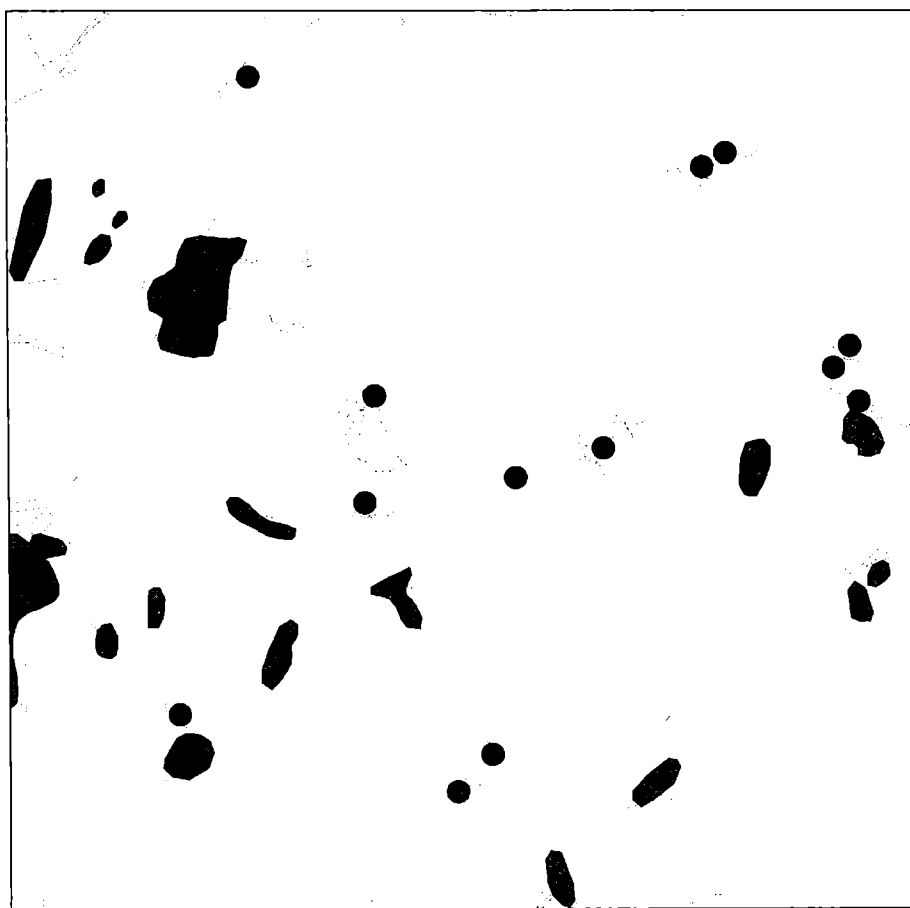
гический, карпологический и остеологический анализы.

Результатом работ явились ландшафтные и археологические карты масштаба от 1:1000 до 1:25 000, карты реконструкции природной среды и природопользования для разных этапов освоения территории, карта памятников природы и археологии и картосхема рекреационной нагрузки, на основе которых, была составлена карта функционального зонирования. Кроме того, была отработана методика комплексных ландшафтно-археологических исследований. Эти данные, как опубликованные (Александровский, 1995; Александровский и др., 1998; Кренке, 1995; Кренке, Низовцев, 1997; 2000; Низовцев, 1995; Низовцев и др., 1995; Низовцев, Фурманова, 1995; Низовцев и др., 2000; и многие др.), так и хранящиеся в фондах, содержатся в ГИС «Горки».

Физико-географические провинции и районы
 III – Московская провинция
 IV – Москворецко-Окская провинция
 IVa – Северный район, IVб – Южный район
 V – Мещерская: Va – Западный район

Рис. 4. Схема расположения Природно-исторического заповедника-спецлесхоза «Горки»

- контуры ландшафтных комплексов
- природные памятники
- археологические памятники

Рис. 5. Ландшафтные комплексы, природные и археологические памятники Природно-исторического заповедника-спецлесхоза «Горки»

2.2.1. Ландшафты и археологические памятники в ГИС «Горки»

Природно-исторический заповедник-спецлесхоз «Горки» расположен в 8 км к югу от Москвы в Ленинском районе Московской области, в бассейне р. Пахра (рис. 4). Здесь на относительно небольшой территории встречаются практически все основные генетические типы ландшафтных комплексов ближнего Подмосковья, многие из которых являются средообразующими, ресурсоохранными и, даже, эталонными. Археологические, исторические и культурные объекты соответствуют определенным историческим этапам и отражают разные периоды хозяйственной и культурной деятельности человека в конкретных ландшафтных условиях. Выделен целый ряд ландшафтно-исторических комплексов, являющихся своего рода «биографической летописью» антропогенного развития ландшафтов и непосредственно связанных с историей не только заповедника «Горки», но всего Московского региона (рис. 5; рис. 14).

На территории южного Подмосковья насчитывается около 40 ландшафтов, свыше 100 видов местностей и огромное количество составляю-

щих их урочищ. Однако целый ряд фоновых урочищ имеет сходную историю образования, эдафические свойства и, соответственно, особенности их сельскохозяйственного освоения. Наиболее распространенные урочища южного Подмосковья представлены и на территории заповедника «Горки», где они являются фоновыми. Всего на карте масштаба 1:25 000 выделено около 50 видов урочищ (фрагмент карты см. на рис. 5). Результаты археологических и исторических исследований содержатся в специальном слое ГИС и также отражены на карте (рис. 5). Интересные результаты дало изучение погребенных почв (фото опорного почвенного разреза с погребенными горизонтами — рис. 6; химические анализы — рис. 12).

Крупномасштабные ландшафтные карты ключевых участков в пределах заповедника «Горки» представлены на рисунках 7 и 8.

2.2.2. Палееореконструкция природопользования в период раннего земледелия в районе «Мемориальной зоны»

Результаты сопряженных ландшафтно-археологических исследований позволили сделать

Рис. 6. Опорный почвенный разрез с погребенными горизонтами

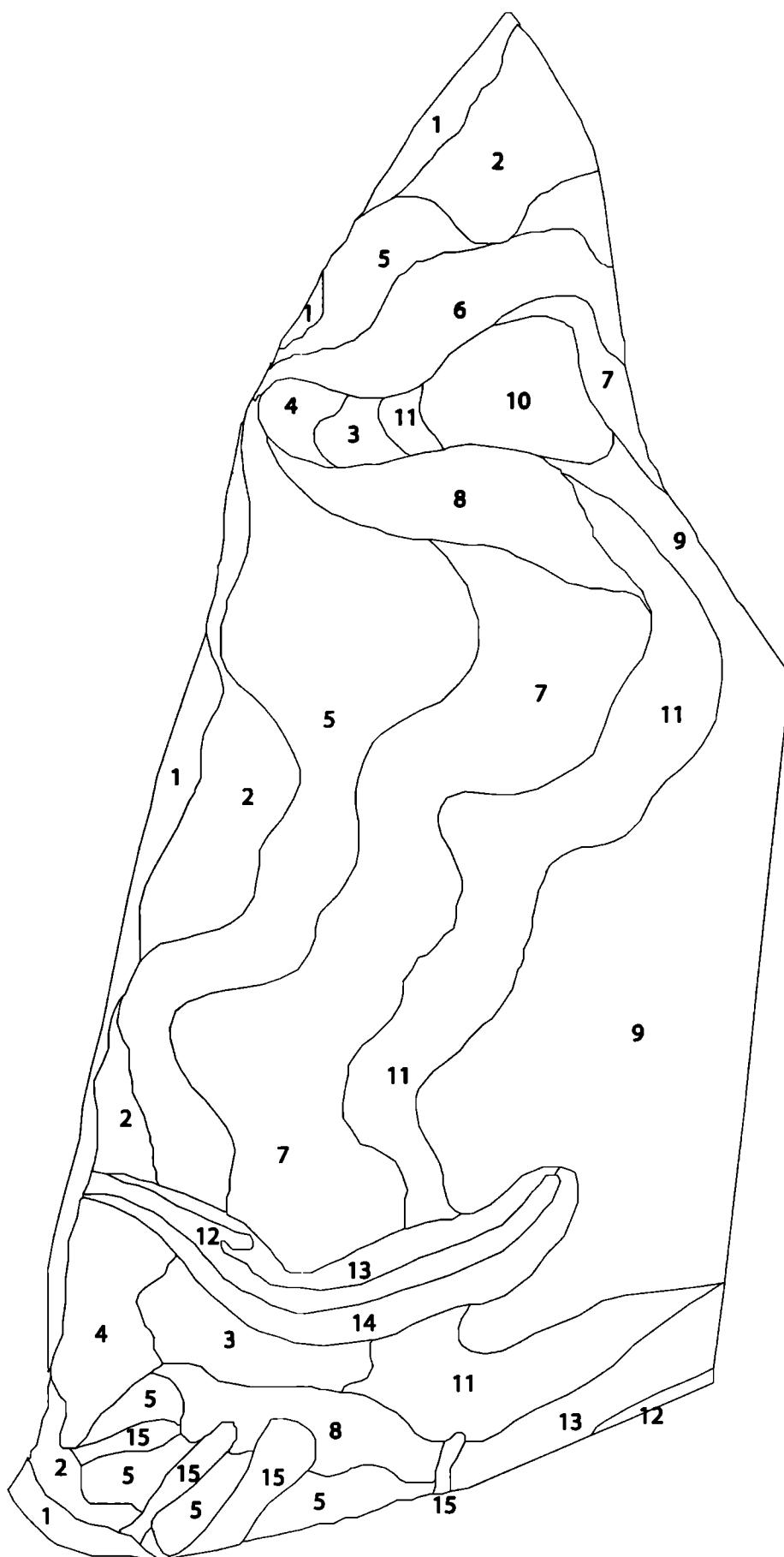

Рис. 7. Ключевой участок «Горки. Мемориальная зона».

Условно-восстановленные ландшафтные комплексы

1 — выровненная пологонаклонная высокая пойма, сложенная аллювиальными суглинками, подстилаемыми песками, с пойменными дерновыми оглеенными легкосуглинистыми почвами под черноольшаниками с липой и дубом крупно-травно-широкотравно-влажноразнотравными; 2 — полого- и покатонаклонная основная поверхность первой надпойменной террасы, частично слившейся с делювиальным шлейфом, сложенная делювиально-древнеаллювиальными суглинками, подстилаемыми песками и супесями, со слабоподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми местами оглеенными почвами под сосново-широколиственными с ольхой и черемухой во втором ярусе с лещиной и крушиной в подлеске крупнотравно-широкотравными с устойчивым присутствием влажнотравных видов лесами; 3 — покатонаклонная основная поверхность фрагментарной второй надпойменной террасы, сложенная маломощными древнеаллювиальными супесями, подстилаемыми песками, со слабоподзолистыми, реже дерново-слабоподзолистыми супесчаными почвами под сосняками с дубом и липой с можжевельником и лещиной в подлеске волосистоосоково-вейниковыми и орляковыми; 4 — крутой склон второй надпойменной террасы, сложенный древнеаллювиальными пылеватыми песками, с дерновыми маломощными супесчано-песчаными почвами под сосновыми с дубом с можжевельником в подлеске разнотравно-злаковыми лесами; 5 — покатый коренной склон долины (нижняя часть), частично слившийся с делювиальным шлейфом, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми мореной и водноледниковыми песками, с дерновыми среднемощными и мощными, разной степени оглеенными среднесуглинистыми почвами под вязовниками с дубом, ольхой и черемухой крушиновыми широкотравно-влажноразнотравными; 6 — крутой коренной склон долины северной экспозиции, сложенный маломощными делювиальными супесями, подстилаемыми водноледниковыми песками, с дерновыми маломощными супесчаными почвами под сосново-липовыми лещиновыми разнотравно-широкотравно-волосистоосоковыми лесами; 7 — крутой и круто-покатый коренной склон долины западной экспозиции, сложенный делювиальными супесями, подстилаемыми водноледниковыми песками, с дерновыми среднемощными супесчаными почвами под сосново-дубовыми лещиновыми волосистоосоковыми лесами; 8 — покато-крутой коренной склон долины южной экспозиции, сложенный маломощными делювиальными супесями, подстилаемыми водноледниковыми песками, с дерновыми среднемощными супесчаными почвами под сосново-дубовыми кустарниковыми широкотравно-волосистоосоково-вейниковыми лесами; 9 — пологий склон низкого долинного зандра западной экспозиции, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми песками и супесями, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами под липово-сосновыми с лещиной в подлеске широкотравными лесами; 10 — слабовыпуклый останец низкого долинного зандра, сложенный среднемощными покровными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми песками, с дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми почвами под широколиственно-сосновыми с лещиной в подлеске орляково-волосистоосоково-широкотравными лесами; 11 — покатый придолинный склон низкого долинного зандра, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми водноледниковыми песками, с дерново-слабоподзолистыми почвами под широколиственно-сосновыми с лещиной и можжевельником в подлеске широкотравно-волосистоосоковыми лесами; 12 — мелкобугристое днище балки корытообразной формы с руслом временного водотока, суглинисто-песчаное, с дерново-глеевыми почвами под черемухово-сероольховыми с дубом влажноразнотравными лесами; 13 — крутой склон балки южной экспозиции с оползнями в нижней части, сложенный маломощными суглинками на морене или водноледниковых песках, с дерновыми неравномерно оглеенными почвами под дубовыми с вязом и черемухой волосистоосоково-широкотравными и влажноразнотравными лесами; 14 — крутой склон северной экспозиции сложного профиля с оползневыми телами и нишами, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми мореной и водноледниковыми песками, с дерновыми глееватыми почвами под липняками влажнотравно-широкотравными; 15 — пологовогнутые ложинообразные и лотковообразные водосборные понижения, суглинистые, с дерново-глеевыми почвами, с мочажинами, под сероольховыми с дубом и вязом с черемухой во втором ярусе крупнотравно-влажнотравными лесами.

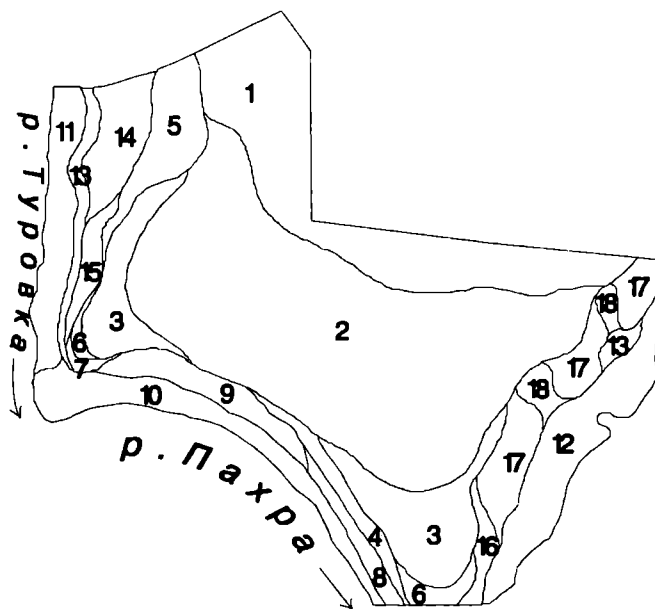

Рис. 8. Ключевой участок «Стрелка». Условно-восстановленные ландшафтные комплексы

1 — плоская основная поверхность, сложенная покровными суглинками подстилаемым древнеаллювиально-водно-ледниковыми песками с прослоями валунно-галечных отложений, замедленно дренируемая, с дерново-среднеподзолистыми, местами слабogleеватыми почвами под дубово-сосновыми кустарниковыми травянистыми лесами; 2 — плоская пологонаклонная основная поверхность, сложенная древнеаллювиальными суглинками, подстилаемыми песками, на глубоко лежащем цоколе известняков карбона, относительно хорошо дренируемая, с дерново-среднеподзолистыми почвами под сложными неморальными сосняками кислично-широколистными; 3 — полого-покатые склоны ($2-4^{\circ}$) теплых экспозиций (ЮЗ и ЮВ), сложенные древнеаллювиально-деллювиальными суглинками на песках, хорошо дренированные, с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми лесами с дубом лещиновым волосисто-осоково-широколистными; 4 — пологие склоны ($1,5-3^{\circ}$) южной экспозиции, сложенные делювиальными суглинками на древнеаллювиальных песках, отлично дренированные с дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми лесами с дубом лещиновым волосисто-осоково-вейниковыми; 5 — покато-пологий (23°) склон западной экспозиции, сложенный деллювиально-древнеаллювиальными суглинками, подстилаемыми песками, замедленно дренируемые с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми, иногда оглееными почвами под широколиственно-сосновыми лесами кустарниковыми широколистными с влажнотравьем; 6 — плоские террасовидные поверхности межсетевых гребней, сложенных делювиальными суглинками, подстилаемыми древнеаллювиальными песками, отлично дренированные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами под сосново-широколиственными (липа, дуб) лещиновыми широко-травными лесами; 7 — крутой ($20-35^{\circ}$) склон юго-западной экспозиции выпуклого профиля, сложенный маломощными суглинками и супесями на песках с дерновыми маломощными почвами под дубово-сосновыми вейниково-злаковыми с сухотравьем лесами; 8 — крутой склон ($30-40^{\circ}$) южной экспозиции, ровного профиля, сложенный маломощными суглинками, подстилаемыми песками в нижней части и мореной с дерновыми маломощными почвами под дубово-сосновыми разреженно-злаковыми и разнотравными лесами; 9 — крутой ($20-40^{\circ}$) склон вогнутого профиля, осложненный лоткообразными и ложинообразными понижениями, местами с оплывинами, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми древне-аллювиальными песками и в нижней части мореной или юрскими глинами с дерновыми среднетощными в нижней части оглееными почвами под липодубравами с сосной широколиственными и влажнотравными в нижней части; 10 — выровненная высокая пойма р. Пахры, суглинисто-песчаная, с пойменными дерновыми среднетощными карбонатными почвами под дубравами широколиственными; 11 — выровненная и мелкобугристая пойма р. Туровки, сложенная аллювиальными суглинками с пойменными дерновыми мощными нередко оглееными почвами под черноольшанниками и липодубравами крупнотравно-влажнотравно-разнотравными; 12 — мелкобугристое днище долины ручья балочного типа суглинисто-песчаное с дерновыми глеевыми почвами под черемухо-ольховыми влажно-травными лесами; 13 — пологие наклонные делювиальные шлейфы суглинистые с дерновыми мощными оглееными почвами под широколиственными с елью и черемухой влажнотравно-крупнотравными лесами; 14 — покато-крутой ($10-20^{\circ}$) склон западной экспозиции, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми песками и мореной с дерновыми среднетощными в нижней части склона оглееными почвами под липняками с сосной и дубом широколиственными; 15 — крутой (30°) склон западной экспозиции, сложенный маломощными делювиальными суглинками, подстилаемыми песками с дерновыми маломощными почвами под липняками с сосной и дубом широколиственно-волосисто-осоковыми; 16 — покато-крутой ($10-15^{\circ}$) склон восточной экспозиции, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми песками с дерновыми среднетощными почвами под липодубравами с сосной травянисто-волосисто-осоковыми; 17 — покатый ($5-10^{\circ}$) склон ВЮВ экспозиции, сложенный делювиальными суглинками, подстилаемыми песками и мореной с дерновыми слабоподзолистыми почвами под широколиственно-хвойными кустарниковыми разнотравно-широколистными лесами; 18 — лоткообразные понижения на коренном склоне, суглинистые, с дерновыми мощными оглееными почками под липодубравами кустарниковыми влажнотравными.

закключение, что в период раннего земледелия на территории современного заповедника «Горки» сформировались следующие основные природно-хозяйственные системы: лесные и агрогеосистемы — земледельческие (пашенные и мотыжные) и животноводческие (пастбищные и сенокосные). На рисунках 9 и 10 представлены карты реконструкции природопользования в районе «Мемориальной зоны» для железного века и древнерусского времени.

Предполагается, что впервые пашенное земледелие на данной территории возникло в дьяковское время, а пахотные агрогеосистемы были строго локализованы и располагались непосредственно вблизи самих поселений. Они представляли собой небольшие по размерам участки, соизмеримые с самими поселениями. На исследуемой территории они занимали слабовыпуклые останцы низкого долинного зандра, «водораздельные межсетевые» гребни и покатоаклонные (от 2 до 6°) поверхности второй надпойменной террасы р. Туровки.

Наиболее распространенными агрогеосистемами пашенного, а чаще непашенного мотыжного, земледелия были участки краткосрочных перелогов или подсечно-огневого земледелия. Как правило, эти агрогеосистемы существовали кратковременно (от 2 до 5 лет, не более), а затем сменялись пастбищными мелколесными, так как остальное время, до новых посевов, они использовались под выпас преимущественно крупного рогатого скота. Если участки с подсечно-огневым земледелием располагались на плоских поверхностях долинных зандров за пределами ключевого участка, то краткосрочные перелог могли существовать непосредственно вблизи городища, занимая присетевые склоны низких долинных зандров. Эти местообитания имеют теплые почвы легких механических составов. Можно предположить, что, так как дьяковцы практически еще не владели железным топором, то обработка огнища сохой была невозможна из-за обилия несгоревших пней и корней. Вместо сохи применялась мотыга, а для рыхления верхнего слоя — «борона-суковатка», которую волочили по огнищу.

В древнерусский период на этих землях стал формироваться основной массив пахотных земель, чему способствовали широкое применение тягловой силы (лошадей) и значительные размеры этих ПТК. Более того, крупная пахотная агрогеосистема XII–XIII вв. сформировалась и на вышележащей пологонаклонной поверхности низкого долинного зандра, где под курганами вятичей были вскрыты погребенные пахотные горизонты дерново-подзолистых почв. Возмож-

ность вовлечения в сельскохозяйственный оборот этих земель, имеющих почвы с более поздними сроками готовности (а в наших климатических условиях это немаловажный фактор), стала в связи с распространением в земледелии озимых культур.

Многочисленные находки керамики древнерусского периода на участках склона низкого долинного зандра позволяют довольно точно очертить границы селища (древнерусского поселения), существовавшего на этом месте. Мощность культурного слоя достигает здесь 40–50 см.

И для дьяковских племен, и для древнерусских поселенцев характерны одинаковый набор разводимых домашних животных и однотипная форма их содержания. Поэтому, анализируя особенности возможного использования ПТК в левобережье р. Туровка (доступность, потенциальные возможности кормовой базы и т. п.), можно предположить возникновение и длительное существование постоянных агрогеосистем пастбищного типа. Это в первую очередь сенокосные и пастбищные луга с редкостойными дубравами и ветляниками паркового (пасторального) типа, где производились выпас скота, заготовки сена, желудей, ветошного корма и т. д.

Пастбищные луга (суходольные) с рединами широколиственных пород (дуб, липа) возникали в разное время на разных участках в ПТК крутопокатых и покатых коренных склонов долин, надпойменных террас и долинных зандров. Они использовались под выпас преимущественно мелкого рогатого скота и под прогоны крупного рогатого скота. В прошлом эти местообитания были заняты широколиственными с примесью хвойных пород травянистыми лесами. Значительная крутизна склонов ограничивала их хозяйственное использование. Наиболее интенсивно под выпас использовались склоны теплых экспозиций весной, когда почти все местообитания еще находились под снегом. Начало вегетации растений, особенно травянистых, здесь на три-четыре и более недель раньше, чем в других местообитаниях.

Довольно устойчиво под выпас скота, преимущественно свиней, использовались ольшаники, дубравы и вязовники пологих склонов первой надпойменной террасы и пологонаклонные делювиально-пролювиальные шлейфы, наложенные на пойму или надпойменную террасу. Это одни из наиболее богатых местообитаний по трофности субстрата района из-за постоянного поступления «питательных» веществ со склонов и малых эрозионных форм, что в сочетании с повышенным увлажнением натечного типа способствовало широкому развитию ме-

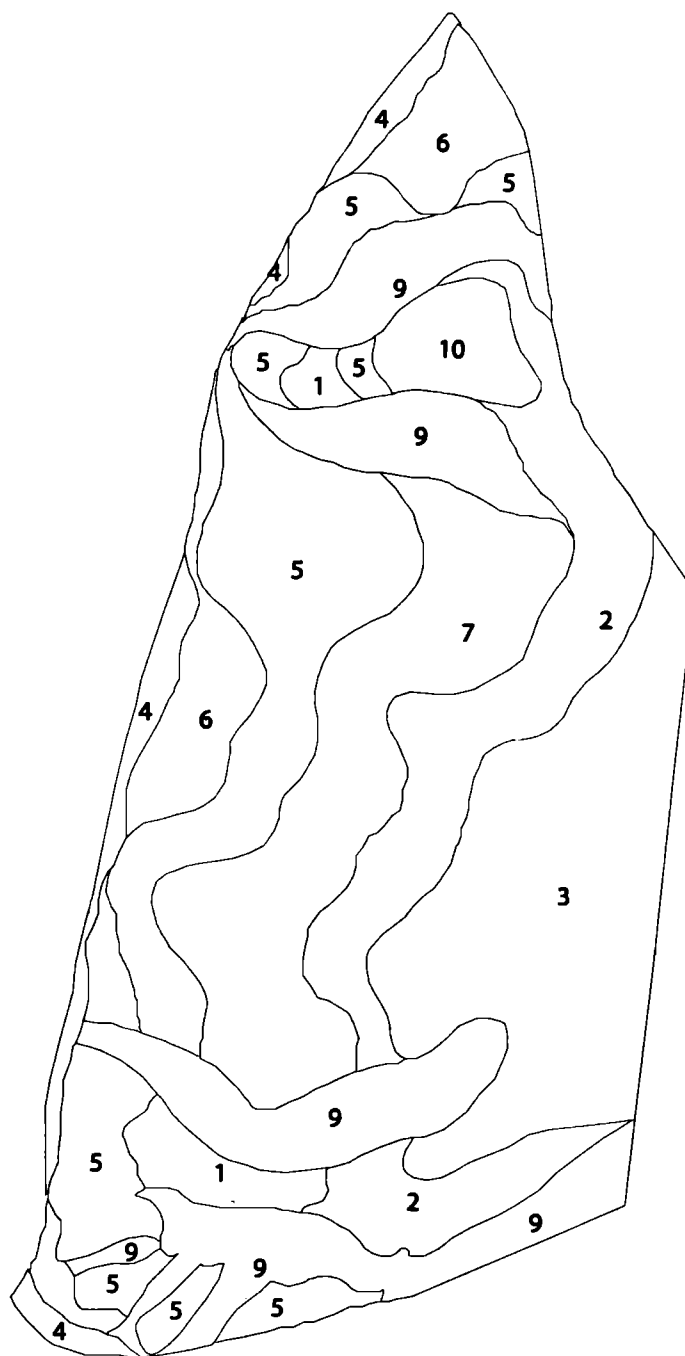

Рис. 9. Ключевой участок «Горки. Мемориальная зона».
Природопользование в железном веке

1 — пахотные агрогеосистемы (постоянные пахотные участки с двухпольным, а возможно и трехпольным севооборотом); 2 — пастбищно-пахотные агрогеосистемы (мелколесья, участки краткосрочных перелогов, распахиваемых 3—4 года, затем залежь и выпас преимущественно крупного рогатого скота, по мелколесью, «оборот» — порядка 10—20 лет); 3 — пастбищно-земледельческо-лесные природно-хозяйственные системы (подсечно-огневое мотыжное земледелие с долгосрочным «оборотом» — около 50—60 лет, выпас скота по лесу, лесное хозяйство, мясная и пушная охота); 4 — пастбищно-сенокосные агрогеосистемы (сенокосные и пастбищные пойменные луга); 5 — пастбищные агрогеосистемы (суходольные луга и редины широколиственных пород, выпас мелкого рогатого скота); 6 — пастбищно-лесные агрогеосистемы (выпас свиней — ольшаники, черемушники и дубравы пасторального типа); 7 — пастбищные агрогеосистемы с вкраплениями небольших пахотных агрогеосистем (сочетание суходольных лугов, пасторальных дубрав и пахотных участков); 8 — пастбищно-лесные природно-хозяйственные системы (суходольные луга, пасторальные липо-дубравы и широколиственные леса — выпас скота, лесное хозяйство); 9 — лесохозяйственные системы (лесное хозяйство, охота, бортничество); 10 — городище железного века; 11 — древнерусское селище.

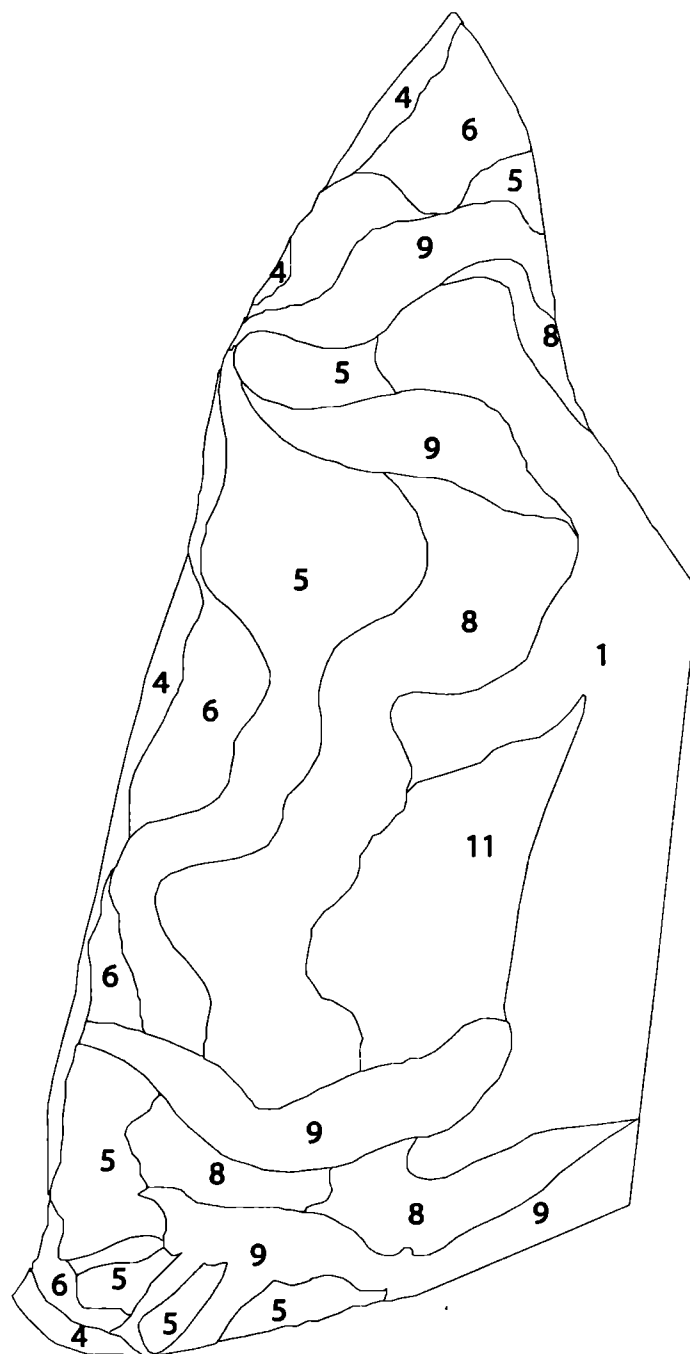

Рис. 10. Ключевой участок «Горки. Мемориальная зона».
Природопользование в древнерусский период
(см. пояснения к рис. 9)

гатрофов в наземном покрове и, соответственно, обилию корма для свиней. В использовании других ПТК района преобладало лесное хозяйство, постоянных агрогеосистем там не возникало. К таким ПТК относятся крутосклонные участки коренных склонов долин, глубокие «крутоврезанные» балочные формы и сырые ложиннообразные понижения с разгрузкой грунтовых

вод. Лимитирующими факторами для занятия сельским хозяйством и, соответственно, формирования агрогеосистем явились значительная крутизна склонов или избыточное увлажнение. Эти ПТК использовались в качестве охотничьих угодий, здесь заготавливалась древесина, а на склонах северных экспозиций занимались бортничеством.

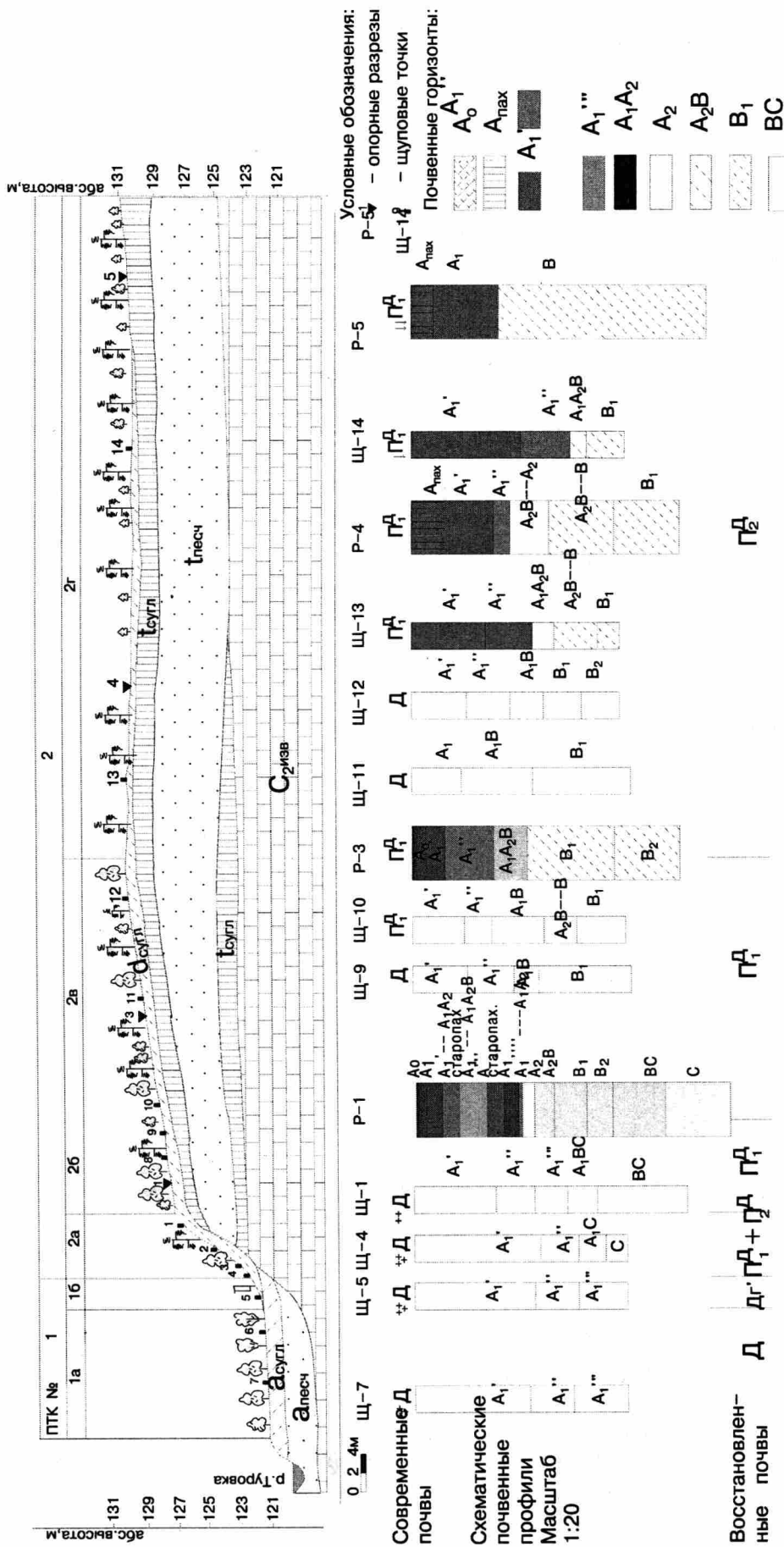

Рис. 11. Ключевой участок «Стрелка». Ландшафтный профиль

2.2.3. Палеореконструкция природопользования в период раннего земледелия на ключевом участке «Стрелка»

Другие составляющие ландшафтно-археологических ГИС рассмотрим на примере ключевого участка «Стрелка» в месте слияния рек Пахры и Туровки. Основу его составляют ландшафтная карта и ландшафтный профиль (рис. 11) с данными палеопедологических исследований и химических анализов (рис. 12). Подобные профили являются необходимым элементом ГИС, поскольку показывают не только расположение природно-территориальных комплексов, но и выявляют внутреннюю структуру ПТК, слагающие территорию горные породы и почвы, а также закономерности формирования как природных, так и природно-антропогенных комплексов. Для опорных почвенных разрезов проводятся химические анализы, которые позволяют уверенно судить и о коренных ПТК, и о возможных видах природопользования. В лабораторных условиях определяются гранулометрический состав, реакция среды (рН), групповой и фракционный состав гумуса, содержание органического углерода и фосфора. Из вышеперечисленных

численных анализов наиболее информативными являются данные о содержании органического углерода — его количество и состав (групповой и фракционный состав гумуса), а также гранулометрический профиль почвы.

На основе ландшафтно-археологических и палеопедологических исследований были составлены карты природопользования (рис. 13) и выделены следующие этапы освоения территории.

1. Первые века нашей эры — распашка сохой. В пользу этого говорит однородная мощность горизонта, довольно четко выраженная плужная граница. Распашка была длительной и, вероятно, с самого начала сопровождалась процессами плоскостного смыва, т. к. плужная подошва расположена в почвенном горизонте А2. В этом слое имеются находки керамики соответствующего времени.

2. Конец железного века — прекращение распашки. Следует длительный залежный этап (не менее 200 лет). Почвенная толща под влиянием зональных почвообразовательных процессов (главным образом, подзолообразовательного) начинает расслаиваться на горизонты и подгоризонты.

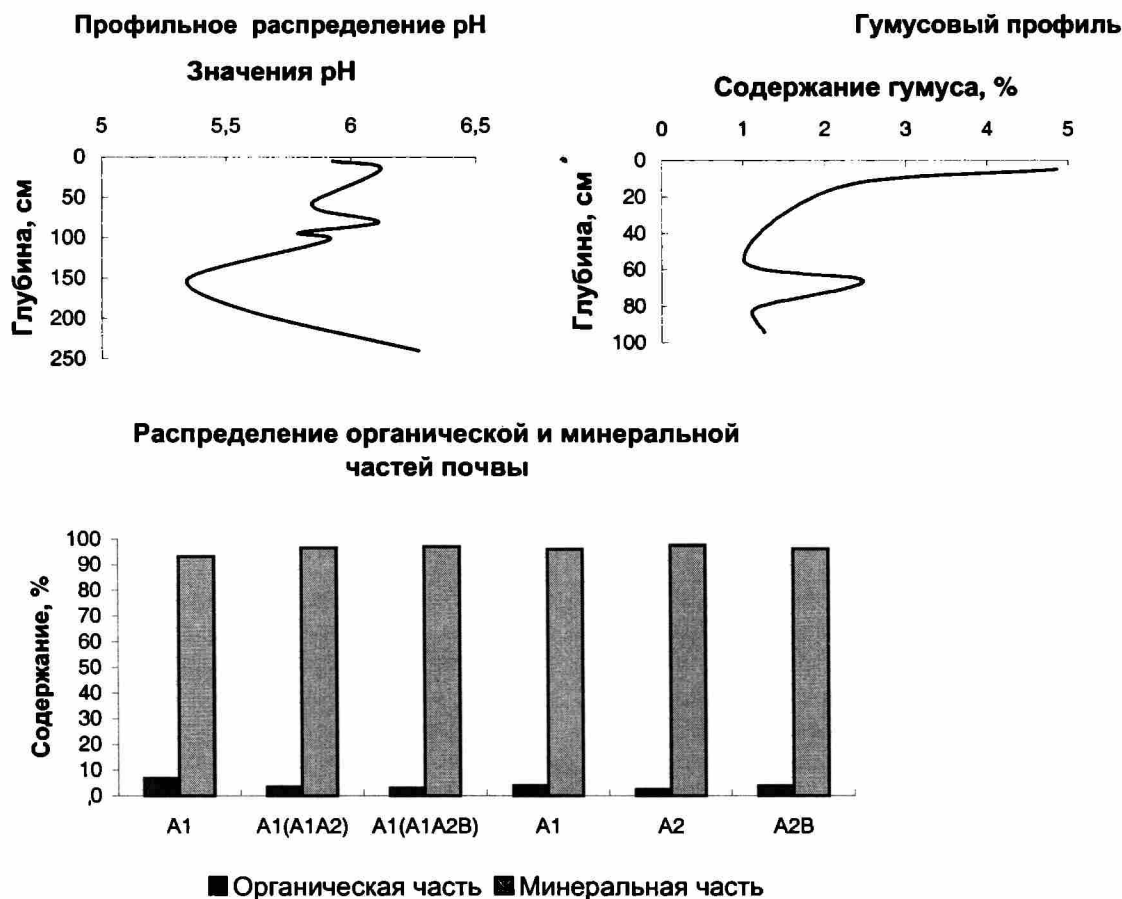

Рис. 12. Ключевой участок «Горки», разрез р-1. Данные химических анализов

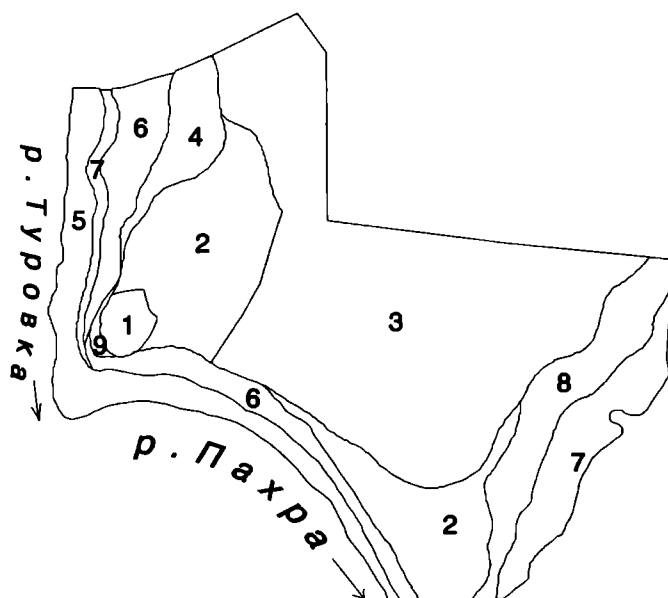

Рис. 13. Ключевой участок «Стрелка». Природопользование в железном веке

1 — Территория поселения раннего средневековья; 2 — пахотные агрогеосистемы (постоянные участки с двухпольным, а, возможно, и трехпольным севооборотом); наиболее оптимальные местоположения в непосредственной близости от поселений с отлично дренированными почвами с благоприятным для земледелия водно-воздушным режимом и относительно повышенным естественным плодородием (дерново-подзолистые, со слабой степенью оподзоливания, и дерновые почвы легких механических составов); почвы теплые; 3 — пастбищно-пахотные агрогеосистемы (мелколесья, участки краткосрочных перелогов, распахиваемых преимущественно 3–4 года, затем — залежь и выпас, преимущественно крупного рогатого скота, по мелколесью, «оборот» — порядка 10–20 лет); ПТК с полого- и покато-наклонными присетевыми поверхностями, также с хорошо дренированными дерново-слабоподзолистыми почвами; несмотря на средние сроки снеготаяния, сочетание сточного и промывного режимов благоприятствует ранним срокам готовности полей; 4 — пастбищно-непахотно-земледельческо-лесные агрогеосистемы (подсечно-огневое земледелие с долгосрочным «оборотом», около 50 лет, выпас скота по лесу, лесное хозяйство, мясная и пушная охота); ПТК пологонаклонных долинных зандров и моренно-водноледниковых равнин с относительно бедными по трофности почвами, умеренно дренируемые малыми эрозионными формами; снеготаяние растянутое, однако застоя влаги нет из-за внутрипочвенного стока и промывного режима; 5 — Пастбищно-сенокосные агрогеосистемы (сенокосные и пастбищные пойменные луга с редкостойными дубравами, черноольшаники и ветляники); земледельческое освоение пойм лимитировано поемным режимом увлажнения; 6 — Пастбищные агрогеосистемы с вкраплениями небольших пахотных агрогеосистем (сочетание суходольных лугов, пасторальных дубрав и пахотных участков); ПТК с разнообразными природными свойствами, преимущественно наклонные поверхности с достаточно плодородными почвами; 7 — пастбищно-лесные агрогеосистемы (суходольные луга, пасторальные липо-дубравы и широколиственные леса — выпас скота, преимущественно — мелкого рогатого скота, лесное хозяйство); ПТК крутых и покатых коренных склонов долин; 8 — пастбищно-лесные агрогеосистемы (выпас скота, преимущественно свиней — ольшаники и дубравы пасторального типа); ПТК I надпойменной террасы и делювиально-пролювиальных шлейфов, с богатыми по трофности субстрата местообитания, с натежным увлажнением, с господством в наземном покрове мегатрофов) и лесохозяйственные системы (лесное хозяйство, охота, бортничество); ПТК ограниченного пользования: малые эрозионные формы, местообитания с повышенным увлажнением и «холодными» почвами, удаленные от поселений участки.

3. Древнерусский период — активная распашка территорий выше по склону (на расстоянии нескольких десятков метров). На участке расположения опорного разреза происходило активное накопление делювиального материала, захоронившего и, соответственно, законсервировавшего нижележащие слои.

4. В древнерусский период (еще примерно через 100 лет) происходит очередная распашка участка. Следующая плужная граница находится выше по профилю разреза, располагается в делювиальной толще.

5. В дальнейшем территория активно распашивалась, но был ряд перерывов. Об этом говорит распадение верхнего горизонта на три различных по морфологии подгоризонта. Вероятно, во время этих перерывов лесная стадия отсутствовала или была кратковременной, территория использовалась как пастбищное угодье. В пользу этого говорит отсутствие признаков оподзоливания в верхней части профиля. На данной территории постоянно существовало поселение (подтверждается нахождением керамики соответствующего времени). В последующем

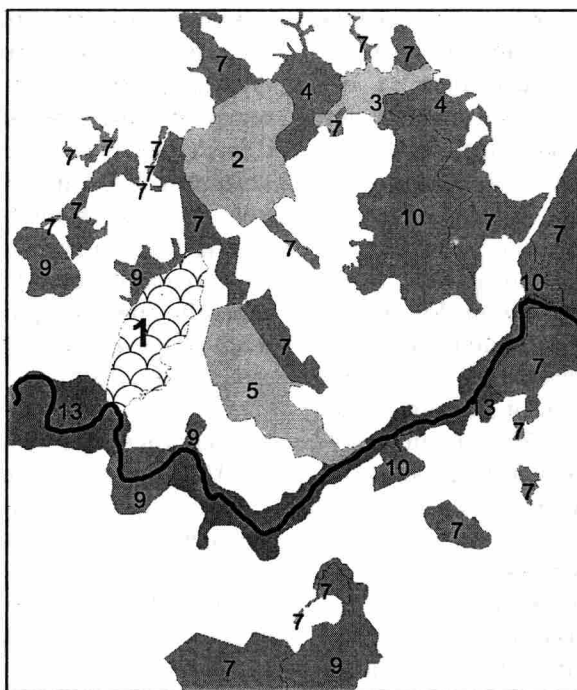

Рис. 14. Функциональное зонирование Природно-исторического заповедника-спецлесхоза «Горки» и его охранной зоны (ДКМ — древнерусские курганные могильники; МРВР — местообитания редких видов растений)

№	подзона	ПТК и уникальные природные объекты	Ядро подзоны
I. Историко-мемориальная и ландшафтно-археологическая зона «Горки»			
1	Мемориальная	Полный набор основных видов ландшафтных комплексов: сохранившиеся участки пойменных лесов, МРВР, многовидовые гнездовые культуры по методу Т.Д. Лысенко	Полный диапазон археологических памятников (от 1 тыс. до н. э. по XX в.) и уникальный комплекс памятников древнерусского периода. Усадьба «Горки» и объекты, связанные с жизнью и деятельностью В.И. Ленина. Экспериментальная база Т.Д. Лысенко
II. Ландшафтно-историческая и лесохозяйственная зона			
2	«Таболовские пруды»	ПТК междуречных равнин. Старовозрастные, включая особо ценные, участки широколиственных лесов	ДКМ разных типов, памятники средневекового межевания и лесоустройства
3	«Коробовское городище»	Слабо нарушенные ПТК долины малой реки (Люддовки), Участки пойменных лесов хорошей сохранности, МРВР	Уникальное городище железного века, Средневековые памятники, идентифицированные с данными актов XV в.
4	«Исходка»	Разные виды междуречных ПТК., опытно-производственный участок лесоразведения	Древнерусские и средневековые поселения. ДКМ. Остатки старинной Колычевской дороги.
5	«Лесная дача Дугино»	Полный ряд ПТК: от возвышенных моренных междуречных равнин до поймы р. Пахры. Участки широколиственных лесов хорошей сохранности, МРВР	Комплекс древнерусских поселений и ДКМ (уникальные по размерам). Усадебный парк «Мещерино»
6	«Куприяниха»	Долинные ПТК р. Пахры Старовозрастные сосняки, МРВР	Старые (с XII в.) каменоломни, ДКМ
III. Ландшафтно-археологическая зона			
7	«Васильевская»	ПТК долинных зандров и долины малой реки, моренно-камовый холм	Древнерусское селище
8	«Сьяново»	Останец долинного зандра, крутоврезанная балка	Городище железного века
9	«Старое Пахрино»	Пойма и низкие надпойменные террасы р. Пахры	Древнерусские поселения (X–XI вв.), остатки царского дворца и казенных конюшен (XVII–XIX вв.)
10	«Красино — Жеребятцево»	Долинные зандры р. Пахры с близким цоколем известняков	ДКМ, старообрядческое кладбище
11	«Шишкино»	Высокий долинный зандр р. Пахры	Усадебный комплекс XIX в.
12	Подзона «Воеводино»	Низкий долинный зандр р. Пахры,	Комплекс древнерусских памятников в лесу «Замока»
IV. Ландшафтно-историческая рекреационная зона			
13	наиболее нарушенная часть	Долинные, преимущественно пойменные, комплексы р. Пахры	Разнообразные археологические, историко-архитектурные памятники
V. Ландшафтно-экологическая зона			
14	Остальная часть лесной территории	Разнообразные ПТК	Плотность и значимость ландшафтно-исторических комплексов меньше

происходило активное накопление делювия, по-видимому, вышерасположенный участок активно и длительное время распаивался.

6. В современный период, в последние 100 лет, этот участок, в отличие от соседних, был занят лугом или редколесьем. Господство дернового процесса, использование территории под выпас, создали уникальную возможность консервации и сохранения старопахотного горизонта.

Подобная реконструкция ландшафтных условий и природопользования выполнена и для ключевого участка «Коробовское городище», расположенного в средней части долины реки Людовки на стрелке (мысу), образованной крутым высоким правым берегом и впадающим в реку крутоврезанным оврагом (см. рис. 14).

2.2.4. Функциональное зонирование территории заповедника «Горки»

В результате проведенных ландшафтно-археологических исследований на территории заповедника «Горки» и его охранной зоны выделены функциональные зоны и подзоны, которые приводятся в таблице 1. Эта таблица является легендой к карте (рис. 14). Карты функционального зонирования служат важной составной частью прикладного блока ландшафтно-археологической ГИС. Для зон и подзон разработаны рекомендации по рациональному использованию с учетом их исторической значимости. Эти рекомендации внедрены в практику деятельности заповедника.

Так, например, в пределах историко-мемориальной и ландшафтно-археологической зон необходимо строгое соблюдение нормативных актов, касающихся строительства, прокладки коммуникаций, ведения сельскохозяйственных работ, установление режима строгой заповедности и охраны с режимным посещением. Обязательным условием является проведение комплекса мероприятий, в том числе — реставрация существующих и восстановление утраченных культурно-исторических памятников, рекреационное устройство территории, введение некоторых ограничений по ведению сельского хозяйства. Необходима организация сети комплексного геоэкологического мониторинга. Ландшафтно-экологическая зона (V), где плотность и значимость ландшафтно-исторических комплексов меньше, а степень сохранности природных ландшафтов выше, выполняет средообразующие и средоохраняющие функции.

Предложенное функциональное зонирование заповедника-спецдесхоза «Горки» и прилегающих территорий повышает его общий охранный статус за счет выделения участков особо ценных

ландшафтов, ландшафтно-исторических комплексов и рекреационных зон. Подобные схемы функционального зонирования для природоохранной деятельности с учетом исторической и археологической значимости ландшафтных комплексов были выполнены для Государственного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское», Государственного Бородинского Военно-исторического музея-заповедника и др. (Кренке и др., 1997; Громова и др., 2000; Низовцев и др., 2000).

2.3. Ландшафтно-археологическая ГИС «Долина р. Сторожки»

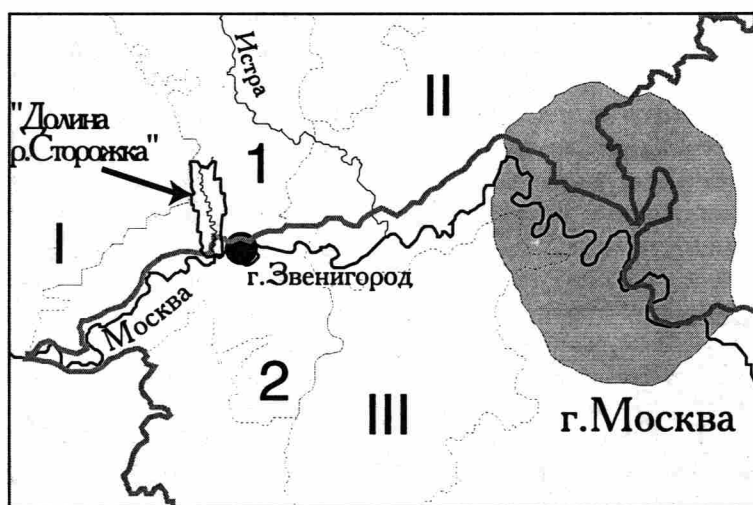
Другой район детальных исследований — необычайно интересный как в природном, так и в историческом плане заказник «Долина р. Сторожки». Ландшафтно-археологические исследования с созданием локальной ГИС позволили не только выявить ландшафтную структуру территории, этапы ее освоения и ландшафтно-исторические комплексы, но и скорректировать проведенные административным путем границы заказника (первоначально эти границы проводились формально на расстоянии 1 километр по обе стороны от самой реки и мало учитывали природные особенности территории), а также обосновать новые.

2.3.1. Географическое положение

Природный государственный заказник «Долина р. Сторожки» площадью около 17 тыс. га расположен на южных скатах Клинско-Дмитровской гряды в левобережье Москвы-реки (рис. 15). Он вытянут узкой полосой длиной до восьми километров и шириной около двух километров вдоль нижнего течения р. Сторожки, севернее г. Звенигород. Исследуемый район расположен практически на стыке двух физико-географических провинций — Москворецко-Окской и Московской, в которой он собственно и расположен, кроме того, недалеко проходит и граница двух физико-географических районов Московской провинции — Западного и Восточного. По реке Москве проходит граница Истринского и Звенигородского ландшафтов (Анненская и др., 1997). Подобное экотонное местоположение определило особенности и своеобразие природных условий данной территории.

2.3.2. Ландшафтная структура

События Московского оледенения сыграли самую большую роль в формировании основных современных свойств ландшафтной структуры. Как современный, так и дочетвертичный

Границы:
 — физико-географических районов
 ландшафтов

Рис. 15. Расположение заказника «Долина р. Сторожки»

рельеф явились причиной обособления современных ландшафтов и во многом определили их свойства. Однако еще в большей степени они зависят от особенностей залегания и литологического состава четвертичных отложений: суглинистой морены, флювиогляциальных песков, глин, суглинков (рис. 16).

Основу ландшафтной структуры исследуемой территории составляют урочища междуречных равнин. Наиболее возвышенное положение на исследуемой территории занимают холмистые и плоские моренные равнины (рис. 16, 3, 4), которые располагаются на абсолютных высотах 180–200 м. Они являются доминантными урочищами среди ПТК междуречных равнин. Над мореной залегают маломощные покровные суглинки, на которых сформировались дерново-подзолистые почвы. Заняты они, как правило, еловыми и мелколиственными зеленомошными и кисличными лесами с широколиственным в наземном покрове. Урочищами субдоминантами междуречных равнин являются камовые и моренно-камовые (рис. 16, 1, 2) всхолмления до 5–15 м относительной высоты. Второе доминантное урочище — плоские межхолмовые понижения, сложенные покровными и водноледниковыми суглинками на морене. Дерново-подзолистые почвы здесь в различной степени оглеены и заняты влажными и сырыми лесами, лугами, пашнями.

Характерными субдоминантными урочищами моренных равнин являются сырые балки, лощины и заболоченные западины (рис. 16, 16, б), служащие, как правило, приводосборными по-

нижениями лощинно-балочной сети. Значительно реже встречаются древнеозерные котловины и «межбассейновые переливы» — мелкие местные ложбины стока ледниковых вод (рис. 16, 5, 7), занятые сырыми мелколиственными-еловыми, еловыми и осиновыми кустарниковыми травянистыми лесами на дерново-подзолисто-глеевых или мелкоболотных почвах.

Долинные зандры и моренно-водноледниковые равнины с абсолютными высотами 140–180 м (30–40 м над урезом реки) занимают участки бывших днищ крупных ложбин стока ледниковых вод, в которые и заложилась современная речная сеть. Они сложены древнеаллювиально-водноледниковыми песками и супесями, нередко перекрытыми (0,5–1,5 м) покровными суглинками. Значительные участки долинных зандров заняты современной застройкой и распаханы. Сохранившиеся лесные массивы представлены сильно нарушенными мелколиственными, еловыми (с участием сосны и дуба) кустарниковыми папоротниково-разнотравно-широколистными лесами на дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистых почвах.

Долинные комплексы на исследуемой территории отличаются большим разнообразием и сложностью внутреннего строения, они представлены ПТК коренных склонов, надпойменных террас и пойм. Наиболее крутые склоны (рис. 16, 10), крутизной до 45°, выражены в нижнем течении р. Сторожки, большей частью заняты мелколиственными разнотравно-широколистными и елово-сосновыми с примесью ши-

Условные обозначения:

1,2	- границы и номера ПТК		- 1		- 6		- 13		- 15		- 16
-----	------------------------	--	-----	--	-----	--	------	--	------	--	------

Рис. 16. Ландшафтная карта заказника «Долина р. Сторожки» и его ближайших окрестностей (описание ландшафтных комплексов см. в тексте)

роколиственных пород травянистыми лесами. Пашни приурочены к выровненным пологим и покатым участкам (рис. 16, 11) этого вида ПТК. Практически все почвы этих ПТК подвержены процессам смыва-намыва. По сырым балкам и лощинам (рис. 16, 15), расчленяющим склоны, распространены ольховые малиново-крапивные и черемуховые зеленомошные и мертвопокровные леса.

Урочища надпойменных террас являются фоновыми для долинных ПТК. Они имеют песчано-суглинистое сложение, выровненную слабо наклонную основную поверхность и заняты преимущественно влажными, реже сырыми, смешанными лесами на дерново-слабоподзолистых оглеенных почвах. Пойма р. Сторожки и ее притоков (рис. 16, 13) хорошо выражена, имеет выровненный или мелкобугристый характер поверхности, сложена аллювиальными суглинками на песках. На пойменных дерновых глееватых и глеевых почвах развиты преимущественно травянисто-мелкозлаковые луга или сероольховые и ивняковые мелколесья.

2.3.3. Уникальность и ценность ландшафтно-исторических комплексов долины

р. Сторожки

Подмосковье является староосвоенным регионом, для которого характерна чрезвычайная насыщенность памятниками разных периодов истории края. Однако даже на этом фоне выделяется территория заказника «Долина р. Сторожки», освоение которой продолжалось с определенными колебаниями практически постоянно, где сохранились памятники практически всех основных этапов и видов хозяйственной деятельности. Длительное и интенсивное освоение привело к антропогенной трансформации исходных ландшафтных комплексов, на месте которых сформировались специфические ландшафтно-исторические комплексы. Основной особенностью этих комплексов является целостность и единство природной и антропогенной составляющей, памятника и его природного окружения. Выделен целый ряд ландшафтно-исторических комплексов, отражающих особенности антропогенного освоения ландшафтов и непосредственно связанных с историей не только заказника, но и территорией ближнего Подмосковья.

Ландшафтные условия территории способствовали ее специфическому хозяйственному освоению. Существовавшее длительное время адаптивное хозяйство обусловило формирование территориальной структуры землепользования, в которой оптимально сочетаются природные особенности территории и хозяйственные

потребности населения. Длительная история взаимодействия человека и природы, складывавшиеся веками формы ведения и территориальная структура хозяйства, обусловили целостность объектов, в настоящее время представляющих собой памятники духовной и материальной культуры, и их природного окружения. Именно органичное сочетание природного и антропогенного, эстетической привлекательности и хозяйственной целесообразности создало в совокупности культурно-исторический образ национального ландшафта, сформированного культурой многих поколений. Соответствие этому (во многом субъективному) образу является главной особенностью этой территории, подчеркивая ее уникальность и ценность.

Ландшафтная структура территории, существенно преобразованная деятельностью человека, несет следы территориальной структуры хозяйства, а устные традиции населения — названия угодий и урочищ, сохраняющих богатейшую топонимическую систему. Особенно можно выделить гидроним «Сторожка», который связан с порубежным сторожевым положением этой территории и ее важным оборонно-стратегическим значением для Московского края в средневековое время. Не случайно сохранился и ряд однотипных топонимов — Сторожевой холм, Саввино-Сторожевский Монастырь. Ряд топонимов отражает хозяйственное использование территории в прошлом: Грибов лес, Грибовский ручей, река Кадочка, урочище Луговина, урочище Митины Покося. Топонимы «ручей Хвошинка», «урочище Швейцария», «Скоково» (связаны с пересеченной местностью) передают ландшафтные особенности территории.

Отличительной особенностью заказника является также сохранность таких следов древнего хозяйственного освоения человека, как, например, хорошо выраженные старопашотные горизонты, культурные слои, следы территориальной структуры хозяйства, наличие ландшафтных комплексов искусственно созданных человеком. Это дает возможность восстановления картины жизнедеятельности поселенцев в определенные исторические этапы, а также реконструировать антропогенные изменения в ПТК, сопутствующие разным видам природопользования.

На территории заказника наиболее исследованы четыре археологических памятника (рис. 17), относящихся к древнерусскому периоду славянской колонизации края и началу формирования Московского княжества. Коллекции находок этих памятников частично хранятся в Государственном историческом музее. Среди находок —

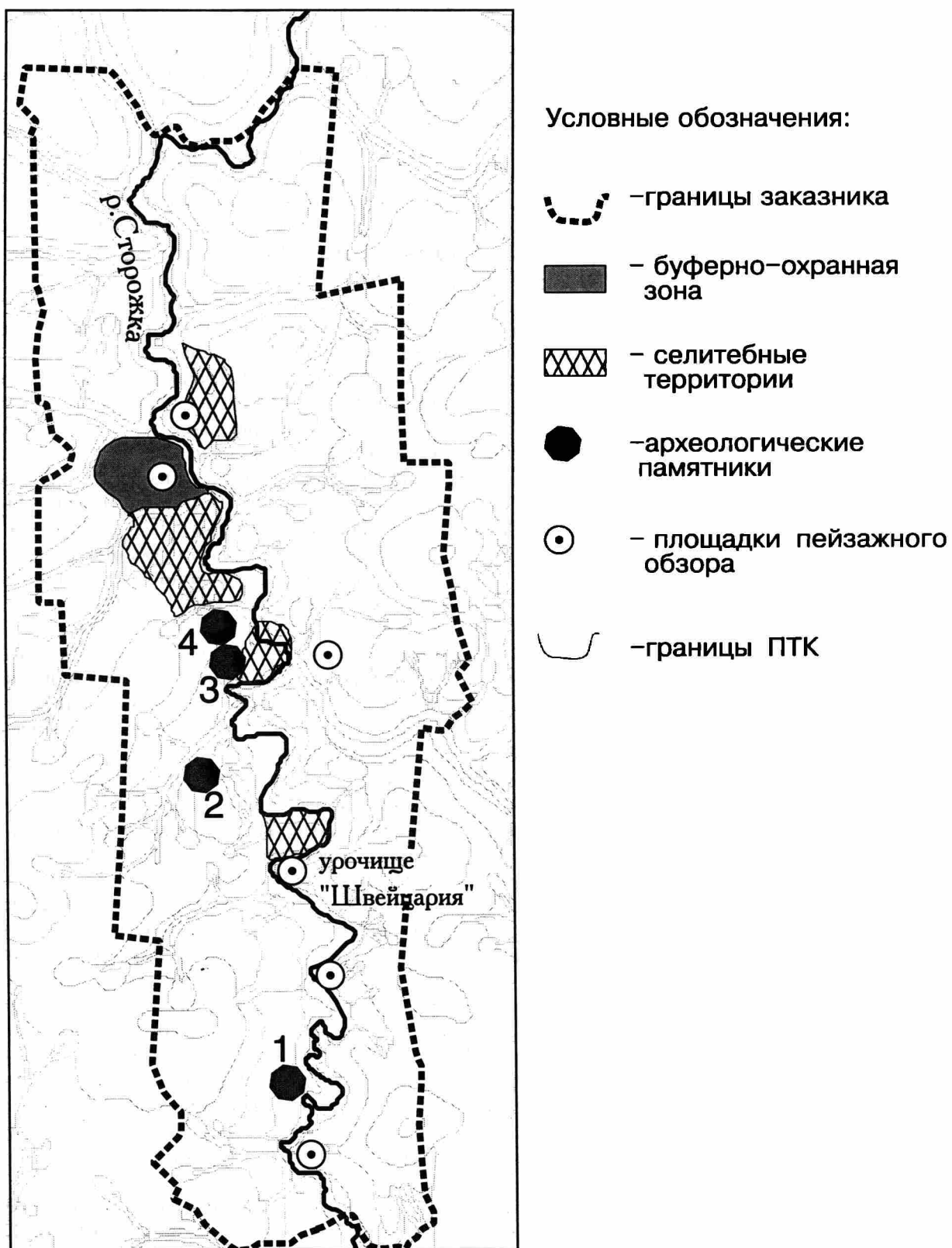

Рис. 17. Заказник «Долина р. Сторожки»

семилопастные височные кольца, витые тройные гривны с раскованными концами, бусы стеклянные боченковидные, шарообразные фиолетового цвета и бесцветные, сердоликовые бусы, браслеты витые тройной, четверной, плетеный, пластинчатый ушастоконечный, монето-видные и ажурные привески, гончарные древнерусские сосуды, железные ножи и т. п.

Подобное уникальное сочетание живописной природы, замечательных ландшафтно-исторических комплексов с сохранившимися историческими памятниками создает необходимые предпосылки для заповедования этой территории.

3. Дальнейшее развитие и применение ландшафтно-археологических ГИС

3.1. Реконструкции ландшафтов и землепользования в различные исторические периоды

Важным научно-методическим аспектом разработки и применения ландшафтно-археологических ГИС является формализация и автоматизация реконструкций природной обстановки и природопользования в определенные исторические периоды. Несмотря на то, что используемый при этом ландшафтно-эдафический метод включает сопряженный анализ ограниченного ряда параметров природной среды, создание таких карт пока было процессом во многом творческим, выполняемым немногими высококвалифицированными специалистами с огромным опытом подобных работ. Составление логических формул, включающих основные характеристики ПТК и их взаимосвязи, написание программ расчета по этим формулам состояний ПТК и видов природопользования позволяет доверить составление карт компьютеру. Сравнение полученных результатов повышает кондиционность конечных продуктов. Однако такие программы автоматического картографирования, прежде чем стать элементом ГИС, нуждаются в тщательной проверке на ключевых участках.

3.2. Учебные ландшафтно-археологические экскурсии

Авторами данной статьи разрабатываются методика и проводятся комплексные ландшафтно-археологические экскурсии для школьников, студентов и туристов, в ходе которых освещаются разные аспекты географии и археологии конкретной территории, прослеживаются особенности формирования и развития ландшафтов, взаимоотношений человека и ландшафта с момента возникновения первых поселений и до наших дней. Важным элементом данных экскур-

сий является работа с разнообразными картографическими материалами. Ознакомление с географическими картами в ходе экскурсии предоставляет уникальную возможность сопоставить абстрактные изображения на карте с реально наблюдаемыми объектами.

В подготовке картографического материала широко используются ландшафтно-археологические ГИС. Они позволяют быстро создавать и распечатывать необходимые для данной экскурсии карты (пример схемы экскурсии в «Коломенское» представлен на рис. 18). В случае учебных экскурсий заготавливаются бланковки для выполнения контрольных заданий. Например, в ходе экскурсии со школьниками или студентами мы предлагаем им наносить на бланковки схему маршрута, отмечать станции наблюдений, места интересных находок.

Заключение

В описанной выше ландшафтно-археологической ГИС географические данные получают временной аспект в виде конкретных исторических срезов, характеризующих развитие территории, а историческая информация пространственную интерпретацию. Обработка пространственной информации средствами ГИС дает возможность получать точную количественную оценку площадей исследуемых объектов и проводить статистический анализ. Создаваемая ГИС является не просто средством инвентаризации и визуализации материала, она позволяет:

- подключать различные картографические материалы, сопоставление которых чрезвычайно затруднено из-за разномасштабности;
- проверять и сопоставлять результаты, полученные традиционным путем (например, логические ландшафтно-эдафические реконструкции) или формальными методами;
- автоматизировать процесс реконструкции ландшафтной структуры территории или природопользования, процесс составления карт функционального зонирования и мониторинга на ландшафтной основе в ходе компьютерной обработки данных;
- повысить кондиционность выводов при сравнении результатов, полученных разными методами и сравнивать результаты исследований различных территорий за счет перевода в электронную форму и унификации данных;
- проводить компьютерные эксперименты и решать обратные задачи, проверяя их в полевых условиях.

Такие ГИС существенно облегчают сопряженный ландшафтно-археологический анализ конкретной территории в конкретные промежутки

Рис. 18. Музей-заповедник «Коломенское». Схема ландшафтно-археологической экскурсии

времени, позволяют проследить динамику издавна используемых человеком ландшафтов и наполнить исторические данные ландшафтным содержанием. Они могут быть использованы не

только для научных исследований, но и в просветительских и образовательных целях, при обучении студентов и школьников, в экскурсионном и музейном деле.

Литература

- Александровский А. Л., 1995. Почвы археологических памятников бассейна р. Пахры как источник информации о природных и социально-экономических процессах // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Александровский А. Л., Кренке Н. А., Спиридонова Е. А., Янишевский Б. Е., 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье // ТАС. Вып. 3. Тверь.
- Анненская Г. Н., Жучкова В. К., Калинина В. Р., Мамай И. И., Низовцев В. А., Хрусталева М. А., Цесельчук Ю. Н., 1997. Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск.
- Громова Г. А., Низовцев В. А., Шмакова А. Б., 2000. Концепция развития территории Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника и его охранной зоны как комплексного объекта историко-культурного и природного наследия // Экологические проблемы сохранения природного и культурного наследия. М.
- Кренке Н. А., 1995. Археологическая карта заповедника «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Кренке Н. А., Низовцев В. А., 1997. Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М.
- Кренке Н. А., Низовцев В. А., 2000. Ландшафтно-исторические зоны Природно-исторического заповедника-леспаркхоза «Горки» // Мониторинг состояния природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Кренке Н. А., Низовцев В. А., Онищенко М. В., Фурманова Ю. Г., 1997. Ландшафтно-исторический подход к функциональному зонированию природно-исторических территорий // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М.
- Марченко Н. А., 2004. ГИС технологии и ландшафтно-исторические исследования // Краеведение и регионоведение. Владимир.
- Марченко Н. А., Низовцев В. А., Онищенко М. В., 2001. Создание и применение ландшафтно-исторических ГИС территорий историко-культурного назначения // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М.
- Низовцев В. А., 1995. Ландшафтно-экологическая характеристика района ГИЗЛ «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Низовцев В. А., 1999. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования // ВМУ. Сер. 5. География. № 1.
- Низовцев В. А., Горбатов А. В., Неводниченко С. Н., 2000. Заповедник «Горки» — уникальный природно-исторический район Подмосковья // Мониторинг состояния природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Низовцев В. А., Зырянова Е. В., 2000. Топонимические свидетельства антропогенных воздействий на ландшафты Подмосковья // Экология и образование. Региональные проблемы. Орехово-Зуево.
- Низовцев В. А., Марченко Н. А., Беляева Е. Н., 2001. Антропогенная динамика ландшафтной структуры Ближнего Подмосковья в XVII–XX веках // ВМУ. Сер. 5. География. № 4.
- Низовцев В. А., Мельник М. В., Лаукарт Л. В., 1995. Палеоре-конструкция природопользования в период раннего земледелия в районе мемориальной зоны ГИЗЛ «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Низовцев В. А., Мельник М. В., Лаукарт Л. В., Онищенко М. В., Фурманова Ю. Г., Кренке Н. А., Иванов А. А., 1995. История хозяйственного освоения лесных ландшафтов ГИЗЛ «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Низовцев В. А., Онищенко М. В., 2000. Антропогенно-трансформированные почвы — объект экологического мониторинга Природно-исторического заповедника-леспаркхоза «Горки» // Мониторинг состояния природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Низовцев В. А., Фурманова Ю. Г., 1995. Методика ландшафтного подхода в реконструкции коренной растительности ГИЗЛ «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М.
- Новаковский Б. А., Прасолова А. И., Прасолов С. В., 2000. Цифровая картография: цифровые модели и электронные карты. М.

Цикл местнотимых пятничных праздников в округе Шерна¹

В 2002–2003 гг. на посаде открытого в 1975 г. древнерусского городища Шерна (в окрестностях деревни Могутово Щелковского района Московской области) (рис. 1) проводились археологические раскопки. Их проведение было связано с тем, что в 2001 г. близ городища кладоискателями было найдено 16 свинцовых печатей и 12 свинцовых пломб XI–XII вв., 6 из которых атрибутируются новгородским князьям Мстиславу Владимировичу и Всеволоду Мстиславичу. В ходе раскопок были изучены две усадьбы, зафиксировано 800 индивидуальных находок, в том числе одна свинцовая печать и одна пломба, а также их заготовки (Чернов, 2002. С. 79–86).

Параллельно с археологическими работами на посаде городища в течение полевых сезонов 2003–2004 гг. проводились дополнительные исследования с целью изучения микротопонимов в округе городища Шерна. В результате опроса 32 старожилов двух основных возрастных групп (1915–1925 и 1930–1940 годов рождения) были выявлены системы микротопонимов поселений Могутово, Еремино, Еськино, Рязанцы, Козино, Машино, Филипповское. Полученные сведения позволяют говорить о довольно хорошей сохранности устной топонимической традиции в этой местности, чему, несомненно, способствовала малая миграционная активность здешнего населения. Планируется продолжать опросы, в том числе в Еремине, Маврине, Глазунах, Рязанцах, Афанасове, Дворищах, Рожкове.

В ходе опросов старожильского населения был выявлен, в частности, цикл местнотимых пятничных праздников, судя по всему, древнего происхождения, которому и посвящена данная статья. Основная масса материала об этом цикле была получена от старожилов деревень Еремина и Еськина (в тексте они указываются под номерами в соответствии со списком респондентов, приведенным в конце статьи).

Цикл праздников. Всего в округе прослеживаются четыре пятничных праздника, которые соответствуют восьмой, девятой, десятой и одиннадцатой пятницам после Пасхи. Некоторые информаторы связывают их с тем, что «Христос ходил по своим местам после воскресения» (XXXII). В официальной церковной литературе такие праздники отсутствуют. В тоже время в числе народных календарных известны праздники, отмечаемые по пятницам (так называемые 12 пятниц) и существующие, по всей видимости, с древности.

Происхождение праздников. Пятничные праздники, строго говоря, не являются престольными: они существуют параллельно основным деревенским престолом и в этом сродни заветным. В Рязанцах и в Еськино престольными праздниками считаются Троица и Рождество Богородицы, в Еремине — Казанская и «Митриев» день, в Маврине — Владимирская и Сергиев день. Пятничный же праздник — нечто особо выделяемое. «Престольный у нас Казанская, а это — празднество» — говорят в Еремине (с ударением на «о») или даже, выделяя в первую очередь Девятую пятницу: «У нас празднество — Девятая Пятница, а так у нас Казанская» (XXIII, XXIV). Такое выделение праздника как особого, то есть не связанного с формальными престолами приходской церкви, характерно, как уже говорилось, и для категории заветных (или обетных) праздников. Однако в перечисленных населенных пунктах следов обетного поклонения выявить не удалось. Примечательно, что среди жителей окружающих селений можно столкнуться с попыткой объяснить пятничный праздник соседней деревни именно обетом, по-видимому, как более привычной формой.

Особенности празднования в разных селениях. Восьмая пятница празднуется в Афанасове, которое пока не охвачено опросами. Но, хотя оно и находится довольно далеко от изучаемой мест-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 03-01-18021е и № 04-01-18039е.

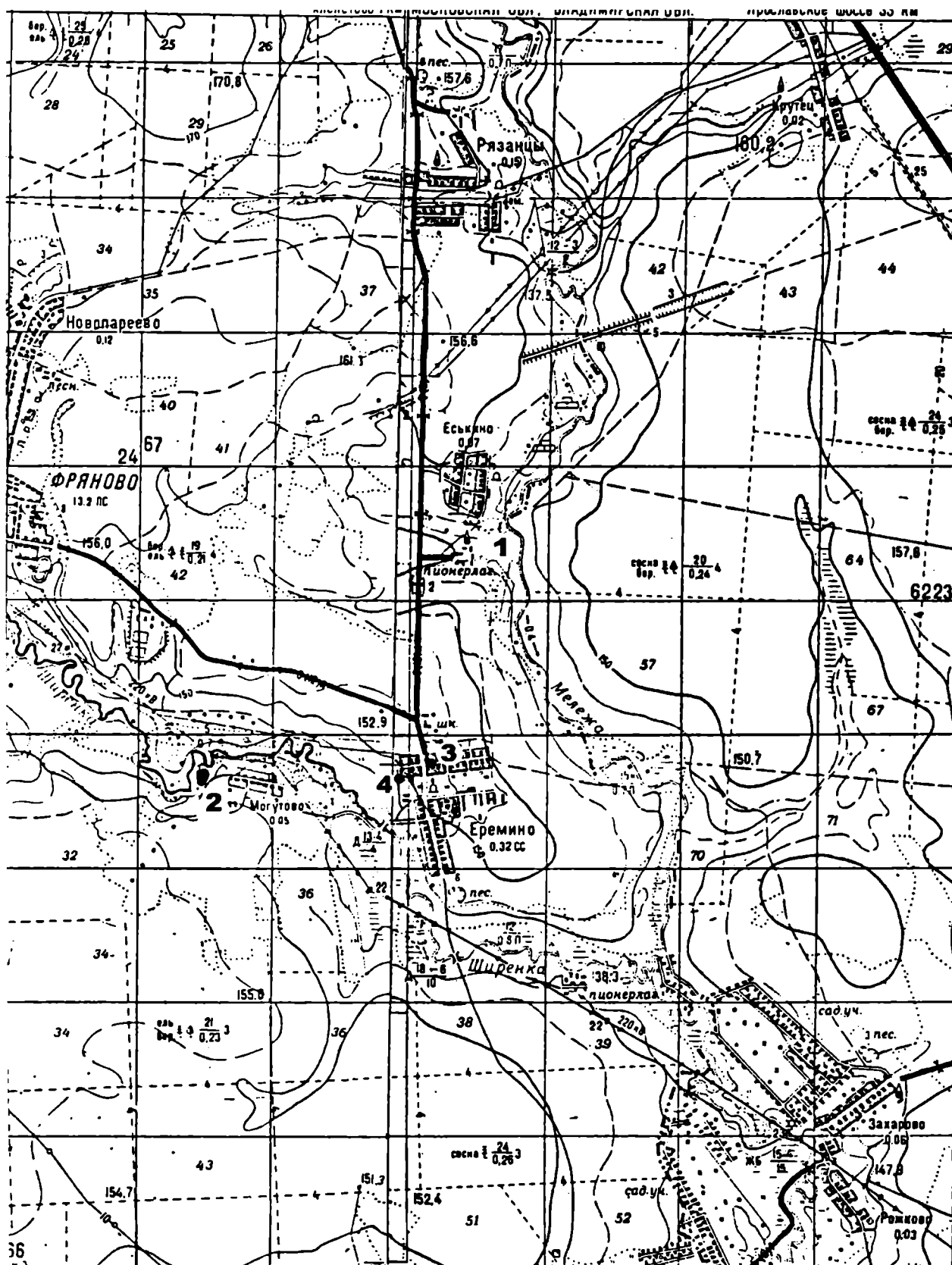

Рис. 1. Окрестности Шерны

1 — Святой Пятницкий колодец; 2 — городище Шерна; 3 — часовня, посвященная Девятой Пятнице Святой Параскеве в деревне Еремино; 4 — Громовой колодец

ности, здешние старожилы уверенно называют Афанасовским праздником именно восьмую пятницу, без сомнения включая его в общий цикл. Вообще, в сознании местных жителей череда пятничных праздников воспринимается именно как цикл, как нечто достаточно единое. Упоминая один из праздников, непременно вспоминают и про остальные.

Девятая пятница празднуется в Еремине, Десятая — в Еськине и Рязанцах, Одиннадцатая — в Маврине (в котором опросов также еще не было, изложенные в статье сведения происходят от жительниц других селений).

Все праздники связаны с водосвятием и со святыми колодцами, около которых проводятся особые обряды. В Маврине это Никольский колодец в Костышах; в Еремине, Еськине и Рязанцах — Святой Пятницкий лесной колодец. Про Афанасово уверенно говорят, что водосвятие у них тоже было, вот только про святой колодец не уверены, «но какой-то, наверное, свой у них есть».

Святой Пятницкий лесной колодец

Местонахождение. Святой Пятницкий колодец представляет собой родник с вытекающим из него

ручейком, который находится в неглубоком заболоченном овражке, в лесу между Еськиным и Ереминым (рис. 1). Лес этот смешанный, не очень густой, с обилием высокой травы (рис. 5). «Первый мост и направо в лесу колодчик. Наш колодчик. В Девятую пятницу молебном ходили. Святой великомученицы Параскевы» (IV). «Колодчик под Есинской — до леса дойдете и тропинкой, метров 500 колодчик. Иконка стоит. Святая вода там» (VI, VII). «Он святой испокон веку» (XXII). К нему идут дорожки и со стороны Еськина и со стороны Еремина. В заболоченной части овражка проложены гати (рис. 3).

Около колодца поставлен деревянный крест с иконами Богородицы и Николая Чудотворца, сам он забран в деревянный сруб. Сейчас нижняя часть его, находящаяся в земле, выложена кирпичными кольцами (рис. 4), раньше же он весь был деревянным. Колодчик, скамеечка возле него и засохший ствол дерева, на котором также висят иконки, обнесены невысокой изгородью (рис. 2).

Окружающий массив леса, называемого «Сеча», начинается от реки Мележи (в деревне Еремино принято называть Мележу — «Четверня») и идет до Фрянова. Небольшая его часть, в кото-

Рис. 2. Святой Пятницкий колодец

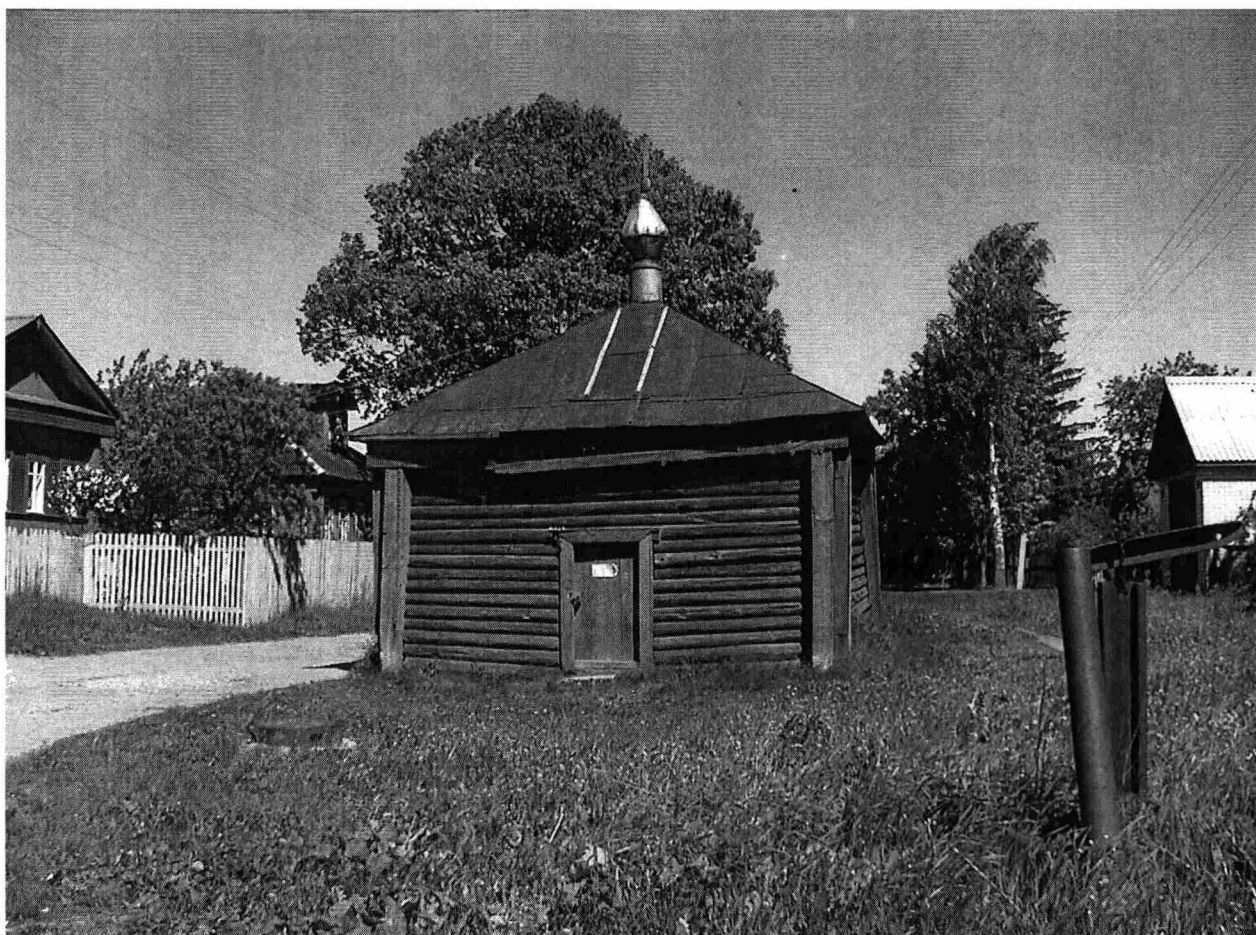

Рис. 3. Часовня, посвященная Девятой Пятнице святой Параскеве в деревне Еремино

рой собственно и расположен источник, отделена от основного массива дорогой из Еремино в Хлепетово. В настоящее время здесь шоссе, проведенное сравнительно недавно — в 1974 г., а раньше была дорога, по которой ездили во Фрянново на лошадях: «где лошадь ходила, там дорогу сделали» (пешком ходили более короткой тропой — напрямик через лес). Этот участок леса считается священным и одновременно, как часто бывает, опасным. Сюда традиционно не ходят ни по грибы, ни по ягоды, ни за другим «лесным товаром» («Не за чем туда ходить!», «боялись туда ходить, в овраг уводили черти»). Овражек идет от Мележи ко Фряннову и носит название Сатыв, не вполне ясной этимологии. На карте Генерального межевания около него написано «овраг Соткеева». Кроме того, Генеральное межевание показывает на этом месте некий землеотвод, не относящийся ни к землям Еськина, ни к землям Еремина.

Представляется возможным провести параллель с другим небольшим лесочком, расположенным неподалеку, около села Филипповское, — урочищем Самсоны, известным тем, что

«раньше тут пугали в этих Самсонах. Заводили людей... Заводили, пугали» (XI). «Самсоны-то поди. Так оттуда не выйдешь. — Самсоны — старое название. — Было время, да, Самсоны-то вот — Туда не ходите! — Да сейчас там уже ничего... — Да вот недавно какая-то зашла и пропала» (XIII, XIV). «Страшное» урочище, также как и Сатыв, — небольшого размера, с похожим названием, находится недалеко от другого Святого колодца — Никольского, «которому 600 лет, колодцу».

Надо сказать, что подобное опасливое отношение к округе святого места традиционно. Многие лесные часовенки, святы колодцы и другие святыни, по преимуществу несколько удаленные от жилья, считаются опасными, нечистыми, там или «леший водит» или «черт крутит». Не избежал этой участи, как видно, и Пятницкий святой колодец. Но есть и еще одна, хотя и довольно далекая аналогия. В Болгарии нельзя посещать особые самовильские кладенцы (русалочьи колодцы) и спать под священным самовильским деревом (Маринов, 1914. С. 191; Рыбаков, 1988. С. 678, 679).

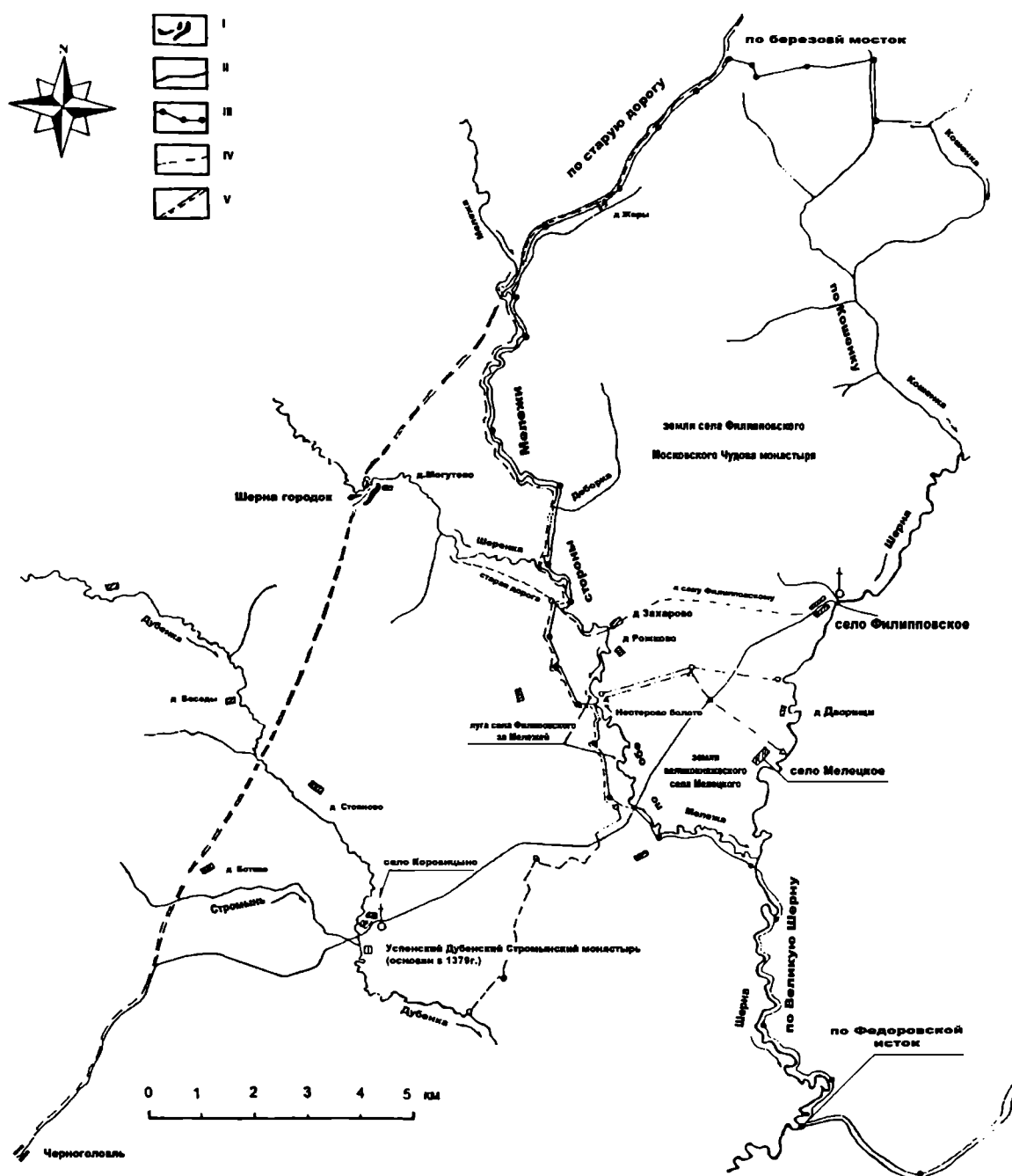

Рис. 4. Район Шерны-городка в конце XIV — начале XV в.

I — Шерна-городок (Могутовский археологический комплекс); II — трасса Стромьинской дороги из Москвы на Юрьев Польской (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2187); III — границы земель села Филипповского Московского Чудова монастыря по отводной грамоте Михаила Константинова сына Дорожаева (12.02.1378 — 20.07.1379); IV — «старая дорога к селу Филипповскому», упоминаемая в правой грамоте Василия I (1416–1417); V — трасса Старой Переславской лесной дороги (1381–1382) через Шерну-городок, упоминаемым в отводной грамоте Михаила Константинова сына Дорожаева (12.02.1378 — 20.07.1379) (Чернов, 2003. С. 8–10. Рис. 5)

Рис. 5. Фрагмент старой лесной дороги, выходящей к святому колодцу

Целебная вода. Вода из Пятницкого колодца считается лечебной, причем не только для людей, но и для скота (для коров). При «нужде», то есть при болезни или «немочи», ходили к колодцу за водой. «Заболеет человек — пойдешь — возьмешь водички. И корова заболеет — несем» (XXX). «Ходят туда, если кто болеет — поливаются этой водичкой» (XXII). «Вода святая, воду доставали и окачивались этой водой» (XXXI). Местные жители с гордостью рассказывают о способности святой воды Пятницкого колодца преодолевать разнообразные негативные воздействия. В 1980-е годы недалеко от него был построен ныне уже несуществующий трудовой лагерь, куда привозили детей из Чернобыля. «Они попьют — и здороваются» (XXII). Говорят, что в советское время пытались осквернить родничок. «Что только ни делали, а он все равно очищается». Чистоту воды невольно сравнивают с новообразованными «святыми источниками» на окраине Еремина и около Троицкой церкви в Рязанцах. Там вода застаивается, а в Пятницком колодце — нет, даже если им долго не пользуются. Подчеркивается и традицион-

ность Пятницкого колодца: «Он святой испокон веку» (XXII).

Есть свидетельства о приношениях колодцу. По уверению местных жительниц «туда деньги кидают» (XXV).

Посвящение колодца. Пятницкий колодчик вполне традиционно посвящен Святой Параскеве. «Повсюду на громадном пространстве земли, населенной православным людом, целебные роднички-криницы и святые колодцы поручены особому покровительству Святой Пятницы» — пишет С. В. Максимов. (1994. С. 192; Панченко, 1998. С. 153). Ей же посвящены и упомянутые пятничные праздники. В деревенских избах здесь можно встретить среди икон образ Параскевы Пятницы (рис. 6).

Девятая пятница. Празднование, связанное со святым Пятницким колодцем приходится на девятую пятницу после Пасхи: «У нас праздник не в числах, а на девятую пятницу после Пасхи», — и связывается с именем святой Параскевы-Пятницы. В церковном календаре на этот день (девятую

пятницу после Пасхи) не приходится никаких упоминаний о Параскеве. На девятую пятницу празднуется день памяти новгородского святого Варлаама Хутынского (или Худынского), известного борца с нечистой силой. В связи с этим исследователи связывают факты празднования Девятой пятницы с новгородскими традициями. Так Д. К. Зеленин считает этот обычай отголоском праздника «все святые» и, в частности, доказательством «новгородского происхождения русских насельников Вятского края» (Зеленин, 1994. С. 151–163). А. А. Панченко также отмечает новгородскую традицию празднования так называемой Варламинской пятницы (Панченко, 1998. С. 172–173). В Вологде присутствие церкви Варлаама Хутынского, по мнению исследователей, маркирует принадлежавший новгородцам участок торгова (Миров, Мухин, 1994. С. 24).

Празднование Девятой (и Десятой) пятницы

Канун праздника. В Еремине, Еськине и Рязанцах празднование дня Параскевы-Пятницы проходит следующим образом. В канун праздника жители идут на святой колодчик, чистят его, убирают, косят траву вокруг него и по дороге. В Еремине, где стоит посвященная Параскеве-Пятнице часовенка, убирают и моют часовню, стирают полотенца и т. д. Празднуются и Девятая и Десятая пятницы, однако приготовления, по большей части приходится все-таки, естественно, на канун Девятой.

Пятницкая часовня. Ереминская часовня, посвященная «Девятой Пятнице, Святой Параскеве» — это небольшое деревянное, квадратное в плане строение без окон (рис. 3) Раньше, как говорят, стояла она на четырех валунах. Сейчас уже валунов не видно: то ли повытащили, то ли они ушли в землю. Часовенка была объявлена памятником деревянного зодчества и поставлена на государственную охрану, что помогло ей уцелеть до нашего времени, тогда как часовню в другой части Еремина (на Борисовке) и часовню в Могутове разобрали полностью. У часовни традиционно есть своя хозяйка — женщина, которая хранит ключи и следит за порядком в часовне. Сейчас ключи у местной старожилки — Любы Ванчариной (фамилия эта принадлежит местным крестьянским родам. Могила Ванчариных, по крайней мере, XIX в., есть на местном кладбище у Троицкой церкви в Рязанцах).

Крестный ход. Обряды. Непосредственно в праздник в деревню приходит священник из

Троицкой церкви в Рязанцах, святит воду в чанах и скот, кроме лошадей, которых обыкновенно кропят в Егорьев день. В Еремине это происходит около часовни, в Еськине же ставят столы с чанами с водой на урочище Телятник возле Прогоня, по которому гонят скот. Потом крестным ходом обходят поля «с иконой и крестом вокруг деревни по полям от пожаров и чтоб родилось все» (XXX), «круг полей — урожай хранить» (XXXI).

После обхода полей идут крестным ходом на Святой колодчик. Идут туда с пением. По признанию местных жительниц специального пения у них, вроде бы, нет, поют, что знают: «Царица...», «Богородица», «Верую...». В церкви же на Девятую и Десятую пятницы читают «Акафист Параскевы». (XXVII) «Премудрая ми всехвальная Христова мученица Параскева, мужескую крепость приимши, женскою же немощь отвергши, Дявола победи и мучителя посрами, вопиюще и глаголющи: приидите, тело мое мечем ссецыте и огнем сожгите, аз бо радующихся иду ко Христу, жениху моему. Тоя молитвами, Христе Боже, спаси души наша» (Тропарь, глас. 4). «И с иконами приходили на колодец. Воду святит, воду доставали и окачивались той водой» (XXXI). Священник, произведя обряд водосвятия уходит, участники же шествия остаются у колодца, раздеваются донага и обливаются водой, сначала женщины, потом мужчины.

По некоторым сведениям «в Девятую пятницу и в огороде святили ... В этот день в каждом доме молебн служили» (IV). «Батюшка приходил, по домам ходил» (V).

История праздника в Еремине. Девятая, Десятая и Одиннадцатая пятницы приходятся на период Петрова поста. Празднование престолов в деревнях всегда связано с обильной трапезой, угощением гостей («праздника сам себе в гости зовет») и то, что праздник приходится на время поста, не может не вызывать неудобства, а следовательно и недовольства таким положением. В связи с этим в Еремине на «сходке» решили поменять праздник на Казанскую. Благословение было получено, все устроилось, но по прошествии какого-то времени «через сколько-то годов», как говорят старожилы, сгорело полдеревни. Пожар остановился только у часовни святой Параскевы. Подожгла местная юродивая. «Я совсем маленькая была, — рассказывает Елизавета Григорьевна Антонова, 1918 года рождения (IV), — когда полдеревни у нас сгорело. Подожгла одна свой дом, помешанная. Ночью сожгла и ушла. Ее посадили». После этого Девятую пятницу в Еремине снова начали праздновать, посчитав, что

пожар, без сомнения, наказание от Параскевы за отказ от празднования Девятой пятницы: «Пожар был в отместку, что перенесли престол» (XXII), «29 домов сгорело за то, что переименовали. И Бог наказал. Благословения не было» (XXIII, XXIV). Причем, если в Еремино еще помнят саму историю, то в устах жительниц Могутова она уже звучит несколько по-другому: «В Еремине то ли 24, то ли 40 домов сгорело. И поэтому они какую-то пятницу празднуют» (XV, XVI). Можно сказать, что, несмотря на существование реальной виновницы пожара, он однозначно воспринимается как наказание за конкретный проступок, совершенный даже некоторое время назад, за отказ от чествования Девятой Пятницы-Параскевы. Напомним, что крестные ходы на Девятую и Десятую пятницы были и «от пожаров», причем не только у жителей деревни Еремино, как можно было бы ожидать, но и в Еськине, и Рязанцах.

Празднование Одиннадцатой пятницы. Одиннадцатая пятница празднуется в селе Маврино, расположенном довольно далеко от района наших исследований. Туда собирается много народу, не только мавринских, но и из других мест: «Машины подъезжают и подъезжают». (XV). Мы были свидетелями того, как в 2004 г. могутовские жительницы собрались вместе и ездили на Одиннадцатую пятницу в Маврино. Немошным, оставшимся дома, привозили святой воды с мавринского водосвятия. Традиция паломничества во Владимирскую церковь Маврина и к Святому колодезю в Костышах давняя. Паломники, по свидетельству старожилов, ходили даже из Владимирской области. Шли через Мележу и здесь, в Еськино, на лужке у моста отдыхали. «На поклон ходили паломники, шли пешие из Киржача. Здесь у мостика отдыхали» (XXXII). Прекратилось пешее паломничество только в 1950-е годы (при Хрущеве).

Мавринская церковь, судя по описаниям, — небольшая изящная церквушка XVII в., иконы Богородицы с приделами Николая Чудотворца и Сергия Радонежского. Икона Божьей Матери из Маврина считается чудотворной: к ней и ходят паломники. Все слышанные мною описания иконы единодушно восхищенные, часто у людей просто не хватает слов: «Она такая, такая. Вот такая!», «Где ни стоишь — она на тебя смотрит: здесь стоишь — сюда смотрит, тут стоишь — туда смотрит», «Икона там Богородицы, как живая». На Одиннадцатую пятницу икону выносят двое мужчин и держат, а народ цепочкой подлезает под нее. Обязательное условие — подлезть надо пригнувшись. Широко

распространен обычай пролезания под плащаницей, но и случаи пролезания просто под почитаемой иконой тоже хорошо известны. Объясняют это древней символикой обрядового перехода в другой мир. (Панченко, 1998. С. 110–111). Интересно, что в Маврине праздник тоже пятничный, относится к общему циклу, а икона, которой он посвящен — образ Богородицы. Да и святой колодез — Николаевский. Исследователи отмечают факты смешения традиций почитания святой Параскевы и Богородицы, а А. А. Панченко даже приводит свидетельство, что в Новом Осколе в 1892 г. икону Богородицы называли «Пятница» и совершали торжественное богослужение в девятую пятницу (Панченко, 1998. С. 158). Он приводит случаи такого же обрядового пролезания под изображением уже именно святой Параскевы (Панченко, 1998. С. 115, 155). В Маврино исследования не проводились, поэтому судить об особенностях обряда и поклонения в настоящее время не представляется возможным. Отметим только, что Одиннадцатой пятницей завершается местный цикл Пятничных празднеств.

Покровительство св. Параскевы. Вернемся к Девятой и Десятой пятницам. Вышеназванные цели крестного хода выявляют некую картину «обязанностей» святой Параскевы в данной местности.

1. Параскева покровительствует водному источнику, родничку, вода которого считается целебной. В ее праздник происходит водосвятие, окропляют водой скот, обливаются водой люди.

2. Она определенно покровительствует скоту (особенно коровам), кроме лошадей, которые традиционно отданы под покровительство святого Георгия. В большинстве же селений этого региона скот святят все-таки на Троицу или на Семик (А. А. Панченко приводит сведения, что в Сибири Девятую пятницу тоже называют Семик. Однако в Подмоскovie Семик обыкновенно связывают все-таки с Троициным днем — Панченко, 1998. С. 175).

3. Она покровительствует урожаю, способствует плодородию полей и огородов, сохраняет урожай в дальнейшем.

4. Есть еще одно, упоминаемое свойство — «от пожаров» (обычно считается, что от пожаров хранит другая пятница — Ильинская; Панченко, 1998. С. 172).

Если же мы обратимся к каноническому образу св. Параскевы, то тут складывается совершенно иная картина. В ней видели главным образом покровительницу женских занятий, особенно прядения. Св. Параскева запрещала пряхь по

пятницам, наказывала ленивых девиц и невнимательных матерей, помогала при родах, защищала дом и брак, посылала хороших мужей девушкам, которые просили ее об этом, и являлась покровительницей купцов.

Как видно, у покровительницы Пятницкого Святого колодца другой круг «обязанностей», нежели у привычного образа Параскевы. Интересно отметить, что образы эти настолько далеки друг от друга, что даже в Энциклопедическом словаре «Славянская мифология» (1995) в статье о святой Параскеве ни словом не упомянута ее «водная ипостась», тогда как в статье о воде прямо говорится о ней, как о неоспоримой «покровительнице водной стихии». Встречаются такие разногласия и в других работах публикациях (Левин, 2004).

Петров пост. Примечательна история учреждения того самого Петрова поста, на первую пятницу которого приходится чествование св. Параскевы в деревне Еремино, да и остальные пятничные праздники тоже на него приходятся. «Русская церковь уже в первой половине XI в. осуществила наступление на цикл пышных и многодневных разнообразных языческих празднеств, пришедшихся на середину лета, — пишет Б. А. Рыбаков, — учредив неизвестный грекам Петровский пост в середине лета. Даже митрополит-грек Георгий (1061–1073) недоумевал по поводу этого русского нововведения: «Несть лепо подражати мясопусту других по пятничности чрез письма свята — един бо мясопуст уставихом» [Голубинский, 1901. С. 465]. Прадедовская русальная неделя, Купала и весь двенадцатидневный цикл летних солнечных игрищ и пиршеств подпадали под запреты Петровского поста. Вплоть до XIX в. в народе ощущалось неудобство и как бы незаконность этого поста: «Пост этот выдумали попы вместе с бабами» [Максимов, 1994. С. 477]. Другого случая такого давнего и упорного расхождения церковного календаря с народным мы не знаем» (Рыбаков, 1988. С. 649, 742, 743).

Встречается немало бичеваний колодезных молений в русской церковной литературе. В специальном поучении «Петра недостойного сказание о посте и о молитве устава и чина церковного», появившемся в XII–XIII вв., бичевались как раз такие грехи, как «моленья колодезная и речная, песни бесовские...» (Рыбаков, 1988. С. 650–651) В «Слове св. отец о постах» вместе с убийством, разбоем, прелюбодеянием упоминаются также «моления колодезная и речная» (Аничков, 1914. С. 84). Сборник церковных поучений XVI в. «Стоглав» сетует, что в первый понедельник по-

сле Петрова поста «в рощи ходят и в наливки бесовские потехи деяти... а православным христианам не подобает тако творити» (Стоглав, 1862. С. 142). А в Великом Устюге еще в конце XIX в. существовал похожий обычай — в понедельник Петрова поста обливаться водой на улицах всем жителям, хотя случайным свидетелям это казалось довольно странным и «безобразным» (Случевский, 1897. С. 142).

Старая Переяславская лесная дорога. Неподалеку от Святого Пятницкого колодца могла проходить трасса Старой Переяславской лесной дороги. Он располагается примерно в том месте, где «старая дорога» локализуется по сведениям Отводной грамоты на земли села Филипповского, данной по слову великого князя Дмитрия Донского (между февралем 1378/79 и июлем 1379), и границам земельной дачи села Филипповского на Плана Киржачского уезда Генерального межевания XVIII в. Она совпадает с реконструируемой частью дороги через Крутец и Жары (Чернов, 2003. С. 8–10. рис. 5). По-видимому, где-то неподалеку от Пятницкого колодца дорога пересекала р. Мележу (рис. 5).

В священном лесу около Пятницкого колодца есть остатки какой-то старой дороги. Возможно, это сохранившееся свидетельство того, что Старая Переяславская лесная дорога сворачивала к колодцу (рис. 4).

Противоречивому и необычному культу святой Параскевы-Пятницы в России посвящено огромное количество работ. Многие исследователи отмечают слияние в образе Параскевы нескольких различных культов. «Кроме разнообразных обрядов и поверий, относящихся к культу Святой Параскевы, в России была распространена устойчивая группа фольклорных текстов о почитании пятничного дня недели. Нередко в них сливаются образы святой Параскевы и Пятницы, как олицетворения священного дня недели» — пишет, в частности, А. А. Панченко (1998. С. 164).

При этом официальной церковью праздник Параскевы-Пятницы отмечается «в числах» 28 октября, соответственно, на пятницу он приходится отнюдь не всегда и считается праздником Параскевы-Льяниницы (правда на один из дней непосредственно перед ним приходится празднование «Девятой пятницы языческого года») (Чичеров, 1957. С. 13, 37, 44; Рыбаков, 1988. С. 727). Девятая же и Десятая пятницы (также как и Восьмая и Одиннадцатая) после Пасхи, которые входят в вышеописанный Пятничный цикл, никак со святой Параскевой официально не свя-

заны. Следует признать, что это скорее свидетельство поклонения пятничному дню недели.

В работах Б. А. Рыбакова, В. В. Иванова, В. Н. Топорова и др. встречается мнение, что пятница была днем Фрейи, Макоши — языческой предшественницы Параскевы-Пятницы (Рыбаков, 1981. С. 388–392; 1988. С. 659–661; Иванов, Топоров, 1982. С. 175–197). Вполне возможно, что различия, наблюдаемые в данном случае между каноническим образом святой Параскевы и фигурой покровительницы Святого колодца, можно объяснить первоначально почитанием некоего другого образа. Поклонение Макоши часто связывают с культом бога-громовержца, замененным в христианстве Ильей-пророком. Илье-пророку не менее традиционно, чем Параскеве-Пятнице, посвящались так называемые гремачие — громовые — колодцы. Такой колодец-родничок, пробитый по легенде молнией, есть и в Еремине недалеко от Пятницкой часовни. Именно с этим, возможно, связана приписываемая местным населением покровительнице святого колодца способность хранить от пожаров.

Из рассказов участников шествия к святому колодцу очевидно, что в своих действиях ни они сами, ни священник не видят никакого противоречия или расхождения с христианством. В связи с этим еволюционно вспоминается попытка отказа от празднования Девятой пятницы как праздника престольного, когда в качестве основания просьбы о смене престола жители называли неудобство празднования в пост. Петров пост был когда-то введен церковью именно для отказа от языческого праздника. Усилия церкви оправдались: первоначальный смысл праздника уже в

начале XX в. стал непонятным для жителей Еремина и они, несомненно, полностью воспринимали его как православный.

Расцвет жизни на городище Шерна приходится на период настойчивого внедрения культа Богоматери во Владимиро-Суздальской Руси. Среди находок в Могутове есть небольшая медная иконка-привеска с образом Богоматери. Считается, что их появление связано именно с политикой Андрея Боголюбского относительно распространения поклонения образу Владимирской Богоматери (Седова, 1974. С. 191; 1988. С. 272). В то же время признано, что в XII в. происходит общее возрождение языческих традиций, в том числе и летних календарных праздников, так называемых русалий, приходящихся как раз на то время года, когда празднуются в этой местности вышеупомянутые Пятницы (Рыбаков, 1988. С. 743). Не исключено, что истоки вышеописанных деревенских праздников очень ранние и относятся к периоду активного освоения этой территории (может быть и новгородцами). В качестве аргументов тут можно привести и совпадение времени празднования с Петровым постом, введенным в XI в., и различия в образах канонической Параскевы-Пятницы и Пятницы, покровительствующей Еремину; и особенности самого празднования; и наличие в этой местности целого цикла праздников, приходящихся на период, когда в древности как раз проходил цикл летних солнечных праздников, а также совпадение празднования с днем памяти новгородского святого, наличие древней Переяславской лесной дороги неподалеку от святого колодца и находки печатей новгородских князей на территории посада городища.

Литература

- Аничков Е. В., 1914. Язычество и Древняя Русь. СПб.
 Голубинский Е. Е., 1901. История русской церкви. М. Т. I (вторая половина).
 Зеленин Д. К., 1994. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М.
 Иванов В. В., Топоров В. Н., 1982. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. М.
 Левин Ив., 2004. Христианские источники культа св. Параскевы // Двоеверие и народная религия в истории России. М.
 Максимов С. В., 1994. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.
 Маринов Д., 1914. Народна вера и религиозни обычаи. София.
 Мирон А., Мухин А., 1994. Числиха // Лад. № 2. М.
 Панченко А. А., 1998. Народное православие. СПб.
 Рыбаков Б. А., 1981. Язычество древних славян. М.
 Рыбаков Б. А., 1988. Язычество Древней Руси. М.
 Седова М. В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура Средневековой Руси. Л.
 Седова М. В., 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М.
 Славянская мифология. Энциклопедический словарь, 1995. М.
 Случевский К. К., 1897. По северу России // По северо-западу России. Т. I. СПб.
 Стоглав, 1862. Казань.
 Тропарь // Акафист Святой Параскевы. М., 2004.
 Чернов С. З., 2003. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предистории Московской земли в первой половине XII века. Первые опыты интерпретации. Летописное известие 1177 г. и реконструкция трассы дороги из Москвы в Переяславль // Древняя Русь. № 3 (13). М.
 Чернов С. З., 2002. Сфрагистический комплекс из Могутова его значение для изучения предистории Московской земли в первой половине XII в. // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.
 Чичеров В. И., 1957. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. М.

Старожилы упоминаемые в статье:

- IV — Антонова (Фомина) Елизавета Григорьевна 1918 г. р. (д. Еремино)
- V — Миронова Екатерина Васильевна 1918 г. р. (д. Еремино)
- VI — Спирин Василий Петрович 1938 г. р. (д. Еремино)
- VII — Подгорный Иван Васильевич 1928 г. р. (д. Еремино)
- XI — Трофимов Александр Ефимович 1927 г. р. (с. Филипповское)
- XIII — Груздева Александра Ивановна 1916 г. р. (с. Филипповское)
- XIV — Монахов Евгений Константинович 1927 г. р. (с. Филипповское)
- XV — Мануйлова Мария Ивановна 1931 г. р. (д. Могутово)
- XVI — Кошелева Анна Федоровна 1929 г. р. (д. Могутово)
- XXII — Филимонова Мария Ивановна 1926 г. р. (д. Еремино)
- XXIII — Спирина Зинаида Александровна 1927 г. р. (д. Еремино)
- XXIV — Спирина Александра Петровна 1929 г. р. (д. Еремино)
- XXV — Спирина Екатерина Ивановна 1935 г. р. (д. Еремино)
- XXVII — Серова Валентина Сергеевна 1937 г. р. (с. Рязанцы)
- XXX — Прокофьева Евдокия Григорьевна 1925 г. р. (д. Еськино)
- XXXI — Крутова Анна Гавриловна 1918 г. р. (д. Еськино)
- XXXII — Володина Валентина Семеновна 1928 г. р. (д. Еськино)

Сведения об авторах

Аверьянов Константин Александрович — Институт российской истории РАН

Алексеев Алексей Викторович — Институт археологии РАН

Вишневский Владимир Игоревич — Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.

Глазунова Ольга Николаевна — Институт археологии РАН

Гольева Александра Амуриевна — Институт географии РАН

Гоняный Михаил Иванович — Государственный Исторический музей

Двуреченский Олег Викторович — Государственный Исторический музей

Зайцев Василий Васильевич — Государственный Исторический музей

Зеленцова Ольга Викторовна — Институт археологии РАН

Мазуров Алексей Борисович — Коломенский государственный педагогический институт, г. Коломна
Московской обл.

Марченко Наталья Адольфовна — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Низовцев Вячеслав Алексеевич — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Полюях Анатолий Александрович — Музей истории города Москвы

Самошин Сергей Иванович — Коломенский краеведческий музей, г. Коломна Московской обл.

Сидоров Владимир Владимирович — Институт археологии РАН

Смирнов Алексей Николаевич — Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С.
Пушкина в с. Большие Вяземы, Одинцовский р-н Московской обл.

Столярова Екатерина Карленовна — Российский государственный Гуманитарный университет

Сыроватко Александр Сергеевич — Археологическая служба города Коломны

Трусов Александр Васильевич — Музей истории города Москвы

Цепкин Евгений Алексеевич — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Черкасов Виталий Викторович — Археологическая служба города Коломны

Шебанин Геннадий Алексеевич — Центр по охране и использованию памятников истории и
культуры Тульской области

Шеков Александр Владимирович — Тульский государственный университет

Шполянская Дарья Валерьевна — Государственный Исторический музей

Щербаков Виталий Владимирович — Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.

Энговатова Ася Викторовна — Институт археологии РАН

Янишевский Борис Евгеньевич — Институт археологии РАН

Принятые сокращения

АЕ — Археографический Ежегодник
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
АИСЗР — Аграрная история северо-запада России XVI века
АКР — Археологическая карта России
АМГ — Акты Московского государства
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.
АСК — Археологическая служба г. Коломны
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ВМУ — Вестник Московского университета
ВНК — Всероссийская Нумизматическая конференция
ВУА — Военно-ученый архив
ГВИПМЗ — Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
ГИЛМЗ — Государственный историко-литературный музей-заповедник им. А. С. Пушкина
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГРМ — Государственный Русский музей
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ — Музей истории города Москвы
МК — Московская керамика: новые данные по хронологии
МНО — Московское нумизматическое общество
НС — Нумизматический сборник
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ
ОПИ ИА РАН — Отдел полевых исследований ИА РАН
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства
ПЭ — Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Сборник Государственного Эрмитажа
СИРИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
СПГИХМЗ — Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
ТАС — Тверской археологический сборник
ЭБ — Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедычны даведнік

Научное издание

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара. Выпуск 2

Подписано в печать 15.12.2005 г. Формат 60×84/8.
Печ. л. 43,5. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 400 экз. Заказ № 738.

Институт археологии РАН,
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.